

0-86
-73198

Станислав
Отрыванов

*Мужик
на своей
земле*

Книга вторая

Национальная библиотека ЧР

k-073198

СТАНИСЛАВ ОТРЫВАНОВ • ЧУЖИЕ НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

роман в двух книгах
книга вторая

к 0-86
Станислав Отрыванов

Чужие на своей земле

Роман в двух книгах

Книга вторая

Чебоксары • 2015

УДК 821.512.111

ББК 84(2Рос=Чув)6-4

О 86

О 86 Отрыванов С.Г.

Чужие на своей земле. Роман в двух книгах. Книга вторая. – Чебоксары, 2015. – 500 с.

Вторая книга романа Станислава Отрыванова «Чужие на своей земле» продолжает повествование о драматических судьбах жителей деревень и сел Норусовского края Чувашии, на долю которых выпали тяжелые испытания. Это произведение о людях, испокон веков связавших свою жизнь с матушкой-землей. Герои – сельские труженики: колхозники, молодежь, старики и дети, чьи заботы и чаяния близки и понятны автору. В неразрывный узел сплелись разные характеры тех, кто умеет преданно любить и безжалостно ненавидеть.

К-73198

Национальная библиотека
Чувашской Республики

ISBN 978-5-905486-10-4

© Отрыванов С.Г., 2015

*Двадцатый век сурово хмурит брови,
Мы дети века, стыд нам и позор:
Ведь никогда так много лжи и крови
Не проливалось в мире до сих пор.
Двадцатый век устало щурит веки,
Мы дети века, честь нам и хвала:
Быть может, никогда, как в нашем веке,
Мир не боролся против лжи и зла.*

*Расул Гамзатов,
народный поэт Дагестана*

ВОЙНА

Пришла война сплошной бедою,
Страшна, чудовищно-горька.
Деревня стала сиротою
Без трактора, без мужика.

*Яков Ухсай,
народный поэт Чувашии*

1

22 июня 1941 года гитлеровская Германия без объявления войны вторглась на территорию СССР. Началась самая тяжелая, самая жестокая из всех пережитых нашей Родиной война.

Разработка детального плана военного нападения на нашу страну была начата в июле 1940 года. Окончательный вариант, получивший название «План Барбаросса», был утвержден 18 декабря 1940 года. Гитлеровские стратеги планировали нанести поражение Советскому Союзу в кратковременной кампании и закончить войну к осени 1941 года. Они рассчитывали в скором времени овладеть важнейшими промышленными, политическими центрами и присоединить к Германии всю европейскую часть Союза. Правители фашистской Германии были убеждены в непрочности Советского государства, не сомневались в быстрой победе.

Скрывая свои истинные цели, германское командование за два дня до начала боевых действий разослало в воинские части инструкции «по освобождению России от большевистского ига».

Гитлеровская Германия, ее сателлиты сосредоточили вдоль границы СССР 190 дивизий, 5,5 миллионов солдат и офицеров, почти 4 тысячи танков, около 5 тысяч боевых самолетов, свыше 47 тысяч орудий и минометов. Это была самая крупная в истории армия вторжения.

Несмотря на колоссальные трудности и многомиллионные потери, советский солдат водрузил Красное знамя на Рейхстаге. 9 мая 1945 года объявили днем Победы советского народа над фашистской Германией.

* * *

Дела у Георгия не ладились. С каждым днем отношения с Катериной все больше и больше заходили в тупик. На это были причины. Во время сенокоса, когда люди старались на зиму хоть немного заготовить корм для домашних животных, Георгий бродил по деревням, встречался со стариками, собирал какие-то там слова – названия деревень, урочищ, пытался уточнить их происхождение, исписывая тетрадку за тетрадкой. Георгий часто ночевал в других поселениях, будто не существовало родного дома, детей, даже забыл о сенокосе.

В середине июня из Казани на каникулы приехали сыновья. Катерина не могла на них наглядеться, подумала: «Ух, каналья, и тут постарался». Оба сына были вылеплены по образу и подобию отца. Небольшие ушки, курносость, конопатки на щеках, кудреватые черные волосы – всё было скопировано с него.

Петр окончил три курса ветеринарного института, а Миша стал второкурсником коммунального. Дома их встретили приветливо. Катерина для сыновей в первый же день нашла работу, попросила отремонтировать забор во дворе. Георгий, виновато посмотрев на парней, уехал по делам. Обещал вернуться к вечеру, но второй день где-то бродит. Домашнее хозяйство ведет шестнадцатилетняя круглолицая, курносая, черноглазая Нина. Четырнадцатилетний Василий вместе с матерью ходит в колхоз, наравне со взрослыми стогуется сено. Домой возвращается поздно, усталый, но довольный до безумия, говорит и говорит о делах колхоза, о советской молодежи.

С утра стоит солнечная погода, бригада деревни Ярмушка собралась после обеда косить сено на новом участке. Вася прибежал домой за косой, спросил об отце:

– Атте* не приезжал?

– Слоняется, бездельник, по белу свету, перепись оврагов проводит! – обиженно ответила мать. – Его дома ждут, убиваются, место себе не находят, а он, чудо-юдо, по деревьям шатается, какие-то сказки собирает.

Василию не нравится, когда мать начинает ругать отца, пытается его защититить:

– Не надо, апай*, бросаться такими словами!

– Какую перепись? – удивился Петр.

– Тетрадки вон – на полке, когда-нибудь в печь кину, – в сердцах ответила мать.

Вася подошел к этажерке, вытащил несколько тетрадей и передал братьям. Парни заинтересовались, начали изучать записи.

– Глянь, Петя! – толкнул брата Михаил. – У деревни Хумуш имеется второе название: «Яндова, Сявал поси тожь». Как это?

– Читай дальше, – отмахнулся Петр. – Есть, наверно, объяснение...

– То-о-чно!.. – удивлялся Михаил вслух. – Вот как! Туда переехали люди из Юндобы и Шинер, основали деревню...

– Ты про себя читай, не мешай! – не удержался Петр.

А Василий давай хвалить тетрадки отца:

– Ценные записи, мудрые слова настрочены, хотя и не всегда поймешь.

Катерина успокоилась, стояла у печки и думала: «Может, прав Георгий, если грамотные сыновья сразу заинтересовались тетрадками, забыв обо всем, уткнулись в записи. Значит, там есть нужные народу толковые слова». Не раз она слышала, как приезжие ученые люди с короткими бородками долго спорили и говорили: «Чувашскую книгу корова съела».

К обеду вернулся Георгий. Увидев Катерину, остановился. Губы у жены сурово сжались, с двух сторон отвисли, образовали полумесяц. Сама дышала глубоко, приготовилась дать бой, выжидая нужного момента.

– Ты что кислая, как позавчерашняя пахта? – улыбнулся Георгий, пытаясь обнять жену.

---

* А т т е – отец, папа.

* А п а й – мать, мама.

Катерина вспыхнула как спичка, но Георгию не хотелось вступать в словесную драку.

– Да ну тебе! – буркнула он.

Их перебранку нарушил Петр.

– Агге, я перешел на заочное отделение.

– Что же ты не посоветовался? – обиженно обернулся к нему Георгий.

– Подумал... ты поддержишь. У Миши штаны в заплатках, стыдно перед людьми. Вместе вытянем, обучим его... За Нину – за десятилетку приходится раскошелиться. Я побывал в роно, определился учителем математики в родную Ярмушку, могу и физику вести.

Георгий согласился. Семья продолжает ютиться в бане. Сруб для нового дома подготовил, но средств на большее нет. Прошлогоднее правительственное постановление об установлении платности обучения совсем из колеи выбило. Семья остаётся без копейки денег, зарплату приходится отдавать за учебу сыновей и дочери. Сто пятьдесят рублей в год потребовали за среднюю школу, а за институты пришлось выложить по триста рублей. Зарплата сельского учителя составляет около четырёхсот рублей в месяц. Пятьдесят рублей уходит на оплату страховки, пять рублей – на профсоюз, двадцать – подписка на займы. Не обращая внимания на передраги с женой, Георгий, сцепив зубы, старается дать образование детям.

Василий подошел к отцу, специально начал разговор о ФЗО:

– В будущем году осилю семилетку, уеду в Шубашкар*, стану строителем, буду возводить многоэтажные дома, помогу Пете и Мише закончить институты, Нине тоже нужна красивая одежда.

У Георгия от этих слов заблестели глаза, на губах заиграла улыбка. Он рад, что сын растёт с широкой душой, готов по первому зову родных броситься в огонь и в воду.

– Радио почему молчит? – подошел Михаил к черному круглому репродуктору, установленному около зеркала, и повернул ручку. Тишину в избе нарушил мужской голос:

«... Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие,

---

*Ш у б а ш к а р – Чебоксары.

крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду...».

– Кто это говорит? – спросил Петр.

– Голос Молотова... – насторожился отец.

Катерина хотела было выключить тарелку, в дневное время не любит слушать радио, но Георгий остановил её. Молотов продолжал передавать важное сообщение:

«...Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии. вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина...».

В это время в избу влетела Нина и закричала:

– Война!.. Немцы напали на нас!.. Народ бежит к сельсовету!..

Георгий не услышал последних слов Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, у него в голове кружились мысли: «Ненадолго эта война, может, месяц, два, ну от силы три месяца. К зиме выгонят германские войска за пределы нашей страны».

По радио стали передавать военные марши. Музыка заполнила избу. Вдруг раздался дикий, рыдающий голос Катерины, она подбежала к сыновьям, обнимая их, запричитала:

– Сынки мои! – плакала она. – Как же так?.. Вас на войну затребуют!

– Война милости не знает, через трупы шагает, всех метит – кого шрамом, кого сединой, – пробормотал Георгий. – Жестокие бои разыграются за родную землю, потери тоже будут немалые. Надо, надо встретить врага в штыки...

Он стоял как ошпаренный, забыв о том, что сегодня в деревню Услаба после северной ссылки в новый дом со своей семьей заезжает Захар Узяков.

* * *

Много несправедливости на грешной земле. Жизнь порою бьёт прямо в висок. Бывало, Захар Узяков чувствовал себя раздавленным, но он не сдавался. Проходило время, он поднимался с колен, выпрямлялся и продолжал дышать земным воздухом – пахать, сеять, рубить лес.

Считает себя свободным человеком. По приезду с Севера отправился к двоюродной сестре Тоне в Анаткас Хабыз. Думал, задержится на два месяца – пролетел год. Пришлось ходить по кабинетам начальников – с трудом восстановили в избирательных правах. Власти не торопились исправлять свои ошибки, сразу не захотели признать бывших кулаков полноправными гражданами великой страны. С места поселения запросили справки на взрослых членов семьи. Письма шли долго, но хорошо хоть характеристики оказались положительными.

Председатель колхоза «Броневик» Владимир Смирнов всей душой старался помочь Захару, но не мог передать колхозную землю для строительства жилья – законы не позволяли.

– Чего ты в деревню голову суешь? – шепнул он. – Колхозники с голоду пухнут, по трудодням третий год ничего не выдаем, приходится надеяться только на приусадебный участок. Люди за паспорт готовы душу отдать, зацепиться за город или переселиться в Сибирь, осваивать новые земли, где имеется работа и хлеб.

– Мы недавно оттуда! – не сдавался Захар. – Зарыдала душа по родным просторам. Может, хочет навечно успокоиться на Нуросской земле.

– Отстал ты от жизни. уже два года живем в Калининском районе, – пытался пошутить председатель.

– В Услабу, только в Услабу! – твердо ответил Захар.

Смирнов готовился к сегодняшней встрече. Не трудно дом срубить, трудно фундамент заложить. Три месяца назад по решению райисполкома несколько семей из Услабы, Хумуш и Кивьял уехали в Карело-Финскую республику организовывать новый леспромхоз. Освободились участки земли под хозяйственные нужды и строительство дома. Смирнов лично выбрал место, получил разрешение в райисполкоме и вручил Захару Узякову ценную бумагу, обещая помочь поднять дом.

– Только, чур, не сражаться с колхозниками не обижаться на власть! – строго предупредил председатель.

– Давно рассеялись обиды на односельчан, – тихо проговорил Захар, но для убедительности добавил: – Не Сталин же пришел нас раскулачивать?..

– О том и толкую, – ответил Смирнов. – Не торопись, начинай новую жизнь с малого, придет время. всё уладится.

Захар давно во всем разобрался, привык держать язык за зубами. Ему было известно, что Семенов отгрохал двухэтажный дом, за что и погорел. Его раскулачили, отправили на несколько лет вкалывать на железной дороге.

Родовой дом Узяковых давно стал колхозным клубом, дворовые постройки были разобраны для хозяйственных нужд. Захар не стал утруждать председателя, купил дом в Анаткасе, раскатал, перевёз в Услабу и за месяц собрал новую избу. Больше всех радовалась старшая дочь Узяковых – Машшук Кириллова, жительница деревни Услаба, мать троих детей: Анфисы, Нины и Мигулая.

Временами одна дума не дает Захару покоя: «Куда дел Семёнов золотые украшения и где акт изъятия хозяйства и вещей?». Придет время, он спросит, ох как спросит, но пока об этом не хочется думать.

Воскресным днём июня анаткасахбызская лошадка повезла семью Захара из шести человек с нехитрыми пожитками в Услабу. За мостом через Хирлеп на косогоре стояли Машшук и Илларион с детьми. Девочки первыми увидели повозку, Нина и Мигулай побежали навстречу, тут же оказались в руках у бабушки и дедушки. У Захара и Анисы светились глаза, они шагали за повозкой с гордо поднятой головой.

– Война! – испуганно прошептала Машшук. – Война...

– Какая война? – разом спросили Узяковы.

– Немцы напали на нашу страну, – ответил Илларион.

Страшное известие каждый взрослый встретил по-своему. Машшук испугалась за мужа, его могут призвать на службу. Илларион готов был по первому зову отправиться защищать родную страну. Аниса стала плакать – может потерять Захара, а он подумал: «Как же такие предусмотрительные немцы могли устроить большую провокацию?».

Во время плена он неплохо изучил аккуратных в делах немцев. Но в состоянии ли они вести долгую, затяжную войну, хватит ли такой выносливости, как у русских? Как перенесут долгую русскую зиму? Конфликт надолго не затянется.

Вечером у Захара собрались родные. На минутку зашёл председатель Смирнов, пообещал принять в колхоз его семью без излишних проволочек.

Беда ходит за Захаром: утром на наряде услабинцы встали на дыбы, во всех своих колхозных неудачах продолжали обвинять

кулаков и единоличников. Больше половины членов правления проголосовали против семьи Узякова. Безвыходных ситуаций не бывает. Захар пошел в правление хумушского колхоза имени Папанина. Федот Саваров встретил его хмуро, но как только узнал причину прихода, повеселел, предложил возглавить небольшую бригаду плотников. Аниса стала членом первой полеводческой бригады. Петр ждал повестку на фронт, а девочки Ульби и Ирра – согласились выйти с матерью в колхоз. Дома осталась Анук, тётя Машшук согласилась по утрам её забирать к себе.

Днём Федота Саварова встретил Владимир Смирнов и от души поблагодарил соседа:

– Не смог уговорить членов правления, Семенов воду мутит. Однажды уже уткнули его в собственное дерьмо, никак не может успокоиться, – всё пыхтит, кидает камни в чужой огород.

– Что, вы его членом правления избрали? – удивился Федот.

– До меня поставили старшим конюхом. Работу выполняет добросовестно, за лошадками хорошо следит.

– Молодцы, волка сторожем на конюшню определили!

– Пока никто не пожаловался.

– Вот кто будет кричать, когда вместе поднимают стакан за здоровье председателя.

– Хватит издеваться! Конечно, у хумушцев всё шито-крыто.

– Ладно, не обижайся, лучше скажи, как долго продлится эта война?

Смирнов опустил глаза, глубоко вздохнул и как на духу ответил:

– Если до нас докатится, придется воевать за родную деревню.

– Типун тебе на язык! – отрезал Федот. – Этого никто не допустит!..

– Я к слову сказал, видишь, как прёт, бои идут под Киевом.

На этом два председателя колхоза разошлись по сторонам. Федот немного обиделся на Смирнова, продолжая его бранить:

– Тютя!.. Вытаращил глаза!.. Не смог обуздать Семёнова!..

Собрался воевать на территории родной земли!..

Смирнов ушел оскорбленный, думая про себя: «Тяжелый человек, разворотил душу и удалился. С другой стороны -- с такими людьми жить не страшно».

Сельсовет днём вручал повестки.

Выступление Молотова, поднимающие дух военные марши, мало кто слышал – многие были на сенокосе. Только председатель сельского Совета Иван Денисов застыл неподвижно с опущенной головой, а потом побежал в сторону поля Пикшик, где работали почти все жители деревни.

Страшное известие ошеломило их. Женщины испугались, завывали раздирающими душу голосами, старики замолчали, вспомнили мировую, гражданскую войны, молодых парней и мужиков, сложивших головы на полях сражений. Мужчины растерялись, пытаясь заглушить волнение, трудились на уборке сена до остервенения. Некоторые всё ещё не верят – начало войны приняли за провокацию со стороны немцев. У мальчишек появилась тайная мечта: обманув работников военкомата, попасть на фронт, с винтовкой в руках драться с врагами.

Сегодня как только солнце захватило своими лучами крыши домов, в Хумуше перед сельсоветом начали собираться люди. В числе первых, кого призвали на фронт, были парни и мужчины от восемнадцати до сорока пяти лет. Провожать вышли родители, жены, дети. Молодые женщины всхлипывали украдкой, а жены постарше, матери фронтовиков откровенно рыдали, не имея сил остановить мрачные мысли.

Объявили о мобилизации на войну, деревни загудели. На улицах появились выпившие мужики с длинными рушниками через плечо. Они размахивали платками, горланили прощальные солдатские песни. У каждого на такой день запасены несколько куплетов, слова которых заставляли жителей вытирать слезы. Такой народный обычай власти не раз пытались искоренить, не смогли, никто запреты не воспринимал. Даже комсомольцы перед уходом в рабоче-крестьянскую Красную Армию повязывали через плечо рушники, стоя на тарантасе, размахивали шелковыми платками, тянули песни. Теперь война – страшная, безжалостная, смертельная, поэтому и песни грустные:

Шапки меховые на наших головах, –
 Меховые шапки с нас снимут,
 Картузы солдатские наденут.
 На нас овечьи шубы, –

Овечьи шубы с нас снимут,
Серые шинели наденут.
На ногах у нас теплые валенки. –
Теплые валенки с нас снимут,
В сапоги солдатские обуют.

С ними вместе друзья и близкие. В обнимку ходят по деревне, заглядывая то в один, то в другой дом. Так мобилизованные прощались с родными. Во всех избах ревут старухи, женщины и маленькие дети.

Почти все жители трёх деревень собрались на проводы. Мужики тихо разговаривают с близкими, молодежь под звуки гармошек Павла Сорокина и Виталия Калисова ногами дробь выбивает. Парни не хотят слышать грустные мелодии, не жаждут лить слезы раньше времени – успеют всем миром нареветься. У гармонистов уже пальцы не слушаются.

Ирина Макарова год замужем. С Василием Евсеевым свадьбу сыграли, в сельсовете расписаться не успели. Решили – вместе с первым ребёнком узаконить отношения. Вчера председатель сельсовета приходил к ним, старался убедить перед уходом на фронт расписаться:

– Родится ребенок, негоже ему быть незаконнорожденным.

Не дождалась Ирина родителей, братьев и сестер. Михаила Макарова и его жену Орину в Сибири убили разбойники, тела их не могли найти, может, плохо искали. Осиротевшие дети после недолгих скитаний попали в интернат, о чем стало известно компетентным районным властям, но они не торопились об этом сообщить. Зачем поднимать шум? Лишние разговоры. Сгинула на чужой земле очередная кулацкая семья – туда и дорога. Ирина надеется найти родных. Время лечит самые тяжелые раны. Она вышла замуж, появились семейные заботы – достроить дом, угождать свёкру, свекрови, присматривать за старушкой Мышковой, которая за эти годы стала самым близким человеком на этом свете. Теперь в её жизни имеется ещё один родной человек – муж, Василий Евсеев.

Он обнял Ирину и грубовато успокаивал:

– Сколько можно реветь! Собралась меня живьём хоронить?

– Не могу остановиться, – призналась Ирина, всхлипывая. – Горе терзает сердце.

– Ну... будя, будя! – продолжал Василий.

Никто на них не обращает внимания, все заняты своим делом, навалившимся на их головы.

К сельсовету широким шагом подошел Яков Куликов из Кивьяла. А за ним шла жена, а сзади – семеро детей. У Матрены на лице нет живого места – вся в синяках. Со вчерашнего вечера она не плачет по мужу. Если бы сейчас сгинул, то ни капли слезинки не выпало бы из её глаз.

– За что? – шушукались люди.

– Пьяная у клуба на коленях ползала, встать не могла, – сообщали всезнающие соседи. – Стыд какой... Это при всем честном народе. Бабы увели домой. Яков поработал кулаками, жену на путь истинный наставлял.

– В такое-то время? – удивлялись некоторые.

– Что им война, эдакие всю деревню поганят... – продолжали рассуждать женщины.

В стороне от провожающих стояли два председателя колхоза – Федот Саваров и Владимир Смирнов.

К сельсовету подошел сын Петра-казака Герман Петров. Его жена Аппи прижалась к нему, будто боялась потерять. У самой глаза от страха бешено бегают. Четырехлетняя Юля и годовалый Гена схватились за ноги матери и с ужасом озираются.

Увидев Германа, Смирнов стал сокрушаться:

– Теряю хорошего бригадира, кого поставить на его место?

– Найдется, – успокоил Федот.

Рядом с председателями братья Блиновы – Егор, Николай, Орфей, Флегент со своими семьями.

– Война быстро не закончится, – рассуждал Флегент.

– Ох и достанется людям в деревне, – поддержал его Николай.

– Дом не успел достроить, – вздохнул Егор.

– Приедем и поднимем, – успокаивал его Орфей.

Родные внимательно слушают разговор, никто их не перебивает. Ребятишки бегают вокруг старших, шумно галдят, за что кое-кому достается подзатыльник.

Саваров и Смирнов толкуют между собой. Они никого из родных не провожают, но жители трёх деревень для них не чужие люди.

– Вчера передали: границы СССР одновременно пересекли более ста девяноста дивизий, – вздохнул Смирнов, потом, подумав, поинтересовался. – Сколько человек числится в дивизии?

– Трудно сказать, в пехоте может быть до восемнадцати тысяч человек, в моторизированных – немного меньше.

– А многих призвали с твоего колхоза? – спросил Смирнов.

– Пока не знаю. Утром звонил в райисполком, Афанасий Иванович предупредил, что уборку хлеба придется возложить на плечи женщин, а мальчишек посадить на вывозку снопов.

– Крепких стариков попросим.

– Куда деться, поднимутся... Они сейчас на вес золота.

К десяти часам на крыльцо сельсовета вышли председатель Иван Денисов и представитель райвоенкомата, молодой капитан Хайтов. Он внимательно осмотрел присутствующих и по списку начал вызывать мобилизованных.

Когда назвали фамилию тракториста Юрия Андреева, Федот Саваров изменился в лице. Подскочил к капитану и громко потребовал:

– За рычагом вы будете сидеть?

– Уедет на тракторе. Тяговую силу потребуем сдать для фронта, приказ уже получен.

– Тогда и меня запишите добровольцем!

– Придет время, военкомат разберётся кого... куда!.. – резко объявил Хайтов. – Митинговать не стоит. до вас тоже очередь дойдет!

– Кого!.. Куда!.. – возмутился председатель. – Разберётесь!.. Поговорим в райкоме партии. Пока здесь не фронт.

Федот вскочил на крыльцо сельсовета.

– Товарищи! Родные односельчане! – начал он митинг. – По зову Родины более сорока человек из деревень Хумуш, Услаба и Кивьял уходят на фронт. Враг внезапно напал на нашу страну, бомбит города Киев, Минск, продолжает наступать. Немец силен, но Красная Армия, закаленная в боях с японцами и белофиннами, остановит их, выдворит за пределы родной страны. Ждем вас домой с победой!

Капитан не стал перечить председателю, дал время на митинг. Он выполняет приказ, отменить который не может ни один председатель колхоза. У военкомата важная задача, его решение обязан выполнять каждый, независимо от создавшихся ситуаций и причин.

– Становись! – скомандовал Хайтов, когда Федот завершил выступление.

Мобилизованные замешкались, пока не умели точно выполнять строгие команды. Первыми в строй встали мужчины, недавно отслужившие срочную службу и прошедшие месячную переподготовку. За ними несмело потянулась молодежь. Наконец встали остальные.

– Нале-во! – раздалась команда, а немного погода по деревне Хумуши разнеслось. – Шаго-о-м-м – а-а-арш!..

Павел Сорокин растянул гармошку и запел:

Наверх вы, товарищи, все по местам!

Последний парад наступает.

Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,

Пощады никто не желает.

Сорок семь человек из трёх деревень тронулись в сторону села Калинино. За ними шли провожающие, у околицы основная часть населения осталась, а молодежь решила провожать солдат до районного центра.

Стало тихо, когда мобилизованные исчезли за косогором Исмендер.

В этот час в сторону Калинино по другой дороге шла колонна призывников из деревень Ярмушка, Авшак Элмен, Пуганкас. Моньял – более шестидесяти человек. По пыльной дороге под звуки гармошки впереди колонны шли три брата Алексеевых – Кури, Илья. Симун и два их двоюродных брата – Пётр и Михаил.

Таяк, мать троих сыновей, сначала шла рядом, но скоро стала отставать. Ей пятьдесят, за молодыми не угонишься. Кури и Илья просили не ходить, не рвать душу и сердце, а Симун подбежал к ней, посадил на телегу, нашлось место рядом с другими провожающими женщинами.

Откуда ей было знать: Кури до фронта не дойдет, останется служить в НКВД, Симун в первом же бою попадет под бомбежку немецкой авиации и погибнет, Илья вернется домой через два года, весь израненный и больной. Георгий и Екатерина Алексеевы получают через год похоронки: их сыновья – бывшие студенты Михаил и Петр, защищая Родину, сложат головы на полях сражений.

В Хумушском сельском Совете с утра не замолкает телефон. Звонят из Калининского райвоенкомата, уточняют фамилии одних мужчин, сверяют год и дату рождения других. Райком партии и райисполком запрашивают у колхозов «Броневик» и имени Папанина сводки по заготовке кормов, спускает планы по уборке хлебов. С утра до ночи председатели колхозов торчат у телефона, пытаются понять происходящее.

Федот Саваров утомлен. Заботы легли на плечи председателя тяжелым грузом. Уже тридцать человек оставили колхоз имени Папанина, взяли в руки ружья. На ступеньках сельсовета ежедневно стали появляться хмурые колхозники, они перед отправкой на фронт прощались со своими семьями.

«Мужиков в деревне поубавилось, если война продлится дольше, могут и оставшихся мобилизовать на фронт, – тоскливо крутились мысли в голове Федота. – Тогда с кем работать?.. По брони останутся несколько учителей, пара специалистов сельского хозяйства. На уборке они не помощники. Придется колхоз плотно подпереть женскими плечами, стариков попросить помочь, детей организовать на работу...».

– О чем кумекаешь? – подошел к нему Мирон Ефимов. – Прёт фашист!..

– Победим... – хмуро ответил Федот налоговому агенту. – Ты всегда появляешься ниоткуда. как коршун, и приносишь дурные вести!

– Такова моя работа... – невесело объяснил Ефимов. – Знаю трудности, но придётся всех огорчить: увеличались разные налоги – они теперь называются военными – мобилизационными средствами населения. Единоличникам придется туго.

– Меня они меньше всего интересуют... О колхозе душа болит.

– Слышал о фонде «Лошадь Красной Армии»?

– Что за кикимора такая?

– Хуже... План поставки тягловой силы на фронт.

– Что!?! – не поверил Федот.

– По восемь голов с каждого колхоза, – спокойно ответил Мирон. – Придется отдать самых упитанных и сильных.

– Жнейку придется тянуть бабам? – не выдержал председатель.

– Это война... Трудно будет не только на фронте, но и в тылу. Нам нужна ненависть, такая зубастая, страшная – нечеловеческая ненависть к врагу. Иначе не победить, иначе станем рабами фашизма.

Федот Саваров ожидал, что наступят тяжкие времена, но не думал, что так быстро. Скоро начнется уборка хлебов. Пока июль, не за горами октябрь и зима.

Хватит, две недели выли всей деревней, пора остановиться, зубы стиснуть. Пока не отобрали лошадей, пятнадцатилетних мальчишек надо посадить на сенокосилки, продолжить работу по заготовке кормов. Другого выхода нет.

На следующий день подоспела другая беда. С утра явился заместитель председателя райисполкома Лукин Фадей Кириллович и выложил перед Федотом Саваровым строгое распоряжение – отправить на лесозаготовку и на торфоразработки за Волгу по пять человек. Фамилии нужно согласовать до вечера, завтра они должны прибыть на место. Председатель от неожиданности онемел, вскочил на ноги, замахнулся на Лукина, будто он один виноват во всем происходящем:

– Кто будет убирать сено?!.. Хлеб поспевает – более пятисот гектаров.

– Положение поганое, – согласился Лукин. – Придется выкручиваться.

– Только и крутимся!

– Планы идут с области, там лучше знают, как нам жить.

– Именно знают, но на своих горбах не чувствуют.

– У каждой табуретки своя ноша! – строго ответил Лукин. – Всем тяжело. Планы должны выполнить и перевыполнить! Это обязанность каждого руководителя.

– Как?.. В таких условиях нереально.

– Терпи... Председателю – первая чарка и первая палка.

Не представляет Федот Саваров как выкрутиться. Мужчины ежедневно покидают деревни, уходят на фронт. Немцы наступают стремительно. Красная Армия сдает город за городом. Появились первые потери: на фронте погиб Михаил Блинов, пропал без вести Петр Лошкин. Тяжело было смотреть на родителей молодого парня, на жену Михаила с четырьмя маленькими детьми.

Непривычные, неожиданные заботы преследуют Федота. Не успел организовать отправку людей на лесозаготовку – в колхоз прибыли четыре семьи, эвакуированные из Украины. На станцию Вурнары пришлось снарядить повозки, привезти измученных, голодных женщин, детей и двух стариков. Без суеты разместил их по домам, отпустил на первое время продукты питания. Приезжие, измаявшись в дороге, безропотно во всём соглашались.

Как-то вечером к Федоту домой с поникшей головой зашел новый председатель услабинского колхоза «Броневик» Иван Александров. Ушел Владимир Смирнов на фронт, на его место никто не соглашался, уговорили Александрова. Невыносимы трудности первых дней военного времени: мобилизация мужчин на войну, отправка женщин на трудовые повинности, обязанности по уборке урожая связали нового председателя по рукам и ногам. Александров растерялся, не видел выхода из тупика. Он не жаловался, не ругался, молча слушал Федота. Только пара стаканов самогонки развязали языки, они долго проговорили, простились ближе к утру, обещая во всем помогать друг другу, сообща преодолевать трудности.

* * *

Правление колхоза имени Папанина наметило отправить первый хлебный обоз в начале сентября. Не получилось. К намеченному сроку не смогли запустить старую молотилку. Председатель всех успокаивал:

– Надо начать убирать рожь с полей и скирдовать её на открытом току. Молотить хлеб можно в октябре-ноябре. В это время не ожидаются большие морозы, зато на полях не останется ни один колосок.

Федот Саваров по утрам расставлял людей на уборку. Николая и Борика – племянника и сына – посадил на жнейки-валки. Женщины и девочки-подростки вязали за ними снопы, сажали их в суслоны. Тут и пшеница подспела. Председатель не позволил бросить небольшое поле с урожаем на корню, послал животноводов жать серпами.

– На зиму в скирдах собираешься оставить? – забеспокоилась его заместитель Люба Полякова.

– Пусть стоят, полевые работы завершим, начнем молотить.
– По головке тебя за это не погладят, припишут вредительство, дело передадут в суд по условиям военного времени.

– Комар лошадь свалит, если волк поможет... Районным не до меня, в хозяйствах на полях хлеб осыпается, не успевают убирать...

– Не тот хлеб, что в поле, а тот, что в амбаре, – сдержанно сказала Полякова.

– Вот те на!.. Сверху начальство не дает дышать, а в колхозе заместитель отчитывает! Я что-то натворил?

– Не успел ещё. Как бы поздно не было...

Люба не местная, появилась в деревне перед войной. Колхозу позарез нужны были специалисты. Решением правления Ивана Денисова направили учиться на техника в Чебоксарский колхозный техникум народного комиссариата земледелия. Вернулся домой не один, а с молодой женой, депутатом Верховного Совета республики Поляковой Любовью Семеновной. Депутатство затянулось, второй созыв был намечен на 1941 год, война помешала.

Полякова уважает Федота Саварова, он успевает за всеми присмотреть, подсказать, помочь. Председателю достается со всех сторон. С района угрожают, настаивают отправлять обозы с хлебом. А сил не хватает, на фронт ушли почти все мужики до сорока лет. В деревне все при делах, даже больного избача Михаил Баранова и культяпку Якова Иванова отправил на работу в качестве учетчиков.

Саваров поехал на районное совещание. Руководителей хозяйств ныне стараются вместе не собирать, работники райкома партии и райисполкома сами не вылезают из колхозов.

У входа в райком он встретил председателя райисполкома.

– Добрый день. Федот Саварович! – крепкой рукой пожал Афанасий Иванович Иванов пальцы председателя. – Как там Захар Узяков, трудится в колхозе?

– Что вы все за него беспокоитесь? – невольно возмутился Федот Саваров. – Майоров тоже не унимается. Приезжал... Напал на меня. Обвинил во всех грехах, выразился, что я двурушник.

– Кем работает Узяков? Почему он не на фронте?

– Плотником, – ответил Саваров. – Ему уже пятьдесят лет. Война войной, а в хозяйстве всё время приходится что-нибудь ремонтировать. Работает добросовестно. Ну, помогли ему, руку протянули. В родной деревне Услаба в колхоз не приняли. А как

жить ему? Обратился к нам. У нас тоже не сладко, нашелся один, встал на дыбы. держит камень за пазухой...

– Кто же он?

– Анонимщик. Не хочет мирно жить с теми, кого в кулаки записали.

– Есть ещё такие... С начальником милиции я переговорю...

Иванов удалился по своим делам. Саваров давно думал с ним поговорить с глазу на глаз, не удалось, получился какой-то сумбурный трёп. Федот стоял на крыльце, взвешивая беседу: «Долго... ох как долго будет аукаться безвинное разорение людей в тридцатых годах...».

На совещании разговор не клеился, у многих до пшеницы руки не доходят. Федот не выдержал, решил выступить.

– Скажите, мужики! – обратился он к руководителям хозяйств. – Кто раньше пшеницу сеял?

Председатели загалдели, каждый из них хотел выразить своё мнение.

– Так, так... – разгорячился Федот. – Крестьяне знали, что в наших местах пшеница не растёт, заглушается сорняками или поляжет. Сейчас нас заставляют треть площадей занять пшеницей. Весной, во время посевных работ в колхозах сидели представители исполкома, следили за каждым нашим движением. Пшеница опять не уродилась, получим пудов этак пятьдесят с гектара, а рожь поспела в два раза больше. Кто в этом виноват?..

– Ты виновных не ищи, а отвечай за свой колхоз! – резко остановил его председатель райисполкома. – Фронту нужен хлеб.

– А я о чем толкую? – не испугался Саваров. – Вместо буханки белого хлеба солдат получит две буханки черного.

– Не философствуй, пока ни одного пуда от папанинцев государству не поступило.

– Сдадим, Афанасий Иванович, обязательно сдадим и план перевыполним, не посрамымся перед фронтовиками.

Зал загудел. На ноги вскочил молодой председатель синяльского колхоза «Правда» Исаак Кошкин:

– Сколько можно себя обманывать? Планы сдачи хлеба государству завывает райисполком. Хочет выглядеть чистеньким перед областным начальством.

– Надо было думать в начале года! – остановил его Афанасий Иванович. – Чего кулаками махать? Контрольные цифры

утверждены облпланом, остается выполнить. Нечего тут распиваться в своем бессилии. Нынче война, немного думайте головой перед тем, как ляпнуть лишнее! Немец прёт... лезет и лезет.

Кошкин не стал спорить с председателем райисполкома. Данный вопрос поднял не ради красного словца, начальство ставит грандиозные планы, а колхозники при этом остаются голодными.

В зал вошел первый секретарь райкома партии Федор Николаевич Кудряшов. Разговор сразу принял жесткий оборот: не стал уговаривать председателей колхозов, персонально начал песочить за отступничество, за непринятие мер по уборке нынешнего урожая. Зал молчал, руководители колхозов знают характер секретаря, никто не пытался с ним поспорить. Кудряшов обещал по итогам года рассмотреть работу каждого председателя колхоза. Район план выполнит любой ценой. Навалится на председателей колхозов, сразу хлебная сводка поднимется на несколько сот пудов.

Вечером Федот пригласил к себе членов правления, вслух начал прикидывать севооборот полей будущего года:

– Поля около оврага Кучук наполовину чернозем, туда можно пшеницу, около сосновой рощи и вдоль оврагов Исмендер, Мири – только рожь, – размышлял Саваров. – На Мертвом Хирлепе – урожай ржи всегда отменный, вкус хлеба особенный и долго не черствеет.

– Поля у реки нельзя занимать под рожь, – воспротивилась Полякова. – В знойные годы там лучше всего растет картофель и сахарная свекла.

Правление, состоящее теперь из стариков, женщин и двух подростков, вошло в раж, перебивая друг друга, начали рассказывать о достоинстве и недостатках того или иного участка. Где-то слишком много песка, здесь сыро или совсем сухо, там можно выращивать рожь, а тут пшеницу. К концу заседания всем миром утвердили, как они считали, правильный севооборот будущего года.

* * *

Федот Саваров вышел скирдовать снопы. Пришли помочь ученики Хумушской школы в возрасте от десяти до тринадцати лет. Сам их попросил пособить. Мальчишки чуть выше ржаного

снопа, трудноато им, придется покряхтеть. На телеги грузят женщины – Федот с утра вывел доярок и эвакуированных. Были недовольные, а куда они денутся, председатель не любит лишний раз повторять. Раз сказал, как отрезал, попробуй послушаться, считай – с лесной делянки не вылезешь. Когда обиженные бабы узнали, что скирдует сам председатель, налегли, быстро увязывали на повозки снопы и отправляли на колхозный ток.

В деревнях детей приучают работать с малых лет. Сначала поведут полоть сорняки, потом вручат маленькие грабли ворошить сено, затем отправляют в поле собирать колосья. На ребят, чуть подросших, навалит серьезное дело – возить снопы на ток.

Возчики оказались совсем хиленькими, им не снопы подавать, а в лапту играть на верхней улице. Григорий Васильев и Павел Машинов – самые крепкие, разом, без отдыха выкидывают снопы и спешат вновь на поле. Сын Лазаря Валерий немного отстал от передовиков, за ним прибыла немая Матрена, тут подтянулись – Иосиф Орлов, Гавриил Алексеев. Федот возмутился:

– Немую Матрену кто сюда поставил?

– Она лучше любого парня с работой справляется, – поддержал Матрену Захар Узяков, вышедший на скирдование вместе с Федотом.

Он так ловко орудовал двурогими деревянными вилами, будто кроме такой работы ничего не делал в жизни. Это была ошутимая помощь малолетним мальчишкам и немой девочке.

Матрена родилась глухонемой, в школе не учится, но в домашних делах незаменимая помощница. Летом пасет колхозных овец, осенью на жатве, зимой дома. В большой семье ей одежды не хватает – братья и сестры разбирают. Матрена ждет не дождется летних дней.

Нижние ярусы Федот укладывает неспешно. Когда подъехали сразу четыре телеги. Федот стал чертыхаться, прикрикнул:

– Хватит со всех сторон кидать одновременно! Я в мыле, рубаха к спине прилипла. Захар!.. Поднимись ко мне!..

– Женщины с ума сошли, с вами соревнуются! – крикнул снизу Валерий Лазарев.

Из Саваровых только этот мальчишка носит фамилию Лазарев, так захотел больной чахоткой брат Лазарь.

– Ты уже здесь? – удивился Федот. – Не надорвешься?

– Мы вдвоем, с Алексеем Керзаковым!

– Вот молодцы! – похвалил председатель.

После обеда на помощь пришла Люба Полякова. Работа спорилась. Вчера на участке Киремет, как солдаты, стояли небольшие суслоны. Теперь их нет, поле чистое, без «опоясанных травкой Афонек».

– Как на жатве? – спросил Федот у Любы.

– Там настоящие мужики... Борик и Николай руководят, сели на жнейки. Трудятся как черти, других за собой ведут. Куда деться, из-за этой войны пятнадцатилетние мальчишки стали мужиками.

– Я верю в них, – спокойно ответил Федот. – Не подведут. Боюсь, скоро им тоже придется понюхать порох войны. Весь мир надолго запомнит эту заваруху, она унесет немало жизней, миллионы звезд погаснут на небосводе. Четвертый месяц идет война, уже пятеро погибли из деревни, оставили вдовами женщин, сиротами детей, родителей без сыновей.

Скоро октябрь. Пока солнце греет не хуже августовского. По дуновению ветра по полям и лугам летают тонкие белые паутинки, вестники грядущей осени, за ней придут дождливые дни и холодная зима. Суслоны нельзя оставлять в поле.

Федот в своей жизни поднимал немало скирд, умеет укладывать последние, завершающие снопы. У Захара Узякова получается не хуже, скирды крепкие – не страшен дождь, сильный ветер их с места не сдвинет.

К вечеру на току поднялись пять скирд, огороженных жердями. Малолетних работников и женщин пригласили в колхозную столовую на ужин. Прибыл и Саваров. По-взрослому пожал руку каждому мальчишке, ласково обнял, прижал к себе маленькую Матрену, поблагодарил и женщин.

На стол поставили суп, две буханки черного хлеба, небольшую бочку пива и бидон домашнего кваса. Лица мальчишек посветлели, усталость улетучилась. Хорошо он придумал – притащил из дома пиво и квас. Жена Кристина незлобно ворчала:

– Для всех не напасешься, хватит таскать, больше варить не буду!

Будет, куда она денется, не раз пугала, потом сама предлагает, просит колхозникам на стол выставить. Она не может выйти в поле, ноги не держат, по дому передвигается с трудом, говорят ревматизм мышц, вылечить не могут.

– Федот Саварович, – попросила Люба Полякова. – Поговори с родителями старших школьников, некоторые бросили школу, а матери их поддерживают. Девочкам, ладно, хватит и четырех лет образования, а парни должны учиться.

– Что же ты, Люба, не уважаешь женщин? – с хитринкой посмотрел на неё председатель. – Если девочек не будем учить, где найдем врачей, учителей и продавцов? Кто нас будет просвещать в библиотеке, кто политинформации будет проводить, кто расскажет об успехах Красной Армии?

Недели не прошло, как в большой комнате сельсовета собрались родители с повзрослевшими детьми. За столом сидели директор школы Василий Степанович Куликов, учителя, председатель сельсовета Иван Денисов, руководители двух колхозов Федот Саваров и Иван Александров. Женщины и дети шумно занимали места, пока никто не догадывался, по какому поводу их здесь собрали.

– Неужели детей отправят в ФЗУ, говорят, на заводах двенадцатилетние трудятся, – испуганно шушукались женщины. – Не отдадим, не отпустим никуда! Никто не смеет нас разлучать, они несовершеннолетние!..

– Несовершеннолетние?.. – рявкнул Федот Саваров на всю комнату. – На плечах этих мальчишек держится теперь колхоз!.. А вы «несовершеннолетние!..». Поговорите с учителями, почему ваши парни школу пропускают, а некоторые на учебе точку поставили.

Приглашенные притихли, перестали шушукаться, потом неожиданно начали галдеть, не стесняясь обвинять председателей.

– Не вы ли выгоняете их на работу?! – крикнула Ольга Куракова, заодно отвесив четырнадцатилетнему сыну подзатыльник. – От учебы толку нет, кроме двоек и троек, других оценок мой не получает!

– А ты знаешь, Григорьевна, – встал на защиту Юры старый учитель Варфоломей Осипов. – Он настоящий механик, никто не знает столько о тракторах и танках. После семилетки его отправим учиться на тракториста, такие специалисты ох как нужны.

– Я-то... согласна, – обрадовалась Ольга, уважительно посмотрев на сына, села на свое место.

В заднем ряду расположились четверо ребят и одна девочка. Василий Комаров, Михаил и Егор Куликовы, Петр Макаров и

Зина Мясникова испуганными глазами смотрели на людей. Они – сироты, дети раскулаченных, репрессированных родителей.

С детства они считаются колхозниками, после уроков трудятся на разных работах. Василия Комарова с братом приютила у себя сердобольная Мария Иванова. Соседи её обвинили в краже домотканого холста, приехала милиция и арестовала, в тюрьме старуха умерла. Скоро выяснилось, что она не виновата, но было поздно. Четырнадцатилетний Василий ведет хозяйство в этом доме, младший брат ему помогает. С десятилетнего возраста встает рано утром, запрягает лошадку, отвозит полевым бригадам кипяченую воду и бежит в школу. После звонка вновь спешит – числится главным возчиком услабинского колхоза «Броневик». Зина, дочь раскулаченного Мигулая Мясникова, живет у родных, учится на отлично, мечтает стать учителем. Петр Макаров любит лошадей, хочет стать конюхом. Только братья Куликовы молчат, пока не определились, кем будут.

Родительское собрание закончилось через два часа. Назавтра прогульщики явились в школу в полном составе, классы вновь зазвенели неунывающими детскими голосами. Все были довольны: учителя продолжили с чистой совестью учить детей разным наукам, председатели колхозов считали, что они правильно поступили, организовав такое собрание, родители уверены – их дети обязательно станут знатными землепашцами, строителями, трактористами, врачами и учителями.

* * *

– Кого вчера за сеном отправили? – зарычал Федот, едва открыв двери правления.

Бригадир Аким Макаров вздрогнул: эти грозные слова в его адрес.

– Вашего сына Борика, с братьями Борисовыми, – отрапортовал он. – Что ещё натворили?..

– Порезвились!.. На пару недель вывели из строя коней. За зайцами гонялись.

– Ах, ну и олухи! – выругался Макаров.

– А я-то диву дался – откуда у них зайцы? – присоединился к серьезному разговору второй бригадир Левенти Ласточкин. –

После работы на ферме освежевали, сварили на кормокухне, мне дали попробовать, хорошее мясо.

– Как они поймали? – продолжал Макаров, подчеркивая каждое слово, чтобы члены правления запомнили.

– Об этом и доложи, ты – бригадир! – сердито сказал председатель. – К вечеру определите всех троих на мостик – на молотилку, на подачу снопов, пусть выкрутасы из башки вылетят, через сутки от усталости сами свалятся с ног!

– Им по четырнадцать лет, надорвутся, – пыталась защищать мальчиков Люба Полякова.

– Откажутся, отдам под суд! – сквозь зубы выдавил Федот. – На военных заводах работают двенадцатилетние...

Эти слова остудили сидящих на утренней летучке членов правления. Макаров понимает, что Саваров за колхозное добро и своего сына не пожалеет. Накажет по всей строгости, потом дома, после стакана самогонки будет лить скупые мужские слезы.

Куда деться председателю? – война. Молодых девушек, одиноких женщин увезли на Суру, рыть противотанковые рвы. Хлеб убирают всем миром. Старая молотилка ломается ежедневно, не успевают одно подтянуть, другое лопнет, вылетает. Десять скирд стоят на току. Нельзя медлить, иначе снопы обмолотят мыши и птицы, тогда беды не миновать, засудят.

Придется договориться с директором школы, попросить в помощь учеников старших классов. Вся деревня работает с утра до поздней ночи, но конца уборочной страды не видно. Работники райкома и райисполкома ходят по деревням, ищут виновных. Еженедельно проводят разборки, строго наказывая председателей и бригадиров колхозов.

А тут такая беда: собственный сын вместе с друзьями вот что натворил.

– Эй - яй - яй!* Вот оболтусы, – возмущалась Полякова. – Неужели не понимают? Гнались за зайцами по мёрзлой земле. Ледяные корки как ножом резали ноги коней. Кровь сочилась, бедные, дрожали от боли. Хоть догадались сбегать к ветеринару.

– Покажу им зайчатину! – метал молнии Федот. – На воде и куске черного хлеба будут стоять на молотилке, кавалеристы окаянные...

---

*Эй - яй - яй! – сожаление.

Потом вспомнил о картошке, не поднимая головы, обратился к членам правления:

– Картофель когда будем убирать?

– Что ты, Федот Саварович! – Люба удивленно посмотрела на председателя. – После первых морозов она погибла. Хранить нельзя, через неделю сгниет.

– Отправим на ферму, – нервно ответил Федот.

– Ай, тур-тур*, Федот Саварович, на картофельном поле ещё конь не валялся! – выразился Ласточкин.

– Зато дети хозяйничают, по ночам копают, – скалил зубы Макаров.

– Ставьте охрану, – насторожился председатель.

– Поставили, но они с двух сторон атакуют, – оправдывался Ласточкин. – Поля длинные, пока старый Кураков доковыляет в один конец, на другом выкопают, – не уследишь.

– Разоряют поля, – нервно усмехнулся Макаров. – Колхозное, значит, наше.

Федот удивленно спросил:

– Как это?..

– Надо ужесточить наказание, – не унимался Макаров.

– Пока никого не поймали, одни разговоры, – глухо ответил председатель.

Умолчал Федот, что у него дома тоже появилась мерзлая картошка, на столе, как у всех, шаром покаги. Значит, родители сами отправляют детей на ночную добычу. Чего греха таить, за уборкой хлебов до картофеля руки не дошли, под снег ушел. Вчера из района получил грозную телефонограмму, значит, дела и в других хозяйствах не очень хорошие. Надо убрать картофель, хотя бы мерзлый.

Второй хлеб и раньше выручал семью, покойная жена Татьяна мерзлую картошку нарезала на дольки и сушила. Дети хрустели с большим удовольствием. Теперь можно организовать такую же работу, хотя бы перед властями оправдаться.

– Придется идти на поклон к директору школы. может, поможет выкопать и организовать сушку мерзлой картошки. – рассуждал Саваров.

---

* А й, т у р – т у р! – бог ты мой!

– Это ещё зачем? – переспросил Макаров.

– Высушим. на фронт отправим, – серьёзно ответил Федот.

– Кто это будет делать? – поинтересовался Ласточкин.

– Поставьте старушку Мышкову, не подведет, дрова принести и картофель нарезать могут даже первоклассники, – предложил Федот. – Как там печки на пекарне?

– Стоят, давно не топили, – за всех ответила Люба. – Муки-то нет...

Члены правления переглянулись, но никто ни за, ни против не высказался.

– Значит, решили, копаем картошку, – заявил Федот.

За окном показалось октябрьское солнце. Зима наступила как никогда рано. До Покрова ещё пять дней, а земля уже лежит под снегом. Перед членами правления стоит огромная задача: завершить обмолот ржи, убрать картофель, сохранить до следующего лета лошадей на конюшнях, коров на ферме, выполнить план по сдаче сельхозпродукции согласно мобилизационному плану.

* * *

Пятый месяц идет война. С фронта приходят малоутешительные сообщения. Враг приближается к городам Звенигород, Голицино, оттуда и Москва недалеко, всего тридцать-сорок верст. Федот ежедневно просматривает газеты, горько вздыхает. В эти дни немцы начали «Второе генеральное наступление». По радио передали, что их генералы хвастаются: «Уже через бинокли рассматриваем улицы». Значит, страна попала в тяжелейшее положение.

Недавно дочь Василиса вышла замуж. Свадьбы не было. Кто поймет песни-пляски в такое время? Посидели дома у свата Сергея Алексеева в Ярмушке, на этом гулянка и закончилась.

Каждая утренняя разводка, ежедневные вечерние пятиминутки в правлении не проходят без обсуждения фронтовых сводок. Саваров неумолим:

– Откуда солдат берёт оружие, одежду и еду? Тыл обеспечивает!.. Чем больше хороших танков, пушек, кораблей – тем сильнее Красная Армия. Если солдата покормят своевременно и вкусно – он крепче будет держать ружьё, больше уничтожит врага. Пришла зима, холода наступили. Чтобы не мерз в окопах.

не заболел – нуждается в теплой одежде. Во вчерашней газете «Правда» именно об этом написано.

– Многие согласны помочь, но чем? – спросил бригадир Марков.

– Федот, подскажи, подойдут ли теплые варежки, носки, шапки? – поинтересовалась Люба Полякова.

– Именно это необходимо, – ответил председатель.

Что тут началось!.. Каждый из присутствующих пытался для себя уточнить, что это такое – теплые вещи:

– Нижнее бельё годится?..

– А шкуры?..

– У меня найдется пять-шесть фунтов шерсти!

– Я перед войной для сыновей приготовил две пары валенок, передаю фронтовикам!

– А я новую фуфайку отдам!

Начался сбор теплых вещей. Людей никто не гнал, никто не заставлял отдать последнее, несли и несли, каждый считал, что его помощь будет весомой. В этот день в деревне Хумуш набрали столько теплых вещей, что пришлось в районный центр снарядить четверо саней.

Соседи, жители деревень Кивьял и Услаба не отстали, тоже отправили на фронт семь подвод теплых вещей.

Не прошло и недели, Федот Саваров поднял другой вопрос:

– Каждое зернышко – это пуля для врага, теплая вещь – смерть фашисту! – твердил он. – Нам надо договориться. Один день в неделю следует работать по-стахановски, трудодни за этот день перечислить в фонд обороны.

– В году пятьдесят две недели, значит, пятьдесят два дня будем трудиться бесплатно? – подсчитал Ласточкин.

Его оборвала удивленная Люба Полякова:

– Ты-то утрудился! Для своих родных везде ищешь легкую работу! Никто из них на Суру не выехал, никто на лесоразработки не пошёл, все освобождены по болезни!

Ласточкин сверкнул на Полякову злыми глазами, но ответить не посмел. После Любы поднялся Федор Кошкин, дрожащим голосом заговорил:

– Пусть Красная Армия быстрее победит! Я отдаю имеющиеся займы в фонд обороны. Думаю, на пушку хватит.

Народ опять поддержал правление, за несколько дней собрали около двенадцати тысяч рублей облигациями.

За пять лет работы председателем колхоза имени Папанина Федот ни разу не опоздал на утреннее заседание. Наоборот, чистил прогульщиков и лежебок.

Макаров и Ласточкин не выдержали натиска Саварова, в один день заболели, отказались тянуть тяжелый воз бригадиров. Федот не стал уговаривать, отстранил стариков от занимаемых должностей и назначил бригадирами молодых парней – своего сына, шестнадцатилетнего Борика и племянника, пятнадцатилетнего Николая Саварова. Хотя на лицах вместо бороды пушок, но смогут командовать женщинами и стариками.

В одно солнечное ноябрьское утро Федот Саваров появился в правлении поздно. Это многих удивило.

Не думал Федот, что его и нескольких деревенских мужиков пригласят на воинскую комиссию. Оттуда вышел и сказал:

– Здоров как бык, руки и ноги целы, ружьё могу держать. годен к военной службе.

Недавно, под Москвой прошли тяжелые бои, он радовался успеху наших войск и восторженно толковал:

– Бежит...Бежит фашист, не оглядываясь назад. Если так пойдет, без меня война завершится, не успею ни одного мерзавца отправить на тот свет!

Вот пришло время. Пятидесятилетний председатель уходит на фронт, получил мобилизационный лист, сегодня в шестнадцать часов он должен стоять у крыльца Калининского сборного пункта. Если таких мужиков начали призывать на фронт, значит, плохи дела. Сводки с фронтов одна тревожнее другой, беспокойно на душе. Федот ежедневно заходил в школу, на старой карте Советского Союза флажками отмечал движение наших войск. С болью переставлял флажки вглубь страны.

Члены правления и бригадиры молчали, робели первыми начать разговор. Тишину нарушил сам председатель:

– Любовь Семёновна, придется тебе брать в руки управление колхозом.

– А Федот Саварович куда отправляется? – переспросила она.

– На фронт, милая... на фронт...

– Что, на это место никого не нашёл?

– Даже не искал! Кроме калек, стариков, женщин и двоих этих оболтусов, никого нет! – резко посмотрел он на юных парней.

– А Аким Макаров? – переспросила Люба.

– Он ведь безбашенный, при первой возможности всех загонит в могилу! – резко возразил Федот. – На словах Волгу переплывёт, на деле в Цивиле утонет.

Аким обиделся.

– Рана, нанесенная словом, неизлечима, – буркнул он и покинул правление.

Полякова неожиданно согласилась.

– Люба, придется нелегко, хлеб на току не успели обмолотить, – продолжал Федот. – Кормов на колхозное стадо до весны не хватит. Вся надежда на людей.

– Главное, чтоб на фронтах наши соколы выдержали, а мы стерпим, отстоим! – эмоционально выразился Николай Саваров.

– Ах-хах-хах!* Побольше бы на свете таких парней, давно бы фашистов одолели... – ответила Полякова.

4

К вечеру третьего дня войны Кури Алексеев был мобилизован, вместе с братьями ушел воевать с немцами. Контузия, полученная на монгольской земле, больше не давала о себе знать. В Канаше пути-дороги братьев разошлись. Кури отправили на повторное медицинское освидетельствование, врачи недолго посоветались и приняли окончательное решение: «Здоров». Тут же пригласили к военкому, где приказали вернуться в Калинино – в распоряжение районного НКВД.

– Разрешите обратиться! – возразил Кури. – Я отслужил действительную воинскую службу, на фронте больше пользы принесу.

– Здесь тоже фронт! – строго отрезал полковник. – Раз отслужил, то должен знать, что приказы не обсуждаются, а выполняются.

– Есть! – недовольно ответил Алексеев. – Разрешите вернуться в Калинино!

– Давно бы так, – сменил тон военком. – Отправляйтесь...

---

*А х – х а х – х а х! – сожаление

Кури первым же поездом доехал до станции Вурнары, несмотря на ночь, пошел в сторону Анаткас Хабыз. Переночевал у Хрустальных, а утром прибыл в Катининский районный отдел НКВД.

Его определили участковым уполномоченным. Единственное неудобство – в какой деревне работаешь, там и жить следует. Начальство место службы меняет часто, считает, что участковые за это время обзаведутся друзьями, кумовьями, могут и родные появиться. На мелкие нарушения начинают смотреть сквозь пальцы. Вот и кидают уполномоченных с одной точки на другую. Кури Алексеев прибыл в деревню Сугут. Под его надзором – четыре деревни.

Не успел уполномоченный милиционер вникнуть в дело, притопала первая беда – ночью обворовали сельский магазин. Водку в бутылках немного взяли, а консервы, конфеты, пряники и печенье исчезли.

– Поработали несовершеннолетние, кому нет восемнадцати, – вслух высказался Алексеев при начальстве.

– Вот и ищи среди них! – жестко оборвал его старший уполномоченный Мокеев.

Алексеев сконфузился, но не выдержал и с грустью произнес:

– Это дело оперативников, а не участкового!

– Тебя и твой участок руководство будет трясти до следующего года. – отрезал Мокеев.

Он работает в милиции со дня основания района, считается самым опытным. Не тратит слов на пустые разговоры, у него всё разложено по полочкам.

Начальник отдела с ходу напал:

– Кто сельмаг сторожил?

– Две бабки. – замылся Алексеев. – Да что с них возьмешь, в штатах потребкооперации не состоят. Сельпо экономит деньги на сторожах.

Уполномоченный не ошибся, через день трое четырнадцатилетних мальчишек сидели перед оперативниками и чистосердечно признались в содеянном. Жаль мальчишек, их ждёт строгое наказание – до семи лет строгого режима – сначала в детской колонии, а потом во взрослых лагерях. Один из них оказался младшим сыном услабинского крестьянина Петрука Соколова – Минька.

Кури Алексеев знаком с этой семьёй. В середине тридцатых годов, до призыва в армию, он целый год числился экспедитором

Вурнарского сельпродторга, сопровождал товар до места назначения. Туда с разных деревень приезжали частники – единоличники, объединялись по двадцать–тридцать человек и заключали договоры на перевозку товаров на своих повозках со станции Канаш в город Чебоксары. Летом было терпимо, а вот зимой трудности встречались на каждом шагу. Метели задували дороги, обозы плутали, проваливались в сугробы. Люди жалели лошадей, на руках товар вытаскивали на дорогу. Питались всухомятку, лишних денег на чайные никто не имел. Там Кури познакомился с Петруком Соколовым. Он в колхоз не пошел, о причинах не распространялся. Власти требовали своевременно оплачивать налоги, приходилось наниматься извозчиком.

Однажды работники Чебоксарского продторга по причине отсутствия денег отказались извозчикам своевременно оплатить за выполненную работу. Соколов, недолго думая, взял начальника за грудки. Испуганный хмырь вытащил из своего кармана деньги, с ним рассчитался. Не успел Соколов исчезнуть с места происшествия, к складам подъехали два милиционера, увезли его в неизвестном направлении. Домой Кури вернулся на повозке Соколова, в тот же вечер коня передал его жене, рассказал о произошедшем. Скандалиста посадили в тюрьму, но, слава богу, скоро отпустили. Конторщик оказался вором и спекулянтом, полученные обманным путем излишки товара реализовывал на сторону, наваром делился со своими подельниками. Ревизоры докопались до истины, оправдали всех невинно осужденных. Оказывается, прохвост не раз оставлял извозчиков без оплаты, и всё сходило ему с рук. Соколов не забыл Кури Алексева, за коня подарил хорошие теплые русские шаровары. С тех пор они считаются друзьями.

Теперь перед оперативниками сидел сын Соколова Минька, сверлящими глазами стрелял в милиционеров.

Вечером Кури заехал в Услабу, нашел Соколова и рассказал о сыне. Тот молча выслушал и глухо добавил:

– Советская власть мстит мне за грехи, сначала оставила без средств существования, старшего сына Семку загребла на войну, Миньку – в тюремную камеру. У младшего с детства руки кривые, в голове одна дума – что стащить. Дочери у меня смиренные, работающие. Живем, мучаемся, несмотря на трудности, пытаемся бороться с нищетой.

Не стал Кури Алексей лезть в душу человеку, сославшись на занятость, уехал.

Из-за работы в НКВД Кури считает себя ущербным человеком. Перед солдатами, возвращающимися домой после серьезных ранений, порой без рук или без ног, он рообет.

В трудные минуты себя успокаивает: «Трагедия в жизни неминувна, так или иначе, все живущие на этой земле со временем умрут. Кто может гарантировать, что моя смерть будет легче тех погибших на войне односельчан. Может, буду страдать в десятки раз больше. В одной книге написано, что «...жизнь дается всего один раз и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

Он не живет бесцельно. Имеет боевую награду, многие на работе об этом знают. Оперативники и участковые. может, и завидуют ему, но молчат.

Скоро Кури предложил Василисе стать его женой. Она согласилась. В этот вечер все три семьи были довольны. Федот, наконец, успокоил свою душу, попросил прощения у дочери за причиненные обиды и благословил.

Теперь у Кури есть самый близкий человек – друг, с кем можно поделиться мыслями, посоветоваться, – это его жена.

* * *

Необъяснимы повороты судьбы. Недавно его звали Кури, теперь величают товарищем Алексеевым. Не ожидал, не ведал, но стало приятно, когда седоволосые старики стали называть милиционера по имени-отчеству. Государственная служба быстро возвеличила его. Кроме должности, для работы власть вручила коня, тарантас, легкие сани и собаку по кличке Альма.

Народ ныне степенный, не выходит за рамки недозволенного. Кому в деревне устраивать дебош? Мужики на фронте, молодежи некогда куролесить, вечером от работы в колхозе с ног падают. А вот некоторые бабы с цепи сорвались, при малейшей возможности начинают крутиться около оставшихся в деревне мужиков, стараются своего не упускать. С ними тяжело разговаривать: они не нарушают закон, не скандалят, тихо, мирно решают свои проблемы. Порою слухи об измене мужа

долетают до жены, тогда начинается настоящая битва, доходящая до мордобоя.

Каким образом в Сявалкаском сельсовете председательствовать стала эвакуированная? Баба боевая! Быстро нашла теплое местечко, даже мужика для себя подобрала.

В жизни случается: споткнешься утром, весь день кувырком идёт. В самом центре женского разбирательства оказался уполномоченный НКВД Кури Алексеев. Он подъехал к сельсовету в начале словесной битвы двух соперниц. Пытался остановить их:

– Прекратите балаган, на вас смотрят люди!

– Не лезь в наши дела! – строго ответила председатель сельсовета, а другая женщина как бешеная накинулась на милиционера.

– Ах ты, тыловая крыса!.. Ходишь, вынюхиваешь, хочешь быть чистеньким. С бабами воюешь, ищешь теплую постель! Не тебе судить! У Тамары скоро живот вырастет! Сначала разберись у себя под носом! Многоженство завёл!..

Кури не стал слушать крики чумной женщины. С помощью любопытных отташил её, пригрозив отправить на торфоразработки. Женщина сразу зажала рот, попросила прощения, пробормотала, что у неё двое маленьких детей.

Некоторое время милиционер был в раздумье: «Действительно, сколько можно воевать с женщинами. На фронт пора... Но кто его туда отпустит? Руководство живо придумает наказание, но не отправит участкового на фронт. С другой стороны, кто-то и в тылу должен наводить порядки, иначе бабы перегрызут друг другу горло».

В голове промелькнули дурные мысли: «Неужто Тамара беременна, ждёт ребёнка?.. Может, нагуляла, пытается отомстить?.. Надо... надо что-то предпринять, лучше всего отречься от всего... Не был у Тамары, не ночевал и баста!.. Кто докажет? Как он в начале семейной жизни допустил такой промах, стал многоженцем?..».

Тамара Егорова работает продавцом в Калининском сельпо. На выходные пешком добирается до деревни Сявалкас. Крепкая, статная женщина. Была замужем, на мужа получила похоронку, вдовой себя считать не хочет.

Как-то Кури Алексеев догнал её на дороге, посадил рядом с собой на сани. Слово за словом, начал заигрывать, несколько раз обнял за талию, прижал к себе. Подействовало. Она пригласила

его в гости. Увидев милиционера, старуха-мать захлопотала у печки, Тамара скрылась за занавеской и вышла к ним в платье. «Ладная, – подумал Кури. – Бабью красу тряпками не укроешь». За разговорами и вкусным ужином забыл о домашних делах. Да и пиво подействовало.

– Апай, у нас нет штоль ничего покрепче?

– Не стоит, – твердо ответил Кури. – Мне до дома надо добираться.

– Одну рюмочку. Пиво для крепкого мужика как вода.

«Нельзя обижать людей, сам напросился в гости – подумал он. – Немного посижу и укачу».

Не получилось. Хозяйки оказались приветливые, постарались угодить мужику – уполномоченному милиционеру. Заночевал Кури.

Открыл глаза рано. Посмотрел по сторонам, рядом лежит Тамара. Он вскочил как кошка с ошпаренным хвостом.

– Доброе утро! – улыбнулась она.

Кури растерялся и ляпнул:

– Для меня не очень-то славное...

– А я довольная, – с издёвкой ответила Тамара.

– Как оказался рядом с тобой?

– Заявил: «Останусь навсегда».

– Не припомню...

– Оно конечно... С матерью опустошили почти литр водки, да и пиво у нас отменное, любого уронит, – засмеялась Тамара.

В это время из-за печки показалась старуха, зевнула и громко заговорила:

– На следующей неделе пригласим родных, благословим.

Кури испугался, попытался уточнить:

– Кого благословите?

– Вас... С Тамарой! – резко ответила старушка.

– Я женатый человек, у меня скоро ребёнок будет, – стал оправдываться Кури.

– Не ты ли вчера голосил, что вы не расписаны, свободный человек.

– Я не татарин, не могу привести в дом вторую жену.

У Тамары враз перекосило лицо, губы скривились.

– Ах, ты, хмырь милицейский! – резко хлопнула она ресницами. – Погулял, повалялся со мной в мягкой постели – и в кусты!

Кури не на шутку испугался, у него взвинтились нервишки, но решил идти напролом:

– Ша! Запела... Ясно дело, удовольствие получили оба. Положили пьяного мужика рядом с собой, теперь пытаетесь шантажировать. Не выйдет! К тебе, торгашка, сегодня могут заглянуть с ревизией, найдут недостачу на пару сотен, лет пять лес будешь валить. А старушке за самогонку придется отвечать.

Не ожидали женщины такого поворота дел. А как хотелось прибрать мужика к рукам. Не получилось. Не из простого теста вылеплен милиционер.

Тамара завyla, старуха онемела от такой наглости, стала просить прощения.

– Не ревите, черт побери, я не муж Тамаре! – поставил точку Кури.

Вмиг собрался и уехал в Калинино. По дороге ругал себя разными крепкими словами, никак не мог выдумать, как скрыть от Василисы. Решил это обмозговать всесторонне.

Днём в чайной увидел Тамару. Она подошла к нему, сама заговорила, будто ничего не стряслось между ними.

– Подожди немного... – остановила она.

– Не могу, выезжаем на задание, – пытался слукавить Кури.

– Не сердись, я тебя буду ждать.

– Смешная ты.

– Счастья в жизни ищу, а оно всё выскользывает, – вздохнула

Тамара.

На этом успокоились.

Кури вернулся в Сугут. Был встревожен, подавлен. Василиса сразу заметила волнение мужа. Куда скроешься от женской интуиции. Она подумала: «С мужем неладное творится, значит, на работе неразбериха. Всякое может быть, времена трудные». Василиса поняла, что разговоры ни к чему не приведут.

Кури обрадовался такому повороту дел. Пытался пораскинуть умом: «Любит ли он жену? Готов ли делить с ней радости и трудности жизни? Василиса души в нём не чаёт, с нежностью к нему относится. Она молодая, пригожая и проворная, целыми днями кружится в косынке и в расшитом белом платье по избе. Кури доволен, рядом жена. Скоро родится ребёнок, если девочка – назовут Улей, если парень – Владиславом. Что ещё нужно мужику?...».

Суровый ноябрь постучал в двери. Наступили сильные морозы, они полезны для уснувшей природы, но сущая беда для человека и животного мира.

Георгий Алексеев недавно получил бронь, на фронт не взяли. Решением районного отдела народного образования во время каникул учителей призвали принять прямое участие в таком важном мероприятии военного времени – в заготовке дров для школ. Георгий согласился выехать в лес, пожалел женщин. Когда в районе узнали об этом, назначили бригадиром одного из участков. Теперь он на лесоразработках.

В лес приехали женщины и безусые юнцы, только что перешагнувшие пятнадцатилетний возраст. У них на губах материнское молоко не просохло, а наряды получили на самую тяжкую работу. Девушки будто на праздник собрались: надели кафтаны, вниз холщовые платья, панталоны, подвязанные гашниками, и длинные шерстяные чулки. Хорошо хоть в котомках лежат лапти и портянки. Алексеев предложил из дома привезти мужские шаровары, девчата перепугались. Снег в лесу глубокий, в валенках далеко не уйдешь, сразу набивается за голенища, через час не работник. Лучше всего целый день месить снег в лаптях, а после работы в бараке ходить в теплых валенках. Пришлось ежедневно топить на делянке баню, немного обогреть работников и высушить до утра мокрую, замерзшую одежду. Георгий ругал девчат и их родителей:

– Где ваши головы? Неужели не соображаете, не сено косить приехали!

– Нам сказали, что по сугробам не придется лазить, – оправдывались девчата.

В этой суматохе Георгий увидел Машшук Кириллову, дочь Захара Узякова.

– Как ты здесь оказалась? У тебя трое, последний только из зыбки вылез?

– Родители остались. Кто меня послушает, я ведь из раскулаченных.

Георгий пожалел, что не может отменить решение председателя колхоза. Кого прислали, с теми приходится работать.

Некоторые старики совсем сдурели, без коры молодой липы внучат домой не пускают. Вот и прыгают девчата, порою во вред основной работе, сдирают лыко, готовят огромные котомки. Георгий пытался их вразумить, пугал военным положением, тюрьмой. Но разве можно воевать с молоденькими девчатами, вечером ползущими из последних сил в холодный барак?

Раньше говорили, что сильные холода сулят надежный урожай. Георгий ждал, когда луна ночью перестанет светить ярко, когда деревья перестанут трещать и ослабнет тяга в трубе. Больно смотреть на отмороженные пальцы и щёки девчат, слышать их плачь от нестерпимой боли.

В бригаде работают шестеро мужиков, имеющих временную бронь. Бессовестные – держатся особливо, открыто издеваются над другими, трудятся вполсилы, шутя, но намного быстрее женщин и мальчишек. Они валят лес, девчата срубают сучья и тянут двуручные пилы, распиливая хлысты на метровые чурки.

Георгий Алексеев следил за работой мальчишек и девушек. Они деревенские, привычны к распиловке – не нажимают, не загибают пилы, ноги расставляют удобно, правильно, тянут двумя руками. Некоторые совсем не вышли ростом. Учитель в классе на них не обращал бы особого внимания, на тяжелой работе сразу заметил, старался расставлять тройками, где были более сильные, смышленные.

Мальчишки не ныли, хотя от нестерпимой усталости, от тяжелого труда, простудных заболеваний глаза были на мокром месте. Георгий пытался часть работ переложить на мужчин, те заартачились, обещали пожаловаться.

– Что ты хочешь! – напирали мужики. – В нынешнее время такие работники, как мы, на улице не валяются.

Георгий задумался, потом ответил:

– Женщина, это большое дерево, на ветвях которого устроилась вся её семья. Надо её поддержать, помочь, тогда она будет стоять величаво.

– Эккей!* – возмутились вальщики. – Раз приехали в лес, наравне с нами должны трудиться.

---

*Э к к е й – выражение недовольства.

– От вас требуется немного жалости... Поймёте иль нет? Сострадание – это тайна женской души. Только у женщины на долгие годы сохраняется жалость и потребность в заботе о близких.

– При виде мужиков их пышные груди как тесто поднимаются! – хохотали мужики, не желая слушать бригадира.

– Не мужики, а именно женщины сохранили порядочность в семьях, в обществе. Они не позволяют себя держать в стыде. Когда я им предложил натянуть мужские брюки – отказались. Не хотят быть мужланами...

– Придержи язык, учитель! – возразил Гавриил Петров, старший из вальщиков. – Не руби дерево выше головы: щепой глаза запорошишь...

Пухленький, небольшого роста мужичонок, с цепкими зеленоватыми глазами, своего никогда не упускает, готов любого под себя подмять.

Георгий вошел в раж, давно хотел с мужиками поговорить, никак не получалось, теперь самое время.

– Стыдно за вас! – отрезал Георгий. – Положенные десять часов вполсилы протрясете и в барак, в первый жар бани попадаете, забываете подкидывать дрова, закрывать за собой вьюшки. Никто из вас не хочет надорвать себя. Девчата ежедневно задерживаются, им ведь приходится выполнять план.

– Мы тоже трудимся, руки привязаны к пилам! – зло ответил Гавриил. – План выполняем сполна.

– Привязаны!.. – закричал Алексеев. – Не работа вас мучает, а вы работу мучаете!

– Ты, бригадир, говори, да не заговаривайся! – мужики пытались надавить на учителя. – Дело пахнет керосином...

– Я хотел по-хорошему, вижу, вы нормальных слов не понимаете! – отрезал бригадир. – В дальнейшем будет по-моему, пока бригада не выполнит дневной план, никто с делянки не уйдет. Ослушаетесь, посчитаю вас саботажниками, дело передам в райисполком. Сами понимаете, как поговорят с вами по законам военного времени.

У мужиков от удивления разинулись рты. Не ожидали, что учитель может быть таким жестким человеком. Думали, будут командовать бригадиром, а он вот как закрутил... Враз мозги очистились. Такое врзал, значит, не шутит.

Разговор повлиял на мужиков, стали трудиться в полную мощь за всю бригаду. В лесу стоял звон пил и крики:

- Поберегись!
- Толкай сильнее!
- Рычаг бери!
- Лес сечь – не жалеть плеч!

Бригада рубит вековые сосны и кудрявые березы. Деревья, содрогаясь, ломая мелкие деревья и кустарники, сваливаются на землю. При ударе взрывается воздух, поднимается снежный туман, лес ухает, унося последний вздох перед смертью стройной сосны и белокурой берёзы.

– Как человек дышит, плачет лес снежной бурей. – заметил Георгий Алексеевич, слушая шум.

– Чего жалеть, – возразил ему Гавриил. – Человек издавна использует деревья для собственных нужд! Лес по дереву не тужит.

А нет!.. Учитель по-своему смотрит на этот мир. Дерево это жизнь, он обогащает воздух кислородом. Без него всё живое на земле угаснет, человек, уничтожая деревья, не должен забывать посадить молодые саженцы. Что поделаешь, приходится рубить для удовлетворения человеческих нужд – часто просто сжигать. Ныне лес нужен для фронта, для победы.

Одного не понимает Георгий. Бригада обрубает сучки, собирает их в кучу, затем сжигает, дым поднимается высоко над землей, растворяется в небе. Почему сжигают, почему запрещают людям вывозить?

– Не положено! – повторяет лесной уполномоченный Павлов.

В чем причина, почему не положено, объяснить не может. Раз написано и напечатано в инструкциях, в ведомственных указаниях – нельзя нарушать закон. В это время деревни из-за отсутствия дров замерзают.

* * *

После месячных лесных работ Георгия Алексева вызвали в районный отдел народного образования и назначили директором Ярмушской неполной средней школы. Разговор был долгий, понятный для мужика-учителя. Перед школой стояла серьезная

задача, как перед всем советским народом – помочь Красной Армии победить врага.

Георгий Алексеев переживал, ибо из-за войны положение в родной школе резко ухудшилось. Суровое время потребовало перестроить работу, выдвинуло задачи воспитания молодежи в духе патриотизма, сознательной дисциплины, ударного труда, коллективизма и товарищества. При этом проблемой стало приобрести школьные принадлежности: тетради, учебники, чернила, обеспечить классные помещения дровами. Военная обстановка требовала ускорить обучение учащихся навыкам, нужным для обороны Родины. Появилась необходимость научить школьников пользоваться картами, компасами, производить измерения на местности, чертить планы, работать со средствами связи, тушить пожары, гасить зажигательные бомбы. Такую задачу поставил заведующий народным образованием района перед новым директором.

Алексеев вернулся домой поздно, на сонные вопросы жены коротко ответил:

– Назначили директором школы...

– Может, мыло дадут, – буркнула Катерина.

Георгий хотел её обругать, но передумал, что возьмешь с темной женщины. Вот баба, умеет испортить настроение. Никак не мог уснуть. Вскочил на ноги, поставил на стол керосиновую лампу, зажег, долго писал, время от времени поднимая голову, о чем-то сосредоточенно думал. Наконец в тетрадке отметил: «26 декабря – заседание педагогического совета школы» и с чувством выполненного долга лег спать.

Проснулся рано. С утра, до начала утренней пятиминутки, хотел поговорить с председателем Яковом Владимировым. Дрова в школе кончились, в классах холод. Дети сидят в фуфайках, шубах, пишут в варежках. К обеду солнце поднимается, немного отогреет помещения, тогда только ученики прячут под парты свои шапки и платки.

Несмотря на раннее утро, в правлении тускло горела керосиновая лампа. Председатель, увидев нового директора школы, сразу повеселел, с ходу выложил свои проблемы, попросил помощи:

– Георгий Алексеевич! Христом Богом прошу, на два дня... Отправь старшеклассников на сортировку зерна, некому работать, не успеть подготовиться к севу.

– У директора просите, – пошутил Алексеев.

– Мне вчера сообщили...

– Тогда, Яков Владимирович, договоримся так: пока не привезете в школу дрова, старшеклассников не получите. Если задумаете в очередной раз схитрить, на районном уровне подниму такой шум, не поздоровится.

– Привезут... к обеду доставят... распиленные на чурки.

– Когда подвезут, тогда и поговорим, – ответил Алексеев, глядя в глаза председателю.

День начался в суматохе. На первый урок почти весь старший класс опоздал, опять на хозяйстве. В классе сидели только двое – Галя Музякова и Вася Алексеев. Директор, поручив им самостоятельно выполнить пару упражнений, пошел искать завуча. Она ждала нового директора, приготовилась к серьезному разговору.

– Продолжительность уроков придется сократить до тридцати пяти, а перемены до пяти минут. – выложил Георгий Алексеев просьбу районных властей.

– За это время учителя не успеют объяснить новую тему! – воскликнула Софья Петровна.

– Придется увеличить самостоятельную домашнюю работу, – напирал директор.

– Это повлияет на качество учебы всего учебного процесса! – не сдавалась завуч.

Уважает этого человека Георгий Алексеев, десять лет она работает в школе. Руководители меняются как перчатки, но Софья Петровна Стрельникова, учитель русского языка и литературы, остается при своей должности. Боятся её районные инспекторы, не торопятся повысить в должности. Георгий Алексеев без лишних слов согласился с её выводами. Что сказать? Все осознают создавшееся положение, особенно со старшеклассниками.

– Седьмой класс на первый урок не приходит. – с горечью сказал Алексеев. – Веня Лазарев, Лизук Павлова и Света Яковлева с пяти утра на ферме подогревают воду, двое в телятнике, Зоя Гурьева убирается в правлении колхоза и затапливает печки. Вот вам семиклассники. Так каждый день...

– Не дети, а какие-то машины? – грустно ответила завуч. – Достается им...

– Всему народу тяжело, ничего, выстоим, победим мы этого фашистского гада!.. – тяжело вздохнул директор. – Учителя и ученики со дня начала войны не знают выходных дней, после уроков

наравне со всеми работают в колхозе. Владик Муратов и Витя Овчинников за зиму собрали пятнадцать центнеров золы и десять центнеров птичьего помета. Выработанных трудовней перевалило за сто. Пионеры вместе с вожатой Галиной Коротковой организовали сушку картофеля для Красной Армии. На постройку танковой колонны «Пионер Чувашии» собрали более трех тысяч рублей, две тонны металлолома. Рано повзрослевшие мальчики и девочки с четырнадцати лет стали рабочими по отсылке Сурского рубежа обороны, вывозят хлеб на железнодорожную станцию Вурнары. Трудно, но понимают: это необходимо для победы.

Договорились: вопрос о старшеклассниках рассмотреть на заседании педагогического совета.

Педсовет начался после уроков. Учителя узнали о новом директоре, но никаких вопросов не возникло, они знают Алексеева не первый год. Сокращение продолжительности уроков и перемен, другие проблемы учебного процесса прошли без лишних обсуждений. Важный вопрос – отправка телеграммы на имя Верховного Главкома Вооруженными Силами СССР товарища Сталина от имени одного из учащихся школы обсуждался долго. Районное начальство посчитало это важным мероприятием, не доверяя школьным работникам, прислало на педсовет сразу двоих представителей – из райкома партии и отдела народного образования.

– Телеграмму направит ученик пятого класса Валерий Александров, – предложила Софья Петровна. – Трудовая семья. Отец на фронте, награжден медалью «За отвагу», мать – передовой бригадир Ярмушского колхоза имени Калинина. В семье двое детей, оба учатся в нашей школе, отличники. Недавно семья сдала пять пудов хлеба в фонд обороны.

– Все ли согласны с этой кандидатурой? – неуверенно спросил Георгий Алексеев.

Представители района робко кивнули. Софья Петровна начала читать проект текста телеграммы: «Труженики нашего Ярмушского колхоза имени Калинина на строительство боевых самолетов, танковых колонн внесли 240 тысяч рублей. Мы – дети – хорошо знаем, что эти самолеты и танки будут громить врага. Успехи нашей Красной Армии радуют нас. Я знаю, что мой папа на фронте крепко бьет фашистов. Мне двенадцать лет, лично учусь в пятом классе средней школы, летом заработал пять

тысяч рублей и сдал на строительство боевого самолета. пять пудов хлеба передал для Красной Армии, громящей фашистских зверей – детоубийц. Я очень рад, что чем-нибудь смогу помочь нашим славным бойцам!.. Валерий Александров».

Обсуждение правительственной телеграммы воодушевило всех учителей, они засыпали вопросами представителей власти. Пришлось объяснить, рассказать о создавшемся положении на фронте и в тылу.

Вечером Георгий Алексеев зашёл к Александровым. Самому хотелось посмотреть на ученика и поговорить с ним. В беседе участвовала мать мальчика Варвара Николаевна.

– Завтра приедет корреспондент районной газеты, ты расскажи ему о своих успехах, о матери, об отце-герое, – предупредил ученика директор.

– Газету я пошлю папе на фронт, – обрадовался Валера.

– Разумеется. – поддержал мальчишку Георгий Алексеевич, а сам в это время подумал о своих сыновьях, которые уже десятый месяц сражаются на фронте.

Недавно Петр в письме сообщил, что он стал командиром роты.

6

Петр Алексеев второй месяц воюет с немцами, но именной наган никак не может получить. Он достал его в бою. Перед первой схваткой бойцам раздали винтовки с пятнадцатью патронами, некоторым достались гранаты. В бою использовали трофейные немецкие автоматы. Наконец взвод вооружили по полному комплекту. За два месяца потеряли в боях половину бойцов.

Немцы третьи сутки атакуют. Они в летнем зелёном обмундировании и легко идут к окопам. Огнём, струями пуль из прижатых к животам автоматов прокладывают себе дорогу. Критическая минута боя ещё не наступила. Наши молчат. Хотят подпустить поближе и дать им прикурить. Петр не может вздохнуть, грудь будто в тисках сдавило. «Неужели сомнут?», – подумал он, но ждал команды.

Враг стреляет, не дает никакой передышки. Минометы с устрашающим звуком начинают перепыхивать окопы вместе с

бойцами. Мины падают, оглушая вокруг. Разрываясь, сотрясают землю с тяжким стоном и засыпают окопы. Раненые бойцы кричат, тревожа душу и психику обороняющихся. Наши станковые пулеметы молчат. Только трассирующие пули немцев веером летят в сторону леса и исчезают в стволах деревьев.

Ходишь между жизнью и смертью, душа не знает покоя. В передышках бойцы проваливаются в сон, перестают слышать даже грохот пушек. Немцы не хотят тратить живую силу, не топятся платить жизнями своих солдат за продвижение вперед.

Вдруг рядом что-то грохнуло. Петр упал, в мягкое тело вонзилось несколько мелких иголок. Умирать не хотелось. Сначала по телу растеклось тепло, потом от резкой боли пришлось стиснуть зубы. Мысли летели молнией: «Нет!.. Не погасла на небе моя звезда... Не хочется верить, что именно сейчас смерть держит меня своими костлявыми руками, не хочет отпускать. Неужели это последний день, последний час? Таков Эсрел*, губитель души человеческой. Вот почему люди его ублажают – кланяются, жертву приносят».

Бой продолжается, выдержит ли. не растеряется ли взвод, не перебьют ли их немцы?.. Целый день бойцы лежат под смертельно жутким обстрелом, жмутся ко дну окопа, ежеминутно ожидая взрыва мины. Нервы до предела натянуты, хочется быстрее вырваться из этого ада. Вдруг минометы замолчали, значит, приближается пехота немецких солдат к нашим позициям.

Хотелось уснуть, забыть обо всем. Петр переборол страшные мысли и взялся за пулемёт. Немцы потеряли страх. Они уже близко, скоро-скоро своими короткими сапогами начнут топтать наши окопы. В это время командир роты Волокшин изо всех сил гаркнул: «Огонь!», и более ста винтовок и автоматов, два пулемета разом начали валить фашистов.

Немцы залегли. стали откатываться. Очередная атака отбита, две роты остались на прежнем месте.

Напряжение схватки. убитые, раненые. крики и кровь действовали на Петра удручающе. Он не должен терять разум и хладнокровие, но небо закружилось и поплыло у него перед глазами. Видит, перед ним стоит мать и тихо говорит: «Немного пере-

---

*Эсрел – дух смерти.

двинься, неудобно лежать...». Послушался, перевалился на другой бок. Раздался страшный грохот, мягкая земля рядом с ним вздыбилась. Останься он на том месте, упавший осколок снаряда разорвал бы его на части.

Открыл глаза, рядом никого нет. Будто вдалеке гром гремит, а в костре угли трещат. Немного полежав, понял: «Где-то рядом идет бой, взрываются снаряды, трещат автоматные очереди, слышны выстрелы из винтовок». Значит, бойцы не сдали позиции, продолжают воевать.

Вокруг стало тихо. Петр почувствовал, что немцы сегодня больше не пойдут на окопы. На землю тихо опускался вечер. До самого утра можно немного прийти в себя, собраться с мыслями, но опять провалился в темень.

Оказался в лазарете. Кругом пахло лекарствами и кровью. Из его тела вытащили мелкие осколки, обработали и перевязали, к вечеру встал на ноги. Через неделю Алексеева вызвали в штаб дивизии, он отправился в город, сопровождая вместе с санитаром несколько раненых бойцов. К повозке подбежал командир второй роты Страхов и приказал занести в военный трибунал дивизии документы на бойца Соколова. Алексеев положил бумаги в полевую сумку.

– Соколов?.. Какой Соколов? – спросил Алексеев, вспомнив своего однокурсника по институту. – Откуда он?

– Вроде из Поволжья, – ответил Страхов.

– Неужели он?.. – забеспокоился Алексеев.

Не выдержал, по дороге открыл сумку и прочитал рапорт Страхова. Удивился. Рядовой Семён Соколов оказался родом из деревни Услаба, что рядом с родной Ярмушкой, в трех верстах – за косогором.

В тот день Алексееву присвоили звание старшего лейтенанта и назначили командиром роты, которой командовал Волокшин, убитый в бою. К обеду освободился и нашел здание, где располагался военный трибунал дивизии. Передал документы, попросил показать задержанного солдата. Соколов сидел в дальней комнате еще с двумя такими же арестованными.

– Сыва-и, янташ!* – произнес Петр по-чувашски.

– Слышу, а дальше что? – буркнул Соколов.

---

*С ы в а - и, я н т а ш! – здравствуй, земляк.

– Ничего... На тебя документы привёз.
– Радость-то какая! Сейчас от счастья зарыдаю!
– Большой радости и я не испытываю, пока ехал, узнал кое-что, как-никак земляк из деревни Услаба.

Соколов поднял голову и спросил:

– Сам-то, старший лейтенант, откуда будешь?

– Из Ярмушки... Сын Георгия Алексеева.

– Учителя? – переспросил он.

Петр кивнул головой, а сам подумал: «Не ожидал, что придется встретиться с земляком».

Забинтованную левую руку Соколов держал на весу, через повязку проступала кровь. Значит, саданул он из винтовки свою руку недавно.

– Что с ним? – поинтересовался Алексеев.

– Во время боя Соколов струсил, за собой увлек в бегство часть взвода, – коротко ответил дежурный офицер.

– Дальнейшая его судьба? – спросил Алексеев.

– Наградят свинцовой медалью в лоб или определяют в штрафбат, – не поднимая головы, ответил капитан. – Забыл о долге. Струсил, дал дёру с поля боя.

– Самострел?

– Нет, немецкая пуля догнала, когда бежал. Бог шельму метит.

Петр побледнел. Он сам во второй день сражения, задыхаясь, бежал с бойцами, спешил, подхлестываемый автоматными очередями преследователей. За ними на мотоциклах гнались немцы. Рой пуль, готовый тотчас ужалить, преследовал их. Находил жертвы: кто-то спотыкался и лицом падал на землю, другой оседал на землю. Раненных поднимали, а мертвых оставляли на месте. Петр бежал, на бегу нашептывая старую молитву чувашей, придумывая на ходу свои слова: «Дедушка, бабушка, родные и близкие, ушедшие в мир иной!.. Благословите, не бросайте!.. Сохраните жизнь, дайте силы не упасть от слепых пуль фашистов!.. Помогите!..». Залечь бы где-то под кустарником и встретить врага хладнокровным шквальным огнем. Если у тебя нет автомата, надеяться не на кого, приходится бежать. Он не трус, но один в поле не воин. Никакой вины в этом Петр за собой не чувствовал. Тогда командир батальона расстрелял двоих впереди бегущих бойцов и остановил толпу, направил против немцев. Была ли такая жестокость оправданна, но солдаты навсегда запомнили закон войны.

Значит, Соколов тоже не сохранил хладнокровие, может, перед первой кровавой бойней испытал нечеловеческий ужас. Теперь он, утратив гордость, краешком глаза внимательно изучает старшего лейтенанта Алексеева. Захотел продлить свою жизнь за счет других. Не получилось, придется отвечать по всей строгости закона военного времени.

Петр собрался уйти. Семка резко дернулся, громким голосом остановил его и заговорил:

– Меня ждет смерть. Минуты слабости и страха стали не управляемые. Я совершил воинское преступление, за это буду отвечать. Одна просьба, останешься живым и вернешься домой, сходи к моим, расскажи. Они не должны знать, что сын погиб из-за слабости характера и трусости...

– Обещаю... – неуверенно ответил Петр и оставил земляка.

Он навсегда запомнил наставления начальника школы:

– У хорошего командира нет плохих солдат. До первого боя их не жалеете, заставляйте работать до седьмого пота, мозоль – не пуля, с ног не валит. А в бою... в бою изо всех сил берегите. Бойцы должны остаться живыми, других таких у вас никогда не будет. Они идут в бой не умирать, а жить. Если сохранили роту, вам только спасибо скажут. Этого можно добиться только железной дисциплиной. Ещё одно – абсолютная необходимость беспрекословного подчинения приказам командира. Без этого не будет ни победы, ни жизни...

Петр не сразу привык к строгости. Однажды сильно досталось от комбата. Не смог сразу научить солдат подгонять снаряжение. У одних сумки болтались на мягком месте, другим досаждали вещевые мешки, третьим – плохо свернутые, разбухшие скатки натирали шеи докрасна.

– Ты что, лейтенант, как баба краснеешь, не можешь дисциплину наладить!? – кричал он. – Где требовательность!?

– Пока не привык, – глупо ответил Петр.

– Некогда привыкать, надо взять вожжи в свои руки и начинать хлестать.

– Жалко молодых парней.

– Тебе сколько самому лет?.. Жалеть здесь, значит, не жалеть в бою! Это понятно?

– Понятно, товарищ комбат!

– Немцы не тупые бараны. не хотят лезть под шальные пули. Они противники. не делают так, как тебе хочется.

Алексееву повезло, на учебке, на фронте встретились хорошие командиры – строгие, справедливые. Они научили молодых, ещё не нюхавших пороха младших командиров премудростям военной жизни, тем самым спасли десятки жизней бойцов.

А что с Соколовым? Петр узнал, что земляка отправили в штрафную роту. В бою у деревни Калиновка под Вязьмой он сложил голову...

* * *

Рота отступала с большими потерями. Усталые бойцы шагали по деревне понуро, стараясь поменьше встречаться со встревоженными женскими и детскими глазами. Они смотрели с жалостью, смахивали слезы. Испуганные глаза кололи: «Куда вы, соколики? Неужели на этом всё кончено? Что с нами будет, что ждёт впереди?..».

Лица женщин и детей умоляли остановиться, оглядеться, задержать врага. Но приказ никто не имел право отменить, солдаты должны оставить эту деревню. Женщины не оплевывали отступающих, только с укором смотрели им вдогонку.

Тяжел, очень тяжел марш отступающих бойцов. Печаль, понятная только им, застыла в лицах. Никто не хотел умирать.

В конце марта сорок второго года рота оказалась под Ржевом. Везде лежали одни руины. На окраине небольшого села горела немецкая и наша военная техника, сожженная во время смертельных битв. Рота старшего лейтенанта Алексеева получила приказ: срочно обследовать местность, подготовиться к отражению немецких атак. Двое суток без сна. Только устроились на ночлег в полуразрушенном доме. Петр провалился в теплый туманный сон, но непонятная сила вытолкнула его. Приоткрыл глаза и удивился, спал почти семь часов. Ничего не чувствовал, ничего не слышал, никаких сновидений, мыслей, чего-то нерешенного. Лег и проснулся, а большая стрелка старых ручных часов за это время прошла семь кругов.

– Товарищ старший лейтенант, там, в старой скирде соломы, немцы, – доложил командиру сержант Лисовенко.

– Вот орет, будто первый раз видит фрицев! – недовольно прокомментировал старый фронтовик Крылов.

– Лисовенко, бери бойцов и туда! – дал команду Алексеев. – Брать живыми!

Немцы заметили бегущих к ним солдат, двое выскочили из скирды и рванули в сторону леса.

Остальные, не желая сдаваться, открыли огонь, убили Лисовенко, ещё одного солдата. Бойцы сожгли скирду, в пылающем огне прекратились выстрелы. Немцы сгорели заживо. В это время Крылов с бойцами притащили фрицев из леса, они охотно начали давать показания. Им было поручено: перед наступлением уточнить места для оборудования аэродромов. Приказ выполнили, но уйти не успели, их заметили бойцы роты Алексеева, пришлось прятаться в скирде. Было восемь человек – инженеры аэромобильной части.

– Мальцев и Крылов, сопроводите немцев в город и передайте военной комендатуре, – распорядился Алексеев.

Бойцы посчитали, что военная комендатура не скоро придет на новое место. Обозленные за смерть Лисовенко, повели пленных к разрушенному дому и расстреляли, сами доложили командиру о выполнении приказа. Через день Алексеев узнал об инциденте, не стал солдат передавать в руки военного трибунала. Вместе мокли, вместе сохли. Ребята не из пугливых, не раз смотрели смерти в лицо.

Смерть для всех горе, невосполнимая утрата. Мертвым ничего не нужно. В родной деревне в гроб положат расческу, табак, деньги, а если женщина – иголку с ниткой, разноцветную ленту. Девушкам-покойницам, при опускании гроба в могилу старушки строго наказывают, чтобы они на том свете как можно скорее вышли замуж, обрели покой. Если покойник при жизни характером был уродлив, то гроб заколачивают покрепче и хоронят в тот же день. На войне по-другому – погибших и умерших от ран хоронят группами – выкоют яму, закроют лица шинелями и забросают землей. На месте похорон остаются бугры, но кто лежит в этой земле, вряд ли узнают даже местные жители. Могилы называют безымянными. Только в кратких письмах к родным и в военных архивах останутся имена героев.

Рота идет назад – на восток. За три последних дня оставили несколько деревень, похоронили двенадцать бойцов в таких же неизвестных могилах.

Опять эта «Рама». Вертится, высматривает, на крыло ложится. Теперь будет жарко, прилетит косяк стервятников. Долго ждать не пришлось. Из-за леса вынырнули четыре «мессершмитта», начали методично молотить по колоннам. Вокруг завертелось, закрутилось. Солдаты рассыпались по сторонам, а по ним «мессеры» строчили из пулеметов. Летчики людей не выбирают, пули сами находят их, навсегда уложив на снежное поле.

На следующий день рота оказалась в большом прифронтовом поселке, где смешались полковые и дивизионные тылы, – везде стояли санитарные, хозяйственные повозки, танки, орудия, тягачи и штабные машины. Суета как в муравейнике: солдаты и офицеры куда-то бежали, кричали, двигались, перемещались. По улицам шли молодые новобранцы, а солдаты постарше встали в строй после переформирования. Они шагали в сторону линии фронта. На небе тишина, не видно немецких самолетов, то ли низкие облака мешают, то ли наши истребители их не пускают.

Старший лейтенант Петр Алексеев нашел штаб дивизии, с разрешения часового оказался в сенях. Остановился у входной двери. Было немного не по себе, хотя успел привыкнуть к новой офицерской должности и повоевать до усталости. Преодолев непонятную дрожь, дернул за ручку, оттуда запахло свежим супом. За столом обедали командир дивизии Поляков и комбат Савельев.

Соблюдая воинскую дисциплину, Алексеев хотел доложить о себе, но не успел. Комдив, небольшого роста, плотный, с красноватой шеей подполковник, упрекнул:

– Опаздываете, старлей!

– Раненных передал в госпиталь, – пытался оправдаться командир роты.

– Это не ваше дело! – упрекнул Поляков. – Везде надо успевать...

Запах супа и свежего хлеба щекотали горло. Он ждал, что его пригласят за стол пообедать, но подполковник отодвинул еду и встал. Подойдя к другому длинному столу, раскрыл карту и пригласил Алексеева.

– Во-первых, поздравляю, вы представлены к награде, к ордену Красной Звезды, во-вторых – сформируйте роту новобранцами.

– Служу трудовому народу! – отрапортовал Алексеев, вздохнул и отчеканил. – Есть сформировать роту!

К обеду вернулся в расположение своей роты. Солдаты вместе с лейтенантом Киселевым выстроились вдоль окопов. Алексеев медленно проходил вдоль шеренги бойцов. В строю человек сорок, изрядно потрепанных в боях. На правом фланге молодой, бесстрашный Подколзин, родом из Архангельской области, помор, потомственный рыбак. В пятнадцатилетнем возрасте ходил в море и попал в шторм. Не растерялся, не струсил перед бушующей стихией. Так и во время боя, всегда поёт, при этом прицельно уничтожает противника. Рядом с ним Николаев, бывший студент пединститута. Этот весельчак – чуваш, с пленными немцами всё время пытается поговорить на родном языке. В конце добавляет, что этому языку с тюркским наречием более двух тысяч лет. Когда тяжелый танк оказался вблизи окопов, он связкой гранат разорвал гусеницы немецкой техники, выкурил оттуда фашистов, за что был представлен к ордену Красной Звезды. Далее пулемётный расчет: молчаливый, крепкий сибиряк Малышев и колхозный конюх из Брянской области Ермаков. А в конце строя – среднего роста, юркий, бесстрашный северянин Усынин со своими разведчиками. Рядом с ними – молодые безусые, только что прибывшие новобранцы. «В полку прибыло», – подумал ротный.

Усталые, бойцы ждали небольшого отдыха.

Приказ есть приказ, пришлось устраиваться на ночлег в поле. Алексеев изучал молодых новобранцев.

Солдаты мало думают о смерти. Им некогда умирать. В головах гуляют ясные мысли, то и дело в памяти всплывают родные места, близкие люди, счастливые моменты довоенной жизни, тогда руки сами тянутся к оружию, крепко сжимают автоматы.

Однажды Алексеев угрожающе закричал на молодого бойца: – Чего стоишь! Заряжай пулемет!

– Не надо орать, – с отчаянием ответил другой. – У него плохо с головой...

– Контужен?

– Ага...

– Его счастье, могло по частям разбросать около окопа.

Недавно их было около двухсот крепких бойцов. Среди них разные люди. Реальное дыхание смерти некоторых толкало

на преступления. Самострелами становились перед очередным боем, когда в воздухе начинал кружить запах смерти, отчего у некоторых появлялся животный страх. Были паникёры, прятались за спинами других или первыми убегали с поля боя. Находились слабаки, пытаясь сохранить свою жалкую жизнь, предавая жен, детей, родных, друзей и Родину, сдавались немцам в плен. В то же время основная часть стремительно бросалась в ад, понимая, что оттуда можно выйти, только разорвав огненный круг, в очередной раз победив врага.

Не успел старлей поговорить с бойцами.

– Ю – ю – юнкеры! – с отчаянием прохрипел Киселев.

Солдаты кинулись в укрытие, их начали утюжить немецкие самолеты. Вокруг дрожал воздух, глыбы земли, поднимаясь, накрывали людей.

За холмом показались несколько немецких танков, за ними в полный рост шли солдаты в серо-зелёном обмундировании.

– Танки! – крикнул Алексеев. – Приготовиться! Без команды не стрелять!

– Сейчас сомнут! – испуганно шептали новобранцы, шаря глазами вокруг, будто ждали команды: «Отходим!».

– Приготовить гранаты! – прозвучала команда Алексева.

Когда немцы оказались в метрах ста пятидесяти, командир яростно прокричал:

– О – о – огонь!

Сибиряк Тихон Малышев из ручного пулемета короткими очередями косил немцев. Автоматы в руках солдат стрекотали без остановки.

– Берегите патроны! – орал Алексеев, но его никто не слышал, бойцы с остервенением били врага свинцом.

Вдруг за лесом ухнули пушки, танки один за другим загорелись. Фашисты пытались залечь, но плотная пушечная стрельба не оставляла никого в живых. Часть немцев успела убежать за холм и исчезнуть из виду. Солдаты поднялись из окопов, за ними встал Алексеев.

Рядом разорвался шальной снаряд, людей разбросало по сторонам. Осколок ударил командира, разорвав грудную клетку на части. Алексеев упал, в его ушах прозвучал крик матери: «Петья!», синие глаза прыгнули куда-то вверх и закрылись навечно.

– Командира убили! – крикнул Подколзин.

Очередной бой закончился. Вдруг на дереве запела птица. Все подняли головы. Она пела, выводила душераздирающую трель, будто нет войны, нет рядом мертвых бойцов и горящих танков. Люди изумленно глядели вверх. Птица была не одна, с ней рядом сидела вторая. они запели погибшему офицеру прощальную песню.

* * *

Семья Алексеевых получила два извещения о смерти старших сыновей. Катерина часто ревела, Георгий от безысходности бормотал и бормотал:

– Почему молодым парням, умирающим на войне, родители не закрывают глаза? Только зелёная трава или холодный снег успевает дотронуться до их лиц. На казенные письма, на треугольный конверт вместе с истощенным криком падают крупные капли женских слез. Родители не понимают, не принимают смерть детей, продолжают ждать и надеяться, в каждом военном человеке видят своего сына. Кто виноват в этом? Недавно везде трубили, что любого врага уничтожим на его же территории. С утра до самой ночи звучали патриотические песни. Почему враг занял почти треть страны?..

Георгий в руках держит извещения о гибели сыновей и фотокарточку. С неё внимательно, с улыбкой смотрят Петр и русская девушка. На оборотной стороне карандашом, красивым почерком выведено: «Моему Петру, не забывай!». Непонятно, кто она – любимая девушка или жена? Ведь ничего не писал о ней Петр.

– Красивая, – подумал Георгий. – Глаза блестят как две звезды. От её улыбки в душе становится тепло.

Сыновья погибли. Деревня даже не заметила их исчезновения. Что для людей двое чужих парней: были, бегали по деревне, поступили учиться, хотели стать инженерами, ушли на войну и канули в вечность. От этого ничего не изменилось, ничего не произошло вокруг. Всё так же ветер гуляет. Солнце светит. Луна по ночам на землю смотрит. Дети ходят в школу. Где-то грохочет война, убивает мужчин – отцов и сыновей...

Как тяжело родителям потерять детей. Горе в этом доме заслонило даже маленькие радости, заморозило душу.

Георгий Алексеев в дальнем углу старого деревенского кладбища установил дубовый столб, вырезал ножом имена сыновей и племянника – Петр, Михаил, Симун. Таким образом соблюл старинный обычай дедов.

Туда он приходит часто. вытирает платком глаза, разговаривает с сыновьями.

– Тяжело мужикам, ещё тяжелее матерям, – беседует он, продолжая глубоко вздыхать. – Не знаю, где вы лежите? Сердце ноет, руки опустились... в голове одна пустота.

Вытащил из кармана бутылку водки, плеснул в стакан, выпил глоток. Пожар в груди полыхнул с большей силой.

– Горько мне, сыновья. Как хорошие родители не обмыли... не уложили в гроб... Не знаю, как жить? Страшно...

Вокруг тишина. Никто не ответил, никто не сказал: «Атте!». Георгий продолжал сам с собой вести разговор:

– Хочется, чтобы вы ко мне хоть во сне пришли. Мать говорит: «Миша, ты на том свете ходишь босиком, жалуешься на холод, просишь купить ботинки...». Значит, похоронили тебя без сапог. Недавно умер дед Ефим, в гроб для тебя положили сандалии, возьми обувку. Петя, у тебя болит сердце, не могу помочь, осколок снаряда разорвал твое сердце. Симун, на тебя угодила бомба, на кусочки изорвало, нечего было хоронить. Пусть успокоится твоя душа...

Послышались шаги, около столба появилась Катерина. Глаза потухшие, как угольки под пеплом. Смотрят с укоризной, тоскливо и горько.

– Чего надо? – строго отрезал Георгий.

– К тебе пришла... С кем ты беседовал?

– Тебе показалось.

– Так ведь с ума сойдешь!..

– Может, это к лучшему, – вздохнул Георгий.

– Кто будет поднимать других детей? – присела к нему Катерина. – Не режь по живому сердцу, береги для них, у нас их ещё пятеро. Маня несмышленная, но лепечет на своем языке: «Атте, апай!..».

– Поднимем... – согласился с женой Георгий. – На ноги поставим... А как жалко парней...

– Не изводи себя...

– Постараюсь.

Два измученных человека долго сидели у столба, домой вернулись поздно вечером. Нина сварила ужин, Коля только что подоил корову, Вася ещё в школе задерживается. Увидев родителей, маленькая Маня запрыгала, громко закричала. Шестилетняя Таня встала около теплой печки, наизусть начала читать стихотворение:

Месяц март уж на исходе,
Греет солнышко, тепло...
Окружило половодье
Всё чувашское село.
Почернели прежде взгорья,
После снег с полей сошел;
В зеленеющем уборе
Заиграл под солнцем дол.*

Утром к Алексееву в школу зашел председатель сельского Совета Артем Яковлев и с ходу по-мужицки спросил:

– Ну, как житуха?

– Пока дышу, но на душе мутрно.

– На кладбище ты установил столб?

– Вроде я...

– Придется вытащить.

– Кому мешают?

– Районному начальству. Вчера зашел в райком партии, секретарь интересовался твоим столбом.

– У него, что, больше дел нет? Откуда узнали?

– Нашлись доброжелатели. Может, сам кому-то насолил, сыну или дочке «двойки» поставил.

– При чем тут столб?

– Столб-то может постоять, но тебя могут попросить с директорского кресла, секретарь считает тебя баптистом, – ответил Яковлев.

Георгий задумался, ничего не ответил, для себя решил, что столб останется на своем месте, а должность – к черту! Яковлев поспешил удалиться по своим делам.

---

* Из поэмы чувашского поэта Константина Иванова «Нарспи».

Через день люди передали Георгию, что кто-то столб вытащил и сжег.

7

– Десять человек!.. – нервно ахнула Полякова. – Разрядка на трудовой фронт, на Суру... Женщин до сорока лет, у кого нет детей и стариков на иждивении... у кого здоровье отменное.

Она была сама не своя. Райисполкому что, прислали очередное задание комитета обороны по строительству Сурского рубежа и руки умыли. Где хочешь, найди людей, отправь на оборонительные работы. В колхозе кто будет трудиться?..

Членов правления собрала рано утром. Долго рассуждать не стала, сразу выложила требования «свыше». В комнате воцарилась тишина, никто не хотел первым высунуться, накликать на себя беду.

– Чего рты закрыли? – внимательно посмотрела председатель на собравшихся. – Удила закусил? Опять меня хотите оставить крайней, намереваетесь чистенькими быть – не выйдет! Завтра женщинам необходимо вручить именные повестки, и айда на рытьё канав.

– Зачем эти сооружения возводят? – робко спросил бригадир первой бригады Коля Саваров. – Почему людей дергают?

– Зачем!... Почему! Эта не пустая затея, если войска оставят Москву, до нас недалеко, придется защищаться. Решение райисполкома необходимо выполнять.

– Кого отправим? – переспросил Николай Саваров.

Председатель не на шутку рассвирепела. Ну, прямо как дети! Собрала их решать проблему, они молчат, глупые вопросы задают.

– С каждой бригады по пять человек! – отрезала Полякова.

– Откуда взять, молодых давно разобрали: кого на лесоразработки, кто добывает торф, – встал на сторону сына колхозный кузнец Лазарь Саваров. – На молотилке некому стоять. Эвакуированные не очень-то хотят трудиться по двенадцать часов.

Председатель не стала рассуждать, сама подсказала выход:

– Будем отправлять тех женщин, у кого дома имеются старики и деткам за восемь годков перевалило.

– На какое время их посылают?

– Не знаю!.. Думаю, не менее трех месяцев. Только не трогайте тех баб, кто умеет управлять плугом и сеялкой.

– Может, эвакуированных отправим? – подхватил разговор бригадир Борик Саваров.

– Ну, парни! – усмехнулась Любовь Семеновна.

Борику шестнадцать. Не сегодня, так завтра призовут на фронт или отправят на курсы младших командиров. Он имеет семилетнее образование, с отличием окончил школу. Дальше решил учиться, но война помешала.

– Вам скандалов мало?.. Эвакуированных не трогать, пусть в колхозе трудятся.

Не забыла председатель двух городских скандалисток. В колхозе работать не желают – слишком тяжело для них, для себя требуют особые условия. Подавай теплую шубу, перину, ведро на ночь. Не хотят мерзнуть в плохо отапливаемых избах, по ночам по нужде боятся выйти во двор. Из-за чего между ними и хозяйками возникали разногласия, пару раз доходило до драки. Не выдержали – собрались и отправились в хлебные края, где сытно и тепло.

– Запишите Елюк Ласточкину, – твердо сказал Лазарь Саваров. – В колхозе последнее время вполсилы трудится, может, там выкрутасы из башки выбьют.

– Какие выкрутасы? – переспросила председатель.

– Помнишь... – ухмыльнулся Лазарь. – У неё в доме две молодые эстонки стояли. Женщины сочные, разом замутили голову Елюк. Закружилась она вокруг них, последнюю овечку под нож положила. Девки отблагодарили, пару старых платьев подарили и втолковали: «Чего тебе, такой красавице, в колхозе спину гнуть? Кончится война, приедешь к нам в Эстонию, научишься шить платья, будешь получать приличные деньги». Поверила... Когда эстонки засобирались к узбекам, за последние деньги купила им билеты, сама проводила. С тех пор твердит: «После войны уеду в Эстонь, подальше от колхозных коров и навоза!».

Любовь Семёновна перевела дух, сразу добавила фамилии двух женщин:

– Дарью Калисову и Лизук Егорову отправим. Дарья бездетная, у Лизук – самостоятельные школьники, за ними присмотрит старуха-мать.

– Матрену, жену Неговорящего запишите, ещё Нину Константинову! – выплеснул Борик.

– Матрену и Нину нельзя. лучше их никто за плугом не ходит, – возразил Лазарь Саваров. – Можно Танюк Куракову. Не замужем, мать старая, но печку истопить может, ведро воды принесут соседи, школьников можно попросить.

– Не трогайте её! – резко оборвал Николай.

– Святая что ли?

– Благородная! – настаивал на своем бригадир. – Она ухаживает за четырьмя чужими детьми ленинградки. Эваковка болеет, Танюк с ложки её кормит. Старуха не сможет углядеть за малыши и больной женщиной...

Председатель задумалась. Сама хотела сказать слово поддержки, но Николай опередил её. «Золотой души парень растет», – подумала она.

– Танюк остается... – согласилась Полякова.

С грехом пополам составили список женщин, способных трудиться на строительстве систем оборонительных сооружений. Главное – известить всех сегодня. Будут скандалить – настоять, уговорить. К Дарье Калисовой Люба пойдет сама. Не справится молодой бригадир с этой женщиной. Она и слушать его не станет.

Приход председателя колхоза в дом Дарьи ничего хорошего не сулил. Она ждала не Полякову, а её мужа, председателя сельсовета. Он притащил в дом двух эвакуированных женщин. Между собой говорят на чужом языке, даже хозяйка дома им не помеха. После серьёзного разговора Дарья согласилась приютить женщин у себя в доме. Отношения между ними не заладились. Каждая хотела быть хозяйкой. Как только председатель покинул избу, женщины спросили:

– Чем будешь кормить?

Дарья ахнула:

– Что в печи, то и на стол...

– Печеную картошку не очень хочется! – сказала одна.

– Не близкая родня. насиловать не стану! – резко ответила Дарья.

– Мы пожалуемся властям! – пригрозила другая.

– Вот что, тётки! Не успели за собой дверь закрыть,

командовать собрались. Здесь не сельсовет, не чайная! Кренделей, шыртана* у меня нет!

– Пожалуетесь, в хлеву будете ночевать!

Женщины никуда не пошли, но с этих пор идет необъявленная война между бабами. Дарья перестала им давать продукты, варить для них, а женщины прекратили с ней всякое общение.

– Живут и ладно... – твердила она на вопросы сельчан.

Председатель колхоза пришла с известием, что её, Дарью Калисову, отправляют на Суру копать противотанковые рвы.

– Поеду тогда, когда эти женщины уберутся из моего дома, не хочу, чтобы здесь без меня распоряжались! – резко оборвала Дарья.

Поляковой пришлось поговорить с приезжими, целый час шептались. Нашли общий язык. Оказались женами красных командиров, одна из них учительница, другая бухгалтер – знает толк в деньгах. Вышли замуж, детьми не успели обзавестись. Русские мужья с первых дней воюют, а сами оказались в руках рижской свободной бригады. Били их до потери сознания, шрамы остались по всему телу. Не успели расстрелять, их освободили отступающие бойцы Красной Армии и отправили в тыловой госпиталь. Оказались в Хумуше. Одна из них не выдержала, разделась до пояса, вся спина была в шрамах. Дарья ахнула, присела на кровать. Положила голову на подушку, горько заплакала. К ней присели женщины, тоже заревели.

– Проклятая война! – взорвалась Дарья.

– Конечно, она, проклятая, да не скоро кончится, – ответила Полякова. – А после победы ой как много крепких рук потребуются, надо будет жизнь заново обустраивать.

Никто ей не возражал. Люба глубоко вздохнула, вскочила на ноги, тихо закрыла за собой дверь и ушла дальше по своим делам.

Полякова договорилась с эвакуированными. Завтра пойдут в Калинино решать вопрос о трудоустройстве. В школах нужны учителя, а в хозяйствах учетчицы. Любовь Семеновна согласилась присмотреть за домом.

---

*Ш ы р т а н – зажаренный рубец, начиненный мясом.

В деревне Услаба каждой семье, где разместились эвакуированные, выписали по три куба дров, выделили по пуду муки, выдали приезжим фуфайки. Многие жили намного хуже, из-за отсутствия дров печки не топились, работающим колхозникам в день выделяли всего по 400 граммов хлеба, иждивенцам – детям и старикам – ничего не полагалось.

– Почему им такая привилегия? – возмущалась на ферме Агафия Баранова перед председателем колхоза. – Пусть эвакуанты с нами вместе на ферме поясницы помнут!

– Ты что, Укахви,* они-то выйдут, а нас отправят на Суру, сооружать оборонительные линии. – пытались образумить её Машшук Кириллова. – Там много не покомандуешь, некому пожаловаться.

– В чем провинились мои дети? – не унималась Укахви. – Сидят в холодной избе, голодные. Дрова обещали привезти в прошлом месяце. Доставили, раздали эвакуантам.

– Разбери забор и жги! – посоветовал Иван Александров. – Надо понять, всем трудно. Вся страна воюет, друг другу помогают, а ты к себе никого непустила! Теперь слюной брызжешь!.. Голод не для тебя, бутылку молока всегда за пазухой держишь.

– А ты обыщи, подходи, пощупай, – закричала Укахви.

– Придет пора, ох как пощупаю!

– Чего ждать, я теперь готова.

– Укахви! – продолжал Иван Александров. – Уймись, пока я не разозлился, разом отправлю на лесоразработки, будешь обниматься с медведями!

Строгие слова подействовали на неё. Недовольная, ушла к своим коровам.

– Иван, не сердись на неё, – успокаивал председателя Макар Кириллов. – У неё четверу детей, муж прупал без вести, уна ут гуря на всех брусается, пытается слухами нагуляться. За месяц забелелась, вулусы суссем седые, а ей всегу тридцать два гуда.

– У многих горе, но они умеют себя при людях сдерживать! – упрямо возразил председатель, хотя в душе давно уже её простил.

---

*У к а х в и – Агафия.

Машшук поддержала Макара. Она недавно проводила Иллариона на фронт, теперь трудится на ферме, давно стала полноправной колхозницей. Больше никто её не называет «кулацкое отродье». Илларион вместе с друзьями раз и навсегда отучил односельчан обижать жену.

Это было перед войной, на сенокосе. Трахим* и Якрав* Архиповы обозвали Машшук разными обидными словами. Она заплакала. Тогда, не торопясь, поднялся Илларион. взял вилы и с размаху воткнул их между ног Трахима, чуть ниже самого нужного органа. Тот от испуга не выдержал, при народе намочил штаны. На Иллариона прыгнул Якрав, но, получив сильный удар черенком, согнулся от боли. В ОГПУ никто не пожаловался, никаких бумаг не написал, потому что молодые колхозники встали на защиту Кирилловых, принародно пообещали: «Кто ещё попытается языки чесать, получат по «кумполу». С тех пор тишина.

Машшук взяла к себе эвакуированную с ребёнком – Оксану Гельберт из Украины. Она учительница, еврейка, до войны в Киеве жила. Приехала с мужем Ароном, но его в Вурнарском эвакупункте призвали в армию. Он зубной врач, таким бронь не дают, отправляют в госпиталь по прямому назначению.

– Не знаю, где он сейчас, на фронт отправили, или в тыловом госпитале находится. Успела сообщить адрес Услабы, а дом не указала.

– В деревне письма не пропадают, найдут и принесут, – объяснила Машшук. – Насчет этого не беспокойтесь.

Оксана пыталась успокоиться, но её прорвало. Со слезами открыла душу, стала рассказывать о войне:

– Из Киева выехали на автомашине. Проехали верст шестьдесят, как на нас налетели немецкие самолеты. Люди вместе с детьми на ходу выпрыгивали из машин. Я повредила ногу, сначала не заметила, с испугу добежала до придорожных тополей. Оглянулась и ахнула, где стояла наша машина – большая яма, в ней груды металла с колесами. Пошли пешком. Везде люди, кто на подводах, кто перед собой толкал ручные тележки, нагруженные разными узелками. Женщины кричали на детей, от себя не отпускали. прижимали к себе. Смотрели, как немецкие бомбардировщики

---

*Т р а х и м – Трофим

*Я к р а в – Егор

стаями высоко шли на Москву. Наши не летали, никто не пытался их остановить. Гул и теперь стоит в ушах. Потом появились другие самолеты. Они страшно гудели, начали на толпы людей бросать бомбы, стрекотать из пулеметов, валить женщин, детей и стариков на пыльную дорогу. Крики людей тонули в вое самолетов, разрыве бомб. Я с детьми при первых взрывах упала в яму около дороги. Ох, как они бомбили, упражнялись убивать, тренировались на мирных жителях. Летчики улетели довольные, нахально помахав крыльями самолетов, давали знать: «Подождите, мы вернемся!..». Когда всё утихло, гляжу, сын молчит. Посмотрела на него, в глазах потемнело. Мой... Иванко, младшенький, открытыми глазами смотрит в небо, а на лбу две дырочки. Дочка Аленка пытается его поднять. Я закричала, прижала сына к себе, пошла дальше. Говорю: «Дойдем до первого лазарета, врачи посмотрят...». Не верила, что Иванко мертв, что глаза ему надо закрыть. Муж пытался похоронить по дороге на кладбище, я не разрешала. Его попытки были тщетны. В полевом госпитале отняли сына, вместе с умершими бойцами положили в общую яму, закрыли землей. Обезумевшая от горя, кидала и кидала я землю голыми руками. Сильная пощечина мужа остудила меня, пришла в себя – заревела. Столько людей погибло, они были для меня чужие, не замечала тех, кто остался лежать на дорогах, на обочинах. Теперь они перед глазами. Господи!.. Ночью просыпаюсь от крика умирающих солдат, женщин, детей, стариков.

Машшук слушала Оксану и шмыгала носом, не стесняясь, вытирала слезы.

– Где твой муж, родители где? – пыталась перевести разговор Оксана.

– Кулачка я, муж на фронте, родители в начале войны вернулись из северной ссылки, – откровенно ответила Машшук и ждала ответа.

– Моего брата в тридцать седьмом арестовали, отправили куда-то на Север. Писем не присылает, говорят: «Осужден на десять лет без права переписки».

Машшук встала, подошла к окну и грустно поведала:

– Вон клуб с резными наличниками и дубовыми воротами – бывший наш дом.

Оксана внимательно изучила избу, немного помолчала и ответила:

– Толковый мастер твой отец, такой дом не каждый может построить.

– Ты с ним скоро познакомишься, хороший он человек. Почти восемь лет с матерью и сестрами был в ссылке, но злости на односельчан у них нет. Может, спрятали обиду глубоко и навечно закрыли ключом.

– Кто вас раскулачил? – рассуждала Оксана. – Не из Москвы же сюда приехали. Местные власти, люди вашей деревни постарались, они кинулись на чужое добро.

– Господь их накажет!.. Зачем ворошить прошлое. Надо жить: детей растить, победить фашистов, дожждаться возвращения мужа, поддержать родителей. Больше ничего не хочу, ни о чем не мечтаю.

– Что ещё нужно женщине, – согласилась с ней Оксана.

За разговорами не заметили, как дети уснули. Они вчетвером спали рядом на деревянной кровати, для них не существовало ни войны, ни взрослых забот, они ещё не понимали сути происходящего, для них многое – эта игра.

Вечером к ним зашли родители – Захар и Аниса Узяковы.

Потом пришла посыльная сельсовета баба Зоя и принесла повестку, Машшук должна на месяц выехать на Суру, на строительство оборонительных сооружений, быть бригадиром тридцати человек из двух колхозов – имени Папанина и «Броневик». Узяковы переглянулись, но Машшук их опередила, дала согласие.

– Бери с собой теплые шерстяные носки, холстяные онучи и две пары лаптей. Валенки не выдержат, примерзнут к земле вместе с подметкой и ступнями, – вздохнул Захар, вспоминая былые северные дни.

* * *

Бригада из сорока женщин и двоих четырнадцатилетних мальчишек до Суры добрались днем, пришлось шагать около десяти верст. Издалека видно: вдоль берега реки и железной дороги вытянулись черные линии. Это огромные ямы, неприступные стены, танковые рвы тянутся за железной дорогой. На горизонте маячат бараки, построенные на скорую руку из досок и утепленные соломой, там живут трудоармейцы – так называют прибывших сюда людей.

Машшук Кириллову назначили бригадиром четвертой группы численностью пятьдесят человек, состоящей из женщин и мальчишек деревень Калининского района. Каждая группа расположилась в отдельном бараке, рядом с четвертой устроились две бригады из других районов. Некоторые председатели колхозов оказались не совсем честные, к мобилизованным попали малолетки, беременные женщины и больные старухи. Их по специальному решению штаба стройки отправили назад и доложили об этом в райисполкомы. Машшук под личную ответственность на каждые десять человек получила по восемь лопат, три лома, три топора, две кирки, поперечную пилу. Дневная норма для всех одинакова, мужчины должны выработать два куба земли, женщины – полтора, продолжительность рабочего дня – десять часов.

Вечером состоялся митинг. Его проводила Ольга Тарасова, главный агроном Калининского райисполкома, родом из деревни Услаба, её назначили политруком пяти групп. Она вместе с комсомольцами взялась за организацию стахановского движения, социалистического соревнования среди бригад.

Левый берег Суры распорот противотанковыми рвами. Здесь с самого утра и до поздней ночи копошатся тысячи и тысячи стариков, женщин, девушек и мальчишек, людей в военной форме. Оборонительный рубеж считается опорным местом битвы советских воинов, если придется отступить, оставить Москву на растерзание фашистским захватчикам.

Люди работают, несмотря на холод. На самом дне трехметрового рва трудятся более сильные, выносливые. Оттуда выбрасывают грунт на второй ярус, а дальше всё выше и выше откидывают землю. На последнем ярусе землю разравнивают, местность маскируют, делают бруствер. Рядом роют глубокие траншеи, на них укладывают жерди, хворост, немецкий танк провалится – выехать не сможет. Другие готовят эскарпы, открытые окопы, места расположения станковых пулеметов.

Недалеко трудятся военные саперы, им уже за сорок лет, призваны на службу на укрепработы. За рвом строят доты, дзоты, устанавливают разного рода препятствия – ежи, лесные завалы, надолбы, укрепляют блиндажи, командные пункты. Работа ведется под строгим контролем военных специалистов. Огневые точки, военные сооружения должны иметь широкий простор для

обстрела и быть замаскированы. Для создания рубежа обороны используется река Сура и железная дорога Москва-Казань.

В первый же день случилось ЧП. Молодая девушка переусердствовала, вспотела, сняла рукавицу и схватилась за лом. Рука прилипла к металлу. Она закричала, резко отдернула руку вместе с кожей. Вокруг кровь, девушку пришлось спisać домой.

Наступили сильные морозы, стены барачков затянулись инеем. Две железные буржуйки с утра до ночи пытели огнем, докрасна нагревались, их опасно было оставлять без присмотра. По стенам капала вода, замерзала на полу. Некоторые женщины положили соломенные матрасы рядом с печкой, сушили одежду. В барак зашла Ольга Тарасова и закричала:

– Вы что!.. Хотите устроить пожар? Солома загорится, на улице придется ночевать!

Женщины испугались, заняли свои места.

Среди кивьяльцев оказался четырнадцатилетний мальчик, сын кулака Всеволода Матвеева – Алексей.

– Этот каким образом сюда попал? – удивилась Тарасова.

– По списку контрреволюционных семей, – ответила Машшук.

«С детьми воюем», – возмутилась Ольга в душе, но промолчала.

Четвертую бригаду перебросили на новый участок. Несмотря на стужу, люди оказались одеты плохо. некоторые не позимнему. Многие поверх теплых домашних безрукавок натянули сохманы и подпоясались разными кушаками. В первый день жгли костры, долбили мерзлую землю, от удара кирок летели искры. Женщины торопились добраться до теплого пласта. Отработали все двенадцать часов. На второй день стало легче. теплая земля защищала от холода. Хуже всего было тем, кто стоял на верхнем ярусе. Там гулял ветер, будто сквозняки собрались со всех сторон Сурского простора.

Скоро женщин одолела беда: во всех пристойных и непристойных местах у многих выскочили чирья. Они не давали шевельнуться: ни работать, ни сидеть, ни лежать. Просто горе. В лазарете появились очереди, но планы за больных кто-то должен выполнять. Начались столкновения, разного рода пересуды:

– Кому нужны такие сооружения!

– Немцы эти укрепления возьмут с ходу!

– Для них эти траншеи ничего не стоят!

Ольге Тарасовой пришлось собрать очередное собрание и строго предупредить паникёров:

– Если повторятся перетолки – будет разбираться военный суд.

Женщины успокоились, разговоры разом стихли. У всех свежо в памяти недавнее заседание военного суда в отношении четырёх шумерлинских дезертиров, всем дали по шесть лет пребывания в исправительно-трудовых лагерях.

Машшук придумала новую систему в работе. Через каждый час меняла людей на ярусах – верхние спускались вниз, нижние поднимались на мороз. Таким образом, спасла людей от простуды, воспаления легких. Женщины отогревались на нижних ярусах.

Временные бараки, построенные на скорую руку, топились круглосуточно, иначе замерзнешь. Одежду сушить негде, утром приходилось натягивать полусырую и плестись на работу. Кормили не одинаково, женщин и подростков из семей врагов народа садили на скупое довольствие. Им приходилось туго. Многие делились с ними своими скудными пайками.

Хлеб и крупы привозили ежедневно из местного колхоза, варить приходилось в окопах. Картошку не доставляли, замерзала по дороге. Раздатчики продуктов строго предупреждали:

– Кулацким и контрреволюционным элементам пайки выдаются в урезанном виде.

– Как они будут выполнять план? – рассердилась Машшук.

– Если жалеешь, отдай свой паек, – скалил зубы кладовщик колхоза.

Машшук во время раздачи пайков сумела одну буханку бросить в мужские штаны, та застряла между ног.

– Эй, ты! – крикнула Машшук. – Буханки не хватает, зажалил!

– У меня всё по норме. – возразил ездовой.

– На, посчитай!

Машшук поставила мешок перед ним.

Кладовщик не поленился, вытащил буханки и посчитал. Действительно, одной не хватает, покрасневший от злости, пощупал Машшук, хотел сунуть руку меж ног, но получил такую оплеуху, что отлетел в сторону. Подбежал к саням, передал буханку и быстро исчез за оборонительными сооружениями.

В бригаде появились больные. С сильным жаром во сне бредил молодой Алексей Матвеев.

– Мальчишку необходимо отправить в больницу, иначе умрет, – возмутились женщины.

– Домой никто не отпустит, – резко ответила Машшук.

– Есть проверенный способ, – предложил кто-то из женщин. – Греть своим телом, тогда хворь уйдёт.

Это не простое дело. Люди разные, не отмоешься от разговоров, домашние воспримут слухи по-своему. Нашлись сердобольные: Аппи Петрова, ещё несколько женщин стали ему матерями, не думая о последствиях. А как оставить парня на погибель, что сказать его родителям? Мальчишка спал между двумя женщинами, хворь помаленьку уходила, стали его оставлять дежурным по бараку. Некоторые пытались возмущаться, но их Машшук быстро остудила:

– Вы что, хотите остаться на вторую смену?

Протесты прекратились.

Два месяца трудятся женщины на строительстве оборонительных сооружений Сурского участка. Они мечтают помыться в бане, погреть кости. В бараках появились клопы, у всех – в складках одежды, на волосах зашевелились вши. От клопов можно было избавиться, но от вшей вряд ли, от них чесалось всё тело. Трудоармейцы возвращались в бараки усталые, на паразитов не было сил обращать внимание. Более чистоплотные, одежду на некоторое время оставляли на морозе, потом трясли. Полузамерзшие вши сыпались на снег. Их было так много, что женщины от испуга кричали. Несколько дней не чувствовали паразитов, но разве их выведешь? Все возмутились:

– Как фашисты, всё тело искусали!

– Сказали на месяц, второй пошел!

– На каторгу нас прислали!

– Поговорите у меня! – ругалась с ними Ольга Тарасова.

– Хоть бы на день отпустили домой. многие приехали в кафетанах, – тихо шушукались женщины.

– Напишите письма председателям, пусть замену пришлют на время, успеете помыться, попариться и вшей вывести, – твердили уполномоченные районов.

– Писали уже!

В это время в бараке четвертой бригады назревал скандал.

– Иди, потряси свою одежду, заодно и шубу! – резко набросилась на одну женщину Машшук.

– На дворе зима, пыли на мне нет! – огрызнулась та.

– Не про холод я толкую, вши кишат на тебе, – ответила бригадир.

– Лучше бы они съели меня!

Слухи о возмущениях дошли до руководства военных и Калининского райкома партии. Через три дня, перед обедом, на санях подъехали несколько человек в военном обмундировании. С ними вместе секретарь райкома комсомола Марфа Миронова, которая должна сменить на рабочем посту Ольгу Тарасову.

Ох, как пожалели военные, что вырядились на такую встречу. Женщины им не доверяли, смотрели с определенной опаской. Ольга Тарасова и Машшук Кириллова сразу подошли к руководству.

– Подполковник инженерной службы Самсонов, – представился старший военный.

– Секретарь Калининского райкома партии Федор Николаевич Кудряшов, – поздоровался гражданский. – С Марфой Мироновой, думаю, вы знакомы.

Подполковник выглядел усталым. Годков было ему под шестьдесят, из-под шапки торчали седые волосы, на лбу – глубокие складки.

– Сколько работающих? – поинтересовался он.

– Пятьдесят два, – ответила Машшук. – Шестеро болеют, не работоспособные, одна дезертировала.

Военные хотели пройти по баракам, но тут женщины как с цепи сорвались. За несколько минут, перебивая друг друга, перед начальниками выложили все трудности и проблемы бригады. Осмелели, начали галдеть, как весенние галки, ничего не поймешь:

– Живьем убиваете нас!

– Дайте возможность в бане помыться!

– Дети дома одни!

– Чирья одолели, вши и клопы живьем едят!

– Совсем износились!

Машшук не выдержала, цыкнула на женщин, вокруг стало тихо. Дальше разговор пошёл деловой.

Самсонов и Кудряшов слушали их внимательно, без излишних реакций. Командир посмотрел на одежду Машшук Кирилловой, некоторых женщин и строго скомандовал:

– Снять шубы! Передать бригадиру!

Сам первый отдал ей свою серую шубу. Офицеры переглянулись, но расставаться с теплым обмундированием не торопились. Ольга пыталась защитить офицеров:

– Для всех всё равно не хватит, здесь работа не очень чистая, испортим дорогие вещи.

– Вы слышали приказ? – твердо повторил подполковник.

Куда деваться, пришлось снять шубы и передать женщинам. Бригадир побежала в барак и притащила три старые солдатские фуфайки, оставленные сердобольными военными для замерзающих людей. Шубы достались самым трудолюбивым, согласно жеребьевке, чтобы никому не было обидно. Когда военные покинули барак, раздался хохот, женщины представили, как тыловых офицеров будут грызть вши и одолевать чирья.

Ольга Тарасова уехала домой с секретарем райкома партии, вместо неё осталась Марфа Миронова.

Не обманул Кудряшов: женщин, имеющих детей, больных четвертой бригады отправили домой, их сменили вновь прибывшие. Бригадира Кириллову оставили до завершения работ.

Скоро у военных появилась секретная сводка: «Задание Государственного комитета обороны по возведению Сурского оборонительного рубежа выполнено за короткий срок, за три месяца и двенадцать дней построено тысяча шестьсот огневых точек, тысяча пятьсот землянок и восемьдесят верст окопов с разными ходами сообщений...».

* * *

Чувашская женщина никогда платок не завязывает назад, узелок затянет впереди на шее. Наверное, хочет спрятать горе и из-за тяжелого труда раньше времени постаревшее лицо. Война принесла для жителей трех деревень неисчислимые беды. Женщины и дети пашут, сеют, убирают хлеб для фронта, для себя как всегда ничего не остается. Они, как мужики, гоняют быков, добывают торф, разрабатывают лес, трудятся на военных заводах, поднимают укрепительные сооружения.

Войне нет конца. По радио с утра сообщили, что идут ожесточенные бои в Ржевском направлении, Севастополь не сдается...

Машшук шесть лет замужем за Илларионом Кирилловым. Он воюет сапёром на Севере – взрывает, строит мосты. Детей у

них трое – старшая Анфиса, средняя Нина, а младший Мигулай по полу ползает. Семья большая – Ульби, Ирра, Анук и Оксана с дочкой Аленкой. Мать помогает присматривать за детьми. Отец с Петром после работы заходят к ним, ночевать уходят к себе.

К вечеру с колхозного двора привезли большой пучок сушеной махорки. Председатель Иван Александров распорядился порубить, табак разложить по кисетам.

– Нужная работа, – согласился Захар. – Перед боем кому-то захочется затянуть домашнюю самокрутку. На душе полегчает, да и винтовку крепче будет держать.

– Пусть эти кисеты помогут приблизить победу, – присоединилась к разговору Машшук, набивая мелкорубленую махорку в кисет. – Завтра школьники отправят на фронт.

В избе наступила тишина. Только маленький топор в руках Захара Узякова плясал на чурбане, размельченные части махорки падали на чистую простыню, поднимая пыль, от чего Захар время от времени смачно чихал. За ним начали чихать и другие члены семьи. Тишину нарушила Машшук.

– Иван Александрович сказал, что меня на неделю отправляет в лес.

– Постарайся насечь липы, на лапти требуется, – обрадовался Захар.

– Когда за твоими лыками бегать, план надо выполнять, – не согласилась Аниса.

– За себя мне нечего беспокоиться. Это у вас на ногах лапти горят, на месяц не хватает.

– Работаем ведь.

– Я разве против, если привезешь лыки, мигом сплету, хоть каждый день в новеньких щеголяйте... – недовольно выразился Захар.

– Постараюсь, – согласилась Машшук, тут же разговор перевела на колхозные дела. – Председатель получил разнарядку, двух женщин отправят в Ивановскую область – на торфоразработки. Сам чуть не плачет. Районные власти разве не понимают, что в колхозе и так некому работать.

– Незамужних надо отправлять, у матерей куча проблем, да и детей не с кем оставлять, – вступила в разговор Аниса. – Жалко председателя – крутится из последних сил.

– Сам согласился тянуть воз, – возразил Захар.
– Кого поставить? Мужики на фронте.
– Не все. по деревне гуляет молодежь, наш Петр вместе с ними.

– Скоро семнадцать исполнится.

– Вырос. пора отрядить на защиту Родины.

– Захар! – испугалась Аниса. – Совсем сдурел!.. Родного сына в пекло суешь! Он ещё с девушкой не дружит.

– Как знать. Смотри. как вымахал. В избу входит, нагибаясь в три погибели. Говоришь, не дружит... Вокруг него одни девки-механизаторы.

Тут Захар чихнул три раза, бросил топор на пол и недовольно выругался:

– Хватит этой дурью детей травить! Завтра утром в бане дорублю.

– И так ладно. – как всегда поддержала его Аниса.

– Борик Саваров получил повестку, в понедельник уедет на курсы младших командиров, а ему всего семнадцатый идет, – сообщил новость Захар.

– Он самостоятельный, нигде не пропадет. – ответила Аниса, потом добавила. – Наш Петр какой-то стеснительный.

– Э-ха-хай! – глубоко вздохнул Захар. – Когда же проклятый немец сгинет с нашей земли?

– Победим! Обязательно победим! – вытерла наворачнувшиеся слезы Машшук. – Мужики домой вернутся. Иначе нельзя, слишком много горя шагает по нашей земле.

– Бедные бабы. – вымолвил Захар. – Многие мужской любви не испробовали.

– О какой такой любви ты говоришь, отец? – возразила Машшук. – С утра до ночи на работе, от усталости падают на топчаны. Не до мужиков им.

– Не говори... Танюк Куликова и Катерина Егорова сумели детей сострять.

– Мужья были дома, вот и малыши появились на свет. – заступилась за женщин Аниса.

– Согласен. – ответил Захар.

Не нравится Машшук такой разговор. В последнее время отец стал раздражительным, острым на язык – ворчит, никого мимо себя не пропускает. Напал на председателя колхоза, Иван

Александров после беседы с отцом ходит понуро, прячет глаза от колхозников. Куда ему деться, приходится женщин отправлять в лес, а дома дети и старики сидят у холодной печи. У кого сила есть, по ночам орудует в роще Ушах, даже голодные волки им не страшны. Там сухой ветки не найдешь, деревья стоят как свечки, нижние сучки срублены и увезены.

Когда в колхоз приехал секретарь райкома партии Кудряшов, Узяков не выдержал, всё выложил, что думает о председателе колхоза «Броневик». Было за что...

Тогда в Услабу пришло большое горе. Августа Ильина по наряду председателя на три дня отправилась в лес. Домой отпустили только через неделю. Открыла избу, на постели лежат два детских трупа. Задохнулись от угарного газа, двенадцатилетняя дочь истопила печку, вьюшку закрыла преждевременно.

— Неужели председатель не понимает положение одиноких женщин? — вздыхала Аниса. — Сама Августа о чем думала?

— Кто тебе разрешит оставить место работы, засудят по закону военного времени, — подключилась к разговору Машшук. — Младшей было всего три года.

— Сколько людей умерло за эти годы, страшно сказать. На поле брани сложили головы десятка два мужиков, в деревне стариков и детей безвременно хоронят, Поля Куракова и Зина Ласточкина после получения похоронок мужей слегли и не встали.

— Не все такой удар выдерживают, одни разум теряют, сгибаются, другие становятся тверже железа, — ответила Машшук.

Прошла неделя. Вечером Петр вернулся с работы и восторженно воскликнул:

— Весна пришла! Грачи на дорогах ковыряются.

— Так, так... — кивнул Захар. — В избе второй день, не зная сна, сверчок верещит. Значит, скоро всё живое на свете проснется, зацветёт, запоет и зачирикает...

— Агте, — повернулся к нему Петр. — Почему клевер на границе с Калининским колхозом опять поручили бороновать?

— Готовый аэродром, — многозначительно передал Захар слова председателя Поляковой. — Пока война не кончится, не дозволено рушить...

— А-а-а, — удивился Петр, замер на некоторое время и спросил. — Когда Машшук приедет из леса?

Дочь вернулась домой поздно ночью, привезла липовые лыки, немного дров. Захар похвалил её, сам отправился распрягать лошадь. Без лишних суматох передал животное Егору Семёнову, пошел домой и спокойно уснул.

Утром Машшук пригласили на правление. Она быстро оделась, не привыкла, чтобы её кто-то ждал.

– С Майкой ты из леса вернулась?.. Ночью жеребёнка выкинула... Воз нагрузила! – выдавил Иван Александров сквозь зубы.

– Что ты? – пыталась оправдываться Машшук. – Полвоза липовых лык, несколько поленьев было...

– За разгильдяйство придется отвечать, решением правления будете оштрафованы на два пуда хлеба! – не поднимая головы, строго произнес председатель.

Машшук не стала спорить, покинула правление. Дома не выдержала, дала волю слезам. Долго не могла толком рассказать. Захар нахмурился, накинул на себя старую короткую овечью шубу, натянул шапку и исчез за дверью.

Вечером к ним зашел председатель. Молча поставил на стол бутылку водки, присел на длинную скамейку.

– Простите меня, дурака, не проверив, засуетился, поверил Семёнову. Это его друг поздно ночью съездил в Байглычево. Пьяный, гнал лошадку. Не успели рассупонить, выкинула жеребёнка. Испугались, положили дохлого к Майке. Ветеринар с Захаром проверили и разобрались... Майка жеребая, у неё выкидыша не было.

– Пьянство никогда до добра не доводит, – недовольно произнесла Аниса.

– И лошадь правильно идет, коль умный возчик правит, – присоединился Захар.

Машшук посмотрела на отца, он сидел около печки и довольно улыбался.

– Спасибо, атте... – радостно сказала дочь.

9

Мать родила Любу во время жатвы, прямо на стерне. Так и шагает она по земле. Тогда большая семья осталась без коровы. Три года копили деньги на Пеструшку. Как привели, целый день дети не отходили от неё, последний кусочек хлеба с солью

старались кормилице отдать. Больше всех радовался отец, со знанием дела рассказывал, как надо выбирать корову по расставленным рогам и по расположению сосков на вымени.

– Плохую корову, сколько не корми, как не выгуливай на лугах – толку не будет, – говорил отец. – Лучше двух коз держать. Кормов меньше требуется и мороки нет.

– Как жить без коровы. – поддержала мать. – Ни молока, ни уйрана*, нет сыра и масла...

Создали колхозы, коров и лошадей перевели в продуваемые ветром сараи, за зиму половина животных пала. Они привыкли зимовать в теплых стойлах. Теперь выбрать транспортную скотину полдела. каждая вторая корова дает не больше пяти литров молока в день.

Рано утром четыре женщины, Лазарь Саваров и два бригадира собрались на ферме. В углу, за шкафом дремала заведующая фермой Раиса Камитова.

– Собрала вас по очень важному делу, – начала Люба Семенова. – На фронт отправили двенадцать лошадей, весной плуги тянуть будет некому.

– Наша трактористка Мария Лукова работает в МТС, с Доски почета не слезает, родному колхозу поможет, – выразился Лазарь.

– Какая помощь. Новых тракторов нет, старые день работают, неделю стоят.

– Что предлагаешь?

– Не умеешь ты слушать людей, дорогой мой кузнец, – обиделась Полякова. – Я всё обдумала, вокруг да около прикинула, с райкомовскими переговорила. Бычков оставим у себя. Кастрируем и в самый короткий срок научим выполнять обязанности лошадей.

– По голове не погладят. В долгу останемся по плану сдачи мяса государству.

– А что, у нас мало яловых коров? – убеждала председатель. – Молока дают не больше козы, только корма на них изводим! Лучше жить без молока, чем без хлеба!

– Где этот хлеб-то? – не выдержала Раиса Камитова. – Люди везде работают за миску супа.

---

*У й р а н – айран, пахта.

– Только не ты! – резко оборвала её председатель. – Поменьше язык высовывай. сиди в углу.

Обиженная Раиса махнула рукой, спряталась за шкаф.

– Бычков кто будет обучать? – спросил Борик.

– Вас и попросим вместе с Раей Камитовой. Других мужиков у нас нет, одни старики, бабы и дети.

– Я уже мужиком стала? – высунула голову заведующая фермой.

– Ты единственная, кто может свободно войти к быкам, разговаривать с ними. – ответила председатель. – К тебе они привыкли. Выбери четырёх лучших, да столько же коров – товарок, чтобы по дороге не упали.

– Чего там выбирать, многие до весны вряд ли дотянут, кормов нет, зимой придется на мясо отправлять, – чертыхалась Раиса Камитова. – Государственный план надо же как-то выполнять.

– Ну, раскудахталась! – оборвала её Полякова. – Ты лучше за доярками смотри, поменьше пусть домой молока таскают.

Люба знает, не все доярки чисты на руку. С другой стороны их понять можно. Никто в хозяйстве корову не держит, с утра до ночи на ферме. Прихватят пол-литра – не убудет. Сами рискуют, нагрянут работники НКВД, без суда и следствия отправят на трудовой фронт, не посмотрят, что на лавках и в зыбках сидят голодные дети.

Через день из районного центра приехал ветеринар. Шесть бычков стояли в отдельном закутке. Пока они ещё резвились, один из них попытался помериться силами с другим, рогами разворачивал навозную кучу, передними копытами раскидывал старую солому.

К вечеру быки лежали на соломенной куче. Тихие, испачканные кровью, жалостно мычали. В глазах у них стояли слезы. С этого момента быки стали рабочими волами. Скоро к ним присоединились четыре коровы, забракованные как молочные товарки.

Ярма для животных изготовил старый Курдей Христофоров, только он умеет приладить деревянные хомуты для рабочего рогатого скота.

Через несколько дней Борик и Николай Саваровы пошли запрягать быков.

– Рога у быков надо отпилить. – посоветовал Христофоров.
– Зачем? – пошутил Борик. – Сами отвалятся от непосильного труда.

– Не отколоть, а отпилить надобно. Бычки характерами разные. У одного сразу зрачки белеют, может покалечить, а другой – с места не сдвинется, хоть на него вскарабкайся.

– Чем пилить?

– Обыкновенной ручной пилой.

– Ладно, это потом. – отмахнулся Борик. – Теперь приглашаем вола воду возить.

Николай быстро запряг быка по имени Кабан, взял в руки кусочек хлеба и пошел, он за ним зашагал, будто всю жизнь тянул повозку.

Борик подошел к другому по имени Строгий без всякой боязни. Надел недоуздок, животное стало мотать головой. С грехом пополам его запряг, бычок забеспокоился, стал возражать. Борик не торопился. Крепко намотал на руки поводок, погнался. Строгий сначала дернулся вперед, почувствовав тяжесть, заплясал на месте, ударился ногой об оглоблю, замычал и рванул вперед. Борик не отпускал поводок, крепко стоял на телеге. Женщины с криком разбежались с дороги. Бык устал, перестал крутиться. встал как вкопанный. Парень слез с телеги, стал кормить его сеном. Вернулся во двор, Христофоров похвалил Борика:

– Хороший из тебя хозяин получится, не обидел животное.

– Мне кажется, такие хомуты быкам не подходят, – сказал Борик.

– Для бычков необходимо изготовить особые хомуты.

– Какие?

– Прямые, без подхомутника. и надобно совсем другие оглобли.

Тут Курдей что-то пробормотал про себя, начал вслух рассуждать:

– Надо... Надо бычков запрягать. Стоят на ферме, даром жуют корма. Наденем недоуздок, длинный ритван для них подготовим. Нельзя бить животных, они с одного взгляда человека поймут. Взять жеребёнка, только на втором году его начинают приучать к тяжелому труду. Пока приучишь тянуть телегу, не раз потом зальёшься. Даже собака перестает выть, когда с ней серьезно поговоришь. Бычков нельзя лупить, они с первого раза разрешили себя запрячь.

Борик внимательно слушал Христофорова, но одним глазком следил за Строгим. Бык спокойно стоял у ворот.

– Пусть в таком одеянии походит до вечера, немного попрыскнет, – спокойно сказал Курдей, покидая колхозный двор.

Волы неохотно, но потихоньку согласились исполнять свои новые обязанности. Вначале пришлось привязать на оглоблю палку с пучком сена. Животные тянулись за едой, сами не замечая, шли. Одна беда, везде и всюду они ходили парами, но одинаковыми черепашьими шагами, ничего не помогало, как говорится – ни кнут, ни пряник, ни другие воспитательные меры.

К весне подготовили и вывели на пахоту четыре пары волов. Впереди шли Калым и Кабан, за ними – успевшие исхудать Строгий с Хомутом, Амбар с Хозяином, Булат с Королем, а сзади шли две пары коров – Зорька с Машенькой, Синька с Чернухой. За последними двумя коровами шла Ирина Макарова. Они отстали от основной группы. Коровы разные по масти и по нраву. Синька упряма, когда голодная – может все опрокинуть, побежать полакомиться свежей травкой, а Чернуха смиренная, хотя и тяжело ведет за собой подругу. Животные с выгнутыми спинами тянут плуги, от тяжести морды опустили до земли. Ирина за день измоталась так, что еле ноги волочила.

К вечеру Синька с Чернухой совсем устали, посреди поля встали и ни с места. Ирина начала дергать за верёвку, понукать, пыталась устыдить, ничего не получается – стоят, только хвостами помахивают.

– У, черти! – не выдержала Ирина. – На мясо бы вас, тогда узнали бы, как издеваться.

Своим словам сама удивилась: «Как же так, а кто будет тянуть плуг?».

Разозлилась, схватила хворостинку и давай их стегать. Чернуха, бедная, при каждом ударе вздрагивала, тихо мычала, но тронуться с места не могла. Синька передней ногой ударила по брюху, встала копытом на ногу Ирины. От боли она завывала, пыталась освободиться, а корова ни с места. Взялась за веревочную уздечку, изо всех сил резко дернула. Синька качнулась, пытаясь сохранить равновесие, заплясала. Ирина успела выдернуть ногу и увидела, что галоша совсем изорвана. Она продолжала хлестать коров. Животные с места не тронулись, только большие глаза

закрывались при каждом ударе. Ирине стало жалко коров, бросила хворостинку, обняла их и зарыдала в голос:

– Простите меня дуру. Синька... Чернуха... извините!

Смотрит, у коров из глаз потекли слезы. Ирина сняла платок с головы и стала вытирать им морды. Так простояли минут двадцать.

– Чернушка, милая... Синечка... мне надо допахать участок, пройти ещё круг, иначе мы с вами не выполним задание, под суд пойдем... Немного осталось...

Коровы разом тронулись вперед, Ирина взялась за плуг. До ночи управилась с делами, накормила, напоила животных, а дома свалилась с ног. Тело деревянное, голова перестала работать, в горле пересохло, трудно стало дышать.

Кошка крутилась вокруг неё, просила еды. Ирина отмахнулась. Она должна немного поспать, иначе утром не встанет.

* * *

Люба Полякова второй год председательствует, сегодня ей исполнилось тридцать лет.

В деревне не принято отмечать дни рождения, считать прошедшие годы. Впервые об этом напомнили на сессии Верховного Совета республики. Её пригласили на трибуну и принародно, в присутствии руководителей разного ранга, депутатов вручили цветы и отрез на платье. Ох, как ревела она, никак не могла остановиться. Получается, живет человек, сам не знает, куда дорога поведёт. С тех пор минуло семь лет. В жизни произошёл полный переворот – она замужем, Ивана проводила на фронт, сама управляет колхозом имени Папанина.

Как всегда, утром встала рано. Села перед зеркалом, купленным перед войной Иваном специально для Любы, поправила волосы и увидела своё загорелое лицо. Не помнит уже, когда высыпалась досыта. Некогда валяться в постели. Ложится спать с первыми звездами, просыпается – уже утренняя заря заглядывает в окно. Единственную козу не успеваешь доить, за ней ухаживает соседка, семидесятилетняя старуха Мышкова. Она стала хозяйкой боевой и проворной резвуны, сама взялась помочь председателю в домашних делах.

– Некогда думать тебе про козочку, – твердила она. – За твоей спиной колхоз, три сотни стариков, женщин и детей, коровы,

лошадки, овцы и свиньи. Всех надо кормить, поить, да и о налогах голову ломать. С козой я как-нибудь управлюсь, ты управляйся с колхозными делами, не дай людям пропасть...

Люба спешит в правление. Куда денешься, судьбу не обманешь, не перескочишь. Она депутат Верховного Совета республики первого созыва, уже второй срок тянет трудную лямку. Односельчане относятся к ней доброжелательно, во всем стараются помочь. Люба чувствует, что сбрасывает какую-то невидимую оболочку, становится другим человеком. Раньше боялась приблизиться к кабинету начальников, а теперь не стесняясь, смело открывает их двери. В характере появилась настойчивость, твердость. В прошлом за неё решали, а сейчас самой приходится выкарабкиваться из самого темного тупика.

Когда получила казенную бумажку, что её муж, Иван Борисович Денисов, во время ожесточенного боя с немецкими захватчиками пропал без вести, в смерть его не поверила, не ревела, как другие бабы, не мочила горькими слезами подол передника. Верит, что муж жив, продолжает воевать.

Были и злые пересуды за спиной:

— Иван пропал, она ни одной слезинки не проронила, — шептались бабы.

Однажды днём почтальон Оля Головлева забежала в правление и вручила ей толстое солдатское письмо с обратным адресом «от твоего Ивана». Не выдержала, выгнала всех из кабинета, со слезами несколько раз прочитала долгожданное письмо от мужа.

«...Попали в окружение, воевал в партизанском отряде», — общал он жене. Потом на трех страницах большого листа, как влюбленный мальчишка, признавался в самых нежных чувствах. От сладких слов голова кружилась, она готова была лететь к нему, прижаться, чувствовать себя женщиной, а не деревенской рабочей лошадью. Любу беспокоило отсутствие детей — а ведь они уже пять лет вместе живут. За что Бог её наказал, она ведь крепкая, детородная женщина, почему радость детского смеха уходит от неё стороной.

С утра гудит репродуктор на столбе. Передают сообщение Совинформбюро о тяжелых боях под Ржевом. Весной часто говорили о Ржевско-Вяземской наступательной операции, теперь сообщают о тяжелых боях в Ржевско-Сычевском и в Сталинградском направлениях.

Днём теплый дождь вихрем налетел на деревню, обмывая уличную пыль, обливая как из ведра крыши домов. Сверкая молнией, ломая лихим ветром ослабшие сучки деревьев, быстро побегал в сторону деревни Ярмушка. Не успели последние капли коснуться земли, из изб выскочили дети, шлепая по лужам, окатывали прохожих дождевой водой. Женщины с визгом пытались увернуться от брызг, а старый, немного выпивший Симук Петриванов ворчал на малышку.

Люба Полякова не смогла скрыть при женщинах выпавшую сегодня на её долю радость, вскинула руки вверх и заплясала в луже в такт веселого марша, льющегося из репродуктора.

– Яровые не высохнут, зазеленеет хлеб! – радовалась тридцатилетняя женщина. – Победим, обязательно победим! Мужики вернутся домой!..

– С ума сошла!.. – испугались женщины.

– Нормальная... не сумасшедшая я! – не скрывая радости, продолжала она брызгать дождевой водой.

Из магазина вышла Ирина Макарова, двадцатилетняя вдова. Она подбежала к соседке, взяла её за руки и пошла вместе с ней в пляс. Председатель поскользнулась, потянув за собой девушку. Обе лежали в луже, хохотали, не торопились встать. Вместе с ними смеялись женщины, но скоро это веселье перешло в слезы. В это время каждая вспоминала что-то сокровенное, давно прошедшее, милое время.

Люба Полякова плакала от радости. Муж живой! Нипочем сейчас ей звонки из районного центра. Колхоз в очередной раз выполнит план хлебозаготовок, обязательно подготовит красный обоз. Для колхозниц, для детей припрячет, урвёт пару сотен пудов хлеба. Наверняка муж её в этом поддержал бы.

Вот они – женщины колхоза имени Папанина. В прошлом году, в сорокаградусный мороз, завершили молотьбу хлеба. Когда от искры старого трактора загорелась солома, голыми руками растаскивали снопы. После сидели и смотрели на обгоревшие брови и волосы. Не дали огню отобрать у людей кусочек черного хлеба.

Из-за туч показалось солнце. Люба и Ирина вскочили на ноги, начали выжимать подола платьев. Не успели женщины отойти от лужи, их место заняли деревенские воробы. Дружно

стали полоскать крылья, чистить себя дождевой водой. Колхозницы их обходили, стараясь не распугать маленьких неугомонных птиц, живущих около людей. Они без остановки чирикали, как и люди, радовались теплоте дождю.

В это время к ним подошла Оля Головлева, почтальон деревни. Радость у женщин потухла, они испуганно смотрели на неё.

10

Оля Головлева ходит в почтальонах. Считает себя взрослой женщиной, хотя замужем не была, в ближайшее время не собирается связать себя по рукам и ногам, не хочет быть работницей при муже. Так и говорит всем. А на самом деле ждет своего Виталия. Он не воюет, находится на китайской границе – далеко, на Дальнем Востоке. Девушка часто от него получает нежные послания.

К обеду она успевает разобрать газеты и письма. На простые конверты мало обращает внимания. Вручит и уходит, оно от тыловых родственников. На некоторых замечает следы высохших слез. Может, родственники дают знать о чем-то досадном.

Любит людям вручать солдатские треугольники, они греют душу. Получив такие конверты, глаза у людей начинают светиться, на губах появляется улыбка, благодарные, обнимают, целуют её. Если солдат пишет, значит, жив, здоров, всем желает долгой жизни.

А до казенных писем боится дотронуться. От них холодом веет. Первое такое письмо она вручила в начале августа прошлого года Марине, жене Михаила Блинова. Та, дрожащими руками разорвала конверт, при ней начала читать: «Ваш муж, рядовой Блинов Михаил Николаевич, 17 июля 1941 года пал смертью храбрых в неравном бою с немецкими захватчиками. Захоронен в районе Тихтозеро Карело-Финской республики».

– Ты хуже фашиста! – заорала Марине и рухнула на пол.

Тут прибежали четверо её детей, хором заголосили. Оля растерялась, хотела убежать – ноги не слушаются, сказать слово – язык заплетается. Так и стояла, пока Марине Блинова не очухалась, не заохала. Услышав её истошный вой, выбежала на улицу. От обиды, что её обозвали фашистом, заревела, долго стояла у дома Василия Денисова.

Второе такое же письмо не заставило себя ждать. Оля передала конверт младшему сыну Ивана Камитова и поспешила уйти

подальше. Не успела – истошный, разрывающий душу крик матери погибшего солдата настиг её. Она повязала платок до самых глаз, чтоб никто не видел ее слез.

В конце октября был третий конверт. Растерялась Оля, казенную бумагу не знала кому вручить. Предназначалась она Ирине Макаровой, которая не успела поменять фамилию. «Может, отдать родителям Василия», – подумала почтальон. Тогда нарушит почтовые правила, её уволят с работы. Голова пошла кругом. Сколько ещё таких черных вестей прийдёт война в деревню Хумуш?..

Вечером Оля пошла к Ирине. дрожащими руками положила письмо на стол. Молодые женщины боялись смотреть друг другу в лицо. О гибели Василия Евсеева узнала вся деревня. Люди шли к Ирине. Кто-то хотел утешить, вместе поплакать, а кто-то полагал увидеть, как корчится от невыносимой душевной боли молодая вдова, так и не успев насладиться жизнью замужней женщины.

Василий Евсеев долго крутился вокруг Ирины. Два года служил в Красной Армии, писал письма. По неизвестной причине часть расформировали, а красноармейцев отпустили домой на год. На другой день после приезда, Василий пришёл к Мышковой с родителями и увез Ирину в новый дом. Девятнадцатилетняя девушка стала женой. Была небольшая свадьба и, как положено, драка пьяных мужиков. Бабы в деревне пошущукались, скоро успокоились, мало ли таких свадеб в деревне. Молодожены не торопились расписаться в сельском Совете, поменять фамилию Ирины на Евсееву, она осталась Макаровой. Ребёнка Бог отобрал. Привезли дрова, не выдержала, вместе с мужем пошла таскать, к ночи заболела поясница, а к утру оказалась в Калининской больнице. Врачи не смогли спасти ребёнка.

После объявления войны Василий уехал догонять свою часть. Через неделю уже воевал с немцами, а в начале октября погиб на Донбассе, пуля попала прямо в сердце.

В деревне не понимают беды одиноких женщин. Пытаются обделить их как руководители колхоза, сельского Совета, так и односельчане. Вдов в Хумуши предостаточно. Империалистическая и гражданская войны не прошли стороной это поселение. четырнадцать мужиков не вернулись домой. Жены остались вдовами, не нашли спутников жизни. может, не захотели предать память мужей, может, никто не приглянулся, вот и мыкаются на этом свете.

Избы у них под соломенной крышей, заборы, дворовые постройки перекошились, просят ремонта. Сейчас к ним добавились те, кто накинул на свои хрупкие плечи «вдовьи» тяжести.

Теперь на войну стали призывать семнадцатилетних. Опять около сельского Совета стали слышны голоса рыдающих женщин, провожающих сыновей на фронт. Тут и там вопят: «Не отдам!.. Не пушу!..». Но никто не смеет парней удержать, и провожают сыновей до Калининского военкомата, потом долго смотрят на дорогу, как за горизонтом, за деревней Кюльхири исчезают силуэты сыновей. За этим пришла другая беда, в колхоз приехала военная комиссия, для фронта опять мобилизовали пять лучших лошадей, заодно в прошлом году приобретенный трактор.

Ирина трудится в полеводческой бригаде. Женщины, работая до изнеможения, стараются забыть горе, потери. Если одна пошутит, то вся бригада хохочет, если кто-то запоёт, то многоголосая песня далеко разливается по полям. Обедают вместе, выкладывают на платки всё, чем богаты, запивая горячей водой, заглушают голод.

* * *

Получив похоронку, Ирина не стонала, не билась, не кричала на всю деревню. За это женщины обвинили её в черствости: «Нет ни сердца, ни души».

Дома ревела, внутри всё кровью обливалось. На людях не стала трястись, выть, как голодный волк, это каждый умеет. Попробуй выдержать косые взгляды односельчан.

Ирина не смогла свыкнуться со смертью мужа. В этом году ей идет двадцать первый год, а уже вдова. Не успела изведать глубину счастья. Недолго видела его, всего полгода рядом с мужем прожила. В жизни её счастье и несчастье рядом шагают – то полоса белая, то черная. Не могла угадать, по какой полосе сегодня пройдёт. В возрасте восьми лет осталась сиротой. Куда увезли семью, где они пропали, Ирина не знает. Родовой дом давно не снится. Нет избы, только бревна греют колхозную читальню. Сначала потеряла семью, а теперь и мужа.

Как только на улице увидит почтальона, уходит в сторону. Её руки трясутся, лицо как у мертвого бледнеет. Оля тоже с ней

боится встречаться. Ирина знает, второй похоронки не будет, но опускает голову, будто не проклятая война, а почтальон виновата во всем.

Судьба распорядилась по-своему. В начале зимы в избу вошла председатель колхоза Люба Полякова и объявила:

– Завтра получишь повестку, тебя призывают на военный завод – в Шубашкар...

– Я согласна.

Не ожидала Люба, что она так быстро согласится, даже не пришлось уговаривать. Что выпускает этот завод, какую работу будут выполнять девушки на этом предприятии – никто не знает.

– На завод проводим, как фронтовиков.

– Кого ещё? – поинтересовалась Ирина.

– Олю Головлеву. Пришла, поставила почтовую сумку, попросила отправить куда-нибудь подальше из деревни.

Ирина промолчала. В душе не хотела быть вместе с этой девушкой, сердце не лежало к ней.

Прошёл день. Перед стариками и женщинами председатель сказала несколько утешительных слов. От имени колхоза вручила девушкам фуфайки, лапти с теплыми шерстяными носками.

– Тяжело будет... – вымолвила Полякова. – Берегите себя и здоровье.

– Не переживайте... перезимует, – ответили уезжающие.

Ирина думает о прошедших днях. Как по Восточной улице гуляла летними тихими вечерами со своим Василием, любовалась звездами, сидя на скамейке, слушала, как коростель выводит песню за кураковским переулком. Вспомнила, как с мужем кувыркались на первом пушистом снегу, домой пришли замерзшие, но самые счастливые на свете. Любит Василия, похоронку порвала на кусочки и выкинула, не хочет верить, что мужа убили. «Война кончится, вернется домой...», – рассуждала про себя. За всё время Ирина получила всего одно письмо, хранит за иконами дорогой листок, написанный руками мужа карандашом, ждет не дождется от него очередного письма. Не верит, что пуля, выпущенная немцем, оборвала жизнь мужа. Жди не жди, но ни одна курица пока не запела петухом, видимо, так в жизни положено...

Перед отъездом в дальний путь провожающие присели на минуту, обняли девчат, а Полякова грустно произнесла:

— Эх, горемычки мои, не снаряды вам собирать на военном заводе. а детей рожать и воспитывать.

— Успеем... — ответила Оля. — Хочется зимой сорвать грибок, да снег глубок...

Бабка Тоня Мышкова проводила их до услабинского косого-ра. Оглянулась Оля Головлева на деревню Хумуш. долго смотрела на покрытую соломой родную избу, вдохнула свежего зимнего воздуха и выразилась:

— На душе больно. Дом не хочется оставлять. Стоит невесё-лый, не хочет меня отпускать.

— А похоронки носить не больно? — заметила Мышкова.

— Невыносимо...

— Не горюйте, бегите отсюда, хотя в колхозе ох как вы нуж-ны, каждый человек ценнее золота.

— Трудно не согласиться.

Мышкова обещала присмотреть за домом Ирины.

Девчата помахали руками бабушке Тоне, поправили котомки и двинулись вперед. Им предстоит протопать пешком пятьдесят с лишним верст до номерного завода в Чебоксарах.

Город встретил неприветливо, началась пурга: свистел ве-тер, крутил, закрывая снегом протоптанную дорогу. Шагать труд-но, лапти стали деревянные, онучи перестали греть ноги, тело устало. Поздно ночью добрались до ворот завода. Проверив до-кументы, призывные повестки, дежурная работница завода до утра устроила их в коридоре длинного рабочего барака, куда со-брались, ждали развода такие же чувашские, марийские, татар-ские девушки и безусые юнцы. Устроились в середине коридора барака. рядом с круглой печкой, от которой шло волшебное теп-ло. Оля, не снимая котомку, рухнула на пол, рядом незнакомая де-вушка недовольно проворчала. Ирина не торопилась, стряхнула с котомки примерзший снег, присела и стала оглядываться вокруг. Четверо мальчишек играют в карты, никто их не ругает, не сты-дит. Недалеко две девушки тайно едят печеную картошку, от чего у Ирины в животе прихватило. Ведь за целый день во рту не было ни кусочка хлеба, ни капельки воды. В сторонке. на полу сидят три девушки. Одеты в старенькие осенние сохманы,* в лаптях, на

---

*С о х м а н — кафтан.

плечах теплые платки. Они о чем-то испуганно разговаривают.

– Полежи немного, – буркнула Оля. – Народ прибывает и прибывает...

Ирина не захотела лечь на пол рядом с Головлевой, как села, так и уснула – сказалась долгая дорога.

Рано утром их разбудил длинный заводской гудок. Значит, ночная смена кончилась, началась дневная, двенадцатичасовая работа. Все вскочили на ноги, не зная, что предпринять, столпились в коридоре. Ждать пришлось недолго, в барак вошли несколько человек, открыли комнаты, забрали у всех повестки. Через некоторое время стали приглашать прибывших.

– Макарова! – услышала Ирина свою фамилию.

К двери устремились несколько девушек. Женщина опомнилась, признала свою ошибку и добавила:

– Ирина Макарова...

Она вошла в большую комнату. Где несколько человек вели разговор с девушками и записывали их данные.

– Ко мне подойдите, – пригласил её худощавый старик в военной шинели без погонов.

Ирина присела на приставленную к столу табуретку.

– Макарова Ирина Михайловна, – вслух прочитал он, оформляя личный листок по учету кадров. – Родилась?...

– Утӓ уйӓхӓн вунулттӓмӓш кунӓнче, 1921 сӓлта*, – заявила Ирина на чувашском языке.

Старик улыбнулся, поднял голову, внимательно посмотрел на неё и попросил:

– Прошу ещё раз повторить сказанное на русском, я не успел изучить ваш язык.

Ирина покраснела. не собиралась она обидеть этого приятного старика, поэтому на все дальнейшие вопросы отвечала на русском языке.

– Муж воюет? – спросил старик, отложив ручку в сторону.

– Похоронку получила в конце октября. – робко ответила Ирина.

– Бедные женщины страны Советов. – пробормотал старик, потом быстро завершил оформление личного листка, повернулся

---

* 16 июля 1921 года.

в её сторону и продолжил: — Вас определяют в шестой цех, в четвертую бригаду.

— Какую работу будем выполнять? — спросила Ирина.

— Вам обо всем расскажут, всё покажут. Внимательно прочитайте эти документы и подпишите.

Он выложил перед ней несколько листов бумаги и указал, где поставить свои подписи. Ирина волновалась, читала быстро, некоторые слова не понимала, спрашивать стеснялась, в голове всё перепуталось, закрутилось, завертелось. Взяла и вывела в указанных местах свою фамилию «Макарова».

Потом старик попросил подождать в коридоре.

Оля с ходу затараторила, что она тоже в четвертой бригаде шестого цеха.

В тот же день им выписали специальные пропуска, вручили табельные номера работников завода, устроили жить в дощатом бараке, где ветер свободно гулял по комнатам. В углах висят сосульки. В середине стоит печка-буржуйка с длинной трубой, выведенной через форточку на улицу. Она топится один раз в сутки — вечером. Жилые бараки находятся в трёхстах метрах от главных ворот завода.

* * *

Шестой цех номерного завода изготавливает авиационные бомбы. Работа трудная, ответственная. Ирина с Олей всем говорят, что трудятся в хозяйственном цеху. Так велено по инструкции, под которой они поставили подписи, тем самым подтвердили секретность своей работы.

Первое время от непривычного тяжелого труда опухали руки. Кровь сочилась из трещин на ладонях. Авиационные бомбы, которые чеканят девушки, весят от 65 до 130 килограммов. Бомбы в таре таскают на плечах и грузят в вагоны прямо в цеху. За смену так устают, ноги еле-еле двигаются до общежития. К вечеру падают от боли, кожа на плечах содралась, кровь сочится через одежду. Мастер отпускает поодиночке в лазарет, там проверяют, мажут мазью и вновь возвращают на работу.

Чеканить, значит, вовнутрь бомбы положить десять маленьких бомб, а сверху установить взрыватель. При сильном ударе они взрываются, от чего образуется мощная волна, разрушающая

вокруг всё. Работники этого номерного завода считаются военными призывными, участвуют в тактических занятиях. Самое трудное в учениях — сигнал тревоги после двенадцати часов ночи. Только уснешь крепким сном, приходится вскакивать на ноги, бежать до ближайшей роши, находящейся в двухстах шагах от общежитий, и зарегистрироваться. Кто не успевает в нормативные сроки, приходится ещё раз повторять, уже в пять часов утра.

Цех по выпуску авиабомб был построен наспех из досок, обтянут брезентом. От внутреннего тепла потеет, с потолка капает вода. Работники обуты в лапти со специально прикрепленными подковами из дерева, при ходьбе по полу они цокают, будто десятки лошадей скачут по утоптанной дороге.

Ирина ежемесячно меняет лапти, ближе к весне пошла по цеху босиком. Никто от этого не страдает, кругом девушки шлепают голыми ногами по земляному полу. От пота платье развалилось на глазах, приходится штопать, ставить заплатки.

Кормят два раза в день, картофельный суп и стограммовый кусочек хлеба немного утоляют голод.

— Давай ещё раз зайдем, никто нас не запомнил, — позвала однажды Оля.

Ирина согласилась. Вошли в столовую, встали в очередь. Но до раздачи не дошли. К ним подскочила разводящая, громко пристыдила их, вытолкнув из столовой. Было обидно до слёз, стыдно перед другими работниками.

Однажды в тарном цехе взорвалась авиабомба. Людей из других цехов не выпускали, даже говорить об этом запретили. В общежитии Ирина узнала, что от взрыва погибли более десяти человек и около двадцати от различных ран попали в госпиталь.

В тот же день к Ирине подошел молодой секретарь комсомольской организации, рыжий, небольшого роста Анатолий Сафронов, и стал агитировать:

— Вот что, Макарова!.. Знаешь?.. Ты передовая чеканщица, пора вступить в члены ВЛКСМ, стать полноправным участником социалистического соревнования.

— Я уже старая, поздно мне в комсомол, — возразила Ирина.

— У тебя не хватает серьёзности, — отрезал секретарь. — Бойцы Красной Армии перед боем просят принять их в комсомол, в партию, чтобы первыми идти в рукопашный бой.

— Я не воюю.

– Ещё как воюешь, за день десятки, сотни бомб уходят из этого цеха и через некоторое время падают на головы фашистов.

– Я-то?

– Да. Именно ты... все вы герои.

На этом разговор прервался. Секретаря вызвали по делам. Он обещал вернуться к разговору, просил подумать, не тянуть с согласием. Ирина вечером обо всём выложила подругам. Они хором стали уговаривать её, что Ирина молодая, ей только двадцать. Согласилась, дрожащими ногами пошла на собрание, где собрались комсомольцы всего завода. Секретарь зачитал её заявление, попросил подойти ближе к столу, встать лицом перед присутствующими в зале. Сразу посыпались вопросы со всех сторон.

– Сколько классов окончила?

– Пять, – ответила Ирина.

– Куришь?

– У нас в деревне женщины не курят... Я тоже не курю.

– Почему раньше в комсомол не вступила?

– Не предлагали... Боялась.

– Сейчас не боишься?

Она молча пожала плечами.

– Как выполняешь производственный план?

– Еле-еле двести процентов, – вымолвила Ирина.

В зале раздался одобрительный смех, аплодисменты. Она испугалась, что этого мало, в комсомол могут не принять, опозорится на весь завод. От непонятого волнения перехватило дыхание, от нехватки воздуха начала поправлять платок, расстегивать верхние пуговицы фуфайки. Но за спиной раздался голос секретаря:

– Не волнуйся, Макарова... Если бы все так работали, ваш цех можно было назвать гвардейским. Но многие здесь сидящие не дотягивают и до сто двадцати процентов, а некоторые в прошлом месяце не смогли вытянуть и этот план... Думаю, достаточно вопросов, есть предложение принять её в члены Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Кто за?.. Прошу голосовать...

Ирине казалось, что весь завод за неё поднял руки. От волнения краешком платка смахнула слезинки. Секретарь вышел из-за стола и вручил ей красный комсомольский билет. Зал взорвался аплодисментами, а подруги подбежали к ней, стали обнимать, поздравлять.

После собрания Ирина предложила Оле на следующей неделе отработать сутки, а после работы, сходить в деревню.

– Как там?.. – твердила она. – Не были больше полугода...

– Двенадцать часов ходу до Хумуш, столько же назад, – засомневалась Оля. – Прискакали, посмотрели и назад в Чебоксары... Зачем?.. Если опоздаем – военный трибунал.

Поход в деревню пришлось отложить. Олю арестовали, решением цехового политсовета посадили на десять суток. Весь цех гудел, все обсуждали ЧП. В цехе во время обеда состоялось короткое собрание, где доложили, что Головлева недочеканила бомбу. Контролеры при проверке почувствовали нестыковку, авиабомба оказалась легкой, открыли и по подписи сразу определили работницу, обвинили её во вредительстве и отправили в карцер. Оля по своей глупости получила наказание.

Несмотря на потрясения, Ирина решила побывать дома. Трудовые сутки оказались очень длинными. До обеда чеканила бомбы, после полудня подкатили вагоны, пришлось до вечера грузить. К ночи её одолел сон, не заметила, как села около ящиков и уснула.

– Макарова, хватит дрыхнуть! – толкнул её бригадир.

– Чуть-чуть... ещё немножко. – бормотала Ирина, не открывая глаз.

– Я тебе покажу немножко! – зарычал бригадир, – Кто за тебя будет работать!

Ирина вскочила на ноги, продолжила заниматься привычным делом. Утром, не заходя в общежитие, через Яуши пошла в сторону Ишаки. К обеду поднялась на косогор, до Туруново осталось километра три. Чтобы сократить дорогу, она пела песни. Не заметила, как дорогу перегородила стая волков. Увидев человека, вожак остановился, сел на задние лапы. За ним и другие звери остановились. Ирина перед собой их заметила только за тридцать шагов, от страха онемела. Вожак молчал, с места не двигался. Ирина стояла не живая, было поздно предпринять какое-то решение, глаза закрыла и ждала своей участи, а губы шептали: «А-а-па-ай!.. По-о-моги!.. Во-о-лки!..». Стояла долго, когда открыла глаза, дорога была чистая, повернула голову направо, далеко за оврагом увидела стаю, спешащую в сторону леса.

Ей повезло, из города на легких санях с резвым конем возвращались домой председатель и главный бухгалтер Калининского райпо. Увидев девушку, стоящую на дороге, остановили коня.

согласились довести до Хумуш. Попутчики были разговорчивые, любопытные, всё расспрашивали да расспрашивали. Ирина не могла им рассказать обо всем, только коротко отвечала на вопросы, не заметила, как закрылись глаза, и уснула. У околицы деревни Хумуш попутчики её разбудили.

Увидев приёмную дочь, Мышкова заохала, запричитала, стала быстро собирать на стол нехитрую еду. Откуда ни возьмись, одна за другой появились соседки, подруги: Катя Калитка. Прасковья, Евгения-пасечница, Вера Лукова, Татьяна Калисова. Как узнали, каким ветром донесло? В комнате запахло печеной картошкой. С каким удовольствием уплетала Ирина еду. Когда разговор коснулся фронтовиков, она посмотрела на бабушку. Та спрятала глаза. Значит, нет вестей от Василия...

– В последнее время почтальон приносит одни похоронки, люди боятся с ним встретиться, – объявила новость Прасковья.

– Кто разносит письма? – спросила Ирина.

– Баранов... Михаил.

– Его не призвали?

– Куда ему. Часто лихорадит, упырь в нём поселяется и начинает трясти, говорят – припрятки.

– Не припрятки, а припадок, – поправила Ирина подругу. – У нас на заводе из-за такой болезни несколько человек отправили домой, говорят – неизлечимая хворь.

– На Баранова по Нуросской дороге волки напали, до деревни шагал с факелом, звери отступили, побоялись огня, – заметила Катя Калитка.

Ирина про сегодняшнее утреннее происшествие промолчала. Расскажешь, посчитают небылицей. Поэтому внимательно слушала деревенские новости.

Катя Калитка собирала сплетни со всех переулков и соседних деревень. За такую болтливость и прозвали Калиткой. Как откроет рот, не остановишь, закрывать забывает. Тут же начала выкладывать про деревенских баб, аж искры полетели.

– Как тебе не совестно людей оговаривать, – не понравился Прасковье такой разговор.

Тут соседка Евгения-пасечница поддержала подругу, началась нешуточная перебранка.

– Хватит сплетничать! – резко оборвала Мышкова. – Лучше расскажите, как идут дела в колхозе?

Женщины стали рассуждать, но этого Ирина не услышала, дошла до полатей за печкой, взяла с вешалки старую шубу, бросила на доски, легла и провалилась. Спала до шести часов утра, вскочила на ноги, стала собираться в обратный путь.

– Зачем ты такую длинную дорогу прошагала? – спросила бабушка Мышкова.

– Сон увидела, Василий после ранения письмо домой прислал.

– С того свету не возвращаются...

Ирина почувствовала, как в висках застучало, кровь отхлынула от лица. Она взяла котомку, положила туда несколько картошек, обняла Мышкову и зашагала в сторону Чебоксар.

11

Вася Алексеев считает себя взрослым. Голос стал грубый, на руках появились бицепсы, на ладонях – мужские мозоли. Крепко стоит на земле, шаги размеренные, на голове появилась пыльная черная шевелюра, кудрями вываливающаяся из-под фуражки. Голубовато-серые глаза спокойные, немного с хитринкой, часто понижающие людей насквозь. Молчаливо думает о чем-то тайном.

Весть о гибели братьев Петра и Михаила, истошный вой и слезы матери, ежедневные известия по радио о положении на фронтах укрепили намерения пятнадцатилетнего Василия. Он решил бежать сегодня же туда, где такие же мальчишки сражаются с фашистскими захватчиками в партизанских отрядах. Днем заскочил к другу Павлу Хургасову и предложил завтра утром покинуть деревню Ярмушку, добраться до станции Вурнары, забраться в военный эшелон, под брезентом товарного вагона доехать на фронт. Оттуда никто не посмеет отправить их обратно домой. Сейчас весна, на улице тепло. Ему надоело таскать в сумке самодельную ручку с пером «Рондо», прокипяченные, настоянные на саже и листьях дуба чернила в стеклянном флаконе, старую книгу для письма между напечатанных строк.

Павлик Хургасов сегодня в школе не был. У него с братом одна куртка на двоих и старые сапоги, просящие каши и затянутые тонкой проволокой. Носят по очереди, Якку утром ушел, ещё не вернулся.

– Сегодня в школу пришел фельдшер с помощницей, – известил Василий. – Проверяли всех, у кого вши – волосы и рубашки

обрабатывали дустом, трахомных — будут скоблить. Учебу отменили, везде шум и гам, слезы девочек и некоторых мальчиков. В школе стоит дустовой дух.

Услышав новость, Павлик обрадовался. Пусть Якку отдувается за двоих.

Вася ушел с уроков, он не позволит как вшивого барана обрабатывать себя дустом, трахомы у него в помине нет, дома у каждого своё полотенце и мыло имеется, отцу как директору школы ежемесячно выдают.

Павлик за столом с двумя маленькими сестренками уплетает вчерашний суп с хлебными корками.

— Хватит жрать! — сердито сказал Вася.

— А тебе что! — недовольно ответил Павлик.

— Вставай!.. Давай скорее глотай! Довольно за мамин подол держаться!

— Я и не держусь.

— Тогда собирайся, завтра утром уйдем на фронт.

— Не-е! Я не могу-у, — протянул Павлик.

— Как не могу? Ты сам не раз твердил об этом...

— Говорил, да маму отправили на три дня в лес, мне надо присматривать за сестренками. Не могу одних оставить, они ещё совсем глупенькие.

— Свари суп на три дня, без тебя проживут. Не маленькие.

— Юле всего четыре года, а Нинка только научилась шагать.

Кто печку натопит, замерзнут, как дети в Услабе.

— Якку чем будет заниматься? Значит, струсил!

— Не струсил. сестренки одних дома не оставлю. На фронт убегу летом.

— Тогда один уеду. Только ты ни-ни, язык за зубами держи!

— Честное пионерское! — выразился Павлик.

— Вот ещё. пионер нашелся.

Павла в пионеры не приняли. часто он получает неудовлетворительные оценки, а в шестом классе на второй год остался.

— Как по-другому клятву дают? — посмотрел он на Васю.

— Повторяй за мной: «Я, Хуркасов Павлик, клянусь, даже тогда, когда меня будут пытать, иголки под ноготь загонять, каленым железом сжигать, буду молчать. Клянусь перед другом Вазюком. Если проболтаюсь, пусть у меня вырвут язык».

Павлик клялся, но про язык категорически отказался повторить. Он смотрел на Васю круглыми глазами и ждал дальнейших событий:

– Дальше что?

– Дальше... Если проболтаешься, вернусь, сам вырву у тебя язык.

– Так уж вырвал! – обиделся Павлик.

Вася не стал задерживаться у друга. Поспешил домой, пока отец на работе, надо собрать вещи в дорогу, спрятать под солому. Заскочив в избу, обрадовался, дома никого нет, сестренки с матерью куда-то ушли. В холщовую ученическую сумку положил половину буханки хлеба, соль, два соленых огурца, головку чеснока, лука, коробок спичек, из сундука отца вытащил справку о рождении. Закончив дела, стал метаться по двору.

Вася не смог успокоиться даже после возвращения отца с работы. Вместе с ним пилил, колот дрова. Он думал о завтрашнем дне, топор то и дело летел мимо чурок.

– О чем ты думаешь? – поинтересовался отец, глядя на несобранного сына.

– Устал, – соврал Вася.

– Тогда отдохни.

– Не-е! Я ещё немного поработаю...

Утром Василий ушел в сторону Вурнар. Семья узнала об этом через час по листочку бумаги, где было написано: «Прошу не ревевть. Ухожу на фронт. Отомщу за Петра и Михаила!».

Катерина ахнула, во всех грехах обвинила Георгия:

– Распустил, совсем избаловал детей! Родителей ни во что не ставят. Ума прибавилось бы, если бы хоть раз их наказал!

– Может, сразу убить? – не выдержал Георгий.

– Дома похоронили бы, а где лежат мои старшие, никому не ведомо, – совсем очумела Катерина. – Кто ходит к могилам?

– Дура! – резко выразился Георгий. – Что?.. Перестала соображать?

В избу вошла жена Сергея Таюк, узнав новость, жестко оборвала Екатерину:

– Чего мокроту наводишь, подол мочишь? Куда он денется, до Вурнар дойдёт, остановят! Позвоним в милицию, Кури отыщет его.

Катерина успокоилась, обняла Таюк и запела горькую песню:

Небо хмурит над рекою. –
Что ещё сулит погода?
Жизнь несется над землёю, –
Что ещё сулит судьба.
Хоть и хмуро тучи ходят, –
Не всегда же быть дождю.
Хоть и горе сердце давит, –
Не всегда же лить слезу.

* * *

Железная дорога встретила Васю длинными паровозными гудками, вереницами грузовых вагонов. Он знает, где находится Москва. Не сходя с перрона, взглядом ищет нужный состав с военными грузами или солдатами..

Облачён он тепло. Поверх плотной рубахи надет свитер, связанный сестрой Ниной из овечьей шерсти, и суконная фуфайка. Зимняя шапка оказалась великовата, всё сползала со лба, мешала шагать. приходилось поправлять на ходу. Сапоги сидели ладно. пятнадцать верст отмахал, а тяжести в ногах не почувствовал. На руках теплые варежки с двумя пальчиками. Василий думал: «Удобные, на фронте получит автомат, стрелять сподручнее». За его спиной висел холщовый вещевой мешок, вчера наполненный едой.

Вася прикидывал: «За десять часов доберусь до Москвы, если повезет, сразу окажусь на фронте. Покажу фашистам, как умеет воевать ворошиловский стрелок. Он недавно получил значок победителя по стрельбе среди школьников, гордится этим. В кармане пиджака у него лежат комсомольский билет и справка о рождении.

Разные мысли крутятся в его голове: «Жалко мать и отца. Наверное, успели прочитать мое письмо. Сначала мать обзовет меня самыми грубыми словами, потом будет причитать: «Вазюк, сынок, что ты наделал!». А отец?.. Он молодец, никогда не бросается в крайности. Посидит, поразмыслит и вздохнет. Впрочем, нечего тревожиться за родителей. С ними вместе четверо детей – братишка Николай и три сестрёнки. Я доеду, обязательно доеду до фронта!..».

С думами не заметил, как к нему подошел милиционер. Вася не растерялся, сразу спросил:

– Из Москвы скоро поезд прибывает?

– Через час. – ответил молодой милиционер, но не забыл спросить. – Куда путь держишь?

– Председатель колхоза поручил встретить женщин из Иваново, повозка за вокзалом.

– Тогда жди...

Как только милиционер отвернулся от него, Вася исчез за забором. Тут служивый вспомнил о беглеце из деревни Ярмушка, стал искать его, не найдя, чертыхнулся:

– Вот облапошил, стервец!..

Немного посидев, Вася убедился, что за ним погони не будет. Выскочил и нырнул под стоящие вагоны. Увидел, как товарный состав с военным снаряжением тронулся с места и начал набирать скорость. Он заскочил на тормозную площадку одного крытого вагона.

Когда состав оставил позади последнюю станционную стрелку, полез на крышу, открыл люк и прыгнул вовнутрь. Вагон был наполнен солдатским обмундированием. Это его обрадовало. «Вот горемыки, – подумал он. – Даже забыли закрыть люк, вдруг воры залезут». Колеса вагона на стыках рельсов громко стучали, будто издевались над Васей: «Ку–да бе–жишь! Ку–да бе–жишь!».

Удобно устроился на мягких кихах, успокоился и попытался уснуть. Не получилось. Состав остановился, железнодорожники проверяли вагонные колеса, постукивая по железу. Вася замер. Подполз к двери, пытаясь найти щелочку. Состав в очередной раз лягнул, дернулся и набрал скорость, он уснул. Проснулся, когда на улице было светло, в вагон просачивались яркие лучи. Он подполз к большой щелке, увидев трехэтажный дом, подумал, – доехал до Москвы. Сообразил соорудить из тюков горку и вылез наружу через люк. Не успел соскочить на тормозную площадку, как за плечи его поймали вооруженные бойцы комендантской роты станции.

– Кто там? – спросил лейтенант с другой стороны.

– Грабителя поймали. хотел открыть люк вагона.

– В комендатуру его, там разберемся!

– Нужны мне ваши вещи. – обиженно ответил Вася, – На фронте всё выдадут, положено по уставу.

– Очередной беглец... воевать собрался, – подошел к ним лейтенант.

Васю повели вдоль железнодорожных линий к двухэтажному зданию, где расположилась комендатура. Пришлось показать справку о рождении и комсомольский билет.

– Куда путь держишь. молодец? – устало спросил майор, изучая его документы.

– На фронт, – ответил Вася.

– Откуда же ты такой приехал? – поднял голову майор.

– Из Ярмушки...

– Где эта Ярмушка находится?

– В Чувашии.

– Ты парень не на фронт, а обратно драпанул, – улыбнулся майор.

– Как не туда?! – с отчаянием закричал Василий.

– Не ори! – остановил его комендант. – Куда только прут. Без них что-ли фашистов не одолеют? А это город Глазов Удмуртии, полтысячи верст от Чувашии.

– Какой Глазов?.. – от обиды чуть не заплакал Василий.

– Куда торопишься, через полтора года тебя в учебку отправят, оттуда на фронт.

– Не успею. война кончится. кто отомстит за братьев, они погибли! – строго ответил Вася.

– Успеешь. пока тебя определим к Кузьмичу. Там нужны рабочие руки. особенно такие крепкие.

– К какому Кузьмичу?

– На завод, где патроны делают.

– Я всё равно убегу на фронт.

– Поймают – будут судить.

Кузьмичом оказался директор патронного завода города, старый генерал Максимов Аркадий Кузьмич. Небольшого роста, совсем седой. Лет ему за шестьдесят, его усы при разговоре шевелились, кожа на лбу, как меха гармошки, то выпрямлялась, то становилась гладкой. Усталые глаза ласково смотрели на людей. Он сразу понравился Васе. Кузьмич тоже с уважением принял пятнадцатилетнего крестьянского парня из далекой чувашской деревни. Но когда узнал, что Вася по ошибке сел не на тот поезд, от души посмеялся.

В тот же день Василию показали место работы, определили в общежитие недалеко от станции, выдали кровать, постельные принадлежности, продовольственную карточку, поставили на

комсомольский учет, но справку о рождении временно оставили в отделе кадров. Кузьмичу Василий дал честное комсомольское слово, что до призыва в армию будет трудиться на благо Родины, на победу. Он согласился с таким поворотом судьбы, обрадовался, что не отправили назад домой. Половина дела сделана, он уж постарается, скоро будет держать в руках автомат.

* * *

Вася написал домой длинное письмо. Подробно описал, как ошибся поездом, попал на завод в городе Глазове. Судьбой вполне доволен. Вкалывает прессовщиком, но что изготавливает, пропустил – военная тайна. Похвастался, что освоил две специальности, умеет работать на токарном станке, план выполняет на двести процентов, получает до полутора тысяч рублей, включая премии за перевыполнение плана, в свободное время учится в седьмом классе вечерней заводской школы. Для него такие деньги – целое богатство, на них можно купить мешок картошки или брюки с рубашкой.

Утром просыпается рано, до работы почти две версты, а за двадцать минут опоздания могут строго наказать, никаких скидок на возраст. Он не хочет, чтобы взрослые с ним цацкались. В цехе много подростков, от двенадцати до шестнадцати лет. Они из интернатов, но есть и такие, как Вася – ушли воевать, до фронта не доехали. В отдел кадров такие прибывают по путевкам районного начальства или отделений НКВД, никто не спрашивает их желаний.

Завод военный, выпускает пули. В гильзовом цехе изготавливают гильзы, в пульном – пули, в снаряжательном производится сборка патронов. Ещё есть вспомогательные цеха, такие как механический, инструментальный, служба контроля качества, столовая тоже считается цехом. При входе туда работники завода получают ложку, а при выходе отдают обратно.

Вася попал в снаряжательный цех. Здесь в основном работают женщины, на всех столах весы и шестидесятикилограммовые ящики, которые девочки таскают втроем или вчетвером. Сначала Василий пытался им помочь, но свой план тоже необходимо выполнять. Эта работа оказалась ему не по душе. Не выдержал, пошел в отдел кадров и попросился в самый трудный цех. Его

приставили к старому рабочему, вручили пресс, который больше ломался, чем работал.

Наконец завод получил новые американские прессы, Василия как комсомольца назначили бригадиром, доверили самостоятельный участок. Он руководит двадцатью ребятами и женщинами. В бригаде два прессы, на одном работает сам, а на другом Пашка Казаков и Миша Овсянкин. Остальные на конвейере гильзы дырявят.

Вася освоил новый американский многооперационный пресс «Франклин», еженедельно перевыполнял план, но когда за двенадцать часов он выдал деталей на четыреста процентов, цех загудел. Появился корреспондент, щелкал фотоаппаратом, спрашивал об успехах. После обеда к Василию пожаловал сам Кузьмич. Он обнял его, выставил на станок большую банку яблочного повидла и по-военному строго сказал:

– Твоя передовая бригада с сегодняшнего дня будет носить звание «Фронтвая». Скажи, что хочешь...

– На фронт отправьте, – не растерялся Василий.

– Не могу, через год, пожалуйста, а вот твою бригаду я накормлю досыта в столовой, – пообещал директор завода.

Действительно, ужин оказался царским. Суп мясной, жареная картошка, компот – это всё было приготовлено только для бригады Василия. В остальные дни кормили, как считал Вася, не очень сносно. Суп с одной картошкой и пятью-шестью горошинами, каша из неочищенной крупы с попадающими в рот мелкими камешками, на третье чай или компот из каких-то трав и двести граммов хлеба на обед. Гороховая каша, чай, по кусочку черного хлеба на завтрак и на ужин не утоляли голод. Всегда хотелось есть.

Повидло он приберет для девочек из общежития, для маленьких работниц своего и снаряжательного цехов, пусть полакомятся, они сироты, с Ивановского интерната. Особенно жалел Галю Журавлеву. Крепкая, курносенькая девочка четырнадцати лет работает споро. Помнит родителей, их арестовали, куда-то увезли. Её в интернате навещала бабушка, но вскоре она умерла. Других родственников не знает. Галя с девочками заготавливает гильзы на станках, а отверстия в них пробивают вручную. При ударе по металлу от гильзы отскакивают острые как бритва мелкие осколки, попадают прямо в лицо, отчего рабочие постоянно ходят в царапинах. Мастер не старается найти защитные средства, всегда недоволен.

покрикивает и никогда не отпускает с работы, пока план не перевыполнен на двадцать процентов. На конвейере работают мальчики и девочки помладше, их маленькие ручки работают медленно, отсутствие сноровки – сушая беда. Конвейерная бригада часто задерживается на работе, трудится по двенадцать часов.

Васе надоело ежедневно шагать в барак. В цеху холодно, не хватает телогреек, выдают только комбинезоны. Под эту рабочую одежду он надевает теплый домашний свитер. Обувь выдают своевременно, на заводе открыт цех по изготовлению лаптей. Единственное место, где тепло – это около калориферов. Вася из ящичков смастерил топчан, стал жить прямо в цеху. К нему присоединились двое ребят – Коля Морозов и Мишка Овсянкин из Ивановского интерната, потом подготовили место и для Пашки Казакова. У этих ребят одинаковая судьба, они когда-то жили в рабочих поселках, после ареста родителей мотались по свету на поездах, пока их поодиночке не задержали милиционеры и определили в интернат.

У калориферов жить комфортно. После работы можно сходить в баню, столовая рядом. Мастер цеха не возражает, при необходимости вызывает ребят на помощь. С другой стороны пресовщики увеличили себе рабочий день ещё на два часа, резко подскочил процент перевыполнения плана. За что они получали дополнительно триста граммов хлеба, так называемые стахановские добавки.

По ночам, после бани сон куда-то уходил, парни во весь голос говорили о войне, каждый из них мечтал поскорее попасть именно туда, где горела земля на советской территории, где шли ожесточенные бои с немецкими захватчиками.

– Я убегу на фронт, – тихо произнес Паша, самый старший из всех ребят, ему скоро будет шестнадцать.

– Поймают, будут судить, отправят в колонию на пять лет, – предупредил Вася.

– До тебя работал Гриша Поляков с Севера, ушел на фронт, поймали, начальник милиции оказался хорошим человеком, отправил его в специальную школу НКВД, – ответил Паша. – Недавно письмо прислал.

– Не все взрослые такие добрые, – возразил Миша. – Меня три дня держали в карцере, не кормили, решали куда отправить – в тюрьму или на завод.

– Я, ребята, всё время хочу спать, – подключился к разговору Коля Морозов. – Уснул на смене сидя за станком, около двухсот гильз оказались бракованными, спас мастер, по башке потукал, но гильзы куда-то спрятал.

– Тебе повезло, – поддержал его Вася. – Галя Журавлева рассказывает, что в пульном цеху одна девочка допустила брак, её на два года отправили в колонию.

– Ты, наверно, влюбился, – заметил Миша. – Всегда говоришь о Гале.

Вася промолчал, действительно, к этой девочке он испытывает нежные чувства, часто думает о ней, при встрече краснеет.

– У нас в интернате было много девочек, я никого не люблю, ябедницы, с ними нельзя дружить, откровенничать, – объявил Коля.

– Придет время, полюбишь, – многозначительно протянул Миша. – Все взрослые влюбляются, женятся, чтобы продолжить род человеческий.

– Хватит! – резко остановил их Паша. – О какой любви можно говорить во время войны?

Парни не обиделись, они знают Пашу. Днём и ночью думает о фронте. У него на войне убили отца и брата, рвется, хочет отомстить.

– Вчера на завод новеньких привезли, – сообщил Коля. – Такие маленькие, до конвейера не дотягиваются.

– Кузьмич поручил изготовить подставки, одежда и обувь никуда не годятся: фуфайки большого размера, подпоясаны веревками, на ногах галоши, как лапти привязаны, – продолжил Василий.

– Лучше лапти, в резине холодно, даже портянки не помогают, – добавил Миша.

Паша молчит, он уже знает: завтра после работы удерет, уедет на фронт. В этот раз будет предусмотрительнее. Главное, успеть уехать подальше от города, пока милиционеры не застукали. Постарается затеряться в толпе, найдет место в военном товарняке. Обязательно доедет, доползет до фронта, станет громить врага.

На следующий день Паша на работе не появился. Ребят и Василия по очереди таскали на допрос, но ребята заранее договорились, открыто заявили, что не знали о думах своего друга.

После тяжелых работ на Суре Марфу Миронову избрали первым секретарем Калининского райкома комсомола. Поручили партийное задание – вести урок немецкого языка в районной средней школе. Ночевала на работе, вспоминала секретаря Вурнарского райкома комсомола, проживавшего в своем кабинете.

В субботу освободилась с работы поздно, несмотря на темень, устремилась в родную деревню Хумуш. В последнее время в районе гуляют волки, совсем обнаглели, начали таскать домашних животных прямо на глазах у жителей деревень. Люди боятся встречи с ними. Марфа пошла домой через Мачамуш. Не заметила, как оказалась на окраине родной деревни.

От Эрхипа давно нет писем, но и сообщения о смерти нет. В Нуросском крае тишина, не слышны разрывы снарядов, свист пуль. Война идет за тысячу верст от деревни Хумуш.

Отец и тетка Анастасия не спят, ждут Марфу.

Мачеха накормила её ужином, налила кружку молока, поговорили о делах.

Марфа молчит. Она не замечает разговоры близких людей.

– О чем задумалась? – поинтересовался Мирон, глядя в глаза дочери.

Она бросила виноватый взгляд на родных.

– Атте... тетя Анастасия... – опустила глаза на пол и продолжила. – Я скоро уеду на фронт...

– Без тебя не обойдутся? – не воспринял отец её слова всерьёз.

– Я не шучу. Была в военкомате у Николаева. Обещал помочь.

– Чем помочь? На ниме собираешься?

– Я свободно владею немецким, умею стрелять, в радиопередатчиках разбираюсь.

– Как райком комсомола? Кудряшов что говорит?

– Поругал, потом согласился. Пройдет пленум, выберут нового.

– Когда уезжаешь? – с тревогой спросил отец.

– На следующей неделе, во вторник, под Куйбышевом будем готовиться.

– Много таких?

– Из района – я и учительница из Шинера, Вера Звягина.

Тетка Анастасия, сидевшая на скамейке, тихо заплакала, посмотрев на Марфу, невольно произнесла:

– Неужели тебе непременно надо идти на войну?

– Сердце требует, я должна воевать с фашистами, – твердо ответила Марфа. – ЦК комсомола год назад принял постановление о мобилизации руководителей молодежных организаций на политическую работу, в качестве политруков.

Мирон Ефимович помнит дни, когда дочь собиралась в Испанию. Не пустили. отказали. Теперь наступили другие времена. Страну требуется защищать, на войне женские руки тоже нужны. Даже дети не остаются в стороне. Пятнадцатилетний сын учителя Георгия Алексеева из Ярмушки удрал на фронт, хотя до передовой не добрался, обратно не вернулся – работает где-то на военном заводе.

Второй год полыхает русская земля. Деревни опустели, мужчины встали в строй, воюют вместе с другими народами. Восемь человек из деревни сложили головы под Москвой, но в столицу фашистов не пустили. Теперь дочь Марфа покидает родной дом. Остается благословить её, просить вернуться с поля битвы живой и невредимой.

– Ладно... – Мирон встал. – Женщины тоже умеют держать в руках оружие. При Разине и Пугачеве их было немало.

«Война – это трагедия. большая, малая, случайная и заранее рассчитанная врагами. Война не бывает без жертв – это истина. Жизнь простого человека всего-навсего маленькая искорка при вечном народе. Мало кто приметит рождение одного человека, да и смерть его немногие заметят...», – не раз рассуждала Марфа, оставаясь одна после трудного дня.

– Как мне жить, если тебя убьют на войне? – растерянно обратился Мирон к дочери, вытирая платком глаза.

Плачущим отца дочка никогда не видела.

Марфа представила: «Вот лежит она на земле, истерзанная осколками после боя. Хоронят её в братской могиле вместе с погибшими товарищами. Родную деревню, близких людей, подругу Василису она никогда не увидит. Война кончится, к могиле придут поклониться незнакомые люди, пионеры. Только отец ищет её могилу, не знает, где похоронена дочь...».

Но нет, не для этого она записалась добровольцем на фронт. Отомстит за погибших односельчан и за тысячи невинно убитых

детей и женщин. Будет бороться за жизнь до последнего вдоха. Злая, нелепая, случайная пуля или свистящий снаряд не найдет её...

Уход первого секретаря райкома комсомола на войну для всех оказался неожиданностью. При передаче дел постоянно приходилось отвлекаться. Заходила молодёжь комсомольских организаций школ, педагогического училища, ребята мужественно пожимали ей руки. Многие сами мечтали попасть на фронт, были такие, которые открыто заявляли:

– Война – мужское дело, нечего делать там женщинам.

Марфа на них не обижалась, ничего не доказывала, просто улыбалась и добавляла:

– Для каждого дело найдется. Страна в опасности, я тоже пригожусь.

– Там убивают!

– Раньше времени не надо хоронить! – строго отвечала она.

После работы Кудряшов в своем кабинете собрал весь аппарат райкома партии и комсомола, устроил проводы Марфы Мироновой на фронт. Эмоционально выступил перед работниками:

– Советская страна испытывает страшные потрясения. Немецкие фашисты год назад перешли границы нашей Родины по всей западной территории, наращивают военные действия. В такое трудное время мы не можем остаться в стороне, многим хочется сражаться с оружием в руках. Хотя Марфа Миронова не согласовала с нами своё решение, мы ей завидуем. Завтра она покинет родные места, приступит к подготовке по особой программе. Смерть фашистским оккупантам! Победа будет за нами!

Марфа волновалась, хотела много теплых слов сказать на прощанье, но в горле застрял комок, в голове мысли перепутались. Молча приподняла полотенце, где ещё теплился жар свежее испеченного хуплу.* по чувашскому обычаю налила по кругу домашнее пиво. С работы ушла с тяжелой думой: «Никогда больше не откроет дверь райкома комсомола, не сядет за стол своего кабинета, ставшего в последнее время её домом».

Дома ждала Василиса. Глаза были красные, лицо опухшее.

– Что с тобой? – поинтересовалась Марфа.

– Дядя Мирон сказал, что фашисты могут убить тебя! – заревела Василиса.

---

*Х у п л у – мясной пирог квадратной или круглой формы.

– Сегодня все меня хоронят, пока закончу учебу, может и война кончится! – твердо сказала Марфа.

– Когда уходишь? – вытирала глаза подруга.

– Завтра в двенадцать дня.

– Я приду провожать.

– Не терплю мокрые глаза и рыдания женщин.

– Я буду тихо плакать, – настаивала Василиса.

– Хорошо, к девяти заходи, вместе пойдем в Калининский военкомат.

– Я бы не могла стать солдатом, боюсь, стрелять-то не умею.

– Научат, в цирке и медведи танцуют.

Василиса продолжала всхлипывать.

– Сначала потеряли Эрхипа, от него с начала войны нет известий, а сейчас уходишь ты, как нам жить?.. Отец переживает.

Недавно в райкоме Марфа встретила Федота Саварова, он просил ждать сына, хотя бы до конца войны. «Нет никаких бумаг, нет вестей о его гибели, о пропаже. Значит, жив, может, в плену, может, там, где нет связи. Пишут же в газетах о наших солдатах, героически сражающихся в партизанских отрядах», – обнял он Марфу прямо в коридоре райкома партии.

– Перестань, пожалуйста, а то сама скоро зареву, – успокаивала подругу Марфа.

– Не могу... – через улыбку ответила Василиса.

В это время Анастасия выставила на стол угощения. У самой руки тряслись, глаза тоже были на мокром месте. На крыльце слышался шум, в избу вместе с отцом вошли родные, близкие и соседи. Их на проводы пригласили.

* * *

Марфа Миронова стала курсантом Куйбышевской школы военных радиотелеграфистов. В команде из Чувашии было десять девушек. Сюда собрались девчата из разных областей.

Они ожидали получить новые шинели, хромовые сапоги, а им выдали фуфайки, ватные брюки, шапку, кирзовые ботинки и портянки.

– Это мужское обмундирование! – возмущались они.

Многие плакали, когда парикмахер без всякой жалости отрезал длинные косы и стриг их наголо.

Волосы вырастут, Марфа на это не обращала внимания. Взятась усиленно заниматься – постигла радиотелефонное устройство, ходила на курсы немецкого, повторяла забытые слова, военные термины, разбирала, собирала советские, немецкие автоматы, училась на плацу отдавать честь, поднимать ноги, выбрасывать руки вперед до пряжки и назад до отказа.

Начались тактические занятия – марш-броски в полном обмундировании и снаряжении на семь, десять километров с пудовым грузом, состоящим из двух катушек. Для девчат это было сушим адом. Но человек быстро ко всему привыкает. К концу второго месяца смирились с таким режимом, подтянулись, широко дышали грудью – учеба стала легче продвигаться. В ушах звенела морзянка даже во время сна.

Марфа окончила курсы с отличием, её перед отправкой на фронт вызвали к командиру школы полковнику Данилову, вручили новое направление – в московскую особую школу радиоспециалистов. Туда принимали только проверенных людей, готовых выполнить самое сложное задание командования, может быть, за линией фронта, в тылу врага.

За эти месяцы она научилась обращаться с автоматами, оптической винтовкой снайпера, несколько раз прыгала с самолета на парашюте. Когда впервые в жизни поднялась на самолете в небо, от удивления ахнула. Раньше она думала: «Родная сторона, утренняя заря, дубовая роща Ушах, речки Хирлеп и Цивиль самые красивые». Оказалось, на этом свете всё прекрасно, от одного вида сверху душа замирает.

Выпускные экзамены сдала успешно, начальник школы лично вручил ей благодарственное письмо. Широкоплечий, красивый кадровый военный полковник, несмотря на возраст, сохранил офицерскую выправку, но не было того удалства, как у молодых тыловых щёголей. На его груди сиял всего один орден – Красной Звезды. Форму он носил аккуратно. Но военнослужащие и курсанты часто его видели в старой потрепанной шинели и в потерявшей свой цвет каракулевой папахе. Со всеми он был вежлив, тактичен, никогда не допускал панибратства, но и строгостью не блистал.

После торжественного парада выпускников Миронову вызвали к начальнику школы. Там сидели несколько человек из специального управления, она узнала их по цвету погон на формах.

– Лейтенант Миронова по-вашему приказанию прибыла! – четко отрапортовала Марфа.

Тут же открылась дверь, в комнату вошла младший лейтенант Светлана Иванова из параллельной группы и по форме доложила о прибытии. Она летом 1941 года перешла на четвертый курс Чебоксарского пединститута, отнесла в военкомат заявление, попросилась на фронт. Отказали. Только после получения диплома её зачислили в отряд радиотелеграфистов.

– Подойдите сюда. – пригласил их майор из спецуправления.

– Вы имеете представление, где находится Белоруссия?

– Так точно! – отрапортовали девчата.

В кабинете часть стены была завешена черной тканью. Майор открыл штору. на стене висела топографическая карта с разными звездочками, которые указывали места действия боевых партизанских отрядов. На одной из звездочек он остановился. Рассказал об отряде, сообщил имена командира и начальника штаба отряда.

– В тылу врага идет партизанская война, – продолжил майор. – Мы имеем тесный контакт со штабом партизанской бригады. Принято решение перебросить туда группу специалистов, в том числе и вас.

– Младший лейтенант Иванова свободно говорит по-польски, а лейтенант Миронова – по-немецки. – доложил присутствующим капитан. – Владеют многими видами оружия, радиоаппаратурой.

– Вы не замужем? – спросил один из присутствующих, хотя в личных делах это указывалось.

– Не берут, – пошутила Светлана.

Никто из присутствующих не сделал замечание за неуставной ответ. Начальник училища сам разрядил обстановку.

– Так уж не берут, – улыбнулся он. – Для боевых девчат везде найдутся кавалеры.

Не представляли девушки, что им в составе специальной разведгруппы из двенадцати человек придется добираться до партизанского отряда ночью.

Привезли на аэродром. Их встретили оперативные дежурные, опять проинструктировали, выдали новые радиопередатчики, автоматы, отобрали комсомольские и партийные документы, вместо них вручили личные красноармейские книжки.

Двухмоторный самолет подготовлен к вылету. Поднялись по трапу и заняли указанные летчиком места. В салоне сидели люди,

они, судя по обмундированию и вооружению, были бойцами разведгруппы.

– Мефодий Архипов. – представился разведчик.

– Марфа Миронова... Светлана Иванова, – ответили девчата.

Самолет, покачиваясь, взлетел, оторвался от земли, набрав заданную высоту, полетел по курсу.

В салоне выключили свет – приближались к переднему краю, к линии фронта. Самолет набирал высоту, от чего уши закладывало, стало холодно. Многие дремали, но Марфа не смогла уснуть. Она боялась, что их собьют немецкие зенитчики, хотя была в курсе, что их самолет летит на предельной высоте, зенитки их достать не могут. Раздалась команда:

– Приготовиться. до прыжка пять минут! Карабины надеть на скобу!

Группа начала проверять друг у друга парашюты. приготовилась. По сигналу один за другим бойцы исчезали в темноте в открытую дверь самолета.

– Пошла! – услышала Марфа.

Она слегка согнулась, напряжила мускулы, шагнула в темноту. В ушах засвистел свежий ветер. Удар строп по плечу известил, что парашют раскрылся.

Вокруг тихо, над головой слышен гул самолета, но скоро и он пропал. В темноте не увидела, как парашют зацепился за небольшое дерево, когда ноги коснулись земли, от неожиданности охнула. Перерезала стропы, стащила с дерева парашют, спрятала под кустом. Услышала условный знак, это была Светлана. Вместе быстро удалились от места приземления. ждали утренней зари, чтобы сориентироваться на местности, найти группу. Опять шорох, вроде бы условный знак. Показалось. Доносился лай собаки, вероятно, населенный пункт близко.

Недалеко немцы стреляли из крупнокалиберного пулемета трассирующими пулями. Будто десятки ярких звезд падали с неба и рассыпались по земле. Кажется, в тебя стреляют. Фрицев не видно, но страшновато.

Марфа и Светлана удалялись в глубь леса. Шли быстро, по компасу на запад, как было предписано перед прыжком. Скоро рассвет, вокруг тихо. Наломали веток елок и уселись отдохнуть.

– Если нас каратели захватят в плен, пытать будут...

– Могут и расстрелять, – ответила Марфа.

– Лучше сразу пулю, боюсь пыток.

– Я тоже не железная. – призналась Марфа.

Вдруг какие-то люди вынырнули из леса, назвав пароль, отобрали снаряжение, котомки, посадили на сани и помчались по лесной дороге. Девушки подчинились, но на всякий случай Марфа в кармане шубы крепко зажимала рукой гранату, если что – чеку выдернет.

Привезли в партизанский лагерь отряда имени Суворова.

Навстречу вышел командир отряда, крепкий, бородатый мужчина сорока годков. Девушки по-военному вытянулись и громко доложили:

– лейтенант Миронова... младший лейтенант Иванова прибыли на место дальнейшего прохождения службы.

Командир улыбнулся, коротко ответил:

– Ох, как вас ждали, без ваших передатчиков, как без глаз и ушей. Пока устраивайтесь, отдохните.

После к ним подошел командир прилетевшей разведгруппы, удрученно доложил:

– Пришлось вступить в бой с карателями, двое погибли, их убили сзади, уж очень натренированные, сильные были враги – кинжалами ударили прямо в сердце. Раз так близко подпустили, значит, группу ждали, видимо, агенты находятся в отряде. Нас нашли партизаны, они и помогли нам.

В 16 часов Миронова должна передать шифровку о прибытии на место. По приказу командира отряда около землянки радиотелеграфистов натянули антенну. В назначенное время Марфа стала выстукивать позывные и короткое сообщение в новой шифровке: «Группа прибыла на место назначения, двое из спецотряда погибли. Партизанский отряд имени Суворова состоит из 92 человек, за время существования отряда уничтожено более ста немецких солдат, сожжено две автомашины, подорвано два моста, захвачен продовольственный склад врага, хлеб передан отряду и населению. Требуется теплое обмундирование. Командир отряда Тимофей Ермакович, комиссар Андрей Павлов, 22-ой». С Большой земли без задержки поступил ответ: «Поздравляем с боевым крещением. Подробное задание получите в назначенное время, 22-ую срочно отправить в штаб партизанской бригады, Второй». Это означало: Марфа Миронова должна выехать на новое место.

Большая земля обещала боеприпасы, медикаменты и перевязочные материалы, одежду, сапоги.

Радостный командир отряда, после окончания связи не стесняясь, при всех крепко поцеловал девчат.

– Ура! – скомандовал он.

В воздухе коротко, но приглушенно три раза прозвучало: «Ура! Ура! Ура!». Для девчат, несмотря на скудный запас продовольствия, устроили целый пир. На столе появились немецкие консервы, две плитки шоколада, крепкий кофе. Не знали девчата, что и в этот вечер группа партизан пошла на ответственное задание: захватить продовольственный склад – дополнить запасы, для чего задействованы были самые отчаянные, крепкие ребята и почти весь санний транспорт

* * *

Утром Марфа стала собираться в дорогу. Командир пообещал доставить на новое место после возврата группы. Она задерживалась, в отряде стали беспокоиться.

– Видишь, – толкнула Светлана, глазами показывая на партизан, стоящих около оружейного склада.

Двое тихо разговаривали о чем-то, краем глаз посматривая на девчат.

– Я боюсь. Они встречали нашу группу вместе с другими партизанами.

– Это похвально, что ты осторожна, – ответила Марфа. – Обыкновенные партизаны.

– Здесь нельзя всем доверять.

– Опасность есть, но ты зря волнуешься.

– Страшновато. – твердила Светлана.

В лесу сумрачно, небо опустилось очень низко, Марфа вспомнила одну чувашскую легенду:

«Давным-давно облака ходили по земле, каждый человек мог до них дотронуться, поласкать, полечиться ими от разных болезней. Однажды женщина повесила сушить на облако грязные тряпки. Оно обиделось, покинуло землю, за ним остальные взлетели ввысь. С тех пор только некоторые облака, тайком, по ночам опускаются к своим друзьям».

Сегодня облака висят над лесом, с грустью смотрят на партизан, до них почти дотянулись высокие деревья.

Во время проверки радиоаппаратуры Светлана услышала немецкий голос. Марфа присела к ней, начала писать.

– Они решили разом уничтожить всех руководителей партизанских отрядов, – испугалась Светлана.

– Позови сюда командира! – попросила Марфа.

Светлана вихрем вылетела из землянки, скоро вернулась вместе с Ермаковичем и начальником штаба Сергеевым. Немецкие офицеры продолжали разговор, открыто выкладывали подробности операции.

– Может, провокация? – рассуждал командир.

– Хотелось бы верить, – ответил начальник штаба. – Стоит сообщить в центр.

– Открыто работают, не боятся, что их могут услышать.

Приемник замолчал, связь прервалась. Ермакович стоял в задумчивости, взял карандаш и написал сообщение в штаб. Оттуда получили ответ, что факты подтверждаются, просили принять строгие меры по охране командного состава и штаба отряда. Командир обнял девчат и объявил:

– Благодарю за службу, никому ни-ни...

Девчата немного обиделись, об этом можно было не просить.

Целый день Марфа и Светлана знакомились с новыми друзьями. К ним шли партизаны, каждый в руках нес какое-нибудь угощение. Первые гости – повариха Галина Василевич и медсестра Пилюля – молодая красивая минчанка. Посидели за самодельным столом, почаевничали. За ними в землянку вошли братья Ткачук – Иван и Демьян. Принесли банку меда, где только достали? Братья были вместе как в бою, так и в мирной жизни. До войны работали трактористами, считались героями труда, их портреты часто появлялись на страницах местной и областной газет. В партизанском отряде с первых дней. Никто не может так незаметно обходить вражеские заслоны и добывать для отряда ценные сведения.

От взрослых не отставала молодежь. Шестнадцатилетний Григорий Кремельчук подошел к землянке со своим партизанским шумовым оркестром и с трофейным патефоном. Пятеро музыкантов пилой, бутылками, стиральной доской, гребенками выводили мелодии песен из довоенных кинофильмов. Вокруг землянки

собрались почти все партизаны. Отсутствовала только группа лейтенанта Эрхипа Саварова в составе пятнадцати человек.

В назначенное время для проведения очередного сеанса связи с Москвой и получения дальнейших указаний, Марфа и Светлана попросили своих новых друзей покинуть землянку. В дверях показались командир отряда Ермакович и начальник штаба Сергеев. Партизаны быстро покинули помещение и плотно закрыли за собой дверь.

Командир вытащил из кармана и положил на стол несколько коротких сообщений, Светлана сразу стала их зашифровывать. Марфа подготовила передатчик. Основным текстом командир просил передать, что хутора вокруг Путиловского леса заняты немецкими, мадыарскими полками и полицией. Ермакович тревожился, каратели могут предпринять попытку ворваться в лес, окружить отряд плотным кольцом. Немцы с помощью местных полицейских попытаются зажать партизан у болот, уничтожить огнем из минометов и легкой артиллерией.

К счастью, разведчики доложили, что группа Саварова подошла к намеченному пункту и удобно расположилась на новой позиции, правее от основной дороги. Ермакович не рассчитывал на своевременную помощь соседних отрядов.

После радиосеанса командир и начальник штаба ушли. Радиостанции начали укладывать аппаратуру. В это время в землянку влетели те двое, замеченные Светланой около землянки.

– Сюда нельзя! – строго предупредила Марфа, пытаюсь выпроводить незваных гостей.

– Нам можно, – зло улыбнулся один из них и немецким кинжалом ударил Светлану в затылок.

Она рухнула на земляной пол, не издав ни звука. Второй замешкался, споткнулся о топчан. Марфа отпрыгнула, пыталась вытащить пистолет, не успела.

Первый схватил девушку за шею, в воздухе блеснуло лезвие кинжала. Марфа успела крикнуть: «Мама!».

Предатели, уничтожив радиопередающую аппаратуру, быстро покинули отряд. Никто не видел, никто не помешал выполнить страшную работу. Через минут пять партизаны нашли около входа убитого караульного, заскочили в землянку и остолбенели. На полу лежали мертвые девушки. Стали искать вновь прибывших в отряд бойцов, они исчезли.

- Кто это сделал?.. – спросил командир, подходя к землянке.
- Новички, – ответил ему начальник штаба.
- Найти, пока не покинули лес! – прозвучал приказ.
- Братья Ткачук по следу пошли, – ответил Сергеев.

Никаких лишних слов, слез, только тяжелые вздохи. Похоронить решили на партизанском кладбище, где лежало около двадцати бойцов и четырнадцатилетний Михайло Кушинский, самый юный связной отряда, убитый в этом году полица-ями при задержании. Этот погост трудно найти, каратели не смогут глумиться над мертвыми.

По тропинке между вековыми соснами белорусского леса партизаны несли девчат на своих плечах, впереди развевался красный флаг отряда. На глазах бойцов блестят скупые мужские слезы, стиснув зубы, шагают командир, начальник штаба и комиссар. Девушки навечно ушли, не успев до конца выполнить задание, порученное позывным № 2.

Хоронили Марфу Миронову и Светлану Иванову без лишнего шума, вырыли неглубокие могилы, выстлали сосновым лапником и закрыли сырой землей. Щелкнули затворы винтовок, решили тишину не нарушать. Отряд ушел, а на кладбище остался холмик с двумя звездочками на дубовом столбе, внизу были выдолблены имена девушек, отдавших жизнь за свободу Родины.

13

Лейтенант Эрхип Саваров встретил свой первый бой под Вильнюсом. Наши войска оставили город в самом конце июня. Откуда-то появились отряды литовских буржуазных националистов. Действовали малыми группами, нападали на отступающих солдат, никого не оставляли живыми, вырезали поголовно.

С утра идет дождь. Рота успела подготовить окопы. Установили около леса уцелевшие 45-миллиметровые пушки, укрыли зелеными ветками, выставили дозоры и улеглись отдыхать, зная, что ночью их могут побеспокоить литовцы.

Несмотря на дождь, немецкая атака началась рано утром. Передовые линии они перепахали минометами, а два десятка танков с ходу смяли оборону. Стали крутиться по окопам, давить людей гусеницами.

Бойцы побежали, взводный не смог их остановить. Увидев черные дула танков, лейтенант рванул за всеми, как заяц от догнавшей собаки. Плащ-палатка была по ногам, но Эрхип почему-то его не скинул. Немцы лупили из танков. Один снаряд попал прямо в гущу бегущих бойцов. Взрывная волна отбросила Эрхипа в какую-то яму. Он не почувствовал, что ранен в плечо. Лежал в окопе, впереди идущий танк завалил его землей. «Живыми хоронят, патроны берегут!», – подумал он под грохот танковых гусениц и работы двигателя.

Не погиб. Видимо, не пришло время. Вылез из-под кучи песка, собрал последние силы и побежал в сторону леса. «Лишь бы успеть». Осмотрелся: три танка горели, один двинулся в сторону пушек, где работали наши артиллеристы. Остальные скрылись за мелким подлеском.

Артиллеристы сворачивали пушки. Эрхип что есть силы закричал:

– Отставить! Принять бой!..

Они, не обращая внимания на раненого взводного, прицепили лошадей за построжки и исчезли в чаще леса.

Эрхип пошел за ними. Его догнала повозка с тяжелоранеными бойцами, которая была полностью загружена. Молодой санитар виновато оправдывался:

– Товарищ лейтенант! Я тебя перебинтую, ноги целые, беги за нами. У моста стоит санитарная часть, там госпиталь. Успеем, живыми останемся. Крепко держись за повозку!

За лесом показалась речка, а за спасительным мостом стояли наши части. Дождь перестал лить. Вдруг на горизонте возникли «юнкерсы». Они вмиг разбомбили мост вместе с отступающими бойцами. Эрхип на время отстал от повозки, сзади вновь появились немецкие танки. На берегу трое солдат спускали на воду старую лодку. Он подбежал к ним, вместе столкнули, быстро уселись, поплыли в сторону левого берега. Не успели, на середине реки от снаряда вода поднялась и опрокинула лодку вместе с бойцами. Эрхип не утонул, плащ-палатка раскинулась по воде как шар, его по течению потащило к берегу. Там встретили санитары, тех солдат с лодки он больше не увидел. После операции узнал, осколок прошил тело выше сердца, не повредил жизненно важные органы.

У Бога войны свои суровые законы. Он не соединяет, а разъединяет родных, близких, знакомых навсегда – на всю оставшуюся жизнь... На войне главная – пуля. Только она знает – помилует, или навечно закроет твои глаза... Скоро родные тех бойцов, которые погибли на поле боя, получают казенные письма: «Ваш сын (муж, отец), геройски сражаясь, пал смертью храбрых за Родину...». А счастливые получают долгожданный треугольник со знакомым почерком: «Громим, уничтожаем фашистского гада, вернемся с Победой!». Никто не знает, сколько дней и ночей осталось до этого дня...

Эрхип бредёт по полям войны, ходит между жизнью и смертью. Вместо тракторов он видит немецкие танки, вместо жаворонков на небе висят самолеты с черными крестами, вместо пчел в воздухе свистят пули, не гром гремит – грохочут пушки, взрываются снаряды.

В эти дни Эрхип видел столько смертей – не сосчитать. Он познал могильный запах под жарким солнцем, где лежат тела немецких солдат и бойцов Красной Армии. Жуткие места.

На войне одни неожиданности. Рано утром немецкие автоматчики на мотоциклах окружили госпиталь. Большинство раненных могли держать в руках ружьё, но их по неизвестной причине разоружили. У кого было оружие, погибли во время короткого боя, немногие сумели вырваться и убежать, остальных – взяли в плен.

Немцы торопились. Кто мог шагать, тех вывели на улицу, тяжелораненных и двоих врачей, пытавшихся защитить бойцов, расстреляли на месте. Пленных построили в походную колонну и повели.

Лейтенант Эрхип Саваров попал в их число. Их охраняли строго, любая попытка к бегству заканчивалась расстрелом. Грустно подумал: «Неужели на этом закончилась моя война с фашистами?».

– Куда нас повезут? – спросил он у долговязого санитаря.

– На Кудыкину гору! – рассердился тот.

«Могут и в могилу положить», – летели мысли Эрхипа.

К вечеру пленных затолкали за колючую проволоку под городом Вильнюсом, где до войны был склад боеприпасов. Практичные немцы и тут нашли ему применение. Чего зря пропадать, для пленных сгодится! Удобства для них никто не предусмотрел,

все испражнялись тут же. Воду и пищу давали один раз в сутки. Единственная привилегия – навес над головой. Чудом оставшаяся тесовая крыша ещё крепко держалась на кирпичных стойках. Два огромных склада полностью сгорели. вокруг валялись пустые ящики. на них и между ними расположились пленные.

Знакомых не встретил. Полторы сотни солдат и офицеров лежали, сидели за колючей проволокой на открытом воздухе. У некоторых раненых запеклась кровь, они стонали, просили помощи. У Эрхипа рана не успела затянуться, но было терпимо. Устроился рядом со старшим лейтенантом, пригасил несколько ящиков, подготовил для себя место для ночлега. Рядом с ними сидел майор, голова у него была забинтована.

– Товарищи офицеры. – тихо обратился к ним незнакомый солдат. – Надо скинуть мундиры. Евреев, комиссаров и командиров пускают в расход в первую очередь.

Солдатские мундиры долго не пришлось искать. Ночью от ран умерло несколько бойцов, стянули с них одежду и переоделись.

Утром их вновь погнали в сторону железной дороги. Кто не мог держаться, совсем ослаб – пускали в расход. Эрхип споткнулся о камень, упал на пыльную дорогу. К нему подбежал немецкий солдат и с размаху прикладом винтовки ударил по плечу, по самой ране. От сильной боли Эрхип застонал, но нашел силы встать на ноги.

– Держись, пехота. – предупредил его незнакомый танкист в комбинезоне.

– Не заметил под ногой камня. Сволочь, прямо по ране саданул!

Пленных советских солдат привели на вокзал, как животных затолкали в закрытые товарные вагоны, и запоры защелкнулись. Не откроешь и не удерешь...

Как только поезд тронулся с места, несколько человек взялись за дело, начали искать слабые места в вагоне. Нет, половые доски подогнаны крепко, без инструментов не возьмешь, а решетки небольших окон приварены к вагону.

Бежит состав, мелькают деревни, поля, леса. Только колеса вагона мерно стучат по рельсам: «Далек-ко, далек-ко, далек-ко».

Недолго ехали, остановились на станции под названием Каунас, и опять их повели пешком. Через двадцать верст оказались в каком-то номерном лагере. Вокруг забор, колючая проволока под

электрическим током, вышки по углам, около ворот охрана со свирепыми собаками, натасканными на людей. Кормили раз в сутки. На каждого норма – железная кружка баланды из затхлой капусты, кусочек хлеба из ржаной муки.

За такую еду пленные должны до упаду трудиться на строительстве аэродрома. Кто совсем ослаб – упадет, умрет не своей смертью. Кто дышит, должен работать во славу немецкого рейха.

Единственная мысль не покидала Эрхипа: «Как выбраться из этого ада?». Ответа не находил, слишком усердно охраняли пленных.

Прошло два месяца. Однажды в лагерь приехали литовские пропагандисты. У них одна задача – как можно больше завербовать пленных в свою армию. Предателей было мало. Они при всех скидывали свои лохмотья, надевали новую форму.

– Пришло время освобождения России от большевистской чумы! – начал выступление перед выстроеными на площадке пленными высокий человек с желтоватым как лимон лицом.

Вот оказия, новые штаны у него часто сползали, приходилось их постоянно поддерживать. Он махал руками, забывая о штанах, потом поправлял их по-деревенски, резко поддергивая вверх. Рядом с ним стоял сутуловатый, но крепкий широкоплечий мужик.

– Кто хочет бороться против советов, кто с оружием в руках желает освободить родных и близких от коммунистической заразы, прошу сделать три шага вперед, примкнуть к нашему движению, – продолжал литовец перед пленными.

– Страну хотите поделить и отдать на растерзание фашистам! – крикнул кто-то.

Тут же два эсесовца вытащили из строя невысокого роста пленного и поставили перед строем, готовясь для устрашения сначала затравить его собаками, а потом хладнокровно расстрелять. Эрхип узнал знакомого старшего лейтенанта.

Что произошло дальше, никто не понял. Откуда-то на повозках появились вооруженные люди. Они на ходу стреляли по немецким солдатам. Замолчали пулеметы на вышках. Пленные только этого и ждали, разом кинулись на охрану. Несколько человек от пуль погибло на месте, остальные сумели смять немцев, с ходу уронить ворота. На открытое поле выбежала пара сотен человек, стараясь добежать до ближайшего лесного массива. Из-за построек появились немецкие мотоциклисты, на полном ходу палили из

пулеметов. Пленные падали, некоторые пытались встать на ноги, поднимали головы, но это был их последний вздох перед смертью. В сторону немцев стреляли вооруженные люди из автоматов, но силы были неравные.

Эрхил торопился. В висках стучало, мысли путались: «Только не в плен! Только не в плен!». К счастью, всех тех, кто успел добежать до леса, спрятали деревья. Он старался не отстать от других пленных, перепрыгнул через лежавшую березу и упал на землю. К ним подбежали ещё несколько человек.

– Куда!?! – отчаянно прохрипел один из них.

– Слушай приказ! – послышался голос старшего лейтенанта. – Нас спасли.

К ним подбежали двое вооруженных парней, потребовали проследовать за ними. Долго шли, остановились перед огромным полем, а дальше начинался болотный лесной массив. Посчитали людей, вместе со старшим лейтенантом в группе оказалось двадцать два человека. Решили пересечь чистое место.

Утром группа бывших пленных добралась в партизанский отряд имени Суворова. Отличное место: с двух сторон лагерь охраняют непроходимые болота, не замерзающие даже в самые суровые морозы. С третьей стороны бурелом, бугры, ямы – даже зверь не проскочит. В отряд можно попасть только с северной стороны, но там каждый куст пристрелен, не так просто пройти, да и дорога лесная долго петляет. Партизаны жили в землянках, успели обустроиться. Главное, над болотом часто стоит густой туман, дыма от костров ни с самолетов, ни с вышек не видать.

Командиром этого небольшого отряда был Тимофей Ермакович. Группа в составе тридцати человек действовала с начала войны. Скоро отряд был рассеян немецкими карателями. В сентябре Ермакович вновь собрал людей с пятнадцатью винтовками, двумя автоматами, десятью гранатами и тысячей пуль. Теперь сюда попала и группа военнопленных.

Усиленный отряд сначала решил пощупать на хуторах окруженцев, которые пристроились к вдовам и незамужним женщинам. Дальновидный командир всё рассчитал, разослал по хуторам местных бойцов, приставив к ним новеньких. Операция удалась. С разных хуторов в отряд прибыли человек двадцать со своим оружием. Кто-то из них сразу обрадовался такому повороту событий, без слов встал в ряды бойцов партизанского

отряда, кого-то пришлось припугнуть. Были и такие, которые подались в полицию. Командир знал, что для отряда большую опасность представляют трусы и предатели. От таких старался сразу избавиться.

У Ермаковича строгая дисциплина, он не торопится объединиться с другими отрядами. Считает, что большие группы становятся объектами бомбежки и преследования карателей. С другими отрядами установил крепкую связь, только с Большой землей связи нет.

На хуторах заимел своих людей, самых драгоценных помощников. Достали два радиоприемника – один притащили в отряд, другой оставили у бывшего председателя колхоза, преданного старого коммуниста Матвея Кущинского. Слушали нечасто, не хватало питания – батареек. Пришлось постараться, отнять у гитлеровцев. Стали вовремя получать сводки Совинформбюро.

Бывший председатель не сидел сложа руки, собрал вокруг себя юношей и девушек, стал распространять по хуторам правду. Небезопасно, война есть война. Отряд потерял своего молодого связного, самого близкого помощника, внука Матвея Кущинского – Михайло. Его застрелил полицай.

В приказе под номером один командир объявил личный состав, разбил отряд на две группы. Первая группа состояла из местных, бывших партийных, советских работников, сельского актива и рабочих промышленных предприятий. Во вторую вошли красноармейцы, пока не доверяющие гражданским лицам. В отряд прибывали новые люди, среди них оказались предатели, подосланные немецким командованием. Выявили и принародно расстреляли.

Командир принимал клятву.

– Клянусь! Быть честным, храбрым, дисциплинированным бойцом отряда, – звучал голос Эрхипа перед красным знаменем. – Клянусь! Беспощадно бить врага до полной победы. Клянусь! Беспрекословно выполнять все приказы командиров.

– Клянусь! Никакие трудности и опасности не остановят меня на пути борьбы с германским нацизмом. – торжественно повторяли слова партизаны. – Клянусь! До самой смерти буду бить врагов человечества – германских фашистов. Клянусь! Если я по своей трусости или по злому умыслу нарушу торжественную клятву, пусть суровая кара постигнет меня...

В первое время отряд воздерживался от прямых нападений на карателей и полицейских групп. Немцы могли устроить сплошное прочесывание леса и уничтожить отряд. Но люди в лес пришли не грибы собирать. Оружие добывали в боях.

* * *

Второй год воюет Эрхип Саваров в партизанском отряде под Полоцком в Белоруссии. Он командир небольшой группы из пятнадцати человек. Любит повторять слова, когда-то выступившего перед ними секретаря подпольного райкома коммунистической партии: «Не ждать врага, искать его и уничтожить, не давая покоя ни днем, ни ночью».

Группа оказалась глазами и ушами отряда, без неё невысказана любая операция, даже самая незначительная. Она уничтожила немало немецких солдат, добывая оружие и еду.

В последнее время Эрхипа одолели воспоминания. Как только закроет глаза, предстают улицы деревни Хумуш. По ним тёплыми ночами гулял с любимой девушкой Марфой. Видит родной дом, возле плетня ходят козы, поглядывая на чужие огороды, во дворе кудахчут курицы, петух с яркими красноватыми перьями выводит песню за песней, а мать о чем-то толкует с отцом. Эти картины прошедшей жизни то появляются, то исчезают. Он думает о погибших друзьях-товарищах, оставленных без погребения на местах сражений. А сколько их было – изорванных в клочья осколками мин, авиационных бомб и пушечных снарядов, убитых слепыми пулями, расстрелянных. Эрхип пытается отогнать грустные мысли, но тщетно.

– Может и меня какой-нибудь снаряд жажнет... – вслух рассуждал он, толкнув локтем своего друга, тридцатипятилетнего Оноприенко.

Василь – бывший конюх колхоза, обладает хорошей физической силой, застенчив, добродушен, презирает трусость. Всегда готов поговорить о жизни, поэтому сразу ответил:

– На войне всякое может случиться, мы с тобой не раз смотрели смерти в глаза, аж волосы дыбом.

– Раз на раз не приходится...

– Типун тебе на язык!

Оба замолчали. Василь не выдержал, вновь включил свой разговорник:

– Всё думаю про свою жену-стерву, сколько моей крови выпила за пятнадцать лет совместной жизни... А где она сейчас? Вместе с детьми колхозное стадо погнала в сторону Минска, может, успели уйти подальше на восток.

– Постой, постой! – ухмыльнулся Эрхип. – Что же ты бабу так распустил?

– Удержишь их... В работе она у меня двужилъная, но знает все деревенские новости, и язык выбрасывает слова, как молотилка солому – без остановки. При этом все в руках у неё горит. Ничего, война кончится, вернусь домой, навсегда отучу...

– А дети есть?

– Трое – девчонка и два парня... – ответил Василь тепло, но сразу втиснул вопрос. – А ты что? Год вместе, ни разу слова не вымолвил о жене. Может, холостякуешь?..

– Она у меня образованная, – похвастался Эрхип. – Работала учительницей в школе, сейчас – секретарь райкома комсомола. Сам понимаешь – война, плен, партизанский отряд. Писем не получаю, кто будет доставлять почту к нам в лес? Может, меня давно списали – получили похоронку.

– Не спеши! Победим немцев, я к тебе в гости на свадьбу приеду.

– Был бы рад, – ответил Эрхип.

Разговоры, воспоминания оживили душу Василя:

– Тогда я немного выпивал. Может, кипела дурость. Вот решила Анфиса меня вылечить. Такие они, бабы, что-то задумают, как ужи, в любую дырку залезут, но своего добьются. Сначала перестала за стол приглашать, без еды оставляла. Потом, перед моим носом начала закрывать дверь хаты, приходилось в бане ночевать. Это передо мной-то? Тут друзья стали подтрунивать, разные небылицы рассказывать: «Когда я пьяный храплю в бане, в доме ночует другой!». Не выдержал, пришел домой навеселе и давай допрос учинять. «Что же ты, – говорю, – сучка этакая, творишь?». Она не смутилась, положила руки крестом на грудь и отвечает: «Перестань шляться по деревне как собака бездомная, вынюхивать, где льётся самогонка! Уймись, стань человеком!». Что, я не человек, не мужик? Захотел немного проучить, руками замахал, не ожидал, что она на такое способна. Как саданет

меня толкушкой по голове. Грохнулся на пол, потерял сознание. Очнулся, лежу на скамейке, голова завязана, болит. Смотрю, за столом сидит шури́н, младший брат Анфисы, ужинает. Братьев у неё трое – Иван, Сидор и Фадей. С карими глазами, короткими усами, как великаны, силы – лошадей на себе несут. Ну и шепчу: «Здорово, Фадей! Убила меня Анфиса!». Он хохочет, а жена вещи мои собирает, выговаривает: «Поживешь в бане, черт ты этакий!». Сам думаю: «На помощь брата вызвала». Фадей не торопясь поел, подсел ко мне на скамейку и толкует: «Вот что, зятёк! Сестру обижать не дадим. мигом поломаем ребра, выкинем в болото, никто не отыщет!.. С сегодняшнего дня прекращаешь пить. Это тебе мой последний совет». Такие дела... «А что она мужиков водит!» – завопил я. Фадей удивленно посмотрел на меня, на сестру и отвечает: «Не дури! Неделю здесь живу, ничего худого за ней не замечал». Так и сказал. «Как это – неделю?» – переспросил я. Фадей пожал плечами и говорит: «Обучаю молодежь управлять трактором, пашем у вас под озимые».

Я от удивления рот разинул. Вот дурень, неделю, значит, гулял, а поговорить с шурином не нашел времени. Фадей тоже не объявлялся, не сообщил о приезде, а жена по вечерам меня домой не пускала. Мои собутыльники толковали о каком-то мужике, это ж был мой шури́н. Понимаешь... Бросил пить, целый год ни капли в рот не брал, взял себя в руки. Хотелось иногда немного побаловаться, но слова Фадея так и гудят в голове: «Ребра поломаем, в болоте утопим». Утопят не моргнув... Спасла жена меня от позора, отучила пить. В семье у нас теперь порядок. Жена во мне души не чает, с работы приду – вокруг дети, что нужно ещё мужику... Я бы на другой женщине и не женился, без Анфисы не могу... Война перевернула жизнь, с первого дня взял винтовку в руки, за жену, за детей бью фашистских гадов.

Эрхип слушал его, не перебивал, а затем поддержал разговор:

– Бабы они везде одинаковы, хоть русская, хоть белорусская, хоть чувашка. Выходят замуж, стиснув зубы, терпят мужиков, изо всех сил стараются отучить от дурных привычек. У меня покойная мать была такая же, как твоя жена, но она не выдержала – ушла в мир иной...

Воспоминания Михайло продолжили собравшиеся вокруг них партизаны. Сначала пытались бросать в адрес собеседника

насмешки, но после грустных слов Эрхипа замолчали, начали вспоминать былые дни, рассказывать о женах, детях, родных им людях.

* * *

Группа Саварова возвращалась в лагерь, по дороге получила новое задание. Повозки пришлось отправить с небольшой охраной, самим занять заранее подготовленное место около лесного массива. Их встретил командир второй группы Пушкив. Он торопил своих бойцов, прикрикивал на них, обещал под трибунал отдать. Вообще-то Пушкив решительный мужик, и под горячую руку ему лучше не попадаться. Трудно с ним, то обещает пулю в лоб пустить, то сразу благодарность объявит за малейший успех. Такой человек! Голову на плечах имеет, никогда на рожон не лезет, умеет думать, принимать решения.

Бойцы быстро подготовились к утреннему отражению атаки немцев и полицаяв. Вокруг наступила ночная тишина, многие спали на сосновых лапках. Эрхип проснулся от непонятного испуга, быстро успокоился, где-то рядом стоял мужской громкий храп. Сегодня будет бой. Надо продержаться день, пока основные силы не скроются за болотами. У кромки леса замаскировали две немецкие батареи, добытые в боях. Вчера отряд полицаяв попытался продвинуться в сторону болот, но там наши пулемётчики сорвали их планы, на поле боя остались девять предателей. Танки перестали заходить в лес. Однажды два танка попытались, но их, ползущих по узкой лесной дороге, партизаны сожгли, как деревянные игрушки.

— Таким маршем мы их пошелкали бы как куропаток, — гордо сказал Гордей Полуянов, крепкого телосложения москвич.

Эрхип думал, что немцы сегодня могут навязать им изнурительные бои, переходящие в танковые атаки. Утро встретил с волнением. Наступил рассвет. Стала видна дорога, далекие деревенские дома. Немцев пока нет. Но скоро послышался нарастающий вой немецких мин. Они взрывались недалеко от позиций, ухали, хлестко выкидывали осколки по низам деревьев. Начался ещё один день кровавой войны. Перед каждым бойцом стояла задача — держаться до конца, не пропустить в сторону болот карателей и полицаяв.

– Батарея. к бою! – махнул рукой лейтенант Пушков с пункта наблюдения.

– По местам! – строго скомандовал Эрхип.

Бойцы кинулись к окопам и заняли свои позиции.

Правильно рассчитали в штабе отряда: немцы не упустят возможности собраться в крепкий кулак и ударить по позициям партизан. Видимо, в какое-то время им удалось засечь места сосредоточения партизан, поэтому нацелили главный удар в этом направлении.

Бойцы не ожидали, что четверка «юнкерсов» первыми вступят в бой. Самолеты, заранее выстроившись, стали пикировать на ложные позиции, подготовленные партизанами месяц назад. Вот они с горизонтального положения перешли в пике и ударили по окопам. От взрывов вокруг земля гудит, в ушах шумит лесное эхо. Недалеко застрекотали пулеметы. Полностью перепахав ложную позицию, самолеты удалились – исчезли в облаках. Они не смогли навредить группе лейтенанта Саварова. Пехоты пока нигде не наблюдалось.

Далеко находится Эрхип от родных мест – хочется увидеть родных. Марфу. Разные мысли шемят душу.

Вспомнил, как его провожали служить в Красную Армию. Родные, прощаясь у околицы, вручили стакан пива. Эрхип по народному обычаю, бросил пустой стакан через верх калитки в сторону дома. Откуда взялся камень на дороге? Стакан разбился вдребезги. Это предрекало несчастье. Зарыдали, заголосили бабы. Подумали: «Эрхип не вернется домой...».

Отец не верит во всякие приметы, обнял его, громко напутствовал словами:

– В добрую дорогу! Служи, не срами мою седую голову, прах деда Савара и комиссара Сергея!

Служит на славу, везде впереди. Если бы не война, давно вернулся бы домой, привел в свой дом молодуху. Женился бы только на Марфе Мироновой, только на ней...

Эрхип помнит первый бой отряда. Была поздняя осень – днем терпимо, по ночам холодновато. Спать не дали, поступил приказ: в деревню Тараски прибыл карательный отряд со специальным заданием – уничтожить всех жителей. Полицай доложили немцам, что в этом хуторе часто останавливаются партизаны. Саварову

поручено своей ударной группой истребить карательный отряд и полицейских, спасти хуторян. В группе пятнадцать крепких мужиков. Для быстрого передвижения поехали на повозках. Деревня уже пылала. Группа въехала в деревню с двух сторон, это и спасло людей от уничтожения. каратели не успели затолкать в клуб стариков, женщин, детей и сжечь живыми. Немцы и полицейские пытались сопротивляться, в плен их не брали, уничтожали на месте. Два грузовика облили бензином и сожгли.

Немцы за целый день так и не предприняли атаки. Основной отряд благополучно перебрався на новое место. После двух суток ожидания группы лейтенанта Пушкива и Саварова покинули место расположения и присоединились к основному составу.

Встречи на войне бывают разные. Они не забудутся, вечно остаются в памяти. Особенно такие.

Ночью Эрхип проснулся от громкого разговора. Братья Ткачук притащили трёх полицейских, принимавших участие в карательных операциях против мирного населения и партизан.

– Мы тоже пленные, строили дорогу, поверьте! – задыхаясь доказывал один из полицейских.

– Проверим ... – подошел к ним старший лейтенант Пушкив и начал при всех избивать.

– Товарищи! Ради Христа не бейте! Мы русские, свои!

– Свои! – орал Демьян Ткачук. – Сутки за вами охотились! За убийство девчат придется отвечать, будете умирать очень мучительно!

Пушков хотел на месте пристрелить, вытащил пистолет, но с двух сторон на нем повисли партизаны, не отпустили до тех пор, пока не успокоился.

– Что случилось? – подошел к ним комиссар отряда Павлов.

– Братья Ткачук взяли в плен тех предателей, которые убили Марфу Миронову и Светлану Иванову.

– Кого, кого? – переспросил Эрхип, услышав родное имя.

– Лейтенанта Миронову и младшего лейтенанта Иванову! – доложил Павлов. – Эти ублюдки получили особое задание, внедриться в отряд и уничтожить командный состав. Девушки поймали в эфире сообщение немецкого передатчика, вовремя сообщили нам.

«Как Марфа попала сюда, она ведь невоеннообязанная, почему радиотелеграфист? – вопрос за вопросом крутились в голове. Тут же себя успокаивал: «Мало ли на свете Мироновых».

– Где они похоронены? – глухо спросил Эрхип.

– На партизанском кладбище, – ответил Павлов. – Этих сволочей надо доставить до штаба партизанской бригады, как раз мимо кладбища пойдут.

– Подожди, подожди-ка, Саваров... – остановил его комиссар. – Посмотри.

Эрхип вздрогнул: узнал довоенный снимок. Тогда они с Марфой были в Нуресе, на память снялись у фотографа Егорова.

– Знакомая? – спросил командир.

– Марфа Миронова, секретарь Калининского райкома комсомола Чувашии, – тихо ответил Эрхип. – Росла сиротой, мать умерла при родах, воспитывал отец, мы должны были сыграть свадьбу до войны, не успели...

– Девчата прибыли в распоряжение штаба Минской партизанской бригады, – сообщил Павлов. – На второй день погибли, посмертно представлены к высоким правительственным наградам.

Через час Эрхип стоял у могилы девушек.

«Миронова Марфа Мироновна, 16 апреля 1917 – 19 марта 1943. Иванова Светлана Григорьевна, 12 мая 1920 – 19 марта 1943», – прочитал Эрхип вырезанные буквы и опустился на колени. Он громко всхлипывал, не стесняясь товарищей, обнимая могилу. Девчата спали вечным сном за несколько тысяч верст от родных мест. Партизаны тайно вытирали слезы.

В голове у Эрхипа мелькнула мысль: на месте уничтожить тех мерзавцев. Но партизаны были начеку, они выхватили у него автомат, не позволили устроить самосуд. Предателей ждут в штабе бригады, они должны раскрыть тайную операцию Абвера по уничтожению командного состава партизанских отрядов, назвать имена предателей, внедрившихся в их ряды.

От безысходности Эрхип схватился за голову руками, завыл как волк, загнанный красными флажками в ловушку.

Предатели оказались трусами, обо всем подробно выложили, сорвав тщательно подготовленную операцию немцев. Военно-партизанский суд приговорил изменников к расстрелу. Партизаны пожалели на них пулю, принародно повесили.

За два года войны Услаба, Хумуш. Кивьял совсем обветшали. Люди обносились, плохо и детям, в школу не в чем ходить. Взрослые старались выглядеть достойно – хоть в заплатках. но чисто и опрятно. В магазинах нет ни мануфактуры, ни одежды, ни обуви. Вчера Захар Узяков собрал группу стариков и организовал лаптеплетение, предложил им научить этому ремеслу старших школьников.

Теперь Захар вместе с Поляковой руководит Хумушским колхозом имени Папанина, недавно она попросила взять в свои руки фермы свиней, коров и конюшню. Он согласился стать её заместителем. По утрам стал пропадать в правлении колхоза.

Как-то слышал бурный разговор Любы с председателем райисполкома. Она кричала, пыталась доказать, что по итогам прошлого года колхозники получили по сто граммов ржаных отходов. Единственная еда – картошка. Тяжелый, как кирпич, с горьким вкусом хлеб, испеченный из отходов муки с добавлением разных семян и дробленых желудей. в рот не лезет.

Слышно, как на той стороне телефонной трубки требуют увеличить сдачу хлеба государству, крепко ругают за организацию столовой.

– Чего там? – спросил Захар. – Узнали, что кормим людей обедом?

– Не понимаю, – удивленно рассуждала Полякова. – Всех предупредила язык держать за зубами. Кто-то шепнул в район. Грозятся судом за разбазаривание колхозного добра. Придется отменить обеды.

– Не любят нас, крестьян, – добавил Захар. – Женщины и старики для государства хлеб выращивают, а их куском попрекают. Совсем не стоит отменять, кормить необходимо только тех, кто в поле.

Полякова отвернулась, глаза её блестели при тусклом свете керосиновой лампы, в них – слёзы, страх и невыносимая боль.

– Одни угрозы... Заставляют увеличить план хлебосдачи на триста центнеров, – вытирала она лицо краем платка.

Захар не удивился. Такие нынче времена.

– Предложи в районе, чтоб в будущем году разрешили перепахать аэродромное поле.

– Ты что, к стенке поставят! – испугалась Полякова.

– Попробуй, может, разрешат по краям распахать и посеять ячмень.

Полякова его не слушала, сидела за столом и плакала.

– Чего ты совсем раскисла? – пытался утешить её Захар.

– Председатель райисполкома обозвал меня саботажницей, преступницей.

– Сгоряча... ему тоже не сладко.

– Мы здесь мучаемся, на последнем вздохе трудимся. В прошлом году каждый колосок убрали, каждую лунку картошки выкопали, ничего в поле не оставили. Как только сил хватило...

– По всей стране так, – ответил Захар.

В это время избач включил на полную мощь тарелку. По радио звучал голос диктора: «... Сегодня, 2-го февраля войска Донского фронта полностью закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда. Наши войска сломали сопротивление противника, окруженного севернее Сталинграда, и вынудили его сложить оружие. Раздавлен последний очаг сопротивления противника в районе Сталинграда. 2 февраля 1943 года историческое сражение под Сталинградом закончилось полной Победой наших войск...».

По деревне как молния проскочило известие с фронта. Захар радовался как ребенок. Вместе с ним ликовал весь колхоз, как же иначе, ведь наши войска взяли в плен 24 генерала, 2,5 тысячи офицеров и 90 с лишним тысяч солдат. День прошел в большом эмоциональном подъеме.

Захар торопился домой. Надо протопить избу. Машшук в лесу, решением райисполкома оставили на второй срок. Аниса живёт в доме дочери. Ей приходится смотреть за внуками. Помогает – откуда только силы берутся? Кормит одиннадцать ртов. Днём она вместе с Оксаной на работе. Старшие девочки сами знают толк в домашнем хозяйстве. Ульби командует: убирает, топтит печь, варит еду, за козами ухаживает. Она в этом году закончит хумушскую семилетнюю школу.

В избе холод не успел погулять. Захар принёс дрова, щепки, положил в печь и зажёг. Яркое пламя вспыхнуло, огонь медленно прихватывал щепки, потрескивая, перешел на сухие поленья. Языки пламени играли в темноте окна, расположенного прямо напротив печи, осветили потолок, стали вылавливать тени в углах избы.

Вспомнил о керосиновой лампе, она висела на своем месте на длинной проволоке, прикрепленной на матице. Снял, почистил стекло и зажёл фитиль. В избе стало уютно и светло.

Вчера завершили молотить прошлогоднюю рожь. Работали при двадцатиградусном морозе. Молотилка ревет, плачет как взрослая баба, но трудится. Ныне колхозники сушат для фронта картошку, готовят тёплые вещи.

В избу забежал шестилетний Мигулай с пунцово-красными от мороза щеками, разодранными лаптями и весь в снегу.

– Откуда такой лохматый? – удивился Захар.

– Дедушка. Венька щеку и нос заморозил, – затараторил Мигулай, закрывая за собой дверь. – Вопит... Мама его снегом натирает.

– Эх, соловьи-разбойники, – проворчал Захар.

– Разбойник соловей жил один, их много не было, – поправил его внук.

– Вот что удумал. Яйцо курицу учит...

– А яйцо не умеет разговаривать.

– Как мне с тобой толковать, если ты всё знаешь...

– Калякай как дедушка.

Вдруг Мигулай вспомнил о письме.

– Пала треугольник прислал, бабушка открыла, читала и плакала.

– О чем сообщает?

– Не сообщает, карандашом пишет... Ему большой орден дали, он немецкий танк подбил из ружья.

– Так уж из ружья!..

– Ну, там у него ещё и граната была. Он взял и кинул далеко-далеко, не промахнулся, танк загорелся, а из ружья папа всех убегающих немцев застрелил. За это получил орден.

– Из-за чего бабушка плачет, надо радоваться, что твой отец такой герой. – продолжил разговор Захар, вытряхивая снег из старых лаптей внука. – Обувку надо обновить, а эти кину в огонь, сейчас новые принесу.

– Она дядю Петю ждёт, – пояснил Мигулай. – Мамы любят своих детей и плачут.

– А папы?

– Они не такие, по пустякам сопли не распускают.

– А ты почему плачешь?

– Я ещё маленький, больно ведь когда упадаешь...

Захар задумался. От сына Петра уже третий месяц нет вестей. С фронта написал всего одно письмо. Сообщил, что жаркие бои идут под Сталинградом, теперь тишина. У Анисы душа не на месте, как только увидит солдатский треугольник, сразу в слезы, думает, что сын пропал без вести.

* * *

Люба Полякова не выдержала, предложила место председателя Захару Узякову.

– Понимаешь, что говоришь? – удивился он. – Нас вместе по этапу отправят, я ведь из кулаков, таким и остаюсь. Никто не списал с меня эту тяжелую ношу.

– Я поговорю с Кудряшовым, он поймёт.

– Давай прекратим разговор! – начал сердиться Захар.

Полякова не послушалась, после районного совещания зашла к первому и выложила своё предложение.

Кудряшов резко вскочил на ноги:

– Об этом не может быть и речи. Не поймут нас, в обкоме по головке не поглядят.

– Откуда им знать?

– Нарисуют, у нас любят строчить бумаги.

Что она могла возразить? Прав первый, кто-то стучит в район, из-за поганого письма пришлось закрыть столовую для детей и стариков.

Полякова не успокоилась, стала упрямо решать вопрос.

– Я должна сбросить неженское председательское ярмо, – призналась она Узякову.

– Каким образом? – раздраженно посмотрел на неё Захар.

– Уговорю Василия Денисова, он вернулся с войны, – ответила Люба. – Физическая работа ему противопоказана, а руководить колхозом может. Я выдохлась, скоро лопну как мыльный пузырь. Нет мочи хлебать эту кашу, силы иссякли... Ты хоть поддержи меня.

Приближалась весна, душа радовалась каждому солнечному дню, хрусту таящего снега под ногами, весенней зеленой траве, пению птиц, теплomu дождю.

Захар решил поговорить с Василием. Тот недавно прибыл с войны по ранению. Осколок застрял где-то в спине около сердца, шевелился, мешал ходить, спать. Захар пошел к Денисову и сразу взял быка за рога.

– Тяжело Поляковой, переживает за людей и хозяйство. Ей больно, когда женщины воют, прижимая к груди похоронку мужа, когда от недостатка дров избы не топят, люди, которые сами выращивают хлеб, от недоедания еле шагают, от голода и болезней падает колхозный скот. Если и дальше дела так пойдут, она заболит. Необходимо помочь, постараться освободить её от этой тяжелой работы. Бери колхоз...

– Каким образом? – глаза Василия сузились, а на губах появилась улыбка. – Брал Смоленск, освобождал города, деревни, но хозяйство родного колхоза не успел ещё взять.

– Чтобы спасти жену брата надо запрячься в колхоз. Полякова не выдержит.

Денисов долго не соглашался, Захар напирал, обещал во всем помогать. Наконец Василий не выдержал, мужики ударили по рукам. Захару не пришлось долго выступать, собрание колхоза прошло без излишнего шума и крика. Женщины, старики разом подняли руки, избрали Василия Денисова председателем колхоза имени Папанина. Любу Полякову, как депутата Верховного Совета, увезли на лечение в Чебоксары, откуда вернулась она только через месяц. К этому времени освободилась должность председателя сельсовета. Моисей Лаврентьев умер прямо на рабочем месте, старый был, но тянул лямку. Полякову уговорили, она приняла дела. Василий Денисов немного окреп, освоился с новой работой, уверенно руководит хозяйством, готовится к весеннему севу.

15

Идет третий год войны. Кури Алексеева недавно перевели на новое место – в Мачамуш. Василиса вновь устроилась работать санитаркой в Калининскую больницу. На службу уходит рано утром, возвращается поздно, много работы с ранеными бойцами, поступающими сюда с санитарных поездов. Улю нянчит пятнадцатилетняя золовка – сестра мужа Вера.

О смерти подруги Марфы Василиса узнала от её отца. Наревелась вдоволь, душа не хотела признавать гибель близкого человека. Но горю слезами не поможешь.

Теперь Кури – участковый уполномоченный Мачамушского куста Калининского района, куда входят три деревни – Мачамуш, Синьял и Кумбал. Местные власти определили жильё, семья устроилась квартирантом в избе Макара Гордеева, умершего недавно. Дом крепкий, комната большая, для всех места хватит. Женщины стали наводить порядок, до блеска навели чистоту, побелили печь и потолок. В подполе оказались овощи и немного картошки. Одинокий старик успел на всю зиму заготовить.

Василиса не раз с удивлением замечала, что её грустным взглядом провожает и встречает с работы мальчик, одиноко сидящий на скамейке у своего дома. Его глаза тоскливо и внимательно изучают каждого прохожего. Так продолжалось несколько дней подряд.

«Когда же он спит?» – подумала Василиса.

Не выдержала, однажды подошла к нему и присела рядом. Ножки у него были тонкие, а живот выпирал через рубашку:

– Ты не болеешь? – спросила Василиса, внимательно изучая его.

– Не, – ответил мальчик. – Кушать хочется.

Василиса вытащила два кусочка белого хлеба. Она их берет, убирая тарелки раненых бойцов. Некоторые даже не притрагиваются к хлебу, вот и собирает эти ломтики, передает больным женщинам и старикам, а пару кусочков прихватывает для дочки Ули. Мальчик, торопясь, начал давиться хлебом.

– Не спеши... не спеши! – успокоила его Василиса, заодно продолжая расспрашивать. – Как тебя зовут?

– Гена Федотов...

– Дома кто есть?

– Бабушка Фекла, она болеет, громко дышит.

– Пойдем в дом.

В избе не убрано, на столе невытая посуда, на полу пыль, внутри комнаты какой-то непонятный тухлый запах. На соломенном тюфяке с такой же подушкой лежит старушка лет шестидесяти и тяжело дышит. Увидев Василису, зашевелилась, попыталась встать, но голова упала на подушку.

– Для тебя у нас ничего нет, я болею, мальчик от голода пухнет, – еле слышно произнесла она.

– Я не попрошайка, а жена нового уполномоченного милиции, зовут меня Василисой.

– А-а-а-а. – протянула старушка. – Я Фекла Федотова.

– Где мать Гены? – поинтересовалась Василиса.

– За Волгой, на торфоразработки отправили. Два месяца вдвоем. Приедет только в конце октября.

– Кто за домом следит?

– Сама успевала... Слегла, всё запустила, хрипло, дышать трудно.

– Почему в больницу не идешь?

– Мальчонку с кем оставлю?

– Огород есть?

– Чего там искать... Ничего не растёт. Весной в подпол вошла вода, пришлось картофель поднять в сени. Нагрел мороз, картошка замерзла, не смогла посадить. Пошла за козой, провалились в яму вместе с Марусей. Я-то выкарабкалась, её не смогла спасти. Она в яме лежит, некому вытащить и закопать.

У Василисы от этого рассказа по спине побежали мурашки, когда старуха вспомнила про Марусю, испугалась.

– Какая Маруся? – переспросила она.

– Наша козочка...

Василиса отправила Феклу в больницу, у неё оказалось двустороннее воспаление легких. Мальчика взяла к себе. Пусть с дочерью вдвоем поживут, за ними есть кому присмотреть.

Их встретила Вера, закричала:

– Ты что, Василиса, такого большого ребёнка родила?

Они похохотали от души.

Кури вечером пришел со службы. Увидев сидящего у печки мальчика, отдал ему честь и строго спросил:

– Чей ты будешь, солдат?

– Я не солдат, а Гена Федотов, – шмыгнув носом мальчик. – А ты красный командир?

– Да. – ответил Кури.

– Не видел моего папы? – спросил Гена. – Он танкист.

– Встречались. Он тебе передал эту красную звезду, просил всегда носить.

Кури вытащил из кармана звездочку и передал мальчишке. Гена долго смотрел на подарок, а потом радостно закричал:

– Горит... горит!

– Что горит? – испугались женщины.

– Звезда! – радовался мальчик.

Гена весь вечер старался держаться около Кури. Он рассматривал его вещи со всех сторон и пылливо спрашивал:

– У тебя пистолет стреляет? Сколько фашистов ты убил? Почему звезды на плечах маленькие?

Кури не ожидал, что четырёхлетний мальчик так может интересоваться его формой, главное, знает, что это китель, это галифе, картуз, ремень. Кто его учил?

К вечеру Гена подошел к Василисе и попросил кусочек хлеба. Она отрезала ломоть, а он вытащил из кармана тряпочку и завернул в неё.

– Для бабушки... Она несколько дней ничего не ела, умрет, мне не с кем жить.

– Ешь сам. Бабушка Фекла в больнице, там её кормят и уколами лечат.

– Больно?

– Немного.

– Она плачет?

– Взрослые не плачут, они терпят боль.

Перед сном Василиса с Верой помыли парня, постирали его одежку. В это время вокруг таза бегала Уля, пыталась помочь. Дома не оказалось во что облачать Гену, а он категорически отказался надеть девичье платье. В конце концов сдался, помогли уговоры Курия. Уля хохотала от удовольствия, что мальчику пришлось натянуть на себя сорочку.

Поздно вечером Василиса долго не могла уснуть. В голову лезла всякая чушь, думала о дочери, об этом мальчике, о Кури. Она лежала рядом с мужем и размышляла: «Разлюбил меня, в последнее время отношения стали холодными. Держит себя отчужденно, может, не хочет делить любовь ни с кем, кроме желанной. Может, я сама виновата, сразу кинулась на шею, надо было расписаться в сельсовете. Кто я для него? Слышу каждый его вздох, каждое движение. Почему так глубоко, нервно вздыхает, спросить не могу, вдруг обидится».

Василиса не раз пыталась объяснить с мужем, никак не могла выйти из мучительного положения. В такое время она ненавидела себя за слабохарактерность.

Вспомнила, как на прошлой неделе Кури три ночи не было дома. «Так можно превратиться в сварливую бабу», – подумала

Василиса, пытаясь подавить своё озлобление. Вчера на работе не выдержала, нагрубила раненному солдату за назойливость.

Во сне дочь захныкала. Василиса встала, поправила у неё одеяло, у Ули на лице появилась улыбка, отчего радостью наполнилась ее материнская душа. Она на время забыла обо всём плохом на этом свете. Главное, муж спит рядом с ней.

Утром помогала мужу умываться. В руках держала полотенце, на его крепкую шею и на голову наливала теплую воду.

«Сейчас!.. Только сейчас!.. – стучало у неё в висках. – Если промолчать, завтра опять не сможет начать нужный разговор». Она засуетилась. Кури поднял голову, прямо глядя ей в глаза, глухо спросил:

– Что-то не так?

От неожиданности Василиса вздрогнула:

– Мне нужно с тобой поговорить.

– О чем? – поинтересовался Кури.

– Не ладится наша жизнь, ты от меня что-то скрываешь.

– Это неправда, – ответил он.

– Правда... – тихо сказала Василиса. – У тебя есть другая, ты собираешься от нас уйти.

– Ну что же... – спокойно ответил Кури. – Сама понимаешь. Я могу уехать хоть сейчас.

Василиса не ответила. Муж понял по-своему: «Для него открыты все дороги». Не торопясь оделся, собрал пожитки, запряг коня, рядом с собой на тарантас посадил собаку и, не закрывая ворота, исчез за деревней.

«Неужели конец?», – подумала Василиса.

Рядом стояли Вера, маленькая Уля и Гена. Дети махали руками в сторону исчезнувшего тарантаса.

Теперь уже никакой надежды не было. Полагалось это пережить, побороть чувство горечи – не хныкать, не реветь. Мало ли на свете одиноких женщин, все живут. «Я тоже вытерплю. не сломаюсь, буду растить детей, не одна же на этом свете!» – решила Василиса, закрывая ворота.

Но не выдержала, дала волю слезам, вместе с ней ревели Вера и дети. Трудно пережить всё происходящее. Была счастлива, когда засыпала на руке мужа, просыпалась с улыбкой. Какой чистотой, любовью были проникнуты их отношения. Куда это исчезло?

Вдруг почувствовала тяжесть своих обязанностей. Мужу она не открылась, что носит второго ребёнка под сердцем. Уже месяца три, надо было немножко подумать о своем положении. Уля недавно отошла от зыбки, скоро появится второй малыш. Кому она нужна с двумя детьми?

– Он бросил нас? – вытирала слезы Вера. – Вот грех-то, у тебя ведь будет ещё ребёнок. Что скажешь, когда он спросит: «Где мой отец?».

– Откуда о ребёнке узнала? – удивилась она.

– Тебя выворачивало, когда блины пекла, за печку хваталась, – ответила Вера. – Я ведь женщина, соображаю кое-что.

Их разговор услышали дети:

– Твоя мама родит ещё ребёночка, – открыл Гена подруге новость.

Через неделю за Геной пришла мать. Лариса Федотова не могла скрыть чувства благодарности, обнимая Василису, плакала, а Гена важно ходил вместе с Улей вокруг них.

* * *

Кури задумался. Деревня не город, здесь военные порядки не строгие, но зато самый требовательный суд – народная молва. Любит ходить на работу пешком, но нынешняя обстановка запрещает самовольничать, приходится запрягать коня, на тарантасе отправляться в Калинино. Удобно, конечно, с наслаждением вдыхаешь свежий воздух. Мысли приходят спокойные, светлые, да и про дела успеешь поразмыслить. Думал о жене, о её нежной улыбке, о сияющих глазах. Потом мысли перекинулись на братьев. Не верится, что Семен, Миша и Петя погибли, никогда их он не увидит. Илья пишет, значит, жив и воюет. Двоюродный брат Вася удивил всех. Вот олух, хотел попасть на фронт, угодил на завод. Недавно родителям прислал триста рублей. Георгий Алексеевич рассказал, что он штампует патроны, ежедневный план перевыполняет на четыреста процентов.

– Трудяга, – вслух произнес Кури. – Нигде не пропадет.

Единственная беда – отношения с женой, и к родителям он не смеет заглядывать, боится резких слов матери.

– Вы, мужчины, не носите детей под сердцем, не вскармливаете грудью, поэтому так вольно поступаете. без сожаления оставляете семью! – строго сказала она, узнав о поступке сына.

Отец болеет, тоже косо на него смотрит, но терпит, молчит. Сестра Вера не бросила Василису, не ушла от неё, так и воспитывают вдвоем Улю. Зарплаты больничной няни на такую семью, наверное, хватает, жена помощи не требует.

Кури со временем начал понимать: необходимо поставить точку, вернуться в семью. Зря поторопился покинуть дом. Но внутри, второй Кури оправдывал себя: «Василиса сама виновата, начала обвинять во всех грехах».

Ему стало не по себе. Мужики на войне погибают, а он воюет с бабами, не может определиться, кто ему нужнее. Он женатый человек. Трудно найти на свете кого-либо довольного своей судьбой. У одних дела не ладятся, за что ни возьмутся, всё шиворот-навыворот. Другие завидует всем, во всем. А такие как Кури – никак не могут найти себя в этой жизни – споткнулись, не стараются выпрямиться, а может, не хотят. Оставил жену с дочкой, вот уже скитается то у знакомых, то в дежурке райотдела милиции.

Раз переночевал в деревне Сявалкас, у Тамары Егоровой. Она красивая, статная, с румянцем во всю щеку, но Всевышний обидел её умом. забыл наделить нравом тихим и покладистым. Не соображает, о чем говорит. С утра начала скандалить.

– Оставь коня, – потребовала Тамара. – К родным в Аликово надо съездить.

– Ты что? – удивился Кури. – Это казенное животное, для работы мне передано. Вдруг особое поручение, что я скажу?

– Тысячу причин можно придумать, если захочешь, – не унилась она.

– Пойми. Коня оставить не могу.

– Тогда для тебя рядом со мной нет места!

– Вот тебе на! – пораскинул Кури. – Не успел переночевать в этом доме, скандалы начались. Сумасшедшая...

Правда, куда податься?.. Оставил двух ему близких женщин с двумя детьми. Даже птицы кормят в гнезде своих и чужих птенцов. при этом не требуют никакой платы. Люди, наверное, потеряли природный инстинкт, покидают даже родных детей.

Кури представил себе, что Уля просит есть, Гена хмуро сидит у печки, Василиса с Верой голодают.

– Нечего смешить людей. возвращаюсь домой. там жена, сестра. дочь, солдат Гена! – вслух выразился Кури.

– Ах ты! – завопила Тамара. – Да пусть запутаются твои слова, а жена не пустит на порог дома.

– Вот баба! – пробормотал Кури. – Не доходит до тебя, что власть надо мной ты ещё не установила. Никто не сможет жить с тобой под одной крышей.

Он развернул коня, бросил вещи в тарантас и уехал. Тамара, обескураженная таким поворотом дел, долго смотрела вслед Курию. Вдруг её осенило:

– Мужиков что-ли на свете мало, для меня всегда найдутся...

Целый день мучился Кури. Что скажет Василисе, чем будет оправдываться? Просить прощения, валяться на коленях гордость не позволяет.

Кури любит запах её волос, тепло рук, красивую девичью красу. Он поцеловал Василису в губы только через месяц после знакомства, боялся обидеть девушку. Любит дотрагиваться до её тоненьких пальчиков рук. В широких мужских ладонях они кажутся хрупкими, маленькими, как у ребёнка. Глаза у неё большие, карие, ясно смотрят сквозь черные ресницы. Две длинные пышные косы больше всего пленяют Курия, он любит распустить её локоны, спрятаться лицом в волосах. Главное, Василиса добродетельная, общительная, без всяких капризов и вздорности.

Раньше он носил вельветовую рубашку-куртку с нагрудными и боковыми карманами, а на ногах яловые сапоги, привезенные из Монголии. Василиса обожала такую одежду.

Он не умеет танцевать. А Василиса любит пляски, кажется, что её ноги не касаются пола. Кури внимательно наблюдает за ней, не ревнуя, не чувствуя неудобства, что сам не может выйги в этот круг. Когда Василиса его вытаскивает – ноги заплетаются, руки не знает куда деть, поэтому с удовольствием смотрит на танцующие пары.

Недавно объединили Народные комиссариаты государственной безопасности и внутренних дел. Работы добавилось. Необходимо проверять соблюдение закона, трудовой повинности. Его назначили командиром истребительной группы. Когда дали подписывать должностную инструкцию, он ужаснулся. Ему придется вести борьбу с дезертирством, мародерством, с паникерами.

распространителями всякого рода провокационных слухов, очисткой сел и деревень от преступных элементов, выявлять вражеских агентов, пресекать провокаторов, бороться с расхитителями, спекулянтами, фальшивомонетчиками.

Работа по розыску дезертиров лежит на плечах военкомата, теперь предписано и им оказывать содействие. Разговоры о дезертирах идут с первых дней войны. Один не явился на призывной пункт, другой на фронте затерялся в суматохе боев, сбежал, оказался в графе «пропал без вести». Бывало, их и дома находили. Бумаги с фронтов приходят всегда с большим опозданием.

Лошадь и собака не думают, для них на свете существует хозяин. Звезда встречает его тихим ржанием. Альма старается облизнуть лицо. Кури любит заходить в конюшню не менее четырех раз в сутки. Там тепло, пахнет сеном, чуть осязаемым конским потом. Животное игриво тыкается мордой в его грудь, удовлетворенно всхрапывает. Он положит немного овса, поддерживая в ней рабочую силу. Лошадь, тряхнув головой, коротко заржет, благодарит за овёс, кивает головой, потряхивает челкой, значит, она верит в дружбу с человеком.

– Если любит – простит, – подумал Кури о Василесе и направил лошадь в сторону деревни Мачамуш.

* * *

Четверо оперативников Калининского районного НКВД под руководством Кури Алексева прочесывают лес. Ищут дезертира. Зимние дни короткие, не успеешь оглянуться – уже сумерки. Руководство узнало, что в Калининском заказнике появился незванный гость. Лесничий на просеке увидел едва заметные следы. Удивился, что делает человек в такое время в лесу. Утром свои соображения довел до начальника районного НКВД. В деревне Шинер шептались о неизвестном человеке. Третий день крутятся милиционеры здесь, проваливаясь по пояс в снег. Никаких следов, бараки наполовину разрушены, непригодны для проживания. Начальство приняло решение устроить засаду.

Это был Прохор Никонов – дезертир из Ялдры. Целых три месяца прячется от людей в старой землянке, где перед войной жили «культурницы» – бригада женщин Шинерского лесничества, занимающаяся посадкой дубового молодняка.

Появился Прохор в начале зимы, сумел во время боя под Брянском исчезнуть. Военкомат и НКВД его не искали, родные получили казенное письмо, что Никонов Прохор пропал без вести. До дома добрался благополучно – где на товарняке, где пешком. Узнав причину появления, мать заплакала, а сестры смотрели осуждающе. Но женские сердца отходчивы, простили родного человека. Таисия Никонова ночью повела сына в лес, в ту землянку, где пару лет назад жила сама. Там было безопасно, лесоразработки поблизости не ведутся, охотников давно в округе нет, все на фронте. Может заглянуть единственный человек – лесник Калининского лесничества, и то раз в месяц.

Как же получилось? Прошлым летом его провожали на фронт. Вокруг плакали женщины, мужчины были решительны, думали вернуться домой с победой. Испугался Прохор, что живым с этой бойни не выйдет. Он понимал, что пропавших в бою солдат никто не будет искать. «Сбежал, ну и что из этого!» – успокаивал он себя.

– Людям не показывайся, печку топи ночью, еду буду носить, – наставляла мать.

– Может, мне сдать властям, – обратился он к ней. – Когда сам приду, штрафбатом отделаюсь.

– Отделаешься, когда в башке будет дырка.

– Может, это лучше?

– Что же тогда предал товарищей?

Так он остался в лесу один.

Мать носила еду, это ведь более трех верст по полям. Прохор днями лежал в землянке, когда наступили темные осенние ночи, пробирался домой, наслаждался горячей баней. Тогда дома становилось тихо, керосиновая лампа горела тускло, окна занавешены, двери заперты. Наступила зима, пришли тяжелые дни.

Домашние не могут привыкнуть к такой жизни – часто вздрагивают, когда калитка открывается шумно, со скрипом.

Прохор довольно сильно сдал – без солнечного света лицо пожелтело, глаза потухли, сидит в избе устало и обреченно.

Однажды соседка чуть его не застучала, пришлось прыгнуть в подпол. Мать в это время резала колхозный табак для фронта, резкий запах заполнил избу, пыль через половые щели падала вниз, щекотала нос, дышать стало трудно. Бабы чихали, Прохор то и дело зажимал нос платком, вот-вот чихнет.

– От сына нет вестей? – поинтересовалась соседка.

– Нет! – ответила Таисия. Ещё хотела что-то сказать, но язык будто присох, ничего не смогла вымолвить.

Прошло пять месяцев. Намаялся Прохор. По ночам вскакивал, прислушивался к каждому шороху. Наружу старался выходить только по необходимости: принести дров или по человеческой нужде. Не забывал за собой следы заметать.

Зимним утром Таисию пригласили в сельсовет. Там сидел милиционер Кури Алексеев, недавно сменивший должность участкового на оперуполномоченного.

– Где прячется твой сын? – напал он с ходу.

– Не ведаю, – не созналась Таисия. – На фронт забрали в прошлом году, с тех пор не видела.

– Его скоро найдем. Хотите добра сыну, пусть объявится. Не срамите свой род, деревенских мужиков. Они воюют с врагом...

– Ты мне на жалость не дави, – тихо ответила Таисия. – Не желаю, не хочу, чтобы мне вручили казенное письмо.

Кури Алексеев вскочил на ноги, лицо его искажилось гневом.

– Всё понятно!.. – многозначительно сказал он. – Прячешь в лесу сосунка!

Таисия испугалась, с ужасом посмотрела на оперуполномоченного, не выдержала, заревела. В это время в сельсовет тихо вошли две её дочери и выложили всё о брате-дезертире, даже указали приблизительное место его нахождения.

Алексеев взорвался:

– Что же вы сразу не открылись, столько ждали?!

– Боялись, думали, судить будут.

– Стоило бы вас вместе с братом отправить в каталажку.

– Апай запретила говорить, – заплакала, оправдываясь, младшая шестнадцатилетняя Антонина.

– Разберемся, – ответил Алексеев. – Если военные будут допрашивать, говорите, что не знали.

Девочки удивленно посмотрели на милиционера, согласно кивнули и тихо удалились.

Днем оперативники окружили землянку. Хотели с ходу взять дезертира, но Алексеев запретил лезть на рожон. Вдруг он вооружен, может, имеется граната, взорвет себя и милиционеров. К землянке пошел один. Было видно, что здесь живет человек, снег почернел у еле заметной трубы.

– Выходить по одному, без глупостей, место окружено оперативниками. всякое сопротивление бесполезно! – крикнул Алексеев громко.

– Я один! – раздался голос мужчины.

– Ружье на снег!

– Я не вооружен, – ответил дезертир.

– Фамилия, имя!

– Прохор Никонов! Не стреляйте. сам выйду!

– Руки на голову!

В тот же миг в дверях землянки появился среднего роста, бородатый мужчина в старом овечьем тулупе, без шапки. Алексеев совсем забыл об опасности, подошел к дезертиру, обыскал его и позвал оперативников.

– Весь народ воюет, а ты драпанул! – отрезал Алексеев.

– Не хотелось умирать.

– Нашел тепленькое место, не стреляют, не слышно взрывов.

Шкуру поганую спасаешь? Сволочь ты!

– Ты тоже рядом с женой спишь.

– Из-за таких как ты я не попал на фронт. – рассердился Алексеев. – Гнида! Предал друзей, семью, Родину!

– Меня расстреляют? – спросил лесовик растерянно.

Тут прибежали оперативники. Дезертир сразу получил несколько поставленных увесистых тумачков.

– За что?

– За всё хорошее, – ответил Алексеев. – Четвертые сутки из-за тебя по лесу мотаемся. Ты думал, мы тебе на руках понесем?

– Христом богом, сильно не бейте, – тихо попросил дезертир.

– Больше тебя никто не тронет, в лагере твоя жизнь покажется адом, если не расстреляют! – пообещал Алексеев.

Удивительно, но этот дезертир сейчас почувствовал облегчение, что наконец-то кончились страдания. Тихий такой. Когда взяли, спасибо сказал. Намаялся, бедолага.

Вася Алексеев сегодня впервые в жизни обнял вздрагивающие плечи Галины и поцеловал её. Он почувствовал горячие губы любимой. Сердце будто остановилось, в груди разгорелось

неуловимое пламя. Сколько он мечтал об этом моменте! Наконец смелость взяла вверх.

Вдруг Галя заплакала, ей было стыдно смотреть в глаза Васе, она закрыла лицо руками и убежала в общежитие. Юноша долго стоял под окнами, ждал, когда появится знакомый силуэт и она махнет ему рукой несколько раз. Это всегда означало: «Иди домой!». Не увидел он Галю в тот вечер, так и поплелся домой.

В женское общежитие парней не пускают вредные старушки-вахтерши. У них взгляд зоркий, даже мышь не проскочит.

Утром перед входом в цех Васю догнала подруга Гали и, волнуясь, потребовала:

– Что ты сделал с Журавлевой?

– Ничего... – не понял Вася. – Что случилось?

– Всю ночь она не спала. крутилась – то улыбалась, то плакала как дитя.

– Я только её поцеловал, – открылся Василий.

– Ой! Как это интересно! – подпрыгнула подруга и побежала в сторону своего цеха.

Вася после смены сразу побежал в общежитие, переоделся, но долго сидел у окна, думая о вчерашнем вечере. Галина встретила его испуганно, разговаривала с ним тихим, каким-то печальным голосом. Шестнадцатилетняя девушка совсем сникла.

– Что с тобой? – спросил Вася, прижимая девушку к себе.

– Ничего, – ответила Галя, а сама слушала, как в груди любимого бьется его сердце, и задыхалась от непонятной волны нежности.

В жизни часто так бывает: влюбленные девушки всегда думают, что самые счастливые на этом свете только они.

Вася осмелел, он рукой поднял голову девушки и нежно прикоснулся к губам. Она смотрела на него, не отводя взгляда, преданными глазами. С Галей они ежедневно встречались у женского общежития и долго бродили по заваленной белым снегом центральной улице небольшого города, где всегда можно было встретить такие же влюбленные пары.

Галина каждый день ждёт наступления вечера. Это не мешает ей ударно трудиться, в душе у неё светло и тепло. Мыслями всегда возле своего Василия, думает о нем днем и ночью. При встрече лицо прячет у него на груди. Он нежно целует её волосы,

крепкой рабочей рукой гладит по волосам и тепло обнимает. Вот, оказывается, какая она, эта первая любовь!

В последнее время в заводском клубе открыли для молодых танцы. С фронта приходят сообщения самые приятные. Наши войска освобождают в Европе город за городом, бои идут за территорией родной страны. Это означает, что можно и праздники организовать. Танцы под гармошку и крутят старые патефонные пластинки. В первое время в клуб приглашали только заводскую молодежь после шестнадцати лет, теперь и городских пропускали, но сразу начались различные стычки.

Молодежь каждую субботу вечером проводит время в заводском клубе. Вася и Галина вместе с ними, с большим удовольствием шлифуют пол танцплощадки своими ногами. Вася любит плясовую, не раз срывал у зрителей аплодисменты, а Галина изящно танцует вальс, так закружится с подружкой, любо-дорого посмотреть. У Василия этот танец не получается, почему-то ноги заплетаются, не хотят двигаться в такт музыки. Как только объявляют вальс, он оставляет Галину с подругами и уходит к друзьям, где Коля Морозов и Миша Овсянкин прячутся от девушек. Отказать ведь неудобно, но и смешить людей, ставить партнершу в неудобное положение не хочется.

Вот молодой клубный гармонист удобно устроился на сцене и громко объявил:

– Вальс «Амурские волны»...

К Галине подошел городской парень лет семнадцати и пригласил на танец. Они закружились, о чем-то разговаривая, смеялись. После завершения танца парень проводил Галю на прежнее место к подругам, сам остался стоять около девушек, рассказывая о чем-то смешном. Вася подошел к ним, хотел Галю увести с танцев, но она сопротивлялась.

– Ещё один танец и пойдём! – сказала она.

Городской парень нагло загородил Галю своей спиной и процедил сквозь зубы:

– Иди отсюда! Иначе зубов не досчитаешься!

Вася не привык к такому отношению к себе, сразу покраснел.

В это время патефон вновь заиграл старинный вальс. Галина быстро схватила парня, и они пошли кружиться по огромному залу клуба, за ними пошли другие пары.

Оглушенный таким поворотом событий, Вася остолбенел. Казалось, конца пластинки не будет. Вскоре патефон заглох, и Галина подошла к Васе.

— Ну не сердись ты, мне очень хотелось потанцевать, — прильнула она к нему. — Когда была маленькая, мы с отцом так танцевали.

У Васи сразу улетучилась вся злость. Но в это время к ним подошел тот городской парень и схватил Галю за руку.

— Куда ты, красавица? — не обращая на Васю внимания, отрезал он. — Мы ещё не попрощались.

Вася толкнул его, он хотя и споткнулся, но на ногах удержался, пришлось кавалеру удалиться. В это время гармонист объявил последний танец. Не успели Вася с Галей закрыть за собой дверь клуба, как его окружили трое городских. Незнакомый парень сразу нацелил удар ему в лицо, но Вася опередил его и сильно пнул ногой. Началась драка. Галина побежала в клуб звать на помощь друзей. В это время второй обидчик оказался около него, Вася взял его за грудки и сильно ударил головой прямо в нос. Тот ахнул и отлетел от него. Вася не заметил, как третий чем-то тяжелым огрел его сзади. Голова загудела, по лицу потекла теплая кровь. Василий устоял на ногах, успел повернуться лицом к нападавшему. Второй удар пришёлся по плечу. В это время из клуба выскочили Миша Овсянкин и Коля Морозов, с ними заводские парни. Драчуны тут же убежали.

Вася оказался в больнице, голову пришлось зашивать. Парень ударил его свинцовым кастетом в виде стальной пластинки, надеваемой на пальцы и зажимаемой в кулак. В испуге он его выбросил прямо около клуба. Нашли ребята, но пришлось отдать заводским дружинникам.

Скоро состоялось комсомольское собрание, Васе за драку поставили на вид, не помогли даже стахановские успехи. Галя с Васей на танцы не ходят, она боится, что городские могут подкараулить его около клуба.

Раны у молодого человека на голове быстро затянулись. Приближалась весна. Василию вручили повестку на фронт, сбывлась его мечта. Галина плакала в подушку, скрывая слёзы от любимого.

На войну, как на войну! Любая мечта со временем должна сбываться. У Василия Алексеева в кармане призывной лист. Получит оружие, отомстит за братьев, сполна рассчитается с фашистами. Лишь бы успеть до окончания войны. Паша Казаков так и не прислал ни одного письма, где он. жив ли?

Два полных года отработал Василий на заводе. Провожали на фронт собранием в цеху, говорили похвальные слова, наградили очередной именной почетной грамотой с портретом Иосифа Сталина, на память подарили фотокарточку, где он стоит около своего пресса. Такое фото висит и на Доске почета завода. Галя Журавлева на прощанье разволновалась, заплакала. Василий обнял её, успокаивал, так и стояли до самого отхода поезда. Он поцеловал её в губы и прошептал:

– Жди, я обязательно за тобой вернусь...

Галя в знак согласия кивала головой, вытирала слезы, а повзрослевшие за год закадычные друзья – Миша Овсянкин и Коля Морозов – выбрасывали сжатые кулаки вверх, это означало: «Бей фашистских гадов!».

Судьба опять сыграла с Василием злую шутку – поезд ушел на Восток. Утром следующего дня за окнами промелькнула станция города Пермь, а через месяц вшивые, немного похудевшие новобранцы, оказались в Уссурийском крае, недалеко от китайской границы, начали устраиваться на сопках. Рота ускоренными темпами копала траншеи, строила укрепительные сооружения, землянки. До лета недалеко, поэтому никто не думает обеспечить солдат обмундированием, даже сапог новобранцам не выдают. Старая обувь, одежда от пота и пыли развалились, многие ходят босиком, про себя проклиная командира и высшее военное начальство. Продуктовое довольствие назначили по форме № 3, но никто из солдат, кроме командира, представления не имеет, что положено солдату. Двести граммов хлеба, два раза в день каша – это вся еда.

Солдаты голодали, у Васи живот прилип к спине. Ныло тело и каждая клетка организма. Память начала шалить. Многие как тень ходят по расположению роты, голод заглушить нечем. Солдаты давно съели всех лягушек, часами сидят и ждут, когда на

камни выползут змеи. Одно резкое движение, и голова ползучего летит в сторону, а тело извивается в руках солдата. Городские от жалости к себе плачут, перебирают пальцами животы, исхудалые ребра. Некоторые, как животные, начали щипать травку.

Вася тоже поймал крупную змею. Пожарил на костре, разделил между товарищами. Один из них только отщипнул зубами мясо, пытаясь проглотить кусок, но началась рвота. Он посинел, как общипанная дичь, в глазах застыли крупные капли слез. Вася не стал тревожить его, отвернулся и стал жевать жареное мясо. Ничего. вкусно. Не заметил, как исчезли кусочки змеи в его желудке.

В баню водят один раз в десять дней за несколько верст. Приходится идти пешком. Горячей воды не хватает, каждому солдату отпускают по шайке. Хоть мойся, хоть стирай – это твоё дело.

В конце лета в роту поступило американское обмундирование и консервы. Жить стало веселее. С первыми холодами прибыл взвод саперов, привез несколько машин кирпича. Командир взвода оказался шутником, с ходу крикнул:

– Вам как, солдатики, печки со свистом или без?

Все хором закричали:

– Со свистом!

Со свистом, так со свистом. Печки с прямыми трубами за неделю выросли во всех землянках. В эти дни командиром батальона назначили фронтовика Захарова, он прибыл в роту со свитой. Что тут началось... Заметил брак саперов, под страхом отправки в штрафбат заставил переложить печки с коленами, так жар сразу не уходит, задерживается в печке, в землянках стало тепло.

– Рота готовится к войне с Японией, но мы, кроме старых винтовок, другого оружия в руках не держали! – докладывали солдаты комбату.

Василий вместе со своими друзьями стоял в строю в лаптях и в американской одежде. Увидев это, комбат побледнел и закричал:

– Это что за пугало?! Откуда лапти, американская одежда?!

– Комбинезон получил по списку, обувь не выдали, умею плести лапти, пришлось самому побеспокоиться! – отчеканил Василий Алексеев, выйдя из строя вперед.

Комбат Захаров возмущался одеждой солдат. Разжаловал командира роты, арестовал, назначил нового. Подготовил письменный приказ: в трехдневный срок переодеть солдат в советскую форму, вооружить, начать тактические ученья. В общем,

разобрался во всех грехах, обвинил командный и обслуживающий солдат персонал. Назавтра в роту прибыли разные грузовики, привезли новое обмундирование, обувь, оружие, еду и начались изнурительные тренировки.

Вася получил письма от родных, из города Глазова писали сразу трое – Галя Журавлева, Миша Овсянкин и Коля Морозов. Однажды Миша сообщил, что в снаряжательном цехе взорвался порох. начался пожар, перекинулся на склад готовой продукции. Там патронов было немного, накануне отправили очередную партию. От жары пули летели во все стороны. Несколько подростков погибли, в том числе и Галя, спасая других, получила смертельное ранение. Похоронили её на городском кладбище с воинскими почестями, на могиле установили памятник с красной звездой.

Молодой солдат впал в уныние. Так устроен человек. Живет, расстраивается, нагрузит себя самыми разными воспоминаниями. Душа ноет, сердце растревоженно стучит, вот-вот выскочит из груди. Жить бы умеренно, спокойно радоваться каждому пришедшему дню, не рвать сердце, не ранить душу. Как успокоиться? Два родных брата Петр и Михаил, двоюродный брат Семен остались лежать где-то на полях сражений. Потерял первую любовь – Галина Журавлева героически погибла, покинула этот мир. В жизнь ворвался яркий луч любви, вспыхнул и угас. Неужели у всех так?

Впереди полная неизвестность.

17

На Вурнарской станции, после трёх лет ходьбы по тропам войны, высадился старшина Саваров Федот Саварович. На правом плече вещмешок, набитый разной едой и нижним бельем солдата, на левой стороне висел пустой рукав распахнутой шинели. Он был в полном солдатском обмундировании без погон, в кирзовых сапогах, шапке со звездой. На груди сияли две медали «За отвагу» и орден Красной Звезды. На левой стороне гимнастерки были нашиты два красных шеврона, указывающие на тяжелые ранения солдата.

Руку потерял под Минском. Осколок снаряда со свистом разрубил больше половины левой руки выше локтя. Не ожидал Федот такого поворота судьбы. Сначала тепло молнией окутало тело, тут же стало невыносимо больно, кровь лилась по рваным мышцам, раздробленная кость не смогла держать руку, она

болталась. Санитар подскочил к нему, туго перетянул марлевой верёвочкой у плеча и обработал рану. Другая санитарка увела его подальше, отправила в госпиталь. Через час хладнокровный, довольно пожилой хирург отрезал висящую руку, выкинул в таз, как ненужную, лишнюю вещь.

– Ты чего! Не понимаешь, как жить крестьянину без руки! – заорал Федот, теряя сознание от невыносимой боли.

– Пока медицина не придумала, как их соединить, да и другие раненные не позволят на это тратить время! – устало отрезал хирург, не глядя на Федота. – Моли Бога, что остался жив.

Саваров оказался в тылу, целый месяц провалялся в госпитале под Москвой. Выписали домой безоговорочно. Наконец смирился, надо научиться жить без одной руки. Для него война кончилась.

Он стоит на перроне станции Вурнар. Вокруг сыро, тускло и тоскливо. Облака плывут очень низко, кажется, закрывают верхние ветки высоких ветел. Моросит дождь, отчего вокруг серо. Северный ветер гоняет листья – легко их поднимает, немного поиграв в воздухе, швыряет на землю. Капли дождя прижимают листья к деревянному полу перрона. Птицы попрятались, не летают. Только одинокий старый ворон важно ходит около вокзала, не обращая внимания на постового милиционера и проходящие составы.

Время к вечеру. В окошках станционного вокзала, в квартирах двухэтажного деревянного дома появился свет от керосиновых ламп. Федот принял решение, несмотря на приближающуюся темноту, идти в сторону села Нурос, оттуда до дома рукой подать. Часа за четыре доберется, лишь бы дождь прекратил моросить. Вышел со станции на главную улицу, присмотрелся, никаких изменений за два года не произошло. Кому поднимать новые дома? – вокруг война и разруха. Он встряхнулся, поправил вещмешок и быстрыми шагами пошел в сторону Анагкас Хабыз.

На половине пути догнал солдата – Романа Краснова из деревни Шохаль. Перед войной на лесоразработках мыкался. За антисоветское высказывание его арестовали, отправили на пять лет в Сибирь. Роман – религиозный мужик, поэтому и пострадал. После долгих лет судьба свела их вместе, но уже отмеченных Богом войны – один без левой руки, другой – без правой ноги.

Роман, шагая на протезе, часто останавливался, поправлял котомку. Федот взял у него вещи и накиннул на себя.

– Да. Саварович. разукрасила нас война.

– Такова её природа, – согласился Федот. – В бога продол-
жаешь верить?

– Как не верить, душа вечная.

– Чего ты тогда держишься за такую жизнь?

– Хочу увидеть жену, детей, односельчан, потом уж можно и
на покой. – заключил Роман.

Потом без утайки, со всеми подробностями выложил перед
Федотом всю правду своей жизни. Строил железную дорогу
на Воркуту, добровольно записался на фронт, был командиром
штрафного взвода, но не смог схватить талант командира роты.
Ему везло – из поля боя выходил невредимым или отделявался
легкими ранениями. Кругом погибали люди, калечились, полу-
чали высокие награды. Ордена и медали обходили его стороной.
Наконец отличился, но остался без ноги.

В какое-то время Роман начал хвалить немецкую пунктуаль-
ность, тактику ведения боев. Сравнивал еду и одежду немецких
солдат со скудным пайком у наших бойцов.

Федот рассердился, но чтобы не обижать Романа, попросил
язык держать за семью замками. Его уж, репрессированного не
простят, нечаянно вылетевшее слово ещё раз перечеркнет жизнь,
несмотря на отсутствие ноги.

Не забудет Федот хваленых немецких солдат. Шёл третий год
войны, а они всё любовались собой. Впереди нет ни разведки, ни
патрулей, ни дозорных. Грузовики медленно двигались по дороге.
На боковых скамейках и на нарах, устроенных посреди кузовов,
сидели молодые солдаты, недавно призванные на фронт. Задорные,
самоуверенные, они о чем-то громко говорили, смеялись. Не опа-
сались, наверное, думали, что с ходу раздавят противника.

Хорошо экипированные немцы в зеленых шинелях и пилотках
такого же цвета, рвались в сторону Минска. Они не ожидали засады.

Для Федота это не первая схватка, он был спокоен. Свои вол-
нения оставил в первой мировой и гражданской войнах. Многие
бойцы – бывалые фронтовики, не первый раз вступали в бой. Они
знали, что стрельба будет недолгой. Это не 41 год. Солдаты научи-
лись исполнять приказы, получили навыки и опыт военной жизни.

Первую и последнюю машину с немцами уничтожили пря-
мой наводкой с первого выстрела из замаскированных пушек, от-
туда не успел выпрыгнуть ни один гитлеровец. Потом с двух сто-
рон началось прицельное уничтожение врагов. Немцы пытались

спрятаться под машинами, отстреливаться, но автоматные пули и гранаты находили их везде. Через полчаса бой завершился, у колонны грузовиков стояли около двадцати оставшихся в живых немецких солдат с поднятыми руками. Тут же рота получила приказ: «Взять высоту под деревней Николаевка».

Высоту взяли с первого захода. Немцы не успели наладить оборонную систему, бойцы стремительно смяли противника. Командиры торопили людей, хотя до утра немцы вряд ли начнут наступление. Для них закон – ночью отдыхать.

– Окопы углубить, подготовиться к отражению атак! – предупредили ротные.

Федот ел шоколад, немецкий хлеб с говяжьими консервами, взятыми из уцелевших ящиков на немецких автомашинах. Действительно вкусные трофеи, но не сравнить с домашним ржаным хлебом и чувашским шыртаном.

Федот считает себя аккуратным бойцом. В первую очередь продолбил нишу в окопе, подстелил немецкую шинель, подобранный после атаки, и устроился спать. Сразу задремал и видит сон. Мать ласково смотрит на него и говорит: «Терпи сынок, спи, война ещё впереди, руку... руку береги...». Федот хочет ответить, не может сказать, язык заплетается.

– Что ты орёшь! – недовольно толкнул его сосед Павел Кубанов.

– Мать снилась, наверное, за мной пришла, погибну скоро, – пробормотал сонный Федот.

– О чем-то хочешь тебя предупредить, – ответил сосед. – В начале войны, до тебя, у нас был парень из Москвы, Евгением звали. Мы спали в большом блиндаже. Ночью он видит сон, покойная мать просит: «Тебе дышать трудно, выйди на воздух, отдышись». Он пошел, споткнулся об мои ноги. Я возмутился, но по своим человеческим нуждам вышел за ним. Откуда только прилетел этот снаряд, грохот взрыва, летящие бревна оглушили нас. Очнулся, голова трещит, в ушах кровь, ничего не понимаю, поверху бегают люди. Вижу, что снаряд попал прямо в центр блиндажа и разворотил его, мужики, не проснувшись, отдали Богу душу. Мы с Евгением остались живы. Его мать спасла, а он меня. После этого он стал мне самым близким другом. Не сумел я его сберечь. Во время атаки рядом с ним упал снаряд, разорвал на части. После атаки собирал его, сам захоронил прямо на поле боя. Вот такие, Федот, дела...».

На другой день состоялся ожесточенный бой, ранило Федота Саварова. Это было недавно, всего два месяца назад.

– Вот и пришли! – остановился Роман около старой Нуровской чайной после четырехчасового перехода. – Можно немного отдохнуть.

– Отдохнём на том свете! – ответил Федот.

* * *

Война идет к завершению, наши войска в Европе, на немецкой земле. Она принесла сиротство и безотцовщину. Что толкает взрослых на преступление – жажда наживы?.. Ради чего идет борьба между жизнью и смертью? Когда живёшь, не замечаешь земного счастья! Придет вечный покой, разом свет погаснет. Не увидишь людей, которые окружают тебя, яркого солнца на небе, сонную луну, цветущую весну, зеленого лета, желтую осень и белую зиму.

В жизни всё идёт своим чередом. Какое блаженство посидеть дома у теплой печки, гулять в зимний вечер, когда с неба тихо падают снежинки. Незаметно уходят морозные дни, приходит весеннее время, по оврагам зажурчит вода, забурлит и загудит ледоход, а за ним зацветут сады, вокруг разом всё зазеленеет. В душе радостно, когда услышишь однотонную песню коростеля. Эта птица держится рядом с человеком, бегает за огородом, под высокой травой выводит вечернюю песню. Осень приносит человеку изобилие, на столах пышный хлеб, в честь окончания уборочных работ ставят пиво. Потом вновь приходит зима, вокруг становится белым-бело. Это всего лишь круговорот природы, но для человека – проходит целый год. Пройдет пятьдесят, сто лет, не будет Федота. Может кто-то из далеких родных вспомнит его добрым словом, но вскоре забудут, ведь он обыкновенный человек, ничего сверхъестественного не совершил. Может, где-то сохранится запись: когда-то в деревне Хумуш жил мужик по имени Федот, по фамилии Саваров. Но каким он был, никто никогда не узнает. Зачем же тогда живет на этом свете? Зачем родился? Зачем терпел столько несправедливости, столько воевал?...

Сидит на бревнах Федот, никак не может оторваться от нахлынувших мыслей. Вспомнил отца, мать, первую жену, брата

Сергея. На ум приходят только те люди, которых уже нет. Человек часто вспоминает горестные дни, а радостные забывает, они почему-то исчезают из памяти.

Вот бревна. Они являются самым излюбленным местом отдыха в деревне. Перед тем, как ложиться в сруб, первыми слышат новости деревни. Именно здесь зарождается любовь. На таких бревнах сидят седоволосые старики, вспоминая былое. По ним карабкаются малыши, ещё не научившиеся твердо стоять на земле-матушке. Отсюда порою вылетает и клевета, идет гулять по улицам деревни. На таких бревнах любили сидеть покойный отец с матерью.

С отцом был не всегда в ладах, а мать любил детской любовью. Бывало, обижал старых людей – то словами, то поступками. Перед первой женой свою вину никак не может загладить. Почему тогда поднял на неё руку? Почему она покинула жизнь? Часто видит её во сне. Встанет перед ним и молчит. Сергей тоже во сне часто является. Он продолжает воевать, в тех же красных шароварах с саблей в руке. Куда-то зовёт брата...

Федота стали одолевать тревожные мысли: «Сколько же лет мне осталось жить на этом свете?...».

Внутри закрутился, закричал другой Федот со своим хриплым голосом: «Может – пять лет, а может – пять дней...». «Постой, постой! – беспокоится первый Федот. – Выкинь из головы такую чушь!...». Но внутренний голос не сдаётся, продолжает пугать: «Придет время и узнаешь».

Позади долгий путь жизни, были радости и горести. В молодости была озорная улыбка, песни, пляски, а вот страсти немного поутихли, но и теперь он может ногами выкидывать такие фигуры, покруче некоторых молодых.

Непонятный страх объял его душу. Всеми силами пытался его отогнать. Но тот так вцепился, не хочет отпустить. По дорогам трёх войн прошагал. В империалистическую шел врукопашную, на гражданской бесстрашно бил белых, в нынешней смело поднимался в атаки – нигде не дрогнул. Теперь он находится в безысходной тоске, обмяк как безвольный человек.

Федот считает себя настойчивым и волевым человеком. Его характер никакая сила не сможет смягчить. Он не самодур, не деспот, сам подчинен жизненным правилам, этого требует и от других.

К нему подошёл брат Лазарь. Федот сразу стал успокаиваться. Посмотрел вокруг – река Хирлеп течет, роши Ушах и Пуленке

чернеют на горизонте, от вечернего солнца около деревни Хорн Кукшум играет вода в реке Цивиль.

– Старею, – вздохнул Федот.

Раньше часто думал о будущем, а сейчас приходят мысли о прошлом, о тех днях, когда не раз горела его усадьба. Боясь раскулачивания, посадил семью на телегу, уехал в коммуну «Волонтер»... Стал председателем колхоза, война началась... Потерял левую руку, вернулся домой. Всё крутится в голове.

– Грустишь? – подсел к нему Лазарь.

– Нет, прикидываю...

– О чем?

– О жизни. Наверное, пришла пора по полочкам расставлять прошедшие дни.

– Умирать собрался?

– Упасть не беда, беда не подняться, и жизнь продолжается как в сказке – чем дальше, тем страшнее.

Лазарь глубоко вздохнул. Не Федоту, а ему приходится думать о жизни. Сколько лет не дает покоя чахотка. В последнее время тяжело дышится. Побывал в чебоксарской больнице – облегчения нет. Приходится смириться. Привязалась болезнь, по мужскому роду идет, через человека поражает. Платон умер в исправительно-трудовом лагере, говорили: «От чахотки». Федот и сестры, хотя и выросли в этой же семье, все здоровы, болезнь обошла их стороной.

Лазарь откинул носком старой галоши высохшую коровью лепешку и задумчиво проговорил:

– Чего не соглашаешься вновь руководить колхозом? Доведут хозяйство до ручки, меняют председателей, а толку нет.

– Боюсь, тоже не справлюсь. Молча трудятся за трудовни колхозники, всех загнали в угол. Если не выполнишь годовую норму трудовой, собранием колхоза, решением правления на восемь лет отправят на принудительные работы. Землю эксплуатируют на износ, навоз на поля не вывозят. С гектара получают пятьдесят пудов ржи, срам один. Не отдыхает земля. Даже самый крепкий мужик не может выдержать без сна и воды двое суток, потом упадет. Не любим мы землю, а она, бедная, продолжает трудиться на человека. Худеет, болеет, скудеет. Придет пора, кому-то надо будет отвечать за этот бардак. Не хоч издеваться над односельчанами, лучше уж в кузне. Не

хочу быть виноватым в не своих грехах. А ведь чужие мы на этой земле...

– Как это – чужие?

– Был председателем колхоза, считал его своим, трудился до изнеможения. Сегодня нет-нет да и вспоминают колхозники, оказывается – работать заставлял.

– Вот и заставь ещё раз!

– Был конь, да изъездился... Другие времена.

– Времена-то другие, но люди те же, – ответил Лазарь.

– Люди-то как раз другие. Чего не впитали с молоком матери, не воспримут с бычьим молоком! – выдавил сквозь зубы Федот. – Вон сколько людей в мире загубили.

– Посмотри на ласточек, – добавил Лазарь. – Не успевают вылететь из гнезда, сразу начинают познавать мудрости жизни – боятся людей и врагов. Сначала учатся вместе с родителями, потом самостоятельно на лету ловят всяких букашек и мух. Не успеешь глазом моргнуть, так летают, что человеку и не снилось. Это всего за два-три месяца. А мы за семьдесят лет своей жизни не можем перестать пакостить друг другу.

– Что поделать, мы же человеки! – возразил Федот.

– Люди.. Нам бы немного перенять от них, меньших братьев.

– Человек-то многого умеет, – ответил Федот.

– Уметь-то умеет, но других любить не научился.

Федот замолчал. Помудрел братишка. То с утра до ночи молчит, а тут не остановишь, говорит умно, как столетний старик.

18

Десятого мая 1945 года в девять часов утра председатель ху-мушского колхоза имени Папанина Василий Денисов, председа-тель сельсовета Люба Полякова и председатель услабинско-ки-вьялского колхоза «Броневик» Иван Александров собрали народ на совместный праздник. Люди уже слышали сообщение о том, что 8 мая в 22 часа 43 минуты по берлинскому времени подписа-ли акт безоговорочной капитуляции Германии, где было навечно отмечено: «Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени герман-ского Верховного командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под

немецким командованием, – Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному командованию Союзных экспедиционных сил...». Война, которая длилась 1418 дней, завершилась победой советского народа.

В маленьком клубе колхоза «Броневик» народу собралось битком, негде было стоять. Решили вынести стулья на улицу, начинать праздничное собрание на свежем воздухе. Стояла солнечная погода.

Собрание открыла председатель сельсовета Люба Полякова:

– Товарищи! Милые мои жители деревень Услаба, Кивьял и Хумуш. Четыре года шла война, четыре года мы с вами трудились ради победы, не зная ни отдыха ни сна. Вот пришла долгожданная. Двести девяносто семь мужчин и четыре женщины ушли на фронт из Второго Норусовского общества, вернулись не все. Учительница Марфа Миронова и 138 славных мужчин деревень Кивьял, Услаба и Хумуш остались лежать на чужбине, сложили головы за наше будущее и будущее наших детей, внуков. Вечная им память! Скоро мужики – мужья, дети, родные, односельчане начнут возвращаться домой. нам вместе придется восстанавливать разрушенное, поднимать сельское хозяйство. Слезы женщин, детей, мужиков не высохли, долго ещё не высохнут, горе в каждом доме, в каждой деревне. Вспомните Суру, лесоразработки, торфоразработки, холодные избы, полуголодных детей, пожар на току, первые похоронки с фронта, смерть детей и стариков – всё это мы с вами выдержали. Сегодня хотим почтить память погибших, умерших, вспомнить их поименно и записать фамилии в книге Памяти двух колхозов. Мы в долгу перед нашими защитниками и всегда останемся таковыми...

После Поляковой слово взял Иван Александров:

– В деревне Услаба 53 жителя не вернутся домой. Слезы скорби у родных, близких и односельчан долго ещё не высохнут. Егор, Павел и Петр Блиновы сложили головы на полях битвы Великой Отечественной. Большое горе у Козловых: Иван погиб в Тверской области, второй Иван, Никита, Роман и Семён лежат под Сталинградом. На деревенской улице мы не увидим Афанасия, Ивана Беловых, Андрея, Виктора, Никиту Ивановых, Александра, Алексея, Григория, Петра, Терентия, Федора Куликовых. Похоронены на чужбине Егор Лаврентьев, Иван и Сергей Ложкины, Вазюк, Василий, Мигулай, Николай Сорокины...

Когда он говорил, люди вставали, тихо повторяли имена родных. Женщины и старики плакали, не стесняясь людей.

Когда Иван Александров стал вспоминать погибших воинов из деревни Кивьял, жители встали, сами начали друг за другом громко объявлять имена своих мужей и сыновей, павших за свободу Родины.

— В деревне Кивьялы сорок человек не дошли обратно до родного дома, — продолжал Александров. — Антон, Афанасий и Петр Кондратьевы лежат в сырой земле на чужбине, они погибли в последние месяцы войны в Германии.

— Герман. Ананий, Григорий Сорокины лежат на кладбище Ленинграда, а Григорий и Петр Сорокины пропали без вести. — назвала Аппи Петрова имена своих родных.

— Антон Кондратьев погиб в Тульской области, а могилы Афанасия и Петра затерялись где-то на чужедальной стороне, — громко сказал недавно вернувшийся из немецкого плена Алексей Кондратьев.

— Григорий Капитонов захоронен в Калужской области, а его брат Роман Капитонов лежит в братской могиле Калининской области, — ответила их сестра Анисия.

За кивьяльцами встали жители деревни Хумуш, а их дети вышли вперед и громким голосами стали читать имена погибших воинов и их места захоронения. Такими оказались 46 человек. Это — Александр, Иван, Илья, Михаил Блиновы, Марфа Миронова, Иван, Лука, Павел Камитовы, Алексей, Иван, Павел Козловы, Аркадий, Леонид, Леонтий Кураковы, Иван, Никандр Машиновы и многие другие. Школьники никого не забыли, никого не пропустили.

— Вечная память погибшим героям-землякам, вечная слава! — подключилась Люба Полякова. — Правления колхозов «Броневику» и имени Папанина подготовили для вас, дорогие мои, подарок. Перед тем, как помянуть героев и усопших во время войны, каждая семья получит гостинец.

В это время в сторону правления спешил Спиридон Кириллов. Он в Германии наступил на пехотную мину, успел отскочить и каким-то образом остался жив, но взрывом раздробило обе ноги. Врачи вытащили осколки, но твердо сказали: «Бегать вряд ли будешь...». Но сейчас он бежал, опираясь на костыли. Махал руками и кричал: «Победа!.. Победа!..».

Заскочил в правление и включил висящий на столбе репродуктор. Оттуда звучал известный голос, который передавал обращение Сталина к народу:

«... Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом».

Кругом стояла такая тишина, что слышно было, как в огороде Анны Игнатьевой журчит ключевая вода.

«... Товарищи, Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития. С Победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы! Слава нашей героической Красной Армии, отстаившей независимость нашей Родины и завоевавшей Победу над врагом! Слава нашему великому народу, народу-победителю! Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!».

Что тут творилось! Крики «у-у-р-р-а-а!» и радостные возгласы разнеслись по деревне. Все обнимали друг друга, смеялись и плакали одновременно.

– Слава воинам-победителям! Слава Сталину! Слава советскому народу! Слава чувашскому народу, воевавшему вместе с русским и братскими народами за советскую страну! – кричал Иван Александров, подбросив свою старую кепку вверх.

– У-у-рр-а-а! – поддержали его колхозники.

Не заметили, как к клубу подъехали четыре повозки, груженные свежим хлебом и двумя бочками домашнего чувашского пива. Из репродуктора доносилась песня:

Синенький скромный платочек,
Помни о прошлом и жди.
После победы над бандой фашистов
Встреча у нас впереди.

Таких гостинцев никто не ожидал. Без суматохи, с волнением принимали люди горячий хлеб, а старшие школьники в деревянных кружках подносили пиво. Дорогие подарки остались и для тех семей, кто по каким-то причинам не смогли присутствовать на празднике. Люди целовали караван хлеба, не скрывая слез. Многие

давно не видели нормального хлеба, в каждом доме только лепешки из грубой муки с лебедой.

Захар Узяков не попал на праздник. Он встречал в Вурнарах сына Петра, коня из колхоза разрешил взять Василий Денисов. Сын вернулся на родину живой и невредимый. В сорок втором году ушел на фронт, был сапером, попал в окружение, вырвался из ада. За всю войну получил три ранения, после госпиталей опять возвращался в свою часть. Четвёртый раз ранили его месяц назад в Германии, осколок попал в руку и раздробил кость. Сейчас Петр сокрушался, что не смог дойти до Берлина, списали, отправили домой, проводив обидными для него словами: «Без тебя возьмем логово фашистов!». На станции Вурнары праздник победы только разыгрался, везде и всюду люди, они радовались, пели, плакали, несколько раз фронтовика поднимали на ура! Захар радовался за сына и за победу, посадил его на телегу и отправился в Услабу. Петр, как всегда, был немногословен, поспрашивал о матери. Машшук, потом отвернувшись, под нос стал мурлыкать какие-то песни. Захар рассуждал про себя:

«...Война кончилась. С кем же она воевала? Против государства или против женщин и детей? Сначала мужиков забрала к себе, сейчас будет возвращать их к родным через одного. Половина баб выпрямилась, в глазах появились светлые точки, а у другой половины, у тех, кто потерял на войне отцов, мужей и сыновей, спины сгорбились, волосы поседели. Они стали с такой злостью смотреть на своих бывших подруг, будто собрались умыкнуть мужиков. А те, удачливые, как домашние псы, взъерошились, показали зубы, готовы были любому перегрызть глотку за мужа, только дай повод.

За что так наказан народ? В чем же виновата пятидесятилетняя Агафия Козлова из деревни Услаба? Мужа, двоих сыновей и двоих братьев унесла война. Сама ослепла, даже печку затопить не может. Кто ей поможет – ни невесток, ни внуков нет. Не успели сыновья обзавестись семьями, так и забрал их Бог войны, оставив сирую одной мучиться на этой земле.

В чем вина Розы Зайцевой из Кивьяла? На войне она потеряла мужа, на руках остались четыре девочки, одна меньше другой. Надо помочь ей, всем колхозом навалиться и крышу новой соломой перекрыть, ворота приподнять. Может, она немного

воспрянет, а то сорокалетняя женщина выглядит как семидесятилетняя – сгорбилась, скулы выступили, лицо и руки высохли.

И с Олей Орловой случилась беда. Родила во время войны без мужа, а Трофим вернулся домой, теперь не хочет принимать мальчика. Выгоняет его из избы – тот ходит целыми днями по улице и по соседям. Молодец Полякова, судом пригрозила, если и дальше так будут относиться к ребенку.

Малину тоже жизнь наказала жестоко. Председатель сельсовета вручил ей старое письмо, внутри которого была фотокарточка. Это то, что осталось от сына-летчика. В апреле сорок пятого раненый майор Андрей Шураков дотянул дымящийся самолет до своих позиций. Солдаты успели вытащить летчика, но спасти не смогли. В кармане нашли это письмо, адресованное маме Любе, и передали командиру. Оттуда письмо дошло до военкомата. Недавно военком встретил Ивана Александрова и попросил передать письмо с похоронкой. Что там написано, знает только председатель, но молчит. Малина долго читала письмо, потом заревела во весь голос. Никто не пытался её утешить. Пусть поревёт, сама жизнь замутила, род прервала».

– Сколько мужчин искалечила война... – заговорил Захар Узяков. – Якку Иванов из деревни Хумуш вернулся домой без обеих ног и руки. Злые языки окрестили его «Половина Якку». Он не обижается. Война, милый мой, разрушила, разорила не только города, фабрики и заводы, но и души людей. Якку – человек сильный, будет жить, если, конечно, не сломается, не сопьется. У нас ведь немало жалостливых, приходят в гости, а в карманах – бутылка самогонки. Уже месяц не просыхает Якку, пора бы за ум взяться!».

– Война обрушилась на людей, как самая страшная беда. Но мы победили, надо жить, может, помогут, – поддержал его, всю дорогу молчавший Петр.

– У колхоза кишка тонка, а государство никогда не думало о простых людях. Что-нибудь по мелочам подкинет и руки умоет.

– Сердитый стал ты, отец, – отозвался Петр.

– Может, и так, – ответил Захар. – Но разрушенные войной, упавшие хозяйства придется поднимать всем миром. Нам жить на этой земле...

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Живущим слава! Трижды слава павшим!
Навеки их священны имена.

*Пётр Хузангай,
народный поэт Чувашии*

1

Отгремела война, беспощадная, жестокая. Она убила миллионы и миллионы людей, которые унесли с собой неродившихся детей, внуков. Бывшие фронтовики стали входить в мирную жизнь – пахать землю, убирать хлеб, восстанавливать разрушенное войной хозяйство. Люди надеются на счастливую жизнь, многое рисуется в радужном цвете, как в кинофильмах.

Уже в декабре 1947 года советское правительство и ЦК ВКП(б) восстановили полноценный советский рубль, отменили карточную систему и начали снижать государственные цены на продовольственные и промышленные товары массового потребления.

Эта было настоящее чудо для советского народа.

Вместе с тем за кражу зерна, хищение, присвоение, растрату государственного, колхозного, кооперативного или иного общественного имущества, людей на десять лет отправляли в исправительно-трудовые лагеря или сельскохозяйственные лагерные отделения.

Государство заверяло, что закупает сельскохозяйственную продукцию по твердым ценам, но компенсировало всего лишь

пятую часть стоимости сданного молока, десятую часть – зерна, двадцатую – мяса. Колхозы сдавали государству пшеницу по копейке за килограмм, а колхозники покупали муку в магазинах по цене тридцать копеек. Голодные селяне весной находили на полях прошлогодний мертвый картофель и пекли лепёшки, ели листья крапивы, лебеды, сныти...

Несмотря на трудности, молодежь собиралась в клубе, на танец выходила босиком, оставляя обувь у стены, чтобы не испортить. На зимних посиделках молодые знакомились, влюблялись и на свадьбу приглашали.

* * *

Перед войной Дмитрий Волков, по прозвищу Метри-Блоха, стал сильно злоупотреблять самогоном. Его шутки были злыми, непредсказуемыми. К вечеру промочит горло, становится болтливым, собирает вокруг себя односельчан, и начинается балаган. Женат был единожды, подруга жизни от него ушла вместе с детьми, впоследствии девочки оказались в интернатах. Но немного подросшие дочери Елюк и Майкка оставили казенный дом и вернулись к отцу. Дмитрия скоро призвали на войну, девочки так и прожили самостоятельно несколько лет, благо колхоз и сельсовет маленько помогали то едой, то дровами.

Волков вернулся в деревню через два года после окончания Отечественной войны. На груди сияют две медали, говорит, что был сапёром. Он не стал другим человеком, как и раньше, пристрастился к самогонке и продолжает распускать свой язык.

Метри-Блоха – это не фамилия, а закрепившееся прозвище сорокалетнего мужика. Для городского жителя это пустяк, переехал на другую улицу, нет больше прозвания, а в деревне оно прилипает пожизненно.

Круглое лицо, черные волосы, немного выступающие скулы и небольшой рост – всё подчеркивает чувашское происхождение. Толстые губы, когда он начинает волноваться, вздрагивают, когда серьёзен, карие, узкие глаза смотрят с такой тоской, и кажется, что, у него большое горе и в это время нет человека несчастнее его.

В хозяйстве держит пять коз. Однажды во время дойки к нему заходит сосед Матвей Сергеев. Коза не соглашается, никак

не может привыкнуть к грубым мужским рукам, крутится, как годовалый жеребёнок брыкается.

– Ух, эти чертовы сталинские коровы! – выругался Метри.

– Почему коровы? – удивился Матвей.

– Нуросские так треплются. «Приезжает туда молодая женщина из города. Во дворе в это время бабка козу доит. Городская краля, может, впервые увидевшая козу, удивленно спрашивает: «Бабуля, почему у тебя корова такая маленькая?». Старуха не растерялась: «А, это новая корова, выведенная властями – сталинской называется».

Матвей испугался, повертел головой по сторонам и сдавленно отрезал:

– Отрежут когда-нибудь твой язык, вместе с душой вырвут!

Но слух о сталинской корове молниеносно распространился по Второму Нуросскому обществу. Пошло-поехало.

– Выпьет мужик, из него мерзкие слова как из худого решета сыплются, – возмутились проходящие мимо женщины. – У нас от жалости и страха затмение в мозгах наступает, а рядом дураки гогочут. Когда-нибудь приедут за вами на тачанке.

Но Метри-Блоху уже трудно было остановить.

Однажды и дочь его попросила:

– Перестань, атте, не срамись перед односельчанами, пожалей нас!

– Доченька, почему я должен молчать? – заплакал Метри, присев на колени. – Вот вы умные науки изучаете, а дураки устроились учить других. Выпью немного, человеком себя чувствую, смелость со всех дыр прет, слова летят как воробьи. Люди хохочут, не понимают, что я смеюсь над ними. В царское время с голым задом на улицу боялся выходить. Советская власть пришла, думал, встану на ноги. Разбогатеть хотел, даже раскулачивания не боялся, но коня, корову не смог купить, не успел построить хлев, амбар. Всего себя отдал на благо родного колхоза – думал, буду калачи жевать.

– Так живёт вся деревня, мы тоже не пропадем! – пыталась успокоить дочь.

– Я не против колхоза, пригожая ты моя... – под нос бубнил Метри, вытирая слезы, потом встал на ноги и поплелся за дочерью. – Не против... Всю войну пешком прошагал, человеком себя считал. Вернулся, сразу приземлили, за работу под нос суют только миску похлебки...

– Эх, атте! Успокойся, прекрати мечтать о чем-то великом! Как бы не угодить в тюрьму.

– Власти грешны! Я работаю, спину гну, но на столе черного хлеба не имею! Нуросские служащие по талонам ежедневно получают пшеничный хлеб! Мне тоже хочется, чтобы мои дети по утрам ели калачи!

На этом беседа должна была оборваться, но впервые в жизни дочь пошла против отца – твердо заявила:

– Я запрещаю тебе в пьяном виде таскаться по деревне, языком понапрасну чесать! Если ещё раз выкинешь недозволенное, уйдем из дома, будем с сестрой жить у тетки, она-то нам не откажет.

Метри разом протрезвел, замолчал. Не переживет этого он. Волковы никогда слов на ветер не бросают.

– Постараюсь... – тихо ответил он, глядя на дочь. – Только не сердись на отца ...

Простили его дочери. Елюк окончила курсы агрономов при Вурнарском сельскохозяйственном техникуме. Недавно она нашла мужа, переехала жить в соседний район. Метри тоже для себя отыскал молодую вдову без детей, вошёл к ней в дом, свою избу оставил Майкке. Устроился работать в Калининское дорожное управление. Бывший военный сапёр в весеннее время подрядился взрывать лед у хумушского моста через реку Хирлеп.

* * *

Федот Саваров со своим младшим десятилетним сыном Мишкой возвращался из Калининской больницы. Мальчишку замучили сухие мозоли на ногах. ему в последнее время стало трудно шагать. Обратились к врачам, те пожимают плечами: «Пока наука не нашла приемлемых способов лечения такой болезни». Несмотря на боль, Михаил старался идти быстрее отца, тем самым доказать, что он не такой уж больной.

Около кладбища они догнали Метри-Блоху.

Федот хлопнул его по плечу.

– Салам, Дмитрий Аркадьевич! Как поживаешь?

– Словно в сказке!

– Не понял.

– Говорю, как в сказке. Теща – баба-яга, жена – трёхголовая змея, соседка – Василиса Прекрасная, а её муж – Иванушка-дурачок.

– Откуда топаешь?

– Был в амбулатории у терапевта, новая теперь она у нас, молодая, начитанная, первым делом спросила: «Какой был сахар у твоих родителей? Они анализы сдавали?».

– Как ответил?

– Прямо и выпалил: в то время наши родители и мясо, и шерсть, и молоко, и яйца сдавали, у них оставались одни кости.

Федот не выдержал, захохотал. «Вот молодец Метри, лекарю урок. Неужели за столько лет учебы не научилась немного соображать, извилинами шевелить?».

Тут Метри глухо произнёс:

– Ты, слышал «о случной кампании».

– Ну и чего?

– Обязали районное земельное управление, колхозы в трёхдневный срок мобилизовать всех имеющихся жеребцов и привести на случные пункты.

– Куда, куда? – переспросил Федот. – Раньше говорили, пока кобыла не заржет, жеребец не прискачет.

– Теперь другие времена. Туда же потребовали привести бычков района, а случку овец приказали начать не позднее первого сентября, для чего просили обеспечить потребным количеством баранов.

Федот Саваров заливался, никак не мог остановиться.

Метри продолжал:

– Так у нас, жеребят и быков тащим на случки. А мужиков не можем досыта накормить – могут ли они после такой еды детей настругать или нет? Это ещё что! Газеты твердят, скоро овец будем доить, заниматься брынзоделием.

– Для кого?! – возмутился Федот, лицо его стало серьёзным, сосредоточенным. – Война закончилась три года назад, но отношение государства к крестьянам не меняется, продолжают забирать всё подряд, теперь без продотряда!

– Что ты хочешь? – лукаво посмотрел на него Метри, – Страну надо кормить.

– Литр молока отдаем за десять копеек, самим оно обходится в полтора рубля! – продолжал Федот крушить. – За кило зерна

государство нам подкидывает всего пять копеек, а в магазине за кило пряников оставляю восемь рублей.

– Уймись!.. Страх потерял?..

– Кого мне бояться. кругом только мы с тобой и хлебное поле. Несколько минут мужики шли молча.

– Чем ты недоволен? – опять спросил Метри. – Страна встанет на ноги, раны зализывает. Трудись, выращивай хлеб, вон какая земля у нас!

– Только власти её обезобразили. крестьян с земли выдвинули. – продолжал сердито Федот. – Сарай надо перекрыть, гвоздей не могу купить. Зашел в сельмаг, товар отпускают только членам потребкооперации, притом за шкуры животных. Не выдержал, поскандалил. Хороший товар отпускают по связям и знакомству – СИЗ называется. Негде приобрести деготь, пропали с прилавков фонари «летучая мышь», краски, гвозди, мел.

– Чем тогда торгуют? – спросил Метри.

Эти слова были не пустые. Волков давно не заходил в хозяйственный сельмаг. Необходимые товары покупают жена с тещей, они больше в этом разбираются.

– Всякой мелочью, что не пользуется спросом у населения. – ответил Федот и споткнулся на выступающем булыжнике. – Ни пройти, ни проехать!

– На кого обижаешься, под твоим руководством эти булыжники положили, – серьёзно произнес Метри.

– Колхозное строительство, индустриализация, война – некогда было. Четверть века ходим, как по стиральной доске. Да и за это спасибо народу, топаем до Нурос в любую погоду, не испачкав ног.

* * *

Чудная в этом году погода. В апреле стояли жаркие дни, а в мае пошли дожди, будто в небесной канцелярии открыли большой кран и забыли закрыть. По всему сараю текла вода, прохудившаяся крыша совсем не держала дождевых капель. А сегодня с утра разыгралась солнечная погода, никак дожди прекратятся.

Федот взялся за ремонт. На подмогу вызвались сыновья Борик и Михаил. Без их поддержки куда денешься, одной рукой тес на крышу не поднимешь.

Борик залез на сарай и стал выдирать прогнившие доски.

– С утра стучите? – подошел к колодцу сосед Кирук Калисов.

– Совсем уж прохудилась. – ответил Федот.

– Кирук!.. Тебя только за смертью посылать, – услышался голос соседки.

Это Феня, жена Калисова, в деревне её называют Шельмой. Во всем пытается получить выгоду, ни перед чем не останавливается, так и норовит схитрить. Бой-баба!.. Попробуй осуждать её, тут же вспыхнет, будто только что керосином брызнули. Так расхает, земля под ногами провалится. Никуда не уйдешь, не спрячешься от её длинного языка. Немного можно охладить только таким же острым языком.

Кирук – степенный мужик, худого слова людям не скажет. Как только уживаются в избе два этих человека: одна – взрывная и хитрая, другой – молчаливый, простодушный.

Федот и Кирук продолжали беседовать через изгородь. Не выдержала Феня, выскочила в палисадник и закудаhtала:

– Ну, сколько тебя ждать?! – закричала она.

Кирук в это время нагнулся почерпнуть воду, от неожиданности ноги поскользнулись, и он полетел в колодец вниз головой. Феня не растерялась, мигом подбежала, схватила мужа за ноги и начала тянуть вверх. Кряхтела, ругалась, но силы не хватало.

Федот, увидев это, остолбенел, быстро, придя в себя, закричал:

– Отпусти!.. Отпусти его, дура!...

Но Феня продолжала крепко держать мужа за ноги, надеясь вытащить его из колодца. Бедный Кирук, находящийся по пояс в холодной воде, уже перестал сопротивляться, подавать признаки жизни.

Борик спрыгнул с крыши и рывком вытащил соседа из колодца. Тот уже не дышал. Феня не отпускала его ног. Бывший солдат знал что предпринять, силой оттолкнул соседку, положил Кирука на своё колено и давай делать искусственное дыхание. Хватило несколько сильных толчков в спину. Сосед закашлялся, вода полилась изо рта, он задышал. Немного полежал, встал на ноги, подошел к жене и залепил ей в ухо. Она заохала, завертелась, стала метать гром и молнии:

– Надо было тебя отпустить, чтобы ты там захлебнулся!

– Дура безмозглая, я бы в колодце перевернулся и вылез! За ноги специально держала, ждала, когда захлебнусь!

Теперь Феня-Шельма поняла, что чуть не погубила мужа и затряслась.

– Ай-уй... Господи!.. Звала на помощь!.. Кричала, сколько есть сил, держала, думала, помогу, боялась упустить!..

– Упустить!.. Давно ждешь моей смерти!

– Не мели напраслину, Кирук.

Мокрый муж больше не стал языком чесать, развернулся и пошел в избу. Феня, как вкопанная, стояла на том же месте. Федот задумался: «Ведь не со зла жена держала мужа за ноги, она хотела помочь, боялась потерять. Если бы не Борик, неизвестно, чем закончилось бы всё это».

– Смерть далеко от тебя, Кирук, – вслух рассуждал Федот. – Придет черная баба, за печкой не спрячешься. Найдет... Ох, как найдет... Взмахнет косой – прощайте, родные, близкие и друзья... Человек за три дня начинает чувствовать запах своей смерти.

Феня молчала. Что сказать, когда простая женская глупость чуть не сотворила беду.

Мужики продолжали работать, перекидываясь словами. Не заметили, как солнце склонилось в сторону Кумбала. Вечером Кристина сообщила, что из ссылки воротился Роман Кураков. Ровно десять лет отрубил под Воркутой – жив и здоров.

2

– Вернулся, значит... – обнял старого друга Федот.

– Отмотал... – грустно ответил Роман.

Кураковы – люди особого склада, круто замешанные, долго печеные. Во всем у них порядок. За что ни возьмутся, всё спорится, получается ладно. Потайной настырностью, смелостью и силою отличаются они от многих деревенских семей.

Угрюмым и задумчивым стал Роман, лицо исчерчено морщинами. Что поделаешь? – у каждого человека своя судьба, жизнь кругом не охватишь. Она как река, с истоком и устьем. У многих она оказалась прозрачной и короткой – не успели взрослыми глазами глянуть на белый свет, остались на полях сражений. У других – мелководная, тихая, живут себе в деревне, не видно их,

не слышно. У Кураковых – длинная, бурливая, с такой яростью и силой, что многолетняя каторга не смогла сломить. Некоторые односельчане остались навечно в лагерях, не выдержали тяжелых испытаний, домой не вернулись. Десять лет пролетело с того дня, как арестовали мужиков «за участие в контрреволюционной деятельности и ведение подрывной работы в колхозе». Осудили на десять лет, от звонка до звонка отсидел Роман в Воркутинском исправительно-трудовом лагере.

– Каковы дальнейшие задумки?.. В колхоз пойдешь?

– Как-то жить надо.

– Пойдем ко мне, что-то покажу...

Роман согласился. Первый человек от него не отвел взгляда, не пожалел, не интересовался лагерными днями, сразу заинтриговал.

Около дома, под деревянным навесом, куда Федот складывал нужные в хозяйстве пожитки, они остановились. Никто не смел тут ковыряться без разрешения. Федот не стал томить, скинул старые деревянные доски, и Роман оторопел – его станок по выпуску тонких щепок для покрытия крыш открылся перед глазами.

– Сохранил... – гордо признался Федот. – Хотел установить, помочь родному колхозу. Началась война, желание пропало...

Роман погладил станок рукой, смахнул рукавом пиджака скупые мужские слезы и сел на старую кадушку.

– Дарю! – громко заявил Федот.

– Не боишься разбазаривать социалистическую собственность? – насторожился Роман.

– Не-е-ет, – протяжно ответил Федот. – Никто об этом не ведает, станок я собственными руками отремонтировал...

– Когда узнают, что я притащил какую-то железяку, меня навечно упрячут, – ответил Роман. – А хочется запустить станок...

– Не печалься, станок доставлю и сам установлю во дворе.

– Стучало бы сердце, печаль найдется.

– Вот и договорились, – обрадовался Федот.

Забежал в избу, оттуда притащил бутылку самогонки, два граненых стакана и два огурца.

– Давай за приезд...

– Нет, нет, Федот Саварович! Третий день стаканы звенят, после десяти лет сухого закона тошно смотреть. За станок в долгу не останусь...

Федот не стал настаивать. Себе налил добрую половину стакана, опустошил и убрал бутылку. Закрывая избу на замок, спросил:

– Ты ведаешь, кто тебя упрятал на Север?

– Знаю, – тихо отозвался Роман. – Ну его... к черту!

У Федота глаза округлились, лицо от удивления резко вытянулось.

– Простил?..

– Простить не смогу, но и голыми руками душить не буду.

Помнит Федот, как по делу Романа Куракова колхозники проводили собрание. Решили, что пасечник не виноват. Однако нашлись люди: один строчил в адрес НКВД письма с ложными обвинениями, а другой протокол того собрания продержал в столе, не передал по инстанциям.

– Вот дела... – вздохнул Федот.

– Дела впереди. Десять лет ждал этого дня, во сне встречался с родными, односельчанами. Ох как тосковал я по ульям, по родному дому. Родители не дождались меня, не смог их похоронить...

– Многих мы не проводили в последний путь, не простились. Кого война, а кого сама старуха-смерть прибрала. Я вот остался жить, хотя левую руку потерял.

– Нас не пустили на фронт. Может, испугались, как бы мы советскую власть не опрокинули.

Федот насторожился. Но Кураков знал, с кем и как беседовать. Недаром говорят: «Не поработав топором, и болванки не сделать». Месяц не прошел со дня возвращения Куракова, как у него в хозяйстве появились две пчелиные семьи. Федот Саваров лично помог установить станок по выпуску тонких пластин из дерева для покрытия крыш жилых домов. Заявки от односельчан посыпались сразу, пришлось установить очередь. За станок Роман подарил ему две бочки из дубовых клепок. Древесина плотная, не коробится, не растрескивается, пиво и квас долго не портятся. Между ними вновь завязалась былая мужская дружба.

При очередной встрече Роман показал ему новый сундук. Ласкают взгляд просушенные и струганные липовые дощечки.

играют узоры и блестят жестяные фигурки на готовом сундуке, значит, не забыли руки столяра разные инструменты.

– Выручай. Роман Федорович. – просят мужики. знакомые и незнакомые. – Дочку замуж выдаю. Приданое приготовлено, дело за малым осталось, хороший сундук нужен.

Никому не отказывает, днем трудится в колхозе, а по вечерам занимается столярным ремеслом.

В свободное время приходит к Федоту в кузню. Примостится в углу около горна, долго-долго смотрит на искорки, вылетающие из-под угля, и начинает вздыхать.

– Что с тобой? – спросил Федот. – Чего сердце рвешь?

– Не могу успокоиться, в ушах шумит звон лагерной. сигнальной рельсы. Дин-дон! Дин-дон! Дин-дон! Каждый вечер душат воспоминания о той тяжелой жизни, что оставил за прошедшие десять лет на Севере. Я был зеком, без прав и привилегий, строил железную дорогу Котлас – Воркута, валил лес, работал бригадиром хозяйственного цеха. Кошмарные сны не отпускают. словно колючая проволока опутала тело. Вскликаю от непонятной боли, рядом жена. Хорошо хоть Евдокия меня понимает. «Терпи, Роман. – тихо говорит она. – Пройдет... Обязательно пройдет, только потерпи. Мне здесь тоже было несладко, двое детей на руках, война. Теперь вместе одолеем все трудности».

– Правильно толкует, время лечит душу, только не кисни... работай, – сдержанно ответил Федот.

– Это и спасает, – признался Роман. – Ко всему в лагере привык, но к холоду никак не мог приспособиться. Чтобы не оконечить, как ледяное чучело, приходилось работать до седьмого пота. Силы иссякали, лом от вечной мерзлоты отскакивал как мячик, отчего во все стороны летели искры, попадая в глаза.

– Много было там людей?

– Не сосчитать... – ответил Роман. – Смерть не знала пощады. Старуха с косой валила всех, никого не жалела – и правых и виноватых. Люди умирали от холода, голода, от сердечных приступов. от кровавых поносов. Умирали мучительно, желудки от недоедания у всех прилипли к позвоночнику. Вокруг ходили тени людей, опухшие руки. ноги сочились кровью. А надо было работать, выполнять план. иначе урежут хлебную норму, баланда наполовину меньше. Это смерть.

Федот его не перебивал вопросами. Роман продолжил вспоминать прошлое.

– Перед глазами «враги народа», ежедневное предупреждение начальника конвоя: «Каждый, кто выйдет из строя или отстал хоть на полшага, считается совершившим побег. Расстрел без предупреждения». Некоторые не выдерживали, выскакивали, чтобы принять смерть. Во сне выхожу из строя, в мою сторону летят пули. На команды не успеваю откликнуться. слышу связку матюгов: «Недобитая контра!.. Куда ты прешь, падла? Чего ты стоишь, доходяга!..». Вскакиваю от боли в сердце.

– Ты хоть об этом не распространяйся, – предупредил его Федот. – Обратно могут загнать.

– Не знаю, почему открываюсь перед тобой... – признался Кураков.

– Надо выговориться, иначе с ума сойдешь, – заявил Федот. – Раз здесь сидишь, значит, веришь мне. Это правильно.

– Легче стало, когда меня начальник лагеря перевел в хозяйственный цех. Однажды я указал на выпускаемый зеками брак. Стукачи в тот же день доложили куда следует. Вызвали к начальнику и назначили бригадиром, но предупредили: «Если не справишься, то ждет уголь под землей». Оттуда выхода не было... Плели корзины. Дело знакомое, организовал изготовление из лозы разных кресел и чемоданов.

– Как же ты остался жив?

– Не знаю... На войну не отпустили, оставили руководить цехом по выпуску утвари для народного хозяйства, разрешили вести с домашними переписку. Не умер, организовал в лагере мастерскую по изготовлению бочек, кадушек. прочего домашнего добра, так необходимого в народном хозяйстве. Выдержал, вернулся домой. За безупречное поведение при освобождении начальник лагеря лично вручил мне патефон. Это был единственный человек, который к политическим осужденным по 58 статье, относился терпимо. Гармошку мне подарил Аркадий Кириллович, летчик самого Молотова, он рядом со мной коротал лагерные дни и годы. Встретились мы в Москве.

Федот задумался. Ведь не подсуетись тогда, не окажись в коммуне, пришлось бы и ему самому примерить тяжелую робу арестанта, а может быть, давно бы лежал, заваленный тяжелой землей Сибирского края.

– За что он оговорил, где ты ему пересёк дорогу? – вдруг спросил Федот.

– Про Карасева толкуешь? – тихо уточнил Роман. потом быстро разговор перевел на другую тему. – Знаешь, кого я на Севере встретил?

Федот внимательно посмотрел на него, ожидая ответа.

– Услабинца Егора Семенова по этапу привезли, по уголовной статье, но скоро освободили по исполнительному сроку.

– Дома он – старший конюх колхоза «Броневик». Говорят, у него где-то золотишко припрятано.

– Может быть... – ответил Роман.

* * *

Роман Кураков встретил Карасева на улице.

– Не подох? – спросил Кураков.

Ананий боялся этой встречи, лицо его стало мертвенно-белым. Не мог поднять глаз, чувствовал: Кураков смотрит на него презрительно. Собрался было ответить, но собственное бессилие его парализовало.

– Хочешь сказать, тебя я посадил? – пересилив дрожь, тихо спросил Карасев.

– Не могу доказать...

– А хочешь?..

Кураков был по-житейски спокоен. Отвернулся и пошел по своим делам.

В деревню вернулись ещё трое бывших политических. Карасев почувствовал, как вокруг него сгущаются грозовые тучи. Его не покидала мысль, что люди могут узнать правду, а значит, не простят, постараются тихо убить его. Стал бояться каждого ночного шороха.

О трудностях он никогда не думал. Жизнь до войны проходила без всяких зигзагов, легко и прямо. Его мысли всегда совпадали с действиями нынешней власти – он боролся с врагами. В тетрадке без всяких сожалений отмечал каждый промах односельчан, их высказывания против Советов своевременно доводил до нужных органов. Власти, прикинув, решили, что в деревне Хумуш создана и действует целая контрреволюционная

организация из шестнадцати человек. Но никто не подумал, что эти обвинения были вздорными, высосанными из пальца. Всех арестовали ночью, через неделю двух руководителей этой группы поставили к стенке, а остальных на долгие годы изолировали от общества.

Во время и после войны жизнь Анания Карасева усложнилась. Старшего сына хотел устроить в НКВД, тем самым спасти от отправки на фронт. Но Григорий не согласился с мнением отца, против его воли с друзьями-комсомольцами записался добровольцем, на прощанье грустно добавил:

– Придет время, сломаешь себе хребет! Страшный ты человек...

Ананий не испугался, хотя сильно рассердился на сына.

– Не дорос ещё отца учить! – враждебно сверкнул он глазами.

Григорий поправил котомку, хлопнул дверью и ушёл. Просил не провожать. Больше Ананий старшего сына не видел. Он погиб под Сталинградом. Прислал домой несколько писем, коротко описывал солдатскую жизнь, интересовался жизнью деревни, всем просил кланяться, но про отца не вспоминал – будто его не существует, будто чужой человек. Получив похоронку, Ананий подумал, что это спасло его от краха, и недолго горевал по сыну. У Карасева друзей нет. Жену себе он в своё время купил. Пришел к будущему тестю и предложил за Серафиму коня. Ударили по рукам, выставили на стол угощенья. Молодуха сама за ним пошла. Не воспротивилась, не проливала горячих слез попусту, во всем соглашалась с мужем.

– Чему быть, тому не миновать. – твердо решила тогда Серафима. – Судьбу за хвост не схватишь.

Жили как все. Были перепалки, но никогда не доходило до рукоприкладства. За что она благодарила жизнь. Рядом муж, в хозяйстве достаток, трое детей – два сына и дочь. Что ещё нужно женщине?

Жизнь Анания все-таки со временем начала запутываться. Когда он стал стучать на односельчан, Серафима догадалась и спросила:

– За что ты губишь людей?

Он почувствовал, как закружилась голова, чтобы не упасть, присел на стул. Решил ни в чем не признаваться, долго оправдывался перед женой. Это вроде успокоило душу Серафимы. Он

ведь любит семью. Пойдет в районный центр, никогда без подарков не возвращается.

Задумался Ананий: «У каждого под солнцем своё место». Он был уверен, что в этой жизни поступает правильно, ведь некоторые держат камень за пазухой против властей. Помнит, какими словами крыли односельчане большевиков во времена продразверстки, голода и строительства колхозного строя. Разве они изменились, полюбили Советы за такое короткое время? Конечно, нет!.. Своё мнение, мысли, ненависть положили в долгий ящик. Живут и ждут своего часа, чтобы насолить советской власти.

Серафима спохватилась, когда увезли молодого Энтипа Денисова. Он в нетрезвом виде зашел в клуб. В фойе глянул на портрет вождя всех народов и наций. Вождь был в полувоенном кителе с трубкой во рту. Энтип, недолго думая, ляпнул:

– Самокрутку в рот этому герою.

Ананий не мог это пропустить мимо ушей, доложил куда следует.

Через неделю ночью у дома Денисовых остановился танк, оттуда вышли двое, недолго побыли в избе, перевернули всё имущество, а Энтипа увезли в Калинино. За антисоветскую пропаганду ему дали восемь лет каторги и отправили куда-то на Север. Вернулся домой Энтип после войны весь больной и немощный.

Серафима всё поняла и сделалась неудержимой, её слова звучат как приговор, раздражают, доводят до белого каления. Ананий стал замкнутым, со всеми разговаривает холодно. Люди открыто начали его сторониться, женщины просили своих мужей при нем языки придержать.

Нелестная народная молва о себе доходила до Карасева, и он опасался: «Обязательно наступят времена, односельчане за всё спросят». Иногда он готов был кинуться к людям, упасть на колени, просить прощения, но через какое-то время злость и ненависть закипали в нём.

В последнее время ему снятся страшные сны. Иван Калисов является к нему, смотрит прямо в глаза и шепчет одни и те же слова: «За что? За что? За что!?!». Сзади в тумане стоят незнакомые люди, тупо глазеют на него. После таких снов Ананий долго не может уснуть. Начал уже сомневаться в правоте

своих поступков, может, зря обрѣк невинных людей на невыносимые муки.

Жена глядит на него с открытой ненавистью.

Очередная встреча с работниками НКВД в Калининне была для Карасёва большим испытанием. Вопросы коснулись Романа Куракова и других бывших политических. Больше всего наседали молодой уполномоченный, прибывший из Чебоксар.

Высокая, белобрысая челка прикрывает его лоб. Глаза холодные, будто вылитые из свинца, сверкают как молнии. Хочет услышать местные новости, время от времени кричит:

– Чего церемонитесь с ними?

– Новых материалов на них мы не имеем, – ответил местный уполномоченный Петров.

– Они живут тихо, не нарушая законы, – поддержал его Карасев.

Городской тупо смотрел на них, выкатывал вопрос за вопросом:

– Чем занимаются бывшие политзаключенные? О чем говорят, с кем дружат, где работают?..

Разговор не клеился, Карасев получил строгий приказ: «Следить за всеми, не упустить ни одного случая без внимания».

В этот раз он вернулся домой без подарков. Весь вечер молчал, ходил из угла в угол, вышел на крыльцо и тупо уставился на холодную луну...

Утром Серафима нашла мужа висящим на перекладине в сарае.

3

Победа! В цехах, на складах, в общежитии, на собраниях и планерках – везде и всюду светлые лица заводчан, все говорили о победе.

Пролетели майские дни. Прошло два года. Пришел сентябрь – месяц листопада. Дни ещё стояли тихие и теплые, но начались ранние и длинные вечера. По ночам шелестел дождь по крышам общежития.

Люди думали о последствиях нашествия врага, понимали, что долго придется вытирать горькие слезы, развязывать переплетенные войной узлы людских судеб. Всё новые и новые

проблемы вылезли наружу, решать их придется не одному поколению советских людей. На заводе работать стало легче, выпуск авиабомб резко сократился.

У Ирины свободная смена – так называют заводчане выходной день. Она сидела около окна, мысли летели куда-то вдаль. Перед глазами всплывала работа в колхозе: как молотили рожь, как валили лес при сорокаградусном морозе и почти пятилетний труд на номерном заводе в городе Шубашкар. В памяти слезы двух незнакомых молодых девчат от скупых, убивающих душу слов судьи: «Два года спецлагерей». Вспомнила, перечислила всех односельчан, погибших в этой проклятой войне, следы которых оборвались на широких просторах Родины-матушки и в чужих странах. От одной мысли о доме ей стало сладко. Разве можно на этом свете отыскать уголок дороже родной деревенской избы? Родителей Ирина так и не дождалась. Власти передали, что вся семья умерла на Севере от какой-то лихорадки. Единственный живой, близкий и любимый человек – бабушка Тоня Мышкова не дождала до этого дня. Она спасла её, обувала и одевала, выучила сироту.

– Уеду домой, в деревню... – весело объявила Ирина, сидя у окна общежития.

– Куда... куда? – переспросила подруга Оля Головлева. – В колхоз тянет?..

– Домой, в Хумуш. А что? В деревне не люди работают? Кто город хлебом кормит?

– Да ну тебя! – ответила Оля. – Ждут тебя там не дождутся, полдеревни на тебя косо смотрит!

Ирина пожала плечами. Нет!.. Там родители мужа да серенький дом, где всю войну жили эвакуированные женщины. Помнит, как только наступит на доски крылечка, они начинают скрипеть, разговаривать с ней, петь песни. Они роднее заводских ворот и станков.

– Дурёха ты, дурёха! – присела рядом с ней Оля. – Здесь скоро начнут строить дома, тем, кто отработал более пяти лет, обещают собственную комнату. Придет время, начнут выдавать зарплату живыми деньгами. А ты рвешься в деревню. Там скотину несчастную соломой кормят, люди с голоду пухнут. Куда ты голову суешь?!

– Не могу в городе, – спокойно ответила Ирина. – Воздуха не хватает.

Несмотря на уговоры отдела кадров, начальника смены, мастеров, бригадира, уволилась с работы, собрала вещи и доехала на автобусе до деревни Ишаки. Дальше пошла пешком, повезет – уедет на попутном транспорте. Шагала быстро, хорошо хоть волков перебили, истребили окаянных. Ходили слухи, что они нападали на одиноких путников. Как назло машин на дороге нет. Позади остались Турун, Юндабинский лес, речка Уба-Сирма, а впереди за Услабинским косогором в ложбине, как на ладони – родная деревня Хумуш. Там односельчане – печальные женщины, вечно голодные их дети и сидящие летом на завалинках старики, не сразу узнающие и провожающие прохожих со словами: «Кого же там улица привела, куда она торопится, что ищет в этом странном мире?..».

Дом заперт, старый замок висит только для отвода глаз. Не успела Ирина встать на крыльцо – появилась Люба Полякова:

– Никак ты, а я думала, чужая. Насовсем?..

– Как узнала?

– Мимо проходила.

– Вернулась, – еле выдавила Ирина.

– Ну-ну...

– Что-то не так?

– Так-то так... Только теперь люди при первой же возможности убегают в город, а ты в деревню воротилась. Грязь, навоз месить на колхозной ферме, за трудодни спину гнуть. Вот, значит, как получается в жизни...

– Городской воздух меня за горло хватает, – ответила Ирина.

– Ладно... – согласилась Полякова. – Раз хозяйка появилась, труба задымит, дом оживет.

Ирина открыла дверь, но председатель сельсовета не стала за ней в избу заходить, ушла, закрыв за собой калитку. «За что обиделась?» – подумала Ирина.

В доме пахло сыростью, от печки тянуло холодом. На столе пыльная пленка мерцала от еле пробивающихся лучей солнца. Взгляд упал на небольшую деревянную рамку, где были вставлены всего две фотокарточки, засиженные мухами. Василий и сама Ирина смотрели с фото простодушными глазами. В углу, закрывая мусорную дыру в подполье, стояла метелка.

– Даже мусор за собой не убрали, – проворчала Ирина. – Куда только торопились? Вот деревенская привычка.

Действительно так. Раньше в крестьянском доме мусор собирали под полом, для чего около входной двери, за печкой, оставляли небольшую дыру. Мусор убирали весной, когда выносили семена картофеля на посадку.

Ирина взялась за работу. Сходила за водой, затопила печь и начала убирать пыль в избе. После гибели мужа она боялась оставаться дома одна, часто уходила ночевать к бабушке Тоне. Сейчас страх прошел, в печке трещали сухие дрова, она начала чувствовать тепло дома.

Увлеченная работой, не заметила, как в избу с грохотом влетели Вера Лукова, Таня Калисова и Феня Куракова. Что тут началось.

– Семёновна шепнула, – затараторила Вера. – Ты приехала насовсем?

– Соскучилась по родной деревне, – оправдывалась Ирина. – Здесь каждый куст знаком.

– В городе никого не закадрила? – хохотала Феня.

– Там была работа и койка в общежитии. Намаешься за день, силы остаются только до кровати доползти, до следующей смены храпака даёшь, не присыпаешься.

– Война кончилась, а нас замуж никто не берет, – сокрушалась Таня, присев на кровать.

– За кого выйти? – прижалась к подруге Вера. – наших женихов война унесла.

– Не всех!

– Самых крепких, молодых и смелых погубила война, – ответила Ирина.

– Хватит вам о женихах мечтать, – предложила Феня. – Давайте быстрее уберём в избе и устроим девичий пир.

– Я согласна, – улыбнулась хозяйка.

Девчата убрались быстро. Вера побежала домой, притащила бутылку красного вина с сургучной пробкой, соленых огурцов, две головки лука и кочан капусты.

– Хлеба у нас нет, – оправдывалась она.

– Ой, девочки! – спохватилась Ирина и из сумки вытащила большую буханку серого хлеба.

Феня выхватила хлеб и давай его целовать, обнимать, положила на табуретку и пригласила его на танец.

– Снится мне часто такой каравай. Тянусь, тянусь, но никак не могу достать. Вот он, в моих руках!

– В деревне давно не видели настоящего хлеба, разными грубыми суррогатами питаемся, – сказала Таня.

– Капуста откуда? – поинтересовалась Ирина. – Сейчас суп будем варить.

– Завтра сварю. Оставь у себя.

Что-что, а стаканчики в чувашской избе всегда найдутся, пиво варили в каждом доме, гостей приглашали, угощали, радовались жизни. Вино на девчат подействовало сразу, начались разговоры, весёлый хохот. Лица стали румяными, целительная жидкость успела ударить в головы взрослым девушкам, жаждавшим любви и тепла. Их голоса были слышны на улице, проходящие мимо односельчане с любопытством смотрели на окна.

– С прибытием! – произнесла следующий тост Вера.

– В колхоз пойдешь? – спросила Феня.

– Куда же ещё...

– Может, на Калининский промкомбинат?

– А что там?

– Пиво варить!

– Я не умею.

– Научись, – настаивали подруги.

– Нет. В колхозе буду работать...

Лица девчат стали серьёзными. Вера глубоко вздохнула, Феня криво усмехнулась, а Таня твёрдо сказала:

– Скоро от счастья будешь прыгать вместе с нами, с расвета до одиннадцати вечера. На сон урвешь часа четыре, и все радости.

– Милые мои подруги, я ведь из этой деревни, с десяти лет трудилась в колхозе.

– Ладно, – остановила всех Вера. – Нам сейчас надо бежать на дойку. Попросись на ферму, вместе веселее трудности преодолевать...

Подруги ушли. Ирина убрала со стола, зажгла керосиновую лампу. Окна засияли, от печки потянулось тепло. Легла спать поздно, сразу не смогла уснуть. Вдруг откуда-то из-под печки слышался стрекот сверчка.

– Вместе будем жить, – улыбнулась Ирина и закрыла глаза.

Увидев Ирину, Василий Денисов обрадовался. Пятый год тянет он лямку председателя колхоза имени Папанина. Тогда, в сорок третьем, Люба Полякова, жена брата Ивана, Христом Богом попросила её заменить. Василий отказывался, ведь списали его с фронта по полной непригодности, маленький осколок сидит между сердцем и легкими, время от времени вздохнуть больно, а тут необходимо мерить шагами поля. В конце концов Денисов пожалел невестку, стал руководить хозяйством.

– Милая Ирина Михайловна! – впервые к ней мужчина обратился по имени отчеству, и никто иной, а сам председатель колхоза. – Маяк Матвееву увезли в больницу, за телятами некому смотреть. Замени, пока она на казенной койке дух переведёт.

Ирина попыталась отказаться.

– Нет, Василий Борисович! – опустила она глаза. – Я в левую бригаду, вместе со всеми.

Денисов напирал. Встал перед ней на колени и давай говорить разные приятные ушам слова.

Ирина испугалась. Вдруг кто-нибудь увидит, такое нарисует, враз деревня загудит, на улицу не выйдешь, пальцами будут показывать!

– Хорошо, хорошо, – согласилась она. – Только поднимитесь на ноги.

На лице председателя появилась улыбка, он отряхнул свои армейские брюки от пыли и чмокнул Ирину в лоб. Она убежала от него как ошпаренная. Лицо и руки горели от непонятого стыда, на лбу выскочили крупные капли пота. Что тут такого?.. Просто Денисов в нужную минуту пошел на маленькую хитрость, встал на колени перед молодой женщиной. Обычно такое в деревне оценивается однозначно – любовь пришла. Да и председатель не такой уж старый кавалер, ему и сорока нет.

– Ух, черт, умеет зубы заговаривать! – ворчала Ирина, отправляясь в сторону Красного Яра.

Издали услышала: телята не переставая мычат хором. Подошла к загону и ужаснулась – грязь по колено, в сапогах не пройдешь. Телочки с весны этого года, за ними надо ухаживать, как за маленькими детьми – поить, кормить, чистить от грязи и

навоза. Одной не управиться, вдруг начнется падёж, обвинят во всем Ирину – дочь кулака Макарова.

– Господи! – ахнула Ирина. – Разруха... Как можно оставлять таких?

Телята, услышав голос человека, разом повернули головы в её сторону.

– Погодите, погодите, милые мои, – не соображая с чего начинать, суетилась вокруг них Ирина.

С навозом она позже разберется, животных срочно надо накормить и напоить.

К вечеру в телятник заглянул Денисов. Не выказал ни капли удивления. Значит, привык к такому положению дел.

– Василий Борисович, – обрадовалась Ирина. – пришли на один день несколько женщин, хотя бы трёх. Уберем телятник, почистим территорию, помоем телят, на кого они похожи, словно мешки с навозом.

– Будет тебе помощь. будет...

Не обманул председатель. на следующее утро прибыла целая бригада. К вечеру телятник и загон приобрели вполне пристойный вид. Председатель был приятно удивлён.

Телята разыгрались в чистом загоне. Ирина смотрела на них и радовалась как ребёнок.

Домой вернулась поздно вечером. Уткнулась лицом в подушку и уснула не раздеваясь.

Видится ей сон. Отец с матерью, две сестры шагают по широкому полю. Вокруг светло, много красивых цветов. Ирина бежит к ним, никак не может догнать. Бежит, ноги не слушаются, хочет полететь – не получается. Мать смотрит на неё, улыбается, что-то говорит, слова непонятны. Они шли в темноту, в сторону леса. Ирина собрала последние силы и закричала: «Мама!». Та обернулась, махнула рукой, и они растворились в лесном тумане.

– Сон увидела? – присела на кроватку Вера. – Мать пришла к тебе – это к жизненным переменам.

– Ты как вошла? – спросила Ирина.

– У тебя все двери настежь, заходи и унеси.

– Устала, сутки на телятнике, не помню, как уснула.

– Чего сунулась в пекло!

– Я временно.

– Ничего нет постоянного, чем временное.

Маюк на работу не вышла, у неё определили серьёзную болезнь и отправили лечиться в город. Ирина привыкла к телятам, всем дала кличку и вместе с молодой ветеринарной фельдшерницей колхоза Риммой Федоровой прицепила на уши бирки, но от какой коровы, определить они не смогли.

«Трудолюбивая женщина, – подумала Ирина. – Целый день на колхозной ферме, а по вечерам бежит по вызовам жителей. У кого корова заболела, поросенок, у овечки брюхо надулось – везде успевает».

После окончания Хумушской семилетней школы Римма поступила в Канашское педагогическое училище. Но мать ни в какую, не пустила дочь на учебу, в хозяйстве нужна помощница – надо присматривать за домом, ухаживать за маленькими братьями, сестрами – их восемь человек. Через год она ослушалась мать, поступила на Вурнарские районные курсы ветеринаров и успешно окончила. Вышла замуж за деревенского красавца Павла Федорова. Молодой парень «украл» Римму, с её согласия. Она вышла к Павлу с узелком нужных вещей в руках. Куда деваться родителям? Калыма нет, но свадьбу пришлось сыграть. В новой семье сразу полюбили эту хрупкую, аккуратную и хозяйственную девушку. Больше всех её уважает свекор Федор Кириллов. С мудростью и уважением относится он к снохе, носит обед ей на ферму.

* * *

Наконец Маюк поправилась и вышла на ферму. Ирина оставила телят, ей предложили руководить бригадой хмелеводов. Согласилась, работу знает, девочкой трудилась на плантации при председателе Куракове. Научилась обрезать корни, рыхлить почву, убирать сорняки, бороться с насекомыми. Коллектив небольшой, всего шесть человек, но колхозу приносит немалую прибыль.

Илья Алексеев отыскал её на берегу реки Хирлеп. Ирина только что закончила полоскать бельё и отдыхала – сидела, подобрыв под себя ноги, вполголоса пела грустную песню:

Отгуляли метели,
Вновь луга зацвели.

Соловьи прилетели...
Где же вы, журавли?
Не могу, не желаю
Опустевшей земли –
И зову, ожидая:
Журавли, журавли!

Он решил подкрасться к ней тихо, но высохшая гравя под ногами предательски хрустнула.

– Илюша!..

– Ириша! Милая моя! – прошептал он, присев к ней. – Я за тобой, давай поженимся, распишемся в сельсовете.

– Знала, сегодня придешь, чувствовала всей душой, ждала, когда мне скажешь эти слова. – ответила Ирина. – Может, останемся жить у меня? Дом просторный, чистый, теплый.

– Со временем вернемся. а пока не хочу войти в дом жены, стать приемным зятем.

Сердце у Ирины колотилось. она уткнулась Илье в плечо, шептала и шептала:

– Я ведь вдова, замужем была, не верила уже в своё счастье. Верной женой стану, заботиться буду о тебе, в деревне все будут завидовать.

– Не стоит травой стелиться у моих ног, а вот роди мне много детей, пусть десять будет.

– Я здоровая. в состоянии носить их под сердцем, пусть будет целая изба девочек и мальчиков! – плакала Ирина от счастья. – До самой старости вместе проживём, внуков вырастим, они к нам в гости будут приходить.

– Перестань... – прижал Илья Ирину и нежно поцеловал. – Не надо мокроту наводить.

– Я от радости, не могу остановить слез.

Он взял её за руку. Ирина не пыталась освободиться.

Вот оказывается, где притаилось её женское счастье! В детстве и молодости было другое – радость в каждой обновке, во вкусных гостинцах, от похвалы родителей. Вокруг стоял детский смех, весёлые пляски, игры и прибаутки. Потом страшное одиночество и взрослая жизнь. Не успела выйти замуж, черные тучи заволкли душу – муж погиб на войне. Напасти как змеи обвивали мозг, пытались сдавить сердце. Горькие слезы небыстро высохли.

Не думала Ирина, что в жизни встретит ещё одну любовь, уже взрослую, обдуманную. Её никто не может упрекнуть в неверности, не стыдно людям в глаза глядеть. она не подпускала близко к себе мужиков. После войны некоторые совсем обнаглели, не раз стучали в окно, но для всех была закрыта дверь избы Ирины. как и её душа.

Она встретила своего Илью на районном собрании передовиков производства. Он садовод. вышел на трибуну молодцеватый, крепкий в плечах, в вышитой рубахе, новеньких яловых сапогах. Стал рассказывать, как на нескольких гектарах у деревни Ярмушка заложили фруктовый сад. Его голос, манера держаться перед людьми, тактичность заворожили Ирину. Она слушала его внимательно, пыталась запомнить каждое слово. Зачем только это?.. Поняла только тогда, когда Илья подошел к ней познакомиться. Она покраснела. еле вымолвила: «Ирина».

Домой возвращались пешком, немного отстали от других и всю дорогу проговорили. Потом Ирина пыталась вспомнить, о чем они толковали, но слова исчезли в колодце памяти. С тех пор потеряла сон, ждала Илью, ждала, когда он позовет её замуж. И дождалась.

Около дома стоял конь с таранасом. Положили необходимые для жизни пожитки, остальное увезут позже. Дом остался снова сиротой. На завалинке сидела мать Василия и плакала:

– Иринушка, дочь моя, пришло время и нам расстаться. Умершие уходят, а для живых жизнь продолжается. Женщина должна рожать детей, воспитывать их. Бабья судьба такая... Я сразу тебя полюбила. Когда Василий привёл тебя в дом, благословила вас и сейчас худого слова не скажу. Лишь бы твой Илья был хорошим человеком. Не забывай нас...

Ирина обняла женщину, обещала частенько навещать.

В Ярмушке их ждали. Мать Ильи знакома Ирине. Она часто приезжает в Хумуш к сватам – Саваровым.

– Айдате, айдате, войдите! – суетилась она перед невесткой.

От такого внимания молодуха покраснела, чувствовала себя неуютно. Как это получилось?.. К ней свататься не приходили, деловой разговор о свадьбе не вели, с родителями будущего мужа не знакомили, взяли да и привели в дом. Как маленький ребёнок шла она за Ильей, во всем подчинялась. Потеряла в этот миг женскую волю. «Куда иголка, туда и нитка», – говорили в старину.

От разных мыслей голова кружилась, то ли радоваться, то ли плакать – ничего не понимает. Так и стала Ирина жителем деревни Ярмушка.

Дома у Алексеевых тишь и благодать. Таюк давно хотела женить старшего сына. Скоро тридцать, а ходит бобылем. Не раз присматривала для Ильи девушку, но остерегалась породниться с деревенскими, все почти приходились им родней до седьмого колена. Отец Ильи Сергей Алексеев покинул этот мир перед окончанием войны. Весенним вечером пригласил к себе брата Георгия, поговорил и тихо уснул, теперь уж навечно.

Несколько дней назад Илья рассказал матери об Ирине, выложил сразу все её достоинства: и красоту, и трудолюбие. Сын так расхвалил её, что Таюк заужавала будущую невестку и быстро согласилась.

Новая родня встретила Ирину радушно. Иначе быть и не могло, она не пересекла им дорогу, дурного никому не желала. Все надеются, не порвет она сурпан*, не оставит половину мужу, вся жизнь пройдет в мире и согласии.

Ирине не верилось, что больше не надо прятать и скрывать от всех свою любовь к Илье. Теперь они муж и жена, скоро распишутся в сельсовете. «Будет первенец, его зарегистрируем, заодно и свои отношения закрепим печатью», – принародно объявил Илья.

На следующий день деревня загудела. Некоторые пытались злорадствовать, но Таюк их поставила на место:

– Не стоит обижать молодую, Ирина этого не заслужила – чистая её душа, и на военном заводе трудилась, и в колхозе она впереди всех.

– Поживём, увидим! – отвечали бабы.

Для мужиков это событие было очередным праздником. Такое они не могли упустить, выудили у Ильи несколько «бомб» красного сельповского вина. Пили, закусывали и хвалили жениха.

А в родной деревне Хумуш Ирину ждали подруги и председатель колхоза. Вера, Феня и Таня не сразу отпустили подругу в Ярмушку, пришлось сбежать в магазин. Шутя, Денисов обвинил её в предательстве, но поздравить не забыл. Потом подошли

---

*С у р п а н – длинная женская головная повязка.

родители Василия. Порыдали, но в глазах стояла просьба: «Не бросай нас. похорони по православному обряду».

– Куда я брошу вас, мои родные... – ответила Ирина, не пряча от них счастливых глаз.

4

После войны приняли решение о защите полей от суховея. Колхозы «Броневик» и имени Папанина совместными силами на песчаных почвах около реки Цивиль посадили хвойную лесополосу. Из-за посадки идет сыр-бор. нет-нет да хмушцы выдвигают свою претензию по завладению рощей и пытаются закрепить права.

Услабинцы вроде соглашались, но сами время от времени пишут в разные органы депеш с целью овладеть полями у реки Цивиль. Их помирить может только объединение двух хозяйств.

Триста лет существовало Второе Нуросское общество, триста лет хозяйственные и бытовые вопросы народ решал сообща на сходе. В начале тридцатых в жизнь крестьян вгорлись власти и разъединили деревни Услаба, Кивьял и Хумуш. Начался дележ кусочка земли, разбирательства различных доносов, появилась тайная зависть.

При строительстве колхозов хмушцы размежевались от услабинцев и кивьяльцев, так и соревнуются между собой. То один выходит победителем – получает неплохой урожай, то второму за успехи в животноводстве вручают переходящее Красное знамя. Земли у обоих одинаковые – песчаные, супесчаные, которые требуют быстрого проведения посевных работ, ежегодного внесения различных удобрений в виде навоза и торфа.

В последнее время колхоз «Броневик» считается передовым хозяйством. не раз награждался переходящим Красным знаменем. участвовал во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. где ему вручили радиоустановку. дипломы и медали. Колхоз имени Папанина не отставал от соседа. За короткое время купил газогенераторную грузовую автомашину ЗИС-13 грузоподъемностью три тонны, два новеньких трактора ХТЗ. По итогам года за каждый трудодень дояркам и механизаторам решением правления оплатили по семь рублей, простым колхозникам по четыре рубля наличными деньгами.

Это сыграло немаловажную роль в объединении двух колхозов. Нет необходимости уговаривать людей. Они и так живут вместе. Партийная, комсомольская организации, сельсовет едины, семилетняя школа принимает до двухсот детей из трёх деревень, молодёжь в услабинском клубе вместе ставит спектакли, готовит к праздникам концерты. Библиотека, фельдшерский пункт, два магазина обслуживают жителей трех деревень. Везде и всюду вместе, только колхозы отдельно.

Крестьяне не раз поднимали вопрос об объединении, но разве послушают начальники простых колхозников. Всякие уставы о самостоятельности хозяйства только на бумаге красиво выглядят. Наконец пришла пора сплотиться, сообща поднимать единое коллективное хозяйство. Этот вопрос решился на государственном масштабе, сверху спустили постановление – объединить разрозненные мелкие колхозы и создать крепкие хозяйства.

В Уставе колхоза написано, что высшим органом является собрание членов данного хозяйства, то есть, народ главенствует на сходе. Но районное начальство никогда это дело на самотек не пускает, зорко следит за повесткой дня, регулирует выступающих. Более громкоголосых останавливают, заранее определяют численность, состав членов правления. Колхозникам остается только проголосовать. Так положено, иначе райисполком не утвердит решение, заставит вновь провести перевыборы. Причины найдутся, мало ли какую формальную оплошность заметят во время собрания.

Люди начали собираться на сход заранее. До начала принялись обсуждать мирские дела. Первым на собрание пришел Егор Семёнов, старший конюх колхоза, и стал будоражить народ:

– Чего не хватает, нечего расширять хозяйство. Двадцать лет тянули колхоз без хумушцев и дальше проскрипим.

– Именно тянули, а никак не можете вытянуть, – встрял в разговор сидящий впереди Мирон Ефимов.

Что тут началось! Клуб затрясся от крика сторонников и противников объединения двух хозяйств.

Председательствующий Федот Саваров еле успокоил людей и объявил об открытии собрания.

Более четырех часов идет обсуждение крестьянами трех деревень вопроса по объединению колхозов «Броневик» и имени Папанина. Нет однозначного единодушия. Как всегда, на

собрании присутствовал представитель власти, рядом с Иваном Александровым и Василием Денисовым сидел возмужавший за эти годы заместитель председателя Калининского райисполкома Андрей Иванович Чертов.

Колхозники выступали жестко, по-деловому, у многих накопившаяся желчь вылезла наружу. Ругали председателей хозяйств за нежелание понимать тружеников. Сами ведь выходцы из этих деревень. Поработали несколько лет руководителями хозяйств, перед своими носами не замечают отчаяния колхозников, будто люди ломовые лошади, могут работать и жить без оплаты труда.

Основным противником объединения стал председатель колхоза «Броневик» Иван Александров. Он старался вовсю. Толстоватый, с седой шевелюрой, пытался довести точку зрения некоторых членов правления. Но колхозники не сдавались, они подготовились заранее, раз за разом отметали слова председателя точными и сформулированными доводами за объединение хозяйств.

– Ещё раз скажу: такое объединение преждевременно, – настойчиво нажимал Александров. – Колхоз «Броневик» ходит в передовиках в районе, после безумно принятого решения скатимся до уровня папанинцев.

– Да брось ты! – не выдержал Денисов. – Давно ли перестали бегать к нам за молотилкой, на коленях просили помочь! Немного отдышались и хвост распушили!

– Колхоз начал выпускать кирпич. – не обращая внимания ни на что, продолжал Александров. – Организовали строительство молочно-товарной фермы на Красном Яру, установили собственный радиоузел. Сейчас работаем над вопросом использования электрического тока на производстве.

– Старая мельница считается хумушской, районные власти просили её передать вам для строительства совместной гидроэлектростанции! – рассердился Денисов. – Вы бессовестно обманули, в районе мельницу зарегистрировали как собственную! Мы вынуждены посчитать сосновую рощу своей, земли там не общие, а папанинские.

– Хватит устраивать цирк! – остановил их Чертов. – Бойтесь, что потеряете должности?

Несмотря на жесткую реплику заместителя председателя райисполкома и колючие возражения колхозников, Александров продолжил свою песню:

– Куда торопитесь? Дайте нам два-три года, крепко встанем на ноги, тогда можно вести разговор. Наше предложение: подождать с объединением...

Народ вновь загудел. На ноги вскочил недавно вернувшийся из армии фронтовик Иван Казаков.

– Наш председатель безосновательно ругает соседей! Несмотря на трудности, они на трудодень раздали по три килограмма зерновых и полкило меда, там люди впервые получили живые деньги. Наше правление под твоим руководством вновь оставило колхозников без куска хлеба. Тебе почет и уважение, сидишь в президиуме на районных совещаниях, красуешься как петух, перекидываешься репликами с районным начальством. Не понимаю, почему молчат колхозники, не требуют заработанного?

– А чего должны требовать? – не сдавался Александров.

– Хлеба на столе!

– Я один виноват во всем?

– Издеваешься над людьми! Посмотри! На Нуросском и Юндабинском базарах твои колхозники торгуют – последнее яйца туда несут.

– Я издеваюсь?

– Ещё как... Кидаешься на людей, всех стращаешь: «Не выполните минимум трудодней, огород отрежу! Лошадь на нужды хозяйств не выпишу!». Как им жить!?

– Правильно говорит! – загудели жители деревень Услаба и Кивьял.

– Почему папанинцы молчат? – спросил Иван Казаков. – Не хотят с нами объединиться?

– Мы уже давно обсудили этот вопрос со всех сторон и всенародно решили создать совместный колхоз, – за всех ответил Денисов. – Надо сообща обрабатывать земли, вместе хлебать кашу из одного котла...

В колхозе ни одно собрание не проходит тихо-мирно. Найдётся пара штатных крикунов, наступят друг другу на горло и дышать не дадут. Гудит собрание, за кого народ подаст свой голос, тот и ходит в победителях, а побежденный ждёт следующего собрания, когда можно поквитаться. Так год от года.

Чем бы закончилось это собрание, предсказать было трудно, но тут к президиуму протиснулась исполняющая обязанности председателя райисполкома Стукова, единственная в республике

женщина – руководитель района, недавно занявшая это кресло. Среднего роста, с большими умными глазами, сухощавая, энергичная, любознательная женщина, бывший секретарь райкома партии, не знает покоя, часто ходит по деревням, учит уму-разуму нерадивых руководителей хозяйств. Она на ходу сняла плащ и попросила слово.

– Товарищи! – начала она своё выступление. – Пять лет прошло, как кончилась война. Советский народ живет мощным созидательным трудом.

В клубе стояла тишина.

– Партия решила сложные задачи восстановления и развития сельского хозяйства, – продолжила она. – Со стороны партийных, советских органов требуется изгнание из практики бюрократических, канцелярских методов руководства. А вы, товарищи Денисов и Александров, как коммунисты, давно должны были совместно разработать мероприятия, вынести их на суд тружеников колхозов. Они оказались умнее вас, разобрались, хотят улучшить работу хозяйств, увеличить благосостояние колхоза. По Уставу коллективного хозяйства, труженики сами решают, как им жить, с кем объединяться.

Люди заплодировали. Райисполком, в лице председателя, оказался на высоте, поддержал народ, дал зеленый свет объединению двух колхозов.

Теперь Иван Александрович молчал, будто забыл, о чем разговор. Нет, он помнит!.. В прошлом году на межрайонном совещании работников сельскохозяйственных предприятий и организаций выдал такую речь, от чего сам испугался. Выложил как на духу недостатки своего и соседнего хозяйств. Когда спросили: «Как ты видишь пути решения и искоренения недостатков?», немного подумав, ответил: «В объединении хозяйств...». Многие руководители колхозов тогда поддержали его, у них оказались те же проблемы – разрозненность мелких хозяйств, которые тормозят дальнейшее развитие производства. Денисов тогда на него сильно обиделся. «Если полез на трибуну, имей совесть, – прямо выложил он. – Про себя и своё хозяйство выкладывай, а топить нас не позволю!».

После того совещания председатель райисполкома пригласил Александрова в свой кабинет и долго отчитывал за самоуправство, за преждевременное выступление. Около окна сидела

и слушала их Стукова. Сейчас ту идею объединения выдаёт как решение райисполкома.

В конце своего выступления она жестко поддела Ивана Казакова.

– Тут Казаков эмоционально выступил. Не годится фронтовику разбрасываться словами. Колхозники должны выполнить минимум трудодней, который утвержден решением правления колхоза, а не гулять по базарам, занимаясь спекуляцией. Если они торгуют продукцией собственного огорода, значит, появились излишки.

Иван молчал, зачем лишние слова, люди торгуют из-за отсутствия денег. Кругом это все понимают, но молчат.

После взбучки бездельникам и спекулянтам, Марина Николаевна сразу поставила вопрос об объединении двух колхозов на голосование. Сотни рук поднялись над головами.

– Кого председателем? – торопились работники нового хозяйства.

– Саварова!

– Смирнова!

Многие ждали страстей при избрании председателя нового колхоза, но Федот, ссылаясь на инвалидность и слабое здоровье, взял самоотвод. Саваров слукавил, душа его в кузнице, у тысяч искорок и шипящего металла.

Председателем стал Владимир Смирнов. Услабинцы торжествовали, Федота Саварова они недолюбливали.

– Боятся они Саварова! – крикнул молодой Михаил Керзак, услышав хвастовство услабинцев.

– За какие грехи?

– Больно уж ненасытный до работы! Спекулянтам и лоботрясам житья не будет!

Прав Михаил. До войны Федот Саваров держал свой колхоз в ежовых рукавицах. Люди работали до изнеможения, но и по трудодням получали намного больше, чем соседний колхоз «Броневик».

– Где будет правление? – спокойно спросил Саваров.

– В Услабе, там здание более сносное, рядом клуб и фельдшерский пункт, почта – людям удобнее.

– Механические мастерские у папанинцев лучше.

– Кто спорит! – ответил Смирнов. – Так и решим, объединим

технику в одном месте. И амбары в хумушах добротнее. расширим. рядом построим новые.

— Животных куда? — поинтересовались доярки.

— Красный Яр примет до двухсот голов коров и телят. до трёхсот свиней. Птицеферму оставим в роще Ушах.

— Ещё один вопрос имеется, — поднялся Саваров. — Я насчет гидроэлектростанции. Может. протянем столбы до мехпарка, токарный станок поставим?

— Дело ясное. но ГЭС ещё не построена. Не лучше ли в Хумушах установить дизельную электростанцию, — ответил Чертов.

Народ заплодировал. Видано ли, не успели объединиться. уже об электричестве заговорили.

Женщины беспокоились и за домашний скот. Они не раз пытались с Александровым и Денисовым завести разговор о стадных местах. но председатели от этого вопроса отмахивались.

— Сколько можно об одном и том же лясы точить, снимать шкуру с не убитого медведя! — попросила слово председатель сельсовета Люба Полякова. — Скажи. новый начальник. в трёх деревнях около двухсот коров и два раза больше овец, а где мы их будем пасти?

Смирнов ждал этого вопроса, не хотел начинать свою работу со скандала. Что поделаешь, придется отвечать.

— Луга Пикшик сенокосные, около Лачака — заливные, там клевер хорошо растет. Куда ни кинь. остается одно место — вдоль реки Цивиль.

— Для шести стад это маловато!

Народ зашумел. Что получается? Коров по утрам гонять за пять верст на Цивиль. там травы — только червячка заморить.

— Раньше коров выводили на Мертвый Хирлеп. — напала Анна Игнатьева. — Там после половодья разнотравье поднимается густо.

— Это колхозный луг, — отрезал Смирнов.

— Больше трёхсот лет выводили туда частные стада. для всех хватало! — поддержал Анну Кураков.

— Анисим. не ты ли отобрал этот участок у частников? — строго посмотрел на него Смирнов. — Теперь он позволяет нам безбедно жить. Два раза за лето успеваем скосить. получаем до пятисот центнеров первосортного сена.

— Овечек. коров держать у чувашей в крови. — поддержала народ Люба Полякова. — Тех, у кого дома не мычит животинушка.

по сей день называют бедняками и лентяями. Как жить без молока и туроха*? Со скотом тяжело – это понятно. Есть трудности в обеспечении кормами. Но и польза большая: деткам молоко, а в хозяйстве масло, уйран, творог и чокот*.

– А вот у меня корова попалась яловая. – признался Метри-Блоха. – Три раза водили к быку, пятнадцать рублей оставили в колхозной кассе, толку нет. Это ведь пять бутылок беленького!

– Тебе бы только думать о молоке от бешеной коровы, – не выдержала Полякова. – Ни один вопрос без хохота не можете решить! Вы хоть представляете, что на Цивиле коров не удержать. Нет травы, вся пожухла и затоптана животными.

– А на Журавлином болоте? – поинтересовался Метри.

– В прошлом году там утонули две колхозные коровы. – объяснил завфермой. – Сунулись на торфяную топь и не смогли вылезти.

Колхозники не думали сдаваться, продолжали напирать на председателя.

– Подумаем о быстрорастущих луговых травах, тогда вернем луг на Хирлепе.

– Когда это произойдет? – обеспокоилась Полякова.

– Пока не могу сказать. – признался председатель. – Сколько травы вокруг растет, я всю даже по названию не знаю. Припоминаю вьюнка, клевер, пырей, подорожник – больше и не помню. Разве кто-нибудь из вас разбирается в особенностях этих трав?

– Поэтому люди для своих коров пытаются ежедневно добыть что-нибудь. У всех на телегах душистое сено. Раз колхоз и сельсовет не помогают, вот люди и крутятся. Всем молока хочется – старикам и малышам.

– На первом же заседании правления рассмотрим и доложим народу, – пообещал председатель.

– Ещё вопрос, – не успокаивалась Люба. – В деревне без лошадки никуда. За мукой отправляться – телега нужна, из леса хворосту притащить – без лошади не обойдешься. Как используется колхозная тяга? Всё решается в частном порядке: если ты сват

---

*Т у р о х – варенец.

* Ч о к о т – сырок.

или брат бригадиру, лошадка сама придет к тебе. Если ты простой колхозник, иди договаривайся с конюхом в частном порядке, тащи ему бутылку. Необходимо прекратить такие порядки, принять жесткое решение.

– Пожалуй, Полякова права! – добавил Саваров. – Каждому колхознику вручить по десять талонов на год. Пусть, как нужно, использует.

– Правильно! – одобрительно зашумел народ.

– У меня имеется важное сообщение, – повернулся к народу представитель района Чертов. – Нам необходимо разобраться с названием нового объединенного колхоза. Если оставить одно из старых названий, получается ущемление прав других. Посоветовавшись, выносим на рассмотрение общего собрания колхозников название – имени Никиты Сергеевича Хрущева.

Народ давно привык к Чертову. Раз он предлагает, то это, наверное, правильное решение. Нечего спорить, стоит проголосовать.

После собрания председатель Смирнов выступил с короткой речью. Перед народом торжественно обещал построить новую пекарню, восстановить выпечку хлеба и кренделей.

Саваров вновь в своей кузнице. Взял к себе в помощники сына Павла Куракова Рюрика. Смышленный крепыш, молотком играет как на гармошке, выводит такие мелодии, на месте не устоишь.

Слухи о новоиспеченном колхозе быстро поползли по району.

5

Нет, не расстался Егор Семенов с золотишком, тщательно захоронил – никто никогда не отыщет. Поторопился жить богато, погорел из-за своего двухэтажного дома. Малина тоже с головой не дружит, от сытной жизни свихнулась, при народе о богатстве начала чесать языком. «Чего только ей не хватало? – подумал Егор. – Жаль, не успел расквитаться с Чурпановым, тот вовремя уехал из деревни, сейчас проживает в Чулхуле»*.

---

*Ч у л х у л а – «Каменный город», г. Горький, ныне Нижний Новгород.

В молодости, когда руководил колхозом, постарался он на славу, восьмая часть деревни угодила под репрессии, многие так и сгнули в Сибири. Но не всё рассчитал, жадность погубила, сам угодил в тот же капкан, отправился валить лес. Он никогда не ходил за плугом, не держал в руках серп, не косил траву, даже в лагере пристроился руководить бригадой. Вернулся домой, пришлось перед односельчанами покаяться. Его пожалели, приняли в колхоз, как-никак человек пять лет оттрубил в исправительно-трудовом лагере, пусть немного духом окрепнет – назначили сторожем на колхозное огуречное поле. Туда люди даже приближаться остерегались. По ночам Егор приходил домой с мешком стандартных огурцов, хватало и свинье на корм. Лето прошло, правление колхоза назначило его приемщиком молока на ферме. Дояркам пришлось худо, они уходили домой с пустыми руками, каждую Егор обыскивал. Кое-кого по докладной Семенова правление колхоза наказало, разом прекратилось всякое разбазаривание общественного добра.

– Коту масленица, а дояркам кукиш! – шептались женщины.

Председатель колхоза Александров был человеком лояльным, по чистоте своей души выписывал многодетным вдовам по литру молока, заодно и его жена приходила на ферму, уносила крынку. Егор взялся и за них, прекратил отпуск молока, а жену председателя вообще выгнал с фермы.

– Ты что самовольничаешь? – пытался вразумить приемщика председатель.

– Кто вам позволил отпускать общественное молоко? – накинулся на него Егор. – Из года в год не выполняется план сдачи государству мясо-молочной продукции, а ты его транжиришь.

От такой наглости у председателя челюсть отвисла. Слова перешли в крик, мужики пошли врукопашную. Рядом оказались колхозники, растащили их, а Семёнова сняли с работы. Но его голыми руками не возьмёшь, сам пришел к председателю, в обмен за молчание о мордобое, выторговал свободное место конюха.

Паховая грыжа не давала ему покоя, да и лагерная чахотка привязалась, как раз перед войной болезнь обострилась, отправляли лечиться за Волгу. Вернулся домой поздно осенью, когда война была в самом разгаре. В начале 42-го добровольцем записался на фронт. Воевал на совесть, за спины товарищей не прятался.

вернулся домой израненный, бодрый и с тремя медалями на груди. Теперь часто ходит к людям, любит их поучать и вести деловой разговор. Он теперь конюх, вновь привыкает к терпкому запаху конского пота, одно название должности греет душу.

Ежедневно до восхода солнца топает на конюшню. На плечи накидывает старый сохман, начинает чистить стойла. Покормив животных, выводит их на водопой. Чертыхается, приходится поднимать из колодца сорок ведёр воды. Зато вся деревня идет к нему с поклоном, приносят бумажки с подписью председателя, но здесь хозяин он – Егор Семенов. Некоторые быстро его натуру раскусили – без подношения к нему не подходят.

Конюх никому не позволяет портить колхозных лошадей. Вечером, после трудового дня, когда бабы и мальчишки ставят телеги на крытую стоянку, лично проверяет, нет ли ран на спинах и шеях лошадей. При этом обязательно ворчит, будто нашел потертость. Возчики торопятся быстрее покинуть это окаянное место.

Старые обиды на односельчан не дают покоя. От мучительных мыслей становится жалко себя до изнеможения, до скупых мужских слёз. Тогда он не может уснуть – кричит, стонет, с боку на бок переворачивается.

Раньше запрягал самого резвого жеребца. высокая дуга доставала до нижних веток деревьев. Тарантас с рессорами мягко качался на ухабистой дороге, когда он, поддергивая вожжи, наслаждался быстрой ездой. Теперь это всё в прошлом.

Своих детей не имеет. Может, Всевышний в милости отказал. Люба не смогла родить ему сына. На нет и суда нет!

Только вот одна беда: своего дома не имеет, тетушка Лукерья, хозяйка избы, смотрит на Егора и Любу осуждающим взглядом, часто с укором шипит:

– Если скотина не приносит приплода, она годится только на мясо. Не для себя пчела мёд таскает. Сын Любы, бедный сирота, погиб на войне. Живёте без роду, без племени.

– Заткнись! – отвечал Егор.

В былые времена вредную тетушку он даже к воротам не подпускал. Сейчас приходится терпеть, ведь живёт в её доме. После ареста и раскулачивания Люба остатки вещей перенесла в дом отца. Недолго прожила там, кто-то ночью красного петуха пустил, еле успела выскочить из горящей избы. Макар Кириллов пожалел сестру, на время приютил у себя. Когда Егор вернулся из

лагеря, семья оказалась в доме тетушки Лукерьи. Она жила одна, поэтому с большим удовольствием пустила племянника с женой. Не заметила, как Егор стал хозяином в доме. Разделил большой зал избы перегородкой.

Лукерья – высокая худая баба, с неровным, вспльчивым характером. Говорит всегда возбужденно, смеётся громко, будто запустили трактор. Никто не видел её молчаливой и малоречивой. Два раза была замужем. Первого сама выгнала, второму не давала воли, «не распустила», – как она всем твердила. Для мужа было установлено довольно много запретов: «После работы с мужиками не задерживаться, без неё никуда в гости не ходить, никого в дом не приглашать – лишние заботы и расходы». Жаловался мужик Егору, что жизнь стала невыносимой. Началась война, муж Лукерьи домой не вернулся – погиб под Ржевом. Третьего не нашла, никто не захотел осчастливить одинокую женщину.

Теперь Лукерья другая, может, старость приближается. От нервной жизни она заболела, стала немощной, плаксивой, жаловалась на головные боли. Егор недолго слушал женские стоны, отвез её в Шихазанскую психиатрическую больницу, забрал оттуда только перед выгоном скота на пастбища. Немного окрепшая, тетка пыталась взять власть в свои руки, но обожглась. Егор жестко заявил:

– Больше тебя никто кормить не будет!.. Захочешь пожевать, зарабатывай, ходи за гусями!

– Егорушка! Ты же мне племянник, в моём доме живёшь!

– Была хата твоей – стала моей! – оборвал он тетушку.

Малина попыталась защитить бедную женщину, но безуспешно. Егор поднял руку на жену. Но и Малина в долгу не осталась. В горячке выхватила ухват и наотмашь, со всей силой саданула мужа по голове. Егор охнул, присел от боли, а Люба хрипло заорала:

– Ещё раз попытаешься, убью! Не задумываясь, отправлю к праотцам!

Удивленная Лукерья дрожа стояла у печки, не торопилась помочь раненному племяннику. Егор никогда не видел жену с такими зверскими глазами. Подумал: «Сучка проклятая! Отправит на тот свет и без слёз похоронит...».

– Помоги перевязать голову... – попросил Егор, вытирая рукой кровь.

Баба только тут очухалась, без слов обработала рану на голове мужа и приложила чистую ткань. С тех пор Егор и Лукерья перестали терроризировать Малину. В доме воцарилась тишь да благодать. Он продолжает работать на конюшне, Люба – поваром в Калининском интернате, а Лукерья без лишних слов согласилась ходить за домашними птицами.

Гусак оказался неуправляемым, как только стая из семнадцати гусей строем доковыляет до реки Хирлеп, вожак кидается на воду и не торопится вернуться назад. За ним следуют другие. Стайка поднимается на другой берег и жадно нападает на колхозное поле.

– Зина, милая, пригони моих гусей на этот берег! – просит Лукерья соседскую девочку.

– Я не умею плавать, – отказывается она.

Тогда за дело берутся мальчишки. за что получают угощенье – домашние пряники.

После обеда Лукерья отдыхает, по оврагу подходит к овсяному полю. берёт несколько снопов, рассыпает их, гуси с удовольствием дергают колосья. наевшись, тихо садятся на отдых. Вместе с ними засыпает и Лукерья.

Гусак хитёр. Как только хозяйка закроет глаза, быстро уходит стаю, причём на середину поля, где их сразу не обнаружить. Наконец развязка наступила, колхозный сторож Карпухха застучал гусей. От гогота птиц проснулась Лукерья и кинулась на обходчика полей с кнутом.

Днём сторож зашел к Егору.

– Чего прискочил? – недовольно встретил его Семенов.

– Приструни свою тетку, – сказал Карпухха. – Гусей на колхозное поле запускает, на меня с кнутом кинулась, еле увернулся.

– Ты осенью своих овец на озимых держал. Столько всходов попортил, а сумел отвертеться.

– Но это было после сильных заморозков...

– Какая разница, добро-то колхозное.

Мужики толком не договорились, но вечером, за домашним ужином состоялся нелицеприятный разговор тетки с племянником. Крики были слышны на улице.

Егор – скрытный человек. Никогда, никому не откроет свою душу. Не раз попадал в тяжелый переплет, но всегда выходил сухоньким. Много людей в жизни из-за него пострадали! Немало женских и мужских слез лилось по милости Егора Семенова.

Лежит на топчане в небольшом теплом помещении и слушает, как, стгорая, трещат сухие дрова в печке. Ведь эта шорня построена из бревен его двухэтажного дома. В шорне тихо. Только сверчок за печкой выводит свою мелодию, значит, зиме конец, приближается весна.

– Вот тварь, перезимовал! – сердито плюнул он, для остротки кинув полено в сторону печки. – Знай, сверчок, свой шесток.

После грохота на время наступила тишина, но скоро стрекозующие звуки появились вновь. Егор обрадовался. Старики говорят: «Если сверчок покинет дом, то в семью скоро придет смерть. Пусть живет...».

Только закемарил, на крыльце раздался топот. Кто-то упорно стучал по углу шорни, чистил свои лапти, монотонно хлопал рукавицами.

– Кого там черт несёт? – сердито крикнул Егор. – Полегче, избушка рухнет!

Открылась дверь, показался Евсей Блинов.

– Мать надо отвезти в больницу, совсем захворала, – заявил он.

– Бумагу от председателя принес?

– Ну... он в районе.

– Не успел запрячь, уже нукаешь, – недовольно выразился Егор. – Рядом масар,* отвези и свали старуху. Баба с возу – кобыле легче.

Бойтся Евсей перечить этому человеку. Егор всю жизнь пользуется его бесхарактерностью. Во времена раскулачивания таскал за собой, вместе описывали хозяйства, инвентарь и вещи тех, кого отправляли за пределы края. Тогда между ними пробежала черная кошка. Евсей заметил, как председатель утаивает дорогие вещи бывших односельчан. Раз за разом наглед, однажды Евсей не выдержал:

---

*М а с а р – мазар, кладбище.

– Не все вещи описали, в сундуке лежат дорогие женские сарафаны и мужские русские шаровары!

Егор строго ответил:

– Закрой рот, зубы поломаю!

Евсей сразу прикусил язык.

Однажды осенью они вдвоем возвращались из Нуроса. На полпути встретился кивяльский единоличник Вазюк Осипов. Сухой, подтянутый, независимый мужик остановился около них и поклонился до пояса.

– Видал, каков черт, ещё издевается! – занервничал Семенов. – Загордился боров, будто в барский двор зачесался.

– Куда ты, на ночь глядя? – удивленно спросил Евсей.

– Какое вам дело? – ответил Вазюк. – Я по ночам не ищу, как шакал, человеческого мяса...

– Чего-о-о?.. – заорал Семенов.

Он выпрыгнул из тарантаса, схватил мужика за грудки. Началась потасовка. Евсей не знал, что предпринять. В темноте увидел, как Вазюк хрипя, садится на колени и падает на недавно вспаханную землю.

– Что с ним? – заволновался Евсей.

– Не знаю, может сердце не выдержало, – шептал Егор от испуга. – Быстрее отсюда, нас могут обвинить в его смерти.

В темноте не заметил тогда Евсей, что крепкие руки Семенова сразу схватили Вазюка за горло и не отпустили до тех пор, пока тот не перестал сопротивляться. На следующий день понаехали милиционеры, расположились в правлении колхоза, долго шерстили, всех на ноги поставили, но никого не нашли. Убийца растворился в темноте ночи. Никто не мог предположить, что это сотворил сам председатель колхоза. Нет виновного – нет суда. Догадался Евсей о причине смерти Вазюка Осипова и затрясся. Испугался, потому что Семенов его предупредил: если раскроет рот, то его ждет такая же участь, а семья живьем сгорит в собственной хате.

Бывший председатель колхоза всегда считал Евсея слегка придурковатым мужиком. Вот и теперь разрешил ему запрячь Сигнала, самого тихого и нудного коня. Сколько его не колоти, будет тащиться до Нуросской больницы только шагом, будто его с хвоста запрягли. Этот конь корма не стоит.

– Чем ещё недоволен? – ехидно спросил Семенов. – Других лошадей у меня нет, все в хозяйстве.

Евсей знает, в отдельном стойле находится самый быстрый конь колхоза

– А Орлик? – спросил он.

– Аха!.. У тебя губа не дура!

Евсей струсил, не захотел связываться, запряг Сигнала и удалился с колхозного двора. Егор вошел в свою коморку, закрыл дверь и растянулся на топчане.

«Как он похож на моего покойного родителя, – рассуждал он. – Не из храброго десятка, размазня... Что поделаешь, из дуги оглоблю не сделаешь».

Отец Егора был неглупым, но запойным человеком. Ничем примечательным не отличался. Мужик как мужик! Когда держался после очередного запоя, трудился до седьмого пота. Потом что-то с ним случилось, как развернётся, целый месяц горлопанит песни. друзей собирает на пир. Господь милостивый!.. Как он пил!.. Гуляй, душа нараспашку!.. После очередного застолья друзья лежали возле него, а он продолжал один... Отрубался за столом, а утром поднимал голову, и пьянка продолжалась. Во сне мычал как трёхгодовалый бык... Как только сердце выдерживало?

Однажды продал последнюю корову и устроил такую гулянку, вся деревня прибежала на халяву. Мать голосила от безумия отца, но ничего сделать не смогла. Опускалась перед ним на колени и умоляла: «Симун, родненький, перестань смешить народ! Ради Христа прошу, не губи нас, не пусти по миру!». Он её не слышал, мокрыми губами целовал голову матери и мычал: «Отойди, женщина! Без тебя разберёмся!». Мать на помощь позвала сына: «Егорушка, поговори с папашей, может, тебя послушает». Но все попытки были тщетными, в ответ отец затягивал очередную песню: «Ох ты, ох ты! Сколько горя и нужды!».

В деревне отца любили не только те, кто во время попок находился рядом с ним, для односельчан он был не пустым человеком. После запоя несколько дней ходил по дому чернее тучи, потом целый месяц в рот не брал. Помогал односельчанам, никому не отказывал, но от дурной привычки так и не смог избавиться. Умер в пьяном угаре. Лег и не проснулся. Егор не очень-то страдал по кончине родителя, не устраивал пышные похороны.

После этого он объявил матери: «В жизни ни капли в рот не возьму». Так и получилось: по нынешнее время на зелененькую смотрит без всякой охоты.

Однажды к нему подошёл Захар Узяков и однозначно потребовал вернуть золотые вещи бабушки. Семенов взбесился, скрипя зубами, ответил:

– Они переданы в пользу советской власти.

– Вряд ли! Покажи акт приемки хозяйства и вещей!

– Удивительный ты человек, Узяк. Опять захотел валить лес в тайге?

– Тогда уж вместе с тобой, там и разберемся.

– Угрожаешь?..

– Нет! Предупреждаю!

Разговор не получился, пробная удочка Захара не сработала. Но Узяков окончательно убедился, что золотые вещи раскулаченных находятся у бывшего председателя.

Егор давно схоронил золотишко в старом высохшем колодце в роще Ушах. Для этого притащил небольшую дубовую кадучку, положил туда мешочек с ценностями, опустил вниз, сверху заложил досками и завалил разной трухой. А сам колодец закрыл листом железа, навалил туда дубовые чурки и прикрыл землей. Люди давно забыли об этом колодце, никто, кроме Егора, его не найдет.

Со временем Семенов стал беспокоиться. Прошло достаточно много лет – железо могло заржаветь, дубовые доски сгнить, колодец обвалиться.

Не выдержал, добрался до своего клада. Безошибочно определил место, убрал землю и деревянные чурки. Они действительно сгнили, пришлось подальше оттащить и выбросить. С внутренней дрожью он отодвинул железный лист, привязал длинную веревку за березу и спустился вниз. Лампа «летучая мышь» горела тускло, но свет давал уверенности. Быстро добрался до просмоленного холста, развернул и перед собой вновь увидел со временем потускневшие золотые монеты и женские украшения. Переложил их в льняную сумку, стал карабкаться вверх.

В руках нет прежней силы, приходится искать опору для ног. Упираясь на старые брёвна, он медленно, но уверенно поднимался вверх. Старый сруб при каждом шаге осыпался как труха. По свежему воздуху Семёнов чувствовал, что край колодца приближается.

Вдруг нога оступилась, тело отбросило назад. От резкого рывка веревка оборвалась. Егор полетел вниз, несколько раз ударился о стенки, разрушая остатки гнилого сруба. Упал головой

вниз, потерял сознание. На него посыпался песок, колодец разрушился, накрыв его почти двухметровой толщей земли. Семенов не успел ни крикнуть, ни позвать людей на помощь, да и вряд ли в такое позднее время вдали от деревни кто-то его услышал бы.

Кругом тишина. Только лесные насекомые безустанно стрекотали где-то в траве.

6

Захар сидит на скамейке и плетет лапти. Не успел затянуть последнюю петлю, как в сенях загромыхало, кто-то затопал, громко попросил разрешения войти, и дверь сразу же открылась. Это был Владимир Смирнов, он давно не заходил к Узяковым.

– Труд на пользу! – громко объявил о себе председатель. растегивая пуговицы овчинного полушубка.

– Спасибо, – ответил Захар, изучая его. – Как-то, не ждали...

– Дела серьёзные...

– Дел, дорогой мой, и после смерти на трое суток останется.

– Это так, но живым надо думать о жизни, хочу с тобой поговорить.

Захар удивился.

– Человек предполагает, а Бог располагает...

– Не сердись! Прошу помочь в одном важном деле!

– Что там ещё содеялось?

– Стряслось, как ещё стряслось!.. Задумали запустить на реке Хирлеп гидроэлектростанцию. Но в этом мало кто понимает.

– В электричестве я тоже не очень, – признался Захар. – Был конь, да изъездился.

– Но наездник-то из седла не выбился!.. Ты с отцом у купца Рукавишникова водяную мельницу ремонтировал. Я сам видел, как вы за шлюзом устанавливали двухметровое водоналивное колесо с перегородками.

Разгоряченный председатель скинул шубу, устроился рядом с Захаром.

– Я в этом ничего не соображаю, – продолжил разговор Смирнов. – Выучил два слова – турбина и генератор. Мне поздно ликбез проходить, но понимаю, что вода своим напором,

вращая колесо, через генератор превращает одну энергию в другую – электрическую. В деревне в электричестве разбирается только Спиридон Кириллов.

– Год потребуется, – ответил Захар, гордый тем, что сам председатель колхоза зашёл посоветоваться с ним. Не в правление пригласил, а лично пришел. Значит, дело значимое...

На какое-то время в избе воцарилась тишина. Каждый думал о своём, а Аниса от услышанного оторопела. Первым заговорил Захар:

– Дамбы нет, машинный зал разрушен. железки разграблены.

– Шлюз-то стоит!..

– Над ним придется кумекать не одну неделю, но восстановить можно, – ответил Захар.

– Откуда такая уверенность? – удивленно спросил председатель.

– За ключевой водой ходил, поинтересовался бывшим хозяйством купца. Вспомнил детство, захотелось мельницу осмотреть.

– Восстановим!.. – засиял Смирнов. – За зиму успеем подготовиться, а после половодья за дело возьмемся. Плотину поднимем, для отвода лишней воды очистим старое русло Мертвого Хирлепа. заново построим машинный зал, установим трансформатор.

– Согласен. – ответил Захар. – Бригаду плотников на какое-то время придется снимать с механического парка.

– Эта бригада останется в мехмастерской, а ты подбери толковых мужиков из бывшего «Броневика», – обрадовался председатель.

Деловой разговор продолжился за кружкой теплого домашнего пива. Аниса успела подсуетиться, внимательно слушала беседу мужиков, но в разговор не встревала. Мужчины успели опорожнить пару кружек, это немного развязало их язык, далее без сучка и задоринки решили весь расклад строительства гидроэлектростанции колхоза имени Хрущева. Этот вопрос рассмотрят на расширенном заседании правления. составят план и примут к исполнению.

Смирнов восторженно рассказывал Захару, как проведут линии электропередач к правлению, к фермам, производственным мастерским. А если хватит мощностей, то и в домах колхозников появятся электрические лампочки в десятки раз светлее керосиновых.

Разговор перешел к делам деревенским. Вспомнили и Егора Семёнова. Пропал человек – был и нет. Как иголка в сене исчез, словно сквозь землю провалился.

Малина и тётка Лукерья ищут его – безрезультатно. Егор подкинул людям загадку. Куда пропал: может, убили и закопали, может, самовольно покинул этот мир, кто подтолкнул мужика на грешное дело? Некоторые сразу нашли виновных – бывшие кулаки и политические руку приложили.

– Не бойся собаки, которая лает, а бойся, которая молча кусает. – вздохнул Смирнов.

Не успели мужики договорить, в избу влетело четверо детей.

– Дети Машшук... внуки, – с улыбкой объявила Аниса и переключилась на детей. Стала их раздевать, убирать на печку валенки, детские фуфайки.

– Смена пришла. – добавил Захар не без гордости. – Растут как грибы.

* * *

Вторая бригада плотников полгода трудится на строительстве гидроэлектростанции. Подняли основное здание. Желоб готов, скоро Хирлеп запрудят, лишняя вода пойдет по новому сухому руслу. Сейчас земля на обрывистом берегу реки высохла. На глинистых местах растет трава, цветет мать-и-мачеха. За лето успеют запрудить воду. Сегодня плотники застилают деревянный канал. Захар изготавливал стол и стулья для механиков. Здесь же над электрической схемой колдовал Спиридон Кириллов, по прозвищу Сипритун. Настоящий великан, кареглазый, в меру горбоносый, надёжный семьянин, презирает табак и вино. В нем живёт детская душа, он всегда простодушно улыбается, отчего вокруг всем окружающим тепло и светло.

– Ты, Захар, валил лес, где полегче? – поинтересовался Спиридон.

– Где зарплату платят.

Спиридон накручивал болты на фундаментные штыри и продолжал вслух рассуждать:

– Некоторые живут на свете необдуманно, небо коптят, только и умеют, что трудности другим создавать.

– О чём ты?

– Семенова и Карасева вспомнил, жили и умерли неправильно. Однажды с Ананием столкнулся. Стал сквернословить, меня пережить, а сам натянул на шею верёвку, добровольно ушёл из жизни, значит, душа не выдержала. Мужики толкуют, из-за него пострадали многие политические.

Захару стало неловко, он вышел из помещения, сел около старой ветлы и на него нахлынули воспоминания. «Кто ответит за многие жизни так называемых кулаков?.. Был Егор Семёнов, куда сгинул, никому не ведомо. Может, прикололи, может, забрал золотишко и драпанул. Но теперь такие ценности не в ходу, быстро не продашь...». Недавно до него дошли слухи о смерти бывшего работника НКВД Виктора Майорова. Вернулся с войны весь израненный, валялся по больницам, мучился, перед смертью от боли корчился. Может, Всевышний наказал, уж очень издевался он над людьми, изверг.

Тревожные мысли щемили душу, не давали дышать. Хотелось вздохнуть полной грудью. А жить надо! Какая красота вокруг: Хирлеп журчит чистой водой, старые ветлы на берегу реки качаются от ветра, разноцветная трава, как волна, ходит по широкому лугу, птицы вокруг выводят песни. Скоро реку запрудят, она станет глубокой и широкой. Здесь заработает гидроэлектростанция: завертятся лопасти большого круга, вокруг станет светло как днем.

Любит болтать Спиридон, не успел Захар занести ногу через порог, он решил обсудить с ним очередной вопрос.

– Слышь, Захар? – взглянул он в его сторону.

– Внимательно слушаю.

– Аль ты новость не слыхал?

– О чем? Бабье радио до меня не доходит, за водой не хожу, у колодца не стою.

– Не знаешь, значит...

– Нет.

– Про Матю я говорю, про Порфирьеву. Люди болтают, по ночам она выходит на висячий мост, кувыркается там, превращается в огромную собаку.

– Какая чушь, – не понял Захар.

– В обыкновенную, домашнюю... – продолжил Спиридон. – Если кто-то припозднится в пути, то обязательно встретит её. Собака начинает вокруг путника кружиться, наконец, обязательно

укусит. Тогда этого человека не спасти, заболеет, умрет в страшных муках...

– Так уж умрёт?

– Не веришь?.. Почему Матя теперь хромает? Встретил её Мирон Ефимов на висячем мосту. Не успела собака укусить фин-агента, хотя кинулась со всей злостью. У Мирона с собой всегда палочка-выручалочка – его трость. Ну вот, как даст этой клюкой и повредил собаке ногу. Она на его глазах от боли превратилась обратно в Матю.

– Бабы сплетни на свинье не объедешь.

– Дослушай... – настаивал Спиридон. – Она лежит на мосту и зло шипит: «Твоя жена заболеет неизлечимой болезнью, скоро уйдет в мир родителей». Мирон, конечно, не поверил, перешагнул старушку и пошел дальше по своим делам.

Захар перестал строгать. Ему стало интересно. Спиридон, закручивая болты, продолжил:

– Не веришь?.. Теперь Матя без палки на улицу не выходит, хромает, ахает и охает. Жена Мирона действительно заболела, врачи говорят, недолго проживёт.

– Кто она такая. Матя – человек или Эсрель*?

– Неужто сомневаешься? – спросил Спиридон, видя недоверие в глазах Захара.

– Поди пойми...

– Чего тут неясного... В миру рядом с нами всегда находятся такие люди. Вот взять Синави из Хумуш. Все знают, что она в ночь полнолуния превращается в волка и питается кровью животных. Немало домашнего скота пропадает, мясо не тронут, а крови нет. Она с дьяволом дружит.

Не нравится Захару такая болтовня, что поделаешь – гуляют по свету всякие небылицы. К счастью, подошла Аниса, принесла обед. Вместе с ней прибежал внук Мигулай.

7

Во сне Василиса куда-то бежит. Не замечая распаханной земли, прыгая и спотыкаясь, стремится вперед. Ноги не слушаются.

---

*Эсрель – ангел смерти.

с маху упала, быстро вскочила, но, зацепившись за траву, вновь уткнулась в рыхлый чернозем. Встала, устремилась за матерью, не замечая вокруг себя ни людей, ни их крики. Слезы текли по её лицу, не голосит, не причитает, а тихо глотает соленые капли. Не выдержала, дала себе волю, зашлась слезами во весь голос. Сама с собой разговаривает, как умалишенная – стонет и кричит! Покойная мать стоит далеко на ослабинском косогоре, просит её не торопиться к ней.

Почувствовав страх перед темнотой. Василиса проснулась. Ритмичное тиканье настенных часов и слабый лунный свет в окне обострили чувство одиночества.

Ночной тишиной к человеку возвращаются те звуки, которые днём поглощаются шумом. Тревоги уйдут только с первыми лучами солнца. Василиса всю ночь мучилась, ждала мужа, от малейшего звука просыпалась. «Опять задерживается на работе. Вдруг завернул в Сявалкас?». Душа болит. В последнее время возвращается домой выпивший. Недавно его отравили суррогатной самогонкой. Думала, не встанет на ноги. Три дня подряд отпаивала холодным молоком, а обратно выходила черная жидкая масса. Она не понимала, что это такое, вызвала фельдшера. Та покрутила, повертела Курия и выдала своё заключение: «Отравился!». Василиса без неё знает, что муж выпил какую-то домашнюю гадость. Некоторые готовят самогон на продажу, в брагу добавляют всякие травы, что резко увеличивает крепость.

Дочь Уля не раз подходила к отцу и умоляла:

– Не пей больше пиво, только лимонад бери.

Кури вздыхал, в очередной раз обещал дочке исправиться:

– Клянусь, больше этого не будет.

Уля поцеловала отца в небритую щеку.

– Фу... колючий, от тебя вином воняет! – недовольно отпрянула она.

Отец своё обещание не выполнил. Недели две держался, вскоре в очередной раз сорвался, пришёл домой, еле волоча ноги.

С чего же это началось? Раньше не пил. В гостях брал в руки стакан пива, подолгу сидел за столом, беседовал с мужиками, но посуду не отпускал. Тогда Василиса недовольство высказывала:

– Люди от всей души преподнесли тебе пива. Ты ухватился за стакан, не отпускаешь и не пьешь. Ведь он по кругу идет.

– Да не хочу я пива, мне бы поговорить с людьми.

Жизнь Кури складывалась неплохо. Мать и отец – люди степенные, детей поднимали на ноги по всей строгости деревенских законов, бывало – физически наказывали. Кури окончил семь классов, везде и всюду был впереди: в учебе – голова работала, в труде – бог не обидел силой и сноровкой. Стал пионером, в комсомол приняли, приглашали на разные районные молодёжные мероприятия. Служил в Красной Армии, пришлось повоевать в Монголии, правительственную награду получил, но весь контуженный.

Мать поставила сына на ноги, хотела женить, но отец просил не торопиться, хотел его отправить учиться в город. Война перечеркнула все задумки. Вместо фронта попал служить в НКВД района.

Время шло. Женился, родились дочери Уля, Галя и сын Владик. Война закончилась, фронтовики вернулись домой. Пошла гулянка – разные праздники и торжества. Корова отелилась, свинью зарезали, ребёнок родился, убрали в поле хлеб, ещё десятка два других событий – везде и всюду отмечают застольем. Может, за минувшие тяжелые годы люди соскучились по праздникам. Родные и близкие частенько приглашали в гости. Отказываться неудобно – обидятся. У многих появилась непонятная страсть заставить опустошить стакан пива или самогонки насильно, помогая своими руками. При этом приговаривают: «Выпей до дна, пожелай родным добра и благополучия...». Куда денешься? После таких угощений некоторые хвастаются: «Вчера был в гостях у кума, уважил... ну и уважил, ох и уважил..., не помню, как добрался до дома».

Дурная привычка появилась у людей. Приходят к милиционеру, просят помочь составить документ в различные учреждения. Решая свои вопросы, не забывают угощать. Кури не может отказаться. Скоро после полочки в магазине сельпо сам стал прихватывать пару бутылок белого. Без них ему кажется мир совсем пустым.

Кури ездит по деревням, ловит спекулянтов, самогонщиков, наказывает драчунов. Приобрел товарищей, нашлись и недруги: одни угощают, другие – за глаза смеются. Не раз его привозили домой знакомые. Бывало, лошадь сама возвращалась домой, а хозяин крепко спал в тарантасе, Умное животное подходило к калитке и громким ржанием давало знать о себе.

Василиса осознала: муж пристрастился к зелью окончательно и бесповоротно.

– Выгонят с работы, – испуганно предупреждала она. – Кто-нибудь доложит начальству, беды не миновать.

Молчал Кури, но Василису в тот момент мало интересовали переживания мужа, она безжалостно повторяла:

– Прекрати пить... Подумай о детях. Сгоришь от этой водки.

В конце концов так и случилось: муж пришёл домой и сообщил, что его разжаловали – перевели в участковые.

* * *

Колхоз имени Никиты Хрущева с тремя деревнями, куда направили работать Кури Алексеева, находится всего в четырех верстах от районного центра Калинино. Эти деревни ничем не отличаются от других, тут живут простые крестьяне, так называемые колхозные трудящиеся, готовые в любое время прийти на помощь. Большие районные чины редко заглядывают в это хозяйство, ведь колхоз не считается передовым, но и отстающим его не назовёшь. Труженики тянут хозяйство на своих горбах, отдавая весь полученный урожай в закрома любимой родины.

Для Кури Алексеева это третье место работы. Начальство рассуждало по-своему:

– Засиделся, обзавелся кумовьями, отношения с соседями панибратские наладил, пора переводить на новый пункт.

Жаловаться не на кого. Раз перевели участковым, приходится подчиниться. На новом месте необходимо начинать всё заново. В первую очередь страдает семья, особенно дети, скучают по своим друзьям.

В деревне Хумуш устроились в доме Мирона Ефимова, сам пригласил, да и его жена Анастасия была не против. Василиса обрадовалась, рядом родные, семья родителей. Кури Алексеев называл тестя и тещу по имени-отчеству, хотя Василиса не просила называть их «атте, апай».

Кувалдиха, мачеха Василисы, души не чаяла в своем позднем ребёнке Михаиле, а внуков Федота игнорировала. Раз посидела с детьми Василисы в течение дня, а в конце выложила:

– Не следует детей ко мне сбывать. Не привыкла я нянчиться, не выношу криков.

Федот поддержал жену, ему тоже некогда присматривать за внуками.

– Няньку наймите, – предложил он дочери.

Василиса обиделась на стариков. Месяц не показывалась у родителей. Те, видать, тоже по ним не очень скучали, не давали о себе знать.

«Чертовы старики! – раздраженно думала она. – В деревне дети сами растут, за ними требуется только небольшой при-смотр».

Дети смышленные. Десятилетняя Уля давно отличает ромашку от василька, ухаживает за домашним скотом, кормит собаку, огород поливает, граблями сено собирает, зимой тропинку от снега к дому чистит. Этому никто её специально не учил, сама поняла. За ней Галя и Владик тянутся, всё твердят: «Сама... сам».

Но вот беда, по деревням гуляют тиф и трахома. Откуда они взялись? Во время войны никто не болел, а может, на недуги внимания не обращали.

Что тут началось! С района приезжают комиссия за комиссией. Чиновники, медики, работники милиции – все хотят решить одну задачу – ликвидировать эпидемию. Кури Алексева пригласил начальник МВД района и лично попросил оказать посильную помощь врачам, следить за выполнением карантинных мероприятий, не допускать паники, пресекать разные сплетни и слухи.

Кто тут будет митинговать? Кругом беда, почти в каждом доме больные.

Фельдшерский пункт располагается в доме Васильевых. Там заправляет молодая девушка. Алексеев зашел к ней после обеда. В доме стоял запах лекарств и спирта. Клавдия Васильевна выскабливает трахоматозные зернышки из слизистых глаз какой-то девочки. Орет, бедная, на весь дом, аж стены ходуном ходят. Никакой очереди к фельдшернице нет, она с утра успела побывать у лежачих больных и назначить лечение. Алексеев не стал ей мешать, присел на кушетку.

– Кури Сергеевич! – удивилась Клавдия Васильевна. – Неужели ты заболел?

– Здоров, зашел узнать, не требуется ли помощь?

– Мне бы повозку, детей Ксенофонтовых следует отправить в больницу, дома не вылечить...

– Бери мою лошадку с легким тарантасом, – предложил участковый и поинтересовался. – Что за чертовщина прицепилась к детям? Откуда взялся тиф?

– Обыкновенная инфекция, поражает кишечник, потом распространяется на печень, селезенку, жёлчный пузырь. Может перейти в перитонит. У больных высокая температура, головная боль, тошнота.

– В чем причина заболевания?

– Плохие санитарно-гигиенические условия колхозников. В доме у многих вместо полотенца висят тряпки. Мыло днем с огнем не отыщешь. Тюфяки и подушки набиты соломой, меняют их один раз в год, постельных принадлежностей почти нет. В таких условиях не трудно подцепить всякую заразу.

– Трахома тоже отсюда?

– Это старая, замшелая болезнь чувашского народа, пока не смогли ее побороть.

– А почему во время войны не болели?

– Люди становились стальными, болезни не могли их одолеть. Как только немного расслабились, все болячки наружу выскочили. Болезнь в первую очередь поражает женщин и детей. В последние годы только в деревне Хумуш из-за трахомы ослепли Фекла Калисова и Уксине Пулякова.

Кури Алексеев подумал о своих детях и испугался. Девочки слишком самостоятельные, завели подруг, в гости ходят, к дедушке Федоту на кузницу забегают. Клавдия Васильевна, будто прочитав его мысли, сразу предупредила:

– Детей следует оберегать. Поменьше контактов с другими, бактерии могут быть в каждом доме.

Конечно, он примет меры предосторожности, но пока на имя начальника милиции района необходимо написать докладную.

– Клавдия Васильевна, – попросил Кури Алексеев, – мне можно посмотреть списки больных?

Она открыла тетрадку и положила перед ним. Масштабы эпидемии на самом деле оказались огромными, в трех деревнях тифом заболели около сорока человек, а трахомой ещё больше.

Вернулся Кури домой обескураженным, никак не мог понять, почему районные власти вовремя не приняли меры? Что будет, если болезнь выйдет за околицу и начнет косить народ по всей республике?

– Чего так волнуешься, – вздохнула Василиса. – У нас начинают лечить лишь тогда, когда человек одной ногой стоит в могиле.

– Ну и выразилась. – удивился Кури.

– Трахома и тиф – эта болезни простого люда. Сколько людей умерло, сколько ослепло, никто не считал.

Он совсем помрачнел, не знал, что сказать, в жизни такого не видел. В молодости прицепилась трахома, покапали в глаза – болезнь отступила. Это было перед призывом в Красную Армию.

Ночью долго не мог уснуть. Лежал тихо. Прижавшись к нему, спала Василиса. За печкой стрекотал сверчок. Где-то на улице лаяли собаки. Кури задумался: «Надо, надо разобраться в семейной жизни, налаживать быт. пока молодые, потом поздно будет жизнь осмысливать». В голове крутятся одни спекулянты, алкаши, самогонщики, воры, семейные размолвки да разные скандальные истории. Пора взять себя в руки. У него уже четверо детей, недавно родилась Альбина.

Вдруг стало тоскливо и тревожно. Как жить дальше? Может, оставить милицию? Ему недавно предложили место участкового в областном центре, обещали служебное жильё. Друзья отговорили: «Там рассадник шпаны. женщины легкого поведения, ежедневные домашние разборки. пьянки и много другого зла. За всё придется отчитываться. Могут и под лопатку шило сунуть, останутся дети без отца – сиротами». Да, здесь проще работать – рядом живут родные, друзья, односельчане, здесь его жизнь.

* * *

В деревне пахло полынью и свежестью ветел. Во дворах весь вечер сердились собаки, безуданно горланили петухи, соседка Анук Апанасова с кем-то громко ругалась во дворе. Жизнь потянулась горькая и однообразная.

Миرون подсел поближе к Василисе и начал давно волнующий его разговор:

– Хватит! – отрезал он. – Не могу я жить в своем доме с чужими людьми. Тяжко мне. Ищите другую квартиру.

Василиса ждала такого поворота событий, но не думала, что это произойдет сегодня, поэтому растерялась. Они ввосьмером ютятся в этой маленькой избе, конечно, тесно.

Услышав такое, щупленькая Анастасия, которой только что перевалило за пятьдесят пять годков, воспротивилась, подошла к плачущей Василисе и стала успокаивать:

– Господи, нашла из-за чего слезы проливать, сердце своё разрывать. Недавно Иван Козлов переехал в Сибирь, дом сельсовету оставил, пустует. Председатель не откажет милиционеру, разрешит поселиться. Если вы не против, мне тоже пора этот дом покинуть. Обида, гнев всю мою душу изгрызли. Не хочу больше здесь жить. Душно мне, Василиса. Не раз пожалела, что переступила порог дома Мирона. В молодости захотела покоя, посидеть рядом с сильным плечом мужа. В колхозе горбатилась, домой бегом возвращалась, за него беспокоилась, думала, я замужняя женщина...

У Мирона глаза яростно округлились.

Вот и прорвало бабу. Никогда Василиса не думала, что в этой маленькой женщине столько энергии и силы. Она боялась её остановить. Анастасия гневно продолжала:

– За него беспокоилась, корову держала, корм заготовливала. Он выпивал литр молока и уходил к соседке Ксении. Думала, придет время, успокоится. Терпела, ждала, в окна поглядывала, ни разу не скандалила. До чего дошел, днем на работе, а вечером к ней уходит. Ночью приходит, навернет ещё литр молока и до утра храпит. Дома крыльцо провалилось, а он у Ксении ворота чинит.

– Как это ты выносила? – жалостливо сказала Василиса.

– Мирилась, пока не лопнуло терпение... У меня изба была старая, топи не топи, тепло не держится, крыша как решето. Да и его дочь, покойная Марфа, была согласна. Ей тоже надоело одной мыкаться, отец ведь дома не ночует, по району бродит, налоги выколачивает.

На некоторое время Анастасия замолчала, повернулась к Василисе и с тревогой обратилась:

– Возьмете меня с собой! Трудно тебе будет, у самой четверо детей и муж такой, что не построит он для тебя дом... Я болею,

хворь неизлечима, не хочу беспомощно валяться на кровати. Не хозяйка я больше... Не выдержу...

Не ожидал Мирон от жены такого резкого поворота. Он привык командовать, а не слушать. С ним районное начальство продолжает за руку здороваться. Было время – мужики издалека шапку снимали, женщины избегали встреч. Двадцать лет трудится на благо советской власти, для укрепления страны старается.

– Чего тут расстилаешься перед Василисой? – резко сказал Мирон.

– Не послушала людей, к тебе приткнулась, – заплакала Анастасия.

– Хватит плести! Я всю жизнь, как проклятый, ломил!

– Ломал, ломал! Жизнь людей трех деревень ломал, никого не жалел. За долги последний кусок хлеба со рта вынимал. Меня тоже пополам переломал. Недолго осталось жить, поэтому решила выложить всё начистоту.

– Тогда продолжай! – резко оборвал её Мирон. – Раз вожжа под хвост попала – валяй, но слова просеивай!

Василиса пыталась не вмешиваться в этот разговор. Стояла с круглыми от удивления глазами. Анастасия с гордо поднятой головой продолжила свою исповедь:

– Дочь Марфу на войне немцы замучили. Какая девка была!.. Перед войной нуросским комсомолом повелевала. На войну записалась добровольцем, радисткой. Говорили: «Таких в плен не брали – на месте четвертовали. Она фашистов в сердце била, передавая важные сообщения». Когда получили похоронку, на него затмение нашло. Пытался на меня руку поднять, но я хлебной лопатой так его огрела, выветрила желание силой помериться.

Тут Мирон Ефимович попытался остановить, остудить жену, ему противна такая бесцеремонная откровенность. Но Анастасия даже глазом не повела:

– Что сказать? С соседкой Ксенией у них всегда были особые отношения. Она мужа в гражданскую похоронила, родила сына Григория, была кормилицей Марфы. Бедная девочка при рождении потеряла мать. А Мирон... Мирон на третий день оставил девочку у старых родителей жены и пошел воевать за советскую власть. Домой вернулся, когда девочка уже бегала. Так и осталась Ксения мамой для Марфы и второй женой Мирона. Он на ней не женился, а позвал меня. Я тоже без мужика высохла. Когда

услышала предложение, у меня здоровый ум куда-то выскочил, побежала за ним как собачка. Не доходило до меня, что ему в доме нужна была домработница. А я что?.. Ломила всю оставшуюся жизнь от радости. Мужа дома нет. Ну, думаю, работа такая...

Мирон молчал, уставился в одну точку на полу и слушал исповедь жены, но не мог остановить её.

– Не слушала никого. Всякие пересуды, разговоры для меня были пустыми. Труженик ведь он, некогда ему иметь других содержанок. Ошиблась, не знала, что у него в каждой деревне по бабе. Мне люди на ухо шептали: «Твой Мирон в Нуресе творит чудеса, с какой-то крашеной особой на столе танцует». Пошла, хотела увидеть своими глазами. Красивая такая, ладная, всё при ней: зубы белые, маленькими голубыми глазами так и стреляет, ищет добычу. Точь-в-точь такая, каких в кино показывают. Только тогда я поверила. Вот и захотела их проучить.

– Как? – не выдержала Василиса, полностью захваченная рассказом.

Мирон продолжал молчать, впервые он увидел разбушевавшуюся жену. Ничего подобного не ожидал от неё. Сейчас сидел и не мешал, давая ей вволю выплакаться.

– Пьяным Мирона никогда не видела, – продолжала Анастасия выкладывать наболевшие чувства: – Где, думаю, эта сучка проживает? Нашлись добрые люди – подсказали, даже до дома довели. Мне тогда казалось: люди давно ждут удобного момента, хотят насолить налоговому агенту, наказать за неуступчивость, за животное упрямство. Потаскала я эту бабу по полу, за волосы выволокла на улицу. Народу собралось, как в кино. Никто не мешал, все ждали продолжения. Сил тогда у меня было предостаточно, четырехпудовые мешки с зерном ворочала, кидала как мешки с хмелем. Разняли нас, оттолкнули меня. Двое суток в тюрьме посидела и, вернувшись, всыпала Мирону по самое темя. Успокоился мой мужик, за год дом привел в порядок. Ну, думаю, заживём, опираясь друг на друга. Он ненадолго успокоился, теперь уже недалеко ходит...

Мирон сопел, вынужден был признать ошибки. Как не признать, если правду-матушку режут. Значит, он достал жену. Была ли у них любовь, взаимопонимание или присутствие в доме другого человека скрашивало одиночество?

– Ну что ты ворошишь прошлое? – пожалел Мирон жену. – Что было – всё сплыло...

Анастасия кисло улыбнулась, сняла с головы платок, поправила волосы, вытерла этим же платком лицо и села на длинную скамейку.

– Иди, оставь нас с Василисой, мне больно на тебя смотреть...

Мирон впервые послушался жену, натянул кирзовые сапоги, поправил рубаху, что-то пробормотал и вышел на улицу. Дверь избы протяжно скрипнула, будто почувствовала какое-то назревающее событие.

– Мне жаль Мирона, – сказала Василиса.

– Стоит пожалеть, – ответила Анастасия. – Мучается, не нашел утешения. В жизни не раз его пороли: в детстве отец, в молодости волостное начальство, на гражданской войне – белые, после – кулаки. Ему ведь около шестидесяти. За эти годы ох сколько воды утекло. Может, не всегда я была ласкова с ним, не могла приголубить, не умела говорить нежных слов. Может, поэтому шатается, пытается найти для себя убежище.

Этот разговор так растревожил душу Василисы, что она без утайки вытирала слезы и шмыгала носом. Анастасия обняла её и строго вымолвила:

– Собирайся, Василиса, ходим к председателю сельсовета, может, не откажет. Власти должны беспокоиться о жилье участкового милиционера, он должен жить в той деревне, где служит. А Мирон?.. Мирон пусть подумает, ему следует сейчас побыть одному...

Председатель сельсовета Люба Полякова вынула ключи из ящика стола, положила перед Василисой и успокоила:

– До будущего лета можете жить не тревожась, хозяева решили дом не рушить. Изба старая, но просторная и светлая, для всех места хватит.

Анастасия не осталась у Мирона Ефимова, собрала свои пожитки, устроилась вместе семьёй Василисы в доме Козловых.

Сначала Мирон старался не показываться им на глаза. Но в деревне куда денешься, куда спрячешься от людей? Может, сплетни неугомонных баб, зубоскальство, ехидное издевательство мужиков достали его. Может, Ксения прогнала. Но вскоре он стал навещать к ним, находя разные причины – то милиционера будто ищет, то крынку молока притащит.

Давно не было в этой стороне нищих старушек-попрошаек – собирателей подаяния. Однажды такая появилась. Не одна, вместе с ней маленькая девочка шести-семи лет. Голосистая такая. Пела жалобные старинные песни, слова их бередили душу. Идет старушка по деревне, подол старого сохмана чуть не достаёт до пят, лицо закрывает черный платок. За спиной котомка, а в руке чистая металлическая тарелка, прикрытая рушником. У каждого дома останавливается, с поклоном просит «Христа ради».

Теперь в каждом доме найдется кусочек хлеба или печеная картошка. Прижилась эта культура в деревнях. Люди совсем забросили репку, огороды засадили картофелем, от него пользы больше. Очистки остаются, куда деть? Вот и появились у хозяек овцы – тут шерсть, мясо, шубки для детей и стариков.

Попрошайка остановилась у дома Ивана Козлова, где проживала Василиса со своей семьёй и больной старушкой Анастасией. Нищая сухими обветренными руками открыла калитку, согнувшись в дугу, вошла во двор, а потом направилась в избу. За ней поспешила девочка.

– Проходите, проходите, – приветливо позвала незнакомок Василиса.

– Кто там? – поинтересовалась Анастасия и, увидев нищих, отвернулась к окну.

– Чего ты, Настусь, рыло воротишь, неужто не признала меня? – спросила нищая, развязывая платок.

Она была смуглая и черноглазая, похожая на цыганку.

Анастасия удивленно смотрела на них.

– Ух ты! Старая греховница! Жива и здорова...

– Ты меня раньше времени не хорони! – отрезала нищая.

Василиса никак не могла взять в толк, вроде знакомая, а в то же время не припоминает, где видела эту нищенку.

– Жена Акима Селиванова, дочь Гаврила Пакшанова Элюк*, – тихо сказала Анастасия. – Их в деревне давно похоронили, говорили, всю семью в болоте утопили...

– Мужа оставила в Сибири, следы двух младшеньких пропали, – сдержанно ответила Элюк. – Сама у старшей дочери внуков воспитываю.

– Откуда узнала, что я у Василисы? – спросила Анастасия.

- Мир не без добрых людей.
- Куда сейчас путь держишь?
- К тебе приехала, икону хочу забрать.

Василиса повернула голову в сторону божницы и ужаснулась. Старая большая икона светилась огоньком, такого раньше никогда не примечала. Элюк подняла голову, глубоко вздохнула, порылась в котомке, вытащила оттуда большой платок, перекрестилась и поклонилась иконе. На губах появилась радостная улыбка. Она подошла к божнице, смиренно вглядываясь в тёмный угол, поставила на себя ещё три креста, сняла икону и вытерла платком.

– Господи! – ахнула Анастасия.

– Разве она твоя? – резко сказала Элюк. – Икона не должна стоять в доме антихриста Козлова, её место в святой обители. Здесь бесы забавлялись.

– Не бери греха на душу, пока мы здесь живём, она останется в святом углу, – возразила Анастасия.

– Чего толкуешь, живёшь в чужом доме и живи!

– Помилуй!.. – перекрестилась Анастасия. – Как у тебя язык-то поворачивается.

Элюк её не слушала, положила большую икону в котомку, кряхтя направилась к выходу, но дорогу ей перекрыла Василиса.

– Без спроса нельзя вынести отсюда икону! Что я скажу Ивану Козлову?

– Уйди с дороги! – громко воскликнула Элюк.

– С иконой отсюда не уйдешь! – ответила Василиса. – Пока муж не придет, останешься с нами.

– Твоего милиционера я не боюсь. Эта икона моя! В дом Селивановых она вошла вместе со мной. Во время венчания её мне вручила бабушка Урине*. При раскулачивании Иван Козлов снял её с нашей божницы. Своими глазами видела. Эта старая икона, намазали лик пару веков назад.

Старуха оказалась не такой уж немощной, не церемонилась с женщинами.

Всё это время маленькая девочка стояла у входа и молча глядела на старших.

---

*Элюк – Елена.

*Урине – Орин.

– Кто эта девочка? – поинтересовалась Василиса.

– Внучка моя Маргарита.

– Придется подождать, я накормлю её супом.

Элюк повесила котомку за печкой, сняла старый сохман и уселась рядом с Анастасией. Василиса только теперь увидела её во всей красе. «Какая ладная старуха, – подумала она. – Чего ради прячется за лохмотьями?».

– Сказывай, как жила всё это время? – спросила Анастасия.

– Чего тут рассказывать, – вздохнула Элюк. – В жизни всё заблудилось, запуталось... нет ни дома, ни семьи.

Глаза Элюк заблестели от яркого солнечного света и нахлынувшей слезы.

– Повезли нас в Сибирь. – начала Элюк свой рассказ. – Сумели прихватить некоторое богатство – женские украшения. В теплушке провалялись целый месяц, потом оказались в какой-то деревне. Нас приютила одна татарская семья. Откуда только вынюхали бусурманы, что у нас имеются кое-какие ценности. Я почувствовала косые взгляды мужиков. Вечером вышла во двор, слышу разговор. «У них имеется золотишко, но просто так не отдадут. Следи за ними – придумаем что-нибудь», – говорит старик сыну. Стою и не шевелюсь. Испугалась я, вдруг кто-то из них меня заметит – пропаду! Обошлось. Бедой поделилась с мужем, в ту же ночь подались в бега.

Элюк задумалась, поправила рукой прядку седых волос.

– Убили бы?.. – испугалась Василиса.

– Всю ночь шли быстрым шагом, понимали, что нас обязательно будут искать: и милиционеры, и татары. Утром оказались на большой полянке, где стояли недавно поставленные на зиму большие стога сена. Аким нас спрятал вовнутрь, а вокруг махорки насыпал, чувствовал, что татары сюда прискачут с собаками. Не знаю, может это нас и спасло. Они мимо проскакали, да и собаки запаха людей не почувствовали. Догнали мужа, отобрали всё, что у него было, а самого закололи ножом у лесного озера. На третий день я с детьми нашла тело, с грехом пополам похоронила Акима и вновь тронулась в путь. Понимала, что с маленькими детьми мне далеко не уйти. Это уразумела и старшая, шестнадцатилетняя дочь Тарусь. Она повела младшеньких – сына и дочь в придорожный посёлок, оставила их у магазина. Когда дети заревели, вокруг них собрались любопытные, поднялся шум. Тарусь

сидела в кустах, следила, когда их сдадут милиционерам. Дождалась... Прибежала ко мне в лес, всё рассказала. Я от злости хворостинной её отхлестала, она слезинки не выронила, злыми глазами смотрела на меня.

– А младшеньких нашли? – поинтересовалась Василиса.

– И не думала искать, раз милиционерам передали, значит, оказались где-то в интернате, где кормят и укладывают спать.

– Люди не без греха, – вздохнула Анастасия.

– Такая жизнь любого доведёт до белого каления. Поневоле начинаешь сходить с ума. Хошь умри – хошь выживай...

У Элюк натянулись жилы на шее, голова опустилась на грудь. Она переживала события тех дней:

– Горевала, плакала, добралась вместе с дочерью до Пурдас, где жила семья моей сестры. Не прогнали, приютили, устроили нас в промартель. Боялась, работала как сумасшедшая, дочку выдала замуж за хорошего парня. Он вернулся с войны, построил дом. Теперь вместе с ними живу, по воскресеньям в церковь хожу.

– Почему о себе не давала знать? – допытывалась Анастасия.

– Кому!.. Чтоб меня с дочкой второй раз отправили в Сибирь? Вот и молчала больше двадцати лет. Теперь самое время.

Дверь в избу открылась, и на пороге появился Кури. Он внимательно посмотрел на женщин, поздоровался и попросил жене помочь ему умыться.

Василиса хотела рассказать о старушке Элюк, но воздержалась.

За столом старуха сама открылась. Кури выслушал её, сказал жене:

– Ваше дело, меня иконы не интересуют. Давно хотел их выбросить, руки не доходили.

– Спасибо тебе, милый человек, – ответила Элюк. – Икона займет достойное место в Ирдемкаской церкви.

Разговор оборвался. Элюк поблагодарила за угощение и поднялась. За ней встала молчаливая девочка. Они ушли. У дома Кураковых вновь послышалась жалобная песня, исполняемая детским голосом. Василиса выскочила на улицу и взглядом долго провожала силуэты двух фигур, пока они не исчезли за Емельяновским косогором.

– Ушли? – спросила Анастасия.

– Долгой им жизни... – ответила Василиса и стала убирать со стола.

Стрижи, без устали несущиеся как стрелы над рекой Цивиль, улетели. С собой они унесли летние жаркие дни. Наступила золотая осень. Под деревьями лежали листья, ветер гонял их по дорогам, попадая под ноги, они шуршали. Рябины и калины раскраснелись, орешник ещё не успел потерять бархатистость.

Василиса далеко запрятала обиду на Мирона. Что возьмешь со старого человека? Годы летят, он после потери дочери так и не нашёл места в жизни. Хочет опять сблизиться со своей Анастасией, приходит к ним, тихо сидит на скамейке, никому не мешает. В последнее время его жена совсем сдала, голову с трудом поднимает, кормить приходится с ложки. Василиса пыталась успокоить её, отвести физическую и душевную боль. Фельдшер говорит: «Опухоль не излечима».

Вечером Анастасия попросила снять её с печки. Спустили, положили на толстую стеганую подстилку, набитую соломой, уложенную на двух скамейках. Собрала вокруг себя детей Василисы, начала их ласкать, пыталась погладить по волосам.

– Не забывайте меня, хотя бы раз в году вспоминайте, живите долго на этом свете.

Василиса стояла около неё, в горле застрял комок. Она понимала, что Анастасия прощается с детьми.

– Золотая ты моя, – обратилась она к Василисе. – Отвори окно. За мной пришли, уже стучат, торопят...

Дети разом повернулись в сторону окна, но там никого не увидели. Василиса приоткрыла форточку, холодный воздух окутал помещение. Анастасия глубоко вздохнула, голова её упала на подушку.

Так ушла она из жизни с двойной болью: душевной на Мирона и физической от неизлечимой болезни. Похоронили тихо, кто там оркестр закажет или в газете напишет об усопшей, мало кому известной чувашской женщине!

После похорон жены Мирон захворал. Трудно сказать, в душу не заглянешь, какая это болезнь. Для самого шестидесятилетнего мужика такое недомогание впервые, поэтому он не придал этому большого значения. Повалился несколько дней на кровати и вновь вышел к людям.

Овдовел Мирон, второй раз остался без жены. Стало горько и тоскливо. дочь погибла на войне, теперь нет Анастасии. страшно одному. После сорока дней Мирон Ефимович часто заходил к Алексеевым, посидит, поглядит в пол и уходит. Сегодня с утра у них. Кури возится с детьми, дал им по ложечке рыбьего жира, теперь физкультурой занимается. Даже трёхлетняя Альбина усердно старается повторять упражнения вместе со всеми.

– Спасибо, Кури Сергеевич и Василиса Федотовна...

– Не понял. – удивился Кури.

– Простите меня. старика. за необдуманный шаг, вернитесь обратно ко мне... Привык я к детям, особенно Владик ко мне тянется.

Василиса давно заметила: сын выйдет на улицу вместе с младшей сестрой Альбиной и отправляется в сторону дома Мирона. Тот ждет их. Берёт за руки и ведет в магазин. Василиса не ревнует, может, так легче старику. Она хотела предупредить, чтобы не покупал сладости, зубы испортятся. А сама радовалась, что Мирон оказался не таким уж черствым человеком.

– Переезжайте вновь ко мне, Полякова сообщила, что Козловы продают дом.

Василиса и Кури согласились, хотя председатель сельсовета обещала для семьи подобрать жильё.

Вскоре дом Мирона Ефимова вновь загудел детскими голосами. Привыкает он к шумной жизни, что там дети, в избе тепло, уютно, всегда горячая еда. Есть с кем по вечерам, сидя у печки, вести разговоры.

Мирон Ефимович продолжает работать фининспектором Калининского района. Люди давно привыкли к его проделкам: то помогает односельчанам, то сдерёт с них три шкуры.

Подружился с Анисимом Скворцовым, тот после долгого отсутствия вернулся в родную деревню. В 38-м его арестовали за развал колхоза и упекли на три года. В начале войны выпустили, но до дома он не доехал, с первых дней оказался на фронте. Вернулся, но в колхоз не пошел. Каким-то образом устроился директором Вурнарского ресторана. Кто помог – никому не ведомо...

Очередная встреча состоялась прямо у Скворцова в кабинете. Мирон Ефимович оказался на станции по делам. Проводили очередное межрайонное совещание по финансовым вопросам.

– Раздеваешь трудящихся? – пошутил Скворцов.

– Не без этого, дело хлопотное и небезопасное, – ответил

Мирон.

– Чего уж там, заходи и бери!

– Эх ты, без сноровки и подхода ничего не возьмешь.

– В чем заключается работа фининспектора?

– Собрать налоги и вести подписку на заем.

Скворцов улыбнулся, приоткрыл дверь и попросил зайти администратора зала. В дверях показалась симпатичная женщина. Директор о чём-то пошушукал с ней, и та скоро вернулась в кабинет с подносом еды и небольшим графином водки.

Мирон задумался. Во время войны никого не уговаривал, не стыдил, не умолял в срок погасить налоги. Если кто-то начинал скандалить или кричать, то он хмурил брови и сухо твердил:

– Идет народная война, страна в тяжелом положении, а ты как фашист, подножку стране подставляешь.

Это действовало безотказно, бабы доставали узелки, выкладывали на стол последние копейки.

Теперь у него другие методы, люди измельчали, стали прижимистыми, уговоры не помогают. Все считают единственным виновным финансового агента. Вот недавно побывал у Саварова.

– Мирон Ефимович! – резко наседали на него Федот. – Война давно закончилась, дай людям немного отдышаться! Всю кровь высосал, теперь кишки выматываешь!..

Лишь смог ответить:

– Советская власть победила фашизм. Теперь надо отстраиваться, поднимать порушенное хозяйство. Кто поможет, если не мы?..

Федот не выдержал, открыл сундук, где лежат деньги, и рассчитался. Что тут говорить, ради красного словца шумит мужик, но если его прижать, всегда найдутся деньги на налог.

Скворцов быстро управился, пригласил Мирона за стол и предложил рюмку. Не отказался, давненько не прикасался к крепкому напитку. Разговор продолжался в непринужденной обстановке. Внизу стала слышна музыка, значит, появились клиенты. Вторая рюмка развязала язык, и Мирон Ефимов обиженно поделился:

– Недавно в райфинотделе состоялся разговор. Михеев хочет отправить меня на заслуженный отдых. Что делать?.. Придется согласиться, мне скоро шестьдесят. Молодые напирают. Да

и слухи появились, что скоро отменяют послевоенные налоги и отпадет необходимость в финагентах.

– Пенсию будут платить? – поинтересовался Скворцов. – Если начислят, брось эту работу, хватить пугать людей и собак...

Мирон согласился с ним.

– Думаю, рублей триста насчитают. Этого мне вполне хватит. Квартиранты прокормят, постирают и спать уложат.

– Про кого говоришь?

– Семью милиционера Кури Алексеева в дом пустил, тесновато, конечно, но терпимо.

– Ну ты даешь! – удивился Анисим. – Побаиваешься людей, охрану приставил.

– Может быть, может быть... – ответил Мирон.

Весна подошла. Солнце стало чаще заглядывать в окна, только вот беда, дети сидят дома. Деревенская дорога раскисла, кругом вода с мокрым снегом, наступишь и до колен провалишься, резиновых сапог для всех не хватает.

Дед Мирон взялся за дело. Теперь он пенсионер, с работы попросили, проводили на заслуженный отдых, сейчас, как положено, занимается хозяйством. За несколько дней изготовил четыре пары детских лаптей, к ним приделал деревянные колодки, одни торжественно вручил Владике, остальные отдал девочкам. Уля посмотрела на мать, заморгала ресницами и заплакала:

– Я их не надену, стыдно выходить на улицу, подруги засмеют.

Владик пожалел сестру, поддерживая её, демонстративно выбросил свои лапти за печку. Василиса тут же отвесила ему оплеуху.

– За что? – обиделся парень.

– Не научился ценить труд старших! – резко ответила мать.

Мирон воспринял это по-своему. Он собрал лапти детей и кинул в горящую печь. Василиса не успела ему помешать, отнять у него обувку. Сухие липовые лыки сразу вспыхнули ярким пламенем, и скоро от них остался только серовато-белый пепел.

– Погодь, Мирон Ефимович, – виновато опустила глаза Василиса. – Они ведь дети.

– Ничего... ничего, я понимаю... – ответил бывший фининспектор.

– Дети никогда не носили лаптей, – продолжала оправдываться Василиса. – Теперь другие времена. Как-нибудь обойдемся, до школы добегут, там в сандаликах ходят.

– Да шут с ними, этими лаптями, дети правы, – ответил Мирон. – Про дом хотел поговорить.

Василиса резко повернула голову в его сторону. Ей уже за тридцать лет перевалило, а своего угла нет, где тебя никто не одергивает, никто не упрекает. Из-за суетливой жизни мужа как цыганка кочует по Нуросскому краю.

– Народ в Хумуше строится, дома встают друг за другом, не успевают заложить фундамент, а печь уже дымит, – рассуждал Мирон. – Силу набирает мужик.

Это намёк Василисе, но она молчала, будто не слышала.

– Что думаешь насчет дальнейшей жизни? – настойчиво напирал Мирон.

– Ещё пару детей рожу и начну строиться, – съязвила Василиса.

– Это дело не хитрое, – продолжал Мирон. – А на строительство дома тысячу рублей ссуды дают.

– Сколько? – удивилась она.

– Тысячу, – повторил старик.

– У меня на голове вшей в несколько раз меньше...

– Мужа надо подтолкнуть.

– В яму?... Чтобы с похмелья душу отдал?

– С тобой не договоришься.

Василиса бросила чистить картофель, присела рядом со стариком.

– Трудно тебе, Мирон. В избе четверо чужих детей топчутся, скоро появится пятый. Кури в доме не хозяин, без твоего разрешения не может забить гвоздь. Была бы моя воля и возможность, поставила бы дом на новой улице. Как хочу после работы войти в свою собственную избу, растянуться от удовольствия, поваляться, ни на кого не обращая внимания!

– Жалко тебя, – ответил Мирон. – Всё на своем горбу тянешь и за мной ухаживаешь, как за дитем.

– Я не чугунная, – сказала она. – Хочется жить на этом свете как полагается. Не получается... Как пойду по новой улице, душа разрывается, аж завидно.

– По-моему, каждый человек имеет право сносно жить. Ради этого строили советскую власть.

– Власть-то построили, но она не хочет, чтобы люди жили хорошо, – отрезала Василиса. – Восемь лет прошло со дня окончания войны, в деревне половина крестьян не могут убрать соломенные крыши.

– Ты давай не трогай властей, – возмутился Мирон. – Мужикам поменьше надо заглядывать в рюмку.

На душе у Василисы тошно, она всегда ревностно следила за строительством жилья в своей родной деревне Хумуш. Дома поднимались по особому плану, расписанному в конце прошлого века страховыми агентами Ядринской земской управы. С тех пор предложения уездного и губернского начальства по обустройству деревень Хумуш, Кивьял и Услаба неизменно выполняются.

Перед войной карты трёх деревень висели в сельском Совете на видном месте. Рядом с планами были пояснения, что места строительства необходимо согласовывать с сельсоветом. Ширина дворовых участков должна быть не менее двенадцати сажен, в том числе под дом и дворовые постройки – восемь сажен, переулков – шесть сажен. Кто-то внизу корявым почерком и крупными буквами дописал: «Сажень – это расстояние от конца пальцев вытянутой правой руки до конца пальцев левой ноги». Рядом висело решение сельского совета: «Где и как обустроить баню, колодец и придомовые постройки».

Кому-то из проверяющих не понравился «царский указ», плакаты исчезли, хотя деревни продолжали расширяться по тем же планам. но теперь они назывались картами, и фамилии работников часто менялись.

Василиса мечтает о собственном доме. Многодетная семья как цыганский табор переселяется из одной деревни в другую, такая жизнь поначалу казалось ей погибелью. В семье четверо детей, и Василиса стала домохозяйкой при них. Она хотела трудиться, быть вместе с людьми, общаться. радоваться вместе с ними. Раньше работала в Нуросской больнице. Предлагали учиться. получить специальность медицинской сестры. Куда там с четырьмя классами образования. Научилась расписываться без ошибок, сносно читать книжки, газетные статьи – и то ладно.

Василиса вспомнила родителей. Мать разговаривала с домашними вещами как с детьми. Как-то она в печку уложила сырые дрова, печка пыхла, трещала, дымилась, никак не хотела разгораться.

«Милая моя, – обращалась она к печке, – чем же ты сегодня недовольна, не принимаешь дров, как старик чихаешь? Сейчас немного помогу». Она подкладывала вниз березовую кору, печка тут же начинала трещать, искры плясали в печке.

К домашним животным обращалась как к подругам. Они прижимались к ней, пытались мордами дотронуться до её рук. В хлеву было всегда тепло и комфортно.

«Подружки мои, – ласково говорила она. – Где же я столько кормов найду, если вы так вольготно поступаете с едой, разбираете по сторонам».

В доме Мирона всегда тепло. В маленькой избе, построенной перед войной, от охапки дров становится жарко как в бане и до утра не стынет, спится хорошо. Когда жили в Мачамуше, сильно мучилась, особенно зимой. Кури неделями дома не ночевал, военное положение не позволяло. Не было дров, у мужа не было времени их привезти.

Однажды с золовкой Верой пошли в Нуросский лес за сухостоем.

Было холодно. Нашли небольшую березу, утоптали вокруг снег и давай рубить. Топор оказался старый, нена точенный, выскакивал из рук. Деревце еле-еле уронили, разрубили и уложили на санки.

– Подожди немного, – попросила Вера. – Я вся вспотела.

– Нельзя стоять... – возражала Василиса. – Простудимся...

Надо тянуть.

Вера от бессилия падала в снег. Отдышавшись, вставала и тянула санки. Василиса ободряла вслух.

– Мы сейчас в лесу, как Кури в засаде – нельзя не покурить, не разжечь костер, заметят.

Немного постояли.

– Отдохнули, – твердила Василиса. – Теперь бегом.

Не успели добежать до дома. По дороге встретился лесничий с санками, может, тоже за дровами направлялся. Откуда только он взялся?

– Где разрешение на вывоз? – грозно остановил он женщин.

– Это сухостой, – пыталась оправдываться Василиса.

– За воровство два года тюрьмы, – кричал он. – Переложите на мои санки.

Пришлось подчиниться. Но лесничий оставил им пару березовых суков и отпустил домой. Около дома Василиса разразилась руганью.

– Вот дура, так дура! Стоило мне сказать, что я жена Кури Алексеева, дрова отобрать побоялся бы! От страха язык проглотила...

– Я даже остолбенела, – призналась Вера. – Думала, посадят нас.

На следующий день вернулся Кури, Василисы не было дома, Вера как на духу выложила ему рассказ про дрова. После обеда лесничий вывалил во дворе целый воз берёзовых и дубовых дров. Вера стояла на крыльце и улыбалась.

* * *

Василиса купила корову. Это, после собственного дома, была её вторая большая мечта. На днях раскошелилась на четыреста рублей, на Нуросском базаре приобрела молодую корову четвертым телком. Намучилась без молока, дети растут, их уже пятеро. Теперь она почувствовала тихую радость, которая воскресила в душе ощущение яркого света и добра. Ей захотелось немедленно поделиться с родными и соседями. Желание было такое острое, что она тут же побежала к подруге Анисии Калисовой. На крыльце сидела слепая старуха Фекла. Она по шагам определила соседку.

– Чего так пыхтишь, Василиса, аль чего случилось?

– Корову приобрела...

Старуха вскочила, подалась вперёд, будто хотела кинуть взгляд на корову, покачнулась, но Василиса её успела подхватить.

– Хотела глянуть на кормилицу, погладить, – призналась Фекла.

– Успеешь, – ответила Василиса. – Дети её повели за Лачагу,* пусть немного зеленой травкой полакомится.

Фекла ослепла после ареста мужа. Может, от горьких слез, может, трахому своевременно не вылечили, вот и не видят очи. С домашними делами справляется, а за ворота давно не выходит, время коротает на крыльце.

---

*Л а ч а г а – болотистое место, старое русло реки Хирлеп.

– Какого цвета корова? – спросила Фекла. – Рога широкие?.. Сама привела?..

– С отцом ходила на базар.

– Федот знает в этом толк, – обрадовалась старуха.

Странно все-таки устроен этот мир. Маленькое событие для многих оказалось праздником. Соседки не выдержали. К вечеру собрались оценить кормилицу. Сама хозяйка виновата, сломя голову помчалась по деревне, поделилась неслыханной великой радостью семьи, теперь вот женщины расхваливают корову.

Хорошие соседки. Во всем помогают, худого слова не услышишь. Несут свежий уйран, молочком поделаются. Теперь Василиса обнимает свою корову.

На следующее утро бабы у колодца подолгу задерживались. В обычные дни подымали полные ведра и уходили в сторону дома. Теперь пустые ведра стояли у ног. Для разговора нашелся повод – Василиса купила коровку за большие деньги. В этой толпе одни радовались, другие от зависти яростно кипели: «Как умудрилась, откуда деньги в такое время?..». Анисия Калисова без промедления их одёрнула.

– Забыли, бабы? – с укором стала им выговаривать. – Как радовались, когда после трудных военных лет в деревне начали появляться коровы и козы. Давно ли перестали умирать детишки от недоедания? Давно ли появилось вдоволь молоко, на стол начали выставлять турах!?!.. Помалкиваете?..

Такое нравоучение подействовало на баб отрезвляюще. Они быстро наполнили ведра и разошлись.

Между тем время шло. У Василисы появился маленький бычок. Как только она подойдет к нему, тот начинает играть, топать ногами, прыгать, совсем как ребёнок. Коровушка оказалась молочная, утром и вечером по шесть литров даёт. Мирону Ефимовичу, мужу, детям по кружке, остается и на домашние нужды.

Теперь перед Василисой встали две трудные проблемы – утеплить хлев и заготовить на зиму сена. Небольшой сарай, продуваемый со всех сторон, не пригоден для содержания животных. Для утепления нашли старые вещи, целый рулон рубероида. Всей семьёй вышли на работу. Василиса с детьми затыкает дыры, а мужчины приколачивают на стенку рубероид и закрывают досками. На следующий день постелили дощатый пол, в левом углу приделали насест для кур, а в правом – отгородили место

для поросенка. Животные перезимуют вместе, главное, морозные ветры до них не доберутся. А бычка придется прирезать, для него нет места, да и без мяса трудно жить.

Мирон перед войной держал корову. Она стояла в дощатом сарае. В холодное время Анастасия укрывала её старым тулупом, как могла утеплела сарай. Поросенка держала вместе с коровой. Но он стал сосать вымя, пришлось разъединить.

Для него Анастасия сама пристроила конуру как у собаки и утеплила соломой. Умное животное, сразу догадалось, где тепло, оттуда только поесть выходило. Пять кур и петух привыкли к корове, сидели в углу на насесте, внизу зимовали гусак и две гусыни.

Вопрос обеспечения сеном оказался самым трудным. Колхозникам не давали место для косьбы, где его возьмешь, кругом общественные земли, лугов не хватает для частных коров. Приходится крутиться, тайком прихватывать сено с колхозных полей. Во время сенокоса Василиса старалась запрягать лошадь. Вечером на телегу под себя положит охапку сена – и домой. Другие тоже так поступали, некоторые совсем обнаглели, кидали и кидали на телеги колхозное сено. Это увидел бригадир.

– Я вам покажу, фамилию свою забудете! – кричал Степан Апанасов.

Люди на себе уже испытали характер бригадира, враз оштрафует, глазом не моргнет. Воровство сена прекратилось.

Василиса задумалась, навес пустой, для коровы корма на зиму не заготовлено. Она нашла другое место. Тайком стала забирать из тарантаса часть сена и поднимать на навес. Муж никогда бы не разрешил отобрать у коня корма. К счастью Кури об этом не догадывался. Мирон выследил и, хотя ежедневно выпивает не менее пол-литра молока, стал терроризировать Василису.

– За воровство казенного сена могут и срок дать, – угрожающе напирал он.

– Как нам прожить, Мирон Ефимович, без сена коровка не перезимует, опять останемся без молока. – прямо ответила Василиса.

– Не боишься, что я мужу доложу.

– Тогда тебе придется у меня молоко покупать, – нашлась Василиса.

Он замолчал. Ему не хотелось остаться без ежедневного парного молочка. Ничего не сказал. Через день пошел в деревню

Шохаль, купил у лесника за свои деньги пятнадцать пудов сена и привёз домой. Василиса, увидев около дома целый воз сена, села на скамейку у забора и заплакала. Мирон ходил с поднятой головой, гордо поглядывая на неё.

* * *

К осени в колхозе построили пекарню. Старое здание совсем развалилось и давно не использовалось по назначению. Вечером к Кури по какому-то вопросу зашел председатель Владимир Смирнов, заодно Василисе предложил выйти на работу в пекарню, в качестве помощницы к Анне Игнатьевой. Она трудилась на Нуросском хлебозаводе, Смирнов её уговорил перейти в родной колхоз, вместо трудодней обещал заработную плату.

Василиса хотела отказаться, но, оказывается, это муж постарался устроить её в пекарню, видя, что жене с детьми не сладко. Трудности имеются в любом месте. Не беда, что надо вставать в три часа утра, через поле добираться до Услабы и подниматься на высокий косогор.

Женщин ждал новый кладовщик колхоза Петрук Соколов.

– Первый день, а уже опаздываете, – недовольно ворчал он.

– Нам велено пекарню открывать в четыре часа утра! – резко ответила Анна, затем повернулась к кладовщику и спросила: – Дрова привезли?

– За домом, длинные чурки...

– А кто будет рубить?

– Ты здесь хозяйка, кто за тебя здесь будет спину гнуть? – со знанием дела наставлял на путь истинный кладовщик.

– Ну, вот что! – твёрдо сказала Анна. – Не будет дров, не будет и хлеба. Я в Калинино обратно вернусь, но в колхозе за мужиков горбатиться не буду!

– Передам председателю, – язвительно ответил Соколов.

К шести часам утра в пекарне появился Смирнов, поинтересовался делами. Анна тут же доложила:

– Нет березовых, дубовых дров. для замеса теста не хватает широких деревянных кадушек, нужны метелки. Откуда-то привезли смоляные дрова, будет сажа!.. Мука не сортовая!.. Воду надо возить из колодца у озера – она там светлая, мягкая, чистая.

Смирнов внимательно слушал и при женщинах отчитал Соколова. Ситуация повергла Петрука в изумление: не успели бабы начать работать, а уже командуют.

— Пекарня должна дышать хлебным духом, а пока пахнет только сыростью, — недовольно ворчит Соколов.

Анна тоже не сдаётся, перебирает дрова, на язык пробует привезенную муку.

Василиса успевает за пекарем: приносит воду, следит за печкой, чтобы дрова равномерно горели, помогает месить тесто. В конце рабочего дня золой чистит полы, вместе с Анной моет кадушки, хлебные формы, готовит дрова на следующий день. Устает, но во время работы успевает сбегать домой, присмотреть за детьми. Они самостоятельные: Уля школьница, сама управляется с мелкими домашними обязанностями.

Петрук Соколов бухтит, но выполняет все прихоти женщин. Откуда только у него нюх на хлеб появился? Приходит в пекарню именно в тот момент, когда вытаскивают из печки партию горячих белых буханок. Посчитает, в накладной укажет количество, попросит занести в чулан и запирает под ключ. Женщинам ничего не достается, опять не успели попробовать горячий хлеб с холодным молоком. Анна нашла выход, каждый раз пару буханок умудрялась положить в кадушку и закрыть чистой льняной тканью. За ширму, где поднималось тесто, она пускала только Василису. Для Соколова вход туда был запрещён.

В середине дня Анна оставляет часть теста на следующий день, так называемую закваску. Подливает туда немного холодной воды, до конца смены держит на скамейке. Перед уходом домой добавляет ржаную муку, соль и воду, на ночь ставит опару около теплой печки.

Утром берется за эту квашню, разливает по кадушкам, добавляет муки и давай месить. В кадушках теста чуть больше половины, иначе, когда поднимется, убежит. Тесто Анна с Василисой перекатывают дважды, затем укладывают в железные формы и ставят в печь. Ух, как руки у них гуляют!

С бубликами поступают по-иному. Работа самая трудоемкая в хлебопечении. Тесто должно быть крутое, тщательно вымешенное, без всяких пузырьков. Анна умело катает из него жгутики,

режет на равные доли, скатывает в круг и бросает в кипящий котел. Достает, укладывает на железный противень и в печь.

Василиса с лету схватывает мудрости пекаря. Анна подсказывает, когда тесто дойдет, когда хлеб необходимо положить в печку, когда вытаскивать, как баранки крутить.

Она ждет удобного момента, чтобы расквитаться с Петруком Соколовым. Понятное дело, не привыкла в долгу оставаться. Этому её научили нуросские русские женщины, они не такие, как чувашки, обиды или пустого обвинения без ответа не оставят. Анна очередную считалку не выдержала, остановила на полпути кладовщика и громко объявила:

– Мы здесь у печки жаримся, потом заливаемся. нам что, ба-ранок с холодной водой нельзя попробовать?

– Купите и ешьте! – упрямо ответил Соколов.

– Тогда сама буду проверять накладные, сколько хлеба до колхозников доходит, а сколько улетает налево!

– Кто тебе позволит? – сузились глаза кладовщика.

– Если председатель не поможет, го муж Василисы придет! – повысила голос Анна.

– Жрите, сколько хотите! – махнул рукой Соколов. – От вас всего можно ожидать.

– Так-то вот лучше, – ответила пекарь.

Василиса засмеялась, кладовщик зло посмотрел на них и удалился.

– Не боишься? – спросила она.

– С такими аферистами только так надо разговаривать, – засияла Анна.

Что правда, то правда!..

8

Эрхип торопился. Десять лет не был дома. Служба в армии, война, партизанский отряд, регулярные войска, после войны полугодовой проверочный лагерь, кто-то никак не мог дойти до истины, кому-то очень хотелось считать его предателем Родины. Затем приказали продолжить службу в армии, учить молодых премудростям военного дела, помогать закалять их дух и тело.

Дослужился до капитана сухопутных войск. Теперь отслужил – возвращается домой.

До Москвы летел на военном самолете. Устроился около иллюминатора, через круглое окошечко сверху изучал, смотрел на землю. Самолет монотонно гудел, внизу мелькали крошечные деревни, дома, поля, леса, речки. Дороги медленно тянулись по движению крылатой железной птицы. Внизу всё игрушечное, как на огромном столе. По земле ходили люди, они топились по своим делам, наверное, смотрели в небо, где летит самолет, а дети кричали: «Возьми нас в дальнюю дорогу!». Людей он не различал, высоко летели. Подумал: «Обязательно расскажу родным и близким, как выглядит земля с высоты птичьего полёта».

Родная деревня. Открыл ворота и сразу оказался на Верхней улице. Она издавна считалась главной, с добротными и светлыми от сияющих окон домами. На восточной улице – дом родителей. Застроили в конце двадцатых годов, когда крестьянам деревни нарезали участки земли и помогли лесными материалами. Тогда крепкие молодые семьи обзавелись собственными избами.

Эрхип шел по деревне, внимательно оглядываясь по сторонам. Раньше ему казалось, дома высокие, стройные, а сейчас прижались к земле. Некоторые крыши прохудились, деревянные цвели зеленоватыми грибами, соломенные совсем сползли. Не выдержав времени северных и сильных ветров, летних быстротечных дождей, ворота перекошились. Они опустились на землю, перестали скрипеть, требуют ремонта. Кое-где их успели залатать, дом приподняли, заменили гнилые бревна. значит, хозяин вернулся домой с войны и взялся за дело.

За десять лет его отсутствия многое изменилось. С детства он знал каждый уголок, каждое дерево. Теперь ни одной старой ветлы. Будто ураган прошелся, только ещё не выкорчеванные пни тоскливо торчат из-под земли.

Дневная жара и летняя рабочая пора каждого жителя деревни расставила по своим местам. Около дома Егора Николаева сидел Симук Петриванов. Постарел, годы его без жалости давили и мололи. С морщинистого, серого лица кровь уже отхлынула, в густых, коричневатых, длинных, как у теленка бровях, глаза

потерялись. Желтоватые губы от домашней махорки потрескались. большой нос выделялся среди высохших щек. На голове сшитый лет двадцать назад старый картуз, который от ветра, от прямых лучей солнца давно выгорел, измялся, съежился. В серых холщовых штанах, в такой же рубашке, на ногах старые лапти, на плече, выдавшая виды военная фуфайка.

«Сколько же годков ему? – подумал Эрхип. – Ещё в детстве считал его древним старцем, а вот жив и здоров».

Он остановился около Петриванова, громко по-военному поприветствовал старика и отдал честь. Симук от удивления уронил самокрутку, встал, хотел выпрямить грудь, качнулся назад и вновь присел на скамейку.

– Не получилось, мать твою! – выругался он, увидев награды, и будто оправдываясь, сказал: – У меня тоже три креста. Царские...

– Да, их просто так не вручали, – поддержал его Эрхип.

– Знамо дело, порубал я басурманов! – засияли глаза старика.

– Турок, турок. Симук Петриванович.

– А ты откуда меня знаешь?

– Дедушка, я сын Федота Саварова, внук Савара.

Петриванов внимательно ошупывал глазами офицера:

– Похож, похож ты на своего деда. Тогда садись, покурим.

– Наверное, есть сходство, семья-то родное, им оставленное, – засмеялся Эрхип. – Однако не курю.

Понравились старику слова, он заулыбался. Эрхип не торопился. Ему хотелось поговорить, немного посидеть рядом с Симуком и почувствовать запах родной деревни.

– Что случилось с деревьями? – спросил он.

– Во время войны спилили, – глухо ответил Симук. – Дров негде было взять, вот и роняли всем миром. Спасли народ от невыносимой зимней стужи, грели избы.

Как-то пусто стало в душе Эрхипа. Теперь не видно грачей, не слышно их громкоголосого карканья. Вокруг тишина. Он любит этих птиц. Прилетают весной первыми и по-хозяйски гуляют по деревне. Будто говорят: «Нате-ка, посмотрите, мы вновь дома, готовим гнезда, выводим птенцов». Значит, приближается самое красивое и трудное время – весна. Зацветут сады, крестьяне выйдут на сев, в огородах станет шумно – идет посадка овощей. Что сказать, грачи – весенние птицы, вестники пробуждения матушки-земли.

«Во народ!», – вслух рассуждал Эрхип. – «Ветлы повалили, а за эти годы ни одно дерево не посадили. Какие уже красавцы вытянулись бы».

А нет! У дома Романа Куракова на разлапистых ветлах как всегда возятся грачи. Недаром он носит эту птичью фамилию.

– Вот, оказывается, как живете, – вздохнул Эрхип.

– Жительствуем... Сколько людей полегло на войне. А Господь не торопится меня к себе призвать...

– Не торопись. Придет время, старуха с косой сядет около головы, взмахнет и – темнота.

– Верно. Однако сын мой Мигулай и ты сумели её обмануть, так сказать, перехитрить злюку смерть – вернулись домой. Господь помог.

Помнит Эрхип, как дед Савар в день Святой Троицы посадил огурцы. Ни одно зернышко не вышло, не проклюнулось. Он во всем обвинил жену, что не умеет выбирать нормальные семена. К ним тогда зашел Симук Петриванов, вскинув брови, многозначительно объявил:

– Надо чтить праздники...

– Ух ты! – воскликнул Савар. – Не ты ли иконы на улицу выкинул, а на их место портреты Сталина и Ленина водрузил!

– Что было, то было, – ответил Симук. – Я и теперь состою в обществе «Воинствующих безбожников».

С того дня проскочило двадцать лет. Время бежит, не оставишь. Тот безбожник сидит рядом с ним, рассказывает о жизни односельчан, вспоминая при этом Господа Бога...

– Ладно, дедушка Симук, я с тобой целый час толковал, надо до дома доползти.

– Хорошо, хорошо... Савару привет передай...

Эрхип замер, забыл старик, что друга перед войной похоронил. Не стал огорчать его, на прощанье обнял, пожелал здоровья и быстрыми шагами ушел в сторону родного дома.

Прошел мимо дома Мирона Ефимова. Окна сияли чистотой, зашторены короткими вышитыми занавесками, значит, теплится изба. Здесь жила его Марфа, кажется, вот-вот откроется калитка и она выскочит навстречу. Но любимая спит вечным сном в лесу, на партизанском кладбище. Больше никто её на этой земле не увидит.

У неглубокого оврага под названием «Турхан» остановился. Около трехсот лет назад на этом месте состоялась битва небольшого отряда под руководством сотника Турхана с царскими войсками. Силы были неравные, Турхан и его друзья погибли. В честь этого бесстрашного человека, сторонника разинского движения, был назван овраг. Каждую весну или во время затяжных дождей он становится непроходимым. Говорят, что Турхана похоронили не по языческому обряду, поэтому ежегодно весенняя вода бунтует, просит перезахоронить героя, но никто не знает, где покоятся его кости. Крестьянин Ксенофонтос ежегодно строит через овраг новый мостик.

Наконец показался родной дом.

* * *

К вечеру Кристина и Василиса накрывали в избе Федота стол. Между тем то и дело скрипела калитка, подходили родные и близкие. Каждый внимательно рассматривал офицера Эрхипа Саварова, хлопал по плечу, крепко обнимал. Это означало: «Я тебя очень рад видеть, слава богу, что ты вернулся живым и невредимым».

С молодой женой появился Борик – серьезный, уверенный в себе человек. Прямо с работы, не успел переодеться, но милицкий китель ладно сидел на его плечах. Братья обнялись. Как вырос за эти годы Борик, возмужал. И жена его Эрхипу понравилась.

– Марфа... – ответила она.

– Как? – удивленно посмотрел на неё Эрхип, потом добавил. – Есть на свете Всевышний...

Местная учительница младших классов, спокойная, рассудительная девушка с ясными глазами, открытой душой не жаловалась на трудности. Она немного стеснялась, прижималась к мужу, пряталась за его широкую спиной. Может, давала знать свою полную преданность. Эрхип подумал: «Легче живется в семье, когда рядом такая живая, умная, терпеливая жена. Лишь бы со временем не поменялась. Дети всегда тянутся к добрым учителям. Вот и Марфа Миронова была такая же...».

Пришел муж Василисы Кури Алексеев. Немного выпивший, но при родных жены держал себя достойно, он сразу включился в деловой разговор.

– Агте, – вышла на крыльцо Василиса, – у нас всё готово. – Улька* с мужем задерживаются, их не будем ждать.

– Родные мои. – громко объявил Федот. – Встретим защитника Родины хлебом-солью.

Вперед пустили стариков, молодёжь пристроилась на длинной скамейке у печки. Эрхип. усаживаясь рядом с отцом, посмотрел на стол: тут шарку,* турах, мелкая рыбка, жареная в сметане, хуплу с зеленым луком, сушеная плотва. Мачеха с Василисой поставили на стол шурпе*. Одно плохо, для всех гостей за столом не хватает места, приходится ждать своей очереди. Василиса про молодёжь не забывала – угощала пивом, пирогами.

«Сносно живут», – обрадовался Эрхип. Не знал он, что стол родные собрали сообща, у кого что оказалось сегодня в печи. В летнее время, особенно в такие трудные дни, Федоту Саварову не найти бы такого угощения. Пиво всегда стоит в бочке в погребе, его подали на стол немного подогретым, холодного никто не пьет.

Мужики разговаривали громко. весело, а женщины шепотом, вполголоса. Все обсуждали последнюю новость. Кури Алексею пришлось рассказать:

– Утром в магазин пришел учетчик. с ним вместе новый налоговый агент. С порога объявили: «Закрывай магазин, ревизию будем проводить».

– Поймали за руку? – поинтересовался Федот.

– Весь день проверяли. к вечеру насчитали недостачу.

– Надолго посадят?

– Будет решать суд.

– Недостача-то большая? – продолжал интересоваться Федот.

– Около тысячи рублей, – ответил Кури, хотя не имел право раскрывать тайну, поэтому просил не распространяться.

Федот задумался:

– Надолго упрячут Дмитрия Павлова. Не успел сесть на торговое место, всего год покрутился. уже недостача. Неужели не понимает, сколько не мухлюй, всё равно схватят за кривые ручки.

---

*У л ь к а – Ольга.

*Ш а р к к у – жаркое.

*Ш у р п е – суп с требухой.

– Не успел избу поднять, – пожалел Лазарь. – Остались одни бабы, где будут зимовать?

Федот попросил прекратить разговоры, налил полный стакан пива и встал на ноги.

– У нас не принято произносить хвалебных слов, люди желяют друг другу успехов, славят угощение и опустошают стакан, – начал он свой первый в жизни тост. – Я хочу нарушить этот неписанный закон, попрошу выпить за здоровье моих сыновей. Четверо их у меня. Двое смотрели смерти в лицо, но вернулись в родное гнездо. Сейчас в Советской Армии танкистом служит Сорик, вернется в колхоз трактористом. Очередь за младшим Михаилом, думаю, не посрамит род. Радовался бы Савар, если бы с нами сидел за столом. Хочу выпить за солдат. За это поднимем стаканы!

– Выдержали... – смахнула слезы Кристина. – Как выдержали?.. Сколько слез, страданий, сколько человеческих трагедий принесла война.

– Как погибла Марфа? – поинтересовался Федот, обращаясь к сыну.

– Предатели... – глубоко вздохнул Эрхип. – Двух девушек кинжалом прямо в сердце. Они похоронены в лесу, на партизанском кладбище, рядом с четырнадцатилетним героем. Недавно был там. Жители деревень установили памятник, пионеры ухаживают за могилами.

– За смерть отомстил? – подошел к ним дядя Лазарь.

– Немало их оказалось на белорусской земле, со всего света собрались гады, всякая фашистская мразь. Воевали с остервенением, хотели остаться живыми. Я как охотник за ними гнался, достигая, никого не жалел, в плен не брал – уничтожал на месте. Это не всегда нравилось моему командиру.

– Совсем молоденькой сложила голову, – вздохнул Федот.

В дверь постучали, в избу вошел отец Марфы, Мирон Ефимов.

Все замолчали, Эрхип встал, Федот с Кристиной подошли к Мирону.

Гость поклонился, пожелал хозяину и хозяйке достатка, поздоровался со всеми и подошел к Эрхипу. Обнял его и заплакал горькими слезами.

– Не сумел я сохранить Марфу. Виноват, отпустил на фронт, думал – весь народ воюет, она партийная, должна всем пример показать. Потерял дочь...

– Живую не видел, на похоронах не был. Находились на спецзадании, полицаев били. По возвращении командир отряда отдал вот эту фотокарточку.

Эрхип расстегнул карман кителя и вытащил оттуда пожелтевшее слегка помятое фото.

– С тех пор у сердца, – как бы оправдываясь произнёс Эрхип.

– На тебе вины нет, – вытирал слезы Мирон. – Себя не могу простить. Столько лет прошло, не могу найти утешения, душевного покоя.

Потихонечку военная тема перешла в мирное русло. Мирон Ефимович успокоился, сидел рядом с Эрхипом, включился в беседу с мужиками, отвечал на вопросы женщин. Первой чувашскую песню затянула хозяйка дома Кристина, её поддержали другие:

Птицы перелетные осенью улетают,
А весной прилетают обратно.
Наши мужики на войну уходят,
Покидают безвозвратно.
Когда это было, чтобы звезды поднебесные
Падали на землю в виде монет?
Когда это было, чтобы наши родные
Возвращались из мертвых к нам?

За окнами занимался теплый летний вечер.

* * *

Солнце поднималось из-за рощи Ушах, одним краешком увеличиваясь и увеличиваясь. Первый ранний жаворонок взлетел в небо, повис, взмахивая крыльями, затрепетал, радостно запел. Эрхип возвращается с рыбалки. Он встречал утреннюю зарю и видел это волшебство. Лето радует погожими днями, трескуче и гулко грохочущими короткими грозами. С рощи тянет дубовым духом, от дуновения ветра волнуется зреющая рожь.

Светило всходит медленно, не торопится разом окинуть взглядом пахнущие спелым хлебом поля, рощи и луга Нуросского края. Вот оно выкатилось из-за горизонта – большое, желтое, таинственное.

Эрхип не раз видел утренние просторы и каждый раз испытывает знакомое с детства чувство душевного подъема, радости. Как тосковал он там, вдалеке, в чужих краях по рощам Ушак и Пуленке, рекам Хирлеп и Цивиль.

Были трудности, потери – всякое испытал. Со временем любая рана в душе затягивается, жизнь загорается новыми надеждами.

Война прошла. Иные вдовы вышли замуж, холостые солдаты поженились – стали семейными. Нашли своё счастье, пусть маленькое, но своё... Душа Эрхипа никак не может успокоиться, не хочет предать любимую. А она приходит во сне к нему и шепчет: «Нечего убиваться... Ты молодой, должен жить. Придет время – встретишь другую, забудешь свою Марфу». Как знать, может быть, она права, но пока не встретил ту, которая зажгла бы вновь сердечный очаг.

Русская учительница ему нравится. Эвакуированная с юга, волей судьбы оказалась в деревне Хумуш. Сельсовет ей выделил дом старушки Мышковой, ушедшей в мир иной. Она была одинокой, никто на хозяйство не претендовал. У Капитолины растёт дочь, мужа похоронила в начале войны. Авиабомба упала на дом, где жила семья.

Учителя в деревне уважаемые люди. Капитолина любит детей, ко всем относится трепетно. Тем самым приобрела доброе отношение к себе. Мужики останавливаются перед ней, снимают шапки, желают здоровья, женщины приглашают на шурпе, на семейные праздники, а дети готовы по несколько раз в день громко повторять:

– Здравствуйте, Капитолина Васильевна!

Эрхип остался в деревне, согласился тянуть лямку заместителя председателя колхоза. Коммунисты на отчетно-выборном собрании избрали его секретарем партячейки. Всё кругом закрутилось, завертелось, домой приходит только ночевать. Так прошел год.

Он считает себя здоровым, энергичным, сильным человеком. Раньше острый ум на лету выхватывал мысли собеседника, закручивал шутки. Теперь стал серьезнее. При разговоре никак

не может понять сути в бессмысленной болтовне мужиков. Сегодня оказался в труднейшем положении, не смог распутать маленькую шутку: «Почему река Хирлеп течёт в сторону Цивилия, а не наоборот».

Весь сыр бор поднял Метри-Блоха. Откуда у этого человека столько глупых и бессмысленных вопросов – льются как из дырявой бочки. При людях становится неуёмно весёлым и хитроумным. Когда дела не ладятся, лучше с ним не встречаться, запросто одурочит, высмеет. Таким был и сам Эрхип в молодости.

– В чем причина? – поднял Метри свой указательный палец перед мужиками. – Если земля круглая, то вода в Хирлепе и Цивиле должна днем течь в сторону Авшак Элмен, а ночью, наоборот – в сторону Нуроса.

Мужики задумались над трудным вопросом, пытались найти ответ, но никто не имел даже малейшего представления, почему в природе устроено так.

– В природе круговорот, – пытался объяснить им Эрхип. – Воды небольших рек бегут к более полноводной. Например, Хирлеп и Цивиль к Волге, а оттуда – к морям и океанам.

– Потому что деревня Кумбал расположена выше нашего поселения и вода бежит по кособогу вниз, к нам, – по-своему, по-мужицки разложил Метри.

Часть мужиков тут же согласилась с ним, а другие от такого открытия хлопали глазами. Эрхип впервые почувствовал себя круглым идиотом.

Утром его пригласили в райком партии. У секретаря сидели трое.

– Гусев Петр Никитич, – вышел навстречу хозяин кабинета и крепко пожал руку.

– Редактор районной газеты «Путь Победы» Краснов Валерий Петрович, – поздоровался с ним молодой человек в солдатской гимнастерке и сапогах, в левой руке он держал полевую сумку.

«Бывший военный корреспондент», – подумал Эрхип, краешком глаза изучая его.

– Заведующая отделом райкома Николаева, – улыбнулась женщина лет сорока.

– Топриков, зампреда райисполкома, – кивнул головой крепкий мужчина.

– Где вступили в партию? – поинтересовался секретарь.

– После освобождения Минска был награжден орденом Красной Звезды и принят в члены ВКП(б).

– Женат? – спросила Николаева.

Все засмеялись, ведь вопрос задала незамужняя женщина.

– Не успел, – серьезно ответил Эрхип.

Это спасло заведующую отделом от мужских шуток.

Он немного слукавил. В прошлом году вошел в дом к одинокой молодой вдове в деревне Мачамуш, совместная жизнь длилась недолго. Через три месяца жена Виктория умерла во сне, легла и не проснулась, сердце не выдержало. Эрхип недолго переживал, наверное, душа загрубела, да и любви особой между ними не было. В последнее время он стал захаживать к учительнице Хумушской школы Капитолине Бабкиной. Познакомились, молодые подружились, но никто ничего не обещал.

Капитолина – сильная женщина. В первый же день пояснила:

– Сразу вам хочу сказать: я была замужем, чтоб не пришлось думать так или эдак.

– Я догадался, – с улыбкой произнес Эрхип. – Дети сами по себе не рождаются.

– Дочка – единственный мне родной человек. С мужем мы прожили недолго.

Эрхип не стал ставить женщину в неудобное положение, собрал свои пожитки и перешел к ней жить. Она не прогнала.

– Нам нужен выпускающий редактор районной газеты, – прямо объявил Гусев. – Как на это смотрите?

– Более десяти лет я не прикасался к типографическим станкам, – ответил Саваров. – Что скажут коммунисты? Недавно избрали меня секретарем партийной ячейки.

– Вопрос этот уладим. Вас рекомендовали...

– Кто? – поинтересовался Эрхип.

– Чебоксарская типография, где вы до войны работали, замещали должность выпускающего редактора.

– Было время, – вспомнил Саваров. – Приходилось править корреспонденции и очерки, даже пытался писать рассказы.

– Кем будете Платону Леонтьеву? – поинтересовался Гусев.

«Вот те на! – подумал Эрхип. – Дядю вспомнили...», но не стал скрывать:

– Племянником...

Гусев поморщился, странно почесал затылок, но ничего не ответил. На этом разговор прервал, обещали дополнительно сообщить.

Эрхип вышел не крыльцо райкома и пожал плечами: «Стоило ли из-за этого приглашать в район?». Когда Капитолина спросила о причинах вызова в райком, махнул рукой.

– Партийные дела, – коротко ответил он.

Через неделю вновь пригласили в район, утвердили в должности выпускающего редактора районной газеты и пожелали творческих успехов. Тут же позвонили председателю колхоза Смирнову и доложили о решении райкома. В ответ услышали только глубокий вздох.

Комнату в частном доме нашел с помощью редактора газеты. Одинокая старушка выделила угол и сразу назначила Эрхипу оплату:

– За месяц полмешка картошки.

Он улыбнулся, дороговато просит хозяйка, ну ладно уж, отец поможет.

Домой не торопился, сходил в типографию, долго беседовал с редактором, наметил интересующие его вопросы.

В деревню вернулся только через день. Капитолина смотрела на него настороженными глазами, пыталась разузнать, где это Эрхип сутки пропадал. Он не стал скрывать, обо всём рассказал:

– Пока придется жить и работать в Калининe, по ночам не потопаешь.

– Ну что ж, я тебя не держу! – сказала она сухо.

– Не стоит обижаться! – вздохнул Эрхип. – Я партийный человек, куда пошлют, туда и должен отправиться.

– Мы не расписаны, ты вольный человек, – сдержанно ответила Капитолина.

– О жилье пока речь не идет, – пояснил Эрхип.

– Где остановился?

– У одинокой старушки Никитичны.

На этом разговор прервался. Каждый из них думал о своем. Эрхип решил – немного поработает и заберёт их в районный центр. Капитолина обиделась, что не посоветовался с ней, самостоятельно дал согласие, поставив её перед фактом.

Эрхип Саваров домой в Хумуш возвращается только по воскресеньям. в остальные дни с утра до глубокой ночи в типографии. Считает эту работу временной, поэтому готовит замену, около себя держит молодого журналиста Павлова. Парень имеет техническое образование, смывленный, интересуется поэзией, помогает контролировать выпуск газеты.

Работа выпускающего редактора на первый взгляд незаметна. На плечи фронтовика легла особая задача: при каждом выпуске газеты контролировать подачу материала. вместе с журналистами проверять заголовки статей.

Без точного понимания, как и зачем преподносятся очередные факты – нет хорошей газеты. об этом он постоянно толкует корреспондентам. Эрхип не имеет специального образования, это сначала насторожило журналистов, они смотрели на него с недоверием. Прошел месяц, теперь все вместе обсуждают тематические планы публикаций, утвержденные редактором газеты.

Единственная беда. С чувашскими словами возникали некоторые проблемы, как-никак, столько лет не разговаривал на родном языке, изрядно подзабыл литературные выражения и термины. Приходится заходить в районную библиотеку и там со словарем править некоторые статьи.

– Надо приобрести словарь чувашского языка, – предложил он редактору.

Краснов согласился, пообещал в кратчайшее время решить этот вопрос.

Пролетел ещё год. Эрхип так и не привёз Капитолину с дочкой в районный центр, поздно вечером по субботам топал ногами в сторону деревни Хумуш, а в понедельник рано утром возвращался на работу.

Райком партии внимательно следил за выпуском своей газеты, при малейшей ошибке приглашал редактора на ковер. Краснов обещал исправиться, но никогда не давал в обиду работников редакции. После взбучки собирал свой маленький коллектив, проводил местную разборку без криков и упреков.

Однажды Саварова вместе с редактором пригласили в райком к первому. Эрхип заволновался: «Где же допустил промах, какая статья не понравилась?». Краснов молчал, глубоко дышал,

такая у него появилась привычка при назревании какого-то скандала.

Первый их встретил приветливо, расспросил о работе и выложил перед ними новость.

– В Чебоксарах открыли двухгодичные курсы организаторов сельского хозяйства. На первый курс принимают слушателей только по направлению районных комитетов партии. Имеется предложение – товарища Саварова направить на учебу.

– Газета опять останется без выпускающего редактора, – расстроился Краснов.

– Почему же, – вступил в разговор Саваров. – Павлов потянет работу, энергичный, образованный журналист.

Решение райкома партии никогда, никем не обсуждалось, всегда принималось к исполнению. Обрадовался Саваров, что судьба благосклонно отнеслась к нему.

Капитолина выслушала его, но ничего против этого не имела. Что она может сказать, если Эрхип уже согласился продолжить учебу.

После долгого перерыва Саваров вновь оказался в Чебоксарах. Нашел квартиру двоюродной сестры Ирины, младшей дочери дяди Платона. Сначала она его не признала, но как только заговорил, ахнула и обняла брата. Целый вечер сидели на кухне маленькой коммунальной квартиры, тихо беседовали.

– Нам сообщили... ты погиб на войне, – произнесла Ирина.

– Воевал в партизанском отряде, почта не работала, – ответил Эрхип.

– Папа умер в тюрьме, – смахнула Ирина слезы. – Похоронен он на тюремном кладбище, куда нас не пускают. Мама сидела в Алатырской женской исправительно-трудовой колонии – её осудили на десять лет по 58-й.

Эрхип обнял сестру. Она наклонилась к нему и сообщила:

– В Чебоксарах прекратились аресты...

– Это хорошо, – громко сказал Эрхип.

– Потихе ты, здесь коммуналка, – остановила его Ирина.

Долго проговорили родные. Ирина интересовалась жизнью Василисы. Она помнит, как вместе с ней бегали купаться на Хирлеп, убрали сено, грызли морковку, на чужой огород за огурцами лазали.

– У Василисы уже пятеро детей, – ответил Эрхип.

– Ой! – удивилась Ирина. – Как она управляется, тут одна до истерики доводит.

Утром Эрхип ушел. Надо оформиться на учебу, устроиться в общежитии. Ирина просила почаще к ним наведываться.

Учеба началась в назначенное время. За парты сели умудренные опытом, понюхавшие порох войны мужчины и пережившие тыловые тяготы военных лет женщины.

Второй год изучают азбуку научного крестьянского труда. За это время в жизни произошли изменения.

Эрхип влюбился как восемнадцатилетний юноша. Оля Александрова родом из Урмарского района, учится с ним в одной группе. Перед войной вышла замуж, муж с войны не вернулся – погиб под Москвой. Она долгое время руководила полеводческой бригадой.

Эрхип не стал скрывать, что живёт с учительницей, они не расписаны. Оля сама призналась в любви, Эрхип для неё стал самым близким человеком. Они продолжали грызть науку, наконец не выдержали, пошли в загс и расписались. Никто не подозревал, что в группе появилась семья. Скоро решением государственной комиссии выпускникам курсов присвоили специальность техника-организатора сельского хозяйства и направили по назначению – в распоряжение райисполкомов. Оля и Эрхип на время расстались.

– Устроюсь, за тобой приеду, – твердо сказал Эрхип. – Ты в райисполкоме покажи бумажку, что мы муж и жена.

– Не понимаю, как сообщу родителям.

– Мне тоже необходимо уладить некоторые дела, это лучше сделать одному, – признался он жене.

В родном районе дела пошли кувырком. Первым делом Эрхип пошел к Капитолине и выложил всё начистоту.

Новость её расстроила, она расплакалась.

– Прости... – сказал Эрхип. – Больше ни о чём не спрашивай. Это любовь... Настоящая любовь!

Капитолина странно посмотрела на него.

– Живи... Никто тебя не будет упрекать. Только скажи... Неужели здесь тебе было тесно, тяжело? Неужели я не способна любить или такая страшная, что на меня неприятно смотреть?..

Архипу показалось, что Капитолина сейчас играет спектакль. Эти годы для неё были успешными: стала директором

Хумушской школы, вступила в члены КПСС, вхожа в кабинеты райкома.

Она их семейной проблемой поделилась с партийным секретарем. Заявила, что Эрхип Саваров её муж, они давно живут вместе. Наговорила много лишнего. Сообщила, что Саваров часто домой приходит пьяный, бубнит против властей всякие слова.

Враньё всё, чистое враньё!.. Никто не видел его пьяным, никто не слышал от него худых слов. Не раз выступал в клубе перед народом, разъяснял политику родной страны. За Родину воевал честно, за спины не прятался, вся грудь в орденах и медалях. Он честный человек. Почему она так поступила? Может, сыграла женская ревность?

Не прошла и неделя, персональное дело коммуниста Саварова Эрхипа Федотовича вынесли на рассмотрение бюро райкома партии. Пришлось по полочкам разложить свою жизнь. Не помогло – вынесли строгий выговор с занесением в учетную карточку и предложили место бригадира полевода в родном колхозе имени Хрущева. Для него закрылись все двери кабинетов руководителей предприятий и организаций сельского хозяйства.

Капитолина подумала, что этим удержит Эрхипа при себе, вышло по-иному. Сама не выдержала косых взглядов деревенских, в один прекрасный день уволилась с работы, собрала пожитки и уехала с дочерью на родину – на юг. Директором Хумушской школы назначили Георгия Алексеева.

Эрхип тоже покинул деревню. Его до станции Вурнары проводил старый друг Илларион Кириллов. Приехал к жене, устроился садоводом в новом хозяйстве и под надзором председателя колхоза «Канаш» Ольги Саваровой запрягся в работу. Ни о чем не жалел, благодарил судьбу за всё прожитое. Нет худа без добра.

9

Колхоз имени Никиты Хрущева встречал новыми трудовыми успехами седьмой год победы над фашистскими захватчиками.

Дважды раненый Илларион Кириллов вернулся домой в конце 45-го года и сразу стал работать пчеловодом на колхозной пасеке в лесу около деревни Шинер.

Зимой и летом Илларион пропадет на пасеке. Вместе с ним дети – Люба и Мигулай. Как чертяги носятся по лесу, остывают лишь тогда, когда их наказывают пчелы. Сами виноваты: наступают на цветы голыми ногами – их тут же жалят, размахивают руками вблизи ульев – с криком бегут в дом. Теперь умные: около пчел тише воды, ниже травы.

Однажды дети притащили домой двух маленьких зайчат. Выпускать не было надобности – погибли. Втроем смастерили клетку, стали кормить. Зайчата оказались прожорливыми, очень любят молодую морковку. Быстро выросли. Отец пообещал детей накормить зайчатинной. Но Люба его опередила, рано утром открыла дверцы клетки и выпустила зверюшек – только хвосты замелькали.

Сегодня праздник победы. На пасеке остался один сторож. Илларион, надев свою старую солдатскую гимнастерку с военными наградами, вместе с женой Машшук пошел в сторону клуба. В последнее время власти не очень-то балуют своим вниманием участников войны, даже в день победы фронтовики по своей инициативе собирались около клуба и вспоминали боевых товарищей, поднимали чарки за упокой души погибших воннов-односельчан.

Семь лет неюбилейная дата, но местные власти не посмели обидеть ветеранов войны, за неделю предупредили о празднике, пригласили в клуб. Илларион на середине пути стал снимать с гимнастерки награды и прятать в карман. Машшук возмутилась:

– Что ты делаешь? Они кровью заслужены, их вручали за героизм и отвагу!

– Какая отвага? – остановился Илларион. – Наград больше всего достойны те, с кем я делил на фронте кусок хлеба и последние патроны. Они остались лежать в сырой земле, а я, звеня медалями, шагаю по деревне. Душа не соглашается. Немногим улыбнулось счастье – четыре года проползти по тропам войны и вернуться домой без серьезных ранений, целеньким и невредимым.

Машшук не смогла убедить мужа. В клуб он вошёл без наград на груди. Фронтовики удивленно посматривали на него.

Праздник удался. Петру Кириллову и Дмитрию Волкову (Метри-Блохе), вручили медали «За отвагу». Через десять лет нашли награды своих героев. Взрослые, пришедшие на праздник, угощались домашним пивом, школьники и учителя Хумушской школы выступили перед ними с большим концертом.

Весенний ветер ласкал лица людей. Илларион любит горячие майские дни. Круглые сутки на просторе полей тарахтят трактора. Вокруг зазеленело. В бескрайнем небе появились жаворонки, в глубине зеленеющих хлебов слышны звонкие голоса перепёлок. Рядом луг, везде и всюду пчелы. Ему кажется, что именно оттуда, с колхозной пасеки прилетели эти трудолюбивые насекомые и жужжат, перелетая от одного цветка к другому. Если бы люди были на земле такими же трудолюбивыми, как богато бы они жили.

Машшук работает телятницей в родном колхозе имени Никиты Хрущева. Свинарник на 300 голов, ветхий телятник и коровник построили на косогоре под названием «Красноярск» ещё до войны. Внизу кормозапарник, небольшая изба для отдыха животноводов и доярок. Рядом полноводная река Хирлеп, на правой его стороне от разноцветья рябит хумушский луг. Непонятно телятницам, для кого выращивают таких хилых телят, от холода и болезней гибнут, растут медленно. Однажды приехал молодой корреспондент газеты и накатал большую статью о недостатках в колхозе имени Хрущева.

Председатель колхоза Владимир Смирнов тут же появился на ферме. Давно его не было видно в этих краях. Захотел увидеть своими глазами разруху, собрал вокруг себя членов правления, они битый час, размахивая руками, толковали на повышенных голосах. К ним подошли телятницы Машшук Кириллова и Галя Сорокина.

– Во, замахали, скоро улетят, – засмеялась Галина. – Неужели хотят отремонтировать телятник? Сначала обеспечили бы водой.

– Всему своё время! – огрызнулся бригадир.

Галина не растерялась, с отчаянием прокричала:

– Приведи сюда свою жену, вместе будем сдавать нормы ГТО по бегу с полными ведрами воды.

– Ну ты даешь! – одёрнул её председатель.

– Что тут дать! Телятник находится на косогоре, в двухстах метрах от реки Хирлеп. За день приходится шагать с ведрами полсотни раз, к вечеру руки отваливаются. Не раз просили выделить водовоз. Машшук помогают старшие дети, после школы сюда прибегают, а я одна мучаюсь. Подумайте о телятах. Они как дети. Когда здоровы – играют, такой топот стоит. Заболели – тишина, лежат, грустными глазами смотрят на нас.

– Отремонтируем. – глухо произнес председатель. – К зиме утеплим и запустим туда телят.

Женщины переглянулись. Вчера они слушали радиопередачу. Диктор рассказывал о планах развития республики на следующую пятилетку. В сельском хозяйстве планировалось увеличить поголовье крупного рогатого скота почти на сорок процентов. В области планируется построить ряд животноводческих комплексов, в том числе и в колхозе имени Никиты Хрущева.

– Где будут фермы? – спросила Машшук.

– Около деревни Хумуш, у сухого озера. – показал рукой Смирнов.

– А телятник?

– Там же, в комплексе предусмотрены самые современные технические новшества: автоматические дойки и автопоилки.

– Тогда уж нужны и автодоярки. – пошутила Галина.

– Да ну вас, – раздраженно буркнул председатель. – Идите, займитесь своими делами.

Женщины не поверили. По радио много говорят о хорошей жизни, но она никак не налаживается – каждый раз всякие трудности.

– Где колхоз возьмёт деньги? – рассуждали женщины между собой. – Поговорят и успокоятся...

Откуда им знать, что государство решило построить эти комплексы за свой счет и передать колхозам безвозмездно. Для этого было запланировано создать в республике межколхозную строительную организацию.

Немало сделано за послевоенное десятилетие. Несколько раз понизили цены на нужные товары и продукты питания, разрешили без налога держать скот, строить дома, стали выделять строительные материалы, так необходимые для возведения жилья.

Летом для телят на берегу реки огородили загон с крытым навесом. Весь сезон они находились на свежем воздухе. Их берегли как детей, выводили на луг, на зеленой траве они быстро окрепли. Пас их дед Герасим со своим внуком подпаском Ваней. У Игнатьевых большая семья, Анна одна воспитывает троих сыновей. Муж после войны умер, оставил детей сиротами. Старший Иван этой весной сидел плугарем. После завершения

посевных работ дед попросил его ходить вместе с ним за телятами, как-никак гарантированные трудодни. ощутимая помощь семье.

Летом у Цивилья восхитительно. Дед Герасим соорудил танганку. Вокруг неё всегда народ, где ещё попробуешь уху из мелкой рыбы? Вкуснее ничего нет.

Пришла осень. Солнце медленно уплывает за горизонт. Светило рано угасает, кидая на землю туманные сумерки. На лугу гуляют колхозные стреноженные лошади. Они не мотают головой как в зной, мирно пасутся вдоль реки Цивиль. За деревней Кумбал появились разноцветные облака. За рекой начали собираться оранжево-красные тучи. Поля и луга опустели, потихоньку растворяясь в ночной темноте.

* * *

Илларион и Машшук Кирилловы, наконец, решили поставить новый дом. В старой избе гуляет ветер, в зимнее время тепло не держится. Красавец с пятью окнами и высоким крыльцом давно был нарисован на бумаге. Целый год Илларион работал в лесной бригаде, за что ему через Калининский лесоторговый склад выделили двадцать кубометров круглого строевого леса.

Илларион привёз бревна и возмущенно выговаривал:

– Мастер замеряет бревна с комя, а не с верхнего отруба, как это следует делать. Лес второго и третьего сорта выписывают как первосортный. За полсотни бревен пришлось переплатить восемьдесят рублей. За подбор и погрузку леса потребовали по рублю за бревно. Издеваются над народом!

– Надо было попросить лошадей в колхозе, – вздохнула Машшук. – Завтра вывезли бы.

– Нельзя оставлять отобранные бревна на территории склада, увезут. За погрузку двух машин пришлось заплатить семьдесят пять рублей.

На матицы бревен не нашлось. С властями не договоришься, лучше напрямую с хозяином леса. Присмотрел сосны, несколько раз ходил к леснику – бесполезно, тот не сдавался. Наконец удалось уговорить.

Противный, конечно, тип, никогда не выручит, приходится к нему от безысходности несколько раз обращаться.

Разговор с лесником состоялся, пришлось отвезти овечку. Лесник повел Иллариона к высоким старым деревьям и похлопал их руками. Одна из них скрипнула, будто почувствовала, что скоро её жизнь оборвётся. Сверху подул ветерок, сосны зашумели, застонали, сбросив на людей желтые иголки. Зашелестела листьями стоящая недалеко береза. От ветра она качалась, будто пыталась на прощанье своими ветками коснуться старых друзей.

Илларион посмотрел на деревья и глубоко вздохнул. Шурин Петр любовался соснами.

– Замечательные матицы, обе десятиметровые, как раз на хорошую избу, – радовался Илларион.

– Руби днем, меньше шума! – строго предупредил лесник. – Обработай – ни одного сучка, ни одной щепки не оставляй. Пни следует выкорчевать и увезти подальше в лесной овраг.

– Не переживай, никто не узнает.

– Смотри ты у меня! – строго пригрозил лесник.

Илларион вечером на долгуше бревна подвёз к дому. Надо же, сосед Трофим Фирсов пригласил к себе гостей, ему стукнуло шестьдесят. Без шума бревна во двор не затащишь. Захмелевшие гости скачут во дворе, кричат, радуются. Беда с соседом, давно между ними пробежала кошка. Трофим держит камень за пазухой на весь род Узьяка Павлова. Когда-то отец Трофима за воровство попал под горячую руку хозяина мельницы. С тех пор Фирсовы вставляют палки в колеса Узьяковым. Если увидит бревна, обязательно доложит властям.

Илларион стоял за огородом и размышлял: вот высокая картофельная ботва, бросишь бревна в междурядье, там и исчезнут от любопытных глаз.

– Чего остановились? – шепотом спросил шурин.

– Небольшая заминка, не знаю, куда деть бревна...

– Чего тут смотреть на пьяных, им не до нас!

– Бревна только что вырублены, мой сосед каждую доску, каждый гвоздь записывает в тетрадку и докладывает в милицию. Уже два раза из ОБХСС с проверкой приезжали. Может, бревна все-таки в междурядья положим?

Сказано сделано. Мужики немного потоптали ботву, но уложили их между тремя рядами картофеля.

Илларион всю ночь не спал: пьяные голоса, песни, пляски не давали покоя, всю душу растревожили. Ворочался в постели, как больной человек.

– Чего не спишь? – насторожилась Машшук.

– Что-то беспокойно. Дурак, перед лесником стелился, куда-то торопился, надо было официально оформить...

– Кто тебе разрешит такую сосну вырубить? Год ходил бы по коридорам властей, подписывал нужные бумаги.

– Пусть так! Нам, что, негде жить или находимся в гостях?

Машшук не стала продолжать разговор, отвернулась и скоро засопела. Илларион только к утру сомкнул глаза.

Лежит и видит сон. Он в чужом саду собирает яблоки. Вдруг откуда-то появилась старушка и палкой сильно ударила несколько раз по левому боку. Проснулся от боли. Оказывается, Машшук тычет кулаком. Глаза у неё чужие, испуганные, бормочет черт знает что?

– Вставай быстрее. Трофим вынюхал про бревна! Милицию вызвал.

– Ах ты, окаянный! – как ошпаренный вскочил на ноги Илларион.

Набросил на себя одежду, сунул ноги в сапоги и выбежал во двор, сильно захлопнув за собой дверь, отчего старый дом задрожал, словно испугался.

Илларион сел на приступок нового дома и стал размышлять, что скажет милиционерам. Если докажут, могут и посадить. Успокоился: никто не найдет место вырубки сосен, пней и сучков не видно, вокруг всё искусно замаскировано. В жизни всякое бывает, перепутал, не там вырубил. Рановато сдаваться.

К обеду подъехали работники ОБХСС, с лесником. Увидев бревна, хозяин леса заорал дурным голосом:

– Кто тебе разрешил вырубить эти сосны?

Эти слова Иллариону придали силу и уверенность. Он понял, лесник себя защищает. Поэтому виновато заговорил:

– Голову на плаху ложу. Уверяю, ронял именно те сосны, что тобой указаны.

– Придется отвечать перед судом.

– Надо будет, отвечу, – заявил Илларион, а сам в голове оценивал происходящее: «Посмотрим, чья возьмёт, сначала разберусь с соседом, не всё время ему мышцей ловить. Завяжу узелок на память».

Милиционеры составили акт, Иллариона предупредили: никуда не исчезать! А куда он пойдет, только смерть может унести его подальше от родного дома.

Судебное разбирательство всё-таки состоялось. Из зала суда, как из пруда, сухим не выйдешь. Добро государства страхом огорожено. Иллариону пришлось доказывать, что никто, кроме него, не виноват, он перепутал сосны и вырубил не те.

За чистосердечное признание, за то, что он никогда не привлекался, Иллариону пришлось за каждую сосну заплатить штраф по двести рублей. Бревна на матицы отобрали и передали на реализацию. Лесник продал эти несчастные бревна обратно Иллариону за сто пятьдесят рублей. Дорого обошлись матицы: овечку лесник не вернул, пришлось продать корову, заплатить штраф в указанные сроки. Одно успокаивало – матицы получились крепкие.

Захар в этом году дневал и ночевал у зятя с дочерью, крутился, помогал завершить строительство. Остались без кормилицы коровы, но жильё достроили. Теперь Машшук с семьей живёт в новом доме.

* * *

Сегодня на улицах деревни Услаба гудит народ, от мала до самого немощного старика высыпали на свежий воздух, встречали Пасху. На месте бывшей языческой часовни Часавай установили качели, а рядом под надзором взрослых дети весело крутят колесо масленичной карусели. Раньше карусели устанавливали под Рождество на каждой улице деревни. Выбирали место, чтобы вокруг не было заборов, столбов и строений. Шестиметровая жердь с санками, прикреплялась к осевому колесу. Когда его крутили, скорость санок увеличивалась в несколько раз. Парни и смелые девушки, сидящие на санках, часто из них вылетали в снег. Из сугроба вылезали под общий хохот.

Захар раньше любил такие развлечения. В ушах ветер, какая-то невидимая сила пытается выкинуть тебя из санок. Он держался, не ослаблял внимание. Однажды отвлекся на красивое румяное от мороза лицо Анисы и тут же оказался в снегу.

– Больно? – спросила она, помогая подниматься.

– Терпимо, – ответил Захар. – До нашей свадьбы заживёт.

Аниса тоже любила праздники. Это было в детстве. Однажды перед Рождеством родители ушли на речку стирать льняные холсты. Она осталась одна. Вытащила из печки чугуна с горячей водой и вымыла пол, не идеально, конечно. Довольная, она ждала возвращения родителей. Отец вошел в избу, постоял у двери и говорит:

– Боже мой! Помощница выросла!

– Хотела, чтобы дома было чисто.

– Значит, работа пристала.

– Не пристала. – возразила Аниса.

– Повзрослела ты, дочка. начала понимать что к чему.

С тех пор прошло много лет. Теперь Аниса сама бабушка. уже пятеро внуков радуют душу.

Вечернюю тишину нарушил отчаянный женский крик. Аниса вздрогнула, узнав голос соседки. Значит. Соколов опять принялся учить уму-разуму свою старую жену Матрию. Грубая мужская ругань была слышна даже в конце деревни, но никто не торопился его утихомирить. Все знают зверский характер Петрука и стараются лишней раз с ним не связываться. Может садануть тем, что в руки попадёт.

– Убью-ю! – гремел в темноте пьяный голос Соколова.

Давно в деревне не было таких спектаклей. После тяжелых двадцатых годов мужики распоясались, кидались на жен. Сильно били. Никто баб не защищал, одна даже умерла от побоев. Тогда председатель сельсовета Мирон Ефимов по просьбе стариков принял жесткое решение. двоих за рукоприкладство, за унижение трудовых крестьянок на пару лет отправил валить лес, в деревне сразу затихли женские вопли. Если уж били жён, то тайно – никто сор из избы не выносил.

После войны крики женщин вновь возобновились.

– Сколько лет при советах живём, а жестокие нравы мужиков так и не смогли искоренить, – возмущался Захар.

– Как увижу подруг. избитых мужьями, сердце разрывается, – вздохнула Аниса. – Меня ты ни разу не тронул пальцем.

Захар улыбнулся и ответил:

– Не было причины.

– А в детстве обижал!

– Не хотела ты со мной дружить, – пояснил Захар, потом промолвил. – Любил по-глупому...

– А я от обиды часто ревела.

– Прости за детские шалости.

– Что было, то прошло, – ответила Аниса.

Захар замолчал. Он ведь своими глазами видит: в деревне за последние годы мало что изменилось. Те же люди, дома у большинства покрыты соломой. Всё убого и запущено. Понятно, с одной стороны, война виновата. но и мужики не торопятся улучшить свой быт. Потухшие у них глаза, то, что добывается, зарабатывается, уходит в закрома государства. Колхозное хозяйство тоже не процветает: увеличился падеж скота, урожайность зерновых и картофеля упала до самого низкого уровня, требуется принять какие-то меры. Вот и в семье крепкие мужики, которые на войне были героями, скисли, опустили руки, стали пьянствовать и устраивать домашние разборки.

– Нет на них Мирона Ефимовича! – с грустью продолжил Захар.

– Бабам тоже когда-нибудь следует успокоиться, – поддержала разговор Аниса.

– О ком ты говоришь? – спросил Захар.

– Про Марью Воробыху ...

– Бесстыжая баба, первого мужа на войне убило, второго сама выгнала. а дальше пошло-поехало.

– Мужики тоже сразу хвосты начинают поднимать, лишь она бровью поведёт, – продолжала Аниса.

– Если сучка не загуляет, кобели не соберутся.

– Люди, может, излишне болтают, не допускает она открыто иметь срамную связь с мужиками.

– Откуда ты знаешь? – поднял голову Захар.

– Она сама много языком болтает, оттого и страдает, – ответила Аниса. – Недавно на ферме с председателем сельсовета схватились.

– За что?

– Марья пошутила: «Ни одного путного мужика в деревне не осталось – пьяницы и молокососы. Забыла, как выглядят настоящие кавалеры». А Полякова выслушала и отвечает: «Кто про что, а вшивый про баню». Что тут началось! «Не учи меня жить и рот

не затыкай!» – крикнула Марья. Люба не сдаётся: «Не только рот, но и ещё кое-что заткнула бы!». Марья отчаянно запричитала: «Из-за этой проклятой войны уже десять лет не надевала вышитые платья. Хожу в телогрейке, в галошах, а платок завязываю до самых бровей. Не женщина, а баба нетёсаная, деревяшка. Мужа нет, дети еды просят, одежду требуют. Где я возьму?.. Так и реву, обнимая подушку. Была кругленькая, стройная. Парни плясали вокруг меня, табуном ходили. А теперь кто я? Лицо моё сморщилось, выгляжу как шестидесятилетняя старушка».

– Время беспощадно, – вздохнул Захар.

– Не время, а жизнь крестьянская такова, – ответила Аниса. – Приходят бабы с работы и падают от усталости, а утром чуть свет на ногах. Женская жизнь проходит у печки и на колхозном поле.

Захар удивленно посмотрел на жену. Вместе с ним прошла Аниса все круги ада, никогда не жаловалась на судьбу, а в глубине души, видимо, испытывала затаенную печаль.

10

Жизнь идет своим чередом.

В последнее время часто моросит дождь. Дым домашних очагов кружится над деревней вместе с речным туманом. Люди, выходя на улицу, зябко поеживаются.

Вокруг пахнет гнилью, старыми намокшими бревнами, цветущей зеленью на соломенных и тесовых кровлях. Мелкий, несмотря на лето, холодный дождь хлюпает, не переставая, барабанит по деревянному корытцу, валяющемуся во дворе. С карнизов струей льётся вода – пенится в лужах. Черная земля на улице расползлась, грязь до колен. Неуютно.

А сегодня с утра занялся ясный, тихий, ласкающий душу день. Мокрая земля дымит испариной, теплится наливающимися колосьями ржи. Высоко-высоко в синем небе зависли голосистые жаворонки.

Федот Саваров проснулся не в духе. Вчера вечером после нескольких стаканов пива и порции водки душа подобрела, вытащил заначку и отдал Кристине. Сам в руки сунул, будто она его заморозила. Теперь деньги находятся в надежных руках, ни за что не выпустят.

– Идиот! – глубоко вздохнув, выругал себя Федот.

Войдя в избу, прикинулся простачком, стал шарить по карманам брюк и старой солдатской гимнастерки.

– Чего потерял? – спросила Кристина.

– В кармане были деньги, часть из них чужие.

– Нечего чужие деньги в кармане носить! – строго сказала она.

А он рассердился: «Вот баба, опять воспитывает».

Федот с сыном Михаилом с утра до ночи стучат в своей кузне, готовятся к уборке урожая. Народ идет и идет с просьбами. Люди перед жатвой спохватились. Надо править инструменты, выкинуть жалко, руки к ним привыкли, да и на базаре хороших серпов не купишь.

Объединенный колхоз имени Хрущева впервые выходит на жатву так поздно. Дожди не давали покоя, теперь солнце поднялось и стало греть землю. Смирнов торопит народ, надо управиться, пока стоит хорошая, ясная погода.

Для ручной жатвы поля разделили на три бригады, остальные участки запланировали косить двумя жнейками, двумя лобогрейками.

У хумушцев ржаных полей больше. На жнейку сел Павел Кураков. В последнее время врачи запретили ему выполнять тяжелую работу, но он не может остаться в стороне. Федоту тоже захотелось испытать старую технику с грабельками, полностью отремонтированную своими руками. Перед тем, как тронуться с места, он несколько раз опускал и поднимал полотно, затянул болты. Когда кони пошли, кузнец обрадовался, машина затарахтела, стала махать граблями.

Рожь в этом году крепкая, богатая, стеной стоит перед Федотом. Внизу лобогрейки зубастая пила режет ровно, укладывая стебли на полотно. Федот нажал на педаль, и готовые снопы упали на землю. Женщинам остается только связать их и поставить в суслоны.

– Ольга! – закричал Федот.

– Я за неё! – отвечала язва-соседка Феня-Шельма.

– Какой я нынче мужик? – похвастался Федот.

– Не попробовала.

Со всех сторон стоит хохот, женщины визжат от слов зубастой бабки.

– Значит, не любишь?

– Не заметил что ли, вся высохла, одни кости и кожа!

– Я тоже... Может, встретимся?

– Сейчас пойду, постель приготовлю! – ответила Феня, но вдруг серьёзно сказала. – Доложу Кристине! Останешься без зубов, недаром её Кувалдихой зовут.

Разговор притих. Федот, получив словесную взбучку, не останавливая коней, пошел на второй круг. Если так дальше пойдет, к вечеру участок будет убран, снопы поставят сушиться в суслонах. Лобогрейка работала ровно, без толчков. На третий круг он не пошел, технику уступил молодому Владимиру Емельянову. Долго его наставлял на путь истинный, просил не дергать ручки, не колотить технику. Сам отправился в кузню.

– Хозяева, мать вашу за ногу! – выругался Федот Саваров, увидев разбитую сенокосилку. – Откуда только притащили? С ремонтом придется повозиться, совсем помяли, хорошо хоть ножи в нормальном состоянии. Ничего. Кое-где залатаю, кое-где поправлю – заработает как новенькая.

Людам не сидится дома в такую погоду – идут и идут в кузню со своими бедами и просьбами. Вот опять около у двери кто-то скребётся, никак не может открыть.

– Тяни посильнее! – крикнул Федот.

Наконец дверь скрипнула, и вошла Синави. Федот посмотрел на неё злыми глазами. Не получается с этой старухой беседы. Непонимание идет со дня похорон первой жены Федота. Наговорила Синави тогда кучу гадостей, напророчила семье злые предсказания.

– Чего тебе? – глухо спросил Федот.

– Станок сломался, – показала Синави какую-то деталь, но кузнец догадался, что это обыкновенная железная игла. Истерлась, лопнула от неутомимого труда. Синави продолжает ткать дома кули. Федот ненавидит эту работу.

Когда-то его отец Савар Леонтьев подрядился ткать кули. Изба наполнилась замерзшей липовой мочалкой. В тепле её окутал пар до потолка, со стен начала капать вода. окна покрылись толстым слоем льда, отчего стало темно, будто не день, а ночь незаметно подкралась. От влажного воздуха дышать трудно, хочется убежать. Но куда деться? Деньгами от продажи рогож и кулей погашали часть налога.

«Ай, боже мой! – твердила тогда мать. – Не любит крестьян государство. Всё отбирает».

С тех пор прошло более сорока лет. А Синави со своими родными продолжает заниматься кулеткачеством. Станок без этой иголки – бесполезный инструмент.

– Момент! – согласился Федот.

Такой уж у него характер, человека ненавидит, а просьбу выполнит – не прогонит из кузницы, не обидит. Поискал в куче хлама проволоку, покрутил, повертел и начал работать. Часа не прошло, иголка готова, но Синави куда-то исчезла. Многие её боятся, даже дом стороной обходят. Старики говорят: «упырь* в этой избе живёт. Он пристаёт к одиноким людям, путников сбивает с пути».

Сбивает или нет, никто не знает. Но по деревне ходит жуткая молва: «Мать Синави в молодости прервала беременность. Бог на неё рассердился, наложил проклятие – бесовское превращение. Женщина ночью стала исчезать, выходила за огород, падала и превращалась в белую собаку. Муж заметил это и повел венчаться. Она сопротивлялась, проклятие Бога ещё не снято. После венчания это проклятие перешло и к мужу, они начали выть вдвоем. Однажды ночью служивые люди возвращались из Авшак Элмен, увидев белых собак, застрелили их. Утром за околицей нашли тела отца и матери Синави. Девочка выросла у бабушки-знахарки. Она передала внучке мастерство колдовать, привораживать и лечить людей». С тех пор народ боится Синави, держится от неё подальше.

Федот человек неверующий, но то, что случилось с ним много лет назад по пьяни – не поддается объяснению.

Это было зимой. Как-то вечером по пути из Нурос он догнал друга Ефима Ласточкина. Поразился Федот: «Откуда шалопай появился? Давно его след потерялся в сибирской тайге. Может, к родным приехал?». Ефим без остановки болтал – разные прибаутки, шутки выкидывал, о Сибири рассказывал, не давал ему даже рта раскрыть.

Идут по дороге, Федот не понимает куда шагают. Шли-шли и оказались у околицы родной деревни. Удивился, когда же новые ворота поставили – выше прежнего, понизу собаке не пролезть.

Вот Ефим и говорит:

---

*У п ы р ь – злой дух.

– Мы сейчас с тобой на улах* зайдем. Ворота открывать не будем, скрип девки услышат, не пустят, пролезай под воротами.

– Дырка маленькая, я не проползу, – ответил Федот.

В это время недалеко запел ночной петух, залаяли собаки. Открыл глаза и испугался, сидит на коленях на реке Хирлеп, а голова к проруби склонилась.

Посмотрел вокруг – никого нет, только ночная речка подо льдом шумит. Вот куда затащил его упырь в облике Ефима!

Федот после этого случая перестал общаться с Синави, за сто метров её обходит. О произошедшем случае никому не рассказывал, помалкивал. Засмеют ведь в деревне. А жена говорит:

– С пьянки у тебя черти прыгали перед глазами!

«Может, она права... – подумал Федот. – Надо взяться за ум, хозяйством заняться. Кристина давно просит пустить хряка на мясо, да времени нет...»

* * *

Хряк силен. Оставили его, думали, будет с него толк, а он оказался пустым, хоть стой, хоть падай. Наконец Федот с ним разделается, мясо продаст на базаре. На помощь пригласил брата Лазаря и племянника Николая. Заготконтора принимает живым весом, но над народом издевается, на глазах снижает упитанность, отчего на мясо цена резко падает.

Мужики собрались с утра. Как положено в деревне, перед серьезным делом пропустили по сто граммов зелененькой* и сидя на бревне стали рассуждать.

– Свинью надо кормить умеючи, – поучительно сказал Лазарь. – Пару недель кормить вдоволь – в пищу добавлять побольше жмыха, потом на такое же время устроить голод – кормить только травой. Получится: слой сала, слой мяса. Просто объединение, во рту тает.

– Жарить тоже надо уметь, – продолжил разговор Федот. – Танюк была мастерицей.

– Вспоминаешь?

---

*У л а х – место, где девчата устраивают посиделки.

*З е л е н ь к а я – водка в зеленой бутылке с зеленой наклейкой.

– Как иначе, дети общие, двадцать лет вместе жили...

– Ну ладно. Где хряк? Выводи...

Федот вошел в хлев, оттуда выскочил кабан, этак, пудов на десять-двенадцать.

– О-хо! – удивился Лазарь.

– А ты как думал, – похвастался Федот. – Кормили на славу.

– Трудновато будет, – почесал затылок Лазарь.

– Ничего... Справимся, – успокоил их Николай.

– Не впервой, – ответил Федот.

Он вытащил целое ведро какой-то бурды, вылил в деревянное корытце. Хряк, чмокая и чавкая, стал глотать пищу. В это время Николай перекинул веревку через его туловище, привязал за задние ноги. Хряк не сопротивлялся, он был занят едой, происходящее вокруг его не интересовало.

– Шибче затяни, выскочит, – предупредил Лазарь сына.

Николай и Федот приготовились, держась за веревки, ждали команды.

– Давай! – махнул он рукой.

Мужики резко потянули веревку. Хряк, почуввав неладное, начал сопротивляться. Когда задние его ноги оказались в воздухе, стал кидаться по сторонам. Силы были неравные, хряк с хрюканьем и визгом оказался повешенным на перекладине головой вниз.

Не успел Лазарь использовать нож по назначению, перекладина затрещала, сломалась пополам, хряк рухнул на землю, освободился от веревки и кинулся на них. Мужики оказались за оградой. Хряк опрокинул корытце, нарушил мостки, но достать их не смог.

– Что же ты, каналья! – выругался Лазарь. – Не смог наладить нормальную перекладину!

– В прошлом году только установил, – оправдывался Федот.

– Надо было дубовую, а не липовую! – продолжал высказывать Лазарь.

– Сейчас я его! – Николай побежал домой. Вернулся со старым дробовиком «берданка» с тремя патронами. – В ухо шандарахну!

Федоту не приходилось ещё идти с ружьем на домашнюю свинью. На кабана ходил, а чтоб хряка домашнего свалить – до такого ещё не додумался.

– Не в ухо, а в лоб, – рекомендовал он племяннику.

– Лучше уж под левую лопатку, прямо в сердце, – подсказывал Лазарь.

Николай приготовился, взял патрон с крупной дробью. Прицелился, хотел попасть в ухо, но в самый неподходящий момент хряк повернул голову. Раздался выстрел, часть дроби попала в голову, а остальные пролетели мимо, продырявив бревна в хлеву. Хряк от боли озверел. Мужикам пришлось спрятаться в сарае и плотно закрыть за собой дверь.

– Стрелок! – рассердился Федот. – Дай сюда ружьё!

Николай не стал сопротивляться, доверил дело дяде. Хряк крушил всё, что попадется на его пути. Доски, разная домашняя утварь летели по всему двору. Федот немного приоткрыл дверь, не хотел стрелять вслепую, ждал, когда животное успокоится. Наконец хряку надоело воевать, он подошел к двери, где спрятались горе-мясники. Федот прицелился в лоб и нажал на курок. Крупные дроби снесли полголовы вместе с пятачком, но хряк остался жив, визжал и крутился на одном месте.

– Давай ещё раз! – торопил брат Федота. – Весь двор кровью испачкает.

Прозвучал очередной выстрел. Хряк прыгнул и упал на землю. Эхо хлопков растревожило деревню. Залаяли собаки, люди удивленно переглядывались, не понимая происходящее.

Кури Алексеев, участковый милиционер, услышав первый выстрел, насторожился. Когда прозвучали ещё два грохота, натянул гимнастерку, ремень, проверил кобуру и побежал в сторону переулка, откуда гремели залпы. За ним кинулась Василиса, уж слишком тревожные были глаза мужа.

– Быстрее, Кури!.. Быстрее!.. – просила она. – Что-то там неладно!..

От звуков пальбы соседи повыскакивали на улицу, но боялись подойти к дому Федота.

Кури влетел во двор и остановился. У хлева лежал огромный хряк, везде разбитая утварь и развороченная ограда. На крыльце охала Кристина, размахивая руками, как гусыня, лупила себя по бедрам.

– Что случилось? – не сразу сообразил Кури.

– Вот, зятек, – ответил Федот. – Хотели шурпе сварить, но без ружья не справились.

Тут прибежала Василиса. На крыльце продолжала «плясать» очумевшая Кристина, вокруг хрюка стояли довольные мужики, словно после удачной охоты.

* * *

Любит Василиса зимние дни. Удивительная красота. Солнце висит над горизонтом, высоко не поднимается. А при сильном морозе их три. В середине яркое, ослепительное светило, а с двух сторон желтоватые полосы играют в тумане. Деревья покрыты инеем, белеют как паруса над Хирлепом. Вокруг тишина, но она обманчивая. Под ногами людей тысячами лопаются и хрустят замерзшие снежные иголки. Полозья саней поют песни, они разные – зависят от породы дерева. Лошади от холодного воздуха и слабого тумана фыркают. Бревна строений и старые деревья не выдерживают мороза – трещат и трескаются.

– Куда торопишься, как угорелая? – зазвенел сзади знакомый голос.

Василиса обернулась и увидела Ирину. Обрадовалась, обняла её. Эта немногословная женщина нравится Василисе. Когда были ребятней, не обращала внимания, мало ли в деревне дети раскулаченных растут, считай, десятка два наберется. Отец ставил её в пример, хвалил девушку:

– Если бы все люди трудились как Ирина Макарова, давно бы коммунизм построили.

Во время свадьбы Ирины и Василия Евсеева председатель Федот Саваров был посаженным отцом со стороны невесты.

В начале войны Ирина получила похоронку на мужа, потом её отправили на военный завод. Пути-дороги разошлись, теперь они стали родными.

– Как там, в Ярмушке? – спросила Василиса.

– Вот как. – улыбнулась Ирина, показывая на живот.

– Тяжелая?

– Четыре месяца.

– Второй ребёнок?

– Муж хочет и третьего.

Василиса улыбнулась, она порадовалась вместе с Ириной, повела её к себе домой.

Кури уехал по своим делам. Дед Мирон, как всегда, на колхозном дворе, с мужиками лясы точит. Дети дома, Уля сидит за уроками, младшие, глядя на нее, рисуют на газетных листах. От печки тянет теплом, пахнет вкусным мясным супом.

– Прибегали с пекарни, на работу вызывают, – сообщила Уля.

– Сбегай, помоги Анне, скажи, что гости приехали, – попросила Василиса дочь.

Та быстро оделась и закрыла за собой дверь.

– Улей зовут, двенадцатый год идет, – с гордостью сказала Василиса, потом назвала имена дегей по старшинству. – Эта Галя, тут Владик, вот Альбина, а в зыбке Андриюша.

– Имена не путаешь? – засмеялась Ирина.

– Бывает...

Василиса помогла гостье снять полупальто из плюша, повесила на гвоздь.

– Мать обижается, что не заглядываете к нам.

– Вот родится у тебя малыш, на крестинах и попляшем, – сияла Василиса от радостного волнения.

– Хватит сидеть дома, приезжайте к нам почаще, – пригласила Ирина.

– Душно мне... – вдруг призналась Василиса, приседая на скамейку.

– Что-то не так? – удивилась невестка.

– У нас уже пятеро детей, а Кури ходит в холостяках, не думает со мной расписываться. Получается, я одинокая, незамужняя баба, а муж – мой любовник. И на самом деле так, возвращается домой, когда захочет...

– Может, работа такая...

– На базаре успели шепнуть, что он вновь ночует в Сявалкасе, – тихо сказала Василиса, боясь, что услышат дети.

– По хозяйству помогает? – спросила Ирина.

– Дрова колоть выйдет, а чтобы воды принести или печку затопить – считает для себя унижением. Откуда только такое, ведь он деревенский мужик.

– Мирон не обижает?

– Пока нет, порою опять грозит выселить, тогда не знаю, куда деваться с детьми.

– Надо поднять своё гнездо.

– Надо, но как? Нет ни средств, ни желания у мужика.

– Каждому нужна своя крыша над головой.

Поговорили обо всем, пообедали, попробовали новое пиво. Ирина заторопилась, зимний день короткий, пока светло, надо четыре версты отмахать, вечером боязно. Василиса проводила её до ослабинского косогора, тут на санях их догнали ярмушцы. Шумная компания возвращалась из Нуроса, Ирина уехала вместе с ними.

Кури вернулся домой под вечер следующего дня, сразу попросил ужин. Василиса быстро вытащила из печки шарку со свиной и присела рядом за стол только с одной целью, вызвать мужа на откровенный разговор.

– Мирон Ефимович опять грозитя нас выселить, – взяла Василиса быка за рога.

– Ну и что! Найдем другую избу.

Василиса не может привыкнуть к такому разговору: «Ему всё нипочем, ко всему готов...».

– А кто для нас приготовил конуру? – спросила Василиса.

– Не здесь, так в других деревнях имеются пустые дома сибиряков. Сельсовет за ними присматривает, подберёт.

– В Сявалкасе что-ли? – резко вскинула голову Василиса.

Кури разозлился. Глаза сузились, налились злобой, губы начали дрожать. Если бы Василиса в это время опрометчиво продолжила разговор, то он сразу пустил бы кулаки в ход.

– Чего тебе не хватает?! – закричал он.

Услышав крик, дети испугались. Глаза у них забегади, смотрели, то на отца, то на мать.

– Мне-то всего хватает, а детям нужен дом, не чужой, а собственный. – спокойно ответила Василиса.

– Заткнись! – свирепо крикнул Кури.

Когда нечего сказать, мужики стараются женщине рот закрыть, чтобы замолчала, не смела отравлять жизнь глупыми вопросами.

– Ты не закрывай, пожалуйста, мне рот, я мало когда перечила тебе, всегда во всём соглашалась, с детьми таскалась по деревням. За шесть лет три деревни сменила.

С улицы забежала дочь Альбина и бросилась к отцу.

– Тетя Ирина у нас была. Пап, я с мамой в тарантасе в Ярмушку поеду. Вот!...

– Чего кричишь? – цыкнул он на неё. – Не глухой, слышу. Альбина притихла.

– Что случилось с Кури? – присела Василиса у окна на лавку. – Что с тобой творится? Отчего кидаешься на детей?

– Заладила одно и то же. Какой уродился, такой и есть, а коли не нравится, можете отчаливать...

Дальше не знал, что добавить. Хотелось сказать что-то грубое, обидное.

– Скоро я оставлю эту работу! – вдруг признался он.

– Тогда останемся без куска хлеба. Ты и так своим детям отдаешь всего половину жалованья.

Кури сразу озверел. Подошел к жене и дал пощечину. Василиса вскочила, но сдержалась, не закричала, боялась испугать детей. Но тут случилось невиданное. Дети набросились на отца. Уля и Владик сильно его укусили за ноги. От боли Кури застонал, но детей не тронул. Сел на скамейку, растирал ноги, крепкими оказались зубы детей.

Не торопясь подошел к жене. Василиса сжалась от испуга, ожидая удара. Но вокруг неё вновь встали дети. Они смотрели на отца, не отводя глаз.

– Ещё раз тронешь... Пойду на работу и расскажу начальству, как ты себя ведешь. На людях ангел, а дома – черт. Сам себе верёвку вьёшь.

Василиса говорила быстро, словно боялась, что не успеет высказаться.

– Иди... Посмотрим, где тогда ты будешь жить и с кем... – сквозь зубы ответил Кури. – Беду на себя накликаешь.

Сердце у Василисы сжалось. Она продолжала сидеть у окна. Губы её дрожали. Она тихо плакала. «За что бьет, что с ним творится?», – думала она, обнимая рядом стоящих детей.

* * *

День выдался как никогда хмурый. Вчера Кури впервые поднял руку на жену. Долго не мог уснуть, ворочался на кровати. Проснулся рано, сидел, опустив ноги на холодный пол, думал о жизни. Вокруг тишина. Настроение мрачное. Василиса, прижавшись к детям, спала на полу. «Разгульная жизнь не может долго

продолжаться, когда-то придет конец. За всё придется держать ответ!» – думал Кури, но отгоняя вдруг нахлынувшие мысли, продолжал шептать:

– Ничего, ничего! Всё обойдется!

Не торопясь оделся, вышел во двор. Пора кормить коня. Открыл двери летней кухни, в темноте на ощупь насыпал целую миску овса и вошел в закутку. Лошадь, услышав шаги хозяина, коротко заржала, заплясала. Не успел он вовремя убрать ногу, она передним копытом надавила на сапог. От боли Кури миской саданул животное по губам, овес рассыпался по полу. Чертыхаясь, он выскочил во двор, в это время что-то тяжелое сильно ударило ему в лоб. Из глаз полетели искры, от обиды и боли застонал:

– Ай-яй! – закричал он, нащупывая в темноте на лбу огромную шишку.

В руки попали грабли. Сначала рассердился на жену, потом вспомнил, что грабли вечером оставил сам. Приставил к стенке, думал, позже на место уберет. Забыл – вот результат.

Нога горела, лоб трещал, злость готова была вылезти наружу, кинуться на первого попавшегося. Деревня ещё спала, кругом не слышно даже собачьего лая. Стояло раннее утро.

Он спешил на работу. С дежурными попьет чаю, потом столовая откроется, можно выпить немного пивка. Быстро запряг лошадь, рядом с собой на сзни посадил немецкую овчарку Альму и отправился в сторону Калинино. Открыл двери дежурного отделения, громко поздоровался с оперативниками, собираясь присесть на свободный стул. Но мужики как-то удивленно посмотрели на него и хором загоготали.

– Чего рты разинули? – рассердился Кури Алексеев.

Дежурные продолжали хохотать, Мокеев уже трясся от неуправляемого смеха, лицо его и плечи ходили ходуном, от визга появилась икота.

– Жена застучала с бабой, вот и рванул спозаранку на службу!

Алексеев опустил глаза и остолбенел. На правую ногу он обул сапог, на левую – черно-белую бурку, а на голове – старая солдатская шапка. В темноте перепутал всё на свете. Он помчался обратно домой. В душе обрадовался: «Хорошо хоть темно, народу нет, иначе было бы разговору в округе. До утреннего развода успеет доехать до Хумуш и вернуться обратно на работу».

Василиса его встретила настороженно. Увидев мужа в таком обличии, закрыла лицо руками, еле сдерживая смех.

– И ты издеваешься? – зло сказал Кури.

– Откуда ты в таком виде?

– Из Сявалкас... – подразнил он жену.

Улыбка с лица Василисы разом исчезла. Несмотря на обиду, она предложила мужу позавтракать. Кури уже опаздывал на утренний развод, быстро переоделся и уехал. Василиса долго не могла успокоиться, хохотала и плакала. От этого проснулась старшая дочь, протирая глаза, удивленно спросила:

– Ты смеёшься или плачешь?

– Смеюсь, вспомнила, как ты молодому учителю школы ответила, – слукавила Василиса.

Это было несколько лет назад в Мачамуше. Кури купил Уле детскую шубку из кроличьего меха. Она выбежала на улицу, захотелось себя показать, по-детски похвастаться. В это время по своим делам шел сосед Илья Прокопьев. Он недавно окончил Калининское педагогическое училище и работал учителем русского языка и литературы в Хумушской семилетней школе. Внимательно посмотрел на маленькую соседку в шубке, наклонившись, спросил:

– Не понимаю, из какого меха твоя шубка?

– Кроличья! – гордо ответила девочка.

– Может, она медвежья?

– Говорят тебе, эта кроличья шубка! – удивилась она напору учителя.

На следующий день девочка опять на улице встретила соседом, между ними вновь состоялся разговор о шубке. Четырёхлетняя девочка уже начала злиться: «Вот непонятный человек, даже в этом не разбирается», – подумала она.

На третий день очередная встреча. Молодой учитель только открыл рот, Уля резко встала и громко сказала:

– Опять будешь спрашивать из чего моя шуба?

– Я все-таки не могу понять, из какого меха сшита твоя шубка? – настойчиво продолжал шутить учитель, поглаживая мех. Это ему обошлось ох, как дорого...

– Ты что, дурак, не можешь отличить кролика от медведя?

Разговор услышала Василиса, она подошла к дочери и приказала просить прощения. Уля закрыла глаза, крепко сжала губы,

заткнула двумя пальцами уши и замкнулась. Илья Прокопьев только теперь понял, что допёк ребёнка. Он покраснел, поцеловал девочку в щечку и громко сказал:

– Конечно, кроличья! Действительно кроличья!..

Только тогда Уля открыла глаза, засмеялась и закричала:

– Вот так! Я же знаю!.. Шубка кроличья!

Учитель ушел, Василиса смеялась, она поняла суть разногласий между дочерью и шутливым соседом.

После этого между Ильёй Павловичем и Улей возникла крепкая дружба. Дочь часто пропадала у учителя. Василиса просила её не мешать своими вопросами взрослому человеку. Тогда она стала приглашать учителя к себе в гости. Василиса угощала их блинами и уйраном. Скоро молодого соседа призвали на фронт. Шел последний год войны...

Это было давно. Теперь Илья Прокопьев секретарь райкома партии. Молодой ещё, недавно двадцать восемь стукнуло.

11

Наконец директор Хумушской школы Георгий Алексеев осилил дом. Поставил русскую печку, и семья из старой бани перешла жить в светлое теплое помещение. Катерина везде успевала: в избу запустила кошку, побелила печку, золой вымыла пол, занесла одежду, постель, посуду и домашнюю утварь. Она сияла, всё в руках горело, всё ладилось. Как не радоваться! Десять лет сруб мозолил глаза прохожим, стоял за баней. Руки мужиков не доходили. Перед войной Георгий помогал брату Сергею обустроиваться, потом война, в деревне не осталось ни одного мужика, умеющего рубить дома. После войны – ни денег, ни еды, не до строительства дома. Так и пролетели годы. Наконец, почерневшие от солнца и ветра бревна легли на своё место. Родные и близкие постарались – за два месяца собрали четыре стены, пристроили крыльцо с выходом в амбар, перекрыли одной длинной матицей и на обрешетку крыши положили кровлю из тонких щепок. Дом с тремя окнами на улицу засиял, за низкими, покрытыми соломой избами возвысился как дворец. Венцы были выложены, как говорится, без сучка и задоринки, оконные рамы подогнаны самым тщательным образом – в избе тепло и уютно.

Со дня раскулачивания прошло почти двадцать лет. Тогда дом разрушили, пришлось ютиться в бане. Поставили две кровати, стол и скамейку, негде было развернуться, а семья состоит из семи человек. Ничего, привыкли. никто не ныл. Старшие дети уехали учиться в Казань, их места заняли две маленькие девочки – Таня и Маня. Катерине было за сорок лет.

Георгий так и не полюбил крестьянский труд. Домашние дела, хозяйственные хлопоты легли на плечи Катерины. Попро- сишь забить гвоздь, не откажется, но если вовремя не успела про- следить, натворит такое – хоть стой, хоть падай. В прошлом году Георгий начал самостоятельно строить отхожее место. Пришел сосед, одной рукой развалил постройку и заново сам установил.

– Вырос в деревне, а руки кривые, – возмутился Василий.

– Не ругайся, – вздохнул Георгий. – Никогда не хотел жить в деревне, так судьба распорядилась.

Катерина за эти годы привыкла к выходкам мужа, перестала упрекать его, ругать по пустякам. Были скандалы, рукоприклад- ство – выдержала, вытерпела. Он хороший отец, любит детей, те стараются быть рядом с ним, что ещё нужно в семье?».

Георгий после гибели на войне Петра и Михаила стал дру- гим человеком. Его характер резко изменился. Катерина тоже ста- ла мягче.

Вот она с мужем сидят на крыльце и мирно беседуют. Во двор забежала восьмилетняя Маня и попросила:

– Мама, молока хочу!

– Подожди немного, у коровы молока нет, – сказал Георгий.

– Куда делось? – обиженно сказала Маня.

– Скоро корова отелится, молозиво будет, – ответил отец. –

Родных в гости пригласим.

Маня радостно побежала дальше, а Катерина недовольно буркнула:

– Что за привычка: свинью режут – родных собирают, корова отелится – жди гостей, на молозиво целая изба людей набивается...

– Не мы придумали, – ответил Георгий. – Это дань вековым традициям крестьян, традициям нашего народа.

– Мне трудно понять, – посмотрела Катерина на мужа. – Однажды уже молозива досыта наелась!

— Вспомнила... — насторожился Георгий. — Выпил я тогда маленько.

— Выпил на две копейки, а опьянел на семь, — ответила она, вспоминая давно прошедшие года.

Было это почти двадцать пять лет назад. Трудное время. Коня загубили, рожь подожгли. Георгий совсем голову потерял, днями сидел у окна. Его одолевало горе, мучительно терзавшее его. Она боялась подходить к мужу, но без его согласия пригласила родных и близких на молозиво. По старинным обычаям, благодарили хозяев, сулили щедрости корове. мирно рассуждали о жизни, о властях. Георгий сидел за столом весь вечер хмурый, изрядно выпил. Катерина то и дело задевала мужа, при всех ругала. Родные старались оберегать его, не докучать разными вопросами. Проводили гостей чин по чину, никого не обижали, никому худого не желали. Она была рада в очередной раз встретиться с родными. немного поговорить.

Георгий в гневе ни с того ни с сего начал дубасить её. После стольких лет совместной жизни поднял руку на жену. «Ай-уй, Якур, что ты творишь?!» — испугалась она. «Не берись учить других, коли сама не соблюдаешь! — процедил тогда сквозь зубы Георгий. — Весь вечер хулила меня перед родными! Прочь с глаз моих!». Георгий намотал на руку вожжи и стал её хлестать.

Она пыталась сопротивляться, это ещё пуще разозлило его, начал топтать её ногами. Дети кричали. они испугались за мать. Старший сын Петр встал между ними. Георгий и его не пожалел. Вдруг остыл, бросил веревку, выскочил из избы. Она не стала ждать продолжения, схватила младшенькую Нину и выбежала на улицу. Старших мальчиков попросила остаться дома. Сама налилась такой ненавистью к мужу, что готова была в тот момент взять вилы и прикончить его.

Прибежала к младшей сестре Авдотье, но её муж категорически отказался принять её. «Ты замужняя женщина, — строго посмотрел он на неё. — Между мужем и женой всякое бывает, нечего бегать по деревне, искать защиты. Веди себя прилично, повинись перед мужем, а повинную голову меч не сечет».

Куда идти? Мать строгая, старообрядка, разговаривать с ней не станет. До замужества предупредила раз и навсегда: «Трудно будет жить в доме Алексея Яковлева, они образованные, богатые люди, Ягур не нашего теста. Не жалуйся. обратно в дом не пуцу!».

Пожалела соседка сестренки, старуха-горбунья Серафима. Пустила в дом, каким-то зельем намазала синяки. «Мужика твоего сглазили, сильно приворожили, – объявила она. – Ничего, приготовим зелье, враз снимет сглаз. Напоить его должен кто-то из близких родных».

Это доверили Авдотье. За три недели Георгий ни разу не показывался, будто у него нет жены и младшенькой дочери. Наконец появился, упал на колени и заплакал, просил простить непутевого, вернуться домой, что дети уже вшивые, перед людьми совестно. Она, увидев мальчишек, не выдержала, со слезами на глазах собрала дочь и пошла домой. Серафима радовалась. Как же не ликовать, ведь зелье помогло, сняло порчу, сам прибежал, в ногах валялся. Катерина тоже поверила, что именно эта старушка сняла порчу с мужа. До самой её смерти она ходила к горбунье, помогала во всём.

На этом мучения Катерины не кончились, они только усугубились. Георгий уехал учиться в Казань, оставив жену и четверых детей. Семью раскулачили, потом война унесла старших – Петра и Михаила, внезапно умерла мать Катерины, средняя сестра Везиле на лесоразработках простудилась, и уже не смогла подняться на ноги.

Дни и годы летят вперед, к пятидесяти приближается. Вася сообщил – скоро вернется домой. Нина – взрослая девушка, пока не думает о замужестве, прячется за спины родителей. Николай – самостоятельный парень, работает в колхозе, в вечернюю школу ходит, хочет стать агрономом. Таня и Маня стали помощницами в хозяйстве. Любимицы отца, во всем защищают его, а он потворствует им.

– Вспомнила чего-либо, молчишь и вздыхаешь? – спросил Георгий.

– Нет... – слукавила Катерина. – О ребятишках мыслю.

– Растут, а мы с тобой стареем, – добавил Георгий. – Человек с годами дряхлеет. Когда смерть придёт, никому неведомо...

– Ты чего заговорил? – испугалась Катерина. – Сам-то о чем думаешь?

– Вспомнил Ивана. Почти двадцать лет не показывается, даже на похороны Сергея не приехал. Как он там? В последнее время писем нет.

– Съездил бы к нему.

Катерина хотела одного, чтобы тяжёлые мысли рассеялись в дыму и больше никогда не травмировали душу. Хотя вряд ли так будет. Вот сейчас Василий из головы не выходит, ждёт она сына, पुще всех ждёт.

* * *

И он вернулся домой. Остановился у калитки, ни шевельнуться, ни шагнуть не может. Слышит, сзади кричат. Обернулся: по улице бежит мать, слезами заливается. Дотронулась до сына и упала на колени.

– Вазюг!.. – кричит. – Вазюг, родной мой сынок!

Плачет, целует пыльные сапоги сына.

Василий присел, обнял мать, глаза его повлажнели. На крик из избы выбежали Нина, Коля и две девочки – Таня и Маня, которые перед уходом Василия под стол пешком ходили. Все собрались вокруг старшего брата, радостно прыгали. С солдатом случился полный конфуз, он зашелся ревом, обнимал, целовал родных. Наконец успокоился и тихо спросил:

– Атте где?

– В школе, в Хумуше, скоро прибежит, – успокоила его мать.

Перед демобилизацией он думал осесть на каком-нибудь заводе и начать вместе со всеми поднимать разрушенное народное хозяйство. Думал о Москве, где велось огромное жилищное строительство, куда со всех концов большой страны рванула молодежь. Письмо отца всё перечеркнуло.

Вася с интересом глядел по сторонам. Во, оказывается, какой он, новый дом. Баню тоже сохранили. Здесь прошло его детство. Ходил с ребятами купаться на Цивиль, работал в колхозе, не забывал о своих домашних обязанностях. В свободное время читал книги. Любил слушать разные поговорки и пословицы, сказки и легенды о богатыре Улып*, который ходил когда-то по этим краям, оставляя курганы, очищая лапти от земли.

Он возмужал, как-никак прошло девять лет. Чувствовалось, унаследовал от Ягавского уклада жизни размеренность и широкую душу. С детства ходит с гордо поднятой головой. Ростом высокий, волосы кудрявые, нос прямой, глаза карие.

---

*Улып – богатырь, сказочный персонаж.

Вечером собрались родные и друзья. Начались воспоминания... Василий начал рассказывать о войне с Японией:

— Однажды в роте распространился слух, что война с Японией начнется девятого августа. Ближе к вечеру восьмого провели разведку боем. Командир роты капитан Кожемяко поставил задачу: «Для многих это первый бой, — говорит он. — Война есть война, будут потери. Наша задача, взять укрепрайон, закрепиться до прихода основных сил. Самураи тщательно подготовились к войне, постарайтесь обойти зону обстрела из дотов». Я думал, что война как в кино, постреляли — упали. По молодости глупостей было много, совал голову, куда не следует. В первом же бою с японцами меня легко ранило, без всяких повреждений костей. Но в бою потерял сразу двоих близких друзей. Рядом была койка чувашского парня Артура Ершова, с другой стороны лежал русский богатырь из Нижегородской области Артем Павлов. Японцы их изрешетили из пулемета, не успели слово вымолвить.

Катерина попросила не рассказывать такие жуткие картины. Но мужики настаивали на продолжении.

— Японцы упорны, — вздохнул Василий. — Бойцы думали, что самураи перед боем принимают какое-то зелье, кидаются на наших с лопатами. От испуга солдаты падали по японцам до последнего патрона. Во время боя сами становились бешеными. Вместе с нами в атаку ходили и настоящие фронтовики, прошедшие ад великой войны, прибывшие на китайскую границу через всю страну. До боли в сердце тяжело было видеть их погибшими. Лежали на земле, вся грудь в орденах и медалях, а в голове, на теле дырки от пуль самураев. Во время очередной атаки я получил второе ранение, теперь уже в грудь. Провалился в госпитале целый месяц. Вышел — войне конец. В акте о капитуляции Японии содержался приказ всем войскам и японскому народу — немедленно прекратить всякие военные действия.

Катерина теперь настояла на своем, обняла сына и сразу разговор перевела в другое русло, о дальнейшей жизни взрослого Вазюка.

Отец настоятельно просил продолжить учебу в средней школе, хотел, чтобы сын в дальнейшем учился в институте и стал учителем. За разговорами все согласилось с мнением Георгия.

Через неделю Василий стоял в кабинете директора Калининской средней школы, перед бывшим фронтовиком Назаровым Андреем Степановичем.

– Сколько тебе лет? – удивленно спросил директор.

– Двадцать четвертый идет.

– Не боишься? В девятом классе сидят пятнадцати-шестнадцатилетние девочки и мальчики, найдешь общий язык?

– Прорвемся, – по-военному ответил Василий.

– У нас два учителя твоего возраста. Школьники их по имени-отчеству зовут. Тебя как называть...

– Не обижусь, если Василием Георгиевичем, – усмехнулся ученик.

– Задал ты мне задачу, – признался директор. – Такого в школе не было, что поделаешь, война.

Андрей Степанович внимательно изучил документы Василия Алексева и весело произнес:

– Стране ой как нужны новые Ломоносовы, может, передо мной сидит будущий известный ученый...

Необходимые вопросы были урегулированы, приказом директора школы Василий Алексеев зачислен учеником 9-го «а» класса Калининской средней школы.

В райцентре Василий пробыл до вечера: заскочил в военкомат, встал на учет, в культмаге купил тетради, несколько учебников и зашагал в сторону дома.

«Удивительна жизнь, – думал он. – Недавно было детство, время игры в прятки, лапту, чижики, где формировалась, крепла сила и ловкость». Вместе с отцом ездил в лес, пилил, колол дрова, ходил на мельницу, работал в колхозе. По вечерам садился за уроки. Отец строго следил за выполнением домашних заданий, в этом деле он не допускал промашек. Теперь опять вернулось детство. За время службы в армии успел подзабыть правила русского языка и арифметики, доказательства теорем по геометрии. Физика и химия наверняка станут камнем преткновения. Придется засучить рукава, вместе с шестнадцатилетними изучать новые предметы.

Василий понимал, что в его возрасте многие юноши и девушки уже создали семьи, народили детей, на сходах, как взрослые, ведут деловые разговоры. Как сложится дальнейшая его судьба, чем закончится авантюра – в двадцать три года стать учеником школы?

Домой вернулся поздно. Закрывая за собой калитку, услышал голос матери.

– Зачем туда пошла?! – кричала она.

– Чего шумите, аж на улице слышно? – недовольно произнес Василий.

– Таню чуть не загрызли волки! – не могла успокоиться мать.

– Ну-ка, ну-ка, расскажи! – подошел Вася в сестре, пытаясь узнать подробности.

Таня продолжала плакать, её губы дрожали, слезы текли ручьём.

– С подругой пошли в Асакас...

– Чего там потеряли? – строго спросила мать.

– Ничего, – буркнула Таня. – Серафима пригласила. Пыльный ветер на дороге, мы шли, опустив голову вниз. Потом она как закричит: «Волки!», оттолкнула меня и побежала в сторону деревни. Я упала... Встала на ноги и увидела стаю, переходящую дорогу. Последний волк посмотрел на меня, зубы оскалил и пошел за другими. От страха я не могла двигаться...

– Волки были сыты, потому не разорвали её! – продолжала мать.

По деревням шли слухи о стае голодных, бесстрашных волков. Днем они нападали на стада, с дворов уносили собак и овец. Недавно налетели на телятник колхоза «Маяк». Двух телят, находящихся на территории, тут же разодрали. Колхозницы, увидев страшную картину, не испугались, сумели быстро закрыть двери телятника и тем самым сохранили приплод. Разное люди говорят: «Стая большая, без страха нападает на одиноких путников, имеются пострадавшие, на дальних лесных дорогах уже валяются обгрызенные волками кости людей».

Вася не стал откладывать дело на потом. Вышел во двор и за пару часов изготовил увесистую дубинку с вбитыми на конце большими гвоздями.

Утром собрался в школу. Не успел открыть калитку и отпрянул. Около дома стояли школьники старших классов Калининской школы из деревень Пуганкас и Ярмушка. Они решили, только Василий, бывший фронтовик, ученик девятого класса сможет защитить их от зверей. Так и ходили в школу толпой. Несколько раз видели стаю, но звери близко не подходили, быстро исчезали за горизонтом.

– Боятся нас, – смело твердили мальчишки, а девочки старались держаться поближе к Васе.

Потом школьники своими глазами видели десяток мертвых волков. Специальная бригада охотников, вооруженная винтовками и сетками, уничтожила их. Разговоры о хищниках не стихли, только рассказы о них обросли более жуткими картинками.

12

Небо затянуло дымком. Красное солнце хотя и светило, но грело слабо. Старые ветлы, посаженные тридцать лет назад Саваром, косматились вдоль Чебоксарской дороги, как великаны встали в ряд и, подчиняясь воле ветра, приветствовали путников своими ветвистыми руками. Деревья были обсыпаны черными грачами, собирающимися улететь в дальние края.

Федот шел по уложенной булыжниками дороге, немного сгорбавшись. беспомощный и жалкий, будто по жизни прошёл не шестьдесят лет, а целый век. Колеса времени успели его измять, изломать, и уже никогда к нему не вернётся та былая сила, красота и молодость.

Гнетущие мысли прервал галдеж неумолкающих птах. Они хором снялись с ветел и полетели в сторону Нурос.

«Куда только они путь держат, улетают в одно и то же время перед восходом и прилетают после захода солнца, — подумал Федот, внимательно следя за стаей. — Кричат, ругаются на своем птичьем языке. Наверное, договариваются о чём-то или учат своих птенцов уму-разуму перед дальней дорогой».

— Тфу! — чертыхнулся Федот, вспомнив, что некоторые из них научились таскать цыплят. — Не углядишь — сразу унесут. Не раз пришлось спасать маленьких гусят.

Не заметил Федот, как к нему подошел колхозный свинопас Адам Куликов. Небольшого роста мужчина, отец пятерых детей. Какая-то болезнь точит его изнутри, высох, но силы ещё остались. Несмотря на хворобу, со дня основания колхоза работает он на свиноферме, расположенной на косогоре Красный Яр, жена Адама Маруся трудится свинаркой. Народ с юмором назвал это место — Марусинский сельсовет Адамовского района Красноярского края. Несмотря на ударный труд, Адам никак не может для себя приобрести приличную одежду, всё детям да детям. На

ногах галоши, старое облачение скрывает серый халат, ежегодно выдаваемый ему для работы. И так круглогодично.

– Чего страдаешь? – спросил Адам Федота, позабыв поздороваться.

– Страдают бабы, а я кумекаю, – ответил Федот, взглянув на него без интереса.

– Меньше надо кумекать, иначе ноги озябнут, – не сдавался пастух.

– Умрем, конечно, умрем, придет час, все там будем, на корм земляным червям пойдем. Но на этом свете хочется подольше по-человечески пожить, а не рыть рылом землю, как твои поросята.

– Ты вот, Федот, умный и справедливый человек, – вдруг серьёзно начал Адам. – Скажи мне, сколько денег я буду получать, когда старым стану?

– Ну, ты хватил... Колхозникам пенсии начисляют по самой минимальной ставке.

Адама не удовлетворили слова Федота:

– Всё-таки растолкуй, сколько денег государство ежемесячно будет тратить на меня, на колхозного свинопаса?

– Эх ты, неугомонный... – У нас, у крестьян, не каждый раз попадает в ложку кусочек мяса.

– Я не о том! – замахал руками Адам.

– Не о-о то-ом!.. – язвительно протянул Федот. – Мать твою за свою жизнь горы перевернула. Вместо лошади пахала, тянула плуг, рожала в поле, бесплатно трудилась, в ледяной воде мочила коноплю, вытаскивала, сушила её, в лесу деревья валила, на Суре оборонительные сооружения рыла. Сейчас ей пенсию отвалили – аж девять рублей. О чем ты горюешь? – у тебя есть дом, огород, овощи, фрукты – живи и ни в чем себе не отказывай.

– Этого маловато, – на пальцах начал считать Адам. – Сапоги яловые хочу купить, сто пять рублей стоят...

– Нет уж, милый! – иронически пояснил Федот. – Придется тебе вдоль реки Хирлеп со своими хрюшками шаркать в привычных галошах, купленных за рубль.

– Нет! – отрезал Адам. – Сапоги я куплю, колхоз поможет.

– Может быть, может быть... Бедные мужики, мучаются, мучаются, стиснув зубы от безысходности, от бедности и бессилия. Но всё держат за зубами: и мысли, и дела свои...

— О чем только думают большие начальники там, в Москве? — сказал Адам.

— Там живет «население», а здесь, в деревне — «народ», пока городские будут учить деревенского мужика жить, ничего не изменится, — ответил Федот. — Надо народу им подсказывать, каким образом сельским хозяйством управлять.

Адам промолчал, набросил свой длинный кнут на плечо и засеменял в старых галошах к колхозным свиньям. Ему не до высоких рассуждений, ему бы только сапоги купить, сколько бы они ни стоили. Может он, в конце концов, заработает денег.

* * *

Федот Саваров всегда считался уважаемым и сильным человеком в деревне. Вдруг заболел, стал немощным. Не без помощи жены Кристины по деревне полетел слух, что он недолго задержится на этом свете. К нему потянулись односельчане: друзья, соседи, родные хотели его утешить, попроситься. Некоторые стали обвинять Синави в колдовстве, у Федота с ней были натянутые отношения, они не переносили друг друга.

Худым словом его никто не называл. Некоторые в душе недолюбливали его, но побаивались говорить об этом вслух, не забывая добрые дела кузнеца.

Федот угасал на виду, но глаза его не потухли, блестели ярким светом.

Вечером к нему пришел Мирон Ефимов. Крепкой дружбы между ними не было, но и врагами не считались, уважали, не раз поддерживали друг друга, как могли.

— Умирать собрался? — бодро спросил Мирон, присаживаясь на длинную скамейку рядом с кроватью.

— Страшновато, — признался Федот. — Пожил бы ещё десяток лет. Видать, сверху отмерили такой срок...

— Ты что, в Бога начал верить?

— Придет время, и ты поверишь, тебе тоже недолго осталось, понесут вслед за мной.

— Вот те на, пришел его утешить, а он мне смерть сулит.

Федот посмотрел на Мирона хитрыми глазами и продолжил:

— Не забудь грехи замолить...

– Сам тоже на этом свете немало наследил, наверное, у Все-
вышнего листочка не хватило все записать.

– Неправду говоришь, – задумался Федот. – Только раз
нагрешил...

– Ну-ка, ну-ка, выкладывай всё начистоту.

– Никому не рассказывал, как в молодости меня баба обчи-
стила. С Юндабинского базара вернулся без копейки. Стало мучи-
тельно больно, но не стыдно. Жалко было смотреть на родителей.
Они с надеждой ждали, что я приведу коня. Материнское сердце
мудрое, она поняла, где я прошляпил деньги, и тихо молилась:
«Батюшки святы!.. Что же ты натворил?».

– Как же ты подцепил её? – спросил Мирон.

– Молча... Хожу по базару, смотрю на людей, примеряюсь
на девок. Молодой, кровь кипела, хотелось покуражиться. Как
посмотрел на неё, у меня ноги затряслись. Ух, какая красавица
неписаная – стройная, одежда на ней городская. Не выдержал,
пошел знакомиться, про коня забыл.

– Познакомился?

– А как же, по-русски говорю хорошо. Думаю: «Хозяйкой в
доме не будет, но раз по улице пройти чего стоит». Стеснитель-
ная, улыбнется – на щечках ямочки, ну просто сказочное диво –
так захотелось стиснуть в объятиях, прильнуть к её губам. Разго-
ворились, она замерзла, просит чаем угостить. Я, дурак, забежал
в чайную, прихватил бутылку водки.

– Потом что? – торопил Мирон.

– Погодь, не спеши, всё по-порядку. Значит, купил я бутылку
водки и повёл её к знакомой старушке. Больше на неё смотрел,
за плечами крылья выросли, а как иначе, люди глазели на нас.
Мы со старухой выпили по рюмке, девушка только пригубила.
Потом... Потом как будто в яму провалился. Очнулся... сидим с
бабкой за столом и спим. Нет, ни красавицы, ни денег!.. Голова
трещит от невыносимой боли. Понял, она в водку зелье подме-
шала, напоила нас и обчистила меня до копейки. Когда успела
это сделать, не заметил. Встал, долго шарил по карманам – пусто.
Главное, из головы выветрилось, как выглядела эта красавица!

– Юндаба небольшая деревня, неужели ту краля не нашел?

– Долго искал её по базару, три раза пересек деревню, пытал-
ся найти знакомую фигуру, поспрашивал у людей. Нет... Многие

видели, но куда она исчезла, никто не знает. Может, была колдунья, замела следы, как лиса. Потом рассказывали, не одного меня она обчистила, богатые люди тоже на крючок попадались. В конце концов поймали её, осудили и отправили по этапу в Сибирь.

– Чего сейчас эту бабу вспомнил? – удивился Мирон.

Федот правую руку положил на грудь, тоскливо сказал:

– Душа болит ... Откуда только пришла такая маета. Вот теперь стоит передо мной, не могу забыть её глаза и горе родителей.

– Может, тебе приснилось?

– Долго ждал, кому рассказать. Людям тайну раскрывать – об стенку головой биться. Никто, кроме тебя, не поймет мою боль.

– Я не поп, грехи отпускать не умею, не могу излечить твою душу...

– Ты веровал в Бога?

– В детстве... Но со временем о нем забыл, даже сейчас не вспоминаю.

– Не сердись. Слышал, у верующих душа не болит, мне тоже хочется жить. ещё десяток лет постучать в своей кузнице.

– Может, ещё постучишь... – неуверенно попытался успокоить его Мирон.

– Вряд ли. Всевышний скоро призовет меня к себе, грехи свои я должен оставить на этой земле.

– Все не оставишь, придется с собой прихватить, отчитаться, иначе там не поверят.

– Не издевайся. Спроси у любого, как я жил...

– Знаю, не раз ты обдуривал советскую власть, скрывал, что служил в волостной конторе, от раскулачивания спасся – продал дом и подался в коммуну, к Сталину написал письмо, когда был председателем, засеивал неучтенные поля.

– Это не грех, – улыбнулся Федот. – Ради семьи и ради колхозников старался.

– Ловчил, ещё как ловчил! – не сдавался Мирон. – Я меряю людей по-своему разумению. Задумайся, сколько ты другим ногу подставил, сколько обижал.

– Не больше тебя, – пытался оправдаться Федот. – Крутился, за что мне два раза красного петуха пустили, пришлось раз за разом на ноги подниматься.

Теперь Мирон решил сказать на полном серьёзе:

– Так... так. Себе многое прощаем, другим нет. У меня нет сомнения, смыслом твоей жизни был труд во имя родных односельчан. Семью тоже не забывал, воспитали прекрасных детей. Теперь я перед тобой снимаю шапку.

Федот вздохнул.

– Мне несколько ночей снится сон, что я молюсь Богу, а иконы дома нет, нигде не могу найти. На самом деле они лежат в сундуке.

– Давай вынем, поставим в угол, нечего впотьмах держать.

– Ключи висят за печкой, вытащи оттуда.

Мирон открыл сундук, бережно взял большую икону, вытер полотенцем и поставил в божницу.

– У меня тоже пусто в углу. Были иконы, куда-то я их выкинул, надо посмотреть на чердаке...

Помнит Мирон, как его волостные хлыстом обработали, на гражданской – молодой беляк чуть штыком не заколол. Помнит, как сгорел дом – за три дня народ поднял ему новую избу. Не забудет дочь Марфу, жен – Матрену и Анастасию. Они теперь на том свете. Может, ждут его?..

– Не сердчай на меня, Федот, – вздохнул Мирон. – Хочется жить, радоваться, но время наступает, надо смириться, готовиться туда, откуда нет назад дороги. Старики перестраиваются на мазар, хотя на этом свете жить интереснее...

– В гробу я вас... всех... видел! – услышался усталый голос Федота.

Тут его голова откинулась на подушку, он тихо закрыл глаза. На свете не стало ещё одного человека...

Кругом тишина – она прекрасна и страшновата. Прекрасно, когда в тишину с громким криком входит только что родившийся ребенок. Страшно, когда человек, дожив отмеренный срок, уходит в тишину. Эти два события вечны, их никто не может остановить...

Захар всю ночь с мужиками сидел у гроба Федота Саварова. Домой пришел к утру. Внучки спали на деревянной кровати, прижавшись друг к другу. Аниса вышла кормить животных. Захар прилег, стал изучать доски на потолке. Вот первая весенняя

неугомонная муха билась об желтую доску. В углу паутинка. Небольшой паук хорошо слышит песню мухи и ждет своего часа. когда она прилетит и застрянет навсегда.

Во дворе зазвенели ведра, Аниса принесла воду. Захар вскочил на ноги, взял метелку и смахнул паутинку, веселая муха улетела за печку и исчезла в темноте.

Вошла Аниса. Она взволнована, в глазах стояли слезы, губы дрожали.

– Что с тобой? – поинтересовался Захар.

– Сталин умер!.. – всхлипнула Аниса. – Как теперь будем жить? Люди говорят, что новой войны не миновать.

Смерть вождя взволновала его. К еде не притронулся. оделся и отправился в сторону конного двора, в шорне мужики часто собираются обсуждать новости. Тут такое известие, любого жителя деревни в тупик загонит.

В помещении шорника нечем было дышать, всех взбудоражила новость. Старики заняли сидячие места, остальные стояли, прислонившись к стенам.

– Был железным человеком, мало спал, работал до самого утра... – рассуждал Петрук Соколов. – Недаром в районных конторах всю ночь не гаснет свет.

– Так, так, – согласились мужики.

– Раз поставили руководить огромной страной, он беспокоился за её благополучие.

– Скульку лет ему было? – спросил постаревший за эти годы Макар Кириллов.

Мужики переглянулись, но сразу никто не мог ответить на этот вопрос.

– Семьдесят четвертый пошел, – ответил Захар.

– Дувульну мнугу лет, пужил и ладну, – продолжил Макар Кириллов.

Соколов хмуро посмотрел на него и резко заявил:

– Сколько учат дураков уму-разуму, никак не могут уразуметь Язык без костей – вот и мелет, что попало.

Мужики заволновались. Было ведь, было... Антип Денисов попал на восемь лет. Сам виноват!.. Издевался над портретом Сталина.

Кто тогда настучал, никому неизвестно. Немало было народу в клубе, много ушей слышали слова пьяного парня.

Макар, весь белый, боком-боком ушел из шорни.

– Думаю, никто всерьез не принял слова старика Кириллова? – предупредил Захар.

Его поддержал Соколов:

– Хватит друг на друга капать, хватит разорять односельчан! У Макара двое сыновей и племянник не вернулись с войны.

Кириллов пришел домой, молча снял холщовую котомку, стал собираться в дальнюю дорогу. Положил в неё нижнее бельё, теплые носки, пару лаптей и махорку.

– Да что с тобой, куда собрался?.. – бегала вокруг него Дарья.

– Энтип Денисов освободил для меня место, пора отправляться. – глубоко вздохнул Макар и обессилено сел на скамейку.

– Что ещё натворил?..

– Принарудну сказал, чту вуждю пура на тут свет, старый стал...

Дарья побелела, заголосила громким голосом. В избу влетел сын Борис. Воевал с немцами, ещё три года служил в армии и вернулся домой, работает в колхозе. Удивленно посмотрел на родителей, не понимая сути дела. Мать продолжала лить слезы, заодно обвинять Макара:

– Отец совсем сдурел, про Сталина в шорне заявил: «Хватит, пужил». Теперь котомку собирает...

Борис немного помолчал, потом устроился рядом с отцом и стал успокаивать его:

– После войны у нас никого не отправляли по этапу, обойдется. начальники стали умнее, с бухты-барахты не принимают решение.

– В деревне Услаба булее двадцати семей за гуды суветскауй власти прупали, хузяйства исчезли, люди сгнули в неизвестность, – грустно вздохнул Макар.

– Ты про войну забыл! – рассердился Борис. – Только в нашей деревне за две сотни погибших перевалит.

– Спаси и сохрани!.. Спаси и сохрани!.. – крестилась Дарья.

У Захара в бригаде плотников дела не ладились. Работы не было. Руководство колхоза не распорядилось привезти лес. Председателя Смирнова с утра вызвали в район. Люди с нетерпением ждали, с какими новостями он вернётся, как дальше жить. Всех волновала безумная выходка Макара Кириллова. «Он говорил правду, – рассуждал Захар про себя. – Умер, значит так записано в жизненной книге. Хватит, немало покоптил небо, немало людей загубил...».

«Удивил Соколов. – думал Захар. – Поддержал Макара, но тем самым сунул свою голову в пекло. Не ожидал от него – отчеканил, как районный агитатор».

«Народ живет вместе с вождем, со Сталиным, – говорил Соколов. – До революции люди в деревне не умели ни читать, ни писать. Мало кто в школу ходил, а высокое образование никто не получал. Ныне двое окончили Канашский институт, получили о том документы. Дети крестьян становятся учителями, врачами. Старики читать научились. Почти каждая семья выписывает какую-нибудь газету».

Люди внимательно слушали Петрука и одобрительно кивали головами.

«Дело нашего Сталина – продолжал Соколов. – Сделать жизнь простых людей счастливым и радостным. Народ видит, что наша жизнь с каждым днем улучшается, поэтому поддерживает вождя, идёт за ним. В последнее время ежегодно снижал цены на важные, необходимые продовольственные и промышленные товары. Вождь работал днем и ночью».

«У нас под Ржевом говорили, что Сталин не раз выезжал на передовую, особенно в тяжелом 41 году, – поддержал его Пурхиль Сорокин. – Немцы хотели взять его в плен, а он вместе с охраной с автоматом в руках косил фашистов. На фронте ликовали: «Сталин едет бить фашистов! Ура!». В атаку поднимались: «За Сталина!.. За Родину!...».

Захар вернулся домой при дневном свете. Аниса дома, ворковала с внучатами.

– Чего говорят люди? – поинтересовалась она.

– Трудно сказать, никто не понимает, что творится в стране и вокруг.

На прошлой неделе от реки Хирлеп поднимался непонятный белый густой туман. Люди испугались, прихватили детей и прыгнули в подвалы, в погреба. Кто-то пустил слух, что на Севере взорвали атомную бомбу, ветер принёс облака в сторону Волги. Пришлось активистам колхоза вместе с комсомольцами ходить по домам. Захар тоже пошел вытаскивать испуганных людей из «подполья». Провели общее собрание колхоза, разъяснили пагубность слухов, но виновных так и не нашли. Деревни гудели, теперь, после смерти Сталина с новой силой пересуды возобновились. Люди не понимают, что их ждет впереди, как страна будет жить без вождя.

– Сегодня вечером будет сход колхозников. Приедут агитаторы с района, – выложила Аниса.

– Кто сказал?

– Секретарь парторганизации Осипов. Может, что-то растолкуют нам.

– Растолкуют! – сухо ответил Захар. – У них один ответ: ударный труд во имя памяти народного вождя!

На фоне великой потери похороны Федота Саварова прошли тихо и незаметно.

14

Сегодня с утра льет теплый дождь. Он струится по стеклу окна, стучит бесконечным шумом. Смирнов думал, что зарядился на целый день. Но после обеда тучи медленно стали расходиться, между ними показалась радуга, она легла на Хирлеп. Скоро растаяла на глазах, вместе с ней медленно уходили дождевые тучи.

Председатель колхоза задумал в Услабе поднять новый большой светлый клуб на ослабинском косогоре. Секретарь парторганизации Осипов поддержал его. Но не все члены правления согласились с ними, сначала надо свиноферму расширить. В последнее время колхоз получает от каждой свиноматки до шести поросят.

Четвертый год Смирнов тянет лямку председателя колхоза имени Хрущева. Хотя ему уже за сорок, ещё не время скулить. Вся сила в плечах, ум в голове, уважение к людям и к родной земле исходит из самой глубины сердца. Он старается изо всех сил, не

зная отдыха, но никак не может выполнить главное – вытащить колхоз из застойного болота разрухи и бедности. Не хватает ни сил, ни средств. Новое строительство требует много усилий, и в хозяйстве преобладает ручной труд. Нет ни одного нормально-го трактора. Старая молотилка и грузовой автомобиль на ладан дышат.

Колхоз не имеет чистого чернозема. Половина земельных угодий полупесчаные: лугов, хотя и заливных, маловато для хозяйства. Крупный рогатый скот приходится кормить пропаренной соломой, раз в день уделяя немного сена.

Надои низкие, еженедельно приходится краснеть перед районным начальством и руководителями других хозяйств. По сдаче молока колхоз считается отстающим. Надоело плестись в хвосте, а что делать?

Поговорил с доярками, со старыми колхозниками, посоветовался с секретарем райкома партии, побывал вместе с агрономом Семеном Воробьевым в кольцовском колхозе имени Ленина. Вот где коммунизм!.. Вошел на ферму и от удивления забыл рот закрыть. Светло как днем, везде электрические лампочки, чистенькие коровы стоят в теплом помещении, жуют сено и зеленую силосную массу. Доярки ходят в белых халатах.

Домой вернулся удрученный. На следующий же день собрал правление колхоза и обрисовал увиденное.

– Мы ежегодно законопачиваем стены фермы паклей, до окошек заваливаем землей. А толку нет! Ферма давно сгнила, тепло не держится. Коров кормим соломой. Откуда взяться молоку?!..

– Твои предложения?? – спросил секретарь партийной организации Осипов.

– Пару лет проживем без нового свинарника. В этом году надо поднять ферму и в Услабе построить клуб.

– Где взять стройматериалы? – удивились члены правления.

– Райком партии обещал помочь с оформлением кредита и выделением лесосеки. На лесоразработки отправим человек двадцать крепких мужиков.

– А кто будет строить? – спросил Осипов.

– Создадим две бригады плотников, – объявил Смирнов. – Первую бригаду, на строительстве фермы, возглавит Захар Узюков.

а вторую – доверим Калягину. Клуб будем строить всем миром – соберём ниме*.

– Это правильно! – воскликнул Осипов. – Давайте следующее заседание правления проведём на ферме. Посмотрим, чем дышат животноводы, какие у них планы, как организовано соревнование.

– Согласен, – ответил председатель.

Тут начался галдеж. Члены правления, перебивая друг друга, спорили. Смирнов не выдержал, стукнул кулаком по столу.

– Прекратите базар! Главное, требуется обновить породу крупного рогатого скота. С народом поговорим, почти у каждого дома корова, надаивают в два, а то и в три раза больше молока. Попросим ветеринара отобрать самых лучших телят.

Сказано – сделано. На следующий день на ферму пришла Вариса Петрева со своей подругой – слепой старухой Фёклой Калисовой. Люди при покупке коров их приглашают на базар. В этом деле они большие знатоки. С ними вместе ветеринар колхоза Римма Федорова. С утра осматривают телят: похлопывают, гладят по спине, ставят ладони между маленькими рожками.

– Этот, от какой коровы? – поинтересовалась Петрева.

– Бирка на ушке, – ответила телятница Галя Сорокина.

Римма знает каждого теленка, сама принимает их.

– От Маньки, – заметила она безошибочно.

– Как она доится? – спросила Фёкла.

К полудню выбрали двадцать два теленка, отделив от других, перевели в отдельный отсек.

После обеда к ним подъехал председатель, глянул на отобранных телят.

– Почему именно их? – поинтересовался он.

– Тут надо в этом толк знать, – сказала Галя Сорокина, пытаясь поднять свою значимость.

– Эй – яй – яй! Убавь свой гонор! – возмутилась Вариса. – Не любишь ты животных. В отсеках навоз, телята грязные, на свежий воздух редко выпускаешь... Они совсем хилые.

Галя промолчала, что скажешь, когда старушки видят тебя насквозь.

---

* Н и м е – коллективная помощь кому-либо.

Женщины больше не обращали внимания на телятницу, подошли к председателю, стали рассказывать о правилах отбора:

– У этих телят матери молочные, при дойке струя льётся как из крана. Рога у них широко расположены, значит, продуктивнее других, телята у них намного резвее.

– Составим особый рацион и обеспечим ежедневный осмотр, – подключилась к разговору Римма.

– На них вся надежда, надо вырастить рекордсменов! – резко выразился председатель, глазами сверля телятницу.

Галя без слов поняла, что за грязь попадет, виновато опустила голову.

– Одна не успеваю, – еле вымолвила она.

– Почему одна, где Катерина? – строго спросил председатель.

– Где может быть, по четвергам она на нуросском базаре, – ответила за неё Римма.

Смирнов смолчал, всем стало ясно, Катерина Калисова с сегодняшнего дня телятницей не работает. Председатель на разборки не стал тратить время:

– На лето всех телят выведем в лагерь.

– Какой лагерь? – переспросила Галя.

– В летний... летний лагерь. На берег реки Цивиль. Пусть силу набирают на сочной траве и на свежем воздухе. Двадцать два телёнка маловато. Помогите колхозу подобрать ещё молодняка, ходите по деревням. У колхозников коровы продуктивнее, молоко жирнее. Соберу собрание, сам с ними поговорю.

На следующий день тройка отправилась к людям. Дела пошли не так гладко, как ожидали. Одни категорически отказались вести беседу на эту тему, мол, сами меняем старых коров на своих телят. Другие тут же увеличили цену за теленка почти в два раза. Те, кто согласился помочь родному колхозу, предложили содержать телят в своём хлеву до выгона на луг.

Смирнов не думал сдаваться, продолжал задуманное претворять в жизнь. Несколько ночей посидел с агрономом над посевной картой. Думали, каким образом увеличить площади под клевер, люцерну и под викоовсяную смесь. Собрал расширенное заседание правления колхоза и перед утренней планеркой выложил свой план весенней посевной.

– Хочу всем втолковать, каким образом мы с вами будем решать проблему кормовой базы. Пора отказаться от льна, возни

много, а доходов мизер. На том месте попробуем вырастить кукурузу.

– Лачага пригодна только для выращивания льна и конопли, – возразили некоторые члены правления.

– Попробуем опровергнуть ваши доводы, – спокойно ответил Смирнов. – В Кольцовке кукуруза растет в пойме реки, до трех метров вытягивается, знаете, сколько зеленой массы они получают – до шестисот центнеров с гектара. У них на ферме более семисот коров, а у нас всего двести. С каждой коровы получают до полутора тысячи литров молока в год, а мы семьсот.

– Трудно с ними тягаться, – заявил агроном Воробьев. – В прошлом году они получили более четырехсот тонн минеральных удобрений, а мы даже торф не успели на поля вывезти.

– Не буду спорить, передовой колхоз, им помогают, но у них и поучиться многому можно. Давайте попробуем, когда-то и нам надо подняться на ноги.

Не ожидал председатель, что правление его поддержит. Семена достанут, кукурузу посеют, безвыходных положений не бывает...

Но Смирнов был вынужден оставить кресло председателя, жена совсем захворала, нужно было кому-то присмотреть за больной, а дома трое маленьких детей. Кукурузу опять не посеяли.

* * *

Не везёт колхозу с председателями. После Смирнова третий человек примеряет на себе тяжелую ношу руководителя. Весной председателем колхоза имени Хрущева стал Иван Степанович Степанов. Боевой офицер, фронтовик. Не стал церемониться с местными хозяевами района. На месячном совещании в присутствии представителя обкома партии и целого ряда руководителей предприятий, колхозов обвинил руководство района в несправедливом распределении минеральных удобрений:

– Особо приближенные к начальству председатели колхозов в последние месяцы получили несколько вагонов минеральных удобрений, а наше хозяйство – ни одного пуда!

– От вас не было заявок, и сами неудовлетворительно занимались вывозкой на поля торфа и навоза, – перебил его начальник

сельхозотдела райисполкома Иванов. – В итоге – отстающие по всем показателям.

– Хозяйство я принял в марте, в апреле на полях стояла вода, – пытался пояснить Степанов.

– Надо было соизмерять свои возможности с такой ответственной должностью! – заявил заместитель председателя райисполкома товарищ Топриков.

Первый секретарь райкома партии Илья Павлович Прокопьев пытался защитить неопытного руководителя, но его остановил заведующий отделом сельского хозяйства обкома партии, обвинив Прокопьева в близорукости и неумении работать с кадрами:

– На руководящие должности колхозов утверждаете случайных людей, мало разбирающихся в проблемах сельского хозяйства.

Критическое выступление Степанова боком обошлось колхозу имени Хрущева. Угроза снятия председателя с работы не заставила долго ждать. По итогам зимовки скота Степанов получил первый выговор. Председатель не во всем разобрался, своевременно не утвердил на заседании правления колхоза акт о падеже животных. Отчитали, записали выговор с занесением в личное дело и предупредили о предстоящей посевной кампании. Степанов опять споткнулся. Колхозу был спущен план, занять пшеницей сто двадцать гектаров, а решением правления для этой культуры оставили всего пятьдесят. Приехали проверяющие, перемеряли поля и нарисовали новую бумагу: «Председатель колхоза имени Хрущева Степанов игнорирует постановления райисполкома».

На рассмотрение персонального дела Степанова на бюро райкома партии пригласили и секретаря партийной организации Осипова. Из кабинета секретаря Иван и Кирилл вышли со строгими выговорами, но пока без занесения в учетную карточку.

После бюро к Ивану Степановичу позвонил секретарь райкома партии Прокопьев и предупредил:

– Не ко двору пришелся ты, лучше напиши заявление по собственному желанию, не ровен час – припишут врага народа. Твоей персоной уже заинтересовались.

Испугался Степанов, впервые он почувствовал холодный дух сибирской тайги. Посидел, подумал ночь и утром отнес в

райисполком заявление: «Так и так, мол, старые раны не дают покоя, дышать трудно, не в состоянии ежедневно отматывать до двадцати верст, прошу освободить от занимаемой должности».

Освободили, даже решения правления колхоза не потребовали.

Нового председателя привезли из района. Любят у нас начальников за плохое руководство, за неисполнительность переводить на другую работу – меняют одно кресло на другое. Говорят, он разрушил хозяйство районного промкомбината, а сейчас его передвинули возглавлять колхозом. Распространился слух, что новый председатель по утрам поднимает наркомовскую стопку, только тогда в состоянии принимать «правильные решения».

Не зря народ гудел. Лаврентий Григорьевич Григорьев на следующий день появился на работе с похмелья, разило от него как от самогонного аппарата. Членам правления прочитал туманную лекцию, рассказал о каких-то загадочных планах и отпустил всех по делам. Дальше думайте сами, кто на что способен.

– Пропало хозяйство, пьяницы его совсем доконают, пропьют последнего коня, – сокрушались женщины.

– Кого районные притащили к нам? – возмущался Николай Саваров, недавно получивший ключи от зерновых амбаров колхоза. – Его нельзя подпускать к закромам хозяйства ближе, чем на полкилометра.

Вот, народ!.. Кто-то передал слова фронтовика председателю. Григорьев оказался не простым человеком. Сразу распорядился принести ключи от амбаров. Николай не испугался, вечером зашел в правление и положил ключи председателю в шляпу, которую по неосторожности новый хозяин положил на стол.

«Попался бы ты, председатель, когда действовал закон о нарушителях производственной дисциплины», – подумал Николай Саваров.

Помнит, как сняли председателя Ярмушского сельского Совета с работы. Тот три дня не являлся на работу. Захворал, лежнем лежал, но не захотел беспокоить местного фельдшера. Кто-то из односельчан позвонил в район и доложил, что председатель третий день не просыхает – пьянствует. Через пару часов в сельсовете сидели уполномоченные района, отобрали у председателя ключи, не разобравшись, составили документы, а самого увезли в район. Слышали люди, что его отправили по этапу руководить

бригадой какого-то северного сельскохозяйственного лагерного отделения под Архангельском. Такие предприятия назывались народными фермами, в основном они выращивали картофель.

Четыре года назад Николай Саваров демобилизовался из армии. С семнадцатилетнего возраста смотрел смерти в глаза, сейчас вспоминает, и самому страшно становится. По ночам продолжают сниться пикирующие бомбардировщики, взрывы снарядов, крики товарищей перед смертью. Как он остался жив? Три раза лежал в госпиталях, выписывался и вновь в строй, бить фашистов. В мае для него война не кончилась, он оказался на Дальнем Востоке, освобождал Китай. Своими глазами видел – японцы, как заколдованные куклы, распарывали себе животы, ложились под танки, взрывая себя.

Вечером к нему зашел двоюродный брат. Борик повезло, муж Василисы помог устроиться оперативником в милицию, ему восстановили офицерское звание лейтенанта. Выдали обмундирование, он ежемесячно получает жалование. Николай поискал место в районном центре, не нашел, пришлось податься в колхоз, горбатиться за трудовни.

– В районе открывают отделение государственного архива, ищут кандидатуру на должность руководителя, – объявил Борик, переступая порог. – Тебя завтра ждут у заместителя председателя райисполкома.

– Какой к черту – заведующий архивом! – удивился Николай. – Представления не имею, что это такое.

– У тебя семь классов образования, шесть лет службы в армии, не должны отказать в этой должности, – настаивал Борик.

Николай согласился. Его спокойная манера разговора с людьми понравилась начальству – приняли, утвердили заведующим архивом Калининского района. Взялся за дело с большим желанием, прочитал целую кипу различных инструкций, наметил первоочередные дела и быстро навел порядок в учёте и отчетах.

Николай и Борик возвращаются домой вместе. По дороге обсуждают многое, даже затрагивают запрещенные темы.

– Какая-та сила не дает семье встать на ноги, – признался Николай брату. – У матери отрезали огород, а она держит корову. Плачет, буренку продавать не хочет, но и без земли кормов не заготовить.

– Опять в политику лезешь, – остановил его Борик. – Слышал я твои возгласы в адрес председателя Григорьева.

– Не перевелись у нас охи да вздохи по прошлому, – продолжил Николай. – Дай волю, вновь начались бы репрессии. Теперь некого раскулачивать. Колхозники более десяти лет ничего не получают, трудятся за трудовни, взамен им по итогам года – шишь! В деревне приличного дома не осталось, половина из них с соломенными крышами, как в старину.

– Хватит о политике, – остановил его Борик. – Лучше расскажи, как семейная жизнь? Думаешь жениться?

Николай нахмурился, вместо ответа напал на друга:

– Где жить? В избе восемь человек. Негде повернуться. куда я приведу жену?

– Попроси участок земли на строительство.

– Просить! – засмеялся Николай. – Григорьев на пушечный выстрел не пустит.

– Беда... – многозначительно ответил Борик. – Будто чужие мы на своей земле... Председателем надо было тебя поставить.

Конечно, беда. В каждой семье по шесть-семь человек. Взрослые, женатые дети не могут отделиться, нет участка земли для строительства дома. Колхозные земли неприкасаемы, пустующих изб нет, люди перестали выезжать на постоянное жительство на Север и в Сибирь. В переселения разуверились, ничего хорошего там нет.

Николай помолчал, примеривая к себе слова Борика, и ответил:

– Я бы справился. С людьми посоветовался, стариков выслушал, для женщин детский сад построил, для тружеников столовую, по трудовням стал рассчитывать...

– О-хо-хо! Размечтался! – засмеялся Борик. – Кто тебе даст денег, кто позволит распоряжаться народным добром?

– Колхозники решат! – продолжал Николай.

– Никогда они не решали, за них другие думают! Посмотри, почему меняются председатели? Одни не выдерживают! Другие, как наш Григорьев, за стопку прячутся.

– Мы за что воевали? – резко спросил Николай.

– Чтобы жить! Богато ли, бедно ли, но жить! Погляди вокруг – какая красота! Люди зябь поднимают, озимые сеют, убирают урожай, пышный хлеб пекут!

– Во, колхозник нашелся!..

– Григорьев долго не задержится, – вздохнул Борик. – Придет новый председатель, свой, любящий эту землю, тогда колхоз заживет, зацветет. Поднимем мы тогда кружки с пивом и скажем: «Такой красивой земли во всем мире не сыщешь!».

* * *

Давно идут разговоры об отчетно-выборном собрании колхоза. Перед самым сходом люди трёх деревень бурно обсуждали этот вопрос, но к общему согласию не пришли.

– Сколько можно терпеть такого хозяина? – атаковали противники Григорьева.

– Торопиться не следует, сначала надо определиться с новым председателем. – рассуждали его защитники. – Давайте со стариками посоветуемся.

Те не принимали участие в бурном обсуждении. Для себя давно решили, надо найти своего, доморощенного мужика. Их поддерживали гроза председателей колхоза Мирон Ефимов и секретарь местной парторганизации Кирилл Осипов. На место руководителя претендовали два бригадира – Куликов и Апанасов, но народ их вряд ли внесёт в список для голосования. Быть бригадиром – это одно дело, ведь трудишься под присмотром самого хозяина и агронома. Другое дело – уметь самому принимать необходимые решения, иметь чутьё, крепкий характер, не давать отдельным нахальным колхозникам сесть себе на шею. Это по плечу не каждому...

Ветераны и коммунисты колхоза остановились на кандидатуре Григория Харитонова. С таким предложением они отправились к новому секретарю райкома партии, бывшему учителю Хумушской школы Илье Прокопьеву.

Партийный руководитель принял ходяков, внимательно выслушал предложение и попросил принести личное дело секретаря партийного комитета машинно-тракторной станции района.

– Свой человек, до армии работал в колхозе, руководил комсомолом трех деревень, фронтовик, служил на флоте подводником. – заговорил Мирон Ефимов. – Член коммунистической партии.

– Неужели он такой идеальный человек – с чистой характеристикой, никаких изъянов нет? – улыбнулся секретарь.

– В молодости любил похвастаться. – вспомнил Ефимов.

– Мы тогда все были максималистами, готовы были мир перевернуть.

– Дурака не отправили бы на партийные курсы, не выбрали бы секретарем парткома, – продолжал Мирон Ефимов.

Прокопьев полностью с ним согласился, но не хотелось терять секретаря парткома. Состоялся долгий разговор, под напором он сдался, попросил ходяков раньше времени не раскрывать совместное решение.

Пришел день долгожданного собрания. На ответственное мероприятие прибыл Прокопьев. Вместе с председателем колхоза Григорьевым обошёл все углы хозяйства: побывал на ферме, в конюшне, заглянул в механическую мастерскую, зашёл в пекарню – везде побеседовал с людьми.

– Довели хозяйство, одни развалины, куда смотрят райком и райисполком? – сделал он своё заключение перед собранием.

Григорьев нахмурился. Ничего не ответил на замечание секретаря, сегодня он был трезвый. После обеда заболел, оказался на больничной койке. Что за болезнь, никто не поинтересовался. На собрание пришло почти всё взрослое мужское и женское население трёх деревень, в новом клубе не всем хватило места – стояли в фойе.

Председательствующим на собрании единогласно избрали Мирона Ефимова. Он предложил не обсуждать отчет правления колхоза, и так известно – одна разруха, а перейти к главному – к выборам нового председателя и правления колхоза. Не успел он договорить, как со всех сторон посыпались разные возгласы:

– За шесть лет четвёртого меняем, а толку нет!

– По трудодням народ несколько лет ничего не получает!

– Колхоз на глазах разваливается!

– Кого на этот раз председателем поставим?

Ефимов сразу не смог остановить народ. Но не зря столько лет был финансовым агентом, строго крикнул на весь зал:

– А ну-ка, по порядку!

В клубе стало тихо.

– Ну вот, – ответил Ефимов. – Слово имеет секретарь райкома партии товарищ Прокопьев.

– Товарищи! Мы с вами сегодня немного нарушим регламент отчетно-выборного собрания, думаю, ошибки не будет, если о делах поговорим на другом собрании. После того, как новый председатель вникнет в работу. Недавно в районном центре, в Калинино, прошла седьмая по счету сельскохозяйственная выставка, которая стала настоящим праздником для жителей района. Жаль, колхоз имени Хрущева не похвастался своей продукцией, не выставил ни одного экспоната. В этом есть и наша, и ваша вина. В последнее время руководить колхозами «Правда», «Гвардеец», «Самолет» пришли грамотные, ответственные коммунисты, фронтовики, прошедшие ад войны. У вашего коллектива немало славных трудовых дел – около деревни Хорн Кукшум на 60 гектарах растет хвойная роща, призванная защитить от сухих ветров поля и пашни колхоза, работает гидроэлектростанция, пекарня, заказаны две автомашины и новая молотилка. Не везёт колхозу с руководителями. Райком партии внимательно рассмотрел кандидатуры. На должность председателя предлагаю Григория Харитоновича Харитонова, уроженца деревни Хумуш, нынешнего секретаря парткома МТС. Остальное решать вам.

Председательствующий Мирон Ефимович улыбнулся во весь рот и громко объявил:

– Да... Григория Харитонова, нашего земляка... Все вы его знаете.

– Знаем, знаем! – кричали колхозники.

На сцену поднялся возмужалый тридцатипятилетний Харитонов и стал говорить:

– Когда-то на комсомольском собрании я рассказывал ребятам, что буду председателем передового колхоза, где техника сама убирает хлеб, на полях машины из льна сами шьют одежду – штаны и рубашки по твоему заказу. Мечты оказались тяжкие, не так быстро выполнимые. Сначала самим надо научиться трудиться, потом научить машины и механизмы. Если сегодня выберете меня председателем колхоза, легкой жизни не ждите. Своими руками будем восстанавливать разрушенное, обветшалое, строить новое.

– Не успел стать председателем, уже пугаешь. – остановил его Прокопьев. – Сначала разберись, подумай, посоветуйся, планы выложи на рассмотрение правления колхоза...

– Об этом я и твержу, – не сдавался Харитонов. – Придется попотеть.

– Вот это разговор, – обрадовался Прокопьев.

Мирон Ефимов не стал дожидаться накала обстановки, кандидатуру Харитонова поставил на голосование. Море рук поднялось в зале, никто не возражал, против никто не высказался. Поверили в земляка...

* * *

Собрание колхозников в очередной раз отшумело. Хорошо или плохо будет при новом председателе, никто не знал, но в нем люди видели своего человека, фронтовика с медалями и орденами, бывшего молодёжного вожака, матроса подводной лодки, секретаря партийного комитета машинно-тракторной станции Калининского района.

На собрании никто не вспомнил лихие годы раскулачивания, как молодой комсомолец строил новую жизнь. Много слез и проклятий вылилось тогда в адрес комсомольцев. Откроешь рот – станешь врагом, тогда пощады не жди. Его уважают, а многие боятся.

Вернулся он домой поздно, там ждала семья, многочисленная родня. Гостям не обрадовался, но куда денешься, надо соблюсти дикий обычай – обмыть новую должность, поднять пару рюмок и выпроводить их домой, иначе до утра могут гулять.

Не успели сесть за стол, слово взял дядя Григория Василий Харитонов и сразу начал учить уму-разуму.

– Нос не задирай, родных не забывай, на них опирайся. Они тебе плечо подставят, советами помогут. Народ держи в ежовых рукавицах. Бывшие председатели были слабые: Степанов устал воевать с народом, Григорьев не просыхал, похмелье его мучило, на тепленькие места посадил друзей, вот они и творят безобразие.

– Вы тоже сейчас, наверное, имеете большую надежду занять непыльные места? – пошутил Григорий.

– А что! – выпрямил грудь дядя. – Я не прочь занять место учетчика колхоза.

Тут вся родня всполошилась, начала делить колхозные кресла.

Григорий начал задыхаться от такой наглости.

– Вот что, дорогие родственники! Прямо скажу, у меня для вас нет теплых мест, везде и всюду будут работать специалисты!

– Как агроном Воробьев? – переспросил дядя.

– Именно такие люди, – подтвердил Григорий.

Куда только делась самоуверенность родственников. Один за другим стали покидать дом председателя, а дядя громко хлопнул калиткой и на улице процедил:

– Посмотрим! На нашей улице тоже будет праздник.

Жена Григория Лида расстроилась, сразу не разделила строгое решение мужа.

– Не стоило так бесцеремонно разгонять родных, они теперь надолго к тебе дорогу заказали.

– Привыкнут! – отрезал Григорий. – Сперва надо разобраться – головой повертеть, подумать о специалистах, принять решение, а не языком чесать.

– Воробьев что думает? – спросила Лида.

Григорий не ответил. С Семеном Воробьевым Григорий познакомился в Чебоксарах, на курсах переподготовки сельскохозяйственных кадров, они стали друзьями. Воробьев из деревни Юманлых, в верстах двадцати от этих мест, окончил сельхоз техникум. Из-за отсутствия должности агроном работал заведующим фермой в родном колхозе.

На собрании колхоза Воробьев не растерялся, выложил свое видение задач и проблем и его единогласно утвердили агрономом. Домой шли вместе.

– Думал, не утвердят – ноги дрожали, – признался Воробьев.

– Мы ещё всем покажем, поднимем колхоз до передовых, к нам будут ездить изучать опыт выращивания высокого урожая хлеба и картофеля.

– Не сомневаюсь, – поддержал его главный агроном.

Харитонов начал работу со строгого приказа. Первым делом запретил в правлении курить махорку.

– Хотите травить свой организм, выходите на улицу! – пояснил он.

Скоро помещение правления засияло чистотой, на окнах появились занавески, на подоконниках цветы. Вместо старой запыленной мебели Захар Узяков смастерил длинный стол, деревянные стулья и табуретки.

Должность изменила не только характер, но и внешность Григория Харитонова: шаги его стали степенными, он прекратил суетиться, в голосе появились нотки руководителя, слова стали взвешенными.

Прижал хвосты всем механизаторам и разным конторщикам колхоза. До чего дошла безнаказанность – члены правления побывали в домах отдыха за счет бедного колхоза, мужики днем по своим делам катались на казенной технике. Перепутали общественное добро с личным. По вечерам строительные материалы, зерно, картошку тащили домой. Председатель предупредил один раз – не отказались от старых привычек, а другого раза не стал ждать – сам пошел по участкам, наказал виновных морально и материально.

– Не признаем мы наговоры! – запротестовали некоторые механизаторы.

– Так уж, не признаёте! – возмутился Харитонов. – В таком случае я своим приказом снимаю Петрова и Белова с трактора и автомобиля.

– За что? – пытался возмутиться Вениамин Петров.

– Вчера привёз с колхозного карьера два кузова строительного песка, ни за трактор, ни за песок копейки не заплатил в колхозную кассу!

– За все годы работы и на песок не заработал? – пробормотал Петров. – Могу его привезти к правлению, там лужа никогда не высыхает!

– И то дело, – невозмутимо ответил председатель. – После трудового дня лично привезешь три прицепа песку, высушишь лужу, тогда, может быть, и поговорим.

– А я причём? – огрызнулся Белов.

– Ворованное сено отвезёшь во двор фермы, заплатишь десять рублей штрафа, только тогда останешься шофером! – резко оборвал его председатель.

– Все тащат, все несут!

– Каждый ответит за себя. – многозначительно пообещал председатель. – Больше никто не будет воровать, в дальнейшем несуну будут переданы в руки милиции, там быстро привлекут к ответу!

Еле успел разобраться с одной, пришла другая беда. Обком партии и облисполком не могут жить без реорганизаций. С утра передали: по данному вопросу состоится совещание.

Харитонов позвонил второму секретарю райкома партии, курирующему сельское хозяйство и промышленность, поинтересовался происходящим.

– Вот те на! – удивился председатель. – Значит, Калининский район ликвидируют?

– Передадут Вурнарскому.

– Куда? – переспросил Харитонов.

– Будет расширенный Вурнарский район.

– Ей богу! Там наверху белены объелись! Попробуй на тарантасе до Вурнар добраться. день потеряешь.

– Пока непонятно, – ответил Васильев. – Но, кажется, решение принято...

Харитонов положил трубку и стал размышлять:

– До сегодняшнего дня на мозги капали два руководителя, а завтра их будет уже в два раза больше. Ну, держись, колхозник...

В это время на крыльце правления послышались шаги, вошли члены правления. Стало шумно, деловые беседы наполнили большую комнату жизненной силой и здоровьем. Харитонов всех их знает с малых лет, за эти дни изучил сильные и слабые стороны каждого, наизусть знает их привычки и возможности.

Последним залетел самый молодой бригадир из Услабы Мигулай Кириллов. Трудлюбивый парень, ему всего семнадцать, а народ единогласно избрал его руководить первой бригадой. На лице этого парня всегда сияет улыбка, в глазах столько задора и молодости. Везде успевает, со всеми ладит.

Сегодня на правлении Харитонов хотел при всех вправить мозги молодому бригадиру, но повременил. Тот недавно на утреннее заседание не явился – проспал. Может, всю ночь простоял с девушкой у её ворот, может, мать не разбудила, думала, что сын заседает в правлении.

Вчера председатель на утреннюю планерку не пустил Кириллова.

– Спать – не пахать, если считаешь, что лучше всех разбираешься в сельском хозяйстве, иди, кумекай со своей бригадой, – недовольно изрёк он.

Мигулай домой прибежал озадаченный. Мать сразу заметила его настроение:

– Какие-то трудности?

– Хотел с дедом Захаром посоветоваться, что мне делать с этим плешивым косогором, семена не взошли.

– А ты снаряди молодежь, попробуйте пробороновать. За бороною пыль – будет и блин, может. яровые и проклюнутся.

– Правда, апай. Как же я сам не догадался?!

– Так, сынок, чтоб нужды не знать, надо пораньше глаза открывать, – не без иронии ответила Маишук.

Сегодня Мигулай заранее пришёл в правление, устроился у окна и внимательно слушал разговоры других. Председатель не торопился, в конце разводки коротко спросил:

– Что у тебя на косогоре?

– Вчера пробороновали, подождем несколько дней, должен зазеленеть.

– Должен! – буркнул председатель и отпустил всех по своим делам.

О проступке молодого бригадира даже не вспомнил, а в душе порадовался, что растёт такой толковый хозяин.

* * *

Григорий Харитонов с утра находится в районном центре. Пытался зайти к первому секретарю райкома партии, не получилось. К нему всегда очередь – приемный день. Перед кабинетом сидят председатель колхоза «Правда» Исаак Федорович Кошкин, директор Калининской средней школы Андрей Степанович Назаров, директор промкомбината Павел Иванович Васильев. Вперёд себя они никого не пропустят, если только сам первый пригласит через секретаря.

Харитонов пошел на некоторую хитрость, вошел в кабинет к инструкторам и позвонил по прямому телефону. Попытка не удалась. Прокопьев попросил зайти к нему через три часа, перед окончанием работы. Это не входило в планы председателя, но уже ничего не поделаешь, сам напросился на прием. Если проигнорировать, не поймет первый такой поступок коммуниста-председателя.

Теперь у него появилось свободных три часа. Успеет добраться до Вурнар, встретиться с директором мясокомбината.

Месяц назад колхоз имени Хрущёва привёз трёх бракованных коров на мясо. Обещали оплатить через три дня, прошел месяц – ни денег, ни мяса. Со старым другом сам лично договорился: этих животных не включать в налоговый список. Директор мясокомбината Михайлов встретил его недружелюбно:

– Трудные времена, нагрянет проверка, куда я дену лишнее мясо. В сводках придется указать. Деньги перевели сегодня.

Харитонов раздражённо хлопнул дверью и поехал назад в Калинино.

– Вот куркуль! – всю дорогу ругался он. – Попросит ещё, на коленях приползёт, когда с планом будет туго.

Время ещё позволяло Харитонову зайти в райотдел милиции. Надо переговорить с начальником насчет цыганского табора. За лето третья семья устраивается в середине деревни Хумуш, рядом с домом самого председателя. Цыганки по деревне шастают, воруют кур, гусей, спаивают некоторых мужиков самогоном. В последнее время обстановка накалилась, люди собираются идти на цыган. В прошлом году уже было такое, но тогда вовремя подсуетился Кури Алексеев, отвел беду, выгнал цыган из деревни. Они ушли недалеко, устроились на землях колхоза «Гвардеец». В этом году цыгане вновь вернулись. Надо принять решение, доложить об этом начальнику. Его не оказалось на месте, пришлось оставить письменное заявление. Не везёт сегодня, день потрачен впустую.

Прокопьев сидел за столом, уткнувшись в свой блокнот. Не поднимая головы на председателя, махнул рукой, приглашая присесть.

В последние годы в районе дела идут из рук вон плохо. Особенно худо в развитии всего сельского хозяйства. Из-за погодных аномалий урожай зерновых скудный – не превышает тринадцати центнеров с гектара. В животноводстве дела совсем швах. План сдачи государству мясо-молочных продуктов из года в год не выполняется, строительство коровников и свинарников задерживается из-за отсутствия простых гвоздей и досок. На последнем совещании молодых животноводов доярки пожаловались на условия труда – приходится по двадцать коров доить вручную, выносить навоз на своих руках, ворочать сорокалитровые бидоны с молоком. Колхоз имени Хрущёва тоже от этих проблем недалеко ушел.

Харитонов посчитал: первый обязательно задаст вопрос об овцеводческой ферме. На прошлой неделе, как только животных

закрыли на ночлежку, разразилась нешуточная буря. Шаровая молния с одной стороны фермы вошла и с другой вылетела. Крытая соломой, она вспыхнула как спичка. Не могли спасти бедных животных, больше двухсот пятидесяти овец и ягнят сгорели заживо, запах жареного мяса и паленой шерсти стоит над деревней Хумуш до сих пор.

За всё придется держать ответ. Правда, у Харитонова есть небольшое оправдание, ведь он совсем недавно взял вожжи правления колхозом.

– Чего молчишь? – строго спросил Прокопьев, поднимая голову. – Каким образом собираешься восстанавливать ферму?

– Поговорил с руководителями хозяйств района, обещают помочь.

– Когда это произойдет, чем будешь рассчитывать? – продолжил секретарь.

Харитонов разозлился на Прокопьева, будто, кроме овец, нет других проблем, но обиду не показывал.

– С одними рассчитаюсь торфом. – ответил Харитонов. – Другим верну овец, когда встану на ноги.

Разговор продолжился. Харитонов доложил обо всём очень подробно и обещал, что предпримет все усилия для решения проблем колхоза.

– Ты бы побывал в хозяйстве Кошкина и вурманкасского Петрова, съезди к Короткову в Кольцовку. Скоро о делах придется докладывать новому руководству Вурнарского района...

– Не понял, – спросил Харитонов.

– Калининский район в октябре перестанет существовать – как создали, так и расформируют, объединят с вурнарцами.

– Вот это новость. – продолжал Харитонов, хотя об этом уже слышал, но не предполагал, что свершится так быстро.

– Ладно! – устало сказал Прокопьев. – Пора домой, утро вечера мудренее...

Не успел Илья Прокопьев сесть в кресло первого секретаря Калининского райкома партии, как неурядицы посыпались одна за другой. Обком заслушал работу райкома по организации борьбы

с тифом и трахоматозным недугом. Не посмотрели, что он недавно принял этот пост, сильно критиковали и приняли постановление – к 25-летию образования Чувашской республики полностью ликвидировать тиф и трахому по Калининскому кусту.

Трахома – болезнь инфекционная. До революции ею болело почти всё чувашское население, инфекция распространялась, не встречая никакого серьёзного сопротивления. Одни участковые врачи не в силах были победить эту напасть.

Помощь в район пришла вовремя. Вместе с местными фельдшерами заработал глазной отряд, посланный Чебоксарским трахоматозным институтом. В районной больнице стали проводиться операции.

Другая беда – это миграция населения и уход молодёжи в города. Если дела и дальше так пойдут, некому будет управлять тракторами, комбайнами, а доярок придется искать днём с огнём. Ведь не единицы, а сотни молодых людей в одиночку и семьями побежали из района в поисках лучшей работы и заработной платы. Вербовщики из Москвы, Сталинграда. Сибири так и шастают по деревням – вербуют на стройки и на целину. В районе планируется построить мясокомбинат и молокозавод, но кто там будет работать? Везде и всюду нужны молодые руки, за ними идет охота – сулят немалые живые деньги, которых колхозники не видели давно. Некоторые обещают в течение двух-трёх лет обеспечить квартирой, а в деревнях строить почти перестали – нет ни кирпича, ни леса. Как жить в таких условиях? Уму непостижимо. Голова идет кругом. Строительные материалы по фондам отпускаются только на восстановление разрушенного, сгнившего колхозного хозяйства.

«Надо собрать пленум райкома партии, – подумал Прокопьев, – посоветоваться с людьми».

Был бы жив отец, обязательно подсказал бы что-то дельное. Участник Первой мировой войны вернулся домой после революции с георгиевскими наградами. Стал первым бригадиром в колхозе, руководил хозяйством. В округе слыл грамотным, рассудительным, исключительно справедливым человеком. И стар и млад шли к нему за советом по жизненным проблемам. Его сыновья Илья и Иван получили строгое воспитание, с детства наравне со всеми трудились в колхозе.

Потом началась война с фашистами. В тот день Илья получил диплом учителя младших классов. Людей провожали на фронт. Солдатские повозки были разукрашены разноцветными платками. Над деревней вновь разносились грустные старинные солдатские песни:

Ах, как тяжело, как тяжело
Доставать из оврага белые камни.
Ах, как тяжело, как тяжело,
Родные, расставаться с вами...

Тихо плакали солдатки, девушки вручали будущим фронтовикам на добрую память вышитые платочки, старики шептали напутственные слова. Трудности легли на плечи женщин и детей.

Однажды к нему подошел отец и строго сказал:

– Земля готова к приему семян, к сожалению, пахарей проводили на войну. Собери ребят, вспашите участок у Сухого Кучука. Илья с друзьями за два дня справились с работой.

Год поработал в соседней деревне Хумуш, учил ребят младших классов. Потом служба в армии на Дальнем Востоке, где его приняли в члены КПСС и окончил педагогический институт.

После демобилизации его учетная карточка члена Коммунистической партии поступила в Калининский райком. Прокопьева пригласили к первому секретарю и на следующий день утвердили инструктором сельского отдела райкома. Теперь сам руководит райкомом партии, весь на виду.

Утром в кабинет зашёл председатель райисполкома Василий Викторович Виктор. Между ними состоялся серьёзный разговор.

– Надо рассчитывать на собственные силы, научиться поддерживать, вдохновлять специалистов, молодежь, – вслух рассуждал секретарь. – Строить в деревнях жильё, дать молодым возможность создавать своё гнездо. В районе радифицировано всего двадцать процентов дворов, за два года необходимо повсеместно завершить эту работу.

– Откуда взять фондовые строительные материалы? – удивился Виктор.

– Для этого созданы Совнархозы, – ответил Прокопьев. – Встретимся с руководителями этих ведомств, познакомимся с министрами разных отраслей. Они подскажут, помогут советами.

фондами. Последний пленум ЦК партии нацелил работу всех органов на развитие сельхозпроизводства на основе индустриализации и электрификации.

– Трудновато придется. – вздохнул председатель. – Из сорока двух деревень, только в районном центре и в колхозе «Правда» горят лампочки Ильича, остальные живут при керосиновых лампах.

– Жаль, что колхозы не в состоянии заинтересовать молодежь материально, – сокрушался Прокопьев.

– Где возьмут средства, – ответил Викторов. – В прошлом году район не выполнил план обязательных поставок государству. В колхозах нет ни одного тепличного хозяйства для выращивания ранней рассады и овощей.

Прокопьев подошел к окну, глубоко вздохнув, добавил:

– Поживем – увидим... Поговорим с председателями хозяйств, убедим их ежемесячно выплачивать механизаторам и животноводам часть заработной платы живыми деньгами. Находят же средства для оплаты сборов и налогов.

– Не забудь, у нас имеется твердое задание по направлению рабочей силы на восстановление Москвы, Ленинграда и Сталинграда, – предупредил председатель райисполкома. – Необходимо отправить людей на торфоразработки в Калининскую область. Имеется задание по строительству автодороги Калинино – Чебоксары.

Прокопьев задумался, что сказать, кругом одни проблемы...

Недавно случилась скандальная история. Директор МТС на своей «Победе» выехал в колхозы в самую ненастную погоду. Застрял у Алгазинского моста. Целый день трактор буксировал его машину по ухабистым дорогам. Вывозку торфа в колхозе остановили, людей в тот день отпустили по домам. Слухи об этом дошли до областного центра, пришлось вынести директору МТС строгий выговор с последним предупреждением.

Можно было простить, если бы предприятие работало стабильно. Сколько лет говорят об узловом ремонте машин и тракторов. Этот прогрессивный метод не нашел своего применения, станки и механизмы работают в одну смену. Среди трактористов низка трудовая дисциплина, выход техники на поля составляет не более сорока пяти процентов.

Трудности существуют, но их можно было искоренить. В полную силу придется крутиться посредникам. Взять заготконтору

райпотребсоюза. За сданные ещё в прошлом году сельхозпродукты до сих пор не перечислили колхозам более сорока тысяч рублей. Люди жалуются: «Чистый, крупный, отборный картофель принимают как нестандартный с пятипроцентной скидкой». Не раз об этом писала районная газета, но безрезультатно.

– Кадровый вопрос рассмотрим на бюро, – продолжил секретарь. – Райком часто на стороне руководителей, здесь просто-го человека не всегда понимают.

Ему непонятно, почему из года в год увеличивали обязательный минимум трудодней. Что получит крестьянин по этим трудодням в конце года? Двести граммов пшеницы или полкилограмма ржаного жмыха. Десять лет назад закончилась война, городские жители уже несколько лет вместо карточек за работу получают живые деньги. А жизнь крестьянина не меняется!

* * *

Не успел Прокопьев выполнить задуманное. На очередном пленуме обкома район назвали в числе отстающих по животноводству, обвинили в недооценке кукурузы. Даже заявили, что руководители района мало интересуются делами колхозов. Прокопьев не выдержал, взял да и выступил. Он остро критиковал министра местной промышленности за невнимание к нуждам района. За неправильное отношение к воспитанию кадров досталось министру промышленности продовольственных товаров и министру здравоохранения. Он открыто заявил, что машинно-тракторные станции в погоне за экономией горючего пашут мелко, приходится браковать поднятые тракторами пары. Идет неправильная посадка картофеля, вследствие чего междурядья невозможно обрабатывать механически. Переусердствовал секретарь Калининского райкома партии.

После пленума его пригласили к первому секретарю обкома партии, где ему однозначно дали понять, что дни района сочтены и согласно решению Верховного Совета Чувашской АССР Калининский район будет присоединен к Вурнарскому.

Вернулся домой с тяжелым чувством. Смелым себя не считает, но и перед обкомовскими не собирался гнуть шею. Там любят собирать районных руководителей на разные совещания, чтобы

дать очередную накачку насчет выполнения государственных планов. Правда, раньше было тяжелее, ныне перестали зверствовать. Помнит, как за сто килограммов муки, полученной вторым секретарем Чкаловского райкома от председателя одного из колхозов, испортили жизнь обоим. Они распрощались с партийными билетами и получили бесплатный билет в одну сторону – на Калыму.

После войны районное начальство, включая комсомол, работало на износ, без всяких выходных и праздников. Некогда было думать о сне – все мотались по колхозам. Вопросы хлебозаготовки были самыми главными, за каждым человеком закрепляли колхозы и поручали: «Ночуй, но не допусти разбазаривания хлебопродуктов, зорко следи, чтобы колхозники не тащили домой ни одного зерна в карманах или в голенищах сапог».

После выполнения плана сдачи государству хлеба приходилось вновь и вновь выкручивать руки председателям хозяйств. только из-за того, чтобы к утру в сводках района появилось несколько сот пудов сверх обязательств. Так год за годом.

«Может, собрать завтра актив, посоветоваться с людьми, попытаться противостоять, не дать расформировать район? – думал секретарь, сидя у себя в кабинете. – В чем же провинились труженики, жители этого края в очередной раз? Кто придумал реорганизацию? В районе проживает около тридцати тысяч человек, в прошлом году родилось тысяча сто детей, двести семей зарегистрировали брак, ни одного развода, семьдесят шесть семей построили новые дома, в деревнях появились новые школы, клубы, животноводческие помещения. За семнадцать лет существования района открыли десять киноустановок, более тридцати школ, на полях появились новые трактора, комбайны, грузовые автомашины. Люди поверили в политику партии, правительства и в свои силы. Недавно проводили сельскохозяйственную выставку – настоящий праздник колхозников. Хозяйства стали подниматься, появились передовики по выращиванию хлеба, овощей, конопли, сдачи государству продуктов животноводства. Бюджет района за последние годы вырос в четыре раза. Разве это не подвиг?.. А в чем заключается очередная перетасовка?».

После обеда Прокопьев связался с первым секретарем обкома и спросил:

– Что будет с районом?

– Ничего! – ответил первый. – Войдёт в состав Вурнарского, Аликовского и Красноармейского районов.

– В чем мы провинились? – хотел уточнить Прокопьев.

– Слабое звено, пятое колесо в телеге! – строго сказал первый. – Это экономически выверенный вариант. облплан представил выкладки, Верховный Совет республики рассмотрел этот вопрос и вынес решение о необходимости расформирования слабых районов. Бюро обкома партии поддержал их, реорганизация коснется четырнадцати районов. Четыре из них решено расформировать. Вы не беспокойтесь, вас отправим учиться в партшколу при ЦК КПСС.

Ещё первый обещал прислать в район второго секретаря, отвечающего за промышленность и сельское хозяйство области.

Не помогли никакие письма крестьянских хозяйств и разумные доводы руководителей разного ранга. Калининский район закрыли тихо-мирно. Никто не смог противостоять. За годы советской власти люди научились молчать. На последней, итоговой сессии районного Совета народных депутатов об упразднении района не спорили, будто в рот воды набрали и боялись выплеснуть.

Калининский район перестал существовать, согласно акту, сельские советы и колхозы со своими населенными пунктами, с существующей территорией, общественными фондами, хозяйствами, предприятиями и учреждениями перешли в состав соседних трех районов. Основная часть присоединилась к Вурнарскому району.

Люди, помнящие разные передрыги при советской власти, недоуменно пожимали плечами. Но кто их услышит?..

ЗАСТОЙНЫЕ ВРЕМЕНА

Я жизнь люблю! Тебя люблю, земля!
Услышу ль благодарственное слово?

*Георгий Орлов,
фронтовик, чувашский поэт*

I

В феврале 1956 года XX съезд Коммунистической партии Советского Союза предложил ЦК КПСС осуществить меры, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности И.В. Сталина. В этот год отменили плату за обучение в старших классах средней школы, в средних специальных и высших учебных заведениях.

Темпов, которыми велось жилищное строительство в первой половине 60-х годов, наша страна не знала ни до, ни после этого периода. В СССР было введено обязательное восьмилетнее образование для всех детей школьного возраста.

Было намечено распахать в Казахстане, Сибири, Поволжье, на Урале и в других районах страны не менее сорока трёх миллионов гектаров целинных и залежных земель.

Основным символом научно-технического прогресса СССР стал штурм космоса. В октябре 1957 года был запущен первый

искусственный спутник Земли. А в апреле 1961 года в космос первым шагнул советский человек – Юрий Гагарин.

В 1961 году XXII съезд КПСС принял новую Программу и обозначил переход от социализма к коммунизму. Предполагалось выйти на первое место в мире по производству продукции на душу населения, достигнуть наивысшей в мире производительности труда, обеспечить самый высокий в мире жизненный уровень народа и воспитать нового, всесторонне развитого человека.

В этих задачах ничего утопического не было.

Но сельское хозяйство остается низкорентабельным и самой отстающей отраслью СССР. Колхозники продолжают «получать» только трудодни. Закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию чрезвычайно низки, не окупали затрат. Усиливался отток сельского населения в города.

* * *

Деревня Хумуш разрастается на глазах. На месте маленьких изб с соломенными крышами появились деревянные пятистенки с кровлей из металла. Всё делается трудом и потом, да и знакомство, кумовство играет немаловажную роль. Без друзей не выпишешь кирпич, шифер, цемент. Эти материалы идут только по фондам и под строгим контролем председателя сельсовета. Близкие ему люди, родные, то есть у кого появились деньги, достают кое-какие материалы, но с трудом. Вот так и крутится новая система распределения по фондам.

Пока строительство домов в деревнях ведется только за счет личных доходов. Главное – где достать копейку? Люди стараются при первой возможности удраť из колхоза, устроиться в государственные учреждения и на предприятия. Неважно кем, лишь бы деньги платили. Про молодежь нечего говорить, они целыми классами покидают деревню. Кто в среднюю школу в Калинино, кто в училище, техникумы, институты. Редко кто возвращается домой, только на оплачиваемые должности – учителями, механиками, медицинскими работниками. Раньше родители старались детей держать поближе, а ныне выпихивают куда подальше.

После войны в деревне никто не строил. Первым поднял дом новый председатель колхоза Григорий Харитонов. Сруб

стоял четыре года, на пятый год секретарь райкома партии строго сказал ему:

– Если председатель не может достроить дом, то люди полагают, что ты и колхозом будешь руководить так же.

Григорий Харитонов взялся за дело, нанял плотников, к зиме в новом доме затопил печь.

Как говорят, лед тронулся.

Слева по дороге в сторону Чебоксарского шоссе живет семья продавцов универсама райпотребсоюза – Михаил Архипов с женой и матерью. Лет пять назад на этом месте стоял полуразрушенный дом. После армии Михаил по вербовке уехал на Север – на сезонную разработку леса. Далековато, зато в договоре было указано, что часть зарплаты выдается лесоматериалами. По две смены трудился Михаил. По окончании договора отправил домой два вагона строительного леса и получил довольно приличные деньги – почти тысячу рублей. Через год поднял пятистенку и женился.

Михаил не стал гнуть спину в колхозе. Паспорт у него в кармане. Молодая жена оказалась шустрой, работала продавцом культотдела универсама. Сумела мужа перегащить в райпотребсоюз – продавцом мебельного отдела. Односельчане глазом не успели моргнуть, как Михаил и Людмила до работы мчались на мотоцикле «Урал».

Однажды бригадир хотел попросить у них помощи – выйти на сенокос.

– Здорово, Михаил! – подошел к нему Степан Петрович Апанасов.

– И тебе не хворать!

– Помоги убрать сено, пока стоит хорошая погода, на следующей неделе обещают дожди.

– У меня коровы нет, – резко ответил Михаил.

– Молоко ведь любишь, у соседей покупасшь, – опешил от таких слов Апанасов. – Помоги родному колхозу.

– Вы мне помогли, когда мы с матерью мерзли в развалюхе, от голода пухли, работая в колхозе за трудовни? Я теперь бесплатно не тружусь.

– Вот куркуль! – рассердился бригадир. – Кулак недобитый!

С одной стороны, Михаил прав. У самого бригадира трое школьников без новой одежды и обуви, сумки из льняного

полотна, а скоро первое сентября. Дочь плачет, портфель подавай. А где взять деньги?

С сенокосом трудно. В колхозах, имеющих лесные луга для покоса, мигом с работой справляются. Стараются люди – собрал тонну, десять пудов перевези домой. В Хумуше одна морока, для собственных нужд покоса нет. Каждый старается на своем огороде выделить участок для вики с овсом, стремится трижды покосить. Колхоз выделяет только солому, и на том спасибо. Зимой её пропаривают, обсыпают отрубями, корова жуёт, с голоду не падает. Если бы не дети, люди давно бы отвели своих буренок на базар. Ради малышей стараются. Михаилу что: ни детей, ни коровы, зато мотоцикл приобрел.

Рядом поднимается дом колхозного шофера Иосифа Воронцова. Ещё до войны он окончил курсы водителей в Чебоксарах. На войне крутил руль американских «Студебекеров». Вернулся домой, в колхозе получил ГАЗ с турбогенератором, березовыми чурками печь топил. Колхоз начислял полтора трудодня за смену и ежемесячно шофёру выдавал пятьдесят рублей. Что купишь за эти деньги, если за галоши просят двадцать рублей, а за мужской костюм – триста? За десять лет ничего не изменилось. Женился, появились дети, их надо одевать, кормить.

Родители Иосифа жили бедно. В маленькой избе стояли деревянный стол, две кушетки и длинные скамейки. За печкой – место для козлят и ягнят. И сейчас их сын не может выскочить из корявых лап бедности. Куда ни кинь, везде нужны деньги, но их в ближайшее время не предвидится. По решению правления колхоза ему выделили лесоматериалы для нового дома, и то Харитонов ворчит, что такой кредит хозяйству не выгоден. О чем думал, когда выделял?

Не выдержал Иосиф, при детях выразил обиду на председателя. Тогда старший сын, глядя отцу в глаза, сказал:

– Стоит вам горбатиться в колхозе, если на штаны себе не можете заработать?

Иосиф еле сдержался, чуть не поднял руку на сына, хотя никогда не позволял себе таких вольностей. Чуть поостыв, грустно ответил:

– Надеемся, что вы будете умнее.

– Конечно, буду, – не сдавался Игорь. – Не собираюсь быкам хвосты крутить.

– Ты ведь хотел стать агрономом?

– Передумал, в строители пойду. Без куска хлеба не останусь и на молоко заработаю.

Что поделаешь, время такое пришло, дети стали учить родителей.

Рядом с Воронцовыми проживают Кураковы. Крепкий дом поставили перед самой войной. Срубили на совесть, постучи – зазвенят бревна.

Кураковы вырастили четверых детей и вытолкнули в город. Говорят, они там хорошо устроились, семьями обзавелись, немалые деньги получают. Старший, за рынком в городе построил запылушку, маленький домик на троих. Другому сыну от работы выделили комнату. Третий живёт в общежитии. А самый младший служит в армии.

Осип и Руфа Кураковы и сейчас держат корову. В колхоз ходить перестали, занимаются в своем огороде, ранний лук возят на городской базар, первые огурцы, помидоры, картофель – всё идет на продажу. Дети приезжают домой, еле прут котомки до автобусной остановки.

Кураковы раздобыли справки от врачей, что нуждаются в систематическом лечении болезнью сердца.

– На колхозном поле потеряли здоровье! – любит повторять Осип.

Бригадир не приглашает их на работу. Попросил было помочь скирдовать солому, за что Осип попросил наличными, в крайнем случае зерном и сразу не менее мешка.

– Пузо не треснет! – рассердился тогда Апанасов.

– Как хотите, – спокойно ответил Осип. – Я на своем участке двадцать-тридцать рублей в неделю имею.

– Я поставлю вопрос об изъятии части огорода – за спекуляцию и невыполнение трудового минимума.

– По судам затаскаю, не позволю обидеть пенсионеров!

В ответ нечего было сказать.

– Колхоз на ноги встанет, придет время, все будем получать рублями, – только и ответил Апанасов.

– Мы уж подождем, Степан Петрович, – коротко отозвался Осип. – Нам нельзя тяжело поднимать, у нас болезни сердца.

На том весь сказ оборвался. Без них убрали солому с полей и заскирдовали. Так получается, не хотят старики за трудодни спину гнуть, дай живую копейку.

Конечно, Кураковы живут лучше своих соседей-колхозников. У них и дом покрашен, палисадник сияет зеленым цветом. Во дворе новый хлев, летняя кухня, баня. Значит, прибыльно выращивать лук на личном хозяйстве и продавать втроедорога на базаре. Колхоз пытался было прикрыть частную лавочку через судебные органы. Не получилось. В прокуратуре коротко разъяснили: «Необходимо поощрять частный сектор». Ни больше и ни меньше...

Первым кирпичный дом возвёл простой колхозник Григорий Васильев. Откуда у него деньги, где достал кирпич? Многие об этом строили догадки.

– Тесть помог, – говорили одни. – Роман Кириллов каждый четверг на базаре продает по два сундука, когда только успеваешь изготавливать?

– Пчелы дают немало прибыли, – поясняли другие.

– Во дворе без остановки гудит станок, щепки для покрытия крыши домов вылетают как из сказочного ларца, – рассуждали третьи.

Григорий не успел похвастаться с немцами, годами не вышел. Жили с матерью, Ксенией Васильевой, отца не помнит, он умер в молодости от непонятной болезни. Семь лет служил во флоте и по возвращении домой сразу женился на Раисе, дочери Романа. Просидевши много лет в лагере по политическим мотивам, Роман всей душой прикипел к трудолюбивому зятю, стал во всём помогать молодой семье. В руках у обоих играют топоры, звенят столярные инструменты, быстро освоили премудрости кирпичной кладки.

Они плевали на все разговоры – за три летних месяца вдвоем подняли кирпичный пятистеноч, рядом из бревен старого дома соорудили погреб, построили баню. Дом оценили всей деревней, но баню без дубового венника оценить невозможно.

На следующий год Григорий снова удивил односельчан – из кирпича начал поднимать столбы для уличных ворот усадьбы.

– Что ещё удумал? – удивлялись старики. – Первый сильный ветер определенно их опрокинет.

– Никуда они не денутся. – возражали бывалые в других местах мужики. – Фундамент он залил из бетона с камнем. Татары давно строят такие ворота

Они не лукавили. В прошлом году две машины ездили в Казань за железными листами для кровли нового здания школы.

Среди них был и Григорий. Запомнил, отложил в уме. ныне внедрил у себя дома такие ворота.

– А это что? – не раз нажимали мужики на щеколду с утиным носом, заложенную вовнутрь кладки.

– Зашёлка входной калитки. нажмешь, сама открывается. не придется силу применять, – объяснял Григорий уже в который раз.

– Не боишься? – скалил зубы сосед Трофим Трофимов. – Могут и раскулачить.

– Некому! – рассуждал Григорий. – Сталина из Мавзолея вынесли и про культ личности растолковали.

Зря так выразился. Неделя не прошла. Григория пригласили в райотдел милиции – в отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и с пристрастием начали допрашивать: «Откуда у него дефицитные строительные материалы?». Попросили представить документы на приобретение кирпича, пиломатериалов и про гвозди не забыли.

Роман Кириллов оказался осмотрительным. его всему научила десятилетняя ссылка. При покупке стройматериалов собирал все бумаги. Соображал: «Правители меняются, а внизу, в руководящих креслах сидят те же люди, принимавшие участие в раскулачивании. Не забыли они свои пакости – раз-два и напишут статью».

Григорий долго ходил по кабинетам надзорных органов. А ведь пригодились бумаги тестя – дела завершились благополучно. Он зашел в чайную, купил две бутылки пива, сто граммов водки. Всё это залпом выпил. Пересохло в горле, доказывая свою невиновность.

– Ты про нима, про эксплуатацию односельчан, использование силы трудового крестьянства признался? – подсел к нему откуда-то появившийся Дмитрий Волков – Метри-Блоха.

– Не мели чепуху! – пытался остановить его Григорий. – В душе и так мыши скребут, а ты – хихоньки и хаханьки.

– Скажу тебе, – загоготал Метри. – они проверяли факты, настроенные кем-то из деревенских.

– Борик Саваров тоже так сказал: «Никаких нарушений нет».

– Плохо искали, – продолжал насмехаться Метри.

– Ну тебе! – обиделся Григорий.

Надоело его слушать. Взял третью-перетертую полевую сумку, привезенную с армии, и пошел к выходу. Метри побежал за ним.

Около хлебного магазина остановились, только что привезли свежий хлеб, даже на улице его запах шекотал нос. Григорий встал в очередь, но Метри опередил его. Откуда-то притащил деревянный ящик, где лежала его сумка, закрытая тонкой стружкой и громко попросил:

– Осторожно... осторожно, дама, посторонитесь, дайте войти!

Сельский народ простой, верит шустрым. Стоящие около двери люди потеснились, пропуская Блоху. Через пять минут он вышел с тем же ящиком, внутри которого лежали шесть буханок теплого хлеба. Для спокойствия они отошли подальше от магазина. Всё прошло мирно, без лишнего шума и крика. Знакомая продавщица за смекалку и смелость без очереди отпустила хлеб.

Около железнодорожного вокзала стоял чебоксарский автобус. Откуда у Блохи столько хитрости и сноровки? Вскочил в автобус, занял ближайшее к водителю место и заторопил людей:

– Шустрее... шустрее передавайте за проезд, ищите мелочь, водителю некогда возиться с вами!

Люди подумали, что это контролер торопит с билетами и стали передавать деньги. Кто подумает, что мужик всем морочит мозги.

«Вот Блоха, опять проедет бесплатно...» – размыслил Григорий, устраиваясь рядом с женщиной.

Так и есть, сэкономил Метри пятьдесят копеек, а это – половина буханки хлеба. В суматохе водитель редко проверяет билеты. Метри со своей болтовней любого с толку собьёт, лишь бы самому проехать пятнадцать верст без оплаты. Обычно шоферы с удовольствием болтают с такими людьми, целый день за рулем, не с кем словом переброситься – с ума сойдешь. До деревни доехали быстро.

– Ну ты – жук! – удивился Григорий. – Для тебя, оказывается, нигде преграды нет, из воды сухим выскочишь. По яйцам пройдешь – ни одного не раздавишь.

– Жизнь такая штука, – рассуждал Метри. – Надо вертеться. Ты вот крутишься как юла, за год дом, банку поднял, пристройками занялся, но вот одного не учел. ОБХСС чуть за мягкое место не прихватил, скажи спасибо Роману Кириллову, он спас тебя от решетки.

– Я не воровал!

– Не было бы бумаг, как бы доказал?

– Тогда что?

– Нашли бы статью, приписали и отправили бы тебя по этапу.

За разговорами не заметили, как оказались около дома Григория.

– Не забудь пригласить на новоселье, – попрощался Метри.

– Попляшем, дубовые доски ногами ошлифуем, – гордо ответил хозяин.

Во дворе мать, Раиса и соседка Василиса убирают щепки после строительных работ. Везде чисто и уютно. Увидев мужа, Раиса взяла у него сетку и положила на стол. От запаха недавно испеченного теплого хлеба разыгрался аппетит. Василисе так захотелось отломить кусочек и поесть с молоком.

– Отцепились? – спросила Раиса.

Григорий кивнул головой.

Раиса поняла: «Отец прав был, когда собирал чеки после покупок материалов, пришивал их в тетрадке. У самих ума не хватало. Кирпич ведь не ворованный. Помог председатель сельсовета, лично выписал наряд на отпуск товара».

Василиса вздохнула: «Когда она построит такой дом, такие ворота? Не дожидаться... Что Кури – с ним всё просто. Умеет лясны точить, умные слова из уст так и вылетают. А Григорий молчун, у него из-под топора щепки летят – как в сказке поднимаются строения. Жена Раиса вокруг него, как лебедь танцует. Смелая баба, настоящая деревенская, палец в рот не клади – до плеча оттяпает. Что скажешь, порода Кирилла Федорова. Когда они трудятся, вокруг дым коромыслом. Как им не завидовать?!».

Война кончилась одиннадцать лет назад. Одни трудятся, не зная ни дня ни ночи. Другие устроились на теплые места, получают довольно приличную зарплату. Но некоторые фронтовики продолжают звенеть своими медалями, немного выпив, рассказывать о своих подвигах, при этом обязательно пускают скупые мужские слезы.

Кури, тоже получает зарплату, но много уходит из семьи. Лишних денег не было. Если бы половину средств откладывали, то можно было за несколько лет поднять такой же дом. Вначале фундамент, второй год – можно стены поднять, не заметишь – крыша наладится.

– О чем задумалась? – спросила Ксения.

– О жизни, – грустно ответила Василиса. – Мой муж разве подумает о трёх буханках хлеба?..

У Василисы нет собственного дома. В ближайшее время не предвидится.

2

Метри-Блоха не ладит со своей тещей Кушаковой. Вот уродилась баба, всё ей не то, всё не по нутру. Эта шестидесятилетняя, пышущая здоровьем круглолицая старушенция крепко стоит на ногах, никому спуску не дает.

Сегодня Метри ловит недружелюбный взгляд тещи Прасковьи Ивановны, старается с ней разговор не заводить. Она не любит зятя, смотрит на него косо, вечно упрекает в мелочах. Видите ли: «Он последний олух, притащился в дом тещи, не имеет своего угла».

– Чего ты, теща любимая, с утра гремишь? – не выдержал Метри.

– Если не понимаешь, слушай меня! – строго посмотрела на него Прасковья. – Таскаешься по деревне, как собака бездомная, вчера домой пришел на карачках.

Метри, правда, вчера выпил немного и не рассчитал – последний стакан был лишним. Вечером закончил взрывать заборы перед ледоходом около ослабинского моста. Оставшийся аммонал, с разрешения председателя колхоза, разгрузил в пустой амбар, ключи положил в карман, побоялся ответственности. Пошел к мужикам, они толпились у столярной мастерской. Один метнул на стол бутылку самогонки, другой притащил светлую, магазинскую, третий поставил красную «бомбу». Любят мужики деревенские вместе обсуждать проблемы. Сегодня они заинтересовались жизнью Метри-Блохи, его саперной деятельностью.

– Раньше ежегодно мост через Хирлеп сносило ледоходом, – стал объяснять Метри. – Ледорубы, стоящие перед мостом, в этом случае были бесполезны. Льдины с треском и гулом, наплывая друг на друга, скапливаются у опор моста. Справиться с ними может только аммонал.

– Успеваешь убежать? – смеялись мужики. – Льдинки по кумполу не попадают?

– Огнепроводный шнур длиннее устанавливаю, – серьёзно ответил Метри.

– Ему не привыкать, теща у него злее шнура шипит, – захотел тракторист Вениамин Петров.

– У-у-у, – загудели мужики, – Пора с ней разобраться.

– А што взять со старушки? – спокойно сказал Метри. – Пусть бесится, так она пар выпускает.

– Не-е, дорогой мой, – продолжал куражиться Петров. – Положи аммонал ей под кровать, пусть немного потрясет. Язык прикусит, меньше будет лаять.

Метри давно злой на тещу, но до этого не додумался, не такой уж он живодер, как-нибудь поладит с хрычёмкой. Такой уж у неё характер, уже не переделать.

Мужики засиделись допоздна.

Старуха теперь приводила в чувство непутевого зятка.

– Ну, выпил лишнее, не каждый же день бывает, не гонял же вас с Алей по двору, – оправдывался перед тёщей Метри.

– Попробовал бы, враз вылетел бы из избы! – строго осадила его Прасковья. – Подумай... Куда пойдешь – ни кола ни двора...

– Стоит подумать... – почесал затылок Метри. – Вечером затоплю печку пожарче, когда синие угарные язычки меж березовых углей зашевелиятся, прикрою вьюшку, не заметите как уснете... А как крылья обрежете – человеком себя считать перестану!

– Ай-уй, какая блоха на нашу голову!.. – заворчала теща. – Не человек, а вошь собачья!..

Метри стал наливаясь ненавистью к теще, взвыл от ярости. Готов был взять в руки вилы. Посмотрел по сторонам, на глаза попался кол, приготовленный под оглоблю. Он подумал: «Лучший вид обороны – это нападение». Над Прасковьей Ивановной нависла реальная угроза.

Старуха испугалась. На всю улицу завопила:

– Карау-ул!.. Убиваю-ют!..

– Правильно, – ответил ей Метри. – Сейчас я буду гебя наказывать.

– Спаси-ите!.. – продолжала кричать Прасковья. – Сволочь ты этакий!

– Не кудахчи, хуже будет, пятый угол заставлю искать.

Прасковья наконец догадалась, юркнула в избу и защелкнула металлический засов. Метри от злости саданул по бревнам, кол рассыпался на несколько частей. Это немного успокоило его.

– Прохиндейка! – громко выразился он. – Покажу я тебе вошь собачью...

Теща никак не могла успокоиться, поливала и поливала зятя-ка самыми пакостными словами.

Метри не выдержал, строго пригрозил.

– Что ты удумал? – раздался испуганный голос тещи.

– Не бойся, жарить не буду, поинтереснее придумал.

– Ай-уй, посадят ведь тебя!

– С радостью посижу, отдохну хоть от твоих воплей.

У него созрела мысль. Вошел в предбанник, взял молоток с двумя большими гвоздями и крепко заколотил дверь в сенях. Пошарил по карманам, ключи от амбара, где хранится аммонал, оказались у него.

На колхозном дворе было пусто, никого не видно. Прихватил две трубки аммонала, отрезал огнепроводный шнур, в карман положил взрыватель и отправился в магазин за вином. По дороге откупорил бутылку, с ходу опустошил половину.

Вернулся домой, для верности окликнул тещу. Она смиренно сидела в избе, на вопросы Метри отвечала неохотно.

– Молись, любимая теща, – ухмылялся он. – Счас твоя душа взлетит на небо.

– Чего мне молиться, придет Аля с работы, сам откроешь дверь.

– Не успеет, – издевался Метри. – Она найдет твоё изуродованное тело. Обмоют, переоденут и понесут тебя на кладбище. Не будешь больше травить душу зятю. Не горюй, я принесу на твою могилу живые цветы, за упокой души выпью пару стаканов самогонки, закушу с салом.

Прасковья Ивановна молчала. Она никогда не видела его таким, всегда тихо принимал её наставления, а тут как с цепи сорвался. Может, вчера напоили каким-то зельем, никак успокоиться не может.

Красное вино сильно ударило в голову Метри. Ему действительно захотелось взорвать этот дом вместе с тещей. Неспешно установил аммонал, осталось только чиркнуть спичкой.

Голос тещи стал миролюбивее. Не хотелось глупо умирать, она тихо заговорила:

– Метри ... Зятек...

– Чего тебе?

– Я ведь не со зла, в своем доме ведь имею право повесить голос.

– Больше не будешь гавкать. – строго ответил Метри. – Хватит, коптила. травила воздух, дай вольно подышать...

– Не дам! – с отчаянием прокричала Прасковья. – На том свете тебя достану!

– Годков-gridцать проживу без твоих криков и упреков, благодать...

Метри принял окончательное решение. Подошел, присел и чиркнул спичкой, огнепроводный шнур зашипел, загорелся. Убедившись, что все в норме, вскочил на ноги и убежал за сарай. Загремел мощный взрыв, поднимая и разбрасывая крыльцо по двору. На тебе!.. Тут открылась дверь избы, показалась голова Прасковьи Ивановны.

– Что ты наделал, паскудник?– крикнула она, задыхаясь от дыма, пыли и копоти.

– Эх, совсем было поймал, а она, курва... вырвалась, убежала... – сквозь зубы процедил Метри. – погоди! Продолжение последует!

Прасковья сжала лицо руками, шарила по сторонам широко открытыми глазами.

Эхо взрыва разнеслось по деревне. От грохота жители Хумуш испуганно выскочили на улицу, ничего не понимая. Всё перемешалось, на верхней улице запричитали бабы, мужики рванули на место взрыва.

Перед людьми открылась страшная картина – половина дома Прасковьи улетела куда-то, другая половина, как раненная птица с поднятой кровлей пыталась унести ввысь.

– Что случилось? – спрашивали друг у друга люди.

Никто не понимал происходящего, никто не догадывался, отчего произошел взрыв.

У открытой двери избы стояла оторопелая Прасковья, что-то бормотала, боялась шагнуть вперед, выйти к людам. Понимала, что осталась чудом жива – Бог умиловил.

Через час с района прибыли милиционеры и гражданские лица. Поговорили с людьми, пытаюсь выяснить обстоятельства взрыва. Никто ничего не видел, не знал.

Прасковья с помощью людей освободилась из плена. Она дрожала, будто осиновый лист, на вопросы милиционеров отвечала неохотно, только бормотала:

– Лежала на кровати, тут бабахнуло, ничего не помню...

Метри, услышав слова тещи, воспрянул духом, начал диктовать милиционерам свою, придуманную только что версию:

– С весны остались трубки, под веранду положил и забыл, от солнечных лучей взорвались...

– Надо выяснить, уточнить некоторые факты хранения и использования аммонала в Калининском дорожном управлении, – решили ответственные работники в штатском.

Через месяц состоялся суд. У Прасковьи Ивановны точно язык отсох, она не ругалась, Метри для неё стал Дмитрием. Перед глазами испуганной старушки стояло её полуразрушенное жильё. Во сне она кричала, вскакивала и глубоко вздыхала. Она поняла, что на яд всегда найдётся противоядие, теперь с опаской посматривала на зятяка. Аля поверила, что это была всего-навсего случайная оплошность.

Метри-Блоха получил три года условно, с работы выгнали по статье, и он занялся ремонтом дома.

3

Бывшую Калининскую школу машинно-тракторной станции год назад переименовали в сельское профессионально-техническое училище, оно приняло первых учащихся. Василий Алексеев успешно окончил среднюю школу и СПТУ стал механизатором широкого профиля. В начале апреля двадцать семь только что сдавших выпускные экзамены трактористов-комбайнёров, по направлению райкома партии и комсомола, выехали в Курганскую область – на Всесоюзную ударно-комсомольскую целину. За трое суток добрались до небольшого города, погрузились на открытые грузовики и отправились по отделениям огромного совхоза, под названием «Октябрьский», директором которого был местный коммунист Гаврилов Иван Иванович.

Вот, оказывается, какая она — целина. От горизонта до горизонта не видно ни одной деревни, ни одной ветлы, березки, ни одного куста, лишь ковыль да степь, будто на бумажке нарисовано. По дороге попадались маленькие тушканчики и зайцы, ребята их пугали своими криками и улюлюканьем.

Василий Алексеев из деревни Ярмушка, Владимир Емельянов из Хумуша. Виктор Качалов из Кивьяла, трое их друзей из Канашского района — Яков Петров, Илларион Иванов и Семён Дмитриев попали на самый дальний участок совхоза. На полевом стане, кроме палаток, столовой и конторы отделения совхоза, никаких других строений нет. Вся техника стояла за вагончиками на открытом воздухе, крытый навес для ремонта двигателей продувало ветром со всех сторон. Устроились в двух небольших палатках. Механик отделения показал молодым трактористам технику — трактора ДТ-54, прицепные комбайны «СК-6», называемые в народе «Сталинец-6». Попросил подготовить список запасных частей, необходимых для ремонта. Техника была в плохом состоянии.

Василий подружился с Владимиром Емельяновым. Этот среднего роста парень умеет ладить со всеми. Характер прямой, скорый на самые настоящие поступки. У него чистое любящее сердце. Синие, пронзительные глаза, наполненные миролюбием, взгляд добрый и открытый, кажется, вот-вот из него прольется свет.

На участке два небольших вагончика и десятка три больших и маленьких палаток. Около первой висит таблица с названием улицы «Целинная». На шесте от ветра развевается красный флаг. Дальше — покрытый брезентом длинный навес, под ним столы и скамейки. Рядом кухня, умывальники, огромные цистерны с водой. Вокруг до самого горизонта ковыль.

Неподалеку от палаток красовалась необыкновенно белая береза. Она единственная на сотни верст. Откуда сюда попала, кто посадил? Может буря притащила семена? Одно из них проклюнулось, потянулось к свету, укрепилось и теперь своей красотой радует целинников. Вокруг неё всегда много народу. Каждый прохожий, проезжающий останавливается, посидит в тени, а одна студентка нежно прислонилась к березе и затянула старинную песню:

Береза моя, березонька,
Береза моя белая,
Береза моя кудрявая!
Стоишь ты, березонька,
Посередь долинушки
На тебе, березонька,
Листья золотые,
Под тобой, березонька,
Трава шелковая.
Близ тебя, березонька,
Красна девушка.

Василий заметил её. Однажды осмелился с ней заговорить.

– Откуда на целину? – спросил он.

– Из Чебоксар.

Василий заулыбался, а девушка не поняла, попыталась отойти, но он остановил её.

– Не обижайся, я тоже оттуда, с Калинино.

– Правда? – обрадовалась она. – Мы из сельскохозяйственного института – студенты.

На душе у парня стало тепло. Они договорились встретиться.

Ребята взялись за работу с огромным энтузиазмом. Как же, они теперь самостоятельно будут убирать урожай на огромной, бескрайней целине.

На следующий день управляющий отделением, крепкий уса-тый хохол Оноприенко, доставил механизаторам необходимые для ремонта узлы и детали.

– Торопитесь, орлы! Весна! К пахоте стальные кони должны быть готовыми, скоро начнется битва за целинный урожай.

– Не подведем, – ответил за всех Василий Алексеев.

Пахать начали рано утром, теперь ребята со студентами трудятся круглосуточно. За питание думать не приходится, три раза в сутки кормят «на убой», а горячего чая можно попить в любое время суток.

Беда пришла неожиданно. Пожар пошел гулять по огромной степи. От налетевшего ветра с треском горел сухой ковыль, огонь бежал быстрее человека. Огненные языки с остервенением охватывали сухую траву и съедали на глазах. Ребята в жизни такого не

видели, участником войны был только один Василий Алексеев. Он не испугался. Повернул трактор прямо на пожар, за ним пристроились другие. Шли, оставляя черную борозду, влажная земля не давала дальше двигаться огню.

На пожар выскочили все, кто оказался рядом. Василий заметил, как студентки лупят пламя стеганками. Он остановился, показал Володе рукой, попросил покрутиться вокруг временного поселка, где стоят палатки, там хранится топливо и разные запчасти. Если туда доберётся пламя, беды не миновать. Владимир ринулся в бой. Сделал два больших круга вокруг жилья и мехмастерской. Темные ленты пахотной земли надежно охраняли палатки и стоянку. Около столовой Оноприенко, сняв свой добротный пиджак, гасил и гасил им пламя.

– Вы что, очумели? – крикнул Емельянов, направляя трактор на пламя.

Пожар потушили, управляющий отделением остался без пиджака, только черные дырки сняли на нём со всех сторон.

Виновник признался сам. Оказалось, свечу трактора забросало мазутом, захотел очистить. Не успел зажечь костер, пламя пошло гулять по степи. Целинники сразу набросились на него, начали обзывать всякими крепкими словами.

– Сволочь ты! – отрезал Василий.

Парень пытался оправдаться, просил прощенья. Но Оноприенко был неумолим, отправил его пешком в сторону железнодорожной станции, оставив без спичек и папирос.

– Может, не стоит? – вступился за него повар. – В степи заблудится. Будет ходить кругами, пока не упадет.

– Если не испугается, не заблудится!

– Как это – испугается? – спросил Василий.

– Степные дороги пустынно и утомительны, вокруг один ковыль. От однообразия чувства притупляются, не заметишь, как уйдешь в сторону. Мерещится, что не туда идешь.

– Надо вернуть парня, погубим... – продолжал Василий. – У нас не хватает одного плугаря, мы готовы его взять в бригаду.

– Ну вас! – махнул рукой Оноприенко. – Решайте сами.

Ребята догнали парня и вернули назад.

На следующий день в поселок приехал директор совхоза Гаврилов, с милиционером, поблагодарил трактористов, парню досталось и от них.

В отделение стала прибывать молодежь со всех концов страны. Приехали студенты Московского сельскохозяйственного института, за ними группами потянулись молодые люди из областей и республик страны. Прибыли шоферы, трактористы, комбайнеры, повара, даже парикмахеры. Технику быстро разобрали и начались ремонтные работы. Оказывается, в других отделениях автомобили, трактора и комбайны тоже стоят в ужасающем состоянии. После прошлогодней уборочной страды к ним рука человека не прикасалась, они стояли под снегом и дождем, ржавели. Механизаторы косили руководство совхоза за такое отношение к технике. А молодые, только что прибывшие после окончания сельскохозяйственных профтехучилищ, рассудили по-своему – посмотрели, покрутились, в тот же вечер покинули отделение совхоза. Их не пугала ни длинная обратная дорога, ни угроза руководителей. Перед ними были открыты двери местных колхозов, строительных организаций, задыхающихся от нехватки специалистов – везде их ждали с распростертыми руками. Не захотела молодёжь начинать свою трудовую деятельность с ремонта ржавой техники. Ещё неизвестно, будет ли она работать.

Бригада Василия Алексеева первой доложила об окончании весенних полевых работ. Огромный участок, более четырёх тысяч гектаров после первых же дождей покрылся зеленым ковром. Пшеница взошла. Ребята взялись за подготовку уборочной техники. Поменяли ведущие шестерни, валки комбайнов, перебрали и промыли керосином двигатели, провели испытание в полном прицепе и, довольные, стали ждать уборочной страды.

Онопrienко не скупился на слова, всячески хвалил ребят при всех, их поддерживал, а при этом обязательно добавлял:

– Поработаете на уборке, домой увезете по целому вагону пшеницы. Поможем отправить домой, вот родители обрадуются: «Какими взрослыми стали наши сыновья».

– У нас пшеницу мало сеют, – признался Василий, воодушевленный такой перспективой работы.

– Почему? – поинтересовался Онопrienко.

К разговору присоединился Володя Емельянов и стал объяснять словами своего деда, что сорта пшеницы никуда не годятся для средней полосы, полегают, урожайность низкая. Вон здесь стебли вымахали до метра, колосья еле держатся на ветру.

– Правильно гутаришь, паря, – серьёзно ответил управляющий отделением. – Не те сорта в землю кладете. Агротехника у вас хромает, агрономы хреновые.

– Был бы дождик, был бы гром, на черта нам агроном! – пытался пошутить Виктор Качалов из Кивьяла, но получил полный отпор управляющего.

– Ты, паря, поработай сезон на уборке урожая, тогда и посмотрим, на что ты пригоден?

На жатву вышли в намеченный день. Рано утром у вагона конторы выстроились десять тракторов с прицепными комбайнами. Все ждали команды. Оноприенко махнул рукой и громким голосом воскликнул:

– По-е-е-хали!

Разом заревели двигатели, и первый трактор Мустаева, местного тридцатилетнего парня с желтой от солнечных лучей шевелюрой, пошел по краю пшеничного поля. Комбайнеры, сидящие за штурвалом в очках, не торопились, запустили двигатели только по гудку тракториста. Техника работает как часы, оставляя за собой чисто убранную полосу. За ним устремился второй прицепной комбайн, потом третий. Скоро десять парных механизмов гудели в пшеничном море, мерно качающемся от небольшого угренного ветра.

Владимир Емельянов с двумя напарниками-студентами на прицепке шел третьим. Он старался не отставать от Василия, но пыль не давала дышать. Догадался немного попридержаться железного коня, отстал от друга метров на тридцать и запел любившуюся всей стране песню:

Ой ты, зима морозная,
Ноченька яснозвёздная,
Скоро ли я увижу
Мою любимую в степном краю?
Вьется дорога длинная,
Здравствуй, земля целинная,
Здравствуй, простор широкий,
Весну и молодость встречай свою!

Душа парня пела. Такого пшеничного поля он никогда не видел. Участки ровные, разрезаны длиной по три версты и шириной несколько сот метров. Кажется, бросишь штурвал, трактор

сам поведет комбайн по широкому полю. Не проедешь километра, приходится останавливаться, полный бункер зерна, автотранспортные поезда с двумя прицепами не успевают за комбайнами. Кругом всё крутится, вертится. в воздухе витает хлебный дух.

Сначала ребята трудились на жатве почти без отдыха, потом договорились работать по 14-15 часов в сутки. Никто из них не предполагал, что бывает такая усталость. Сидишь в кабине, глаза видят только золотое поле. Нельзя даже краешком глаза смотреть на солнце, сразу слепнешь, теряешь из виду впереди идущий комбайн. Людей не хватает, трактора с прицепами во время отдыха механизаторов простаивают – это очень огорчало Оноприенко. Он не находит себе места, везде успевает на своем «козлике», везде командует.

Однажды Володя заметил, что трактор Василия пошел поперёк поля. Несмотря на крики комбайнера и его помощников, трактор не сбавлял ход. По высокой пшенице не так легко бежать. Но Володя догнал, на ходу заглушил двигатель.

– Уснул? – спросил Володя друга.

– Нет, не сплю! – буркнул Василий, но, увидев, что его трактор стоит на пшеничном поле, виновато признался. – Неужели я задремал?..

– По совхозу объявлено социалистическое соревнование, – довел управляющий новость до всех работников своего отделения. – Ежедневно будем докладывать об успехах. В свою очередь мы объявили бригадное соревнование и главным призом учредили мотоцикл с коляской.

В первые дни бригада немного отставала, но скоро вышла вперёд, не раз становилась победителем соцсоревнования, даже добилась присвоения звания «Ударная бригада». Не заметили, как за суматохой уборка подошла к завершению. Все целинники получали за работу аванс в размере пятисот рублей в месяц, деньги не расходовали, негде здесь их тратить.

С ребятами рассчитались, каждому вручили накладные-требования нагуроплаты на пять тонн пшеницы. Она лежала под навесом, прикрытая брезентом. Когда попросили пшеницу отправить домой по железной дороге, Оноприенко исчез, кладовщики отказали в мешках, а до руководства совхоза пешком не доберешься, короче говоря, у всех нашлись срочные дела. После недельного мытарства парни добились двух вагонов, но за аренду

заломили столько денег, сколько не оценивалась вся управляемая пшеница. Молодые целинники за полцены продали пшеницу местным жителям, иначе она могла сгореть под брезентом. В своих деревянных чемоданах и холстяных рюкзаках они держали уже по три тысячи рублей, невиданно большая сумма, таких денег их родители никогда в руках не держали.

Некоторые целинники не торопились домой, ребята решили остаться, поработать ещё один год, за такие деньги в деревне можно поднять приличный дом. Многие группами покидали отделение совхоза. Уехали студенты из Кургана, потом штатные работники свернули свои пожитки и переправились в центральное отделение совхоза, где их ждали семьи. Одного не учли ребята – столовую закрыли, водовозка перестала привозить питьевую воду. Приходилось по утрам ходить к речке и собирать тонкие льдинки, ведь приближались ноябрьские праздники. Со временем иссякли продукты. Василий Алексеев собрал своих друзей и объявил отъезд:

– Собирайтесь домой!

– В училище документы не выдадут, два года надо отработать, – засомневались ребята. – Может, съездим в центральное отделение?

– Куда денутся. Честно отработали целый сезон. Не наша вина, что совхоз от нас отказался. В училище скажем, что отпустили до весны.

– Я согласен, – протянул Володя. – Зимой в вагончиках не выдержим, нет ни дров, ни воды, ни еды.

Наконец тронулись в путь. За сугки доехали до Кургана, оттуда и недалеко станция Вурнары – всего трое суток по железной дороге.

Им повезло. На станции двоюродный брат Василия, – Кури Алексеев – провожал в Москву сестру Веру. Приехал в Вурнары на тарантасе. Он крепко обнял целинников, для всех нашёл место, домой вернулись с ветерком. Парни без усталости рассказывали ему, какое там богатство, сколько техники пригнали, но не хватает хороших механизаторов и руководителей разного звена.

4

Раньше в деревнях день свадьбы считался днем отдыха, даже скот не выгоняли в поле. Жених перед стариками поселения

просил благословения. Получив добро, мужики в день свадьбы во дворе готовили п-образный стол, по углам закапывали молодые березы, а женщины варили, парили, несли на стол все лучшее, что есть в доме.

Теперь другие порядки: в деревне узнают о дне свадьбы только от родителей жениха. Они уж приготовились как нужно.

Минька Соколов во время войны посидел в тюрьме за воровство. На фронт не взяли, здоровьем не вышел. Вернулся домой и давай наводить свои порядки – где драка. он тут как тут. Сегодня собрал друзей, поставил перед ними полведра пива и при матери стал рассуждать о предстоящей драке на свадьбе:

– Чужой жених всех должен угощать вином, получить добро от жителей деревни. – рассуждал Минька. – А мы разрешили без калыма умыкнуть девку. Так не полагается, у нас так не принято.

Мать Миньки – старуха Матрие, услышав слова сына, испугалась, пыталась образумить его:

– Перестань! В прошлом году получил тумачков, неделю валялся в постели, кровью харкал. Забыл? Опять беду на свою голову ищешь?

– Тогда парни не поддержали меня, пришлось одному отдуваться.

– Сейчас кто за тобой пойдет?

– В деревне немало молодых.

– Ах вы, окаянные!.. Сколько девок из-за вас остались незамужними. Скоро никто не придет свататься в Услабу...

– Пусть не жадничают, от них требуется всего бочка пива.

– Не срами меня перед людьми! – просила Матрие. – Прекрати безобразие.

Минька вряд ли прислушается к словам матери.

Народ кутил на свадьбе. Разного люда полно: одни были гостями, другие пришли поглазеть, какое приданое приготовил Головлев для своей дочери.

Сваха и младший дружка жениха угощают народ пивом, рядом танцуют молодухи, в такт песен звенят их серебряные украшения: головные уборы, височные, нагрудные, поясные подвески, перевязи через плечо.

Свадебные парни тоже не отстают, вокруг женщин всякие фигуры ногами выводят. Их много – человек двадцать. Вот они

посадили жениха на стул и трижды подняли вверх на ура, не опуская, понесли к народу. Он налил три полных стакана пива и трижды обрызгал присутствующих гостей:

– Чтобы всем досталось!

Свадебные парни начали угощать народ пенистым напитком. Минька пока слушал песни.

В сад не яблоня манила,
Ради яблоч я пришел.
В дом не ради глаз мамыши.
Ради дочки я зашел.
В саду яблоня поспела,
Нынче вечером сорвут.
Эй, пора её настала,
Нынче Розу увезут.

Лихо приплясывают свадебные женщины, машут небольшими платками, а парни по ходу выносят из дома заранее приготовленное приданое. Несут сундук, постельные принадлежности, одежду. Родные со стороны невесты незаметно уложили на повозку дырявые лапти, сломанную метлу и старые грабли без зубьев. Это означало, что жениху следует быть бережливым.

Старший дружка жениха вручил родителям невесты икону, подвел к ним молодых. Филипп, увидев Миньку, забеспокоился, стал торопиться, положил руки на головы жениха и невесты и сказал:

– Благословляем вас, дети, да будет у вас много детей, нам внуков, живите в мире и согласии до самой глубокой старости, век проводите любя, уступая, понимая друг друга. Живите богато, чтобы живность не покидала двор. А теперь, дети, вам пора!

В это время свадебные женщины продолжали на улице выводить свои куплеты:

По базару мы ходили,
Светлый самовар купили,
На дубовый стол поставили,
Домашней посудой назвали
И на свадьбе мы гуляли,
Там невестку мы купили,

Посадили возле печки,
Теплотою одарили...

Молодые взялись за руки, вышли из ворот и сели на перину, расстеленную на повозке.

Тут Минька приготовился вступить в потасовку.

Не послушал мать, договорился с молодыми «петухами» и ждал момента. Кому-то надо начинать драку. Если замедлят друзья, сам попробует, не впервой. Ждал, ждал – не дождался. Первого попавшегося мужика из деревни Кумбал коротким сильным ударом сшиб с ног. Тот вскочил, закричал как ошпаренный, но Минька, не дав ему опомниться, достал ещё раз.

– Убью! Что творишь? – смотрел на него мужик испуганными глазами.

В это время кто-то схватил Миньку, хотел остановить бессмысленную бойню.

– Отвали! – заорал он, предупреждая смельчака.

Но сзади отпустить не собирались.

Тогда он резко присел и сильным рывком ударил обидчика каблуком сапога ниже колена. Тот охнул, стал кататься по траве от боли. Это был Кури Алексеев, участковый милиционер. Минька воспользовался минутной суматохой, выдернул из плетня кол и пошел на свадебных парней. К нему на помощь прискочили запоздалые друзья. В воздухе стояли визг и крики женщин, плач детей.

Филипп, недолго думая, стегнул коня, тарантас с молодыми помчался в сторону Кумбала.

Минька шел напролом, с красными как у быка глазами, забыв об опасности, ничего не желая видеть и чувствовать, орудовал колом. Несколько раз хрястнул по мужицким плечам, головам и спинам. Свадебные парни разом вооружились кольями, длинными жердями, с криком и громким матом кинулись на ослабинцев.

– Карау-ул! Убива-ют! – заорал Филипп Головлев.

Мужики вошли в раж. Удары звучали глухо, старые, гнилые колья ломались на спинах парней. Уже двое лежали на земле и дышали с храпом. Вокруг них суегились женщины. Свадебные парни действовали дружно, напористо, не давая очухаться ослабинцам. Время от времени доставалось и тем и другим.

Минька остался один, не выпускал кол, крутил и крутил вокруг себя, не давая пришлым достать его своими оглоблями. Один из них оказался проворнее и сильнее – угодил Соколову по ногам. От боли Минька охнул, из глаз полетели искры, будто внутри взорвался огненный шар. Он замешкался, этого хватило, чтобы несколько кольев одновременно опустились на спину и голову. Минька рухнул на землю.

– Давай его на копчик! – кричал черноволосый мужик, разогревая молодых.

Кури Алексеев попытался остановить бойню, однако сам получил колом по голове, сознание замутилось. Но слова черноволосого он услышал. Это жестокое наказание, сейчас мужики возьмут Миньку за руки, за ноги и несколько раз изо всех сил посадят на копчик. Тогда он не жилец, помучается несколько месяцев, и понесут его односельчане в сторону кладбища.

«Нельзя допустить беззакония», – подумал Кури Алексеев, поднимаясь на ноги. Вытащил револьвер и выстрелил в воздух. Народ остолбенел. Парни отошли от Миньки. Некоторые в душе уже похоронили его. Жив он, только голова у него гудела, будто её верёвкой скрутили и тянули в разные стороны.

– Разойдись! А то перестреляю всех! – пошел участковый на драчунов.

Люди отступили, побросали кольца, оглобли. Свадебные женщины запели, это означало конец бессмысленной драки на очередной свадьбе. Главный зачинщик беспорядка еле шевелился на земле.

– Увезите его домой! – строго сказал Алексеев Филиппу Головлеву. Тот подчинился. Миньку положили на телегу и вывалили около дома Петрука. На улице завывала Матрие.

– Убили!.. Убили сыночка!..

– Не вой! – остановил её Минька. – И так голова раскалывается...

– Говорила тебе, окаянный!.. – надрывалась Матрие. – Не послушался!

Кури Алексеев пытался найти того, кто его саданул по голове колом, безрезультатно. Люди пожимали плечами, старались быстрее покинуть место, ведь свадьба кончилась, нечего тут торчать. Что поделаешь? Придется по одному вызывать в сельсовет

и допрашивать, сейчас ему никто ничего не скажет. Наедине разговор получится, быстро найдутся виновные.

Прошел месяц. Минька встал на ноги и собрался жениться на дочери председателя колхоза Василия Денисова. Но самогонка загубила его. В тот вечер задержался на крестинах сына Миньки Казакова. Не помнит, как оказался в теплой бане Осиповых, рядом с пухленькой Фаяй. Очухался утром, когда Кузьма Осипов с двумя крепкими, как Улып, сыновьями вошел в баню.

– Придешь с родителями вечером свататься. – строго отрезал Кузьма.

– С какого перепугу? – удивился Минька.

– Тогда Фая отнесет в нарсуд района заявление об изнасиловании, – твердо пообещал Кузьма.

– Кто её изнасиловал? – округлились глаза у парня.

– Нечего удивляться, вас ведь утром вместе застукали. Теперь только женитьба на моей дочери спасёт тебя.

Фая стояла у маленького окна бани и ревела, по её спине только что погуляла нагайка отца.

– Это розыгрыш? – не поверил Минька.

– Да, лет на десять на Севере или шагай за родителями.

Он не мог послушаться, всё было против него. «Лучше уж жениться, – решил он. – Потом посмотрю, что к чему...».

Утром к милиционеру зашел Кузьма Осипов с зятьком Минькой. Крепкий состоялся разговор. Кури Алексеев не захотел портить отношение с односельчанами, не оформил протокол на дебошира, уговорил Филиппа Головлева не писать заявление в милицию. Скоро Минька покинул молодую жену и родителей, даже адреса не оставил.

* * *

Теперь Кури Алексеев в милиции не работает. Драка на свадьбе перечеркнула его карьеру. «Добрые люди» известили начальника районного отдела милиции о недостойном поведении участкового Кури Алексеева: «В общественном месте появляется в нетрезвом состоянии, дома ведет себя неподобающе: устраивает скандалы, бьет жену, детей, ведет аморальный образ жизни – при жене и шестерых детях имеет любовницу».

Начальник Калининской милиции Парамонов не раз предупреждал Алексеева. грозил наказанием. Хотел уволить со скандалом, но воздержался. побоялся самому себе навредить.

Проблема решилась просто. Район расформировали. Начальство Вурнарского района попросило на каждого сотрудника объективную характеристику. Парамонов выложил всё, что думал о каждом из своих подчиненных. На этом карьера некоторых милиционеров закончилась — для них места в новом районе не нашлось.

Алексееву тоже вежливо указали на дверь. Пришлось расстаться с конем и формой. Но собаку изъять не смогли, она удрала из вольера милиции и в тот же вечер вернулась к старому хозяину. Алексеев искал новую работу, но нигде его не принимали: то образования не хватает, то на вакантное место требуется женщина. Так семья, состоящая из восьми человек, осталась без средств существования. Кури стал безработным. в колхоз ходить не торопился.

Василисе приходится искать выход из создавшегося положения. Дети растут, их надо одевать и кормить. Пять дней в неделю работает в колхозе, если не выполнишь минимум трудодней, могут отрезать огород, а без него семье не выжить. По выходным она вынуждена была заняться перепродажей товаров, особенно хорошо идут детские вещи. Ездит в Москву, Казань, где в магазинах выбрасывают всякий дефицит. Приходится несколько раз постоять в очереди, чтобы купить дешевую детскую одежду. На Нуросском и Вурнарском базарах эти вещи продаёт с небольшой наценкой, вырученных денег едва хватает на котомку белого хлеба, на три килограмма ливерной колбасы и кое-какой одежды для детей. Про мужиков — Кури и Мирона Ефимова перестала думать. В голове крутится только одна мысль — как поднять детей на ноги. Василиса беременна седьмым ребёнком.

Стала рукодельницей. По ночам шьет платья для деревенских модниц. Научилась валять валенки. Как не одолевает бедность, а в доме чисто, опрятно и уютно. Дети одеты как городские: юбочки, кофточка, банты, шорты и рубашки с короткими рукавами, шапочки с помпончиками из верхней части женских чулок.

В последнее время до Василисы дошли слухи, что Кури спутался с молодой дояркой колхоза Екатериной Моисеевой. Не поверила, мало ли что говорят деревенские бабы, им бы только языками чесать.

Неделю спустя Василиса вместе с сыном вышла полоть махорку. После обеда к бригаде присоединилась Раиса Камитова. Может, она не заметила Василису или захотела побольней ужалить, но, несмотря на присутствие детей, начала рассказывать:

– Ой, ой! Иду с фермы, хотела взять мешок прошлогодней соломы, а там валяются Кури с Екатериной. Он руками её за грудь хватает, по телу гладит, а она от удовольствия как индюшка курлычет. Так увлеклись, даже меня не заметили...

– Замолчи! – резко остановила её Анисия Калисова. – Хватит тараторить.

Раиса повернулась назад и встретилась глазами с Василисой. Та стояла ни живая, ни мертвая, только крупные капли слез текли по пунцовым от стыда щекам. Женщины разом нагнулись, начали быстро махать тылками. Анисия подошла к Василисе, но та не выдержала, быстрым шагом покинула поле и исчезла за ветлами оврага Турхан.

– Боюсь за неё, как бы чего плохого не натворила, – шептала Анисия, провожая Василису глазами.

Ничего она не предприняла и не натворила. Сидела дома и от обиды, от унижения, громко плакала. Такой её застали дети: Уля, Галина, Андрей, Альбина. Лена. Владик остался в поле. Он злыми глазами сверлил Раису, значит, придумал что-то нехорошее.

Старшая дочь присела рядом с матерью и стала вытирать ей слезы. Своим повзрослевшим умом начала говорить:

– Пусть уходит! Папа нас никогда не любил! Владика обижает, а ты сидишь и плачешь! Почему от него не уходишь, он гуляет, потом возвращается. Ты каждый раз прощаешь, в дом пускаешь...

– Эх ты, моя хорошенькая! Вырастешь, поймешь, что в жизни не всё так просто. Как мне одной шестерых детей на ноги поставить. Вас надо кормить, одевать. За колхозные трудодни сытым не станешь.

– У нас в чулане целых три мешка муки, – успокаивала её Альбина.

– Надолго ли хватит? – печально ответила Василиса.

Она хотела обнять, прижать к себе всех детей, но они оказались уже большими, сразу не обхватишь.

Кури, наконец, устроился в колхоз сторожем на птицеферму. Теперь редко ночует дома. Василиса пыталась с ним поговорить по душам – впустую.

Неделю назад Василису на Вурнарском базаре милиционеры поймали за спекуляцию, всю ночь держали в камере предварительного заключения, утром составили протокол и отпустили домой.

– На суд вызовут! – строго предупредил оперативник, выпуская женщину.

Василиса нервничает, впервые в жизни придется держать ответ перед судьями. Боязно ей.

Она знала о судебных делах только понаслышке. Люди приходили к участковому – советовались, выясняли суть дела судебного разбирательства, уточняли, как вести себя на процессе. Женщины, как всегда, лили слезы, мужики тяжело вздыхали. Кури всем помогал. При разговорах Василиса всегда сидела тихо, но ей запомнились советы мужа землякам.

Помнит рассказы деда Савара: «Чуваши боялись наезда судебных чиновников. Незнание русского языка усугубляло положение крестьян. Они понятия не имели о законах, везде и всюду их полурусское, получувашское высказывание судьи понимали по-своему, словам часто давали такой оборот, какой нужен был властям. Простые люди становились виновными. Служители земской полиции и судов приезжали в деревню по пять-десять человек. Их надо было кормить, понть, по завершении гулянки дать мзду. Однажды на деревню пало подозрение по угону лошадей, пришлось собирать взятку всей деревней...».

Ныне советская власть во всем видит спекуляцию. Любая нехватка продуктов питания и промтоваров имеет свою выгоду. Жизнь подтолкнула Василису этим воспользоваться. В Москве живет золовка Вера, она для неё покупает по низкой цене вещи. Из столицы Василиса возвращается с полной сумкой и котомкой товара. На Вурнарском базаре в тот же день распродает из-под полы по выгодной цене. Зарабатывает за месяц более двухсот рублей. А последние три детских платья купили милиционеры – мужчина и женщина. Не заподозрила она подвоха. Повели в районный отдел. После ночного задержания дело передали в суд.

Василиса стоит перед судьей и отвечает на вопросы. Он недолго полистал бумажки, поднял голову и спросил:

– Признаете свою вину?

Василиса подумала, что её могут сразу осудить, начала оправдываться:

– Платья золотка прислала из Москвы, дочерям оказались большими, пришлось продавать.

– Одного размера и по спекулятивной цене?

– Так, так... все одного размера. Я ведь цены не знаю, выставила по десять рублей.

– Дороговато...

– Посмотрите, какие они ладные, на полках наших магазинов сроду не увидишь таких платьев.

– Не позволяйте себе ругать власть. Недостатки, конечно, имеются, но это временные трудности.

Василиса что-то пробормотала, она и не думала ругать власть. Судья встал, закурил и без всякого интереса продолжил:

– У вас шестеро детей, как они будут жить два года без матери?

– Два года?! – испугалась Василиса. – Тогда уж лучше умереть. Моё сердце этого не выдержит.

Судья продолжал задавать вопросы:

– Знаю твоего мужа как честного и порядочного человека. Почему он в своей семье допустил спекуляцию?

– Его выгнали из милиции, – ответила Василиса.

Опять воцарилась тишина. Присутствующие на суде молчали.

– На первый раз мы тебя оштрафуем на сто рублей и конфискуем товар.

– Так много?.. В колхозе денег не дают, где мне взять такую сумму...

– Вычтем из кассы колхоза, там разберутся.

Василиса заплакала, она не смогла смотреть прямо на судью и двух его помощников.

– Они разберутся, – всхлипнула она. – Вычтут сто трудодней, семья останется без хлеба.

Судья посоветовался с заседателями и твердо подытожил:

– Пятьдесят рублей штрафа и конфискация имущества.

– Согласна – вырвалось у Василисы.

Судья тут же зачитал заранее приготовленный приговор и отпустил Василису домой.

Она шла по улице, в душе хвалила себя за лукавство с платьями, думая, что эта уловка помогла ей выйти из зала суда, а могла бы остаться в тюрьме на два года. Судья оказался хорошим человеком, пожалел её, наложил только штраф. Насчет платьев она не беспокоится, теперь будет умнее, за пару поездок в Москву сможет заработать эти деньги. Об этом обязательно расскажет мужу. Жаль вот, Мирон Ефимов не понимает её. Постоянно старается унижить, доложил председателю колхоза Харитонову, что Василиса занимается спекуляцией.

5

Прочитав передовицу газеты «Правда», старый учитель Георгий Алексеев не согласился с выводами и решением очередного съезда партии о слиянии наций и национальностей. Не смог промолчать на колхозном собрании во время обсуждения итогов партийного форума. Встал перед коллективом и во весь голос сказал:

– Некоторые ученые мужи и начальники предрекают гибель нашему родному языку, а вместе с ним и чувашской национальности. Почему они так думают? Наш народ тысячи лет разговаривает на этом языке. Предки берегли его, развивали, приумножали, завещали передать потомкам в чистоте, благодаря чему и мы с вами и наши дети владеем этим уникальным языком.

Секретарь парторганизации Арсентьев явно был недоволен высказыванием учителя.

– Вы, значит, не поддерживаете программу партии, её курс на строительство коммунистического общества?

– Я не член партии, не имею право критиковать решение съезда, но не согласен с некоторыми выводами.

– В чём они заключается? – переспросил секретарь.

– Мне непонятно, – продолжал Алексеев. – Как это – сливаются народы, сливаются языки?

Секретарь не стал усугублять положение. Он не понял, что слова старого учителя были пронизаны болью и страхом за будущее родного языка. Не стал принародно спорить с ним, побоялся, что проиграет.

Дома опять скандал. Катерина не поняла ни мужа, ни его слов.

– Какая тебе разница, на каком языке будут разговаривать наши дети? По мне лучше, чтобы они понимали и разговаривали на русском, легче на этом свете жить. Уже сейчас доедешь до станции Вурнары, там немногие разговаривают с тобой на чувашском, а спросишь о чём-нибудь – отвечают на русском языке. В Москве уж больше тебя понимают, как народам жить.

Георгий не стал спорить с женой, не поймет она, но Екатерину уже трудно было остановить:

– Будто не понимаешь, что ни одно колхозное собрание без скандалов не проходит. стараются на горло друг другу наступить.

– Пусть воюют, рвут горло, но почему пляшут под чужую дудку? Свой народ не любят.

– Народ-то не девка. Всё ищут легкой жизни, не хотят, как прежде, себя рвать. А вот на партийного секретаря почему напал?

– Ловкач, устроился, своего мнения не имеет, – с грустью ответил Георгий. – Он ведь в колхозе считается механиком.

– А что, хорошо работает, – не согласилась Катерина.

– У него вся техника гниет под дождем, под крытый навес не может поставить. Зато свой «Москвич» держит в колхозном гараже.

– Не можешь забыть «компрессию»?

– Не компрессию, а компрессию, – поправил жену Георгий. – Я учитель, а не тракторист, откуда мне знать все тонкости механизмов.

Он на всю жизнь запомнил прошлогоднюю шутку механика. Надо было вспахать огород на школьном участке. Учитель получил разрешение председателя и отправился в мехпарк. Около старой машины копались механизаторы. Георгий передал распоряжение председателя колхоза, а механик Арсентьев, вспомнив учёбу в школе, захотел немного покуражиться над учителем и отправил его обратно к председателю, попросить полведра компрессии. Георгий удивился просьбе, но не стал задавать лишних вопросов, ничего не подозревая, пошел в сторону правления – недалеко шагать. Механизаторы захихикали ему вслед, но ничего не сказали.

Председатель засмеялся. Георгий понял, что над ним пошутили, и покраснел как рак, губы его задрожали. «Прости, Георгий

Алексеевич! – сказал председатель. – Пошутил над тобой механик. Компрессия – это сжатие смеси газов поршнем в цилиндре двигателя». Учитель был огорошен. Как же он забыл, ведь в институте почти тридцать лет назад проходили эту тему, к старости всё вылетело из головы. Председатель ещё раз извинился, попросил успокоиться, пообещал школьный участок сегодня же вспахать.

Много видел в своей жизни Георгий. Но чтобы так над ним издевались? Как теперь посмотрят на него односельчане, школьники? Не выдержал, рассказал об этом случае Василию. Сын не посмотрел, что Арсентьев его начальник, на следующее утро схватил механика за грудки и хорошенько потряс. С тех пор секретарь на них смотрит косо.

Теперь вот Катерина вспомнила эту шутку, душу расторошила. Георгий вышел во двор и тяжело навалился на перила крыльца грудью. С наслаждением вдыхал запах вечернего воздуха. Вдруг резко выпрямился. А собственно, что случилось? Чего он терзает душу? Из-за какой-то статьи в газете себя мучает! Где-то рядом запела птица, радостные детские голоса заполнили улицу. Сразу на сердце стало тепло и хорошо, вновь вернулся алексеевский дух.

В это время во двор выскочила дочь Таня и закричала:

– Папа! Твою сказку по радио передают.

Она помнит, как переписывала в чистую тетрадку несколько сказок, собранных отцом в разных деревнях. Месяца два назад отец передал записи в институт языка и литературы. Теперь эти сказки звучат по всей республике.

Катерина внимательно слушала сказку вместе с детьми, но ничего не сказала.

* * *

Старший сын Георгия и Катерины Алексеевых Василий после целины в город переехать не захотел, остался в колхозе, вот уже три года на ДТ-54. Не женат. Ну, сколько можно бегать в холостяках, скоро тридцать стукнет. Деревенские бабы давно чешут своими злыми языками ему вслед.

Вчера Василий вернулся с работы и выложил новость, что он женится. Попросил подготовиться к свадьбе. Через месяц их с

Анфисой Сухановой регистрируют, сегодня были в сельсовете и договорились.

Начали готовиться к свадьбе как со стороны жениха, так и со стороны невесты. Необходимые продукты, вещи куплены, все ждали большого дня свадьбы.

Катерина с дочерью Татьяной варила свежее пиво, приготавливая:

– Быстрее броди, шуми, как шумит дубовая роща Ушах во время бури, как шумит вешняя вода на реке Хирлеп. Гости придут, всех надо угощать, всем угождать. Броди, броди, как охотник гоняется за белым зайцем, оседлав быстрого, как молния, коня – спешу. Спешу, спешу, но не цветы, как болотце Оба-Сирма*...

Катерина знает: и без этих слов у неё пиво будет отменное, ибо давние порядки она всегда соблюдает. Уже приготовила для себя одежду для свадьбы. Эти дорогие вещи передаются из поколения в поколение как реликвия и всегда ценятся дороже коров. Их изготавливали старинные мастера из плотной льняной ткани и украшали сотнями серебряных монет, разными сортами бисера, мелкими кораллами, символизирующими чувашских богов. Считалось, что при танцах звон монет отгоняет злых духов. Такие одежды придают свадьбе особую торжественность, люди приходят не только посмотреть на молодых, но и оценить старинные наряды.

Сельская жизнь никуда не торопится, протекает медленно, тихо. Но хорошие и плохие вести разносятся по деревне мгновенно. Человек не успеет слово вымолвить, а оно уже полетело по улицам, заглянув в каждую избу. Так и теперь, вся деревня в считанные дни узнала о предстоящей свадьбе Василия Алексева.

Чувашские женщины считают замужество главным событием в судьбе каждой девочки. Она должна выйти замуж, оправдать предназначение женщины – быть трудолюбивой, терпеливой, верной, родить столько детей, сколько Бог пошлёт.

Катерина в молодости тоже была готова беспрекословно подчиняться мужу, не перечить ему, во всём поддерживать, рожать детей, но с годами духовная связь её с мужем потерялась в жизненных трудностях и неурядицах.

---

*Оба - Сирма – название речки.

У Василия душа горела, какое-то внутреннее чутьё не давало покоя. Непонятные сомнения, двойкие мысли лезли в голову. Тут ещё тётка Авдотья на него напала.

– Василий, умоляю, мои слова не пустые, ваша свадьба не должна состояться, – твердила она. – Прислушайся к людям, нехорошо говорят о ней.

Василий рассердился, ему слова тётки были непонятны.

– Язык без костей. Как можно без причины выставить Анфису на посмешище? – обижался он.

Тетка не сдавалась, просила отложить свадьбу.

– Что случилось, почему именно тетка Авдотья не хочет нашей свадьбы? Говорит какими-то загадками, с Анфисой не здоровается, не обращает на неё внимания, – насторожился Василий.

Анфиса Суланова вместе с ним окончила Калининскую среднюю школу, два года подряд топали по семь верст туда и обратно. После школы дороги разошлись. Он поступил в профессионально-техническое училище, получил права тракториста-машиниста широкого профиля, поработал на целине, вернулся в колхоз. Однажды от неё пришла весточка. Обыкновенное письмо девушки, ничего лишнего и легкомысленного, все по полочкам. Рассказала о себе – где проживает, чем занимается, спросила и о нём. Василий ради любопытства ответил. Письмо получилось длинное, немного игривое. Ждал, получив, опять ответил. Так завязалась между ними переписка.

Вдруг Анфиса пропала, перестала отвечать на его письма. Василий не шибко грустил: «Переписывались и ладно, дружба не окрепла, сердце по ней не сохнет».

Василий работал на тракторе, на ферме часто помогал дояркам исправлять электрооборудование.

Время шло. Рядом со старой хатой родителей Василий решил поднять кирпичный дом. Родные помогли: с реки вытаскивали камни для фундамента, из города привезли кирпичи. За день подготовили траншею, закрепили опалубку, второй день заливали фундамент. Через неделю взялись за кирпичную кладку. На нине много народу собралось. Совместно дом поставить – нагнуться и выпрямиться. Одному трудиться – все жилы надорвёшь. За месяц вырос дом с крышей и большими светлыми окнами. Все радовались, а Катерина не находила себе места. Вспоминала, как после войны переходили из бани в просторную хату, тогда она дворцом ей казалась.

Про женитьбу Василий не думал. Некогда, домой возвращается поздно. Летом уборка, зимой на ферме. Скоро тридцать лет, да и после гибели первой любви Галины, он не особо искал суженую. Всё работа да работа. Где теперь найдешь свою половину? В клубе давно не был, на гулянки не ходит. Девушки после школы стараются побыстрее покинуть свою деревню, не хотят за трудодни горбатиться в поле. Женщины не налюбуются на парня. Воду носит, корову доит лучше другой бабы, еду приготовит – пальчики оближешь.

Летом Анфиса вернулась в деревню. Разные слухи ходили о ней. Одни говорили: «Она вышла замуж, муж застукал её с другом, показал от ворот поворот». Другие заявляли: «Муж и ребенок утонули на рыбалке. Она не смогла жить в этом городе, вернулась домой».

Василий встретил Анфису на ферме, она устроилась телятницей. Красивая и статная двадцатипятилетняя девушка легко двигалась, будто летала. Говорила быстро, шутила, несколько раз при всех обнимала, прижалась к нему ненароком. Парень не сопротивлялся, пытался понять, что она хочет от него. Деревня – не город, живи, гуляй, но по сторонам не забывай поглядывать, можешь попасть людям на глаза – жизнь покажется черной тучей. Такую грязь прилепят – долго отмываться придется.

– Ты стала сказочной красавицей. – признался Василий, когда они остались вдвоем.

– Если нравлюсь, давай встретимся вечером у моста, – серьезно сказала Анфиса.

Вечером долго сидели, целовались, разговаривали о жизни. Анфисе не повезло, была замужем, детей нет. Он перестал слушать разные пересуды – они назначили день свадьбы. Известили всех. Но доярки настороженно поглядывали на Василия, будто хотели сообщить что-то важное, но не решались.

Так прошло две недели. В тот день Василий работал на ферме, заскочил в телятник, поговорил с будущей женой. Опять транспортёр не работает, навоз вывозят трактором. Он полностью был занят работой, не заметил, как около телятника остановился молоковоз, оттуда выскочил молодой шофер и исчез за дверями.

– Василий, помоги восстановить свет в кормохранилище, ничего не видно, – прибежала старшая доярка Галя Ильина.

– Минуточку, – ответил Василий.

Взял инструменты и направился в сторону телятника.

Открыл дверь, сначала проверил пускатель. Включил, все горит, всё в порядке. Он не сразу заметил молодого шофёра и Анфису. Они лежали на мешках, стараясь стыдливо прикрыть себя. Василий онемел, резко закрыл дверь кормохранилища и зашагал в сторону хмелесушилки.

«Эх, тетка Авдотья, ты пыталась ограбить меня от этой гулящей, а я-то, я-то... слепец!» – пронеслось у него в голове.

Уволился Василий, ушел с фермы.

Женщины обрадовались: «Свадьбы не будет!» и постарались быстрее забыть этот кошмар.

Скоро Василий Алексеев по оргнабору уехал на ударную стройку – на Север. Мать долго переживала. Анфиса тоже исчезла из Ярмушки.

6

Тихо перед заходом солнца, даже лист на дереве не шелхнется, комар за несколько метров пролетит и то слышно. Со стороны Кумбала надвигается серая густая туча, откуда только приперлась? Когда облака собираются с той стороны – жди беды: или град пойдет, или проливной дождь разом накроет поля и деревни. Вот и первая волна пошла, огромные ветлы сначала задрожали от внезапно появившегося ветра, потом стали кланяться земле. Вот-вот пойдет дождь.

Махорку убрали своевременно, но повесить на сушку, обработать, сдать государству не успели. По первому сорту принимаются только плотные, зрелые листья от зеленого до бурого цвета. Крупные стебли должны быть продольно распорогы. Если толщина стеблей у основания не превышает одного сангиметра, то махорка идет без пластования. Женщины теперь заняты махорочным делом.

Волнуется Харитонов. Вчера ведь предупредил Апанасова, что махорка лежит у крытого сарая. Теперь дождь хлынет – всё коту под хвост. Сразу начнет преть, сортность упадет, потеряешь много денег. Покажет он бригадиру, где раки зимуют. Наверное, свою, домашнюю махорку давно на сушку повесил, а колхозная

под открытым небом лежит. Будто не знает, что в сельпо просто так сигарет не купишь, надо нести яйца, шерсть, молоко. Курящие научились домашнюю махорку выращивать, к этому делу даже другие семьи пристрастились – продают на базаре.

На ловца и зверь бежит. Апанасов шумно вошел в правление и доложил:

– Наверно, дождь польет. Еле успели повесить махорку на сушку.

Харитонов обрадовался. Хотел отчитать бригадира, а тут следует и похвалить, но сделал это сдержанно.

Григорий Харитонов сегодня созвал расширенное заседание правления колхоза. Недавно в районе зачитали новый Указ правительства и в связи с упорядочиванием имен государственных и общественных деятелей попросили переименовать колхоз.

«Из-за этого не хочется собирать общее колхозное собрание. – решил председатель. – Примем решение на сегодняшнем заседании правления и утвердим в бригадах».

Люди собрались вовремя. Они заранее подготовились к первому вопросу, без всякого шума решили переименовать колхоз имени Хрущева на «Броневик». Название привычное для услабинцев и кивьяльцев, хумушцы не возражали.

Сегодня утром председатель заходил на ферму. За год от различных хворей пали 11 телят. Молодой, интеллигентный, по-современному наглый ветеринарный врач Сергеев на заседании правления не стал акцентировать внимание на своих недостатках, сразу перешел в атаку. Он пришлый специалист, в колхозе работает недавно, живёт в Калининно.

– Считаю, что телята умирают от болезни, личинки заразы находятся в навозной куче около фермы, в течение года отходы не вывозятся. – твердо и уверенно читал он по бумажке свою домашнюю заготовку.

Заведующий фермой, бригадиры переглянулись, затем взгляд направили на председателя колхоза.

– Не понял! – остановил ветеринара председатель. – В навозе устроили скотомогильник?..

– Никакого могильника нет. Телят хороним согласно акту на отведенном участке, обрабатываем согласно инструкции. А вот навоз около фермы лежит, землей не закрыт, тысячи мух кружатся вокруг него, они являются разносчиками различных болезней.

– При Сталине нас с вами без суда и следствия расстреляли бы.

– Ныне другие времена, – не сдавался Сергеев.

– Времена другие и поэтому вы предлагаете мне мух от навозной кучи отгонять или брезентом её накрыть? Нет уж, телята пали из-за твоей нерасторопности, безграмотности. Попрошу ревизионную комиссию правления разобраться в причине падежа телят и данный вопрос вынести на рассмотрение следующего заседания правления.

– Приходите, документы предоставлю! – не сдавался ветврач.

– Пререкаться не будем, – выдал председатель. – Посмотрите, что творится в коровниках. Подходишь, сердце начинает стучать от полной запущенности. Вовнутрь лучше не заходить, паралич ударит от увиденного. Потолочные перекрытия сгнили, вот-вот упадут. На полу жижа, корм втапывается в навоз. В телятнике точно такое же положение. Начинала завфермой Раиса Камитова с «ура!», теперь запыхалась, сдала ход. Пора принять кадровое решение. Она будет работать в полевой бригаде, а заведующим фермой назначаю Саварова.

Николай сидел рядом с бригадиром Апанасовым. Смутился, и вспомнил, как на прошлой неделе Харитонов затащил его на ферму. Долго они ходили там. Везде грязь и неухоженность. Николай удручающе смотрел на председателя, уж слишком запущена ферма.

– Чего удивляешься! – напирал председатель. – Людей знаешь. Увольняйся с работы, хватит глотать архивную пыль. Накладно тебе ежедневно добираться до Вурнар и обратно. Помогите, Николай! Скоро начнем новое строительство – у хумушского озера поднимется животноводческий комплекс».

Не дал даже подумать, уговорил председатель его.

Теперь Харитонов всех строго предупредил:

– Завфермой и всем бригадирам за неделю организовать и вывести весь навоз на поля.

Затем перешёл к другому вопросу:

– Около деревни Услаба находятся два глубоких оврага, где журчат несколько холодных родников. Следует использовать овраги для нужд колхоза. Первый, за Кривой улицей, запрудим, пустим туда рыб. Второй овраг богат глиной, его можно использовать для заготовки кирпича. Наши предки в старину закаляли

там кирпичи для личных целей. В некоторых избах до сих пор печки, выложенные из этого кирпича, целы, не растрескались.

– Я помню, как дед Савар в земляной печке закалял кирпичи, – подтвердил слова председателя Николай Лазаревич.

– Решено, у нас будет свой кирпичный цех, – воодушевленно продолжил Харитонов, забыв небольшой инцидент по навозу. – Будем строить животноводческий комплекс, новую конюшню, машинно-тракторный парк, Дом культуры, фельдшерский пункт, магазин и новое здание правления.

Все призадумались, в комнате на некоторое время воцарилась тишина, было слышно, как жужжит муха на стекле оконной рамы.

– Что скажут в районе? – неуверенно спросил счетовод Фомин.

– С «первым» посоветовался, он не против, с другой стороны земля принадлежит колхозу, – отозвался председатель.

– Где найдем денег? – напирал счетовод.

– Найдем, на первое время пять тонн пшеницы пропустим через мельницу, муку продадим на Нижегородской ярмарке.

– Придется ведь отвечать, это неприкасаемый посевной запас, – забеспокоился Фомин.

– Ответим, решение примем всем миром, ответчиком буду я, может, в районе никто не вспомнит.

– Это, конечно, похвально, – добавил Фомин. – но люди в колхозе трудятся без всякого интереса. Не хватает дисциплины, порядка нет. Городской человек с утра бежит на работу, не успел на смену, прогул запишут, уволят. А колхознику надо ежедневно напоминать, куда и зачем идти. Иначе с места не сдвинется, сидит и думает, пойти или сегодня без него обойдутся. Без строгой дисциплины мы не будем богатыми.

– Бедно мы ещё живем, – присоединился к разговору Воробьев.

– Бедно? – ответил ему Харитонов. – После войны в Услабе было всего два дома, крытых железом. Теперь про соломенные крыши деревенские жители напрочь забыли. Это разве плохо?

– Хорошо! – ответил Фомин. – Ума не приложу, откуда у них деньги?

– Оттуда же – личное хозяйство помогает. Некоторые научились выращивать свиней, везут продавать в район.

– Почему мы мыкаемся? – спросил Саваров. – Тянем лямку, пока не выкопали ямку.

– Колхоз такого права не имеет, всё сдаётся государству, – ответил председатель.

Спорить по этому вопросу было бессмысленно, пора взяться за «царицу полей». Воробьев тщательно подготовился к разговору.

Не верит Харитонов в полезность этой культуры, много литературы просмотрел, нигде не нашел, что кукуруза может расти в Поволжье и давать с одного гектара до шестисот центнеров силоса. Почему раньше ученые об этом не трубили, а на партийных собраниях не обсуждали?

– Наши соседи, в колхозе «Правда» вырастили около пятисот центнеров зеленой массы с гектара, – докладывал Воробьев. – Крестьяне в полной потребности обеспечивают общественный скот настоящим силосом из кукурузы. Заложили полторы тысячи тонн зеленой массы с початками. Своими глазами видел, стебли выросли до трёх метров высоты. Убирают в стадии восково-молочной спелости. Эта ценная кормовая культура. Успех любого мероприятия зависит от своевременного проведения работ. Необходимо наладить семеноводство, приготовить перегной, торф, компост, птичий помёт, минеральные удобрения и правильно выбрать участок.

– Где такое поле? – спросил председатель.

– Кукуруза любит тепло, лучше всего размещать на южных склонах полей. Не годится гнилая, холодная почва, заболоченные низины. Можно использовать поле между рекой Хирлеп и урочищем Лачага.

– На зерно можно посадить? – поинтересовался председатель.

– Видел я такой станок в МТС. За день изготавливают торфяных горшочков для полутора гектаров. В каждом горшочке по три зерна. До конца апреля держат в парниках, в мае пересаживают, семена дозревают только в начале октября, получают до шестидесяти центнеров зерна с гектара.

– Никогда здесь не выращивали эту культуру! – не сдавались члены правления.

– Крестьяне подняли сельское хозяйство, они же поднимут и кукурузу! – продолжал Воробьев.

– Сказки не рассказывай, – оборвала его заведующая птицефермой Машшук Кириллова. – Рабочих кормим, а сами продолжаем получать хлеб по трудовням. Посчитай... посчитай.

ты человек с высшим образованием, в прошлом году получили по 200 граммов хлеба на каждый трудодень. Как в блокадном Ленинграде. Кто заработал 300 трудодней, привез домой 60 кг зерна. У нас не хватает хлеба, а ты своей кукурузой головы туманишь.

– Значит, плохо работали, – не сдавался агроном.

– Как всегда, весь урожай отдали государству, коровам оставили, семена на будущий год заложили, что людям осталось?..

Долго спорили, но агроном победил – решили под кукурузу использовать большое поле у реки Хирлеп.

* * *

Харитонов целыми днями мотается по хозяйству. В правлении его ждала заведующая отделом районного комитета партии Александра Порфирьева. Секретарь партийной организации Осипов лежит в больнице, пришлось его заменить. В Москве прошел XXI съезд КПСС, который провозгласил вступление страны в период развернутого строительства коммунистического общества. Съезд утвердил контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959 – 1965 годы.

Решением райкома партии всем предприятиям и организациям, колхозам и совхозам предложено в кратчайшие сроки представить основные мероприятия по выполнению решений этого съезда на уровне своего хозяйства.

Григорий Харитонов давно набросал свой план на семилетку, не мог своевременно оформить и попросил секретаря райкома прислать толкового работника, чтобы тот помог подготовить проект решения и вынести его на общее собрание колхоза. Прислали заведующего отделом пропаганды Александру Порфирьеву, бывшего секретаря райкома комсомола.

Она взяла листки бумаги, устроилась в кабинете агронома и в течение часа подготовила мероприятия. Харитонов внимательно прочитал план работы, лицо его, то хмурилось, то светлело детской наивностью, то откровенно становилось озабоченным.

– Что мы собираемся на собрании одобрить, претворить в жизнь, провести, чего добиваться, что совершенствовать?.. – недоуменно посмотрел председатель на завотделом. – Чувствуется комсомольский задор!

– Не нравится?!

– Зачем перемарала бумагу, не план, а призывы к первомайской демонстрации.

– Но и ваши мероприятия не подходят, какая-та смета на строительно-монтажные работы, – не думала сдаваться Порфирьева. – Вырастить 100 свиней, построить баню, получить 100 тонн пшеницы. Это не план, а государственный заказ и выполнить его ваша прямая обязанность.

– В рот тебе палец не клади, откусишь, но твои мероприятия мне не нравятся. колхозники нас не поймут, давайте вместе редактированием займёмся.

Порфирьева знает норы председателя, бывшего секретаря парткома МТС. Харитонов никогда ручным не был, он самостоятельный, рассудительный, толковый руководитель. Некоторые председатели колхозов остерегаются с ним связываться. Она тоже не простушка. Накатывала и накатывала на председателя не очень удобные вопросы.

– Скажите, председатель, что за баптистская группа в Хумуше терроризирует народ? Жалобы до райкома уже дошли.

Харитонов поморщился, не раз предлагал секретарю партийной организации Кириллу Осипову снести старый дом Круне, стоит как бельмо на глазу. Из района недвусмысленно намекали, что пора прикрыть эту лавочку.

– Туда ходят старухи, сорокалетние женщины нос не суют, – успокаивал Осипов. – Это ведь не молитвенный дом.

Харитонов пытался через сына Круне подействовать на женщин, ничего не вышло. Они, как тащились в этот заброшенный дом, так и продолжают ходить. В деревне их называют баптистами, на самом деле они поклоняются Киремет, продолжают насаждать веру некрещеных язычников-чувашей.

Однажды утром к нему в правление зашли Круне и старая престарая Варисе Петрева.

– Председатель, ты хозяин и руководитель колхоза. За помощью к тебе пришли. Около дома агронома Воробьева до тридцатых годов стояла часовня Часавай. Там крестьяне молились, проводили Чук. Просим позаботиться о стариках, восстановить часовню.

Харитонов онемел, бабушки обратились с невыполнимой просьбой. Разговор был недолгим и категоричным. Помощи этой сектантской организации он никогда не окажет.

Харитонов пообещал Порфирьеву рассмотреть этот вопрос на партийном собрании. Расстались они миролюбиво.

Не успел секретарь партийной организации колхоза выйти из больницы, как возник конфликт с ответственным по электрификации деревень. В первый же день в мехмастерской Осипов спросил:

– Когда же мы дадим в дома колхозников свет?

Харитонов грустно посмотрел на секретаря и резко оборвал:

– Погоди!

– Я-то подожду, а будут ли молчать коммунисты колхоза?

– В чем моя вина?

– Думаю, на повестку дня следующего совместного заседания правления колхоза и партийного бюро включить вопрос об электрификации деревень.

– Хочешь меня доконать раз и навсегда...

– Нет, принять решение. Сколько можно кормить народ обещаниями?

– Какими?..

– Посмотри на Мачамуш, второй год улицы сияют ночными звездами – электрическими лампочками на столбах. У нас темнота, с работы идешь, в полуметре ничего не видно, не заметишь, как в яме окажешься.

– Погоди немного, район обещает выполнить работы за счет бюджетных средств, – ответил Харитонов, разглядывая в окне зарево от ярких огней над соседней деревней.

Осипов в это время взял карандаш и большими буквами написал: «На повестку дня вопрос: «Об электрификации деревень».

Харитонов посмотрел на него и сказал:

– Узнаю... Такой же боевой и непреклонный.

Осипов несколько не удивился словам председателя. «Нервы успокаивает, – подумал он. – Понятное дело, разрушенное хозяйство совсем измотало его. Теперь вот сам обидел его резкими словами».

– Действительно, затянули мы с электричеством, – вздохнул Харитонов. – Хочу, чтобы люди жили лучше – не получается. долги тянут назад. По радио красиво трубят, а мы не можем найти денег даже на столбы.

– Ты о чем? – сразу не понял Осипов.

– О жизни... Почему молодежь бежит из деревни? – открылся председатель. – Недавно был на семинаре в Чебоксарах. После

занятий пригласили познакомиться с заводским Домом культуры. Знаешь, кого я там встретил?.. Старшего сына Иона Сорокина. Всего полгода назад он покинул деревню, а как выглядит – в костюме, белой рубашке с галстуком. на ногах ботинки блестят, от вазелина короткие волосы торчат, как у поросенка щетина. Значит. парень получает приличную зарплату – успел приодеться. В деревне ходил в хлопчатобумажном костюме, фуфайке и сапогах – вот вся его одежда. Конечно, за такими земляками и колхозная молодежь потянется в город, скоро мы останемся без доярок, свинарок и механизаторов.

Осипов заметил: председатель изменился после приезда из города. Куда делась его самоуверенность? Стал немногословен, о чем-то думает. в уме решает какую-то проблему.

– Не узнаю тебя, – невольно произнес Осипов, пытаюсь хоть немного разгадать думы председателя.

– Вчера сходил на Журавлиное болото. Недавно там танцевали птицы, их курлыканье далеко разносилось в округе, а теперь там кукшумцы на нашей колхозной земле разбоем занимаются.

– Не понял?! – удивился секретарь.

– Воруют торфяной перегной. На свои песчаные огороды на гачках и телегах тащат. Думаю, не пора ли нам самим организовать добычу торфа и удобрять им поля.

– Ещё не поздно, – ответил Осипов. – Можно создать комсомольско-молодежную бригаду под руководством бригадира Мигулая Кириллова.

Беспокоится председатель, вроде жизнь у него идет ровно: в молодости был комсомольцем. боролся с кулачеством, служил в рабоче-крестьянской Красной Армии, воевал. стал членом коммунистической партии, потом учеба в партийной школе, работа секретарем парткома в МТС.

Юношеские мечты сбылись, он стал председателем родного колхоза, но никак не может вытянуть хозяйство из трясины. Теоретически понятно, государство рагует за сельскохозяйственное производство, а на деле получается наоборот. Урожай зерновых остается на уровне довоенных лет – не более тринадцати центнеров с гектара. Животноводство буксует, не хватает сочных кормов. Куда ни глянь – везде провал. Не ожидал, что огромные проблемы родного хозяйства тяжелым грузом навалятся на его плечи.

У районного начальства есть свои любимцы. Им вне очереди кредиты, минеральные удобрения, фондовые материалы, машины и механизмы. Создали пару элитных хозяйств и возят туда руководителей из центра, хвастаются светлыми кирпичными школами, Домами культуры, образцовыми животноводческими комплексами. По итогам пятилетки им почет и уважение – ордена, медали на грудь. Другим, отстающим, ничего не достается – и точка.

Собственно, что тут возмущаться – никаких нарушений нет. Если всем сёстрам по серьгам, район будет топтаться на месте. Не будет рекордного урожая, нет ни передовиков, ни отстающих, что тогда показывать?

Тут в Услабе небольшой деревянный клуб поднимали два года, а школу в Хумуше строят третий год, обещали золотые горы, а за всё время не поступило ни одной копейки бюджетных средств. Не хватает ни рабочих рук, ни гвоздей. Приходится крутиться, иначе – бросай и оставь кресло председателя.хлопот полон рот.

7

Дни летят как волны Цивилия. Мирон Ефимов постарел. Поперёк узкого небольшого лба прорезалось несколько морщин. Нынче живёт в благородных условиях: его кормят, поят и спать укладывают, что ещё нужно старику? Но не всегда мирно сосуществовал с квартиросъёмщиками. Василиса уже считает себя хозяйкой в доме. Отношения испортились. Разногласия, возникающие время от времени между Василисой и хозяином дома Мироном Ефимовым, сыграли злую шутку с Кури, ведь он в словесной схватке вставал на сторону жены. Мирону это не понравилось, он захотел проучить жильцов раз и навсегда, чтобы знали своё место, не забывали, кто в доме хозяин.

Кури работает птичником в колхозе. Утром получил со склада комбинированные корма для кур и по пути заехал домой на обед. Мирон ждал этого дня. Не успел Кури закрыть за собой дверь, он подошел к возу, снял небольшой мешок комбикорма и запрятал его в заранее приготовленную снежную яму около старой ветлы. Шито-крыто, никто не видел, никто не приметил.

Не сразу обнаружил пропажу Кури. Когда недосчитал мешка, вернулся в деревню, поспрашивал у людей, не нашел ли кто-нибудь из колхозников мешок кормов. Прохожие смеялись над

ним: за маленький мешок так беспокоиться, мало ли, сколько утрясок, усушек бывает в колхозе.

Мирон Ефимов рассчитал всё до мелочей. Как только Кури исчез за поворотом, он перенес мешок на сеновал и прикрыл соломой. Сам поковылял в сторону правления. С порога доложил:

– Мой квартирант сегодня получил комбикорм, мешок закинул домой.

К обеду комиссия из шести человек стояла во дворе дома Мирона Ефимова и обсуждала дальнейшие действия. Кури Алексеева вызвали с птицефермы. Василиса в это время пришла на обед.

– Показывай хозяйство, – попросил счетовод колхоза Фомин.

– Дом не мой, как скажет Мирон Ефимович, – ответил Алексеев.

– Проходите, проходите, – вышел дед на крыльцо, застегивая пуговицы фуфайки.

– По поводу чего комиссия? – никак не мог взять в толк Кури.

– С утра комбикорма получал? – спросил кладовщик Герасим Захаров.

– Получил. один мешок потерялся.

– Как потерялся?

– Не представляю...

– Может мешок на сеновале?..

– Откуда? – удивился Кури.

– Комиссия это тоже хочет знать, – ответил Захаров.

Долго искать не пришлось, мешок лежал под соломой прямо у входа на сеновал. Как только вытащили мешок, Кури догадался о проделке Мирона и громко спросил:

– Отомстил?!

У Мирона Ефимова глаза забегали, он переводил взгляд то на комиссию, то на Кури. Василиса стояла позади комиссии, у неё дергались замерзшие от зимней стужи плечи, губы дрожали, а по щекам текли слезы. Она поняла происходящее, пыталась защищать мужа:

– Мир велик. Всевышний когда-нибудь доберётся до тебя, дед Мирон, накажет за грехи. Много человеческих слез ты пролил на этом свете, а теперь взялся за нас...

Не успела она договорить, к ним подошла дочь Альбина, посмотрела своими любопытными глазами на мешок.

– Откуда это? – спросил Захаров.

Другого вопроса он не мог задать, надо было составить акт и наказать виновного.

– Недавно дед Мирон с улицы притащил. – ответила за всех Альбина.

– Кто? – переспросил Кури.

– Я вытирала подоконник, заметила, как он из сугроба вытащил мешок и затащил во двор.

– Не ври!.. Не ври! – нахмурил седые брови Мирон Ефимов.

– Честное пионерское, – не сдавалась Альбина. – Я могу место показать!

Члены комиссии своё дело знали хорошо. Одни пошли за девочкой обследовать место преступления, другие зашли в летнюю кухню, открывали крышки больших котлов, побывали в чулане, поднимались на чердак сеновала. Ничего не нашли.

– Мешок с комбикормами доставьте на колхозный двор. – предупредил председатель ревкомиссии Емельянов.

Кури хотел возразить: «Пусть привезет тот, кто украл». – но воздержался. Незачем из-за этого мешка поднимать сыр-бор. В правлении разберутся.

Председатель колхоза подумал по-иному. Со старого Мирона ничего не возьмешь, доживает свой век. А вот Кури Алексеев виновен, не усмотрел за колхозным добром. Решил снять с должности птичника, чтобы другим не было повадно. Домой Кури вернулся простым колхозником.

– Зачем же так? – спросил он за ужином Мирона.

– Жить вас научил, и то ладно! – зло ухмыльнулся старик.

– Проживаем в одной избе, дышим одним воздухом, можно было решить по-другому... Нас не жалко?

– Жало у пчелы! Живёте на свете как жуки, друг у друга соки пьёте. Детей настругали – уже семеро по лавкам, а своего угла, гнезда не имеете! Какой толк государству от вас!?

– За государство печешься?..

– Всю жизнь на него трудился, ненавижу пьяниц и несунов. Скажешь, не вижу? – по вечерам из карманов вытаскиваешь варежки с колхозными яйцами. Воруешь. Хотел наказать, не получилось, в следующий раз не промахнись.

– Следующего раза не будет, меня сняли с работы...

– И то ладно, – ответил Мирон и продолжил вслух рассуждать о проведенной комиссии, которая приняла во внимание

слова девочки. — Начальству видней: оно чай с сахаром пьёт и газеты читает.

Сам в это время подумал: «Спелись... Ей-богу, спелись за годы колхозного строя разного рода прощельги. Никого в свою стаю не пускают. Если легонько наступишь на лапу одному, такой гвалт поднимают, уши заткни и жди, когда они на тебе отыграются. Дождутся удобного момента, так набросятся — аж, перья полетят».

Кури молчал, он в курсе всех колхозных дел.

Несколько лет назад против нового председателя выступил счетовод Колька Иванов. Сыр-бор разгорелся из-за путевки по линии министерства сельского хозяйства республики. Она была предназначена передовику производства — молодому руководителю кивьяльской бригады Геннадию Петрову. Сукин сын — председатель, присвоил путевку, отправил свою жену отдыхать. Когда счетовод встал на защиту бригадира, Григорьев отрезал:

— Успеет по санаториям покататься. Тебе советую держать язык за зубами. У тебя молоко на губах не высохло, когда я руководил колхозами.

— Рукой водили да горло смазывали! — резко ответил счетовод.

Что греха таить, часто появлялся пришлый председатель в нетрезвом состоянии и начинал всем окружающим отравлять жизнь, дня не было без замечаний и окриков. Не выдерживали люди, оставляли работу, счетовод тоже рассчитался. Председатель соседнего, калининского колхоза «Правда» Кошкин будто этого ждал, сам приехал к Иванову домой, пригласил работать в свой колхоз главным бухгалтером, напоследок добавил:

— В крестьянском доме хозяйство держит женщина, а в колхозе — главный бухгалтер.

От раздумий Кури отвлекли дети, притащившие в дом чужого котёнка.

На этом разговор с Мироном закончился. Скоро взаимные обиды отошли на дальний план.

Годовое колхозное собрание обычно собирается в конце января. Для многих старых колхозников это важное событие, они никогда не прогуливают такое мероприятие. На Услабинском косогоре новый клуб открылся после слияния двух колхозов. В день собрания люди туда собираются заранее, некоторые хотят занять место впереди, другие приходят поговорить, услышать

новости районного и областного масштаба. Последними в клуб не торопясь заваливается молодежь, с шумом и гамом занимает свободные места.

Мирон пошел раньше, перед уходом спросил у Василисы:

— Для тебя занять место?

— Не надо, я с женщинами приду.

Муж работает приемщиком куриных яиц в заготконторе, часто задерживается. У него теперь свой взгляд на колхозные дела, но на собрание он собирался.

Выйдя на улицу, Мирон почувствовал, как от влажного холодного воздуха стало тяжело дышать. Не торопясь пересек мостик через русло старого Хирлепа и медленно пошел по аллее Кирилла. Учитель школы Осипов Кирилл Осипович и старшеклассники ежегодно ремонтируют этот мостик, по обеим сторонам тропинки посадили липы. Отсюда виден клуб, он светится яркими электрическими лампочками.

Вдруг Мирон Ефимович почувствовал, что ему не хватает воздуха. Сердце несколько раз резко кольнуло и разом стихло. Старый коммунист, участник гражданской войны, первый председатель Хумушского сельского Совета, бывший налоговый агент упал лицом на колючий январский снег, не успев ни о чем подумать. Эта тропинка не пустует до самой глубокой ночи. В сторону Хумуш торопились два солдата в военной форме, прибывшие на побывку домой. Они были заняты разговорами, торопились к девушкам, не сразу заметили лежавшего на снегу человека.

— Во, натрескался, ведь замерзнет, — подошел к нему Гена Пакшанов.

Повернули его на спину и узнали деда Мирона. Им показался, что он охнул.

— Давай я понесу, — сказал Радик Савельев, положил Мирона на плечи и понес домой.

В избе горел свет, старшие дочери Василисы ждали этих парней, хотели вместе с ними дойти до клуба, потом может куда-нибудь на улах*. Василиса тоже стояла одетая, надо было идти на собрание. Калитку кто-то шумно открыл, потом послышалась возня в сених, и ребята занесли в избу старика.

---

* У л а х — посиделки девушек и парней.

– Дед МIRON лежит пьяный. – сказал Савельев. – Куда положить?

Василиса показала на длинную скамейку и ответила:

– Ай-уй! Минут пятнадцать назад мы его проводили на собрание, где он успел напиться до такого состояния!?

Перед войной, во время работы в Норусовской больнице она научилась по пульсу определять состояние больного. Подошла к МIRONу и обмерла, затем тихо вымолвила:

– Он мертвый...

– Как мертвый? – переспросил Пакшанов.

– Скончался, – подтвердила Василиса и закрыла глаза МIRONу.

Парням стало не по себе, они оцепенели, очухавшись, вскочили на улицу. Девушки хотели выйти за ними, но мать остановила их и строго сказала:

– Одна – в клуб за отцом, а другая – сообщи нашим родным и близким о смерти деда.

Уля и Галина недовольно вышли из дома, но послушаться мать не могли. Не прошло и часа, как в доме появились люди, начали обсуждать внезапную смерть МIRONа и вопросы предстоящих погребений.

* * *

В последнее время отношения между Курием и Василисой накалились до предела. Непонимание переросло во взаимную ненависть.

Сегодня выходной день. Вчера вечером старшие дочери – Уля и Галя пошли к бабушке в Ярмушку. Заночевали, домой не вернулись. Кури пришел только под утро. От него разило самогоном, но на ногах держался крепко. Тщательно побрился, освежил себя одеколоном и попросил у жены чистое белье.

– Ты куда так прихорашиваешься? – тихо спросила Василиса мужа.

– На работу. Обещали из колхозов привезти яйца.

– Это в выходной день-то?

– У колхозников нет выходных

– Для этого надо бриться, полбутылки одеколona на себя вылить?

– Я перед людьми всегда должен выглядеть прилично.

– В выходные никогда не брился, – не унималась Василиса.

– Замолчи ты! – не выдержал Кури.

Василиса вдруг резко повернулась к мужу и строго сказала:

– Не яйца, а Екатерина тебе нужна. Я-то, дурочка, никак не соображу, думаю, что он с утра красоту наводит?

Кури развернулся и ударил ладонью жену прямо по лицу. Она упала.

– Не бей меня!.. – от обиды глаза Василисы наполнились слезами. – Дети смотрят на нас, слышишь, они плачут, боятся, что мы можем натворить непоправимое!

Кури не мог успокоиться, всю злость направил на жену, начал пинать её.

Василиса, как маленький щенок, загнанный волком в угол, пыталась поймать его взгляд, но натыкалась на его мутные, жестокие глаза. Она всей душой хотела сейчас достучаться до его сердца, чтобы ярость мужа остыла, чтобы дети его таким не видели. Не потерял ведь он разум на гулянке, не сгорел его рассудок в водке. Василиса умоляла:

– Остановись, Кури!.. Остановись!.. Дети плачут, пожалей хоть их!

В его душу будто дьявол вселился, он хотел доказать всем, кто в этом доме хозяин, с остервенением продолжал топтать жену ногами. Глаза его пронизывали её насквозь.

– Чего воешь?! – кричал он. – Не реви, корова!

Сзади ему в шею вцепился двенадцатилетний сын, не давая отцу развернуться. Удары достигали до рук, ног Василисы. Он отбросил сына от себя. Владик отлетел к стенке и ударился головой. Застонав от боли, выскочил во двор. В это время Кури схватил жену за косы и давай таскать по полу. Бил по голове, по животу. Владик залетел в избу и дубовой дубинкой с размаху ударил отца по спине, тот обмяк, еще раз замахнулся, но мать помешала, дубинка прошла по плечу отца. Сознание Кури затуманилось. Очнулся – рука не слушается, резкая боль в спине мешает встать на ноги. Присел на скамейку, глазами искал сына, но его и след простыл.

– Убью гаденыша!.. – скрежетал Кури зубами.

– Откуда у тебя столько злости и жестокости? – плакала Василиса, стоя у печки. – Трезвый – человек как человек, напьешься,

смотришь на нас исподлобья, готов загубить... Серая ненависть душит твою душу, и Владик становится похожим на тебя.

Вокруг неё стояли трое маленьких детей, испуганными глазами смотрели на отца, а в зыбке плакала грудная Татьянаш. Они боялись, что отец опять начнет бить маму.

– Он мужик, таким и должен вырасти. – отозвался Кури о сыне.

– Таким? – ответила Василиса. – Ещё удар и отправил бы тебя на тот свет.

– Ростом мал, но меня разом успокоил, – начал соображать Кури. – Кажется, руку сломал.

«Растет защитник, как огрел отца – тот сразу угомонился», – подумала Василиса о сыне.

Кури заныл, держа обвисшую руку, лег на кровать. Такой он – после скандала утихомирится, ляжет и уснет. Дети никак не могли успокоиться, боялись оставлять мать одну.

Василиса умылась, посмотрела в зеркало – синяки будут, голова болела. Она пошла искать сына. Соседи сказали, что Владик побежал в сторону шоссеной дороги. Быстрыми шагами пошла к остановке автобусов, там никого не было.

Кури проснулся к вечеру, прикинулся, что ничего не помнит:

– Что со мной? Плечо болит, где я упал? – тихо застонал он. – Шишки на голове и синяк на плече.

– Не прикидывайся, все ты помнишь, как меня бил, как тебя Владик дубинкой огрел по спине.

– Придет... так огрею... на всю жизнь запомнит, позабудет поднимать руку на отца.

Василиса вытащила из печки суп и настороженно посмотрела на мужа – взгляд её был твёрдый, с большим укором.

– Не тронь мальчонку! – резко сказала Василиса. – Не дай бог, покалечишь.

– Покалечишь его. Дурь из башки выбью, и то ладно.

– Перестань! – заявила Василиса. – Он ведь с пяти лет за гусями ходит, теперь в колхозе, трудодни записывает на меня.

– Э-э, с вами! – завопил Кури. – Его счастье, что нет дома, места живого не оставил бы.

– Больше не позволю его трогать!

– Посмотрим!

– Чего смотреть. Надо мной издеваешься – потерплю, но мальчишку калечить не дам.

– Что сделаешь?

– Только тронь его, за себя не отвечаю, ночью задушу, или в тюрьме будешь сидеть! – осмелела Василиса.

Удивился Кури: впервые жена запротестовала, бывало, после рукоприкладства упрекала, просила успокоиться. Тут поставила условия, даже угрожает. Сын тоже изменился – в его сероватых глазах появились злые огоньки и непокорность. Это стало пугать Кури: «Годы бегут, я старею, а сын растет. Хлестнет раза-два – и пошло поехало, тогда несдобровать. Так мои тумачи могут вернуться обратно».

Вспомнить есть что... Первый раз избил сына в семилетнем возрасте. Владик заигрался с ребятами, не заметил, как коршун вихрем спустился на землю, схватил сразу двух маленьких гусят и взлетел в небо. Ребята закричали, кинули в него палкой. Коршун уронил одного гусенка, второго унес, улетел с добычей. Упавший гусенок не выжил, несколько раз пискнул, и голова упала на землю.

Родителям всегда есть дело до детей, чуть что – за ремень хватаются. Кто-то доложил о случае с коршуном Курию. Он прибежал на Лачагу выпивший, обозленный, с прутом в руке. Схватил сына за шиворот и давай хлестать.

– Будешь!.. Будешь лучше смотреть за гусями! – кричал он.

– А-а-а! – орал семилетний мальчик после каждого хлесткого удара.

Его спас Роман Кураков. Тот услышал истошный крик за огородом и отбил его у отца. Владик лежал, уткнувшись лицом в траву, порывисто всхлипывая. Вечером он метался в горячке. ПроболеЛ несколько дней. У постели сидела Василиса и молилась за здоровье сына, а Кури не обращал на них никакого внимания. Парнишка поправился, через неделю вновь сидел около своих гусей и пел какую-то грустную песню.

«Надо прекратить пьянство, иначе случится непоправимое, потом будет поздно», – подумал Кури.

– Где Владик? – вновь обратился он к жене.

– Не знаю, – заплакала Василиса.

– Найдется, куда он денется! – резко повысил голос Кури. – Поди, сидит у бабушки и чай пьет.

– Нет его там, только что девочки оттуда вернулись, – ответила Василиса. – Не приходил он в Ярмушку.

Что случилось с семьей? Всё было хорошо. Когда нарушилась жизнь? Василиса старалась сохранить тепло и уют в доме, пыталась сблечь уважение друг к другу. Она терпела, думала, образумится муж. По утрам Кури просил прощения: «Перестану пить, пройдет эта контузия». Но тщетно, он продолжал возвращаться домой пьяный, скандалы усиливались, ужесточились. Незаметно отношения надломались, исчезло желание поделиться своими ежедневными заботами, ссоры и непонимание продолжались. Со стороны мужа она чувствовала неприязнь, ощутимый холодок. Кури с каждым днем отдалялся от семьи.

Со временем у Василисы появилось чувство безысходности, жалости к себе, усилился страх за детей. Теперь рушится самое ценное в жизни – семья. От этого становилось невыносимо больно в груди, от отчаяния в душе поселилась беспросветная тоска. Как быстро уплыла, исчезла за лучами рек Хирлеп и Цивиль беззаботная юность, счастливая молодость.

Не думала Василиса, что всё так обернется. Не ожидала она, выходя замуж, что муж так будет вести себя. Он из порядочной трудолюбивой семьи, родственники к ней и детям хорошо относятся, осуждают поведение Кури.

Дважды уходил муж от неё и возвращался. Василиса его принимала, сильно не упрекала. Годы летят, за сорок перевалило, уже семеро детей, их не поделишь, они родились с обоюдного согласия.

Василиса накормила скот, строго наказала дочери Альбине следить за малышами, сама ушла на поиски сына. Всех друзей его обошла, всех родственников, так и не смогла найти.

На следующий день Кури вернулся с работы рано. Опять пьяный, начал громко разговаривать.

– Тише ты, разбудишь Татьянуш! – попросила Василиса.

– Я скоро уйду от вас, – признался пьяный Кури.

– Чего тебе не хватает, чего бесишься?

От напряжения и обиды в глазах появились тёмные мушки, голова закружилась. Чтобы не упасть, села на кроватку, ухватилась за спинку. Она с грустью отозвалась:

– От меня можно уйти, от детей куда уйдёшь? Одной мне их не поднять. Остается только в омут головой. Не хочется оставлять

ребятишек сиротами. Они тебе этого не простят. Куда ты?.. К Екатерине Моисеевой?..

– На свете без женщин тошно, – отрезал Кури.

Василиса не выдержала. резко ответила:

– Мужики воевали, головы положили. а ты в это время под юбки женщинам заглядывал. даже теперь не можешь успокоиться, свирепствуешь, как молодой бык!

Из школы вернулись старшие дочери.

– Опять ругаетесь? – огорченно спросила Уля.

– Отец собрался от нас уйти, – открылась Василиса.

– Пусть уходит, – спокойно ответила Галя. – Надоело таскать пьяного и смотреть на битую мать.

– Злая ты, Галя, – вздохнул Кури.

– А ты вот, папа, ангел, – перебила его Галя. – Вчера опять маму избил. Стараешься исподтишка, когда нас дома нет.

– Никуда от вас я не ухожу, – вдруг заплакал отец. – Украл со склада яйца, скоро ревизия, могут посадить в тюрьму.

– Как это!?! – ахнула Василиса.

Кури без утайки излил душу перед женой и старшими дочерьми.

Василиса подумала: «Вот она. развязка, подошла тихо. Недаром Кури в последнее время ходит сам не свой. Пьянство его наказало, со склада украли десять ящиков яиц. Теперь ему придется держать ответ».

* * *

Владик растет хулиганистым ребёнком. Между ним и двумя сестрами то и дело вспыхивают детские ссоры. Деревенских ребят своего возраста он не боится, младших держит в кулаке, а со старшими не связывается, хотя в любое время может идти врукопашную. Особенно тяжело с ним в летнее время. Лазит по чужим огородам. Следит, у кого раньше всех в деревне выскочит морковка, подрастут огурцы, созреют яблоки. Со своим закадычным другом Валеркой Ласточкиным тут же устраивают ночной набег. Хозяева на следующий день замечают детские следы, но кого обвинять? Не пойман – не вор.

Главная обязанность Владика – уход за гусиной стаей. Самодовольный гусак во главе двадцати голов домашних птиц, такой же забияка, как и маленький хозяин, держит весь косяк под строгим надзором. Не дай бог, какая-нибудь стая нарушит границы его гарема, сразу же получит наказание. Как стрела вонзается в чужого гусака и даёт такого трепака, только перья летят по сторонам. Владик гордится гусаком, кормит его кусочками хлеба, делится обедом.

Гусак непростой, днем ждет, когда маленький хозяин ляжет на травку покемарить, тут же устремляется со своей стаей на кукурузное или свекольное поле. Не раз полевой сторож закрывал их в колхозном сарае, но ненадолго. Владик просыпался, знал, где их искать, умел быстро освобождать их. Но часто сторож успевал доложить бригадиру, а тот нашептывал председателю, который принимал однозначное решение: снять с Василисы пять трудодней. Эти штрафные трудодни в виде хороших плеток от отца ложились на мягкое место или на спину Владика. Мальчик слезы не лил, но крик был слышен на всю деревню. На ссадины и синяки он не обращал внимания.

Владик любит вечернюю зарю. К этому времени у гусей на шеях набиваются зобы, значит, они досыта наелись и усталые, тихо булькая, продолжают сидя щипать траву.

В такое время он домой не торопится. Ему интересно следить за солнышком, медленно уплывающим за деревней Кумбал. Приближаясь к земле, оно становится красно-желтым, на глазах увеличивается и постепенно уходит за горизонт. Вот виден только небольшой дугообразный краешек, который вскоре утонет. Небо вокруг него становится пунцовым. Владик удивляется: как же солнце успевает за короткую ночь оказаться на другой стороне, около роши Ушах?

Пора домой, самому надо немного поспать, птицы просыпаются рано, мать разбудит его с первыми лучами солнца.

Гуси щипали траву возле дома на лужайке. В летней кухне мать варила суп, а старшая сестра Уля доила корову.

Владик нарвал букет, сел на скамейку возле калитки и стал сильно дуть на пушистые головки одуванчиков. Десятки парашютистов поднимались и улетали вдаль по деревенской улице. Где-нибудь они обязательно зацепятся, упадут на землю, весной дадут корни.

За таким занятием застал его младший брат Андрей, уплетавший кусок хлеба, посыпанный сахарным песком.

– Опять малыши пузо набивают? – слегка рассердился Владик, а сам спрятал пушистый одуванчик за спину.

– Что ты тут делаешь? – спросил Андрей.

– Думаю, – ответил Владик.

– О чем?

– О том, что у тебя там во рту.

Малыш открыл свой рот, хотел показать, что там хлеб с сахарным песком. Владик у этого только и надо было. Он резко сунул туда головку одуванчика и довольный добавил:

– На, ешь!

Андрей, зная, что брата обязательно накажут, громко завопил, выплевывая изо рта семена одуванчика. За калиткой обрушился голос матери.

– Чего там ещё?.. Что случилось?

Владик не стал ждать продолжения разборки, вскочил на ноги и скрылся за домом Трофимовых.

На крик выскочил отец.

– Чего на улице закудахтали? Марш домой!

Василиса закрыла рот младшему сыну, тот собирался доложить о проделке Владика. Она, зная нравы мужа, пыталась защитить старшего.

– Упал, ничего, до свадьбы заживёт...

Кури ушел. Василиса не понимает, почему муж недолюбливает старшего беловолосого сына. Перед людьми муж держится с достоинством, толково беседует, учит и всем помогает. Как только открывает дверь своей избы, становится другим человеком, всякий раз ищет причину выплеснуть накопившуюся злость на домашних: звереет, бьет её и сына безжалостно, с нечеловеческим остервенением. Девочек и младшего сына пальцем не трогает. А вот за что он ненавидит их, двоих, Василиса не понимает.

Для людей семья Алексеевых благополучная. Что касается побоев, то некоторые женщины тоже на работу приходят с синяками. «Бьет – значит, любит!» – шутят односельчане, но никто в эти домашние разборки не вмешивается.

Василиса при людях не обсуждает свои семейные дела. А сына она жалеет. С ним всегда происходят какие-то приключения.

В прошлом году чуть не загубил колхозную машину. Володя Апанасов оставил свой ЗИЛ с включенным двигателем, а Владик сел и поехал, не хватило сил вырулить, ткнулся в кучу песка. Другой раз, во время родительской субботы, перед праздником Святой Троицы, со своими друзьями в избу стариков Фирсовых через открытое окно запустил воробья. Бедная птица порхала в комнате, до смерти напугав стариков. Те подумали, что душа покойника появились в их избе, и давай креститься, чуть об пол лбы не расшибли.

За такие проделки Владу достается от отца. Он не жалеет его, при людях может отхлестать. К удивлению, ни один человек не встает на защиту ребёнка, что бы ни случилось, всегда винят этого мальчика, многие в деревне к этому привыкли. Стоят и наслаждаются, как Кури учит уму-разуму своего чертенка.

Василиса пыталась снова с ним поговорить о наболевшем.

– Чего тебе не хватает? – раздраженно отвечал Кури.

– Своего угла, живём в чужой избе.

– Когда-нибудь построим. – отмахнулся Кури. – Только денег где возьмем?

Василиса в очередной раз хотела сказать: «Поменьше надо пить», но вовремя остановилась. Она словно окаменела. Не зная, куда деть руки, взяла деревянную гребёнку и вышла из избы.

Что видела она в жизни? Да, она хотела счастья. Сейчас у неё одна радость её дети. С каждым днем подрастают помощники, становятся самостоятельными. Вот уже и старшие дочери в только что вышитых новых платьях крутятся у зеркала, не переставая шептаться. Женщины всегда хотят видеть своих детей счастливее себя.

* * *

Сегодня Василиса, собирая детей в школу, опоздала на работу, на ферму прибежала запыхавшись. Ежемесячная политическая информация, проводимая партийной организацией колхоза, подходила к завершению. Перед колхозниками выступала Люба Полякова. Вместе с ней к колхозникам пришла библиотекарь Ольга Яковлева, подобрала для женщин новые книги.

Василиса тихо присела рядом с соседкой Раисой.

– Женщины, в магазин сегодня дрожжи привезли! – крикнула на весь двор Феня Куракова.

– В нагрузку что дают? – спросила Марья-Воробыха.

– Раскисшие конфеты и просроченные консервы «Килька».

Полякова подошла к Василисе.

– Как с мужем? – тихо произнесла Любовь Семеновна. – Сколько можно терпеть?

Василиса молчала, но не смогла скрыть женские слезы от людей.

– Приходится терпеть, детей у меня семеро. Куда я денусь без мужской поддержки. Одной мне их не поднять.

– Давай младших в интернат определим.

– Что ты!.. Что ты!.. – замахала руками Василиса. – Они мои... Никуда никому не отдам! Вырастут, крылья окрепнут, сами улетят. Тогда караул кричи от одиночества.

– О себе совсем не мыслишь, думаешь о будущем, а жить-то надо сегодняшним днём. – настаивала Полякова.

– Не уговаривай, Люба, дети будут при мне!

– Эх, бабы, бабы... – вздохнула Полякова. – Мужики живут с думами, что женщина им неровня. Надели штаны, считают себя хозяином жизни. А с какой стороны мы хуже их? Что бы они делали без нас? Не понимают, мы вместе с ними преодолеем любые неурядицы. Сорок пять лет живём при советской власти, а мужики продолжают держать нас в рабстве.

– В книгах красиво написано, а в жизни всё наоборот. – согласилась с Поляковой библиотекарь. – Не одна Василиса страдает от мужа.

Любовь Семеновна промолчала, недавно Ольга сама прибежала к ней, когда муж из-за ревности распустил руки. Пришлось коммуниста Яковлева наказать строгачом и пригрозить судом. Его можно быстро успокоить, он член партии, с ним разговор короткий. А как быть с Кури Алексеевым? В партии не состоит, колхозником не считается, трудится в заготконторе приемщиком яиц. Бытовые скандалы в семьях всегда были, но сейчас ведь другие времена.

– Подготовлюсь и вынесу вопрос на рассмотрение собрания коммунистов колхоза, попробую в наших деревнях решить эту проблему. – объявила Полякова.

– Выйдет ли что-нибудь путное... – присоединилась к ним Марья-Воробьяха. – Раиса Камитова попыталась дать отпор мужу, он сразу бросил её, нашел другую.

– Меня бросить нельзя! – услышала разговор Раиса. – Меня можно только потерять! Это вас, простушек, мужья оставляют. Значит, это ты, по деревне распускаешь слух, будто меня муж насовсем бросил?

– Аха, сама знаешь!.. В Услабе он... У Марьи Никандровой ... У неё, наверное, постель помягче, сама поласковее и красотой Господь не обидел.

– Тебе какая разница? А Володьку я сама выставила за дверь.

Любовь Семеновна почувствовала: жаркая беседа набирает обороты, вот-вот вспыхнет ярким пламенем, надо вовремя потушить, остановить женщин.

– Хватит! Ты, Марья, слухи при себе держи, а то вертишь языком, как корова хвостом!

Женщины притихли, а Марья, недовольно сдвинув брови, отвернулась от Раисы.

Ольга Яковлева выставила книги на стол, стала рассказывать краткое содержание. Женщины забыли о тяжелом разговоре, собрались около библиотекаря, начали подбирать себе литературу. Все спрашивали рассказы о жизни, о любви. Военная тема и фантастика их меньше интересовала, давай любовные страдания.

Василиса сидела на скамейке у ворот фермы и думала о муже.

А что муж? Судьба его бросала за эти годы по разным учреждениям, хозяйствам. В колхоз он никогда не стремился, что толку с утра до ночи горбатиться за палочки в тетрадке.

После ухода из милиции устроился в Хумушскую семилетнюю школу заведующим хозяйством. Думал, там трудностей не будет. Ой, нет!.. Директор школы перед ним положил лист бумаги и перечислил все обязанности.

Не успеешь завершить одно дело, наваливается другое. Районная администрация поручила школе помочь возвести изгородь вокруг Калининского мазара. Рабочая сила бесплатная, старшеклассники выросли в деревне, умеют молотком стучать.

Месячник пионерской организации по сбору металлолома не прошёл для Кури бесследно. Сорвал завхоз поясницу, почти месяц не мог самостоятельно ходить, на костыли опирался. Помогла его

мать Таюк, разными примочками и отварами вылечила спину, поставила сына на ноги. Кури Алексеев больше на прежнюю работу не вернулся. Птичником в колхозе тоже недолго проработал.

Бывшие друзья устроили Алексеева приемщиком яиц в заготконторе. Вначале всё шло хорошо. Кури работал шустро, проверял на свет каждое яйцо, укладывал в ящики, перекрывая каждый слой мелкой соломой. Много браковал, сдатчики из колхозов обижались. А застолья с друзьями становились всё обильнее. Однажды пьяный уснул на работе. Очнулся и ахнул – склад был пустой, исчез двухдневный товар – более пяти тысяч яиц. Сумма огромная. О пропаже сообщил только домашним. Тянул до квартальной ревизии, сумел вернуть почти тысячу яиц. Но полностью покрыть недостачу времени не хватило.

За ним пришли вечером. Дом перевернули вверх дном, искали какие-то бумаги, квитанции, накладные. Но что найдешь в этом бедном доме?! Одно богатство – дети.

Василиса стояла у крыльца и круглыми испуганными глазами смотрела то на мужа, то на оперативников, с серьезным видом обыскивающих сундук, подполье и даже детские книжки. От страха отнялись ноги, язык присох. Сама думала: «Как одной поднять семерых детей?».

– Слишком доверял этому купцу, – вздохнул Кури.

У Василисы дыхание перехватило, никак не могла понять, наконец, передохнувшись, спросила:

– Про кого ты?

– Чуюл сердцем... Его рук дело. В последнее время он меня избегает, при встрече в глаза не смотрит, торопится отойти.

– О ком ты говоришь?

– Завскладом райпотребсоюза! Ей-богу, это он увёз яйца!

Сидящий за столом следователь хмуро посмотрел на них и строго предупредил:

– Не разговаривать!

Кури всю злость вылил на этого человека.

– Обвинение не предъявил, не посадил, уже рот закрываешь, гражданин начальник! – остановил он следователя. – Теперь не сталинское время!

Следователь тоже нервничает, никаких нужных ему бумаг и квитанций не нашли. Но такова уж природа жизни. Она сводит и разводит людей, а власть без разбора и усталости топчет их.

Скоро состоялся суд. Мужа посадили на пять лет. Кури Алексеев положил руки за спину и пошел рядом с конвоиром в камеру предварительного заключения.

8

Владик в тот злополучный день до бабушки не дошел, сел на автобус и уехал в Вурнары. В руках десять накопленных рублей, вот когда деньги пригодились. Решил поехать к тетке в Москву, думал у неё пожить. Однажды он слышал разговор матери с теткой Верой, она хотела Галину забрать в Москву, хотя бы на зимнее время. Там школы хорошие, не то, что здесь, развалюха, семь классов располагаются в пяти комнатах, давно нет учителей родного и иностранного языков, их заменяет трудовик.

Он купил билет на Москву, за него пришлось выложить шесть рублей. В вагоне почувствовал усталость, залез на верхнюю полку, постелил под себя фуфайку, вместо подушки под голову положил шапку. Уснуть сразу не удалось. Мысли его были о доме – вдруг он убил отца, и теперь его ищет милиция?

Народу в вагоне было много. Пассажиры разговаривали меж собой, пили чай, туда-сюда бегали маленькие дети. На Владика никто не обращал внимания, мало ли кто куда едет.

В шесть утра поезд остановился на Казанском вокзале. Москва встретила разноцветными рекламными огнями, куда-то несущимися машинами, спешащим народом. Владик не торопился, в школу не надо, да и адреса тетки не помнит, забыл. Надо ждать открытия справочного бюро. Однажды они с матерью уже туда обращались, там ей написали адрес дома и как доехать на метро.

Не торопясь шел вдоль вокзала. Люди его сердито отталкивали в сторону.

– Дорогу! Дорогу! Посторонись! – кричали носильщики, толкая телеги с вещами перед собой. Сзади них быстрыми шагами шли пассажиры.

Каждый в Москву приехал по своим делам, может быть, и с бедами. Старались быстрее добраться до места. Некоторых встречают, люди радуются, обнимаются. Владика сейчас никто и нигде не ждет, наверное, забыли о его существовании.

Он вошел в здание вокзала, запах пирогов и кофе щекотал нос, горло, хотелось есть, со вчерашнего обеда во рту кусочка не было. Подошел к буфету, посмотрел на цены и удивился. У них, в районном центре за цену пирожка можно в столовой покушать. Но голод не тетка, купил стакан чаю и две булочки, за что выложил почти тридцать копеек. Поел быстро и сразу же пожалел, что потратил столько денег.

– Так, откуда, чего здесь околачиваешься? – подошли к нему два милиционера.

Владик испугался, но нашел в себе силы сказать:

– К тетке приехал...

– Многие в Москве ищут теток, документы есть, откуда приехал? – уже напористо наседали на него небольшого роста милиционеры.

– Есть. – Владик вытащил свое свидетельство о рождении, внутри там лежал билет и десятирублевая бумажная купюра.

– Пошли, в участке разберемся, где твоя тетка проживает. – толкнул он подростка в спину.

Владик слышал, что, таких как он, милиция отправляет в детскую тюрьму, пока всё не выяснит, потом под конвоем отправляет домой. Можно было убежать, но документы у милиционера. Они вывели его за дверь, пошептались между собой, затем вернули свидетельство.

– Езжай к тетке, сюда без взрослых не приходи, вон метро. – показал один из них в сторону небольшого здания с большой буквой «М».

Владик взял свидетельство, развернул, там было пусто.

– А деньги где? – тихо спросил он.

– Какие еще деньги? – грозно спросил милиционер.

– Мои, здесь лежало десять рублей. – чуть не заплакал Владик.

– Сопляк, пытаешься нас обвинить в воровстве, давай в участок, в камеру. – схватил его другой за воротник.

Парень испугался, больше всего ему не хотелось попасть к ним: «Украли деньги, могут и побить», – подумал он, резко дернулся, вырвался из рук милиционера и побежал в сторону метро. Не оборачиваясь, лавировал между идущими людьми и скоро исчез в здании. Милиционеры и не думали за ним бежать, они

выполнили свою работу – освободили вокзал от безнадзорника, да ещё и внакладе не остались.

Долго катался Владик в метро, несколько раз поднимался и спускался вниз по эскалатору. Квартиру тетки нашел только к обеду.

Он зашел в подъезд, до третьего этажа поднялся бегом. Нажал на кнопку звонка, никто не отвечает. «Тетя Вера должна быть дома, сегодня воскресенье», – подумал он.

Решил подождать, сел на подоконник и задремал.

– Кого ты здесь ждешь, мальчик? – разбудила его маленькая старушка.

– Тетку, Веру Сергеевну, – быстро вскочил Владик.

– Она отдыхает в санатории, в Подмосковье, – внимательно изучала его старушка. – Ты откуда, почему один?

– Из Чувашии, к ней приехал, родители отправили, – немного соврав, ответил Владик, потом выгащил железнодорожный билет и показал бабушке.

Соседка оказалась бывшей учительницей. Надежда Петровна, (так звали её) пригласила Владика в свою квартиру. В небольшой комнате было тепло и по-домашнему уютно. В шкафу много книг, на круглом столе большой глобус, кругом с фотокарточек на него смотрели детские лица. Он разделся, снял ботинки и стал осматриваться.

– У меня имеются ключи от квартиры твоей тетки, но открывать не станем. – Завтра в пять вечера, она позвонит, до этого поживи у меня.

Владика охватило сомнение. Можно подождать, но что он скажет тетке. Вдруг его ищет милиция, они могут сюда нагрянуть, лучше исчезнуть, а там будь что будет.

– Сначала пообедаем, иди, руки помой, – позвала Надежда Петровна его за стол и открыла воду в ванной комнате.

– Я не хочу, – пытался он возразить.

– Отказываются только тогда, когда сытые, – настаивала учительница.

Владик сдался, вымыл руки, сел за стол, вместе с Надеждой Петровной не торопясь пообедал. Учительница начала мыть посуду, а Владик, присел на диван и уснул. Во сне ему почудилось, как мама накрыла его одеялом, погладила по голове.

Когда проснулся, Надежда Петровна сидела за столом и читала газету. Она улыбнулась ему и начала разговор, как со взрослым человеком.

– Дозвонилась до справочной Казанского вокзала, билеты продаются свободно, поездка к вам ходит через три часа. Завтра поговорим с Верой Сергеевной, и ты отправишься домой, иначе школу пропустишь.

Владик удивлялся самому себе – знаком с этой учительницей всего несколько часов, а уже обо всем ей рассказал, даже признался, что отец выпивает. Но только о драке ничего не сказал, промолчал. Подумал, завтра уйдет на улицу погулять, сюда больше не вернется, а ей скажет: «Билеты купил и поехал домой», чтобы не беспокоилась и шума не поднимала.

Утром проснулся поздно. Около двенадцати часов сказал, что пойдет погуляет, а сам ушел насовсем. Целый день ходил по городу и принял окончательное решение – домой не вернётся. Куда деваться, где ночевать, даже представления не имел. Через два часа позвонил к учительнице с городского телефона-автомата и сообщил, что купил билет на поезд, уезжает.

Непонятен ему этот большой город. Всё продается и покупается за деньги, даже воду отпускают за копейку. Солнце здесь находится за высокими домами, от удушливого холодного воздуха кружится голова. Владик несколько дней гуляет по Москве. Научился бесплатно прошмыгивать в метро, без денег вместе с экскурсионными группами попадать в музеи. Вечером возвращался на площадь трёх вокзалов. Сначала ночевал в зале ожидания Казанского вокзала, но там милиционеры злые, постоянно проверяли документы, приходилось врать.

На Ярославском и Ленинградском вокзалах народу меньше. Между первым и вторым этажом, под лестничной площадкой лежат картонные коробки, здесь он не раз устраивал себе ночлег.

Деньги кончились. Теперь Владик не ел, ходил около буфетов, дышал хлебным духом. Однажды какой-то пассажир второпях на стойке оставил половину большой булки и кусочек колбасы. Не выдержав, положил в карман. Ел на улице, давился, ему казалось, что вкуснее этого ничего в жизни не пробовал.

Прошел ещё день, к вечеру, голодный и усталый, нашел свободное место в зале и сразу уснул.

– Мальчик, просыпайся! – тормошил его кто-то за плечо.

Он открыл глаза, трое незнакомых парнишек в форме учащих профтехучилища с красными повязками «ЮДМ» стояли возле него. Владик сразу начал оправдываться:

– Мама просила встретить тетку из деревни...

Его выдавали мятая старая фуфайка, цигейковая старая шапка и валенки, да и в ходе разговора всем стало понятно, что мальчик из деревни.

– Видали мы таких москвичей! – многозначительно сказал один из пацанов. – Третий день дежурим, каждый раз тебя видим, думали, ты с родителями. Мы, юные друзья милиции, помогаем таким как ты вернуться домой к родным, пока не начал воровать у пассажиров вещи и деньги. – Пойдем! – предложил он.

– Куда? – не понимал Владик.

– В детскую комнату милиции, там разберутся...

Ребята втроем сильно схватили его и повели за вокзал. Владик испугался: «Куда они?.. Уведут, изобьют ещё...». Он резко сделал подсечку одному, тот упал, в это время сзади идущие ребята навалились на него и сильно прижали. Владик от бессилия заплакал. Зря он беспокоился, детская комната милиции находилась сразу за зданием вокзала в небольшом переулке. Когда увидел двух женщин-милиционеров, сразу успокоился.

Женщины умеют находить общий язык с такими путешественниками, как он. Предложили чай с булкой. Владик разом всё проглотил.

– Сколько дней не ел? – спросила старшая.

– Три... – ответил Владик.

– Как ты оказался в Москве?

Владик не стал скрывать, показал им свидетельство о рождении и выложил всё, чем он занимался две недели в таком большом городе. Скоро его увезли. «В тюрьму...» – подумал он, сидя в кузове автомобиля за решеткой. Ехали недолго, остановились около больших ворот, где висела табличка «Московский детский приемник-распределитель». Его привели в изолятор, попросили помыться в душевой. Пока он наслаждался теплой водой и вкусно пахнущим мылом, его одежду продезинфицировали и положили на место.

Думал, оказался в детской тюрьме, выхода отсюда нет, окно с решеткой, и никого вокруг. Оказывается, воспитанники этого

учреждения отдыхали перед телевизором после трудового дня и вкусного ужина. Ночевал в изоляторе, лег на чистую кровать и, несмотря на голод, уснул.

Утром пришел мужчина, повел его в общую казарму под номером «2». Старший воспитатель познакомил Владика Алексеева с распорядком дня: до двенадцати дня учеба в школе, потом обед, после двух часов работа в цеху, где изготавливаются деревянные ящики для продовольственных товаров. Трудятся четыре часа, потом подготовка к урокам и свободное расписание. Но никому не разрешается покидать здание, везде и всюду ходят строем.

Учеба дается ему легко, сразу получил несколько хороших оценок. Больше всего понравилась работа. За смену надо изготовить двадцать ящиков. Владик так увлеченно работал, что в первый же день успел передать на склад сорок ящиков. На следующий день его перед всем строем похвалили. Во время работы видел, как один из парней воровал со склада готовые ящики и сдавал как свои, а сам с одним ящиком возился полчаса. После очередного воровства Владик не выдержал, взял ящики и поставил обратно. Началась драка. Владик не сдавался, хотя и был меньше него, схватил в руки заготовку и подготовился к очередному нападению. Никто не стал разбираться в причине драки, обоих закрыли в карцер, где не было ни телевизора, ни вкусного ужина.

– Как тебя зовут? – первым подошел к нему мальчик.

– Владик Алексеев.

– А меня Михаил Батов, я из Подмосковья, в городе Орехово-Зуево проживаю.

– Чего начал драку? – осмелел Владик. – Те ящики только что я изготовил, сдал на склад, а ты стащил, обидно стало, поэтому унес их обратно.

– Третий раз сюда попадаю, каждый раз ящики ворую, но ни разу никто меня не остановил. А тут нашелся шкет, в драку полез. Вообще-то, я люблю смелых.

Долго разговаривали, рассказывали друг другу о семье. Не повезло Михаилу, он в семье один ребенок. Отца не помнит, а вот мать в последнее время пьет, трудно остановить. В такие дни Мишка покидает дом, начинает гулять по Москве. В этот раз украл у женщины продукты, но милиционеры его поймали. Теперь, если женщина напишет заявление, то его отправят в детскую колонию, ему уже пятнадцатый год идет.

К вечеру их освободили, объявили по выговору. На следующий день Владик помогал Мише колотить ящики. План они перевыполнили, изготовили вместе почти пятьдесят ящиков. Миша сиял, не отходил от нового друга ни на шаг.

Так прошла неделя. Однажды вечером Владик попрощался с Мишкой, обещая писать ему письма, и покинул детский приемник. До станции Вуранары его сопровождал старый милиционер, он много разговаривал с беглецом, кормил по дороге. В районном отделе милиции Владика ждала начальник детской комнаты милиции, здесь же на краешке стула скромно сидела его мать. Никто его не упрекал, не ругал. По дороге домой мать рассказала, что отца посадили в тюрьму. Почему-то Владика ни сколько не было жаль отца, он подумал: «Больше не будет дома скандалов».

* * *

Прошел ещё месяц. Сельсовету поручили рассмотреть персональное дело Владика Алексеева и предоставить ответ в детскую комнату милиции района.

– Он сидел в детской колонии! – строго отчеканил председатель сельсовета Антон Куликов.

– Не в колонии, а в детском приемнике-распределителе, – поправила учительница Матрена Сергеевна, единственная женщина в комиссии. – Три года я учила его, он хорошо учился, вместе с девочками вышивал, пытался научиться вязать, такие мальчишки плохими не вырастают.

– Вышивка, вязание – хорошее дело, но путного человека из него не получится.

– Нельзя судить человека по единичному поступку. Из-за отца удрал из дома и оказался в Москве. Следует по-хорошему разобраться.

Председатель посмотрел на неё и уверенно сказал:

– Матрена Сергеевна, ты сама мать, знаешь, как это паршиво.

– Конечно, не хорошо! Но не Владика обсуждать надо, а со взрослыми разобраться. Будто не знаете, какова обстановка в семье!? Скандалы, избиение, издевательства – всё это происходит в доме, где растут семеро детей.

– Сколько можно защищать этого оболтуса? – заявил член сельсовета Степан Апанасов. – Родителей можно понять, некогда за ними следить. весь светлый день на работе.

Учительница не думала сдаваться, слова Апанасова только разогрели её:

– Пороть детей не педагогично, уголовно наказуемо. Вам обязательно надо прочитать книгу Макаренко «Педагогическая поэма».

– Некогда над книгами сидеть! – не унимался Степан. – Мы это на войне проходили!

– Не надо прикрываться войной. Воевал весь советский народ, одни на фронте, другие в тылу!

Фронтовики промолчали, а Апанасов продолжил:

– Они не видели немецких самолетов,метающих бомбы на безоружных людей, не видели, как немецкие танки давили солдат, не видели, как от разрыва снаряда бойцов по частям разбрасывало.

Матрена Сергеевна не выдержала, вскочила на ноги и жестко отозвалась:

– А вы видели, как в нетопленной избе от голода и холода умирали дети. вы видели, как двенадцати-четырнадцатилетние мальчишки и девочки в сорокаградусный мороз молотили хлеб. как женщины, получая похоронку падали на улице замертво, старики умирали на колхозном поле?! Вы знаете, что девушки по четырнадцать часов работали на строительстве оборонительных сооружений, валили лес, стоя в лаптях по пояс в снегу?! Не видели и слышать не хотите. Продолжаете рассуждать, хвастаться подвигами. Здесь тоже был фронт – трудовой, но никто не ныл. Эх, мужики, мужики...

В кабинете председателя сельсовета вдруг воцарилась тишина. Не ожидали фронтовики, что Матрёна Сергеевна поставит их на место. Что говорить, в те годы всем было невыносимо тяжело, но выдержали же, выстояли – победили фашистскую орду.

– Прости нас, мужиков, – нарушил тишину председатель Куликов. – Сказали, не подумав.

– Думать надо о людях, – обиженно отрезала учительница.

Что делать председателю сельсовета, если пришла казенная бумага? – на неё обязательно надо ответить. Вчера сразу из трёх учреждений позвонили. Райком партии интересуется семьёй

Алексеевых, комсомол – пацаном, райисполком просит срочно доложить о принятых мерах. Все крутятся вокруг одного шпинг-лета – вот герой нашелся...

Тут Апанасов будто с цепи сорвался:

– Помните, как в одно время у деревенских мальчишек появились пищалки, громыхающие спичечной серой. Для этого нужно было найти крепкую железную трубку диаметром не меньше школьного карандаша. Один конец заглушить и загнуть, на этом же конце просверлить маленькую дырку, трубку прикрепить к деревянному пистолету. Пистолет заряжается серой из пяти-шести спичек, крепко закупоривается бумагой и через дырочку зажигается. Так бабахает, все деревенские собаки разом начинают лаять. Вот и салютовали ребята, хмельные взрослые сами были готовы побаловаться такими пистолетами. Однажды этот сопляк спрятался за домом именно в то время, когда я с женой решил посидеть в теплый летний вечер. Вдруг так бабахнул, жена чуть не сошла с ума. А этот радостно выскакивает к нам. Говорит: «Хотел напугать сестру с хахалем». На следующий день в правлении колхоза и в школе состоялись срочные совещания – комсомольцы у всех деревенских ребят отобрали пистолеты.

Куликов это пропустил мимо ушей, у самого в детстве была такая пищалка. Он встал, подошел к учительнице и умоляюще попросил:

– Матрена Сергеевна, поговори с ним, на следующее заседание приглашу Василису, не хочется ломать судьбу парню.

Учительница согласилась.

– Помнишь?.. В прошлом году у этого школьника было больше всех трудодней выработано. Ты ему вручил в подарок женские коньки под названием «Снежинка». Он тогда не обиделся, хотя знал, что на них ему не придётся кататься, сестрам подарил. Они в семье горой друг за друга.

Председатель удивлённо поднял голову:

– Это он?

– Разумеется! Зимой в выходные дни собирает у колхозников куриный помет и золу. Летом возит снопы, сено, солому. За трудоднями, сухими цифрами не видим самого главного – проблемы людей.

– Не стоит преувеличивать, – произнёс председатель.

– В прошлом году он порвал стенгазету с карикатурой на отца. Парторганизация пожаловалась, а Кури Алексеев, вместо благодарности, избил сына проволокой.

– Не припомню такого, – удивился Куликов.

– Потому что не интересовался.

– Что за карикатура?

– Стихотворение их четырёх строк. Наизусть не помню, но смысл такой: «Услабинская ветрянка начнёт крутиться тогда, когда птичник Алексеев бросит пить...».

– Молодец!

– Конечно молодчина, за взрослых разобрался, порвал стенгазету, не позволил позорить семью.

Всё это время члены сельсовета сидели молча, слушали разговор председателя с учительницей. Им невдомёк такие рассуждения. Вместо того, чтобы принародно его выпороть ремнем, председатель с учительницей толкуют о каких-то педагогических методах воспитания.

В помещение вошла техничка Валя. Она положила на стол председателю повестки из военкомата. На комиссию приглашали бригадира первой бригады Мигулая Кириллова и для постановки на воинский учёт – Владислава Алексеева.

9

В доме Машшук и Иллариона Кирилловых гульба в разгаре. Молодежь провожает бригадира Мигулая на службу в армию. Три дня назад он прошел медкомиссию, хоть и определили раннюю стадию трахомы, но в тот же день вручили повестку с предписанием: «Явиться 16 мая на Вурнарский призывной пункт для определения места службы в Советской Армии...».

– Служи, сынок, не срами стариков! – давал напутствие дед Захар Узяков. – Вернись с лычками на погонах.

– Постараюсь, – отпраповал Мигулай.

В душе недоумевал. Врачи определили лечение, направили в Вурнарскую районную больницу. «Куда меня с трахомой призывают?» – думал он, сидя за столом.

– Чего ты грустишь? – присел к нему Гена Воробьев. – Служить не хочется? Не желаешь отдать долг Родине?

– Отстань ты, и так на душе тошно, – ответил Мигулай ворчливо. – Сказали, у меня начинается вирусное заболевание глаз – трахома, а завтра отправляют служить.

Друзья разошлись к утру. Мигулай ворочался в постели, всего пару часов подремал. Дядя Петр прискочил на тарантасе, не переставая, хвастался перед домашними: «Председатель сам распорядился, ради бригадира не пожалел своего коня».

Двадцать верст – сильному коню только ноги размять. Почуввав свободу, рванул по пыльной дороге, через час Мигулай с дядей стояли около военкомата. Призывники прибывали и прибывали, собралось человек двадцать. «В Чебоксары отправляют», – пошел слух среди собравшихся. «Оттуда на пароходе...», – подумал Мигулай, знакомясь с ребятами из Ярмушки и Кюльхири.

Призывников, отметив в особом списке, повели к железнодорожному вокзалу. До Канаша добрались через час, там к ним присоединились ещё человек двадцать. Ночевали в большом зале военкомата, рано утром их посадили на пригородный поезд, и через четыре часа с двумя сопровождающими они оказались в Чебоксарах. Люди с улыбками встречали строй призывников, желали успехов в боевой и политической подготовке. Одна бабушка перекрестила ребят и громко напутствовала:

– Хорошей службы! Не допускайте врага на нашу землю! Строго охраняйте границу!

Спины ребят выпрямились, шаги стали четкими, они пошли маршем. Сами не заметили, как затянули любимую всеми песню, слова её знал каждый из них со школьной скамьи:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой.

Ребята шли до самой пристани с песней. Там быстро сели на небольшой речной пароход, который с коротким гудком быстро отчалил в сторону поселка торфопредприятия. Призывники толпились на палубе. Всем было интересно, некоторые впервые попали на пароход.

Мигулай всего раз был в столице Чувашии. Город для него остался загадочным – с высокими пятиэтажными домами, белыми

ароматными булками, газированной водой, праздно гуляющими в парке горожанами. Им не надо встречать по вечерам домашних животных, доить корову, заниматься огородом. Для них крестьяне постарались – в магазинах полным-полно свежих фруктов, овощей, молочных и мясных продуктов.

Пароход причалил к лесному песчаному берегу. Лейтенант командовал высадку, построил призывников и повел вглубь леса. Все подумали, что их часть расположена здесь. Через час ходу они оказались на большой поляне. Навстречу вышли несколько гражданских лиц и военный капитан. За высокими деревьями виднелись четыре дощатые казармы, на одной из них от руки написано «Госпиталь».

– С прибытием на место трудовой службы и лечения! – приветствовал капитан.

Призывники ничего не понимали, смотрели по сторонам, пытались определить значение этих казарм и госпиталя.

– Чего глаза вытарасили? – строго сказал офицер. – Здесь будете лечиться от трахомы, в свободное время будете разрабатывать лес, займётесь его возрождением.

– В таких бараках зимой замерзнем. – буркнул один из призывников.

– До морозов далеко, вылечим и осенью вас отправим по местам прохождения дальнейшей службы. А сейчас по списку устраивайтесь в казармах, и в столовую.

Ребята начали понимать, что здесь не служба в армии, а трудовой лагерь, да и лечение будет проходить далеко от больничных коек. Они зашумели, пытаются разобраться.

– Разговорчики! – строго воскликнул капитан. – Смутьянов и дезертиров будем судить военным трибуналом. Работать будете как миленькие, здесь не деревня, некогда у заборов девок тискать!

– Ху-ху не хо-хо! – грубо возразил один призывник из Вурнар, а второй недовольно спросил: – Кто нас будет лечить?

– Военные фельдшеры, выпускники медицинского училища, вместе с вами будут углублять свои знания.

– Вдруг искалечат?

– Не стоит панику разводить, они умеют скоблить трахоматозные слизи!

Капитан остановил перебранку, отпустил призывников. После размещения покормили кашей и чаем с булками. Улеглись

спать без всяких трудностей. К полуночи все вскочили на ноги. В казармах плясали комары, отчего стоял невыносимый писк. О сне нечего и думать. Пытались отмахиваться вениками, не помогло. Полчища гнуса атаковали призывников, пришлось прямо в казарме в старом ведре развести огонь и пустить дым. Всю ночь боролись с комарами, к утру не выдержали, не раздеваясь, уткнулись в постель.

Утром не досчитались четырех парней со станции Вурнары, они исчезли с территории лагеря. Деревенские удивлялись: «Откуда у них такая смелость? Не захотели бесплатно кормить комаров». Командиры забеспокоились, пригрозили гауптвахтами. Не привыкли деревенские ребята перечить старшим, особенно военным, решили не покидать казармы, работать до осени и лечиться.

— Как сейчас вернешься домой? — недоумевал Владимир Морозов из Ярмушки. — Я ведь по полной программе отгулял проводы. На двух тарантасах по деревням скакал, к родным заезжал, прощался. С какими глазами заявишься домой. Вся деревня будет хохотать.

Евсей Югин из Кюльхири маялся. Дома остался больной отец с пятью детьми — один меньше другого. Мать умерла в прошлом году.

— Я тоже остаюсь вместе с вами, — сказал Мигулай. — К комарам можно привыкнуть, а лечиться всё равно надо.

— Решили, — за всех ответил Володя. — Остаемся...

Работа не слишком тяжелая. Каждый деревенский парень когда-либо участвовал в разработке леса для колхоза. Необходимо было очистить делянки от мелких деревьев, оставить только деловую древесину. Деревья распиливали на полуметровые чурки, укладывали вдоль лесной дороги. По вечерам ребят лечили. Военные фельдшера оказались малограмотными, у ребят начали болеть глаза, появилась краснота. От укусов лесного гнуса опухли лица, руки, ноги.

— Слушай, Мигулай, — шепнул Евсей. — Ночью я покину лагерь. Пусть военные сами рубят лес, а то от безделья у них животы растут. Днем на рыбалке, вечером пьянствую. Пока мы не военные, присягу на верность этому лесу не давали. Никто из горе-фельдшеров не умеет лечить трахому. Пусть положат в больницу нас.

Мигулай согласился с предложением Евсея. Сам об этом часто думал, но боялся открыться перед товарищами, не хотелось выглядеть слабаком. Оказывается, у всех одна дума: быстрее покинуть лагерь, вернуться домой. Пусть хихикают девочки, провожая ехидными глазами, пусть судачат бабы и осуждают мужики!

Ночью очередная группа ребят в составе шести человек покинула лес, дошла до Сосновки. За деньги рыбаки на лодках перевезли их в город, несмотря на ночь, пешком отправились в сторону поселка Ишек. Оттуда до родных деревень рукой подать. Договорились через день собраться в Калинино и отправиться в Вурнарский военкомат.

Мигулай добрался до дома только к вечеру. Машшук, увидев сына, запричитала:

– Ты откуда? На кого ты похож, что с тобой?

– Подожди. апай, дай отдышаться...

– С армии выгнали? – не унималась мать.

– Оттуда не выгоняют, там перевоспитывают, – многозначительно ответил Мигулай. – Где атте?

– В Чулхула скот погнали, – ответила мать. – Вернутся через две недели.

– Это ладно... – обрадовался Мигулай.

– Чего тут ладненького? – не поняла сына Машшук.

Добро, что дома не оказалось отца, не надо долго оправдываться.

– Апай, – попросил Мигулай. – Ничего не говори деду Захару и бабушке Анисе. Сам расскажу. сейчас хочу спать...

– Хорошо... хорошо, – согласилась мать.

Но эти слова Мигулай уже не слышал, уснул, как провалился. К утру приснился сон.

«Вшестером по лесу бегут, за ними военком района на белом коне скачет, сзади солдаты с автоматами. Мигулай бежит последним, ноги не слушаются. «Приказ военного комиссариата не выполнил, отправляешься в штрафбат!» – кричит военный комиссар»... Преследователи рядом, строчат из автоматов. Одна пуля попала прямо в глаз, от боли он кувыркнулся и закричал.

– Сынок... сынок! – разбудила его мать. – Захворал?..

Мигулай проснулся, глубоко вздохнув, ответил:

– Сон приснился... За нами гнался военком... Меня застрелили из автомата...

– Чего там натворили? – забеспокоилась Машшук.

Не выдержал Мигулай, обо всем рассказал матери.

– Посадят, – плакала Машшук, а сама гладила шершавыми ладонями по волосам сына, как в детстве.

– Не надо, апай. Пойдем в военкомат, попытаемся объяснить.

– Господи! Упаси и сохрани ты наших детей...

– Апай, перестань! – попросил Мигулай. – На небе спутники летают, а ты продолжаешь за меня богу молиться...

Ребята встретились в Калинино. У всех одна беда, родители не поддержали действия взрослых сыновей, не приняли объяснений, а болезнью никто из них не поинтересовался.

В военкомате их ждали. Как только призывники обратились к дежурному, он повел их к военкому Лазареву. Тот с ходу напал на ребят, страшал судом, обещал оштрафовать родителей на крупную сумму.

– Сейчас что, война?! – не выдержал Евсей. – Мы от службы в армии не отлыниваем. Где приказ, что нас зачислили в лесорубы?

– Приказ требует? – заорал военком. – Сегодня же выезжайте обратно и продолжайте лечение.

– Нет! – строго за всех ответил Евсей. – Мы поедем в Москву, в министерство обороны.

Гробовая тишина воцарилась в кабинете военкома. Не ожидал он такого поворота. Красный от злости вылетел из кабинета.

– В какое ещё министерство обороны? – тихо спросил Мигулай.

– Не знаю... – пожал плечами Евсей. – Как-то у меня само выскочило.

Тут в кабинет зашел дежурный, молча выписал всем направления на лечение. В районной больнице их определили в шестиместную палату, и началось интенсивное лечение.

Военком не забыл парней, в последний день лечения прямо в больничной палате им вручили повестки и направили в Канаш на распределительный пункт. Ребята даже не успели заскочить домой. В Канаше друзья расстались, отправились служить в разные части Советской Армии. Евсею Югину предоставили отсрочку до осени.

Мигулай Кириллов служил в армии весело и легко, с большим удовольствием и открытой душой. Машшук не раз заявляла, что такой характер сын унаследовал от деда Тимасси, который жил на Севере, вести от него приходили часто.

Солдат никогда не унывал, везде становился заметным. Машшук и Илларион раз в год получали от командования части благодарственные письма:

«Ваш сын, Николай Илларионович Кириллов, во время службы в нашей части, – писали командиры, – показал себя добросовестным, трудолюбивым, честным воином. О нем можно сказать – он солдат, настоящий защитник нашей любимой Родины. Сослуживцы всегда видят в нем чуткого и отзывчивого товарища. От имени командования и комсомольской организации части выражаем огромную благодарность за воспитание такого сына...».

Машшук сняла, показывала письма родителям, Захар сдержанно гордился внуком, а Аниса, как всегда, от счастья не могла сдерживать слезы.

– Будет, мама... будет, – успокаивала её Машшук. – Радоваться надо, а ты плачешь.

– Слава богу, – прижималась к мужу Аниса. – Думала, вечно на Севере останусь, как старики Пакшановы. Теперь уж правнуков дождусь.

– Поживем ещё, – добавил Захар.

Мигулай отслужил в армии три года, там окончил курсы водителей, получил права и вернулся домой возмужавший, окрепший. Сразу предупредил родителей, деда с бабкой, что из деревни никуда не уедет, будет работать в родном колхозе шофером.

– Что ты потерял в колхозе? – возмутилась Машшук. – Езжай в город. Там люди получают за работу деньги. В деревне ни дня ни ночи, как проклятый ломаешься, некогда задницу к табуретке приткнуть.

– В городе меня лень одолеет, от скуки умру. Сопьюсь...

– Так и будет! – поднял голову Илларион. – Дорвется до вольной жизни, в кармане появятся деньги. Тоскливо, далеко от родительского дома, сорвется и к рюмке прилипнет.

– Какая тоска? Там кино, театр, мороженое...

Илларион засмеялся. Машшук покраснела, она ведет себя как ребенок.

– В последнее время три парня покинули деревню, слишком легко сейчас уходят в город, – продолжал Илларион. – Оставляют стариков. Пусть крутит баранку в родном колхозе. Если надоест, поработает на свиноферме.

– Сразу к свиньям... У него десять классов и права шофера, позорно на свиноферме крутиться.

– А мясо есть не позорно? – ворчливо ответил Илларион.

Спор родителей остановил Мигулай.

– Не хочу дышать газом и дымом заводов. хочется простора полей.

Машшук хотела упрямо возразить, но Илларион её перебил.

– Ладно тебе... Ладно... – успокаивал он жену. – Хочет жить в деревне, пусть приземляется. Женится. дом для него поднимем. внуков с тобой будем нянчить. Шоферам в колхозе ежедневно начисляют по два трудодня.

– Начислять-то начисляют, а вот денег мало дают, – ответила Машшук.

Не смогла уговорить сына оставить деревню. Мигулай настоял на своем.

Солдат получил выдавшую виды автомашину ГАЗ-51, она уже второй год гнила под навесом колхозного сарая. Целый месяц колдовал Мигулай над техникой, сумел запустить, на зависть всем вихрем проехал по деревне, оставляя сзади клубы летней пыли.

В армии нахватался много колких слов, сыпал ими направо и налево. На это была своя причина. не дождалась любимая Таня его со службы, выскочила замуж и успела родить сына. Мигулай не стал выяснять отношения, дал себя зарок: «До тридцати не женюсь». Пошла-поехала вольная жизнь двадцатитрехлетнего парня.

Однажды вечером появился в деревенском храме культуры. Народу было много, негде присесть: на двух столах мужики громко стучат в домино, молодые парни играют в бильярд. Вокруг них стоят любопытные болельщики, всем интересно, кто сейчас проигрывает, кто под столом будет кукарекать или лаять под общий хохот и аплодисменты. Рядом с ними, за другим столом собрались более серьезные, они играют в шашки и шахматы. А в большом зале молодежь под гармошку поднимает пыль.

– Чего шаркаете ногами? – крикнул Мигулай с порога.
– Здесь не шаркают, а танцуют. – сдержанно ответил ему молодой парень.

– Чувствуется, в школе неплохо учишься.

– Не жалуюсь.

– Чувашские танцы так не выводят. – недовольно произнес Мигулай.

– А ты что, балетную школу окончил? – угрожающе спросил тот же парень.

Недружелюбие малолеток не волновало Мигулая. За три года его службы в армии в деревнях подросло молодое самоуверенное поколение. На язык острые, готовые при малейшем конфликте почесать кулаками. Мигулай вышел на середину зала, топнув правой ногой, попросил гармониста сыграть самую быструю чувашскую плясовую.

– Кирилловская!.. Услабинская! – объявил он присутствующим.

Гармонист начал проворно перебирать кнопки гармошки, звуки плясовой рассыпались по клубу. Мигулай раскинул руки и как молодой жеребец, в быстром темпе закрутил ногами. На время все побросали свои игры, ринулись в зал посмотреть на танцора. Мигулай подскочил к Уле Алексеевой и топнул ногой, приглашая девушку на «кирилловскую». Она не испугалась, высоко подняла голову и вышла в круг. Он плясал как никогда усердно, но и девушка не отставала, то выводила каблуками разные дробы, то кружилась как лебедь. Весь зал громко хлопал ладошами в такт музыки.

Наконец гармонист не выдержал, глубоко вздохнув, поставил гармошку на скамейку. По его лицу градом струился пот.

– Во!.. Дают!.. – пытался оправдываться он.

Мигулай стоял рядом с Улей, смотрел на неё и хвастался: «Сегодня репетиция, придет время, выступим на сцене».

– Молодец! – кричали люди, поддерживая танцоров.

– Откуда такой явился? – спросила кто-то из девчат.

– Мигулай Кириллов из армии вернулся, – ответила Уля.

Между деревнями Кивьял и Хумуш, на большом поле у реки Хирлеп раньше выращивали лён, а сейчас перешли на коноплю.

В начале сентября уборку провели организованно. На реке Хирлеп уложили снопы на плоты и слегка утопили дерном. На поле осталась часть низкорослой конопли. От дуновения ветра высохшие бесплодные мужские цветочки разносятся по полю. Пастухи обходят это место, у них головы болят, а домашние животные, случайно забредшие в это место, чихают и ревут.

Пришло время вынимать коноплю из воды на сушку. С утра стоит ясная погода, осеннее солнце светит ещё ярко, но греть перестало. Вчера утром вода в Хирлепе покрылась тонкой ледяной коркой, в воздухе звенели первые предвестники скорой зимы. Сегодня на реке много женщин с детьми, мужчин мало, пришли в основном молодые, пока уважающие труд своих жен.

Мокрые конопляные снопы не каждому человеку под силу. Василиса сняла галоши, носки, подобрала подол платья под пояс и полезла в воду. На неё никто не обращал внимания, все так поступают. От ледяной воды ноги сразу онемели. Будто тысяча мелких иголок одновременно вонзилась в тело, в первую минуту не давали даже шагнуть. Быстро привыкла, на холодную воду не обращала внимания, вынимала и вынимала скользкие, тяжелые, пахнущие гнилью конопляные снопы.

Дети захватывали их, вытаскивали на берег, ставили шалашом на сушку, где осенний ветер и солнце за несколько суток доводят снопы до нужной сортности.

Время от времени Василиса вылезала из воды, прижималась к костру, с небольшого котелка глотала горячую воду и вновь лезла в реку.

– Держите крепче, за лямки не тяните, порвёте, придётся выполнять бесполезную работу, не торопясь таскайте наверх, – учила она детей уму-разуму.

– Ну, знаем мы! – пыталась возразить Уля.

У старших детей силёнок мало, едва хватает, чтобы вытащить сноп. Несмотря на трудности, они не жалуются, тянут и тянут коноплю.

Одежда у них стала мокрая и грязная. Младшие стали хныкать, но работу никто не прекратил.

– Мне холодно! – заплакала Лена.

– Подождите немного, подбросьте сушняка в костёр, вытащим этот плот и пойдем домой.

– Вечером закончим, – продолжала ныть Лена.

– Не реви! – сердито остановила её мать. – На вечер нельзя оставлять, река унесёт снопы, их подберут другие. Опять без денег останемся, даже сахара не за что купить.

Слова матери подействовали на неё. Перестала ныть, вместе с младшенькой Татьянуш уставилась на небо. Здесь проходит воздушная трасса. Круглосуточно высоко над землей проносятся самолеты, оставляя за собой белые полоски, похожие на следы от лыж. Они гудят то со стороны Кумбала, то со стороны Кукушума, пролетая над деревней Хумуш. Самолеты часто прячутся за облаками, но белый дым указывает их местонахождение. Девочки изумленно смотрят им вслед, грустно провожая взглядом. Вдруг Лена громко закричала:

– Самолет!.. Самолет!.. Возьми меня с собой!..

Василиса, не обращая внимания на младших дочек, продолжала успокаивать старших:

– Немного осталось, потерпите...

Она как-то неловко разогнулась, хотела сказать, чтобы младшие пошли домой погреться, но ноги поскользнулись на липких снопах, и она упала в ледяную воду. Старшие дети бросились к ней на помощь, протягивали руки, пытаясь вытащить мать на берег. Река, хотя и глубокая, но тихая. Василиса вышла на твердую землю, с трудом закрепила оставшиеся в воде снопы. Чтобы не заболеть и завтра снова встать на ноги, она собрала детей и повела домой. Уля и Владик остались – ещё не все вытащенные снопы поставлены на сушку.

Младшие девочки бежали быстро. Сердце от радости кололось, сегодня они больше не придут вытаскивать коноплю, будут сидеть у теплой печки, грызть сладкие кочерыжки. Каждая из них оставила для себя после вчерашней засолки капусты. Всей семьёй трудились, целую кадушку нашинковали.

Василиса переделалась, немного отдохнула и, согревшись, снова ушла вытаскивать оставшуюся часть конопли, им ещё предстоит помучиться. Надо поторопиться, не сегодня-завтра закружатся белые мухи, тогда мокрые снопы начнут гнить, придется тащить под навес, досушивать там, а это уже низкая сортность и дополнительная работа.

Ненавистна эта культура на селе, много сил и здоровья отняла она у женщин.

Семья Алексеевых погрузила готовую коноплю на телегу, и Василиса отвезла её за пятнадцать верст на Аликовский

пеньковый завод. Сумела сдать высшим сортом, хотя приемщики пытались её обмануть.

Возвращалась домой в приподнятом настроении, всю дорогу пела песни. Погода стоит как никогда солнечная, будто и не поздняя осень, а бабье лето вернулось. Слабый морозец пытался пощипывать её за щёки. Лениво извиваясь, над стерней летят серебристо-белые паутинки. Одна из них накрыла ей лицо, она смахнула её рукой и посмотрела вдаль. Поля ещё снегом не покрылись, реки пели свою нескончаемую голубовато-серебристую песню.

Вечером в колхозе собрание, подведение итогов. Вернулась домой до сумерек, сына Владика отправила распрягать лошадь. Надела чистое перелицованное платье, боты, сверху на себя накинула плюшевое полупальто и побежала в клуб. Свободных сидячих мест уже не было, их как всегда заняли мужики, женщины толпились вдоль стен.

– Как на заводе, очень придираются? – спросила Марья-Воробыха.

– Нет, – радостно ответила Василиса. – Сдала высшим сортом.

– Как это ты умудрилась?.. – удивились женщины. – У нас тоже хорошая конопля, но приняли только первым...

– Наверное, я приемщику понравилась.

– Помоложе тебя ездили, – съязвила Воробыха.

– Ездить-то ездили, но не приглянулись, – улыбнулась Василиса.

Собрание началось с выступления счетовода Фомина. Он обрисовал финансовое состояние колхозного хозяйства и завершил доклад критикой отдельных лиц. Потом взял слово председатель, ознакомил колхозников с планом будущего года и перешел к наградам. К нему присоединились бессменный секретарь партийной организации Кирилл Осипов и председатель сельсовета Антон Куликов. Как всегда, первыми наградили доярок, им вручали отрезы на платья, а передовикам-механизаторам достались рубашки. Когда Василиса услышала свою фамилию, обрадовалась. Растволкав женщин, она выскочила на сцену, из рук председателя получила блестящие галоши с красной мягкой подкладкой.

«Таких галош я ещё не видала, наверное, теплые», – подумала она, повертев в руках. Уж слишком они были большими, как раз для мужских валенок.

– Александр, – обратилась она к счетоводу Фомину. – У меня размер ноги маленький, может, найдутся другие?

Этот разговор услышал Харитонов, обернулся к ним и зло процедил сквозь зубы:

– На базаре продай, ты это умеешь. А себе купи новые, какие приглянутся.

– По той цене не продать.

– Тогда мужу сохрани, он любит грязь.

Василиса покраснела, при всех её председатель оскорбил.

– Нашла тему, иди на место, не задерживай людей! – продолжал Фомин.

Василисе стало не по себе. Давно перестала кого-либо бояться, никогда не дрожала и перед председателем. Она знает Харитонova с детства. Помнит комсомольца, борца с кулачеством, как всей деревней провожали его в Красную Армию. Не забыла, как радовались вместе с родными его возвращению с войны, на груди у него сияли два ордена Красной Звезды и две медали. С тех пор изменился он, ох как изменился. Сейчас другие времена, над собой измываться Василиса никому не позволит. Вышла вперед и громко объявила:

– Нас, женщин, мужики ни во что не ставят, они сидят впереди и стоят на сцене, на работе теплые места заняли. За труд, за то, что я вырастила и убрала с выделенного поля картофель, три тонны капусты, свезла к бурту кормовую свеклу, сдала высшим сортом коноплю – в подарок мне выдали мужские галоши, а у меня и мужика-то в доме нет. Носи, дорогая колхозница, ни в чем себе не отказывай! У нас в почете только доярки и механизаторы, а других колхозников для вас как будто не существует. Не могу я принять такой дорогой подарок, верну председателю, пусть сам носит!

Зал слушал её тихо, такого в колхозе ещё не бывало. Мужики могли поцапаться с председателем, но не бабы. Тут женщин прорвало, многие поддержали Василису, в тишине раздались громкие аплодисменты. Василиса подошла к Харитонову и отдала галоши. Он машинально взял их в руки, потом, опомнившись, выбросил за сцену. За галошами больше никто не выходил, все отказались от таких ценных подарков. Собрание закрыли быстро, в тот вечер все жители трёх деревень обсуждали поступок Василисы. Многие поддержали её, но нашлись и такие, кто осуждал «выходку» женщины.

Наутро Василиса собрала свою большую котомку и быстрыми шагами ушла в сторону Ишек, где в воскресные дни проходила осенне-зимняя ярмарка. В котомке лежали детские вещи, привезенные из Москвы для продажи.

Василиса за эти годы пережила много горя и унижений. На лице выделялись печальные карие глаза, вокруг которых образовались сеточки морщин. Волосы гладко причесаны и стянуты на затылке. Шея утратила былую упругость.

Недавно к ней зашла Ирина Макарова, теперь Алексеева, приехала бить шерсть. В округе работает всего одна хумушская шерстобитка, со всех деревень тянутся сюда люди. Ирина заняла очередь, хотела вернуться домой в Ярмушку, но задержалась у Василисы. До утренних петухов они говорили о жизни. Только днем следующего дня подошла очередь Ирины.

Проводив её, Василиса вспомнила детские годы, подругу Марфу Миронову. Если бы она была жива! Но времена – как родники, из которых льётся река жизни каждого отдельного человека. Прошедшие дни в тумане, а хорошего ей вспомнить нечего... Одно светлое пятно – дети радуют. Старшая дочь Уля оканчивает среднюю школу, на самостоятельную дорогу выходит. Галя и Владик её незаменимые помощники как в доме, так и в колхозе. Без них минимум трудней не выполнить. И младшие уже подросли, домашние дела можно им поручить.

11

Уля окончила Калининскую среднюю школу и получила аттестат зрелости. Единственная оценка «удовлетворительно» испортила настроение: ладно бы по обществоведению или по черчению, а то по физике. Все билеты выучила, но последний, двадцать восьмой не осилила, не могла понять темы проходящего электрического тока по катушкам. Ни одной плохой отметки за два года, любимый предмет в школе. Учитель Сергей Николаевич Корнеев после ответа на экзамене глубоко вздохнул, посмотрел на свою ученицу и огорченно сказал:
– Не ожидал... Алексева...

Вышла с экзамена, наревелась, еле успокоилась. Потом самой интересно стало, ведь именно двадцать восьмой билет оказался сегодня у неё в руках.

Состоялся выпускной вечер. На душе было грустно: не хотелось прощаться с любимыми учителями, подругой Тоней и повзрослевшими одноклассниками. Детство прошло – впереди взрослая, самостоятельная жизнь. Как она сложится – никому не ведомо. Из головы не выходят слова директора школы Назарова.

– С этого момента вы не ученики, а вступившие в самостоятельную жизнь молодые люди, – говорил Андрей Степанович. – Впереди целая жизнь, она полосатая, в какую полосу попадешь, зависит от каждого. Скоро вас будут называть по имени и отчеству. Может, кто-то станет известным космонавтом, врачом, учителем, Героем Советского Союза или Социалистического Труда. В любом случае не забывайте родную школу, заглядывайте хоть на минутку, посидите за партой, поговорите со своими постаревшими учителями...

Конечно, Уля не забудет школу, учителей, одноклассников. Не забудет мышей, принесенных озорными мальчишками в класс. Не забудет концерты художественной самодеятельности под руководством всеми любимого учителя пения. Она не очень ясно представляла свою дальнейшую жизнь, хотя заветная мечта у неё была.

– Тоня, я решила подать документы в Канашское педагогическое училище, – сказала Уля подруге.

– И я с тобой, – поддержала она.

После успешной сдачи вступительных экзаменов Уля вернулась домой в деревню. ждала вызова из училища.

Вечером по субботам, как и сегодня, в клубе молодёжный вечер. Уля с Валец Трофимовой слегка опоздали, там уже гремела музыка. Тихими танцами теперь молодежь не удивишь. Самые отчаянные, пока завклубом не замечает, изображают модный нынче твист. Иным давай чувашскую, быструю плясовую, чтобы ноги едва касались деревянного пола. Мигулай Кириллов заметил Улю, но подошел только к завершению вечера и твёрдо заявил:

– Сегодня я тебя провожу домой.

Уля не поняла, почему сразу его не прегнала, хотя подумала, что её осудят, и найдутся такие доброжелатели, которые напишут Юре пару слов.

– Ну и пусть! – успокаивала себя девушка.

От Юры Уля еженедельно получает письма. Он служит на границе с Финляндией. Письма длинные, нежные. Уля не может терпеть, когда с ней сюсюкаются, пусть даже на бумаге. Чувства у солдата через край льются, порой. кажется, он подшучивает над ней.

Как пришла к ним любовь? В прошлом году Юра стал её провожать. Парень признался в любви, она посмеялась. Он обозвал её ледышкой. Уля обиделась и перестала ходить в клуб. «Ну, встречаемся. вместе танцуем, а он про любовь! – рассуждала она. – Что это такое? Я люблю маму, папу, сестер и братьев. Да, он нравится мне, но, чтобы сохнуть по нему, пока не получается. Все парни славные, но он чуть-чуть лучше их, предпочтительнее». Юра поговаривал о свадьбе, а Уля обещала ждать его из армии.

Ей было хорошо с ним.

Весной он попрощался с Улей на целых три года. Юра ушел служить в армию, она поступила на учебу в педагогическое училище.

Теперь вот откуда-то появился Мигулай.

Время позднее, они проводили Валентину домой, остановились около нового сруба бани Апанасовых. От бревен пахло смолой и сосновыми иголками.

Ярко светила луна, Мигулай внимательно изучал Улю. Стройная, круглолицая, с живыми искорками в глазах, с длинными до пояса косами, может кого угодно свести с ума. Он подумал: «Поцеловать или нет?». Внутренний голос подсказывал: «В первый же вечер не следует лезть на рожон. Девушка не простая, пошлет подальше и фамилию не спросит». Он знает, парень должен занимать девушку разговорами, чем они интереснее, тем быстрее можно рассчитывать на взаимное чувство. Для полной уверенности вынул из кармана папиросу и задымил.

– Я не понимаю, почему парни курят, – строго произнесла Уля.

Мигулай потушил папиросу о подошву сапог.

– Придется бросать, – многозначительно ответил он.

– Вот чудак... Задумал приударить за мной?

– А что, нельзя?..

– Можно, коли очень хочется.

– Я подумаю...

– Думай, – сказала Уля и поспешила в сторону дома.

Мигулай не успел ей даже руку пожать на прощание. Уля закрыла за собой калитку и быстро забежала домой. Он ждал, когда же в избе зажжется свет. Девушка не хотела беспокоить домашних, но краешком глаза из-за занавески посмотрела в окно. Около сруба увидела силуэт Мигулая.

Следующая встреча состоялась на колхозном дворе, тогда Уля шла в Калинино.

– Куда путь держите, девушка? – загородил дорогу Мигулай, на его лице светилась широкая улыбка.

– Чего тут смешного! – не поняла Уля.

– Если в Калинино, то такси подано.

– Сначала следует поздороваться, – съязвила она.

– Вообще-то, доброго здоровья и помощи Всевышнего желают при встрече мимо проходящие прохожие, – поправил Мигулай.

Уля резко повернулась и пошла к машине. Парень, опередив её, вежливо открыл дверцу.

– Приятно, когда шоферы такие обходительные.

– Воспитание, – иронично ответил Мигулай.

Всё это время за ними наблюдали доярки, ожидающие выезда в летний лагерь.

Мигулай мигом сел за руль, сразу стал серьёзным. Машина аккуратно тронулась вперед, будто везла стеклянный груз. Выехали с колхозного двора, проехали хмелесушилку и оказались на недавно асфальтированной трассе. Деревня осталась позади, впереди замаячили крыши домов села Калинино, показался старый купол церкви.

– Вот и приехали. – почтительно остановил Мигулай свой ГАЗ-51 около чайной села.

– Теперь куда? – спросила Уля.

– За доярками на колхозный двор.

– Прознает председатель, всыпет по первое число.

– Прорвемся! – радостно крикнул Мигулай, развернув автомобиль в сторону деревни Хумуш.

Уля удивленно смотрела вслед. Она подумала: «Неужели Кириллов серьёзно ухаживает за мной?».

Одно смущает её – очень рано он открыто заявил:

– Уля будет моей женой, я её Юре Никитину не отдам...

В какое-то время Мигулай перестал ходить на танцы. Говорили, что его отправили на целину убирать урожай.

– Болтун! Может на целине голову проветрит.

Конечно, он не изменился, в очередной раз встретил Улю и давай мечтать:

– Хочу повидать другие страны, побывать в Индии, Китае, поговорить с разными людьми. Попробовать их пищу, покупаться в море. Хочу посмотреть мир.

Девушка удивилась и резко ответила:

– Приличной одежды нет, второй год в солдатских брюках ходишь. Кто тебя туда пустит? Сначала заработай деньги, авторитет, стань передовиком производства, съезди на ВДНХ.

Но Улю что-то притягивало к этому парню. Широкие плечи, красивые смеющиеся глаза, на щеках и подбородке небольшие симпатичные ямочки. От него следует держаться подальше, не заметишь, как влюбишься.

* * *

Теперь у Ули летние каникулы, она окончила третий курс Канашского педучилища. Осталось три месяца учебы и госэкзамены. Она будет учительницей младших школьников. На неделю приехала домой, поможет матери, а потом уедет вместе с друзьями в составе студенческого отряда училища на строительство Чебоксарского химкомбината.

Поздно вечером поливала на поле махорку, вокруг никого. Закончила дела и присела на берегу реки Хирлеп. Вода теплая, как парное молоко, будто её подогрели. Вскинула голову, глядя на кураковские ветлы, улыбнулась. Вспомнила, как в детстве на этом месте пасла домашних гусей. Теперь за ними ходит младший брат Андрей. Мать не хочет известить птиц, всё-таки для семьи поддержка.

Тихо у речки в это время. По вечерам здесь собирается молодежь, играет гармонь, звонкая песня плывёт по течению родной реки.

Сзади послышались шаги. Не успела Уля вскочить, кто-то сильной рукой обнял её за плечи. Это был Юра. Уля сразу взорвалась:

– Чего пришёл?

– Не могу без тебя, – проронил Юра, присев рядом с девушкой.

- Надо было думать до свадьбы, – тихо ответила она.
Парень хотел объясниться, но понимал, что это глупо.
– Успела меня забыть? – прошептал Юра.

Уля была уверена, что он больше никогда не будет искать с ней встреч. Несколько ночей лила слезы, обнимая мокрую подушку. Мать как могла успокаивала дочь, испытывая на соседней досаду.

Теперь Уля вновь почувствовала влюбленность и на миг прижалась к его плечу. Юра услышал биение её сердца и нежно поцеловал волосы.

- Вдруг Уля резко подняла голову и громко объявила:
– Уходи! Не могу тебя видеть!
– Куда? – растерялся парень.
– Убирайся!..

Юра ушел не оглянувшись. Уля осталась на берегу. Слезы от обиды текли по лицу. Сколько писем от него получала, ждала. Ведь как тень за ней ходил Мигулай, но её сердце для него было закрыто, она ждала Юру, уже и со свадьбой с ним договорились.

- Она не состоялась. Мать Юры на всю деревню объявила:
– Дочку сватать – за матушкой волочиться!

Это означало – не следует торопиться со сватовством. Ей не по душе соседи. Считает их бедными родственниками, не имеющими своего гнезда. Слова покатались по деревне, собирая всю грязь о семье Алексеевых. Юра вскоре женился, привез домой девушку из соседней деревни.

Уля хотела простого человеческого счастья, но оно пролетело мимо.

Со временем слезы высохли, сердце девушки успокоилось. Она объявила матери, что новый ухажер с Севера предложил ей руку и сердце.

Василиса сидела на старом сундуке и тихо учила дочь умразуму.

– Ох, девка... девка! Знала бы ты, о чем сейчас говоришь. Хочешь хомут на себя надеть, семейной стать. Готова ли ты к такой жизни? Как бы ни пришлось вновь лить горькие слезы на чужбине.

– Мама, стоит ли бояться. Жизнь на то и предназначена. Самой, вместе с мужем выбирать путь и шагать рядом с ним, растить детей.

– Вот уже и про детей заговорила. Мигулай тебя любит, как-никак с детства друг друга знаете, вместе в школе учились. Я тоже мечтала, что у меня будет любящий муж, но жизнь по-другому распорядилась...

– У меня всё будет ладно. Не позволю мужу поднимать руку, не позволю шататься пьяным, не допущу измен.

– Не торопись, послушай своё сердце. Хорошо подумай.

– Соседка Елена долго думала, выбирала, искала – осталась одна, никак не может наладить жизнь. Лучше уж поторопиться, чем коротать век одной.

– Тогда никого не обвиняй.

– Сама решу, сама буду отвечать.

– Мыслями и словами жизнь не переделаешь. А как с учёбой?

– Буду учиться заочно.

Нелегкий разговор с матерью заставил Улю о многом подумать, поразмышлять и совсем по-иному взглянуть на колхозного шофера.

На следующее утро она уехала на стройку. Слова матери те-ребили душу, в голове крутилась мысль: «Может, выйти мне замуж за Мигулая Кириллова?».

* * *

После окончания училища Улю направили работать в Чебоксары. Она сразу полюбила своих первоклашек. Вскоре в город переехал и Мигулай Кириллов. Встречи продолжались.

Молодые зашли в ателье заказать свадебное платье, весёлая закройщица сразу высказалась:

– Что же ты, милая невеста, с такими грустными глазами?

Уля улыбнулась, на щеках появились ямочки, а большие глаза засверкали мягкой добротой.

Закройщица не стала досаждать другими вопросами, принялась за своё дело с большим уважением к жениху и невесте. Почему-то эта пара её глубоко взволновала. Она видела разных молодоженов, но эта девушка, кажется, выходит замуж не по любви. Жизнь дала трещину, глиной не замажешь, водой не залёшь. Может, из-за жалости, может, рассталась с любимым, теперь назло всему миру творит неладное.

«Нет радости вечной, нет печали бесконечной! – подумала закройщица. Стерпится и слюбится. Но будут ли они счастливы или через несколько лет разбегутся?».

На прощанье она пожелала молодым успехов и весело сказала:

– Я буду очень рада, если моё платье принесёт вашей семье счастье и много лет совместной жизни.

Уля уставилась на неё, чуть не крикнув: «Свадьбы не будет, ваше платье мне не нужно!». Сдержалась, промолчала.

Жизнь Ули идет кувырком. Позавчера вечером в её общежитие заскочил Мигулай. В рабочей одежде, не успел переодеться. Открыл дверь и на всю комнату закричал:

– В семь часов начинается цирковое представление, соберайся быстрее, я купил два билета!

Она посмотрела на часы: «Успеет, время пятнадцать минут шестого». Решила покормить парня. Быстро подогрела на плитке утренний суп, поставила перед ним. После первой ложки он немного поморщился.

– Что-то не так? – удивленно спросила Уля, наливая чай.

– Пока нормально, – смело ответил Мигулай. – Если не начнутся революционные потрясения в животе.

Уля мучительно хлопнула ресницами:

– Кислый?..

Не попали они на цирковое представление, у Мигулая заболел живот. Уля вслух упрекала себя.

А ведь было уже такое! Тогда мать утром сварила суп и попросила поставить в погреб, там прохладно. Уля готовилась к экзаменам в школе, совсем забыла про кастрюлю. Вечером семья собралась за ужином. Попробовали суп, все хором закричали: «Кислый!». Мать вылила всё в корыто поросенку, заставила её готовить ужин снова. Уля заплакала.

– Кому нужна твоя учеба, если домашние дела вести не умеешь? – сердилась мать.

– Я забыла...

– Поменьше надо думать о женихах!

– К экзамену готовилась, – оправдывалась она.

Теперь в очередной раз в жизни оплошала. «Что скажет Мигулай? – подумала Уля. – Пошлет к черту! И правильно сделает, такие жены никому не нужны».

Но всё само собой обошлось, свадьба состоялась. На бракосочетание пригласили только близких друзей. В следующий выходной день в деревне состоялась настоящая свадьба, родители так решили.

Праздничные дни прошли, начались трудовые будни с разными жизненными переплетениями. Молодая семья жила в мужском общежитии, друзья освободили койки. Но их скоро оттуда попросили, сами виноваты, не согласовали проживание с комендантом. Нашли место в частном доме, пришлось по вечерам слушать охи да ахи одинокой старухи. К весне Уле, как молодому специалисту, выделили восьмиметровую комнату в коммуналке. Теперь она в декретном отпуске.

Как хочет Василиса иметь внука! Когда Улю положили в больницу, она не могла найти себе места. Ходила, возилась по хозяйству, ко всем цеплялась. К вечеру не выдержала, побежала к сватьям и вместе с Машшук поднялись в контору. Сельсовет рано закрывают, а в правлении до поздней ночи сидит счетовод Александр Фомин, костяшками на счетах стучит, доходы и расходы колхозные подсчитывает. Выслушав женщин, покрутил ручку телефона, попросил соединить с роддомом города Чебоксары. На коммутаторе сказали, что надо ждать два часа. Счетовод пошел на хитрость:

– У меня в деревне баба рожает, надо посоветоваться с докторами, тяжелый случай.

С той стороны пообещали без очереди соединить.

Женщин обман не смутил, наоборот, они были рады находчивости счетовода.

Скоро зазвенел телефон.

– Алло! Алло! Роддом! – кричал Фомин. – Кириллова родила?

– Кирилловой у нас нет! – ответили с той стороны. – Только что Алексеева сына родила.

– Что там? – спросила Машшук.

– Алексеева сына родила, а Кириллова нет.

– Погодь, Василиса! – сказала Машшук. – Уля ведь паспорт не поменяла, фамилию не успела сменить!

Василиса вдруг разревелась от досады и радости, как же она сразу не догадалась.

Киреметево поле на косогоре давно очистилось от снега. На ветлах сидят грачи, вернулись в родные края. Прошел ледоход. На речках спала вода, и Владик с друзьями собирал рыбу, оставшуюся в ямах и низинах прибрежных полей.

У Владика два скворечника. В собственноручно изготовленном домике для любимых птиц недавно увидел нахального воробья. Это был удар по самолюбию, позор перед друзьями. Два дня Владик усердно выгонял самозванца. Утром выскочил во двор и обрадовался, на скворечнике сидела черненькая птица, заливалась песней. А тот воробей чирикал под стрехами соломенной крыши соседского коровника.

Мальчишка засвистел, захотел поиграть с птицами в дразнилку. Вдруг один скворец заржал как лошадь, у другого получился лай собаки, а третий запел соловьем. Владик был в восторге.

Скоро начнутся летние школьные каникулы. Он заканчивал седьмой класс, летом снова будет при лошадке. Слепая Звезда чувствует его по шагам, встречает тихим ржанием, начинает искать кусочек черного хлеба с солью, запрятанного в кармане. «Откуда знает, что у меня там лежит?» — думает Владик, угощая её хлебом. Рыжая лошадка сильная и подвижная, шея длинная и мускулистая, ноги высокие, толстоватые, губы мягкие, чувствительные. Весь овес выбирает из кормушки, на дне даже зернышка не оставляет.

В прошлом году правление колхоза решило сдать слепую лошадь на мясокомбинат. Конюх Егор Николаев горой встал на защиту, ведь через каждые два года она приносит здорового и резвого жеребёнка, да и сама не зря овес ест. В летнее время Владик Алексеев не отходит от неё, да и зимой Звезда при делах, тянет сани с бочками от избы до избы, помогая Владиду с другом собирать золу и птичий помет.

Парень любит Звезду. Считает, что лошадь умеет думать, чувствует, как люди относятся к ней. Было время, он никак не мог оседлать её. Теперь научилась выполнять команду «сидеть», сгибает передние ноги, позволяет мальчику вскарабкаться на спину. Владик с ней разговаривает, она кивает головой, будто понимает, соглашается с маленьким хозяином. Других ребят к себе не подпускает, пытается их укусить.

С утра моросит дождь. Владик подъехал к дому. Сестра Галя опять сварила зеленый суп из молодой крапивы. Парню так захотелось мяса, но где взять? Он немного посидел, покрутил ложкой в супе и вскочил на ноги.

За огородом расположился колхозный птичник. Нахальные куры убегают за забор, безнаказанно нападают на огороды, разбрасывая лапками мягкую землю, портят грядки.

Владик подошел к забору, внимательно посмотрел по сторонам, взял в руки самодельный лук.

– Ты куда? – спросила Галя.

– За мясом схожу! – ответил Владик, не обращая на сестру внимания.

– Мама узнает!..

– А ты рот заткни!

– Вот задаст она тебе трёпку!

– Держи язык за зубами!

Галя никак не унималась, пыталась помешать, но желание попробовать курятины победило, она согласилась и только спросила:

– Что скажем?.. Откуда притащили?

– Случайно Звезда наступила и задавила.

Теперь осталось пристрелить какую-нибудь заблудившуюся колхозную курицу.

Оружие давно приготовлено: лук сделан из толстого крепкого орешника, получился как у индейцев из кинофильма. Стрелы – самые что ни на есть настоящие, из сухих конопляных стеблей. Наконечник из тонкой жести от консервной банки. Если попадёт – курицу насквозь прошьёт.

Охотник высунул голову из-под куста смородины и примерно в десяти метрах увидел несколько упитанных взрослых цыплят. Вокруг никого. Птичники готовят корм, им некогда смотреть по сторонам. Владик вставил стрелу, натянул лук и отпустил тетиву. Стрела попала прямо в цель, в шею курицы. Она перед смертью хлопала крыльями, дрыгала лапками. Он быстро подбежал и накрыл её мешком. Вроде никто не заметил, да и кто их будет считать поголовно.

Около калитки его ждала Галя. Она вскипятила воду, сунула туда курицу, немного подержав, стала её ощипывать. В это время в летнюю кухню вошла мать. Увидев курицу, онемела, глаза округлились, от злости губы затряслись.

– Откуда?! – строго спросила Василиса, хотя догадалась без лишних слов.

Дети молчали, ни слова не выронили, виновато смотрели то на курицу, то на мать.

– У нас в роду разбойников нет, и цыплят никто не таскал! – выдавила мать сквозь зубы.

– Я случайно, из лука пристрелил, – соврал Владик. – Жалко было бросать, лучше уж младшие пусть мясного супа поедят.

– Супа говоришь! – Василиса взяла висевшую на крючке верёвку...

Они стояли смиренно, никто не выронил ни единой слезинки.

Василиса не выдержала, села на бревно и вздохнула.

– Я разве учила вас воровать? – тихо произнесла она. – Таскать колхозное добро – это последнее дело.

– Мама, прости нас, – подошла Галя к матери. – Куда девать цыпленка, не закапывать же?..

Василиса знала, что дети давно забыли вкус мяса. В душе она понимала, что поступает неправильно, но успокаивала себя: «Пусть дети поедят, если с птицефермы придут, скажу: «Больную прирезала».

Дети поняли молчание матери по-своему, продолжили щипать пух. Горячая вода обжигала руки, перья с трудом вытаскивались. Скоро вкусный куриный суп стоял на столе. Каждому досталось по кусочку мяса, только Василиса к нему не притронулась. Так она дала знать дочери и сыну о непристойности их поступка.

Владик ушел распрягать лошадь. У школы придержал Звезду. Репродуктор работает на полную мощь, идет передача «Утренняя зорька». Мальчишки и девчонки перебивая друг друга рассказывают, как они проводят лето в пионерском лагере: ходят в походы, купаются в море, по вечерам сидят у костра. У Владика навернулись слезы, ему хотелось лето провести именно в таком лагере. В это время зазвучала песенка:

Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше,
Только утро замаячит у ворот,
Ты увидишь, ты увидишь, как весёлый барабанщик
В руки палочки кленовые берёт.

Владик разозлился, он и так раньше всех встает, идет на колхозный двор, а в городе дети в это время дрыхнут, им не надо идти возить навоз.

– Для них построили пионерские лагеря, ох умаялись за зиму, отдыхают на море! – пробормотал он, направляя лошадку в сторону колхозного двора.

В комнате шорника находились трое, хозяин вышел по своим делам. Гена Семенов и Ваня Христофоров ремонтировали хомут, Володя Трофимов, по прозвищу Трахвим, устроился на топчане шорника и пускал дым до потолка. Осенью его должны призвать в армию. Владик вошел в шорню, попросил встать Володьку из-под топчана ему нужно забрать супонь.

– Вчерашний день потерял? – язвительно спросил Володя.

– Супонь там.

– Подумаешь, какое богатство.

– Ну и что! Мы его с шорником смастерили, на хомут для Звезды примерили.

Гена, указывая пальцем на Трахвима, прошептал:

– Под подушку положил.

– Закрой рот! – закричал Трахвим. – Давно не получал по зубам?

Гена испугался, характер у этого мерзавца крутой.

Владик, несмотря на возраст (он на четыре года его младше), не струсил. Подошел к нему и стал поднимать подушку. Тот его сильно оттолкнул.

– Ребята, не надо! – попросил Гена. – Владик, не связывайся с ним! А то влепит!..

Трахвим успел вскочить на ноги. С размаху хотел ударить Владика верёвкой, тот успел увернуться. Они схватились, упали на пол и покатались. Володя был сильнее. Сразу подмял младшего под себя и стал дубасить тяжелыми тумаками. От крика и шума в комнату заскочил конюх Николаев и растащил их.

Владик выпрямился. Он решил – в лепёшку разобьётся, но не уступит. Ему обидно и больно, но супонь в его руках. Был бы отец, побоялся бы Трахвин распускать руки, но сейчас его защитить некому.

– Погодь ты, шпингалет! – предупредил Трахвим. – Будешь землю грызть, молить о пощаде. А у тебя, Симун, ноги выдерну!

Что взять с него, со всеми не в ладах. Никто не уходил от его удара. При драке становится неудержимым, меры не знает, выливает накопившуюся злость ударами чугунных кулаков.

У него в душе живёт одна неприязнь. На всех смотрит с усмешкой и в начале каждого скандала предупреждает:

– На жалость даже не рассчитывай!

Владик ему обязательно отомстит, нанесенная обида не прощается.

Не прошло и три дня, как Владик вновь нарушил покой матери. Вернулся он вечером домой усталым. Трудная работа – махать вилами, целый день возить навоз на поля. Дома опять нет хлеба. Подождал, пока стемнеет и пошел добывать зерно на пашалу.*

Владик торопился. В руке небольшой буравчик. Просверлит пол амбара, возьмет немного зерна, дырку заткнет палкой, никто не заметит. Колхозный сторож Петрук Соколов не торопясь прошел около амбаров. До утра не выйдет из караульной комнаты. Собака не почуяла парня. Это дало силу и смелость. Не думая о последствиях, он нырнул под амбар.

Удобно уперся, стал сверлить пол. Буравчик тупой, но старания даром не пропали, из небольшой дырки в мешок тихим шорохом сыпалось желтое зерно. Владик казалось: в ночной тишине идет крупный дождь.

Он набрал полмешка и заткнул дырку заранее приготовленной палкой, подумал, может ещё раз придет. Выползая из-под амбара, два раза ударился головой об половые доски. Выскочил, стал тянуть мешок к себе. Вдруг около него залаяла собака. От испуга Владик присел на землю. К нему подошел Соколов.

– Давно тебя приметил, ждал, когда закончишь дело, – хихикнул Петрук от удовольствия.

– Отпусти! – тихо попросил Владик.

– Посмотри. Твой отец Кури неплохой человек. Друзья мы, в былые времена из Канаша в Шубашкар товары возили. У нас дома тоже случалось, хоть шаром покати. Самогонку продавали, хлеб покупали.

---

*П а ш а л у – лепешка

– Вы с ним одного поля ягодки! – ответил Владик.

– Дырку хорошо заткнул? – махнул головой Петрук.

– Заткнул, не сразу заметишь.

– Слушай внимательно! Дуй домой, пока не передумал!

Владик чего-то ждал. Петрук поднял мешок, положил ему на плечо и сильно пнул парня по мягкому месту.

– Чего стоишь? – шипел он. – Чтоб ни-ни, ни слова!

Несмотря на тяжесть, Владик побежал, отдышался только около калитки и громко засмеялся:

– Вот Сокол! Пустили козла в огород.

Его застучала мать, открыла мешок, присела на колени и заплакала.

– Опять за старое дело взялся? Отнеси обратно!

– Не могу... – слукавил сын. – Сам лично Петрук Соколов передал.

13

Жизнь Петрука Соколова идет кувырком. Старший сын Семка сложил голову на фронте, в райвоенкомате ему сообщили, что он погиб смертью храбрых в штрафном батальоне. С младшим беда: Минька успел сделать две ходки в тюрьму за разные провинности. Наконец успокоился, вернулся в дом отца и перед иконой Николая Чудотворца обещал жить смирно. Дочери Петрука после войны вышли замуж, а жена не дождалась из тюрьмы младшенького, закрыла глаза. Теперь Петрук коротает жизнь вместе с сыном и мечтает об одном, чтобы тридцатипятилетний отпрыск привел в дом жену, но Минька продолжает тянуть холостяцкую жизнь. Правда, одинокие вдовы приглашают его помочь по хозяйству: то крыльцо отремонтировать, то печку в бане переложить, то поменять пол в хлеву. Оттуда Минька возвращается изрядно выпивший. На следующий день Петрук выговаривает сыну:

– Поосторожнее с этим зельем, не успеешь опомниться, затянет – тогда дорога на кладбище для тебя открыта. Хочется за внуками походить...

Сын молчит, что скажешь, отец прав.

Однажды вечером Минька в Хумуше встретил свою бывшую жену, Фаю Осипову. Живет одна. Такая же веселая, разговорчивая,

сразу пригласила его в гости. Она уже не очень молодая, как и Минька к сорока годкам приближается.

Черные волосы собраны в косу и закручены на макушке, этому научила эвакуированная украинка, которая жила у них дома. Глаза у Фаи глубокие, карие, смотрят печально, в глубине притаилась какая-то женская тайна. Ситцевое платье, цветастый фартук подчеркивают женскую фигуру. Но годы берут своё, морщины появились на шее, руки совсем огрубели от работы. Она на это не обращает внимания. У Миньки глубоко в душе появилась теплота, что-то родное он в ней почувствовал.

– Минька, – загадочно улыбались её губы. – Помоги поставить на место калитку. Корова уронила, одной не справиться. Жду завтра к обеду.

Фая ушла.

Минька задумался. Брат Фаи ныне в деревне большой человек – учитель и секретарь партийной организации. В районе знаком со многими людьми, измываться над сестрой не позволит, разом отправит по этапу. Но у Миньки нет никаких дурных мыслей, если Фая разрешит, он согласен навсегда с ней остаться.

На следующий день Минька вошел в избу. Как только за собой закрыл дверь, теплый воздух окутал его лицо, уютная, чистая комната заворожила. У печки висела керосиновая лампа, видимо, её оставили на всякий случай, часто свет по вечерам отключают.

– Эй! – сказал он осторожно. – Есть кто-нибудь дома?

Никто не ответил. «Наверное, Фая вышла во двор», – подумал он, собираясь выйти. В это время в закутке у русской печки что-то зашуршало. Минька удивленно остановился, заглянул на кухню и застыл на месте. На него без всякого стыда смотрела голая, красивая Фая с длинными распущенными волосами. Она мылась в корыте.

– Чего глаза вылупил? – буркнула Фая. – Голую женщину не видел? Помоги, набери теплой воды!

– Не-е-т... – оторопел Минька.

Конечно, он видел голых женщин, но давно не прикасался к их телу. Тут растерялся, продолжая глазеть на неё.

– Ну, помоги же, черт побери! – выругалась она, пытаясь дотянуться до воды.

Минька засуетился, чуть не опрокинул ведро.

Фая взяла кувшин с теплой водой, стала поливать на голову, на плечи, на грудь. Перед Минькиными глазами предстала женская красота: крепкие руки, плечи, тонкая талия, длинные ноги, её упругие груди сияли при тусклом дневном свете. Минька находился в полупьяном состоянии, не знал, что предпринять, уйти или ждать дальнейших событий.

– Утирку дай!

Он нашел вышитое полотенце и протянул Фая. Она, не торопясь вытиралась, явно подразнивая его. Завершив дело, попросила:

– Отнеси на кровать.

Он опять безропотно подчинился, взял её сильными руками и как пушинку понес к постели.

Фая горячими руками обвила шею, прижалась к его лицу, глубоко задышала. Сердце Миньки стучало так, будто готово было выскочить из груди.

Он продолжал находиться в полубморочном состоянии. Его губы начали целовать глаза, потом кончик носа, и тут же губы их сомкнулись. Остальное растворилось в каком-то тумане.

Вечером от Фаи узнал, что она специально устроила парилку перед его приходом, женской хитростью завлекла его. Он не сопротивлялся, в тот же день перенес свои нехитрые пожитки в дом жены.

Шло время. Теперь Минька и Фая семейные люди, несмотря на возраст, она родила ему сына Максима и дочь Дину.

Зимнее февральское утро с блестящими солнечными лучами заглянуло в окошко. Минька зажмурился, на окошке заиграли рисунки Деда Мороза, как их называют его дети. Он посмотрел на ребятишек, спят, прижавшись друг к другу. Дочь улыбалась во сне, от этого у Миньки в душе стало легко и тепло. Непонятная сила любви к детям окружала его. Поправил одеяло, будить не стал, пусть спят, сегодня он с ними пойдет в гости к «деду Петруку».

Фая на работе – на ферме. Ничего там не изменилось, новый животноводческий комплекс на четыреста голов обещали сдать в будущем году. Пять лет строят. Разговору было много, по радио трещали, на страницах районной газеты писали, хвалились, а конца-края не видеть.

Минька устроил сам себе отгул. Отец попросил помочь резать свинью. Давно жалуется, что впустую тратит корм.

Минька решил сходить за Павлом Блиновым, его помощь не помешает. Детей будить не стал, пусть отдыхают, еду для них Фая оставила на столе. Максим молодец, хотя сам ещё маленький, а за сестренкой умеет присматривать – кормит, играет с ней, одевает на прогулку. Деревенские дети дома одни не боятся, знают где что лежит. Не раз их оставляли на короткое время.

В это время проснулся Максим и забормотал: «Ты куда?..».

– До дяди Паши дойду, потом пойдем к деду. Дина проснется, покорми, я быстро вернусь, – успокоил он сына.

Максим махнул рукой и снова закрыл глаза. Минька тихонько защелкнул за собой входную дверь, быстрыми шагами пошел в сторону дома Блиновых.

Мальчику уже не хотелось спать. Встал, включил радиоприемник, и звонкая мелодия разбудила Дину.

– Мама... мама, – захныкала она, но, увидев брата, успокоилась, протянула руки:

– Помоги...

Максим подошел к ней, надел платье, чулки, тёплые носки и понес к столу.

– Кушать хочешь? – поинтересовался он.

Дина не отказалась, обняла брата и поцеловала.

– Какие нежности, – выговорил Максим как взрослый человек.

Он покормил сестру, вытер стол, немного потанцевал с ней под легкую музыку и стал убирать постель.

– Дедушка придет? – спросила Дина.

– Нет. С папой пойдем к нему, будем кушать шурпе.

Девочка обрадовалась, стала искать свое пальто и валенки.

В это время что-то затрещало, из-под радиоприемника полетели искры, около счетчика начала гореть электропроводка. Дети испугались, прижались друг другу. Максим опомнился, стал одевать сестру, на себя накинул пальто, искал валенки. Электропроводка горела быстро, огонь побежал по стенке, выскочил в сени. Искры уже сыпались со всех сторон, загорелись обои, занавески, а в сенях мох между бревнами. Угарный газ быстро заполнил избу.

Максим с сестрой выскочили в сени, он хотел открыть входную дверь – она не поддавалась. Дина плакала, со страхом смотрела на пламя. Через дверь в комнату залетел свежий ветер, и всё вокруг вспыхнуло, уже горели вещи, стол, пламя поднялось на чердак и загудело. Дверь не открывалась, дышать было трудно, Максим ничего не видел. Дина закашляла, упала на пол. Максим хотел помочь сестре, пытался открыть дверь, но бесполезно. Голова кружилась, в глазах слезы, стало трудно дышать. Он упал, успев обеими руками обнять сестренку. Дети лежали около двери, вокруг кружился густой едкий дым.

Минька торопился, успел договориться с Пашей, заодно решил предупредить отца, чтобы подготовил горячую воду. Долго разговаривать не стал, дома дети одни. Не успел отойти от отцовского дома, в колхозном дворе загудела пожарная сирена, а по репродуктору, висевшему на столбе, передали тревожное сообщение о пожаре. Остановился, немного подумав, посмотрел по сторонам.

В переулке увидел свой дом, над ним поднимался высоко в небо густой черный дым, уже горела крыша.

– Дети, дети где? – билось в голове, бежал, аж дух захватывало. Выхватил у какого-то мужика топор, разом снес щеколду, открыл дверь и закричал.

Максим и Дина лежали, обнявшись друг с другом.

Минька вытащил их на улицу, стал тормошить, целовать, пытался поставить на ноги. Он не понимал, не мог представить себе, что его дети умерли, задохнулись в дыму, им теперь ничем не поможешь. Вокруг бегал народ, подъехала пожарная машина, огонь потушили. Минька сидел около детей, вокруг собрались женщины и что-то говорили, он ничего не понимал. Узнал только отца и жену. Они, прижавшись к детям, рыдали, качаясь, бились головой об снег. Минька оцепенел от горя, только с трудом выговаривал пересохшим горлом:

– Максим... Дина!.. Максим... Дина!.. Дети мои!..

* * *

Светало... Опять начинается новый день, такой же для него скудный, длинный. Думать о жизни – бессмысленно, Минька

опять нигде не работает. Сейчас можно заглушить свое горе самогонкой или водкой – кто что нальет. Но горе утопить невозможно, оно, оказывается, умеет плавать.

Минька теперь живёт у отца. Он встал, побрился дрожащими руками, подошел к колодцу, выпил глоток холодной воды. Во дворе, как раньше, не слышно голосов детей, нет домашних птиц и животных. Только тишина и темный вход в хлев без дверей пугающе давили на него. Что-то светлое на миг мелькнуло в его душе, так захотелось вернуть назад облачко семейного счастья. Были сладкие дни в этой жизни: мать, любовь, жена, маленькие дети. Всё исчезло, всё пропало. Отец перестал разговаривать, смотрел на него, как на пустое место. Кто в этом виноват?

Теперь он поднимает рюмки одну за другой за здоровье чужих ему людей. Появится «халтура» – хозяева часто расплачиваются бутылкой самогонки. Пожар унес жизнь детей, и рухнуло с трудом налаженное семейное житьё. Оно утекло со слезами Фаи, оставив Миньку одиноким. У него теперь только два выхода: вернуться к нормальной, человеческой жизни или уйти из неё.

Всё вокруг для Миньки не имеет никакого смысла. Он вспомнил, что вчера в колхозе резал трехгодовалого быка, сломавшего на крутом мысе у Хирлепа обе передние ноги. За работу с ним рассчитались мясом, он продал его за полцены. Купил бутылку водки, остатки денег спрятал дома. Куда положил, никак не может вспомнить. Перерыл весь дом, каждый угол, каждое укромное место. Наконец-то вспомнил, что деньги лежат под печкой в старом чугушке. Вытащил, пересчитал, осталось шестнадцать рублей. Проживет ещё.

Минька поплелся в магазин, торопился получить очередную дозу вожделенной жидкости. Даже не посмотрел на стоящих около Кураковых женщин. Они кого-то обсуждали, может, его, Миньку? Мысли были только об одном. Зина Лукина клиентов своих давно изучила. Увидев Миньку, вытащила стакан и бутылку. Сначала он попросил сто грамм, трясущейся рукой выпил, вынул из кармана засохшую корку хлеба. Погрыз и положил обратно в карман. В его глазах появилось выражение полного довольства, но губы скривились, и он с ухмылкой сказал:

– Здравствуй, Зина.

– Привет, ещё что?

- Дай пол-литровую.
- Вот обрадовал, деньги вперед.
- Без денег, – попытался пошутить Минька.
- Вон, палку видишь, – указала Зина на увесистую дубину.

Он понял, не стал дразнить продавщицу, из кармана вытащил деньги и расплатился.

Домой доплелся навеселе, предательская слабость в ногах в последнее время не давала покоя. Он знал, что это пройдет после второй рюмки, и плотнул прямо из горлышка.

Вечером с работы пришел отец. На столе стояла пустая бутылка, половина стакана недопитой водки, а холодное тело Миньки лежало на полу...

Отпевали в доме старухи. Петрук Соколов из Иртеменкас хотел было привезти священнослужителя, но тот отказался отпевать человека, умершего от пьянства.

Жизнь Миньки уложилась в нескольких теплых словах родных, друзей и знакомых. Человек родился, учился в школе, десять лет отсидел в тюрьме. Похвальные грамоты и медали у него на стенке не висят. Уснул вечным сном, нашел место рядом со своими детьми, около Максима и Дины. Проводили человека в последний путь, зарыли и отправились помянуть...

После похорон старики и старушки шептали Петруку Соколову вслед: бог жестоко наказал его за все грехи, жил неправильно, в молодости гулял, издевался над людьми и женой. Такой вот конец...

14

Вчера Василиса проводила домой брата Эрхипа. Недавно у него родился третий сын, сам работает садоводом в колхозе, задумал снести старый дом жены и на этом месте построить пятистенку. Приехал в деревню попросить родных помочь поднять дом. Василиса вытащила небольшую заначку, положила перед братом. Родня удивленно смотрела на неё – дома семеро детей, не всегда хлеб на столе, а последние копейки брату отдает.

У деревенского магазина в день завоза хлеба собираются женщины и открывают митинг, перебивая друг друга, обсуждают очередные новости и ищут жертву для пересудов.

Такие бабы в каждой деревне найдутся, без них ни одна скандальная история не обходится. Чем старше становятся эти женщины, тем колючее их слова. Разговор начинают о жизни, но, как часто случается, вдруг, ни с того ни с чего кого-нибудь начинают шерстить. Сегодня взялись за детей. Главный вопрос – почему они по вечерам шастают по деревне, чего они ищут?

– Много детей растёт без отцов, на славу погуляли мужики по деревне, теперь за этой безотцовщиной глаз да глаз, – твердила Анук Апанасова.

– Владик Алексеев и Валера Ласточкин организовали команду, – присоединилась к ней Марья-Воробыха. – Они безобразничают!

Василиса в это время выходила из магазина, услышав имя своего сына, остановилась. Слушать слова Марьи не всегда приятно.

– Чего ты мелешь? – резко высказалась она.

– Я не про себя, с утра Катя Моисеева жаловалась, ночью из погреба трехлитровую банку самогона утащили.

– Она поймала моего сына?

– Увидела, как двое убежали.

Немного передохнув, Марья-Воробыха при всех громко продолжила:

– От имени сельчан надо написать заявление в сельсовет, отправить их в интернат.

– Что!?! – вытаращила глаза Василиса. – Моего сына! Дочерей своих устрой в сумасшедший дом, умом они далеко не ушли! Мой сын в школе учится хорошо, в колхозе передовик, у него трудней больше чем у тебя.

Она защищала сына, не давая рвать, как заблудшую собаку.

Нина Константинова поддержала Василису.

– Хватит во всех грехах обвинять только этих парней, что, твои сыновья лучше? – резко надела она на Анук Апанасову. – Дети со всей улицы ревут из-за твоего старшего – рогатку из рук не выпускает! Самогонку не дети, а взрослые унесли, с утра некоторые пьяными шатаются. Владик и Валера весь год трудятся, на таких подростках и на бабах держится колхоз, а мужики стали учителями, продавцами и механизаторами, выходные себе устраивают, пузо греют на крылечках.

Владик в это время стоял за магазином. Он в малиннике нашел куриное гнездо, где лежало больше десяти яиц. Только подумал отнести в сельповский магазин, но как увидел женщин и услышал слова матери, остановился.

«Правильно, выказала им зубы... А то будут ездить», – с гордостью подумал он о матери. Мучительно соображал, выйти к ним или остаться в кустах. Выйти не посмел. Женщины одна за другой поспешили покинуть магазин.

Владик собрал яйца в кепку и передал матери, ругая куриц: – Совсем обнаглели, где попало несутся.

Мать убрала яйца, но про разговор у магазина ничего не сказала, торопилась в колхоз на работу.

В прошлый год Василиса не смогла выполнить установленный минимум трудодней. Бригадир Степан Апанасов весной отказался вспахать огород. По этому вопросу председатель Харитонов специально собрал заседание правления. В списке людей, не выполнивших трудовой минимум, оказалась и Василиса. В одночасье она сравнялась с пьяницами, праздно шатающимися по деревне и шабашниками, выезжающими на летний сезон за большой зарплатой на Север. У некоторых женщин мужья работают в различных государственных организациях и учреждениях, ежемесячно получают неплохую заработную плату, а они сидят дома круглый год. В семье Василисы таких доходов и возможностей нет.

«Пусть так, – успокаивала она себя. – Вручную перекопаем весь огород». Но Апанасов как с цепи сорвался. Всем попавшим в этот список покоя не дает, с утра стучит в окно, поручает конкретную работу то на ферме, то на сортировке зерна на посев. Если на работу не выйдешь, обзывает всякими нелестными словами, страшает, что отрежет огород. Трудно отказаться.

Василиса закрутилась. Дети одни копают огород, работа идет медленно, земля начинает высыхать. Это заметил колхозный сторож Петрук Соколов. Вечером вспахал им огород, на утро попросил подготовить картофель для посадки.

– Апанасов с председателем этого тебе не простят, с работы могут вытурить, – грустно произнесла Василиса, угощая Соколова свежим пивом. – А ты сам как живёшь?

– Внуков часто во сне вижу, – смахнул Петрук слезы. – Трудно, но держусь.

– Пусть их души будут на небесах, – пожалела этого крепкого старика Василиса. – Ты уж побереги себя.

– Эвон... – Петрук крепко сжал руки в кулак. – Перед хозяином как-нибудь отбрешусь, это Степан перед председателем пляшет, боится, что его по старости снимут с работы. Вот и лезет на людей, как вошь на тело. Ни перед кем я не дрожу. И тебе не советую.

– У меня не получится, – призналась Василиса. – Бригадира на кривых оглоблях не объедешь.

– Не пропадем! Главное, ты не сдавайся, не раскисай, детей поднимай, они у тебя ещё несмышленные. Сын подрос, колхозу помогает, Звезду никому не отдает. Придет Кури – заживете!

Василиса обрадовалась, хоть один человек похвалил сына. Правда, Владик забыл об отдыхе, из школы приходит и в колхоз. Трактористам воду возит, домой возвращается поздно ночью. Волнуется она за него, совсем забросил уроки.

Вечером следующего дня Апанасов обо всём уже знал, обещал отобрать пятнадцать соток огорода. Василиса подумала: «Неужели отрежут участок земли вместе с посаженной картошкой? Ничего! Выкручусь, как-нибудь, поставлю детей на ноги. Старшая Уля замужем, Галина в десятом классе, Владик в этом году восьмилетку осилит, остальные четверо маленькие, но всё же одолеем трудности».

Постарался Апанасов. Проташил решение через заседание правления, в тот же день сам пришел вместе с землемером Качаловым и пятнадцать соток огорода отрезал в пользу колхоза. Слезы Василисы и семь ртов в семье на них не подействовали. Владик стоял около матери и волком смотрел на них.

– Не смей! – строго сказала Василиса, зная характер сына. – Посадят как отца в тюрьму, тогда мне остается только в петлю залезть.

– Нет уж! – сквозь зубы процедил Владик. – Я этого им не прошу.

– Что ещё придумал? – заволновалась мать.

Для острастки шлепнул сына по затылку.

– Чего дерёшься? – споткнулся Владик.

– Душу мою вынимаешь, нет больше сил! – заплакала Василиса.

Владик промолчал, но в душе подумал: «Апанасов совсем обнаглел, его жена за целый год ни разу не вышла на колхозное

поле, возомнил себя барином. Ничего, я у петуха перья обциплю!».

– Не трогай их, они хозяева жизни... – сквозь слезы попросила мать.

– Нет уж, мама! Не позволю им хозяйничать на нашей земле!

– Пойми! Как нам нарезали огород в своё время, так и отнимут, не спрашивая ни твоего мнения, ни моего желания...

Василиса испугалась, сколько раз страдал сын из-за своего дурного характера, сколько раз сам себя наказывал.

В эти минуты она во всём обвиняла мужа. Его в тюрьме кормят, в баню водят, спать укладывают на чистую постель – ни о чём не надо беспокоиться.

По дороге на работу её встретил Петрук, ненадолго остановил коня и прямо сказал:

– Неужто ему земли не хватает? Придет пора, отмерят бесплатно и навечно всем равные участки два на два метра! Баран курдючный!

– Не стоит проклинать, Всевышний сам разберётся, со временем ко всем направит старуху с косой, и тогда всякие земные трудности и неурядицы станут совсем ненужными, только там потребуют отчет.

– Трудно будет вам прокормиться зимой!

– Продержимся, – грустно ответила Василиса. – Нам не привыкать.

* * *

Гена Апанасов рогаткой разбил гнездо ласточки под крышей дома Алексеевых. Глина развалилась и упала на землю вместе с яйцами. Птицы кружились вокруг дома с громким писком.

– Что ты натворил? – заорал Владик.

Гена зло захохотал, несколько раз выстрелил из рогатки в его сторону. Владик на голову надел старую корзину, взял в руки кнут и пошел на врага. Толстяк побежал, но заскочить в свой двор не успел, конец кнута достал его по ногам. От боли завизжал на всю улицу. На крик выскочила его мать Анук и давай орать:

– Бандит бездомный, всю деревню на уши поставил, теперь за моего сына взялся!

Владик не испугался. Подошел к своему дому, собрал куски разорённого гнезда и со слезами на глазах смотрел на разбитые яйца, внутри их просвечивались очертания птенцов.

Ласточки оказались настырными, они не сдались. За несколько дней на том же месте сляпали новое гнездо, снесли яйца, опять высиживают. Вечером Владик об этом рассказал матери. Она вышла вместе с ним на улицу, взглянула на гнездо и ответила:

– Это жизнь, птицы стараются продолжить свой род. Какие молодцы!

Парень ревниво следил за гнездом. Теперь толстяк обходит их дом стороной.

Владик окончил восемь классов. Три дня назад вместе с матерью побывали на Вурнарском кирпичном заводе. По подсказке дяди Борика устроился на работу – укладывать сырые кирпичи под навес на естественную сушку перед обжигом. Молодежную бригаду подростков собрали в большом зале завода, и перед ними выступила симпатичная женщина:

– Я начальник отдела кадров, – начала она короткое знакомство с подростками. – Вы несовершеннолетние, кому нет шестнадцати лет, те будут работать по четыре часа, а у остальных рабочий день длится семь часов.

– Сколько будем получать? – задал вопрос конопатый парнишка из Вурнар.

– Работа сдельная, оплата производится за выполненный объём, – объяснила начальница.

– Всё-таки, если я поработаю ударно, сколько мне отвалят? – упрямо продолжал парень.

– Рублей шестьдесят-семьдесят за месяц.

Парень улыбнулся, вслух обратился к друзьям:

– Магнитофон «Яуза» стоит двести десять рублей...

– Будем работать по две смены! – обрадовались ребята.

– Вряд ли, – остановила их начальница. – Вам запрещено работать сверхурочно.

– У-у-у! – загудели они.

После обеда новички изучали правила техники безопасности, им выдали спецодежду. Фартуки и халаты были большого

размера. волочились по полу, отчего ребята сильно хохотали. Их разделили на звенья по два человека. Владик оказался один, к нему прикрепили девочку, пришлось согласиться.

Мать договорилась с тёткой Устиньей. Владик будет жить у неё в Вурнарах. Она одна. Дети выросли, поженились, построили для себя жильё и отделились. Она с большим удовольствием приютила двоюродного племянника у себя, обещала до сентября присматривать за парнем, как за родным сыном.

Так Владик стал рабочим кирпичного завода. Работа не пыльная, но кирпичи-сырцы весят около пяти килограммов каждый. Их надо взять с тележки, донести метров пятнадцать и уложить на сушку. Он пытался носить по три кирпича, но скоро руки стали ватными, ноги начали подкашиваться. Его напарница – немногословная Лиза – совсем устала, часто смотрела на Владика унылым взглядом, словно прося отдыха. К счастью, остальные звенья тоже не выдержали, устроились отдышаться. К обеду к ним подошел мастер и громко объявил:

– Сегодня вы заработали полбуханки хлеба.

– Как это? – возмутились ребята.

– За смену вы должны уложить четыре тележки, это тысяча кирпичей, на двоих – в два раза больше! – не снижая тона разговора, пояснил мастер. – Некоторые и половины плана не выполнили.

– Какой план? – не понимали молодые рабочие. – Начальница об этом не говорила!

– У нас везде плановое хозяйство, – отрезал мастер.

Владик задумался, они вдвоем за четыре часа уложили всего пять тележек. Лизе одной не справиться, остался на вторую смену, хотя свою отработал. Для себя решил: пока не уложат восемь тележек, с работы не уйдет.

Обедать сел недалеко от Лизы. Вытащил из холщовой сумки полулитровую бутылку молока, кусок хлеба. Увидел, что у девочки одна лепёшка и яйцо. Удивился, живут в поселке, получают живые деньги, а обед такой скудный.

– Хочешь молока? – предложил он Лизе.

Она пожала плечами, открыто постеснялась согласиться. Без всякого сожаления поставил Владик бутылку перед ней, а сам отошёл, чтобы её не смущать. Лиза выпила половину бутылки, остальное оставила ему.

– Почему пошла работать? – спросил Владик.

– Маме надо помогать.

– Она не работает?

– Почему? На этом же заводе обжигает кирпичи. Отец не работает, инвалид, упал с высоты и повредил спину. У меня трое братишек...

– У нас тоже много детей, семь человек. – гордо объявил Владик.

– Отец где? – прямо смотрела на него Лиза.

– В тюрьме.

Лизы удивилась, но побоялась спросит за что посадили.

– В каком классе учишься? – спросил Владик.

– Девятый окончила.

– Думал, ты выпускница.

– А тебе сколько? – поинтересовалась Лиза.

– Скоро пятнадцать исполнится.

– Маленький ты ростом, – сказала девочка.

– На работу не хотели принимать, мать еле уговорила.

– Ты быстрее меня работаешь, мне трудно, – призналась Лиза.

– Вместе интереснее. есть с кем поговорить. – ответил Владик.

Он узнал, что Лиза будет работать до четырех часов, как все местные мальчишки. Мастер разрешил работать Владиду по тому же графику. да и заработок будет побольше.

Прошел месяц, теперь ребята за шесть часов управлялись с планом, сверх нормы успевали уложить ещё по одной тележке. Владик с Лизой от них не отставали. По итогам месяца они получили по семьдесят два рубля. Лиза радостно прыгала, не стесняясь ребят, все были довольны.

– Для себя куплю платье. блестящие боты, остальное маме отдам! – радовалась Лиза.

– Я маме куплю платок, а для себя часы за шестнадцать рублей, – признался Владик. – Присмотрел уже, «Юность» называется, остальные деньги ей вручу.

Завтра выходной. Ребята вместе по железнодорожной линии дошли до вокзала, простились до понедельника. Владик зашел в магазин, купил целый килограмм разных конфет, три кило ливерной колбасы, три буханки белого хлеба и все это богатство уложил в сумку. Поднялся на второй этаж местного универмага,

купил для себя часы с ремешком, потом долго стоял и искал глазами красивый платок. Продавщица с интересом посматривала на него, не выдержав, спросила:

– Какой подарок ищет жених для невесты?

Владик хмуро ответил:

– Для мамы платок!..

Женщина вытащила из-под прилавка красивый, цветной платок и назвала цену:

– Шесть рублей.

Ему понравился платок, и он смущенно спросил:

– Второго нет?

– Это для кого? – удивилась продавщица.

– Для тетушки, у неё живу, работаю на кирпичном заводе.

Она тут же выложила второй платок и получила деньги. Сама не сводила с мальчика удивленных глаз.

Домой вернулся поздно вечером, в избе ярко горел свет. Кроме Галины, все были дома. Альбина, Андрей и Лена играли, а Татьянуш рисовала. Увидев Владика, все вскочили с места, бросились ему навстречу. Он неторопливо выложил на стол конфеты, колбасу, буханки белого хлеба. Похвастался покупкой. Альбина приложила ухо к часам и шепнула:

– Тикают...

Всем захотелось послушать, как ходят часы. Но глаза их не отрывались от стола, ждали, когда мать разрешит попробовать вкуснятины. Она, не торопясь, каждому выделила порции конфет, отрезала по большому куску колбасы и хлеба, остальное убрала со стола. Владик вытащил из котомки два платка и один передал матери, смущаясь, тихо сказал:

– Мама, это для тебя.

Она взяла подарок, накинула на плечо и поинтересовалась:

– Другой для кого?

– Тетушке Устинье.

Василиса тихо опустилась на кровать и заплакала – никогда ей не дарили подарков. Владик сел рядом, пытаясь успокоить, вытащил оставшиеся деньги и положил на её ладони.

– Хватит, мама...

– Может, Галине кофту купим, ей совсем нечего носить? – спросила она сквозь слезы.

Владик утвердительно кивнул головой.

Василиса утром приехала в Москву, заехала к золовке, взяла вещи и поехала по городу. Помогает ей Вера растить детей, но и Василиса сюда с пустыми руками не заходит, то гуся привезет, то банку меда притащит. До вечернего поезда времени достаточно. Её мало интересует Красная площадь, хотя однажды не выдержала, заскочила, своими глазами увидела, как под громкий бой Кремлевских курантов красивые, высокого роста молодые солдаты меняли караул у Мавзолея Ленина. Больше не отвлеклась на разное праздное шатание. Зато досконально изучила, где что продают, куда в первую очередь привозят дешевую, модную, теплую детскую одежду и женское бельё. В одном универсаме чулки городские продают, в другом – женские пояса с резинками, лифчики ажурные, молодежные – их в деревне днем с огнем не найдешь, женщины даже в Чебоксарах достать не могут.

Вот год назад дочь Уля окончила школу с хорошими оценками, поступила в Канашское педагогическое училище. Председатель сельсовета справку не дает – то ли не хочет нарушить закон, то ли издевается. Василиса не выдержала, поехала в Вурнары к брату Борику, начальнику паспортного стола района и обо всем рассказала. Он помог, выдал племяннице паспорт без всяких проволочек, хотя из-за спекуляции московскими товарами отношения между ними испортились. Кстати, нужную справку председатель сельсовета туда сам принёс. Губы надул, обиделся, как будто не знал, что брат Василисы в районе в начальниках ходит.

– Решила меня унизить перед районным начальством? – обиженно выговаривал Антон Куликов. – Сама в колхозе не дорабатываешь, в прошлом году минимум не дотянула.

– Ты ведь знаешь, у меня семеро детей, одна ташу! – защищалась она.

– Надо было думать, когда в постели валялись, – вдруг открыл свою сущность председатель.

Обидные слова оскорбили её, да и жизнь научила защищаться – не оставаться в долгу:

– Ах ты, Кулик! Помню, как жила ваша многочисленная семья. Лапти с ног не снимали, аль выветрилось всё из головы в начальственном кресле?

– Были другие времена.

– Именно другие, подумал, сейчас люди будут перед тобой спину гнуть, до пояса кланяться и вашим благородием кликать!?

– Скажешь тоже, – струхнул Куликов.

Не ожидал председатель, что женщина может так его отчитать, решил побыстрее прервать разговор.

Она еле успокоилась. При людях, может быть, не стала бы высказываться против председателя. А тут на окраине только ветер колышет листья деревьев и солнце следит за их разговором. Что только на неё нашло? А с другой стороны, правильно сделала, а то совсем замучили семью.

Василиса тоже хочет своих детей видеть городскими жителями, там есть работа, платят деньги, никогда не будешь голодным, только не ленись – трудись.

С разными думами не заметила, как день прошел. Она долго крутилась в очередях, но необходимые товары сумела приобрести. Денег осталось на обратную дорогу и на сушки детям. Они дома одни. Давно бы бросила спекуляцию, но без неё не выжить семье. Что касается трудодней и минимума, она немного подсчиталась, с учетчиком договорилась. Теперь трудодни сына записывает на неё.

Детские юбки, кофты, штаны, колготки, женские платья, нижнее бельё хорошо раскупаются. Цену можно увеличить в два раза, постоишь пару часов на базаре – товара нет. Успевай только остерегаться милиционеров. Слишком строгие стали, за спекуляцию сразу протокол составляют.

Не раз приходилось оправдываться перед милиционерами, немного слезу пустить. Два раза оштрафовали, по пятьдесят рублей пришлось заплатить в пользу государства.

На Казанском вокзале она купила билет в общий вагон, он последний в поезде, в Вурнарах Василиса успеет исчезнуть за двухэтажными домами. Милиционеры на станции проверяют всех подозрительных и местных спекулянтов. Отберут товар, обратно не возьмешь. Сюда вложены все семейные деньги. Ничего, не впервой, прошагает одиннадцать верст до Калинина пешком, ноша не гажелая – своя.

Присела отдохнуть на длинную скамейку и вспомнила разговор с участковым Шитовым.

Он тогда напал на неё и серьёзно выговаривал:

– Василиса! Прекрати заниматься спекуляцией! Муж твой недавно с фарзой боролся, теперь ты на мою голову свалилась. Имей совесть.

– Муж, говоришь? – выплеснула она. – Он ноги грел с чужими бабами, пьяный валялся на улице. Дети таскали его домой – то на тележках, то на санках. Теперь греет нары в тюрьме. А мне одной растить, обувать, кормить малюток, кто поможет? Колхоз давно своих тружеников в упор не видит, утром громко созывает на работу, а в конце года молчит – сказать нечего. Может, ты моим детям поможешь?

– У меня своих трое, – обиженно ответил Шитов.

– Не серчай, участковый, – призналась Василиса. – Благодаря этой спекуляции, я по земле хожу, иначе пришлось бы на себя руки наложить... Так что, Шитов, и в дальнейшем буду этим делом заниматься. Если хочешь добра моим детям, лови на базарах татарских и нижегородских спекулянтов.

– Дожил, ты передо мной условия ставишь. Хоть с работу уходи.

– Успеешь, – ответила она. – Я за одну ходку в Москву зарабатываю пятьдесят рублей, а татарин Махмут за один базар коня может купить.

– Ну и загнула...

– Я тебе точно говорю! Была бы моя воля, сегодня бы покинула деревню и устроилась в городе. Вон золовка не успела по вербовке устроиться в Москве – уже получила большую комнату в кирпичном доме. Холодная и горячая вода из крана течет, на кухне газ, повернула ручку – печка затопилась, поставь кастрюлю и вари. Про дрова не надо думать, квартира сама отапливается....

Василисе стало полегче, но базар не бросает. Дети растут: у Ули семья, Галина на стройке в Новом городе, Владик собирается покинуть родной дом, самая младшая – семилетняя Таня-Татьянуш в первый класс пошла.

Однажды дочь Лена, после отсутствия матери более трёх суток, подошла к ней и тихо попросила:

– Мама, ты уже долго работала, посиди, отдохни.

– Нет, дочка... женщину любят, когда она трудится. Устала, ручки сложила – нет её.

– Тогда возьми отпуск.

– В деревне отпуска нет. Для всех женщин есть одна правда: устала, не устала – трудись, найди силы и вкальвай.

– А я буду работать там, где отпуск дают, – ответила дочь.

Запомнила Лена. Недавно к ним приезжала тетя Вера, сестра отца, и громко объявила, что она в отпуске. Двенадцать дней будет отдыхать.

– Как это – отдыхать? – не понимала Василиса. – Ты ведь и так по воскресеньям дома сидишь.

– У Кури, наверное, тоже были выходные дни? – спросила Вера.

– Не помню, когда он отдыхал, – призналась Василиса. – Он был деревенским милиционером, здесь не бывает нерабочих дней.

Василиса больше всего боится не старости, а физической беспомощности. Она понимает, что дети не оставят её одну, но страшно когда самой ни печь протопить, ни обед приготовить, ни в бане помыться. Хочется лечь и умереть тихо, спокойно, без мудреных болезней.

Беспокоится Василиса. Скоро зима, а дома нет дров. Старшие дочери обещали привезти машину дров. «Наверное, у самих денег нет», – подумала Василиса. Пока сама нашла выход, временно устроилась греть воду для тракторов и машин. На эту работу в деревне никто не соглашается, надо встать в три часа утра и до пяти наполнить горячей водой двухсотлитровую бочку. Для этого выделяются дрова, удаётся и для дома вязанку урвать.

Безлунная ночь, темные тучи с утра низко гуляют по ветру.

– Альбина, доченька милая, вставай? – рукой дотронулась она до дочери.

– Опять за дровами? – догадалась дочь. – Вчера только ходили...

– Вставай, иначе зимой замерзнем, – уговаривала её мать.

Альбина вскочила, быстро оделась, пошла за матерью на колхозный двор. Идти недалеко, за огородом конюшня, а за ней кухня, где греют воду.

Василиса торопилась. Быстро зажгла печку и на двойные веревки уложила две охапки дров. Поменьше понесет дочь, а увесистую – сама, на три топки хватит. Шли в сторону дома быстро, оглядывались по сторонам, скоро конюх пойдет на работу.

– Надо эти похождения с дровами заканчивать, – рассуждала вслух Василиса. – Узнают, беды не оберёшься.

Утро было солнечное, тихое. Степан Апанасов спал плохо, всю ночь ворочался, никак не мог найти удобного положения. Вскочил на ноги рано. Успел сходить в правление, получить кое-какие наставления и вернулся домой на завтрак. Второпях не обратил внимания на отсутствие около дома телеги. Проснулся сын Гена, отец попросил его съездить в Услабу, привезти на склад мешки. Он взял уздечку, закрыл за собой калитку. За воротами раздался его возглас:

– Телегу украли!

– Кто?..

– Откуда я знаю! Вечером у ворот стояла.

Степан выскочил на улицу, посмотрел вокруг: никаких следов от колес. Он, задыхаясь от ярости, закричал на сына:

– Сказывай! С кем вчера подрался, кому насолил?

– Ты сам насолил, – буркнул Гена. – Всем запретил держать телеги у дома.

– Ты будешь мне голову морочить!

Гена обиженно рукавом вытер нос и зашагал в сторону конюшни.

Апанасов не захотел сразу докладывать председателю о пропаже. Сам постарается отыскать, из-под земли достанет. Куда денется телега, не спичечная коробка, в карман не положишь. Иначе председатель заставит выложить стоимость телеги, как-никак колхозное добро.

Конюх Егор Николаев, услышав новость, нахмурился:

– Лично сам телегу гнул, передняя ось изготовлена из дуба.

– Помолчи ты! – оборвал его бригадир. – Без твоего нытья на душе скверно.

В это время в конюшню забежала дюжина мальчиков от двенадцати до шестнадцати лет.

– Чего бесятся в такую рань? – спросил бригадир.

– Некоторые ночуют на телегах под навесом, – ответил конюх. – На свежем воздухе легко, да и взрослые не смеют отобрать телеги. Они своими руками отремонтировали, беспокоятся ребята.

Видать, мальчишки узнали о пропаже, наверное, сын проболтался.

– Значит, телегу потеряли? – по-взрослому обратился к нему Владик.

– Тебе-то что! – рявкнул бригадир. – Есть работа, беги!

– Я-то уйду, у меня телега стоит под навесом, дегтем смазанная, не скрипит, а вот Генка ваш пойдет пешком.

Бригадир посмотрел на него, в душе сразу коротнуло: «Точно, эти чертяги телегу увели, спустили где-нибудь в речку Хирлеп».

Владик отошел к друзьям, что-то сказал, вокруг раздался дружный мальчишеский смех.

«Я вам посмеюсь, покажу, где раки зимуют!», – злился бригадир и побежал звонить в милицию. Вскоре около дома Апанасовых остановился тарантас участкового милиционера Шитова. За ним повалил народ – пешком и на телегах, всем ведь интересно.

Участковый вместе с бригадиром обследовал место преступления, нарисовал картину происшедшего на бумаге, стал допрашивать мальчишек.

– Они увели... – твердил бригадир. – Только они.

– Зачем им телега? Не продашь, в хозяйстве без коня не используешь.

– А ты поговори с одним из них, – напирал на милиционера бригадир. – С Владиком Алексеевым поговори.

– Это кто? Сын Кури Алексеева?

– Он самый!

«Да ну тебя, – подумал милиционер. – Дети не додумаются так пошутить. Сам потерял телегу, пытается во всех грехах обвинить пацанов». Но ради приличия нахмурился и сказал:

– Поговорю, со всеми поговорю!

От досады бригадир поднял голову и глазами впился в верхушку большой ветлы, У него открылся рот, будто его ударило электрическим током.

– Вот... это да-а-а!..

– Чего? – Шитов тоже поднял голову вверх на дерево.

Там, на самом верху раскидистой ветлы, висела разобранная телега. Колеса повисли на концах крепких веток, передняя ходовая часть вместе с оглоблями, как пушка, была закреплена на кроне, а кузов вместе с задней осью установлен на две ветки так, что можно птицам жильё устраивать.

Все разом подняли головы, и воцарилась тишина. Первыми не выдержали подростки, захохотали, стали кататься по бревнам.

За ними засмеялся весь народ, отчего грачи поднялись с деревьев и с криком улетели.

Апанасов стоял красный от злости, нутром чуял: «Именно эти стервецы, эти мальчишки устроили всенародную насмешку». Не раз прямо предупреждали, что бригадир нарушает устав колхоза, ведет себя как барин. Придумали наказание. «С другой стороны, у детей не хватило бы силы, взрослые помогли».

Народ деревни недолюбливает Апанасова. Люди старшего возраста помнят его выкрутасы в кресле секретаря сельсовета. Мужики считают его хапугой, сидел несколько лет в исправительно-трудовом лагере и по возвращении поднял дом, построил баню. На какие шиши? Может, в лагерях хорошо платят? В тот год из табуна угнали трёх лошадей, самых сильных и упитанных. Следователи покрутились и решили: «Цыгане умыкнули». В тот вечер Апанасов с незнакомыми людьми гулял, а табун лошадей стерегли мальчишки, не усмотрели, к утру уснули.

– Не могу поверить, – вздохнул бригадир.

– Вещественные доказательства перед глазами, телега найдена, она не сломана, не разрушена, распишитесь в протоколе и получите свою пропажу. – предложил участковый.

– Иди ты со своим протоколом! – махнул рукой бригадир.

– Постой, гражданин Апанасов! – лицо Шитова стало серьёзным. – Когда мальчишек обвинял, просил оформить протоколно, а сейчас отказываешься, можно и поговорить в районном отделе.

– Прости, – сменил тон Апанасов. – Не хотел тебя обидеть.

Взял ручку, не читая, расписался.

– Что же вы не ознакомились с протоколом?

– Наверное, не пропишешь, что телегу туда сам водрузил...

Народ не уходил. Все ждали, как бригадир будет спускать телегу на землю. Если обрежет веревки, она вдребезги разобьется, значит, Апанасову потребуется помощь. Бесплатно никто туда не полезет.

– Ну что, бригадир, ведро пива и литр зеленого, – подошел к нему Метри-Блоха. – Телегу опустим.

– За половину трудодня поработаете...

– Шиш! Придется одному корячиться. Разобьешь, заплатишь тройне.

Председатель Харитонов никому не позволит торговать трудоднями. Поэтому согласился – не захотел продолжать балаган перед всей деревней.

– Магарыч только после работы, – уверенно сказал он.

– Вот это по-нашему! – крикнул Блоха и сразу нашел молодых друзей. Те без промедления полезли на ветлу.

Телегу спустили на землю, разговоры поползли по Нуросскому краю, дошли до ушей председателя колхоза. Харитонов усмехнулся и сказал Апанасову:

– Барские замашки и неуважение к колхозникам никогда к добру не приводят.

Бригадир промолчал. Что скажешь, если председатель прав.

* * *

– Завтра выходим окучивать картофель, – предупредил бригадир Трофимова Володьку. – Конюхам скажу, чтобы ваших лошадей не трогали. Старшим будешь ты.

Трахвима на службу в армии опять не призвали, из-за болезни матери до осени оставили. Он с вечера начал командовать. По списку прошелся по домам, как большой начальник начал толковать ребятам:

– В шесть утра встретимся на конюшне, пусть немного подсохнет роса.

Ребята без него давно приготовились, распределились по парам. Раньше этим делом занимались взрослые мужики. Соберутся, полдня поработают, а после обеда начинают гулять. Картофель цветёт, а они всё окучивают. Это не понравилось бригадиру, в прошлом году поручил окучивать четырнадцати – шестнадцатилетним мальчишкам. Те справились с работой за неделю.

Рано утром следующего дня на картофельное поле у шоссе дорожки прибыли шесть повозок, каждая с двумя лошадьми, с окучивателями на телегах, наполненных свежим сеном. Трахвим к себе в напарники взял Володю Григорьева, два брата – Гена и Володя Денисовы составили вторую пару, Владик Алексеев и Валера Ласточкин были третьими, дальше – ещё три пары ребят. Быстро запрягли первых лошадей, а сменных оставили около телеги, пусть немного подкрепятся, скоро их очередь тянуть окучиватели.

Ребята успели разыграть жребий: кому первыми начинать работу. Владик, как всегда, вытащил длинную палочку и оказался первым, напарник не возражал.

– Готовы? – крикнул Трахвим.

– Да! – ответили все дружно.

Владик натянул вожжи, отпустил ручку лемеха окучивателя, и железное лезвие вонзилось в землю. Лошадь Звезда, почувствовав тяжесть, резко пошла, но быстро перестроилась на легкий шаг. Владик, несмотря на малый рост, ручку окучивателя держал крепко, управлял без больших усилий. От яркого солнца глаза сощурились, лицо стало черное от пыли, только зубы блестели. Сзади них оставалась ровная полоса окученного картофельного поля.

Звезда начала хитрить, опускала морду, несколько раз доставала губами ботву. Владик остановил её и перевязал уздечку чуть выше.

– Вот тебе! Сейчас достань!

Пять кругов пройти оказалось не так просто. От напряжения руки тряслись, а пот градом заливал лицо.

– Шабаш! – скомандовал Трахвим, – Сменщики, вперед!

Валера Ласточкин не стал дожидаться других, быстро сменил лошадь, занял межу и погнал её вперед.

Уставшие ребята упали на землю. Гена Денисов, вытаскивая карты, крикнул:

– Кто в дурака?

Мальчишки устроились вокруг его старой фуфайки.

– Владик, ты чего? – спросил Гена.

– Не хочу, – отказался Владик. – Немного отдохну.

День прошел удачно, успели окучить большой участок поля. Если так пойдет, за пять дней сумеют завершить работу и перейти на второй участок у соснового бора.

Владик домой вернулся после захода солнца. Попросил мать разбудить в половине пятого и провалился – уснул, не притрагиваясь к ужину. Василиса хотя и жалела сына, но подняла его за светло. На следующий день работу начали раньше, к шести часам успели пройти по два круга.

Днем около них остановился покрытый брезентом ГАЗ-69, к ребятам подошел представительный мужчина – это был Илья

Павлович Прокопьев. Увидев картежников, строго посмотрел на ребят и сказал:

– Здравствуйте, молодые труженики! В карты играть пионерам не рекомендуется.

– Здравствуйте, – ответил Гена Денисов, собирая карты. – Мы вышли из пионерского возраста.

– Не все, а вот тебе, сколько лет? – обратился он к Владу.

– Шестнадцать.

– Что же ты такой маленький?

Влад обиделся, но ничего не ответил.

– В каком классе учишься? – спросил Прокопьев.

– Девять окончил.

– После десяти куда?

– Пока не подумал, может, никуда.

– Что так? Математика не по нутру?

Влад без утайки ответил:

– Нет, матери надо помогать.

– Тоже правильно...

Ребята пытливо рассматривали незнакомого человека. Володя Денисов не выдержал, спросил:

– Вы откуда?

– Из области, зовут меня Ильёй Павловичем, я заведующий отделом науки и образования обкома Коммунистической партии. Слышали про нас?

– У меня отец партийный, – присоединился к разговору Гена Денисов.

– Сын коммуниста, а в карты играешь, – пожурил его Прокопьев.

– Это просто так. время убиваем, пока наши напарники пять кругов накручивают.

– Почему тяжелую работу выполняют подростки? – поинтересовался Илья Павлович.

– Взрослые заняты, – подчеркнул Гена.

– Чем же они заняты?

– Работают счетоводами, шоферами, комбайнерами, трактористами, охранниками, конюхами, плотниками, столярами. Мы не новички, второй год окучиваем. Сначала вдвоем вели, один впереди – с лошадкой, другой за окучивателем. Сейчас уже по одному, лошадей приучили шагать по меже, не топтать ботву.

– Это похвально. А каков трудовой распорядок?

– Этого не знаем, работаем с пяти утра до захода солнца. Надо торопиться, вдруг начнутся дожди. тогда в поле не заедешь.

– Не устаете?

– Устаем, ещё как устаем, но родителям минимум по трудовым надо выполнять, – откровенничал Гена.

– Значит, трудовни записываете на родителей?

– На кого же, иначе огород отрежут.

– Кто вам сказал?

– Бригадир Апанасов... У Алексеевых уже отняли, а ведь у них отца нет и семеро детей.

Прокопьев удивился и сделал пометку в своём блокноте.

– В свободное время книги читаете?

– У нас нет свободного времени, – ответил Генка. – Пусть городские читают в пионерских лагерях. В деревне люди трудятся, а там, на Шубашкарском песке народ с утра лежит на солнце, совсем обленился. Пузо нагреют, поворачиваются на бок, на спину, как поросята солнечными лучами жир нагоняют. Я был там однажды, вместе с ними целый день лежал на песке.

– Пузо греют, говоришь. Карты и сигареты тоже из города?

– Мы не курим, только балуемся, – оправдывался Гена за всех.

Он всего на полтора года старше Владика, но ребята не зря его считают взрослым. Вот и сейчас как умно разговаривает, ведет беседу с партийным руководителем. Отец Гены до объединения колхозов был председателем, районное начальство часто останавливалось у них. Взрослые вели деловой разговор о хлебе, о планах, налогах. Гена с Володей, прикидываясь спящими, внимательно слушали разговор, хотя не все слова были им понятны.

– Как в городе? – наседал Прокопьев. – Понравилось.

– Не очень. В деревне лучше. Но я уеду в город.

– Что так?

– Кругом одна маета. В городе отработал восемь часов и отдыхай, воскресенье прихватывай. Два раза в месяц зарплату получаешь – что хочу, то и куплю. Копейку сунул в ящик – стакан газированной воды выплунет, захочешь повкуснее – не жалей три копейки. А здесь на кино ворую яйцо, сдаю в магазин за шесть копеек.

– Кто ещё яйца таскает? – спросил Прокопьев.

Мальчики разом подняли руки, развеселились. В это время сменщики завершили пятый круг, отцепили лошадей. Пришла пора подниматься.

Прокопьев попрощался с ребятами, поехал дальше по своим делам. Вспомнил, что он начинал свою трудовую биографию в этой деревне, учил детей в школе. Быстро пролетело время, вот уже новое поколение учеников выросло. Думал о мальчишках, о маленьком колхозном труженике Владике. Растет трудолюбивое молодое поколение. Разумно было бы приблизить сельские условия труда к городским. Тогда бы никто не помышлял о переезде. Неизвестно, кто через несколько лет останется пахать и убирать хлеб. Жаль, но коренного перелома в жизни села в ближайшее время не предвидится.

16

Несколько лет работы в Калининском райкоме партии и учеба в Высшей партийной школе при ЦК КПСС стали для Ильи Прокопьева подлинной школой жизни. По приезду в город Чебоксары его пригласил к себе первый секретарь обкома Семён Матвеевич Ислюков и в весьма деликатной форме высказал своё предложение.

– Не очень удобно просить вас, первого секретаря райкома партии, поработать у меня помощником, – но тут же добавил. – Я бы очень хотел, чтобы вы не отказались.

Илья Прокопьев относится к этому человеку с большим уважением, ценит его советы и замечания. В знак согласия кивнул головой, отчетливо произнес:

– Справлюсь?..

– Вместе пробьемся! – ответил Семён Матвеевич и крепко пожал ему руку.

Трудолюбие, образованность, понимание создавшейся ситуационной ситуации, умение анализировать статистические данные, решать задачи на местах повлияли на дальнейшую судьбу помощника. Первый недолго держал его на этой должности. Вскоре Прокопьева утвердили заведующим отделом науки и образования обкома партии. Через год на пленуме избрали секретарем обкома по идеологии.

Куда деться? Согласился. Пришлось выполнять основную задачу партии – воспитать нового человека коммунистического общества. Часто ездил по районам, но особенно любил бывать в своём районе. Ему казалось, что там люди особенные, из другого теста. С ними можно решать любые задачи, по душам поговорить, ко всему они относятся с каким-то внутренним пониманием.

Однажды утром первый собрал в своем кабинете помощника и секретарей обкома. В воздухе витала непонятная таинственность, никто не знал, по какому вопросу пригласили их.

– Нас с вами ждет много нового в освоении космического пространства, – торжественно начал Семён Матвеевич. – Скоро мир узнает, что чувашский народ занимает достойное место в великой семье народов СССР.

Собравшиеся переглянулись.

– В полдень прошу собраться на экстренное заседание бюро обкома.

– Семён Матвеевич, – произнес второй секретарь обкома Громов. – Что-то особенное произошло?

– Я ведь сказал: бюро обкома в двенадцать часов дня, – улыбнулся Ислюков и попросил покинуть его кабинет.

– Был серьёзный звонок из Москвы, – сообщил секретарям помощник первого Леонид Германович Тарасов.

Заседание бюро началось точно в назначенное время. Ислюков включил радиоприемник на полную мощность и ждал сообщения.

Все услышали голос диктора:

«Внимание! Работают все радиостанции Советского Союза. Передаем сообщение ТАСС о запуске космического корабля-спутника «Восток – 3». Сегодня, 11 августа 1962 года в 11 часов 30 минут по московскому времени в Советском Союзе на орбиту спутника Земли выведен космический корабль «Восток – 3». Корабль «Восток – 3» пилотируется гражданином Советского Союза летчиком–космонавтом майором товарищем Николаевым Андрияном Григорьевичем. Самочувствие космонавта хорошее. Полёт вокруг земли продолжается...».

– Откуда он? – спросил Громов.

– Сейчас передадут его биографию, тогда узнаете, – многозначительно ответил первый.

Диктор продолжал сообщать о целях этого полёта, что корабль-спутник выведен на орбиту, близкую к расчетной, что с кораблем «Восток-3» непрерывно поддерживается двусторонняя радиосвязь, что бортовые системы функционируют нормально, сообщения о дальнейшем ходе полета будут передаваться всеми радиостанциями Советского Союза. Собравшиеся в безмолвной тишине напряженно вслушивались в каждое слово диктора.

Наконец по радио стали знакомить с биографией космонавта: «Андрей Григорьевич Николаев родился 5-го сентября 1929 года в деревне Шоршелы Мариинско-Посадского района Чувашской АССР в семье крестьянина-бедняка. По национальности – чуваш».

Не ожидал первый секретарь, что серьёзный взрослый народ будет так радоваться. Все вскочили на ноги, громко зааплодировали, стали обнимать друг друга.

– Вот он, наш орёл! – сказал Ислуков, раскрывая газетный лист, специально доставленный сегодня самолётом из Москвы.

На людей с портрета смотрел космонавт, с улыбающимся открытым лицом, чуть прищуренными с лукавинками глазами. Этого чувашского парня звали Андряном.

Прокопьев радовался как мальчишка, никак не мог справиться с эмоциями. Помнит, как в детстве по ночам смотрел на небосвод. Загадочно бескрайним казался этот бесконечный мир. Мать часто повторяла, глядя на звёздное небо: «На глади бездонного моря насыпаны жемчуга».

– Товарищи! – громко объявил Ислуков. – Мы сейчас взволнованы тем, что верный сын советской страны, Чувашской республики, воспитанный партией коммунистов, наш земляк Андрей Николаев совершает полёт в космосе. Это очередной подвиг всего советского народа – строителя коммунистического общества.

В кабинете зазвонил правительственный телефон, все притихли.

После короткого разговора Ислуков в приподнятом настроении сообщил:

– Никита Сергеевич Хрущев поздравил нас с успешным запуском космического корабля «Восток-3» с летчиком-космонавтом Андряном Григорьевичем Николаевым – верным сыном героического советского народа и Коммунистической партии. А теперь мне надо выехать на родину космонавта в Шоршелы.

Ислюков отпустил собравшихся коллег, из приемника лилась песня:

Заправлены в планшеты космические карты,
И штурман уточняет в последний раз маршрут.
Давайте-ка, ребята, споёмте перед стартом,
У нас ещё в запасе четырнадцать минут.
Я верю, друзья, караваны ракет
Помчат нас вперёд от звезды до звезды.
На пыльных тропинках далеких планет
Останутся наши следы!

Через две недели, 2 сентября в Чебоксары прилетел «чуваш с могучим сердцем, житель новой эры» Андриян Николаев. В городе с утра крапал дождь, но хмурые облака непогоды не могли омрачить настроение жителям республики. День вылился во все-народный праздник. По всему маршруту от аэропорта до Советской площади стоят тысячи и тысячи горожан и жителей близлежащих деревень. В руках они держали букеты цветов, портреты космонавтов и руководителей партии и правительства. Андриян Николаев ехал в автомашине ЗИЛ-110 с открытым верхом. Трудно словами передать те чувства радости и гордости, которыми встречают земляки родного человека, они кричат «Ура!», «Слава!», «Салам сана, Андриян!».* Автомобиль остановился на Советской площади столицы. Выступление звездного героя вызвало бурную овацию.

— Дорогие мои земляки, друзья мои! — с репродукторов по всему городу понесся голос космонавта. — Разрешите мне, прежде всего, передать вам большой, искренний привет от моих друзей Юрия Алексеевича Гагарина, Германа Степановича Титова, Павла Романовича Попова, а также от дружной семьи космонавтов, которые готовятся к новому штурму космоса.

Скоро он закончил своё короткое выступление:

— У меня нет слов, чтобы выразить всю глубину благодарности за то, что партия и Родина доверили мне такое ответственное задание...

---

*С а л а м с а н а, А н д р и я н! — Приветствуем тебя, Андриян!

Всюду цветы, цветы. Их подносят простые люди, дети и седые старики.

Началась праздничная демонстрация. Перед трибуной медленно двигаются колонны рабочих предприятий, строек, труженников сельского хозяйства, студенческой и учащейся молодежи с красочными знаменами, плакатами, поздравлениями. Каждый из них желает своими глазами увидеть человека, побывавшего в космосе. Илья Прокопьев стоял рядом с героем, радовался вместе со всеми.

Город Чебоксары со дня своего основания не видел такого праздничного шествия и откровенной радости людей. Вместе с улыбками, восторженными криками людей, из-за туч показалось солнце, осветив своими лучами старинную Волгу.

* * *

Прошло почти десять лет. Скончался первый секретарь обкома партии Николай Анатольевич Вороновский. Встал вопрос о кандидатуре на его место. Выбор пал на Прокопьева. Его вызвали в Москву, к секретарю ЦК КПСС Ивану Васильевичу Капитонову. Разговор состоялся недолгий. Выслушав короткую информацию о делах в Чувашской республике, он сказал:

– Есть предложение избрать Вас первым секретарем Чувашского обкома партии.

– У меня нет технического образования, – ответил Прокопьев.

– Зато партийного опыта достаточно, – возразил Капитонов. – Знаете людей, республику. Нам известны мнения членов бюро обкома, они поддерживают вашу кандидатуру. Для обдумывания и анализа своих возможностей у вас есть сутки. Когда будем у Леонида Ильича Брежнева необходимо дать положительный ответ.

Эта уже была не просьба, а повеление.

Генеральный секретарь пригласил Капитонова и Прокопьева к себе утром. Он поинтересовался состоянием экономики республики. Беседа прошла в доброжелательном тоне. Леонид Ильич остался доволен сообщением секретаря обкома, повернулся к Капитонову и предложил подготовить вопрос на заседание Политбюро ЦК КПСС.

– Настрой хороший, необходимо и в будущем сохранить такую же рабочую обстановку в республике, – объявил Леонид Ильич. – Партия тебе поручает серьёзную работу. Как первому секретарю обкома под персональную ответственность поручаем два задания – ввести в действие первую очередь завода по производству промышленных тракторов и завершить сооружение Чебоксарской гидроэлектростанции. Это значит, в этой пятилетке собрать первый трактор Т-300, в следующей пятилетке – перекрыть русло реки Волга и запустить первую турбину. Справитесь – честь и хвала. провалите – персональное дело будет рассмотрено на заседании Политбюро со всеми вытекающими последствиями.

– Партия мне оказала высокое доверие, приложу все силы, чтобы оправдать его, выполнить поручение Политбюро, – ответил Прокопьев.

Леонид Ильич на прощанье пожелал успехов, дал понять, что «вопрос решен, вы свободны».

В феврале в Чебоксарах состоялась очередная областная партийная конференция, которая поддержала кандидатуру Прокопьева на пост первого секретаря обкома, обсудила основные направления работы республики на девятую пятилетку и на дальнейшую перспективу.

Теперь для Чувашии главными, жизненно важными объектами в промышленном строительстве стали Чебоксарский завод промтракторов и ГЭС. Прокопьев не стал откладывать в долгий ящик поручения Политбюро ЦК КПСС, собрал большое совещание и выдвинул ряд предложений:

– Для оперативного решения вопросов, связанных со строительством завода, создать штаб ударной стройки под руководством первого секретаря Чебоксарского горкома Коммунистической партии Геннадия Павловича Ковалева, просить ЦК ВЛКСМ объявить строительство промтракторного завода и ГЭС Всесоюзными ударно-комсомольскими стройками и установить городам и районам республики задание по направлению молодежи. Обком комсомола образовал штаб во главе с первым секретарем Леонидом Тянговым.

Руководители районов заволновались. Первым на трибуну вышел председатель Вурнарского колхоза имени Ленина, Герой Социалистического Труда Доманин и резко сказал:

– Насколько я понял, на строительстве завода промтракторов будет трудиться около сорока тысяч человек, столько же на строительстве ГЭС. Таким образом, нас, селян, оставят без будущего. Несмотря на все наши старания по улучшению условий жизни, молодежь рванет в город осваивать новые горизонты.

Прокопьев его перебил:

– У тебя никого из колхоза не выгонишь, верёвками тащи – обрежут. Кто ещё может похвастаться такими условиями жизни? Молодожены получают дом с водопроводом и полным двором живности. Понимаю, некоторым нерадивым руководителям придется туго. Оттуда молодёжь уедет. Для них в городе резко возрастает жилищное строительство.

– Про это и говорю, – продолжал Доманин. – Численность населения в Чебоксарах за последние десять лет увеличилась на сто тысяч человек.

– Растет родная столица чувашей! – улыбнулся Прокопьев. – Надо понимать, что строительство Чебоксарского завода промтракторов и ГЭС кардинально изменит облик нашей столицы, промышленность получит мощные трактора, а сельское хозяйство – дешёвую электроэнергию. Наша задача – добиться, чтобы строительный комплекс области стал способным возводить крупные промышленные предприятия. Насчет сельского хозяйства мы поговорим на следующем пленуме.

– У нас про сельское хозяйство вспоминают только тогда, когда жареный петух клюнет, – выразился кто-то из зала.

Теперь Прокопьев не выдержал:

– Итоги прежней пятилетки неутешительны. Урожай зерновых по республике составил всего 16 центнеров, а картофеля – 104 центнера с гектара. Про производство продукции животноводства стыдно говорить. С такими показателями далеко не уедешь. В этой пятилетке нам необходимо собрать зерновых не менее 20 центнеров, а картофеля более 140 центнеров, тогда мы займем передовую строчку. Надо усилить работу по выращиванию товарных овощей, увеличить поголовье крупного рогатого скота, птицы, свиней и овец. Поскольку в республике возможности расширения площадей под кормовые культуры исчерпаны, предстоит делать упор на повышение урожайности за счет мелиорации земель, внесения

удобрений, внедрения прогрессивных технологий возделывания и заготовки кормов.

В зале стояла полная тишина. Прокопьев продолжал выступление:

– Нам необходимо обновить машинно-тракторный парк колхозов и совхозов, чтобы на один эталонный трактор приходилось не более 100 гектаров пашни. Успех дела на любом месте зависит от кадров, от уровня теоретических знаний инженерно-технического состава и сельскохозяйственных руководителей. Без практического опыта тоже не обойтись, но одно понятно: со старыми методами управления производством и сельским хозяйством далеко не уйдем.

– Сельхозпродукция закупается ниже её себестоимости, – не унимался Доманин.

– Пока сельское хозяйство не имеет достаточно продуктов для переработки, – ответил Прокопьев. – Значительная часть базовых сельхозпредприятий, организаций строительства, бытового обслуживания и торговли размещены в городах. Переработанную продукцию колхозники покупают втридорога. Началась цепная миграция сельского населения в город. Надо возвращать долги селу. Эти вопросы рассмотрим на специальном пленуме обкома.

Зал зааплодировал, поддержал Прокопьева в своих начинаниях. Эта была первая публичная победа нового партийного руководителя республики. А впереди непочатый край работы: до перекрытия русла Волги необходимо переселить десятки деревень. Чебоксарское море затопит немало сельскохозяйственных земель. Об этом следует помнить при подготовке к пленуму, ещё раз всё подсчитать и посоветоваться со специалистами. Само собой понятно: молодежь республики рванет в город по комсомольским путевкам и самостоятельно, в деревнях их никто не удержит. сейчас у всех на руках паспорта.

Родился первенец, сын, родное существо. Жизнь Ули изменилась. Всё, что бы она ни делала, мысли её крутились вокруг ребенка. Хотелось вырастить мальчика здоровым и крепким, радоваться его первым улыбкам, шагам, словам.

Когда сын заболел, все другие заботы ушли на второй план. Бедой наполнилась жизнь. Ребёнок плачет не переставая и день и ночь. Уля сходила с ума от страха за жизнь ребёнка.

– Что ты так напряглась? – как-то безучастно упрекнул Мигулай. – У всех маленькие дети болеют. Подумаешь, какая-то грыжа.

Уля злилась, но вида не показывала, молчала, только её сердце не знало покоя.

«Что с него взять? – подумала она. – С рождения маленького сына ни разу ночью не взял на руки. Чуть что, толкает меня в бок и недовольно отворачивается к стене. Мол, чего спишь, не слышишь, ребёнок плачет?».

В это время её раздражение льется через край, готова поколотить мужа, чтобы почувствовал на себе боль. Напрасно она предается суетным желанием, муж уже видит очередной сон.

Уля отчаянно ходила по поликлиникам, но безрезультатно. Врачи настаивают на операции, значит, ситуация тяжелая.

Однажды на улице встретила деревенскую подругу. В школе вместе учились, на посиделках коротали время. Не выдержала, поделилась с ней своим горем, не смогла промолчать.

– Подожди! – успокоила её Лена. – На левом берегу Волги, в Кукшумке живёт старушка. Умеет заговаривать грыжи, за три дня поставит сына на ноги.

Уля не знала, верить или нет. Нынче не средневековье, на знахарок не полагаются. Трое суток мучилась, думала о старухе. Кукшумка – небольшой поселок, может, найдет знахарку? Не знает ни фамилии, ни имени. В воскресенье, после очередной бессонной ночи не выдержала, оставила мужа с ребенком, села на речной трамвайчик и через полчаса оказалась на левом берегу. Ей повезло – первая встречная женщина, не успев дослушать вопроса, показала дом, где проживает старушка.

– Проходи, проходи... – открыла дверь грубоватая рослая знахарка. По годам ей давно перевалило за семьдесят лет. Уле стало не по себе, хотелось развернуться и уйти, но ноги не слушались. Присела на стул, сразу и запутанно заговорила:

– У сына грыжа, врачи говорят надо операцию, ночами кричит...

Уля почувствовала себя совсем беспомощной, затерявшейся в клубке неразрешимых проблем.

– Паховая или на животе? – спросила хозяйка.

Расспросы уняли волнение Ули. На вопросы отвечала четко, учительские навыки сказались. Вспомнив мучения сына, она тихо заплакала. Старуха не пыталась её успокаивать, дала попить горького чая. Дышать стало легче, тогда только вспомнила, что даже не спросила имени этой старушки.

– Елизаветой Макаровой меня кличут, – улыбнулась она. – Ты веришь, что я могу заговорить грыжу?

Уля пожала плечами.

– Это хорошо, что не наврала.

– Сколько я должна платить? – спросила Уля.

– Денег не беру. Привези ситца на платье. Гусиного масла купи, триста грамм хватит. В аптеку забеги – широкий бинт потребуется.

Уля всё записала, боясь забыть.

– Сына привези на следующей неделе в среду, – попросила Елизавета Макаровна.

На следующий день Уля начала готовиться. Утром подняла мужа, строго наказала купить на рынке гусиного масла и бинт. Сама с сыном пошла искать ситец. Нашла крепкую, красивой расцветки ткань, хотела угодить Елизавете Макаровне. К вечеру дела уладили, приобрели всё необходимое. В понедельник взяла трехдневный отпуск за свой счет по болезни сына. Привезла из деревни мать, Василиса согласилась присмотреть за внуком. Во время лечения придется в ясли не водить.

Знахарка их ждала, сразу взялась за дело. За ткань не поблагодарила, положила в сундук. С ребёнком Елизавета Макаровна работала одна, молодую маму и бабушку не пустила, попросила посидеть на уличной скамейке. Уля хотела посмотреть в окно, но оно было зашторено занавеской. Ждала истошного крика сына, была готова при первой необходимости забежать в дом. Но ребёнок голоса не подавал.

Прошла неделя. Елизавета Макаровна после каждого сеанса лечения туго перебинтовывала животик, строго предупреждала – не мочить и не развязывать. Уля ежедневно ездила к ней после уроков, сын уже не плакал, во сне улыбался. На душе у неё стало спокойнее, хотелось поддерживать знакомство со старушкой-знахаркой.

После двухнедельного сеанса лечения, Елизавета Макаровна присела рядом с Улей и заговорила:

– Своё дело я завершила. У мальчика больше грыжи нет. Но сына надо окрестить в церкви.

– Я комсомолка и учитель! – испугалась Уля.

– Болезнь этого не ведает и не хочет знать, кто ты и кем являешься! – строго сказала старушка и отпустила их домой.

Несколько дней думала Уля о крещении сына. Одна побывала в церкви, хотела немножко изучить церковный уклад, никогда до этого не заходила в храм. Знахарку послушаться не смогла. Муж не стал её отговаривать, но сам категорически отказался участвовать в церемонии крещения. Коротко ответил:

– Я член партии. работаю в государственном органе – в милиции. Узнают, тут же из партии выгонят и в отставку отправят.

В воскресенье Уля с сыном, подругой Леной, которая согласилась стать крестной матерью, переступили порог церкви. Обстановка храма заставила забыть все сомнения, суетность осталась за его стенами. Вокруг была тишина – настороженная и торжественная. Сдержанные голоса верующих старушек и женщин, отражаясь от стен, не нарушали этот покой. Отсюда не видны улицы города, урчащие машины, вечно куда-то спешащие люди. Узкие окна церкви расположились высоко, и проникающие в них полосы солнечного света рассеивались, творя таинственный полумрак. Росписи стен, огромные иконы – всё создавало декорацию для другой таинственной жизни.

Уля не жила с верой в Бога, верила лишь в справедливость. Теперь ничего не видела, ни о чем не думала, таинство ритуала крещения сына, горячие молитвы священника дали полное облегчение душе. Домой вернулась как на крыльях.

* * *

– Уля Курьевна, вас директор просит зайти, – открыв дверь класса, позвала секретарь.

– У меня диктант, закончу и зайду. – возразила учительница.

– Нет! Он просил срочно подойти...

– Тогда диктуй, всего три предложения.

– Не могу, у меня срочные дела.

– Всегда так, – возмущалась Кириллова.

– Не могут дождаться перемены.

Оставила детей в классе, поторопилась на второй этаж к директору школы.

Второй год работает Уля в этой школе, никак не может привыкнуть к причудам директора. Что так срочно приспичило? Загадочный человек, никогда не позволяет себе повысить голос, хотя в школе работают почти сто человек.

Уля Курьевна постучала в дверь и вошла в кабинет. Директор хмуро посмотрел на неё, кивком головы указал на стул. Она присела, стала ждать объяснений причины такого срочного вызова. Но молчание продолжалось.

– Михаил Никандрович... – попыталась начать разговор учительница, директор её перебил.

– Скажите, пожалуйста, Уля Курьевна, каким ветром вас занесло в церковь, что вы там искали?

Вот, оказывается, что растревожило директора, но откуда он узнал об этом? Кроме неё, подруги и мужа, никто не знает о крещении сына.

– Крестила сына... – робко ответила она, не в силах скрыть произошедшее событие.

– А почему вы не подумали о последствиях, о школе, о педагогическом коллективе, об учениках, обо мне, наконец?

– Откуда узнали? – спросила Кириллова.

– Откуда, откуда? – рассердился директор. – Роно, министерство просвещения республики с утра об этом трубят. Неужели не имели представления, что партийные органы еженедельно проверяют списки прихожан, контролируют происходящие там события?

– Не знала, – удивилась она. – Что мне сейчас делать?

– Писать заявление об уходе из школы по собственному желанию.

– Может, обойдется, – пробормотала Уля Курьевна.

– Прекратите издеваться, из-за вас передо мной закроют все двери учебных заведений! Нас с вами не пустят работать с детьми! Вы соображаете или дурочкой прикидываетесь?

Уля Курьевна заплакала, не хотела покидать стены этой школы, только привыкла, с коллективом подружилась, учеников своих обожает. Директор школы был неумолим, он не может не выполнить приказ вышестоящего начальства.

Слезы капали на листок бумаги, от волнения учительница никак не могла написать заявление «по собственному желанию». Рука дрожала, голова кружилась, она не могла собраться с мыслями.

Зазвенел звонок на перемену, коридор наполнился детскими голосами, она их не слышала, положила заявление на стол директора. вошла в класс. Ученики сидели тихо, ждали её, надо было дописать диктант. Уля Курьевна взяла себя в руки, будто ничего не случилось, продиктовала три предложения и объявила об окончании уроков. Подумала: «Всё, этот урок для меня последний, больше не разрешат стоять у доски».

Дома ждал ещё один сюрприз. Обком комсомола прислал корреспондента местной молодежной газеты «Молодой коммунист». Уля обрадовалась такому повороту событий, она верит в справедливость печатного слова, полностью открылась перед корреспондентом. Девушка внимательно слушала учительницу, время от времени задавала наводящие вопросы, тем самым облегчила разговор. Она обещала откровенно и правдиво написать свой очерк, поддержать Улю.

Через три дня Мигулай принес с работы свежий номер молодежной газеты, молча положил перед женой.

– Вот твоя комсомольская правда! – с иронией сказал муж.

Уля внимательно прочитала очерк, не выдержала. стала анализировать каждое слово, плакала и твердила:

– Этого я не говорила!.. Об этом и не думала!.. Откуда всё это?..

– Партия сказала «надо», комсомол ответил «да»! – зло пошутил Мигулай.

– Почему она так поступила, почему исказила факты? – вытирала слезы Уля.

– Погоди, это цветочки, а ягодки впереди...

– Причем тут ягоды? – не поняла она.

– Притом, последнее слово за обкомом партии.

Скоро заговорили. По радио, в газетах, на всех совещаниях руководителей районного, городского и областного отделов народного образования, на комсомольских и партийных форумах, всё больше и больше приукрашивая, говорили о семье учительницы-комсомолки и её мужа-коммуниста. Самые бессовестные,

активные приходили домой с различными анкетами о роли религии в семье. По решению обкома партии, в педучилище, которое недавно окончила Уля, провели специальное собрание, а потом, в школе, где она работала, провели кустовое совещание школ города. Скоро «религиозную» учительницу вызвали на заседание бюро областного комитета комсомола и вклеили строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Уля, несмотря на эти трудности, верила, что придет время, она продолжит учить детей познавать мир. Но в реальной жизни на работу нигде не принимали, как только открывали личное дело, сразу отказывали, хотя во многих школах нужны были учителя младших классов. Только в одной, вновь открываемой школе, с ней поговорили по-человечески. Уля не стала ничего скрывать, рассказала о причинах крещения сына. Директор школы внимательно выслушала исповедь молодой учительницы. Закончив рассказ, Уля тихо спросила:

– Вы меня возьмёте на работу?..

– Придется, не оставляйте же с такой проблемой молодого педагога.

– Вас могут наказать!

– Волков бояться – в лес не ходить. Я вновь назначенный директор, придется промолчать, начальство о вас сразу не узнает.

– Когда на работу?

– С сегодняшнего дня, примите второй «А» класс, учительница серьёзно заболела, работать с детьми некому.

Директор пригласила заведующую учебной частью. Высокая и стройная женщина в ярко-синем костюме легкой походкой вошла в кабинет директора. Прочитав личное дело новой учительницы, немного нахмурилась и сказала:

– Подождите, пожалуйста, в коридоре, мы обсудим некоторые вопросы, – в голосе её звучали тревожные нотки.

Уля Курьевна встала и вышла, присела в коридоре на низкий подоконник, стала ждать окончательного решения. На душе было тревожно. Но зря она беспокоилась – вышла заведующая учебной частью и повела её в учительскую, а по дороге строго сказала:

– Всё зависит от вашего отношения к детям, поблажек не ждите.

– Поняла... – ответила Уля Курьевна.

Илларион и Машшук Кирилловы прочитали статью о невестке, газету показали старикам. Захар Узяков возмутился, попросил их съездить в город, хоть немножко утешить молодых. У Кирилловых была и другая весомая причина для поездки – дети ещё в прошлом году получили комнату в двухкомнатной квартире, хотелось взглянуть своими глазами на их городское жильё. Утром они выехали в Чебоксары. Позвали и Василису, но она отказалась:

– Недавно навещала мужа в тюрьме, заезжала и к молодым.

Старики говорили, когда собирается домашний человек в дальнюю дорогу, обязательно начнется пурга. Сейчас не зима, но на дорогу в город потеряли целый день, хотя он находится всего в шестидесяти верстах от деревни Услаба. Не предупредили они детей о дне приезда, собрались и поехали.

До города добрались с приключениями – от деревни Юпрямы до Турун автобус пришлось тянуть на веревках. Тридцать лет строится дорога Нуросово – Чебоксары, никак не могут завершить работы. Асфальт заканчивается за Юндабинским лесом, дальше ведутся ремонтные работы, ездят только по временной дороге. После недавних осенних дождей она раскисла. Пассажирам пришлось стать сухопутными бурлаками – на двух веревках тянуть машину. Испачкались, но это не испортило настроение, дальше благополучно доехали до города.

Илларион и Машшук без особого труда нашли нужный дом, он расположен рядом с железнодорожным вокзалом, шагать пришлось недолго. Поднялись на четвёртый этаж, нашли номер квартиры, на звонки никто не отвечал. Наконец, дверь приоткрылась.

– Чего шумите? – спросила женщина в красивом халате. – Вам кого?

– Кирилловых...

– На выходные они уехали в деревню, придут в воскресенье вечером.

– Как в деревню? – ахнула Машшук.

– На Московском поезде до Вурнар, оттуда на автобусе. – ответила соседка.

– А мы из деревни, – виновато сказал Илларион. – Нам бы переночевать, а утром уедем обратно.

– Дом колхозника недалеко, – буркнула женщина и закрыла за собой дверь.

Илларион развёл руками. Немного постояв, сел на ступеньку и стал рассуждать:

– Когда-то ночевал я в Доме колхозника, но это было давно. Помню, там недорого берут. Да и деваться нам некуда, в ночь в деревню пешком не уйдешь.

Машшук слова не выронила, только пожалела, что не сказала этой женщине, что они родители Мигулая. Теперь уж поздно, придется согласиться с мужем.

Ехали недолго. Кондукторша оказалась приветливая, помогла выйти из автобуса, рассказала, как пройти к Дому колхозника. Теперь они никуда не торопились. Куда спешить? Мигулай и Уля с внуком, наверно, уже в деревне, а они переночуют здесь и утром двинутся обратно домой.

Открыв большую дверь, оказались в квадратном зале. В углу, за перегородкой сидела миловидная женщина.

– Нам бы переночевать, – спросил Илларион.

– Дайте ваши паспорта, – попросила женщина.

– У нас в деревне пока паспорта только молодёжь получает, – виновато улыбнулся Илларион.

– Ничем не могу помочь, без паспортов места не даем, на ночлег не пускаем. Может, у вас есть справка, подписанная председателем колхоза.

– Не догадались. – переминался с ноги на ногу Илларион. – Приехали к сыну в гости, они уехали к нам в деревню. Нам бы до утра где-то приткнуться.

Что поделаешь, Илларион и Машшук не привыкли без причины спорить с людьми. Каждый выполняет свою работу. Не положено, значит, прописано так – без документов никого на ночлег не пускать. Совсем расстроились, себя почувствовали обделенными. Какой паспорт, за тридцать лет совместной жизни, документ о супружестве недавно получили. Не было надобности. В деревне все знают, что они муж и жена, вдобавок пятеро совместных детей.

Казус получается. Телятам и жеребяткам после рождения клички дают, записывают в специальные журналы, на районные выставки отправляют с паспортами. У деревенских мужиков и женщин таких документов нет, а без них даже на ночлег в дом не пускают.

Илларион и Машшук сидели на скамейке около Дома колхозников. Почему так его называли, если тружеников деревень туда не пускают? Куда идти? На улице ночь, придется ждать утра, нагрянет трудовой день, и начнут ходить автобусы.

– Посидим, о жизни подумаем, – успокаивал жену Илларион.

– В лесу до самых морозов ночевали на телегах, – согласилась Машшук.

Это город, не в поле, не в лесу ночевать. Здесь живут разные люди: встречаются хорошие, плохие, весёлые и хмурые, жизнерадостные и унылые... Они не разговаривают со встречными, незнакомых не приветствуют, вечно куда-то торопятся. Когда спросишь, отвечают отрывочно, непонятными фразами, а в глазах настороженность. Впрочем, многие представления не имеют, где находится та или иная улица. В городе люди не понимают, почему у одних на ногах сапог, а у других – лапоть.

Ночью к ним вышла хозяйка дома, позвала их. Завела в какую-то темную комнату, включила электрическую лампочку, поставила перед ними две раскладушки.

– Не могу смотреть, когда люди страдают, – пояснила она. – Откровенно скажу, нельзя быть такими нерешительными, смелее надо действовать.

Слова предназначались Иллариону.

«Трусом я никогда не был, – подумал он. – Но на рожон лезть не приучен».

– Нам не трудно, привычно на скамейке поспать, – ответила за него Машшук. – Спасибо тебе, барышня.

– Когда-то была барышней... До шести утра можете спокойно спать. Я вас разбужу. В семь у меня пересменка, вам придется уйти. Откуда будете сами?

– Из Услабы, Нуросского края, – заулыбалась Машшук.

– Всё ещё Нуросом называете.

– По-чувашски так именуется. Все говорят «Нурос».

– Не знаете Хайтовых?

– Была большая семья... Федора Васильевича помню, его сестры вышли замуж, теперь другие фамилии носят.

– Живы и здоровы?

– Шагают по земле.

– Мои родственники.

– Постой, постой, – подошел к ней Илларион. – Ты не племянница покойного Федора? Самого Василия Хайтова в тридцатом году раскулачили, семью в Сибирь отправили. Как вас зовут?

– Полина.

– После войны Федор Васильевич, ваш дядя, работал лесником, наш колхоз в Нуросском заказнике держал пасеку. Часто приходилось встречаться, не одну ночь коротали вместе, медовой баловались.

У Полины глаза засияли, губы предательски задержались, но перед земляками держалась достойно, слез не показывала.

Машшук почувствовала беспокойство женщины, вытатила бутылку молока, хуплу, пригласила отведать с ними еду, ведь с утра у них во рту ни крошки не было. Полина согласилась, принесла три стакана, с большим удовольствием вместе с ними поела.

– Это, конечно, не яшка.* – вздохнул Илларион. – Ни один чуваш без супа день не проведет. Домашняя горячая похлебка доходит только в печи. Вытащишь после работы – пальчики оближешь. Нет яшки – силы нет, поел яшку – силу некуда девать.

Ночной звонок на время прервал их разговор. Через минут пятнадцать Полина робко заглянула в комнату. Убедившись, что гости не спят, стала расспрашивать:

– Как там живётся? Где сейчас базарная площадь? Стоит ли дом рядом с аптекой?

Илларион и Машшук не успевали отвечать на вопросы.

Не удалось отдохнуть, спали не более двух часов, а к шести были уже на ногах. Это крестьянская, деревенская привычка – с первыми лучами солнца встречать день.

– Илларион, – попросила Полина. – Зайдите к Галине и Ольге, передайте от Полины и её детей поклон. Скажите – живы, здоровы. Макара и Клавдию похоронили, Павел на войне погиб.

– Почему сами так долго не виделись?

– На то были причины, а потом связи потерялись.

«Удивительно, – подумал Илларион. – Раньше родные частенько встречались. Заранее готовились, варили пиво, резали барана, гусей жарили. На три дня на телегах, тарангасах приезжали

---

*Я ш к а – суп, похлебка.

близкие люди. Радовались встрече, много говорили, по-взрослому дурачились».

Время и жизненные неурядицы поменяли взаимоотношения. С одной стороны, улучшается благосостояние, с каждым годом становится легче жить. С другой – меняется характер народа. Люди зачерствели, как давно несеемая земля. Стали озабоченными, немногословными. в глазах появилась зависть и недоверие. Что не так, сразу обижаются, пытаются уколоть. В избах радио, телевизоры, никелированные кровати, диваны, кресла, шкафы для одежды и посуды, на столах красивые скатерти, но на дверях замки появились. Раньше двери не запирались, хозяева всегда были готовы встретить гостей.

* * *

Сегодня с утра идёт мелкий нудный дождь. Рваные тучи повисли низко над землей. Захар Узяков хмурится, поглядывая на сползающие по стеклу струйки дождя. На душе тоскливо, неудобно.

К обеду к нему зашел зять Илларион Кириллов.

– Ветер сегодня холодный, – снимая картуз, сказал Илларион.

– Наверное, северный, – ответил Захар.

– Почему?

– Потому что недалеко от нас Северный Ледовитый океан, где лежат льды, лета там не бывает.

– Откуда ты знаешь?

– Умные журналы читаю, вон свежий номер лежит, «Наука и техника» называется.

Илларион взял в руки толстый журнал, повертел, полистал странички, положил обратно на стол.

– О старых временах рассказывает? – спросил он.

– Старые времена, – под нос проворчал Игорь, сын Ульби. – Опять о голоде и сколько все лиха хлебнули?..

В последнее время внук живёт у деда Захара и бабушки Анисы.

– Разве нас поймет нынешняя молодежь? – вздохнул Илларион. – Они представления не имеют, какие мучения мы терпели. Станешь рассказывать, чувствуешь их недоверие.

– Куда им! – поддержал Захар. – В войну хлеб при сорокаградусном морозе женщины, старики и дети молотили. До января

гудела колхозная старая-престарая молотилка. Чаще чинили, чем работали. Ныне на полях картошку не могут вовремя убрать. Из города студентов пригоняют, вместе с ними бородатые ученые люди мешки таскают.

– Чего днём кровать давишь? – возмущенно спросил Илларион у племянника. – Может, голова болит, давление поднялось от тяжелой работы?

– Такова жизнь теперь у молодежи, к вечеру встают, прихорашиваются, готовы до петухов под непонятную музыку ногами трясти.

– Хватит лежать! – строго призвал Илларион. – В колхоз собирайся!..

– Я в колхозе бесплатно не буду потеть, – сказал Игорь. – У меня лежачая забастовка.

– Вот взяли моду, – ворчал Илларион. – Нахватались различных слов и чешут. Что не так, у них начинается забастовка – то «голодная», то «лежачая». Поработали бы как мы, черный хлеб с картошкой казался бы мёдом.

– Не те времена, – сказал Игорь, натягивая брюки. – Было время, да сплыло...

– Что ты знаешь о времени? – возмутилась бабушка Аниса. – Люди засевали поля, отрывая последний кусок от своих детей.

– Дед Тимасси, может, засевал, но Захар Узяков вряд ли последнее положил, – ответил Игорь, зорко следя за дедом. – Раскулачивали не бедных...

Аниса резко повернулась к внуку, её глаза сверкнули молнией, губы затряслись. Ещё минута, она бросится на него. Игорь никогда не видел бабушку в такой ярости и быстро выскочил во двор.

Илларион тоже задумался:

«Как забыть, в 1936-м, мой отец, единоличник Макар Кириллов должен был передать государству почти три бочки молока, сорок весов мяса, двести яиц, пятнадцать пудов картошки, шерсти с каждой овцы и шкуру свиньи. Корову мало кто держал. Такая политика была. Ныне к старому возврата нет, но как-то шиворот-навыворот всё делается».

– Запомню, – почесал затылок Илларион. – Машшук про юбилей поговаривает, пиво поставила, как-никак скоро тебе восемьдесят лет стукнет.

– Стоит ли напоминать о старости? – отмахнулся Захар. – Скользим по жизни, и то ладно.

– Ты уж не гневи дочерей, они давно договорились, – успокоил тестя Илларион. – Приглашай гостей, а с угощением сами разберемся.

– Родные и друзья придут без приглашения, – поддержала зятя Аниса.

– Как там живет Шубашкар? – пытаясь перевести разговор, спросил Захар у зятя.

– Много больших домов, – ответил Илларион. – Надо паспорт получить...

– Зачем тебе паспорт? – поинтересовался Захар.

– Без этого документа даже в дом колхозника не пускают. Илларион рассказал тестю о поездке в Шубашкар.

– Неужели? – удивился Захар. – Зато ныне молодежь гуляет по всему свету.

– Коммунизм строят, – поддержал его зять.

– Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме! – твердо заявил внук Игорь, заходя в избу. – Кукурузным хлебом людей накормим.

– Всё, что мы в жизни пережили, это наше, никто не отнимет, – сказал Захар. – А внук не желает пахать землю.

– Уезжает? – удивился Илларион. – В армию ему когда?

– Осенью, а ныне заключил трудовой договор с комсомолом, будет строить Чебоксарскую ГЭС.

На некоторое время в избе воцарилась тишина. Вдруг Илларион вспомнил, что сюда он зашел поделиться новостью.

– Слушай, тесть, с Петруком Соколовым случилась оказия.

– Чего натворил? – поинтересовался Захар.

– Сам понимаешь, в последнее время народ стал уважать праздники. Мирские или церковные – разницы нет. Да так гуляют, земля трясется, до утра не стихают пьяные песни.

– Каждый вечер слышу.

– Ну вот! Старик Петрук Соколов, Витя-гармонист, Миша Сорокин с мужиками добрались до спирта. Где нашли, никому неведомо. Кто-то с Севера притащил. Не рассчитали мужики, память у всех отшибло, кто у Миши, кто на улице отрубался. Петрук молодец!.. Видит, что остался в одиночестве, налил себе ещё стакан и опрокинул. Стал соображать, домой пора! На дворе ночь,

пошел по деревне. До дома не дошагал, около Малины в голове затормозило. Думал, к себе идет. Время было позднее, ночные петухи пропели. Пьяный-пьяный, но сообразил старик, нельзя будить домашних. Разделся в темноте, дошел до кровати и нырнул под одеяло. Утром встал, по избе Малина шастает, ругается.

– После гибели внуков Петрук горе топит в стакане, – с сожалением вымолвил Захар.

Илларион теперь вошел в раж, ему хотелось скорее дорассказать.

– Дослушай... дослушай! – перебил он Захара. – Значит, проснулся Петрук. Малина по избе ходит. Сам рассказывал: «Лежу, – говорит, – думаю, какая эта нечистая сила притащила с утра эту старуху? Приподнял голову и ахнул: кровать незнакомая, стол, стулья, фотографии на стене, печка – всё чужое. Понял, что по пьянке перепутал избу, попал к Малине. А она-то о чем думает?.. Ходит по избе и похохатывает». На самом деле Малина всю ночь не спала. От страха чуть богу душу не отдала. Думала, покойник Егор пришел с ней расквитаться. Когда очухалась, мертвецки пьяного Петрука разбудить не смогла.

– Откуда такие подробности? – сдержанно спросил Захар.

– Сам! Принародно рассказывал, в шорне мужики со смеху с мест попадали. Теперь он у Малины, насовсем остался.

– Петрук не дурак выпивать, вот и творит срамные вещи, – вздохнула Аниса.

Пришла зима. Женщины по наряду работали на ферме, несколько дней запаривали корм для коров и телят.

Стояли холодные дни. Деревья одеты в мохнатый шершавый иней. Из труб в небо тянутся дымки. Снег искрится под ногами. Мороз зашкаливает за тридцать градусов. Нос не высунешь. Василиса с Ольгой Калисовой спешили домой на обед. Заметив со стороны Услабы санную повозку, остановились. Думали, заведующий фермой торопится. От увиденного остолбенели. На санях лежал гроб, конем управлял Филипп Головлев, на крышке гроба сидел Егор Куликов и ещё один человек, укутанный овечьим тулупом.

Женщины кивнули им, но никто не обратил внимания.

– Куда на ночь глядя? – невольно заговорила Василиса. – Зимний день короткий, после трёх часов темнеет, а уже второй час. Кого хоронят, почему только втроем? Где люди?..

– Петрука Соколова, – пояснила Ольга. – Скоропостижно умер, сердце остановилось. Утром была в правлении, выписывала трактор, из Шохаль надо сено привезти. Харитонов ругался с ослабинцами, требовал отправить мужиков копать могилу. Они сопротивлялись, ссылались на холод. Но, видимо, сумели подготовиться.

– Родные где? – с тревогой спросила Василиса.

– Дочь и внуки дома.

– Как же так, неужели люди стали такими бесчувственными?

– В жизни всякое бывает, но такого ещё деревня не видела.

– Неплохой был человек.

– Но нервы уж у людей помотал, – сказала Ольга.

– Царство небесное! – шептала Василиса, глазами провожая повозку с гробом.

19

День начался с инея, он лежал на земле и острыми стеклянными крошками играл в солнечном свете. Зимний день окутал деревню. Шумными стаями кружились над ветлами галки и вороны. Утренний холод обжигал щеки и нос. Ветер и крепкий мороз пришли с севера. Роща Ушах темнела вдали серым куполом.

Георгий Алексеев с женой Катериной взялись наводить порядок в избе. С утра начали. Откуда только появились эти клопы, кусают, нападают ночью как фашисты.

– Понятно было, когда спали на соломенных тюфяках, – ворчал Георгий. – Теперь подушки и матрацы пуховые. Вместо самодельных деревянных кроватей, две никелированные койки стоят. Откуда берутся эти твари?

– Ирина Сумарокова неделю назад у нас была, как вшивая кошка чесалась. – ответила Катерина. – Говорила, что у неё лергия на постельный пух.

– Аллергия. – поправил жену Георгий. – Может она от клопов чесалась?

Пришлось старикам перескабливать всю мебель, ошпарить кипятком и обработать дустом все углы. В избе стоит такая вонь – дышать трудно. Ради дочери надо срочно вывести клопов. Татьяна приходит с работы усталая, а уснуть не может.

– Пару дней придется жить в бане, пусть подохнут твари, – предложила Катерина.

За делами Георгий забыл, что Захар Узяков пригласил их на юбилей – восьмидесятилетие.

На праздник он попал только на следующий день, вместе с Катериной пошел в Услабу. Захар и Аниса встретили их радушно: у закадычного друга слезы на глазах. Что поделаешь, выпил немного, а слова поздравлений родных и разные подарки совсем уж растеребили его душу. По-стариковски поделились всеми новостями.

У Георгия в гостях меняется настроение, забывает всё плохое на свете. Там люди становятся другими: старики молодеют, молодые делаются серьёзными, серьёзные люди – весёлыми, малоразговорчивые – болтливymi. Кажется, там они искренне улыбаются друг другу, радуются жизни. Но праздники не обходятся без пересудов. Пусть говорят... Языки без костей... Мало ли с кем Георгий Алексеев не поздоровался, кого-то нечаянно задел колючим словом, не так посмотрел на соседа.

Захар в колхозе давно не работает, занимается домашними делами.

– Почему сельским жителям не увеличивают пенсию? – спросил Захар у друга, будто тот знает все законы.

Георгий пожал плечами:

– Трудно мне сказать.

Георгий тоже пенсионер. Вспомнил свой уход на заслуженный отдых. Директор школы собрал работников, ради приличия сказал несколько теплых слов. Коллеги, улыбались, обнимали, целовали, вручили чайный сервиз на память. С намеком, чтобы дома почаще чай гонял, а не занимался политическими вопросами.

Долго сидели старики и вспоминали былое. Георгий рассказал другу, как съездил на могилу старшего сына Петра.

– Под Смоленском лежит, в братской могиле в деревне Дубровка. Около сорока человек похоронены, на памятнике фамилии написаны. Поклонился, целый кисет родной земли рассыпал на могилу. Двое суток был самым желанным гостем той деревни. Побывал в школе, пионерская дружина встретила меня как отца героя – показала музей, где собраны фотокарточки почти всех погибших. Не выдержал, заплакал как баба. Ради меня одного

концерт устроили, а я, безголовый, не прихватил с собой никаких гостинцев, а оттуда вернулся с большой сумкой яблок и куском сельтисона. Это такая колбаса, из потрохов и свинины готовится как шыртан.

– Младший где похоронен? – поинтересовался Захар, хотя не раз говорили о нём.

– Неизвестно... Лежит где-то под Сталинградом. Может, похоронили, может кости валяются, испепелились на солнце и ветром разнесло. Василий холостой, теперь в Свердловске. Обещает приехать, десять лет дома не показывался, Катерина ждет не дождется, слёзы вытирает. Дочь Нина давно замужем за Герасимом, у них семеро детей, проживают в деревне Хумуш. Средняя дочь Таня работает в районном стройуправлении, по выходным приезжает домой. Младшая Мария на Севере, вместе с Василием трудятся на заводе – им некогда побывать в родной деревне. В Ярмушке проживает сын Николай, недавно построил новый пятистенок, воспитывает двоих сыновей. А как ваши дети?..

– Старший сын работает в Нуресе, бухгалтером в райпотребсоюзе, – с теплом начала говорить Аниса. – Дочь Машшук уже на пенсии, но колхозную работу не бросает, в свободное время с внуками возится. Шестеро наших правнуков радуют нас, соберутся на летние каникулы, такой гул стоит в избе.

– Ты знаешь, наш внук Мигулай уволился из милиции, работает мастером на агрегатном заводе, – вспомнил Захар. – Уля продолжает учительствовать. У них растут двое детей – мальчик и девочка.

Георгий Алексеев задумался. Говорят, старость – это неспособность в жизни всё начать сначала. Физически невозможно, но душа молодая, неудержимая, крепкая. Старые люди живут в другом измерении, давая положительную энергию молодым. Главное, не сходить с дистанции. У молодых другие законы, они пока не думают о трудностях и старости. Их время ещё не пришло.

Катерина молчала, теперь она мужа не часто ругает, смирилась со всеми его выходками, научилась не выплёскивать желчь наружу. Она обняла за плечи Георгия и тихо запела старую песню:

Добрые кони пройдут–
След остается,

А что остается после нас?
Доброе слово,
Нами сказанное,
Вот что остается после нас!

Домой с юбилея вернулись поздно вечером. Шёл снег, наполняя землю белой чистотой.

20

Кури Алексеев вышел из исправительно-трудового лагеря вечером в пятницу. До завтрашнего утра в сторону Калинино никаких автомашин не будет, решил заночевать у дочери Ули.

Молодые занимались домашними делами. Какие там, в городе. дела: домашних животных не держат, огорода нет, просто перекладывают вещи с одного ящика комода в другой. Уля обрадовалась отцу. Мигулай сбегал в магазин за бутылочкой беленькой, так весь вечер и проговорили о жизни.

Утром Кури захотел посмотреть город, не ходил по его улицам почти двадцать лет. Ну, вот беда, в такой лагерной робе далеко не уйдешь, люди будут от него шараться.

– Погоди, – засуетился Мигулай и вытащил из шкафа сероватый мужской костюм с рубашкой.

– Ты что? – удивился Кури. – Свой костюм мне предлагаешь?

– Надевай, надевай. – настаивал Мигулай.

Уля молча следила за действиями мужа, наконец не выдержала, когда отец вышел в ванную переодеваться, тихо спросила:

– А на выход что будешь одевать?

– Куплю в кредит, серый цвет я не люблю.

– Мы хотели в кредит оформить мне пальто и сапоги, – обиженно сказала Уля.

– Тогда без костюма проживу, – восторженно продолжал Мигулай.

Уля, увидев отца, забыла обо всем на свете. перед ней стоял высокий, представительный мужчина в строгом костюме и смущенно поглаживал руками лысую голову.

– Ух, какой ты красивый, папа, – вырвалось у неё.

– Пойду до базара прогуляюсь, – пытался Кури унять волнение.

На колхозный рынок он пошел вместе с зятем. Уля нашла и для Мигулая поручение: купить свежей капусты и свёклы для борща. Кури хотел всем приобрести кое-какие гостинцы, как-никак он в лагере немного денег заработал, пять лет библиотекарем трудился.

Рынок в городе открывается в пять утра и гудит целый день. Они неторопясь закупили всё необходимое и собрались отправиться домой. Около них остановился незнакомый мужчина и внимательно посмотрел на Алексеева.

– Что-то не так? – спросил Кури.

– Неужели не узнали? Я Прохор Никонов из Ялдыры – дезертир.

– Вот так встреча, – удивился Кури. – Сразу не заметишь, столько времени прошло.

– Почти тридцать лет минуло, из них десять лет на Колыме, – вздохнул Прохор. – Давно хотел выразить тебе слова благодарности, но возможности не было.

– За что? – не понял Кури.

– За то, что поверил в меня. Измучился я тогда, уже готовил для себя сук на большом дубе, да духу не хватило. Твой протокол о моём добровольном выходе из лесу и сдаче органам без сопротивления, спас меня от гибели – расстрел заменили десятилетней каторгой на Севере.

Тут он засуетился, силком повел их к пивному ларьку, «сообразил» три кружки пива, вытащил из холщовой сумки бутылку водки и быстрым движением руки добавил её в пиво.

Помнит Кури слезы матери Прохора и испуганные глаза сестер. Жалость к ним подтолкнула Алексеева к должностному подлогу, он ведь тоже тогда пошёл на риск. Вот, оказывается, о чем говорит Прохор.

– Давайте выпьем за человечность людей, – предложил Прохор, поднимая кружку пива.

Мужики выпили. Потом Прохор стал рассказывать, как его судили, как тяжело жилось на Колыме, несмотря на это, он выжил и теперь вот благодарит судьбу. Жизнь не без сюрпризов. Надо же встретиться именно сегодня!

В тот день Кури так и не попал в родную деревню. Пять лет не брал в рот ни капли спиртного, тут не рассчитал, помнит, как

добрались до квартиры, сели за стол, выпили ещё несколько рюмок за встречу, дальше уже полный провал в памяти. Только на следующий день автобус довёз его до деревни Хумуш.

Как назло на улице оказалось много односельчан, каждый кивал головой и приветствовал, будто Кури из дома отдыха возвратился:

– С приездом! Доброго здоровья!

Что делать? Приходилось отвечать. Он оглядывался по сторонам и удивлялся. Было чему. Многие за эти годы подняли новые кирпичные дома, перед ними обустроили палисадники с яркими цветами. Над отдельными домами просматривались телевизионные антенны, у некоторых – будто напоказ – возле ворот выставлены мотоциклы.

Наконец-то Кури Алексеев дома. Василиса с детьми ожидала его вчера, но по одежде догадалась, что он у дочери Ули заночевал. Приодели его как артиста, хоть сейчас в кино снимай. Дети за эти пять лет выросли, стали самостоятельными в жизни. Галя работает в новом городе на строительстве химкомбината, приехала встретиться с отцом. Владик и Альбина живут и трудятся на Севере. Младшие учатся в школе, конечно, соскучились по отцу. Школьница второго класса Татьянуш в цветистом ситцевом платье крутилась вокруг отца, пыталась о чём-то сокровенном сообщить.

– Папа, ну посмотри... ну глянь... Ты знаешь, кто мне платье купил?

– Видел я тут цыганок, ходили две по деревне. – пошутил отец.

– Галя привезла, – обиделась дочь, открыла сундук и положила перед отцом ещё платье и кофту. – Вот столько у меня нарядов.

Василиса всё в это время сидела у печки и с большим удовлетворением и любовью наблюдала за разговором мужа и младшей дочери.

– Может, песни нам споешь? – предложила она.

Татьянуш побежала в кухню, задернула штору, и через некоторое время вышла к ним с огромным платком на плечах. Ну, просто артистка!

– Выступает Татьянуш Алексеева! – громко объявила она. – Чувашская песня.

В избе раздалась грустная мелодия:

Куда улетаешь, ласточка, сквозь дождь,
Куда улетаешь, ласточка, сквозь дождь,
Кончики своих крыльев, напрягая.
Кончики свои крыльев, напрягая.

Закончив песню, она всем поклонилась и сразу перешла к другой песне:

Батюшка меня за чуваша выдать хочет,
Батюшка меня за чуваша выдать хочет.
Выйду! Пойду!
Я по-чувашски разумею,
Чуваш-жених хлеб убирает,
Убирать хлеб и я люблю.

Все громко зааплодировали. В это время около дома остановилась лошадь, запряженная в тарантас. Все прильнули к окну.

– Илья с Ириной из Ярмушки приехали! – радостно сообщила Василиса мужу. – Иди, встречай.

Кури решительно поднялся, пошел навстречу брату. За ним выскочили дети, потом и Василиса вышла. Галина осталась в избе, стала собирать на стол. Гостинцы отца были кетати.

21

Метри-Блоха теперь сторожит колхозный механический парк. С ним надо быть начеку. Старикан, высохший как многие в этом возрасте, остался острым на язык. В один миг может развеселить до икоты или рассердить до истерики. Зимой носит стеганую фуфайку, много лет один и тот же костюм, валенки, а летом гимнастерку с галифе, галоши с теплыми вязаными носками, даже в жаркие дни не снимает. Его не считают странным человеком. Наоборот, к нему тянутся, хотят побеседовать, получить сильную эмоцию, вдоволь посмеяться. Кури Алексеев в таких мероприятиях не участвует, уходит в сторону.

С утра идет снег. Блоха зашел в правление и сразу взял быка за рога:

– Лишнее сыплет. Чувашская страна большая. Может около Шупашкара маловато, вот там бы и сеял.

В нем сейчас заговорил крестьянин. Он готов молиться «господу богу» или черту, ему всё равно, лишь бы вовремя сыпал снег, шел дождь, светило солнце и в меру дул ветер.

Девушки из бухгалтерии уважают его, сразу предложили чай, но он отказался.

– Нельзя кипятить чай в электрических чайниках. Три минуты и горячая вода на столе, как моча мертвая, – чертыхался Метри.

– Боишься? – улыбнулась бухгалтер Нина Орлова. – Не хочется помирать?

– Надо жить! – отрезал Блоха. – Тут власти обещают, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме, а вы меня собрались травить такой водой. Человек живёт век, а его дела – два.

– Кто тебя возьмет в коммунизм? – пошутила Нина. – Твои дела там не нужны. От тебя толку нет.

– Действительно, в этом году я ни разу не вышел на колхозное поле – не пахал и не косил. Зато охранял колхозное добро. Иначе растащили бы по дворам.

– Ты сегодняшнюю районную газету читал? – спросила разговорчивая Нина. – Там интересная статья про любителей пива, будто о тебе.

– Марают бумагу! – ответил Блоха. – Народу лапшу на уши вешают. Живого человека могут вознести до небес. После смерти начинают мазать дегтем, как ворота испорченной девушки. У меня нет веры писакам. Если уж они такие грамотные, учили бы детей в школе разным премудростям, больше пользы приносили бы. В каждом человеке имеется волчьей шерсти клочок.

Девушки все-таки налили ему стакан чая, Блоха перевел беседу на другую тему.

– Не слышали? В хозяйстве Матюка появился табун – шестьдесят пять голов.

– Не ври у него никогда не было даже старого мерина, – не согласилась Нина.

– Врать не умею... Около его дома стоит автомобиль, говорят, что тянет на столько кобыл. И покраску назвали – мерина.

– Не мерина, а мурена, это сине-зеленая краска, – поправила Блоху кассир Валентина.

Он не стал возражать, нынешняя молодежь теперь много знает. В это время Метри услышал фамилию «Тарасов», сразу переключился на него. Лява – малоразговорчивый, степенный мужик, а люди за нежелание впустую болтать прилепили ему кличку «Неговорящий».

– У него дома жесткие порядки, – начал Блоха свою очередную присказку. – Матрена у Лявы после еды хлебные крошки в руку собирает и в рот кидает. Только после этого стол мокрой тряпкой протирает.

– Это не жадность, а привычка – уважать хлеб, быть бережливой, – не согласилась Валентина.

– Что вы говорите? Такая семья, они стоят друг друга. Жадность прёт из всех углов. Лява утром встает и идет шупать кур, считает, сколько яиц сегодня должны снести. Не дай бог, если вечером он яиц не досчитает, всем достанется.

– Неужели такой жадный?

– У него, если в мёд попадет пчела, поймает, все лапы обсоёт, потом только отпустит.

Народ давно привык к шуткам Блохи, иногда не понять – где правда, где ложь. По деревне ходит слух, что с войны он вернулся контуженным, пуля застряла в голове именно в том месте, где находятся извилины, отвечающие за хитрость и настроение человека.

– Откуда у Неговорящего мед? – спросила Нина.

– После раскулачивания Степановых пасека перешла колхозу, правление приняло решение передать её под надзор отца Лявы. Он был неплохим пасечником. Тарас с детства впитывал все мудрости пчеловодства. Мёд любят богатые и бедные, начальники и подчиненные, даже колхозникам перепадает. Для начальства на складе всегда припасены чиресы, такие маленькие кадушки из выдолбленного дерева с крышкой. Говорили, что старый Тарас заставлял пчел работать даже ночью.

– Как это?

– Уж не знаю, надо у Неговорящего спросить.

Блоха ушёл так же неожиданно, как и пришёл. Вместе с ним слава о Ляве молнией полетела по деревне. Как только он появился у крыльца магазина, где толпились пенсионеры и старушки,

ищущие повод для обсуждения какой-либо деревенской проблемы, Володька Трахвим пошел сразу в атаку:

– Привет, Лява!

– Не глухой. Дальше что?

– Что, что! Говорят, что ты жадный человек.

– Пусть судачат!..

– Колхозных кур надо пощупать, у Василия в Ушахе они с самого утра кудахчут, колхоз план по сдаче яиц не выполняет.

– Это не моё дело.

– А чьё?

– У председателя спроси, может, тебя наймет по договору.

Народ захохотал. Получил Трахвим, нечего вслед за другими язык высовывать.

К обеду Метри-Блоха оказался у магазина, где как всегда стояла и ждала приключений праздничношатающаяся молодежь и вечно что-то обсуждающие старушки.

– В городе можно жить понарошку, а в деревне так не получится, здесь всё всерьез. – начал Блоха. – У нас жизнь идет набело, нельзя ошибаться. если что натворишь, вся округа знает. Город что? Живешь и не знаешь, кто твой сосед. Там не нравится работа – поменял, надоела жена – другую нашел. Нет ответственного отношения к жизни.

– Опять философствуешь, Блоха? – подошла к ним бывшая работница райпотребсоюза, ныне пенсионерка Елюк Ласточкина.

– А ты, Елена Прекрасная, не подскажешь, как раньше ходили в сарафане без панталон? Идут женщины по морозу, а на попе иней. Подумать страшно.

Елюк резко повернулась, будто давно сдерживая на Блоху обиду, раздраженно ответила:

– Женщины теперь в брюках бегают. А вам, мужикам, пора надеть панталоны.

– Не может быть.

– Хватит молоть языком впустую! Займитесь делом!

– Не понимаете вы мужиков. У нас местом постоянной встречи является магазин. Говорим мы о чем?.. О сельском хозяйстве, политике, погоде. Не сплетничаем, о деле толкуем. А женщины что? Собираются у колодца и перемывают кости мужей и друг друга.

– Человек – не орех, сразу не раскусишь. Не соображает твоя башка. Блоха. Именно там рождаются деревенские репутации. Бабы – реальная сила общественного мнения. они определяют политику в деревне. Говорят, что жизнь мужиков бесполезна. Скоро вас спишут из деревни по ненадобности.

– Чего... придумали новые пилюли? Что-то не слыхивал... Куда вы без мужиков? Как только окажетесь в постели, прижимаетесь, начинаете мурлыкать как кошки. Даже пьяных мужей собираете по деревне, домой тащите.

– Перед детьми, перед людьми не хочется краснеть. Поэтому тащим. Не хочется, чтобы вы раньше времени в гроб угодили.

– Трудно с тобой спорить, Елюк, после меня ты в деревне, самая умная.

– Нет уж, ты после меня!

Блоха вдруг заторопился.

– Вон наша радость, спасительница Зина шагает, откроет дверь и душа запоет, – начал он торопить продавца. – Ну что же ты, дорогуша, задерживаешься. Уже иссохли без тебя.

– Не по мне, а по бутылке сохнете! – вздохнула Зина, открывая магазин.

Зина Лукина давно работает продавцом. После средней школы окончила кооперативный техникум, вернулась домой. Вышла за одноклассника замуж, родила троих детей, теперь мучается с мужем. Бывший тракторист пристрастился к зеленому змию, не бывает у него трезвого дня. С работы вытурили, в пьяном угаре перевернул «Беларусь». Пospорил с мужиками, что он, на этом тракторе возьмет красноярский косогор у оврага. Почти заехал, в последний момент переднее колесо наехало на камень, и трактор упал на бок. Поднимали целой бригадой. Председатель колхоза больше к механизму его не допускает.

Зина давно махнула на алкоголиков рукой, но от них зависит выполнение плана магазина.

Блоха сегодня богатый, получил пенсию, имеет право взять бутылочку красненького. Душа не выдержала, прихватил две «бомбы». Пригласил мужиков на свою караулку, выставил на общий кон одну бутылку и радостно воскликнул:

– Хумушский ресторан открыт. клиенты на месте, я угощаю!

– Мы рады, лишь бы без бутылки не присел, – ответил Трахвим.

Мужики пошли ушлые, без собственного стакана из избы не выйдут. Первый опрокинули за здоровье, без всяких тостов, некогда, язык во рту от жажды пересох, нет мочи разговор вести. Скоро повеселели, глаза у всех заблестели.

К ним зашел Кури Алексеев. Он интеллигентный человек, по деревне пьяным не шатается, не всегда готов поддержать компанию прямо у магазина. Сегодня вот в обществе Метри-Блохи, Михаила Павлова, старого Кирука Хвастуна и Володьки Трахви-ма нашёл отдушину. Обратился к Метри:

– Что ты там болтал про баб?

– Когда-то, давным-давно, в старину люди ходили голышом, без одежды.

– Как это – голышом?

– Так... Малевали на теле разные рисунки, прикрывали срамные места лопухом и искали для себя пропитание. Только потом, когда холод наступил, создали жилище и одежду – рубаху, штаны, лапти, кепку придумали.

– Сейчас бы поснимать свою шкуру, – хихикнул Михаил.

– Оно-то вроде можно, но не рекомендуется, – продолжил Блоха не без издевки.

– Почему бы нет?..

– Могут быть разные каверзные ситуации. Вот идёшь весь голый, встретишь на улице Маю Смирнову, она – тоже нагая, как поступишь?

– Побойтся она выходить без одежды. Да и встречаться с ней нет желания, характер у неё дьявольский, как скажет – душа в пятки убегает.

– А я бы раздел её, разрисовал, приготовил натуру для самого известного художника. – поднял указательный палец Блоха. – Такой красоты в деревне не встретишь, тут Боженька постарался.

– Хватить, Метри! – подняла за шиворот старика Мая Смирнова. – Караулку превратили в кабак. Доложу председателю.

Откуда появилась окаянная баба, как догадалась, что разговор идет о ней?..

– Я только помечтал, – стал оправдываться Блоха.

– Тебя за аммонал надо было отправить мечтать в казенный дом вместе с Кури Алексеевым.

– Люди не без греха.

– Прекрати про меня языком чесать. голову оторву и собакам выброшу!

– Что ты, Мая, разве мужик не может говорить о женщине!

– Еще одно слово, я вас сама раздену, – серьёзно предупредила она.

– Ладно. ладно, – засуетился Блоха. – Ты лучше беги в магазин, обновки привезли.

Мужики замолчали, понимая, что Мая дошла до точки кипения. Не раз шутники испытывали тяжелую руку этой красивой женщины.

Младшая дочь Терентия Смирнова с детства притягивала к себе взгляды. В школе училась прилежно. По физкультуре была первой. Танцевала лучше всех, несмотря на крепкое тело, обладала летящей походкой. Выросла. После школы окончила училище, получила права тракториста, вернулась в родной колхоз. Через год стала бригадиром механизаторов, и все удивились, как быстро она взяла в оборот мужиков. Теперь они в нетрезвом виде обходят колхозный двор стороной. Влюбилась. Мечтала о свадьбе, о семье, о детях. Жених видный, свой, но испугался, отменил свадьбу, собрал вещи и уехал из деревни в город, больше не появляется. Что там наговорили ему люди, никому неизвестно. Мая затаила обиду на мужиков, никого близко не подпускает. Находятся отчаянные, пытаются поиграть с ней в любовь, но получают от ворот поворот. Живёт одна, родителей похоронила.

Мая безнадёжно махнула на мужиков рукой и поторопилась в магазин, там женщины примеряли обновки.

22

Харитонов выругался:

– Когда же мы научимся заделывать концы полей? Ведь вдоль можно пройтись сеялкой и всё привести в порядок!

В последнее время он часто ходит по полям. Вот, оказывается, где полный бардак, не засеянными остались все концы участков. Сегодня побывал и около роши Ушах – такая же картина. Домой возвращался поздно. В вечерней тишине сладко дремлют ветлы. Только его жена Лидия не спит. Такая у неё привычка.

пока Григорий не вернется домой и не покормит его ужином, спать не ложится.

Остановился у своего дома и вспомнил критику секретаря обкома партии Прокольева: «Деревенские жители живут рядом со своим руководителем – председателем колхоза. Если у него в доме порядок, значит, и колхоз процветает, дела идут на лад. Если семья аккуратная, дружная, живёт душа в душу, то жители деревни идут к председателю, со всеми проблемами и неурядицами обращаются к нему – для них он и прокурор и судья».

Дом Харитоновых расположен на Восточной улице деревни Хумуши, обшит узкими досками и покрашен светло-голубой краской. Четыре окна, выходящие на улицу, обрамлены белыми узорными наличниками. Ворота русские, стойки дубовые, сверху прикрыты двускатной крышей, как вход во дворец. Дом, хозяйственные постройки, баня – всё покрыто шифером. К воротам идет дорожка, с большой любовью уложенная крупным отсевом собственными руками председателя. Камень со временем так утрамбовался, что в любую погоду под ногами чистота. Возле дома растет зеленая трава, три ветлы, притемняющие в полдень окна от вездесущего солнечного света.

«А что! – подумал Харитонов. – Чувствуется, что здесь живет настоящий хозяин. В колхозе тоже как в кино. Хозяйство принял – ни копейки на банковских счетах. Кругом разруха, не было даже приличной фермы, теперь животноводческий комплекс. Механизация полностью отсутствовала, ныне тракторов, комбайнов целый механический парк. Предмет гордости – Дом культуры, где народ занимается художественной самодеятельностью, ставит спектакли, проводит разные мероприятия. Городские артисты не обходят нас стороной, дорога до ДК асфальтом покрыта. В избах газ. Увидев такое, появляется чувство уважения к труженикам колхоза «Броневик».

Харитонов присел на бревно около дома, но мысли продолжали гулять по прошедшим дням: «Недавно считалось, что девятнадцать центнеров урожая хлеба с гектара – это предел, теперь получаем до двадцати пяти. Молодец главный агроном Воробьев, но в последнее время немного сдал – на здоровье жалуется. Он знает толк в земле, на работе горит. Не раз самолет нанимали,

минеральные удобрения рассыпали по полям: подкармливали озимые, клевер, люцерну. Вывозили навоз, компостировали с фосфоритной мукой, вместе с прошлогодним торфом разбрасывали на поля. Вот когда хлеб уродился!».

Помнит, в один год дожди лили с весны до самой поздней осени. Травы вымахали до пояса, а убрать никак не могли, нигде было сушить. Вот тогда агроном подсказал, что из такой травы выйдет отменная витаминная мука. Купили и за неделю установили агрегат, заготовили столько ценных кормов, горя не знали в ту зиму. С тех пор колхоз не знает беды — ни дожди, ни засуха не помеха. Это намного лучше, чем сунуть коровам по кормушкам прелую, пахнущую плесенью солому. Недавно килограмм зерновых и один рубль на трудодень казались несметным богатством. Сегодня за такую оплату никого в поле не выгонишь.

Мысли Григория Харитоновича прервала жена Лидия, позвала на ужин.

Рядом с ним живёт самая ярая защитница колхозников, которая не раз устраивала схватку с мужем-председателем.

— Прославился колхоз, — сказала как-то Лидия. — Вместе с колхозом прославились люди. По итогам девятой пятилетки десять человек были награждены правительственными наградами.

— Да, у многих на груди ордена и медали сияют, — похвастался Харитонов.

— А у тебя орден Ленина, — не осталась в долгу жена.

Действительно, не по волшебству, не красивыми словами поднимали колхоз. Председатель трудился как лошадь и других заставлял напрячься. Как собственное охранял колхозное добро, никому не давал поблажек. На своей шкуре испытал тяжесть председательской лямки. Старался не для себя, его любимым выражением стало: «Надо думать о завтрашнем дне, о делах и заботах колхозников».

За эти годы Харитонов тоже немного постарел. Волосы подернулись инеем, от солнца и ветра на лице прорезались грубые морщины.

Чуть свет на ногах. В правление приходит рано. Уборщица Таня Калисова, она же рассыльная, каждое утро на него ворчит:

— С работы уходишь поздно, приходишь рано, будто тебе дома не рады. Полежал бы в постели, отдохнул. По четыре часа в сутки спишь, так можно и заболеть.

– Не ворчи, Таня, а сама когда отдыхаешь? – спросил председатель, широко распахивая дверь кабинета. – Ты лучше расскажи, как живут колхозники.

– Жить хочется всем до ста лет, но никто не знает, кому сколько отмерено. Поэтому торопятся.

– Куда?

– Жить!.. Смогри, какие дома поднимают, друг с другом соревнуются.

– погоди, вот проведём водопровод, заасфальтируем улицы, будем жить как в городе.

– Нельзя как в городе, – резко выпрямилась Таня Калисова. – В деревне из трубы должен струиться дым и запах свежеиспеченного домашнего хлеба, а вокруг дома должна расти зелёная трава. А вода позарез нужна, тогда в огородах будет больше фруктов и овощей.

– Преступно очищенную питьевую воду использовать на полив, – искренне ответил Харитонов. – Придумаем что-нибудь...

– Так-то оно так, но без воды ничего не растёт, – гремела ведрами Таня.

– По-моему, ты немного перегибаешь.

– Да, как сказать!.. – ушла от дальнейшего разговора техничка и вышла убирать коридор. Она понимает, председателя нельзя с утра загружать разными вопросами.

Харитонову понятна философия пожилой неказистой и худенькой женщины. В голосе её звучат горестные нотки. Но душа у неё храбрая. Тридцать лет трудилась на ферме, обслуживала до двадцати коров. Холод, голод, тяжёлый труд сделали своё дело: пальцы скрутились как кольца. Когда он увидел плачущую от боли доярку, пожалел, перевел в правление техничкой. Она согласилась. Теперь вот между председателем и колхозницей часто происходит дружеский разговор.

Недавно получил проект новой зерносушилки. Сразу прибавились проблемы. Где достать фундаментные блоки, каким образом выписать кирпич? Был у железнодорожников, у них на путях валяются нужные колхозу строительные материалы. Разговор не получился, у начальника станции свой план – необходимо построить камеру хранения.

Растёт, с каждым днем крепнет колхоз, вместе с ним люди становятся образованнее. Колхоз ежегодно получает около

полумиллиона рублей прибыли. В прошлом году запустили пилораму, правда, она часто простаивает из-за отсутствия лесоматериалов.

Погруженный в свои раздумья, он не заметил, как в кабинет вошел бессменный парторг Осипов.

– Что случилось, чего спозаранку сапоги топчешь? – пошутил председатель.

– Надо подумать о переводе колхозников на денежную систему оплаты труда, – отрезал парторг.

– Прямо беда с тобой. – поднял голову Харитонов. – Конечно, деньги можно раздать, но тогда надо забыть о строительстве зерносушилки и водопровода.

– Заработаем, – не успокоился Осипов.

– Неизвестно, что скажет Всевышний – как зарядит или засушит, ни один агроном не поможет. Наш край называется зоной рискованного земледелия.

– Вспомнил бога... забыл, с чего начинал?

– Мир хлебом держится. Есть хлеб на столе – в доме достаток и благополучие.

– Современная жизнь сыта не только хлебом.

– Чем ещё?

– Повышением жизненного уровня колхозников.

– В колхозе кто-то голодный?

– Хлебом сыты, но не пойдет молодежь работать за трудодни. Хочет хорошо одеваться, жить в доме с удобствами.

– Все удобства во дворе, пусть выйдут, немного свежим воздухом подышат! – начал злиться председатель.

– Нет уж! – прервал его парторг. – Почему-то плетемся в хвосте у «Правды». Они опять нас опередили, уже проводят водопровод!

– По-твоему, я о колхозниках не думаю?

– Этого я не сказал.

– Свет дали, теперь везде – иллюминация.

– Электричество нынче не роскошь, а необходимость, – ответил Осипов. – Но вопрос оплаты труда придется все равно решить, иначе пропадем... На прошлой неделе ты сам подписал два заявления. Оба водителя покинули колхоз и устроились у газовиков, трубы возят. Вчера их увидел, уж слишком довольные.

– Чем же они довольные?

– Зарплатой, – ответил парторг.

Председатель вспомнил недавний разговор с шофером Ласточкиным. Тогда парень с ходу выложил:

– Пойду работать к газовикам.

– Чего тебе в колхозе не хватает? – удивился тогда он.

– Денег! – отрезал Ласточкин. – Живём вшестером в старом доме, ветер гуляет, зимой по углам иней лежит. Колхоз не может помочь, скотину держу, но на базар не хожу, торговлей не занимаюсь.

Харитонов пытался его уговорить, попросил немного потерпеть: так, мол, так... Со временем решим твой вопрос, построим новый дом.

Куда там!.. И слушать не захотел: «подпишите заявление и баста!».

Шоферам и механизаторам в колхозе живётся неплохо. Фиксированные ежедневные трудодни, денежная ежемесячная помощь, по итогам года получают больше всех. Конечно, этого недостаточно, вряд ли за эти деньги построишь дом. Пришлось подписать Ласточкину заявление. Он обрадовался и пообещал вскоре вернуться обратно в колхоз. Вряд ли... От благодати не уходят.

– Давай о деньгах поговорим на правлении, ты, комиссар, лучше подскажи, каким образом достроить водопровод?

– Молодёжь поможет.

– Как?..

– Передовая птичница Роза Александрова является делегатом отчетно-выборной конференции обкома комсомола. Ух, какая боевая девушка! Перед ней открываются все двери. Воспользуемся ситуацией, пусть она во время конференции заскочит в облплан или к заместителю председателя Совмина и попросит выделить дополнительные фонды на строительство такого важного объекта как водопровод. Делегату вряд ли откажут.

Харитонов обрадовался, стал похаживать по кабинету.

– За мудрый совет спасибо!

– За эту подсказку обещаю людям немного денег. Впереди первое сентября, детям нужны книги, новая школьная форма, ботинки. К тебе же колхозники придут.

– Решим, конечно, решим! – вдохновенно ответил председатель.

Через неделю из Чебоксар вернулась Роза Александрова, с улыбкой в лице положила перед председателем фондовое извещение, значит, водопровод будем строить...

В районном Доме культуры с утра толпятся передовики: механизаторы, животноводы, полеводы. Приехали на торжество, посвященное успешному завершению очередной пятилетки.

Праздник удался. Председатель райисполкома вместе с первым секретарем райкома партии приглашали передовиков на сцену, награждали знаками «Ударник десятой пятилетки» и каждому вручали ценные подарки. Вот тракторист калининского колхоза «Правда» получил новую сверкающую гармошку «Тула». Молодой парень взял в руки инструмент и заиграл... Женщины были растроганы. Очередь дошла до передовиков колхоза «Броневик». Им по списку вручали наградные знаки, но они остались без подарков. Торжественная часть завершилась, все вышли из зала, эмоционально обсуждая и показывая друг другу подарки. Члены колхоза «Броневик» без договоренности собрались в углу фойе Дома культуры, сконфужено рассматривали свои награды.

Мая Смирнова повертела в руках знак «Ударник 10-ой пятилетки». Из-под опущенных черных пушистых ресниц глаза у неё сверкали то ли детской тоской, то ли взрослой обидой. Интересно получилось.

– Нас за людей не посчитали... Вручили погремушки и велели в дальнейшем трудиться на благо колхоза без выходных и проходных... – обиженно высказала она.

– Скажи спасибо, что на праздник пригласили, назвали наши фамилии... – вздохнул Виктор Пашанов, в меру поджарый, вихрастый говорун.

– В очередной раз председатель бросил своих передовиков, – глухо произнес Вениамин Петров. – Перед людьми стыдно, пойдем отсюда, тяпнем с горя по рюмочке.

– Мы на концерт останемся, – не согласились женщины.

– Ну, что ж, каждому своё... Пошли, мужики, – твердо заявил Вениамин. – Без нас не уедут.

В это время в их сторону направлялся Харитонов. Будто не понимая абсурдности сложившейся ситуации, издали стал поздравлять колхозников. Женщины ответили, но мужчины поспешили к гардеробу. Они, молча оделись и ушли в чайную, отметить награды.

– Что с ними? – спросил председатель.

– Это у вас надо спросить, – прямо сказал Осипов.

– О чем?

– Будто не понимаете. О подарках... Обиделись мужики, пошли в рюмочную, придется их ждать.

– Ну не успели получить деньги, – ответил председатель. – Решение правления имеется, выписали всем денежные премии.

– Эх ты, Григорий Харитонович, неужели совсем потерял милость, ведь хороша ложка к обеду, – грустно продолжал Осипов.

– Ну, виноват я! По итогам года по гармошке им куплю! – оправдывался председатель.

– Огромную ветлу уронить недолго, а вот вырастить её десяток лет требуется, – в сердцах выложил Осипов.

Не посмел Харитонов бросить мужиков, отправить за двадцать верст пешком, да и механизаторы недолго посидели в чайной, настроения не было.

В последнее время председатель не может найти общего языка с секретарем партийной организации колхоза Осиповым. Слишком уж усложнил он жизнь председателю. Стал защищать людей. Харитонов весной хотел наказать доярок за низкий удой, Кирилл Осипович горой встал на их сторону:

– Сначала обеспечьте кормами. Трактористы привозят сено, вывалят около ворот, а дояркам на руках приходится таскать корм. Третий месяц ремонтируете транспортерную ленту, толку нет. Женщинам приходится вручную навоз чистить. Про автопилку молчу...

– Чего молчишь? Ты ведь секретарь.

– Не освобожденный... За меня кто будет работать в школе? И так дергают: то в райкоме совещание, то политдень – кручусь вокруг да около.

Председатель с ним согласился. В районе слишком увлеклись различными мероприятиями, работать некогда. После разговора с секретарем не стал наказывать доярок, принял срочные меры по ремонту транспортёра.

А вчера Харитонов встретил Осипова около Журавлиного болотца, так называемого в народе «Торна шур»*. Это болотце подняло колхоз с колен. Пришлось, конечно, поработать – осушить его и

---

*Т о р н а ш у р – Журавлиное болото.

спустить воду в Цивиль, благо рядом с рекой расположено. Целый год возили торф на поля. Всем миром старались, никто не ожидал, что колхоз получит такой богатый урожай. Надо было этим раньше заняться, доказать всем, что без удобрений на такой полупесчаной земле не получить отменного урожая.

– Журавли отсюда улетели, не курлычут, не танцуют, их крики не разносятся по полям, – рассуждал Осипов, стоя у болотца. – Родники ушли под землю, не растут больше камыши и дикий хмель.

– Ты что? – рассердился Харитонов. – Меня в этом обвиняешь?

– Не тебя... Себя и всех коммунистов колхоза. Не уследили, за сиюминутную выгоду природу угробили. Забыли очистить родники, нас интересует только сдача хлеба государству. В Москву съездили, привезли дипломы, золотые медали, государственные награды. Теперь нет Журавлиного болотца. Эрозия взялась за работу, вон какой овраг вырыла.

Харитонов в душе с ним согласился. «С оврагами надо разобратся», – подумал он.

Раньше крестьяне с такой бедой боролись самым простым способом: устраивали ивовые загородки. Во времена колхозного строя забыли об этом, в итоге – то там, то тут появились крутые овраги. Два запрудили: в деревнях Услаба и Кивьял появились искусственные пруды. Работали всем миром, даже маленькие дети в ведрах, корзинах таскали землю. Для укрепления берегов посадили ветлы, вон какие уже вымахали. Молодежь теперь там установила скамейки, по вечерам долго не затихают звуки гармошек.

Хлопот у председателя по горло. Не знаешь куда приткнуться, где спрятаться от накатывающих, как морские волны, дел. Не успеешь завершить весенние полевые работы, надо собираться на сенокос. Приходится голос повышать – призвать отдельных лиц к совести и отправить сметывать сено на поле Пикшик. Это битва за урожай – в летние месяцы не замечаешь ни дня, ни ночи. Скоро в поле загудят трактора, комбайны – все при делах, для каждого есть работа. А председателю в это время приходится думать о подготовке ферм к зиме, о выбивании фондов и перевозке минеральных удобрений. Чего ныть, сам согласился... Двадцать с лишним лет Харитонов встает по строгому расписанию – в четыре часа утра и сразу уходит в сторону правления колхоза «Броневик».

За несколько последних лет многое изменилось в хозяйстве. На окраине, у бывшего хумушского озера, где в двадцатые годы Савар со стариками проводил «Чўк», стоит животноводческий комплекс на четыреста голов, рядом возвышается водонапорная башня. Приучили животных к автопоилкам: мордой ткнут на педаль, и чистая вода бежит.

Около трассы Чебоксары – Вурнары – плантация хмеля и хмелесушилка, склады для хранения зерна, кирпичное здание правления колхоза.

В середине деревни – восьмилетняя школа, где обучаются более 200 детей, немного повыше – детский сад на семьдесят пять мест. Малышей там кормят четыре раза в день.

Единственное, что остается неизменной – жизнь. Она идет размеренно, без всяких скачков. В каждой семье, как и много лет назад, домашняя скотина – вечная головная боль и основной источник питания. В деревне не кончается ежедневная суета.

Вечером Григорий Харитонов открыл областную партийную газету и ужаснулся. Опять верхи не поинтересовались мнением председателей колхозов и простых тружеников сел и деревень. Большая передовица газеты разъясняла людям, что многие колхозы скоро будут объединены и на их основе будут созданы большие совхозы.

Григорий Харитонов с утра на работе, из головы не выходит вчерашняя статья в газете. Как-то неладно в жизни получается. Колхоз только что поднялся на ноги, в сводках районной газеты не опускается ниже третьей строки. Новость с района совсем выбила из рабочего ритма: как это – объединить в одно хозяйство сразу три колхоза?

– Что за кикимора? – вслух рассуждал он. – Как руководить такой огромной артелью. Это в кино показывают – председатель принимает захудалый колхоз и через год поднимает его до самых передовых. Для этого нужны свободные средства, где их добудешь?

Харитонов негодовал. Душа свербит, как от чесотки.

– Не можем мы жить без перестройки, то сельсоветы сокращаем и укрупняем, теперь вот за колхозы взялись. Нельзя рушить такое хозяйство! Нейдется в центре нашим вождям, от скуки, что ли, придумали для себя новую игру – внести смятение в души трудового народа, особенно крестьянства. Происходит, какая-та

чехарда в колхозном строительстве. Собрались присоединять к одному хозяйству одиннадцать населенных пунктов!

Не прошло и месяца, как появился совхоз «Октябрь». Председатели бывших колхозов ушли на заслуженный отдых, колхозники стали получать за свой труд мизерную заработную плату.

Но что поделаешь, недолго просуществовал объединенный совхоз «Октябрь», произошло очередное разукрупнение, о чем и предрекал Григорий Харитонов. Ровно через семь лет вновь разделились на три хозяйства. Основными причинами стали трудности, связанные с большими размерами землепользования, частые смены специалистов совхоза, слабая трудовая дисциплина и низкие производственные показатели. Колхоз «Броневик» вновь скатился в отстающие, общественная земля для тружеников деревни стала чужой.

23

День на исходе. Лучи закатного солнца поиграли вершинами высоких ветел и исчезли вместе со светилом за горизонтом.

Василиса с Раисой сидят на уложенных около забора бревнах, оставшихся после подготовки кровельных стропил кирпичного дома, и по-соседски разговаривают.

– Дождалась ты собственного дома, – сказала Раиса. – Вон какой красавец вымахал, улыбаясь, смотрит на улицу своими окнами.

– Жаль мне сына Андрея, ради этого дома бросил в городе хорошую работу, сейчас в колхозе трудится. Все свои деньги и свободное время вложил в этот дом. До зимы туда торопится перейти, в старой хате Мирона уже жить невыносимо, по избе ветер гуляет.

Раиса управилась с вечерними домашними делами, ждет из районного центра мужа. Василисе теперь некуда торопиться, занимается домашними делами: во дворе стоит корова, хрюкают два поросенка и кудахчут десяток кур. По дому управляться помогает младшая дочь Татьянуш. Ей уже семнадцать – птица полётная, собирается уехать в город, поступить в институт.

Женщины то и дело глядели в сторону трассы, откуда должны появиться Григорий Васильев и из школы Татьянуш.

Василиса давно перестала ругаться с мужем. После освобождения из тюрьмы приняла его, ведь они муж и жена, это и бумагой с печатью удостоверено. Кури изменился, но многие старые привычки остались. Захотел поднять руку на неё, но сын Андрей так швырнул его с крыльца, что больше такого он не пытается повторить. «Пусть живет, – думает Василиса. – Жаль его, при семерых взрослых детях по миру негоже шататься».

– О чем задумались, милые подруги?

От неожиданности Василиса и Раиса разом повернули головы. За разговорами не заметили, как к ним подошла Люба Полякова. В последнее время она сдала: лицо вытянулось, кончик маленького носа заострился, волосы совсем поседели, при ходьбе появилась сутулость. Куда денешься? Годы поджимают.

– Сидим и коротаем жизнь, – ответила Василиса.

– А я охраняю своего мужа, как бы по ошибке в чужую калитку не зашёл, – пошутила Раиса.

– Ты откуда так поздно? – поинтересовалась Василиса.

– Из Шубашкар. Пройшла обследование, говорят серьёзная болезнь.

– Что это? – спросила Раиса.

– Да ну их! – беспечно ответила Люба и поспешила в сторону своего дома.

Женщины с большим сожалением глядели ей вслед. Кто скажет, что Любе больше семидесяти лет. Держится как молодуха, шаги ровные и голос не старушечий. Недавно похоронила мужа Ивана. Детей им бог не дал. Теперь коротает жизнь одна.

– Какая неизлечимая болезнь у неё? – продолжила интересоваться Раиса.

– Павлик Денисов, племянник Ивана, который ей во всём помогает, говорил, что начались серьёзные изменения в организме, изнутри её съедает рак.

– Господи, раньше никто не знал о такой болезни...

– Не знали, потому что не понимали, – пояснила Василиса. – До войны я видела таких больных в Нуросской больнице, они сильно страдали от внутренних болей. Ох, как они кричали!.. Сама уколы колола, жалели их, но ничем им врачи

не могли помочь. Столько лет минуло, а лекарств до сих пор не придумали.

— Боже упаси! — Раиса наложила на себе крест. — Не дай бог такое испытывать. Лучше уж лечь вечером, а утром не проснуться...

— Такова наша доля: не знать где и когда...

Раиса, увидев своего мужа, заторопилась, скрылась за калиткой хозяйства. Василиса осталась сидеть со своей думой и воспоминаниями.

Много светлых и пасмурных дней хранит она в памяти. Когда человек не занят работой, то обязательно начинает вспоминать прошлое.

Вчера в деревне гуляла молодежная свадьба, председатель районного промкомбината Иван Матвеев женил сына. Такой свадьбы в округе не видели. Больше десяти легковых автомобилей, разукрашенных лентами и цветами, остановились у Дома культуры. Невеста в белом свадебном платье, лицо фатой покрыто. Везде цветы, ковры, откуда только их притащили? Молодых вместе с родителями встречало руководство колхоза, сельсовета, гости теплыми словами и разными подарками поздравляли. До самого утра в клубе гуляли.

Раньше у многих женщин свадеб не было. Сходились, с утра до ночи трудились в колхозе, рожали детей, воспитывали, на скандалы не жаловались, так и не замечали, как жизнь пробежала.

По большому счету Василиса никогда не позволяла себе перешагнуть черту собственного достоинства.

Болезнь к ней подкралась незаметно — начались боли в груди.

Сейчас жизнь идёт своим чередом, дочери живут в городе, кто-нибудь с семьёй на выходные всегда приезжает. Сын Владик далеко уехал. Там окончил институт, стал строителем, дороги строит на Севере. Чувствовала, что он станет большим человеком, умеет дела доводить до конца. Недавно прислал посылку с копченой рыбой и семьдесят рублей денег. Такой щедрый подарок не остался незамеченным, до сих пор в деревне шушукуются.

— Сердце в последнее время часто болит, — положила руку Василиса на левую часть груди и перевела взгляд на свой новый дом. Ей перестало хватать воздуха, она дышала с трудом. Сознание медленно покидало её, не разрешало умереть сразу.

– Уж вечер, а самолёты всё летают, Татьянуш где-то задерживается... – тихо прошептала она, приваливаясь к бревнам.

Это из окна своего дома увидела соседка Рая. Быстро перебежав дорогу, склонилась над Василисой. В глазах появилось горе и растерянность – она поняла, что подружке уже ничем не помочь.

* * *

Владислав Алексеев давно не был в родной деревне. Приехал на похороны матери. Взрослые дети Василисы тихо стояли у гроба. Никто из них не скрывал слез, сознавая, что мало времени уделяли матери. Каждый, встав на колени, последний раз поцеловал её. Она мертва, но мятежная душа её шептала: «Дети мои, не предавайте друг друга, своих мужей, жен, детей и родных, любите и прощайте все обиды».

Гроб опустили в могилу, Владислав взял горсть сырой земли и бросил на крышку. Рядом всхлипывали сестры.

Василиса мечтала собрать всех родных в новом доме, погордиться перед ними кирпичной постройкой, отапливаемой газом. Не смогла. Вот как получилось. Вместе семья собиралась лет пять назад, когда старшие дети приехали в деревню в отпуск. Мать тогда бегала вокруг стола, то и дело обнимала то одного, то другого своего дитя, тайно вытирая слёзы краешком платка. Теперь вновь семья в сборе. Мать собрала их попрощаться с ней и навсегда исчезнуть из этого светлого мира.

В стороне стоят братья Василисы – Эрхип, Борик и Сорик со своими женами. С ними рядом Машшук с Илларионом, дети и внуки Сергея и Георгия Алексеевых – Нина, Коля и Татьяна. Тихо беседуют соседи – Григорий Васильев с Раисой, Анисия Калисова и старуха Трофимова. Вытирает слезы Ирина Алексеева, четверо её детей смотрят на неё испуганными глазами. Метри-Блоха – Дмитрий Волков тербит в руках свой картуз, о чем-то шепчется с Кури.

Старики не помнят, где же расположен старый хумушский погост – место прибежища предков трёх деревень. Там покоятся близкие и дальние родственники того времени. Почти триста лет назад пожар уничтожил старую деревню Арманкас, люди покинули проклятое место, на берегу реки Хирлеп подняли новую

деревню, назвали Хумуш. Теперь местом вечного пристанища жителей округи является Нуросское кладбище.

– Могилы добротные и нарядные, – сказала Уля. – Раньше не думали о покойниках, ставили небольшие деревянные кресты, а нищие, ночующие в кладбищенских сторожках, срубали их на дрова. Теперь все соревнуются, кто получше могилы родных украсит. Вокруг одни памятники: гранитные, мраморные, железобетонные. Могилы обнесены оградами – высокими, низкими, железными, чугунными.

– А я согласен с такими памятниками, – тихо произнес Владислав. – На давнем участке кладбища даже кресты не сохранились, не знаем, где похоронены дедушка и бабушка. Мне бы хотелось найти и запомнить места их захоронения.

– Как пройдут через эти ограды покойники друг к другу в гости? – сокрушалась старуха Трофимова.

– На том свете преград нет, – ответил Григорий.

Владислав посмотрел вокруг, ему стало как-то не по себе. Везде холмики, могилы знакомых ему людей. На него, с пирамидки, со сверкающей в лучах солнца пятиконечной звездой смотрит дядя Михаил, погибший при автомобильной катастрофе. Рядом с ним – в своё время репрессированный Роман Кураков со своей женой Анастасией, дальше – первый председатель сельского Совета дед Мирон Ефимов, председатели колхоза Владимир Смирнов. Павел Кураков, агроном Семен Воробьев, бригадир Степан Апанасов. Вдоль изгороди – первый комсомолец деревни, бывший председатель колхоза Василий Денисов с супругой, его брат Иван. Недалеко лежит друг детства Валерий Ласточкин. За ним видны фотокарточки мальчика и девочки – это дети Миньки Соколова, трагически погибшие во время пожара, рядом с ними сам Петрук. Дальше с фото смотрят Захар Узяков и Аниса. За двадцать лет полдеревни перешла сюда.

Опустили гроб, закопали могилу и отправились домой помянуть душу православной рабыни Василисы. Люди, тихо разговаривая, садились к столу.

– Лет тридцать назад открыли новый участок на кладбище, первым похоронили самого старого человека Симука Петриванова из деревни Хумуш, – сказал Метри Блоха. – Не успел он отпраздновать свой столетний юбилей. Говорили, что родился под Покров, наверное, в октябре, а ушел в мир иной в Медовый Спас.

Могилу копали у входа, верующие старухи подсказали, что на новый участок необходимо поставить дубовый крест. Молились, чтобы на этом новом участке кладбища покоились только усопшие по старости. Молитвы не помогли, теперь половину кладбища занимают молодые – многим не было и пятидесяти лет. Мест уже не хватает.

– Забыли чувашских богов, – посетовала старуха Трофимова. – Православными стали, лбами о церковные полы стучим, будто гвозди забиваем.

– Ныне все верующие. – продолжил разговор Метри. – День Святой Троицы празднуют всей деревней на кладбище. Люди собираются заранее. Берут отпуска, приезжают, прилетают, приходят на могилы родных со всех уголков России. Обнимаются, целуются, радостно кричат, будто собрались не поминать покойников, а устраивать на кладбище встречу друзей. Народу собирается как на ярмарку, на разных машинах, даже на пожарных своих работников привозят. Ходят по могилам родных, пьют. а потом некоторые там и засыпают, рядом с покойниками коротают ночь. Потом ходят по деревне и хвастаются, какие они молодцы, не испугались. Наверное, родные в гробу переворачиваются.

Трудно возражать ему. Действительно, люди в последнее время переусердствовали, без бутылки ни одно дело не делается, спиваются деревенские труженики. «Эх, как стало трудно жить русскому алкоголику!» – вспомнилась поговорка, распространившаяся после появления в магазинах водки «Экстра» по повышенной цене. Законы приняли, но о людях не подумали. Теперь зеленый змей душит и обирает мужиков. Без бутылки ни но! ни тпру!..

На поминках Василисы в новом доме было сказано много хороших слов. Народ также успел обсудить, как сейчас водится, все деревенские новости, радости-горести и тихо разошелся. Василиса получила свой кусочек земли теперь уже навечно, его уж точно никто не отнимет.

Опьяненный удушливым запахом горящей лампы, Владислав вышел на улицу. Надоели разные вопросы родных и знакомых: «Как дела?.. Где теперь проживаешь?.. Кем работаешь?.. Имеются ли дети?».

Вышел во двор и остановился. Перед ним старый дом деда Мирона, ещё не успели снести. Знакомая дверь открылась с

трудом. Вот оно – детство... Кроватки, стол, стулья, полуразваленная печь, старые скрипящие половые доски. Здесь он жил с родителями, братьями и сестрами. Изба пять шагов в длину и четыре в ширину, печь занимает чуть ли не половину комнаты. Каким образом размещалась в этой избе вся многочисленная семья? Здесь всегда стоял шум и гам. Теперь тишина, зловещая и непривычная.

Две кровати. На одной спали отец с матерью, на другой – четверо младших – Альбина, Андрей, Лена и Татьянуш. ножками пинали друг друга. Старшие сестры и он устраивались на полу, дед Мирон на печке.

Шагами мерил Владислав пустую избу, построенную до войны дедом Мироном Ефимовым. Взгляд упал на стол, не выдержал, присел к нему. Отшлифованный разными посудами, книгами и тетрадками семерых детей, шерстью при валянии валенок, сейчас показался низеньким и узким. Стол и сейчас стоит в переднем углу под образами. Отношение к нему в семье было трепетное, во время еды за этим столом семья всегда сидела тихо, кушали молча, не торопясь, за порядком следили отец и мать.

Владислав с улыбкой в лице подумал: «Как семь человек рассаживались за этим столом?». Хотя вся семья вместе редко сидела за обедом, всегда кто-то отсутствовал – или в школе, или в колхозе.

На матице висит железное кольцо. Раньше при постройке дома такие кольца забивались сразу. Было задумано правильно, подсовывали в него трехметровый шест, на свободный конец навешивали зыбку-люльку и качали младенцев. Владислав тоже вырос в такой колыбели.

На полке – книги. Учебники, повести и рассказы чувашских писателей, сказки. Помнит он, как отец покупал их в Нуросском магазине.

Напротив печки стоит длинная лавка от стены до стены. Дед Мирон называл её бабьей. Лавка предназначалась для женщин, сидя на ней, они пряли, вязали и вышивали разные узоры. Другая лавка стояла в кухонном закутке, на ней ведра с водой, чугушки, горшки и разная домашняя утварь.

Раньше сени казались большими, теперь смотрятся узкими, неудобными. Тогда дома были однотипными, в них не видно было широкой души хозяина.

В углу лежали кипы разных газет, книжек. Долго Владислав рылся в этих бумажках. Тут подшивки газет «Правда», «Знамя коммунизма». Учебники, исписанные школьные тетради, квитанции, извещения, выцветшие старые письма.

Вдруг какая-то дрожь охватила его, сердце сжал страх, ноги стали ватными. Показалось, вот-вот откроется дверь и войдет дед Мирон. Он всегда входил в избу шумно. В сенях несколько раз стучал ногами по ступенькам, крихтя, очищал веником валенки от снега и только тогда открывал входную дверь. Перед ним по полу кувыркались морозные воздушные баранчики, за ними заходил и он. Барашки не успевали доползти до стола, растворялись в теплом домашнем воздухе.

– Где вы, мои соколики? – спрашивал он. – Не болеете?

– Мы тут! – отвечали дети хором. – Не хвораем!

Дети не были ему в тягость. После пенсии он с пустыми руками домой не приходил, в кармане лежали дешёвые сладости и семечки – каждому хватало. Все радовались, много ли нужно человеку? Вместе с ними доволен был и дед.

О многом рассказывал Владику дед Мирон. Жители трёх деревень всю жизнь трудились на земле. На глазах менялись люди и преображались деревни Услаба, Кивьял и Хумуш. В этом есть доля заслуги Савара Леонтьева, Федота, Платона, Лазаря, Сергея Саваровых, Георгия Алексева, Захара Узякова, Григория Харитонова, Любы Поляковой. Они стояли у истоков этой власти, честно и беззаветно служили родному народу.

Мать часто вспоминала, как молодой учитель Хумушской школы из деревни Мачамуш Илья Прокопьев стал партийным руководителем района и республики. Владислав с гордостью слушал, как по радио на всю страну передали о вводе в эксплуатацию главного сварочного цеха и о начале серийного производства промышленных тракторов. Вскоре загудели, заиграли провода Чебоксарской ГЭС. С перекрытием русла реки Волга вся старая часть города Шубашкар оказалась под водой, и появился всеми любимый залив. Город изменился до неузнаваемости.

На стене фотокарточки отца и матери. Какие они разные, но вместе вырастили семерых детей. Отец довольствовался малым, а матери хотелось большего. Он мог жить в шалаше, а мать мечтала иметь большой дом со всеми дворовыми постройками. Так и жили милиционер Кури Алексеев и его жена Василиса.

Помнит Владислав, как родители и сестры Галя и Альбина приезжали на Север на его свадьбу. Долго разговаривали. Летнее солнце там не садится, пару часов погуляет на горизонте и вновь поднимается. Мать с отцом изрядно удивились, что уже два часа ночи, а во дворе светло как днем, это время называется белыми ночами. С тех пор минуло пятнадцать лет.

Вдруг Владиславу захотелось побывать на берегу реки Хирлеп. Перемахнул переулок Турхана, и вот – с детства знакомая река. Течёт тихо, её воды, впадая в Цивиль, исчезают в бурном течении. Так и в жизни: живёт человек и тихо исчезает, только небольшая могилка остается после него.

Теперь река мелкая, перешагнул – и на той стороне. Двадцать пять лет назад была широкая, полноводная, на ней работала и обеспечивала электроэнергией фермы и мехмастерскую местная гидроэлектростанция, которую со временем разобрали. Весной во время ледохода прорвало дамбу, никто не подумал её восстанавливать. Зачем? Ведь колхоз давно перестал возделывать коноплю, замачивать кору липы.

На берегу реки Владислав скинул туфли, спустился вниз, залез в воду. Теплая. Но на дне ил до колен.

Вспомнил детство, жизнь на Севере, где окончил вечернюю среднюю школу, женился. Детские шалости и деревенская жизнь остались позади. Потом институт. Днем на стройке, по вечерам лекции, семинары. зачеты и экзамены. Всё свободное время сидел за чертежами, надо было сдавать курсовые проекты, потом защита диплома. Шесть лет ни сна, ни отдыха.

Работал каменщиком, мастером на стройке, секретарем партийного комитета, инструктором строительного отдела обкома партии, теперь главный инженер областного дорожного объединения.

Не нравится ему нынешняя обстановка в стране. Старики-правители один за другим ушли из жизни. Так сказать,

прошумела «эпоха великих похорон». Пришел молодой, дерзкий и началось... Везде перестройка: ускорение, обновление, новое мышление. омоложение кадров! Что это такое, пока никто до конца не понимает. Куда зовут? По какому плану жить, по какой-то такой программе строить – не говорят. Одни пустые обещания, громкие лозунги и бессмысленные призывы – слова, слова, слова.

А в деревне Хумуш, Услаба и Кивьял после дождя без трактора и не сунешься – не думают асфальтировать дороги на улицах.

В родной стороне перестали выращивать хмель. В южных областях начали вырубать виноградники... Эх, страдалица земля – своя и чужая!

На дворе стоял май 1985 года...

ОБ АВТОРЕ

Станислав Отрыванов – инженер-строитель. много лет трудился на Севере, в настоящее время проживает в городе Чебоксары. Родился на Чувашской земле, здесь сформировался его характер. пробудилась склонность к творческой деятельности.

Живя далеко от отчего края, он оставался неравнодушным к судьбам своих земляков, ибо большинство событий, происходивших в стране, непосредственным образом затрагивали их. Возникло желание написать книги о времени и людях. Так, одно за другим появились произведения на историко-краеведческие темы: «Савар», «Ярмушка», «Калининская средняя общеобразовательная школа», «Край Норусовский», «Тучи над рекой Хирлеп», «Приговорен на гибель», где прослеживается пятисотлетняя история становления и развития поселений Норусовского края.

Затем появился роман в двух книгах «Чужие на своей земле», на страницах которого описаны события начального периода становления советской власти, тяжелых дней Великой Отечественной войны и послевоенного времени. Перед читателем раскрываются характеры героев, перенесших неслыханные лишения, утраты, нищету, принудительную коллективизацию и репрессии, а затем преодолевших военные и послевоенные трудности сельской жизни.

В основу повествования легли архивные документы, реальные факты, события и воспоминания тех, кому суждено было пройти адские круги унижений, изгнание с земли предков и отправку на чужбину. По-разному сложилась жизнь у героев, но они всегда оставались преданными Родине.

С. Отрыванов – известный краевед, академик Чувашской народной академии наук и искусств, лауреат литературных премий имени поэта Ивана Ивника и прозаика Алексея Талвира. За трудовые заслуги награжден медалями Союза ССР: «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие», юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

СОДЕРЖАНИЕ

Война

6

Возрождение

166

Застойные времена

320

Об авторе

498

Отрыванов Станислав Гурьевич

ЧУЖИЕ НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

Роман в двух книгах
Книга вторая

Редактор *П. К. Андреев*
Компьютерный набор *Л. И. Отрывановой*
Компьютерная верстка *А. Р. Андреевой*
Дизайн обложки *С. Ю. Ювенальева* ●

Подписано в печать 15.05.2015.
Формат 84x108. 16 Бумага офсетная Печать оперативная.
Гарнитура Times New Roman
Тираж 500 экз. Физ. печ. л. 32. Заказ № 74.

Отпечатано в типографии ИП Филимонова В В
428022, г. Чебоксары, пр. Машиностроителей, 11.
Тел.: (8352) 22-27-68

